

ЛОМБРОЗО

Чезаре

Чезаре
ЛОМБРОЗО

- ◆ ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕШАТЕЛЬСТВО
- ◆ ЖЕНЩИНА ПРЕСТУПНИЦА
ИЛИ ПРОСТИТУТКА
- ◆ ЛЮБОВЬ У ПОМЕШАННЫХ

Чезаре ЛОМБРОЗО

ПОЛУРРИ
Минск 2000

УДК 616.89
ББК 56.14
Л74

Художник обложки *М. В. Драко*

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей этой книги или любой её части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Ломброзо Ч.

Л74 **Гениальность и помешательство; Женщина преступница и проститутка; Любовь у помешанных: Сборник/Пер. с ит.; Худ. обл. М. В. Драко.— Мн.: ООО «Попурри», 2000.— 576 с.**

ISBN 985-438-163-3.

Судебный психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо (1835—1909) известен как родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве. Произведения, включенные в настоящий сборник, дают возможность широкому кругу заинтересованных читателей самостоятельно оценить по первоисточникам различные аспекты так называемого ломброзианства.

**УДК 616.89
ББК 56.14**

ISBN 985-438-163-3

© Составление, оформление.
ООО «Попурри», 1997

**ГЕНИАЛЬНОСТЬ
И
ПОМЕЩАТЕЛЬСТВО**

**ПАРАЛЛЕЛЬ
МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ЛЮДЬМИ И ПОМЕШАННЫМИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Когда, много лет тому назад, находясь как бы под влиянием экстаза (*raptus*), во время которого мне точно в зеркале с полной очевидностью представлялись соотношения между гениальностью и помешательством, я в 12 дней написал первые главы этой книги*. Признаюсь, даже мне самому не было ясно, к каким серьезным практическим выводам может привести созданная мною теория. Я не ожидал, что она даст ключ к уразумению таинственной сущности гения и к объяснению тех странных религиозных маний, которые являлись *иногда ядром великих исторических событий*, что она поможет установить новую точку зрения для оценки художественного творчества гениев путем сравнения произведений их в области искусства и литературы с такими же произведениями помешанных и, наконец, что она окажет громадные услуги судебной медицине.

В таком важном практическом значении новой теории убедили меня мало-помалу как документальные работы Адриани, Паоли, Фриджеро, Максима Дюкана, Рива и Верга относительно развития артистических дарований у помешанных, так и громкие процессы последнего времени — Манжione, Пассананте, Лазаретти, Гито, доказавшие всем, что мания писательства не есть только своего рода психиатрический курьез, но прямо особая форма душевной болезни и что одержимые ею субъекты, по-видимому, совершенно нормальные, являются тем более опасными членами общества, что сразу в них трудно заметить психическое расстройство, а между тем они бывают способны на край-

* Гениальность и помешательство. Введение к курсу психиатрической клиники, прочитанному в Павианском университете. Милан, 1863.

ний фанатизм и, подобно религиозным маньякам, могут вызывать даже исторические перевороты в жизни народов. Вот почему заняться вновь рассмотрением прежней темы на основании новейших данных и в более широком объеме показалось мне делом чрезвычайно полезным. Не скрою, что я считаю его даже и смелым, ввиду того ожесточения, с каким риторы науки и политики, с легкостью газетных борзописцев и в интересах той или другой партии, стараются осмеять людей, доказывающих вопреки бредням метафизиков, но с научными данными в руках полную невменяемость, вследствие душевной болезни, некоторых из так называемых “преступников” и психическое расстройство многих лиц, считавшихся до сих пор, по общепринятому мнению, совершенно здравомыслящими.

На язвительные насмешки и мелочные придирки наших противников мы, по примеру того оригинала, который для убеждения людей, отрицавших движение, двигался в их присутствии, ответим лишь тем, что будем собирать новые факты и новые доказательства в пользу нашей теории. Что может быть убедительнее фактов и кто станет отрицать их? Разве одни только невежды, но торжеству их скоро наступит конец.

Проф. Ч. Ломброзо

Турин, 1 января 1882 г.

I

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В высшей степени печальна наша обязанность — с помощью неумолимого анализа разрушать и уничтожать одну за другой те светлые, радужные иллюзии, которыми обманывает и возвеличивает себя человек в своем высокомерном ничтожестве; тем более печальна, что взамен этих приятных заблуждений, этих кумиров, так долго служивших предметом обожания, мы ничего не можем предложить ему, кроме холодной улыбки сострадания. Но служитель истины должен неизбежным образом подчиняться ее законам. Так, в силу роковой необходимости он приходит к убеждению, что любовь есть, в сущности, не что иное, как взаимное влечение тычинок и пестиков... а мысли — простое движение молекул. Даже гениальность — эта единственная державная власть, принадлежащая человеку, пред которой не краснея можно преклонить колена, — даже ее многие психиатры поставили на одном уровне с наклонностью к преступлениям, даже в ней они видят только одну из тератологических (уродливых) форм человеческого ума, одну из разновидностей сумасшествия. И заметьте, что подобную профанацию, подобное кощунство позволяют себе не одни лишь врачи и не исключительно только в наше скептическое время.

Еще Аристотель, этот великий родоначальник и учитель всех философов, заметил, что под влиянием приливов крови к голове “многие индивидуумы делаются поэтами, пророками или прорицателями и что Марк Сиракузский писал довольно хорошие стихи, пока был маньяком, но, выздоровев, совершенно утратил эту способность”.

Он же говорит в другом месте: “Замечено, что знаменитые поэты, политики и художники были частью меланхо-

лики и помешанные, частью — мизантропы, как Беллерофонт. Даже и в настоящее время мы видим то же самое в Сократе, Эмпедокле, Платоне и других, и всего сильнее в поэтах. Люди с холодной, избыточной кровью (букв. желчь) бывают робки и ограничены, а люди с горячей кровью — подвижны, остроумны и болтливы”.

Платон утверждает, что “бред совсем не есть болезнь, а, напротив, величайшее из благ, даруемых нам богами; под влиянием бреда дельфийские и додонские прорицательницы оказали тысячи услуг гражданам Греции, тогда как в обыкновенном состоянии они приносили мало пользы или же совсем оказывались бесполезными. Много раз случилось, что когда боги посылали народам эпидемии, то кто-нибудь из смертных впадал в священный бред и, делаясь под влиянием его пророком, указывал лекарство против этих болезней. Особый род бреда, возбуждаемого музами, вызывает в простой и непорочной душе человека способность выражать в прекрасной поэтической форме подвиги героев, что содействует просвещению будущих поколений”.

Демокрит даже прямо говорил, что не считает истинным поэтом человека, находящегося в здравом уме. *Excludit sanos, Helicone poetas.*

Вследствие подобных взглядов на безумие древние народы относились к помешанным с большим почтением, считая их вдохновленными свыше, что подтверждается, кроме исторических фактов, еще и тем, что слова *mania* — по-гречески, *navi* и *mesugan* — по-еврейски, а *nigrata* — по-санскритски означают и сумасшествие, и пророчество.

Феликс Платер утверждает, что знал многих людей, которые, отличаясь замечательным талантом в разных искусствах, в то же время были помешанными. Помешательство их выражалось нелепой страстью к похвалам, а также странными и неприличными поступками. Между прочим, Платер встретил при дворе пользовавшихся большой славой архитектора, скульптора и музыканта, несомненно сумасшедших. Еще более выдающиеся факты собраны Ф. Газони в Италии, в “Больнице для неизлечимых душевнобольных”. Сочинение его переведено (на итальян-

ский язык) Лонгоалем в 1620 году. Из более близких к нам писателей Паскаль постоянно говорил, что величайшая гениальность граничит с полнейшим сумасшествием, и впоследствии доказал это на собственном примере. То же самое подтвердил и Гекарт (Hecart) относительно своих товарищей, ученых и в то же время помешанных, подобно ему самому. Наблюдения свои он издал в 1823 году под названием: “*Стултициана, или Краткая библиография сумасшедших, находящихся в Валенсьене, составленная помешанным*”. Тем же предметом занимались Дельньер, страстный библиограф, в своей интересной “*Histoire littéraire des fous*”, 1860 года, Форг — в прекрасном очерке, помещенном в *Revue de Paris*, 1826 года, и неизвестный автор в “Очерках Бедлама” (*Sketches in Bedlam*. Лондон, 1873).

За последнее время Лелю — в *Démon de Socrate*, 1856 года, и в *Amulet de Pascal*, 1846 года, Верга — в *Lipemania del Tasso*, 1850 года, и Ломброзо в *Pazzia di Cardano*, 1856 года, доказали, что многие гениальные люди, например Свифт, Лютер, Кардано, Бругам и другие, страдали умопомешательством, галлюцинациями или были мономанами в продолжение долгого времени. Моро, с особенной любовью останавливающийся на фактах наименее правдоподобных, в своем последнем сочинении *Psychologia morbide* и Шиллинг в своих *Psychiatrische Briefe*, 1863 года, пытались доказать при помощи тщательных, хотя и не всегда строго научных исследований, что гений есть, во всяком случае, нечто вроде нервной ненормальности, нередко переходящей в настоящее сумасшествие. Подобные же выводы, приблизительно, сделаны Гагеном в его статье “О родстве между гениальностью и безумием” (*Veber die Verwandtschaft Genies und Irresein*, Berlin. 1877) и отчасти также Юргеном Мейером (*Jurgen Meyer*) в его прекрасной монографии “Гений и талант”. Оба эти ученые, пытавшиеся более точно установить физиологию гения, пришли путем самого тщательного анализа фактов к тем же заключениям, какие высказал более ста лет тому назад, скорее на основании опыта, чем строгих наблюдений, один итальянский

иезуит, Беттинелли, в своей, теперь уже совершенно забытой, книге *Dell'entusiasmo nelle belle arti*. Милан, 1769.

II

СХОДСТВО ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ С ПОМЕШАННЫМИ В ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

Как ни жесток и печален такого рода парадокс, но, рассматривая его с научной точки зрения, мы найдем, что в некоторых отношениях он вполне основателен, хотя с первого взгляда и кажется нелепым.

Многие из великих мыслителей подвержены, подобно помешанным, судорожным сокращениям мускулов и отличаются резкими, так называемыми “хореическими”, телодвижениями. Так, о Ленау и Монтескье рассказывают, что на полу у столов, где они занимались, можно было заметить углубления от постоянного подергивания их ног. Бюффон, погруженный в свои размышления, забрался однажды на колокольню и спустился оттуда по веревке совершенно бессознательно, как будто в припадке сомнамбулизма. Сантейль, Кребилльон, Ломбардини имели странную мимику, похожую на гримасы. Наполеон страдал постоянным подергиванием правого плеча и губ, а во время припадков гнева — также и икр. “Я, вероятно, был очень рассержен, — сознавался он сам однажды после горячего спора с Лоу, — потому что чувствовал дрожание моих икр, чего со мной давно уже не случалось”. Петр Великий был подвержен подергиваниям лицевых мускулов, ужасно искажавших его лицо.

“Лицо Кардуччи, — говорит Мантегацца, — по временам напоминает собою ураган: из глаз его сыплются молнии, а дрожание мускулов походит на землетрясение”.

Ампер не мог иначе говорить, как ходя и шевеля всеми членами. Известно, что обычный состав мочи и в особенности содержание в ней мочевины заметно изменяется после

маниакальных приступов. То же самое замечается и после усиленных умственных занятий. Уже много лет тому назад Гольдинг Берд сделал наблюдение, что у одного английского проповедника, всю неделю проводившего в праздности и только по воскресеньям с большим жаром произносившего проповеди, именно в этот день значительно увеличивалось в моче содержание фосфорнокислых солей, тогда как в другие дни оно было крайне ничтожно. Впоследствии Смит многими наблюдениями подтвердил тот факт, что при всяком умственном напряжении увеличивается количество мочевины в моче, и в этом отношении аналогия между гениальностью и сумасшествием представляется несомненной.

На основании такого ненормального изобилия мочевины или, скорее, на основании этого нового подтверждения закона о равновесии между силой и материей, управляющего всем миром живых существ, можно вывести еще и другие, более изумительные аналогии: например, седина и облысение, худоба тела, а также плохая мускульная и половая деятельность, свойственные всем помешанным, очень часто встречаются и у великих мыслителей. Цезарь боялся бледных и худых Кассиев. Д'Аламбер, Фенелон, Наполеон были в молодости худы как скелеты. О Вольтере Сегюр пишет: "Худоба доказывает, как много он работает; изможденное и согбенное тело его служит только легкой, почти прозрачной оболочкой, сквозь которую как будто видишь душу и гений этого человека".

Бледность всегда считалась принадлежностью и даже украшением великих людей. Кроме того, мыслителям наравне с помешанными свойственны: постоянное переполнение мозга кровью (гиперемия), сильный жар в голове и охлаждение конечностей, склонность к острым болезням мозга и слабая чувствительность к голоду и холоду.

О гениальных людях, точно так же, как и о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьи и члена общества. Микеланджело постоянно твердил, что его искусство заменяет ему жену. Гёте, Гейне, Байрон,

Челлини, Наполеон, Ньютон хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали еще нечто худшее.

Нередки случаи, когда вследствие тех же причин, которые так часто вызывают сумасшествие, т.е. вследствие болезней и повреждений головы, самые обыкновенные люди превращаются в гениальных. Вико в детстве упал с высочайшей лестницы и раздробил себе правую теменную кость. Гратри, вначале плохой певец, сделался знаменитым артистом после сильного ушиба головы бревном. Мабильон, смолоду совершенно слабоумный, достиг известности своими талантами, которые развились в нем вследствие полученной им раны в голову. Галль, сообщивший этот факт, знал одного датчанина-полуидиота, умственные способности которого сделались блестящими после того, как он, 13 лет, свалился с лестницы головою вниз*. Несколько лет тому назад один кретин из Савойи, укушенный бешеной собакой, сделался совершенно разумным человеком в последние дни своей жизни. Доктор Галле знал ограниченных людей, умственные способности которых необыкновенно развились вследствие болезней мозга (*midollo*).

“Очень может быть, что моя болезнь (болезнь спинного мозга) придала моим последним произведениям какой-то ненормальный оттенок”, — говорит с удивительной прозорливостью Гейне в одном из своих писем. Нужно, впрочем, прибавить, что болезнь отразилась таким образом не только на его последних произведениях, и он сам сознавал это. Еще за несколько месяцев до усиления своей болезни Гейне писал о себе (*Correspondance inédite. Paris, 1877*): “Мое умственное возбуждение есть скорее результат болезни, чем гениальности — чтоб хотя немного утишить мои страдания, я сочинял стихи. В эти ужасные ночи, обезумев

* Покойный митрополит Московский Макарий, отличавшийся замечательно светлым умом, был до того болезненным и тупым ребенком, что совершенно не мог учиться. Но в семинарии кто-то из товарищей, во время игры, прошиб ему голову камнем, и после того способности Макария сделались блестящими, а здоровье совершенно поправилось.

от боли, бедная голова моя мечется из стороны в сторону и заставляет звенеть с жестокой веселостью бубенчики изношенного дурацкого колпака”.

Биша и фон дер Кольт заметили, что у людей с искривленной шеей ум бывает живее, чем у людей обыкновенных. У Конолли был один больной, умственные способности которого возбуждались во время операций над ним, и несколько таких больных, которые проявляли особенную даровитость в первые периоды чахотки и подагры. Всем известно, каким остроумием и хитростью отличаются горбатые; Рокитанский пытался даже объяснить это тем, что у них аорта, дав сосуды, идущие к голове, делает изгиб, вследствие чего является расширение объема сердца и увеличение артериального давления в черепе.

Этой зависимостью гения от патологических изменений отчасти можно объяснить любопытную особенность гениальности по сравнению с талантом, в том отношении, что она является чем-то бессознательным и проявляется совершенно неожиданно.

Юрген Мейер говорит, что талантливый человек действует строго обдуманно; он знает, как и почему он пришел к известной теории, тогда как гению это совершенно неизвестно: всякая творческая деятельность бессознательна.

Гайдн приписывал таинственному дару, ниспосланному свыше, создание своей знаменитой оратории “Сотворение мира”. “Когда работа моя плохо подвигалась вперед, — говорил он, — я, с четками в руках, удалялся в молельню, прочитывал Богородицу — и вдохновение снова возвращалось ко мне”.

Итальянская поэтесса Милли во время создания, почти невольного, своих чудных стихотворений волнуется, кричит, поет, бежит взад и вперед и как будто находится в припадке эпилепсии.

Те из гениальных людей, которые наблюдали за собою, говорят, что под влиянием вдохновения они испытывают какое-то невыразимо-приятное лихорадочное состояние, во время которого мысли невольно рождаются в их уме и брызжут сами собою, точно искры из горящей головни.

Это прекрасно выразил Данте в следующих трех строках:

... I mi son un che, quando
Amore spira, noto ed in quel modo
Che detta dento vo significando.

(Вдохновляемый любовью, я говорю то,
что она подсказывает мне.)

Наполеон говорил, что исход битв зависит от одного мгновения, от одной мысли, временно остававшейся бездейственной; при наступлении благоприятного момента она вспыхивает, подобно искре, и в результате является победа (Моро).

Бауэр говорит, что лучшие стихотворения Ку были продиктованы им в состоянии, близком к умопомешательству. В те минуты, когда с уст его слетали эти чудные строфы, он был не способен рассуждать даже о самых простых вещах.

Фосколо сознается в своем *Epistolario*, лучшем произведении этого великого ума, что творческая способность писателя обуславливается особым родом умственного возбуждения (лихорадки), которое *нельзя вызвать по своему произволу*.

“Я пишу свои письма, — говорит он, — не для отечества и не ради славы, но для того внутреннего наслаждения, какое доставляет нам упражнение наших способностей”.

Беттинелли называет поэтическое творчество сном с открытыми глазами, без потери сознания, и это, пожалуй, справедливо, так как многие поэты диктовали свои стихи в состоянии, похожем на сон.

Гёте тоже говорит, что для поэта необходимо известное мозговое раздражение и что он сам сочинял многие из своих песен, находясь как бы в припадке сомнамбулизма.

Клопшток сознается, что, когда он писал свою поэму, вдохновение часто являлось к нему во время сна.

Во сне Вольтер задумал одну из песен Генриады, Сардини — теорию игры на флажолете, а Секендорф — свою прелестную песню о Фантазии. Ньютон и Кардано во сне разрешали математические задачи.

Муратори во сне составил пентаметр на латинском языке много лет спустя после того, как перестал писать стихи. Говорят, что во время сна Лафонтен сочинил басню “Два голубя”, а Кондильяк закончил лекцию, начатую накануне.

“Кубла” Кольриджа и “Фантазия” Гольде были сочинены во сне.

Моцарт сознавался, что музыкальные идеи являются у него невольно, подобно сновидениям, а Гофман часто говорил своим друзьям: “Я работаю, сидя за фортепьяно с закрытыми глазами, и воспроизвожу то, что подсказывает мне кто-то со стороны”.

Лагранж замечал у себя неправильное биение пульса, когда писал, у Альфьери же в это время темнело в глазах.

Ламартин часто говорил: “Не я сам думаю, но мои мысли думают за меня”.

Альфьери, называвший себя барометром — до такой степени изменялись его творческие способности смотря по времени года, — с наступлением сентября *не мог* противиться овладевавшему им *невольному побуждению*, до того сильному, что он должен был уступить и написал шесть комедий. На одном из своих сонетов он собственноручно сделал такую надпись: “Случайный. Я не хотел его писать”. Это преобладание бессознательного в творчестве гениальных людей замечено было еще в древности.

Сократ первый указал на то, что поэты создают свои произведения не вследствие старания или искусства, но благодаря некоторому природному инстинкту. Таким же образом прорицатели говорят прекрасные вещи, совершенно не сознавая этого.

“Все гениальные произведения, — говорит Вольтер в письме к Дидро, — созданы инстинктивно. Философы целого мира вместе не могли бы написать Армиды Кино или басни “Мор зверей”, которую Лафонтен диктовал, даже не зная хорошенько, что из нее выйдет. Корнель написал трагедию “Гораций” так же инстинктивно, как птица вьет гнездо”.

Таким образом, величайшие идеи мыслителей, подготовленные, так сказать, уже полученными впечатлениями

и в высшей степени чувствительной организацией субъекта, рождаются внезапно и развиваются настолько же бессознательно, как и необдуманные поступки помешанных. Этой же бессознательностью объясняется непоколебимость убеждений в людях, усвоивших себе фанатически известные убеждения. Но как только прошел момент экстаза, возбуждения, гений превращается в обыкновенного человека или падает еще ниже, так как отсутствие равномерности (равновесия) есть один из признаков гениальной природы. Дизраэли отлично выразил это, когда сказал, что у лучших английских поэтов, Шекспира и Драйдена, можно встретить и самые плохие стихи. О живописце Тинторетто говорили, что он бывает то выше Карраччи, то ниже Тинторетто.

Овидио вполне правильно объясняет неодинаковость слога Тассо его же собственным признанием, что, когда исчезало вдохновение, он путался в своих сочинениях, не узнавал их и не в состоянии был оценить их достоинства.

Не подлежит никакому сомнению, что между помешанным во время припадка и гениальным человеком, обдумывающим и создающим свое произведение, существует полнейшее сходство.

Припомните латинскую пословицу: “Aut insanit homo, aut versus fecit” (“Или безумец, или стихоплет”).

Вот как описывает состояние Тассо врач Ревелье-Парат:

“Пульс слабый и неровный, кожа бледная, холодная, голова горячая, воспаленная, глаза блестящие, налитые кровью, беспокойные, бегающие по сторонам. По окончании периода творчества часто сам автор не понимает того, что он минуту тому назад излагал”.

Марини, когда писал *Adone*, не заметил, что сильно обжег ногу. Тассо в период творчества казался совершенно помешанным. Кроме того, обдумывая что-нибудь, многие искусственно вызывают прилив крови к мозгу, как, например, Шиллер, ставивший ноги в лед, Питт и Фокс, готовившие свои речи после неумеренного употребления портера, и Паизиелло, сочинявший не иначе как укрывшись множеством одеял. Мильтон и Декарт опрокидывались головою на диван, Боссюэ удалялся в холодную комнату и

клал себе на голову теплые припарки; Куйас (Cujás) работал лежа вниз лицом на ковре. О Лейбнице сложилась поговорка, что он мыслил только в горизонтальном положении — до такой степени оно было необходимо ему для умственной деятельности. Мильтон сочинял запрокинув голову назад, на подушку, а Тома (Thomas) и Россини — лежа в постели; Руссо обдумывал свои произведения под ярким полуденным солнцем с открытой головой.

Очевидно, все они инстинктивно употребляли такие средства, которые временно усиливают прилив крови к голове в ущерб остальным членам тела. Здесь кстати упомянуть о том, что многие из даровитых и в особенности гениальных людей злоупотребляли спиртными напитками. Не говоря уже об Александре Великом, который под влиянием опьянения убил своего лучшего друга и умер после того, как десять раз осушил кубок Геркулеса, — самого Цезаря солдаты часто приносили домой на своих плечах. Сократ, Сенека, Алкивиад, Катон, а в особенности Септимий Север и Махмуд II до такой степени отличались невоздержанностью, что все умерли от пьянства вследствие белой горячки. Запоем страдали также Коннетабль Бурбонский, Авиценна, о котором говорят, что он посвятил вторую половину своей жизни на то, чтобы доказать всю бесполезность научных сведений, приобретенных им в первую половину, и многие живописцы, например Карраччи, Стен (Steen), Барбателли, и целая плеяда поэтов — Мюрже, Жерар де Нерваль, Мюссе, Клейст, Майлат и во главе их Тассо, писавший в одном из своих писем: “Я не отрицаю, что я безумец; но мне приятно думать, что мое безумие произошло от пьянства и любви, потому что я действительно пью много”.

Немало пьяниц встречается и в числе великих музыкантов, например Дюссек, Гендель и Глюк, говоривший, что “он считает вполне справедливым любить золото, вино и славу, потому что первое дает ему средство иметь второе, которое, вдохновляя, доставляет ему славу”. Впрочем, кроме вина, он любил также водку и наконец опился ею.

Замечено, что почти все великие создания мыслителей получают окончательную форму или по крайней мере вы-

ясняются под влиянием какого-нибудь специального ощущения, которое играет здесь, так сказать, роль капли солевой воды в хорошо устроенном вольтовом столбе. Факты доказывают, что все великие открытия были сделаны под влиянием органов чувств, как это подтверждает и Молешотт. Несколько лягушек, из которых предполагалось приготовить целебный отвар для жены Гальвани, послужили к открытию гальванизма. Изохронические (одновременные) качания люстры и падение яблока натолкнули Ньютона и Галилея на создание великих систем. Альфьери сочинял и обдумывал свои трагедии, слушая музыку. Моцарт при виде апельсина вспомнил народную неаполитанскую песенку, которую слышал пять лет тому назад, и тотчас же написал знаменитую кантату к опере *“Дон Жуан”*. Взглянув на какого-то носильщика, Леонардо задумал своего Иуду, а Торвальдсен нашел подходящую позу для сидящего ангела при виде кривляний своего натурщика. Вдохновение впервые осенило Сальваторе Розу в то время, когда он любовался видом Позилино, а Хогарт нашел типы для своих карикатур в таверне, после того как один пьяница разбил там ему нос в драке. Мильтону, Бэкону, Леонардо и Варбуртону необходимо было слышать звон колоколов, для того чтобы приняться за работу; Бурдалу, перед тем как диктовать свои бессмертные проповеди, всегда наигрывал на скрипке какую-нибудь арию. Чтение одной оды Спенсера возбудило в Коулее склонность к поэзии, а книга Сакробозе заставила Гаммада пристраститься к астрономии. Рассматривая рака, Уатт напал на мысль об устройстве чрезвычайно полезной в промышленности машины, а Гиббон задумал писать историю Греции после того, как увидел развалины Капитолия*.

Но ведь точно так же известные ощущения вызывают помешательство или служат исходной точкой его, являясь иногда причиной самых страшных припадков бешенства. Так, например, кормилица Гумбольдта сознавалась, что вид

* Гёте создал свою теорию развития черепа по общему типу спинных позвонков во время прогулки, когда, толкнув ногою валявшийся на дороге череп овцы, увидел, что он разделился на три части.

свежего, нежного тела ее питомца возбуждал в ней неудержимое желание зарезать его. А сколько людей были вовлечены в убийство, поджог или разрывание могил при виде топора, пылающего костра и трупа!

Следует еще прибавить, что вдохновение, экстаз всегда переходят в настоящие галлюцинации, потому что человек видит тогда предметы, существующие лишь в его воображении. Так, Гросси рассказывал, что однажды ночью, после того как он долго трудился над описанием появления призрака Прина, он увидел этот призрак перед собою и должен был зажечь свечу, чтобы избавиться от него. Балль рассказывает о сыне (successore) Рейнолдса, что он мог делать до 300 портретов в год, так как ему было достаточно посмотреть на кого-нибудь в продолжение получаса, пока он набрасывал эскиз, чтобы потом уже это лицо постоянно было перед ним, как живое. Живописец Мартини всегда видел перед собою картины, которые писал, так что однажды, когда кто-то встал между ним и тем местом, где представлялось ему изображение, он попросил этого человека посторониться, потому что для него невозможно было продолжать копирование, пока существовавший лишь в его воображении оригинал был закрыт. Лютер слышал от сатаны аргументы, которых раньше не мог придумать сам.

Если мы обратимся теперь к решению вопроса — в чем именно состоит физиологическое отличие гениального человека от обыкновенного, то, на основании автобиографий и наблюдений, найдем, что по большей части вся разница между ними заключается в утонченной и почти болезненной впечатлительности первого. Дикарь или идот малочувствительны к физическим страданиям, страсти их немногочисленны, из ощущений же воспринимаются ими лишь те, которые непосредственно касаются их в смысле удовлетворения жизненных потребностей. По мере развития умственных способностей впечатлительность растет и достигает наибольшей силы в гениальных личностях, являясь источником их страданий и славы. Эти избранные природы более чувствительны в количественном и качественном отношении, чем простые смертные, а воспринимае-

мые ими впечатления отличаются глубиной, долго остаются в памяти и комбинируются различным образом. Мелочи, случайные обстоятельства, подробности, незаметные для обыкновенного человека, глубоко западают им в душу и перерабатываются на тысячу ладов, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называют творчеством, хотя это только бинарные и кватернарные комбинации ощущений.

Галлер писал о себе: “Что осталось у меня, кроме впечатлительности, этого могучего чувства, являющегося следствием темперамента, который живо воспринимает радости любви и чуда науки? Даже теперь я бываю тронут до слез, когда читаю описание какого-нибудь великодушного поступка. Свойственная мне чувствительность, конечно, и придает моим стихотворениям тот страстный тон, которого нет у других поэтов”.

“Природа не создала более чувствительной души, чем моя”, — писал о себе Дидро. В другом месте он говорит: “Увеличьте число чувствительных людей, и вы увеличите количество хороших и дурных поступков”. Когда Альфьери в первый раз услышал музыку, то был, по его словам, “поражен до такой степени, как будто яркое солнце ослепило мне зрение и слух; несколько дней после того я чувствовал необыкновенную грусть, не лишенную приятности; фантастические идеи толпились в моей голове, и я способен был писать стихи, если бы знал тогда, как это делается...” В заключение он говорит, что ничто не действует на душу так неотразимо могущественно, как музыка. Подобное же мнение высказывали Стерн, Руссо и Ж. Санд.

Корради доказывает, что все несчастья Леопарди и самая его философия были вызваны излишней чувствительностью и неудовлетворенной любовью, которую он в первый раз испытал на 18-м году. И действительно, философия Леопарди принимала более или менее мрачный оттенок, смотря по состоянию его здоровья, пока наконец грустное настроение не обратилось у него в привычку.

Урквициа падал в обморок, услышав запах розы.

Стерн, после Шекспира наиболее глубокий из поэтов-психологов, говорит в одном письме: “Читая биографии

наших древних героев, я плачу о них, как будто о живых людях... Вдохновение и впечатлительность — единственные орудия гения. Последняя вызывает в нас те восхитительные ощущения, которые придают большую силу радости и вызывают слезы умиления”.

Известно, в каком рабском подчинении находились Альфьери и Фосколо у женщин, не всегда достойных такого обожания. Красота и любовь Форнарины служили для Рафаэля источником вдохновения не только в живописи, но и в поэзии. Несколько его эротических стихотворений до сих пор еще не утратили своей прелести.

А как рано проявляются страсти у гениальных людей! Данте и Альфьери были влюблены в 9 лет, Руссо — 11, Каррон и Байрон — 8. С последним уже на 16-м году сделались судороги, когда он узнал, что любимая им девушка выходит замуж. “Горе душило меня, — рассказывает он, — хотя половое влечение мне было еще незнакомо, но любовь я чувствовал до того страстную, что вряд ли и впоследствии испытал более сильное чувство”. На одном из представлений Кица с Байроном случился припадок конвульсий.

Лорби видел ученых, падавших в обморок от восторга при чтении сочинений Гомера.

Живописец Франчия (Francia) умер от восхищения, после того как увидел картину Рафаэля.

Ампер до такой степени живо чувствовал красоты природы, что едва не умер от счастья, очутившись на берегу Женевского озера. Найдя решение какой-то задачи, Ньютон был до того потрясен, что не мог продолжать своих занятий. Гей-Люссак и Дэви после сделанного ими открытия начали в туфлях плясать по своему кабинету. Архимед, восхищенный решением задачи, в костюме Адама выбежал на улицу с криком: “*Эврика!*” (“Нашел!”) Вообще, сильные умы обладают и сильными страстями, которые придают особенную живость всем их идеям; если у некоторых из них многие страсти и бледнеют, как бы замирают со временем, то это лишь потому, что мало-помалу их заглушает преобладающая страсть к славе или к науке.

Но именно эта слишком сильная впечатлительность гениальных или только даровитых людей является в громадном большинстве случаев причиною их несчастий, как действительных, так и воображаемых.

“Драгоценный и редкий дар, составляющий привилегию великих гениев, — пишет Мантегацца, — сопровождается, однако же, болезненной чувствительностью ко всем, даже самым мелким, внешним раздражениям: каждое дуновение ветерка, малейшее усиление жара или холода превращается для них в тот засохший розовый лепесток, который не давал заснуть несчастному сибариту”. Лафонтен, может быть, разумел самого себя, когда писал:

“Un souffle, une rien leur donne la fièvre”*.

Гений раздражается всем, и что для обыкновенных людей кажется просто булавочными уколами, то при его чувствительности уже представляется ему ударом кинжала.

Буало и Шатобриан не могли равнодушно слышать похвал кому бы то ни было, даже своему сапожнику.

Когда Фосколо разговаривал однажды с госпожой S., пишет Мантегацца, за которой сильно ухаживал, и та зло подсмеялась над ним, он пришел в такую ярость, что закричал: “Вам хочется убить меня, так я сейчас же у ваших ног размозжу себе череп”. С этими словами он со всего размаха бросился головою вниз на угол камина. Одному из стоявших вблизи удалось, однако же, удержать его за плечи и тем спасти ему жизнь.

Болезненная впечатлительность порождает также и непомерное тщеславие, которым отличаются не только люди гениальные, но и вообще ученые, начиная с древнейших времен; в этом отношении те и другие представляют большое сходство с мономаньяками, страдающими горделивым помешательством.

“Человек — самое тщеславное из животных, а поэты — самые тщеславные из людей”, — писал Гейне, подразумевая, конечно, и самого себя. В другом письме он говорит: “Не забывайте, что я — поэт и потому думаю, что каждый

* Малейшее дуновение ветра, ничтожное облачко, каждый пустак вызывает у них лихорадку.

должен бросить все свои дела и заняться чтением стихов”.

Менке рассказывает о Филельфо, как он воображал, что в целом мире даже в числе древних никто не знал лучше его латинский язык. Аббат Каньоли до того гордился своей поэмой о битве при Аквилее, что приходил в ярость, когда кто-нибудь из литераторов не раскланивался с ним. “Как, вы не знаете Каньоли?” — спрашивал он.

Поэт Люций не вставал с места при входе Юлия Цезаря в собрание поэтов, потому что считал себя выше его в искусстве стихосложения.

Ариосто, получив лавровый венок от Карла V, бежал точно сумасшедший по улицам. Знаменитый хирург Порта, присутствуя в Ломбардском институте при чтении медицинских сочинений, всячески старался выразить свое презрение и недовольство ими, каково бы ни было их достоинство, тогда как сочинения по математике или лингвистике он выслушивал спокойно и внимательно.

Шопенгауэр приходил в ярость и отказывался платить по счетам, если его фамилия была написана через два л.

Бартез потерял сон с отчаяния, когда при печатании его “Гения” (Génie) не был поставлен знак над *e*. Уайстон, по свидетельству Араго, не решался издать опровержение *ньютоновской хронологии* из боязни, как бы Ньютон не убил его.

Все, кому выпадало на долю редкое счастье жить в обществе гениальных людей, поражались их способностью перетолковывать в дурную сторону каждый поступок окружающих, видеть всюду преследования и во всем находить повод к глубокой, бесконечной меланхолии. Эта способность обуславливается именно более сильным развитием умственных сил, благодаря которым даровитый человек более способен находить истину и в то же время легче придумывает ложные доводы в подтверждение основательности своего мучительного заблуждения. Отчасти мрачный взгляд гениев на окружающее зависит, впрочем, и от того, что, являясь новаторами в умственной сфере, они с непоколебимой твердостью высказывают убеждения, не

сходные с общепринятым мнением, и тем отталкивают от себя большинство дюжинных людей.

Но все-таки главнейшую причину меланхолии и недовольства жизнью избранных натур составляет закон динамизма и равновесия, управляющий также и нервной системой, закон, по которому вслед за чрезмерной тратой или развитием силы является чрезмерный упадок той же самой силы, — закон, вследствие которого ни один из жалких смертных не может проявить известной силы без того, чтобы не поплатиться за это в другом отношении, и очень жестоко, наконец, тот закон, которым обуславливается неодинаковая степень совершенства их собственных произведений.

Меланхолия, уныние, застенчивость, эгоизм — вот жестокая расплата за высшие умственные дарования, которые они тратят, подобно тому как злоупотребления чувственными наслаждениями влекут за собою расстройство половой системы, бессилие и болезни спинного мозга, а неумеренность в пище сопровождается желудочными катарам.

После одного из тех экстазов, во время которых поэтесса Милли обнаруживает до того громадную силу творчества, что ее хватило бы на целую жизнь второстепенным итальянским поэтам, она впала в полупаралитическое состояние, продолжавшееся несколько дней. Магомет по окончании своих проповедей впадал в состояние полного отупения и однажды сам сказал Абу-Бекру, что толкование трех глав Корана довело его до одурения.

Гёте, сам холодный Гёте, сознавался, что его настроение бывает то чересчур веселым, то чересчур печальным.

Вообще, я не думаю, чтобы в целом мире нашелся хотя один великий человек, который, даже в минуты полного блаженства, не считал бы себя, без всякого повода, несчастным и гонимым или хотя временно не страдал бы мучительными припадками меланхолии.

Иногда чувствительность искажается и делается односторонней, сосредоточиваясь на одном каком-нибудь пункте. Несколько идей известного порядка и некоторые особенно излюбленные ощущения мало-помалу приобретают значе-

ние главного (специфического) стимула, действующего на мозг великих людей и даже на весь их организм.

Гейне, сам признававший себя неспособным понимать простые вещи, Гейне, разбитый параличом, слепой и находившийся уже при последнем издыхании, когда ему посоветовали обратиться к Богу, прервал хрипение агонии словами: *“Dieu me pardonnera — c’est son métier”*, закончив этой последней иронией свою жизнь, эстетически-циничнее которой не было в наше время. Об Аретино рассказывают, что последние слова его были: *“Guardatemi dai topi or che son unto”*.

Малерб, совсем уже умирающий, поправлял грамматические ошибки своей сиделки и отказался от напутствия духовника потому, что он нескладно говорил.

Богур (Baugours), специалист грамматики, умирая, сказал: *“Je vais ou je va mourir”* — “то и другое правильно”.

Сантени (Santenis) сошел с ума от радости, найдя эпитет, который тщетно приискивал долгое время. Фосколо говорил о себе: “Между тем как в одних вещах я в высшей степени понятлив, относительно других понимание у меня не только хуже, чем у всякого мужчины, но хуже, чем у женщины или у ребенка”.

Известно, что Корнель, Декарт, Виргилий, Аддисон, Лафонтен, Драйден, Манцони, Ньютон почти совершенно не умели говорить публично.

Пуассон говорил, что жить стоит лишь для того, чтобы заниматься математикой. Д’Аламбер и Менаж, спокойно переносившие самые мучительные операции, плакали от легких уколов критики. Лючио де Лансеваль смеялся, когда ему отрезали ногу, но не мог вынести резкой критики Жофруа.

Шестидесятилетний Линней, впавший в паралитическое и бессмысленное состояние после апоплексического удара, пробуждался от сонливости, когда его подносили к гербарью, который он прежде особенно любил.

Когда Ланьи лежал в глубоком обмороке и самые сильные средства не могли возбудить в нем сознания, кто-то вздумал спросить у него, сколько будет 12 в квадрате, и он тотчас же ответил: 144.

Себуя, арабский грамматик, умер с горя оттого, что с его мнением относительно какого-то грамматического правила не соглашался халиф Гарун аль-Рашид.

Следует еще заметить, что среди гениальных или скорее ученых людей часто встречаются те узкие специалисты, которых Вахдакоф (Wachdakoff) называет *монотипичными* субъектами; они всю жизнь занимаются одним каким-нибудь выводом, сначала занимающим их мозг и затем уже охватывающим его всецело: так, Бекман в продолжение целой жизни изучал патологию почек, Фреснер — луну, Мейер — муравьев, что представляет огромное сходство с мономанами.

Вследствие такой преувеличенной и сосредоточенной чувствительности как великих людей, так и помешанных чрезвычайно трудно убедить или разубедить в чем бы то ни было. И это понятно: источник истинных и ложных представлений лежит у них глубже и развит сильнее, нежели у людей обыкновенных, для которых мнения составляют только условную форму, род одежды, меняемой по прихоти моды или по требованию обстоятельств. Отсюда следует, с одной стороны, что не должно никому верить безусловно, даже великим людям, а с другой стороны, что моральное лечение мало приносит пользы помешанным.

Крайнее и одностороннее развитие чувствительности, без сомнения, служит причиною тех страных поступков, вследствие временной анестезии* и анальгезии**, которые свойственны великим гениям наравне с помешанными. Так, о Ньюtone рассказывают, что однажды он стал набивать себе трубку пальцем своей племянницы и что, когда ему случалось уходить из комнаты, чтобы принести какую-нибудь вещь, он всегда возвращался, не захватив ее. О Тюшереле говорят, что один раз он забыл даже, как его зовут.

Бетховен и Ньютон, принявшись — один за музыкальные композиции, а другой за решение задач, до такой степени становились нечувствительными к голоду, что брани-

* Потеря осязательной чувствительности.

** Потеря болевой чувствительности.

ли слуг, когда те приносили им кушанья, уверяя, что они уже пообедали.

Джиоия в припадке творчества написал целую главу на доске письменного стола вместо бумаги.

Аббат Беккария, занятый своими опытами, во время служения обедни произнес, забывшись: "*Ite, experientia facta est*" ("А все-таки опыт есть факт").

Дидро, нанимая извозчиков, забывал отпускать их, и ему приходилось платить им за целые дни, которые они напрасно простаивали у его дома; он же часто забывал месяцы, дни, часы, даже тех лиц, с кем начинал разговаривать, и, точно в припадке сомнамбулизма, произносил целые монологи перед ними.

Подобным же образом объясняется, почему великие гении не могут иногда усвоить понятий, доступных самым дюжинным умам, и в то же время высказывают такие смелые идеи, которые большинству кажутся нелепыми. Дело в том, что большей впечатлительности соответствует и большая ограниченность мышления (*concetto*). Ум, находящийся под влиянием экстаза, не воспринимает слишком простых и легких положений, не соответствующих его мощной энергии. Так, Монж, делавший самые сложные дифференциальные вычисления, затруднялся в извлечении квадратного корня, хотя эту задачу легко решил бы всякий ученик.

Гаген считает оригинальность именно тем качеством, которое резко отличает гений от таланта. Точно так же Юрген Мейер говорит: "Фантазия талантливого человека воспроизводит уже найденное, фантазия гения — совершенно новое. Первая делает открытия и подтверждает их, вторая изобретает и создает. Талантливый человек — это стрелок, попадающий в цель, которая кажется нам труднодостижимой; гений попадает в цель, которой даже и не видно для нас. Оригинальность — в натуре гения".

Беттинелли считает оригинальность и грандиозность главными отличительными признаками гения. "Потому-то, — говорит он, — поэты и назывались прежде *trovadori*" (изобретатели).

Гений обладает способностью угадывать то, что ему не вполне известно: например, Гёте подробно описал Италию, еще не видавши ее. Именно вследствие такой прозорливости, возвышающейся над общим уровнем, и благодаря тому, что гений, поглощенный высшими соображениями, отличается от толпы в сверхпоступках или даже, подобно сумасшедшим (но в противоположность талантливым людям), обнаруживает склонность к беспорядочности, — гениальные натуры встречают презрение со стороны большинства, которое, не замечая промежуточных пунктов в их творчестве, видит только разноречие сделанных ими выводов с общепризнанными и странности в их поведении. Еще не так давно публика освистала “Севильского цирюльника” Россини и “Фиделио” Бетховена, а в наше время той же участи подверглись Бойто (Мефистофель) и Вагнер. Сколько академиков с улыбкой сострадания отнеслись к бедному Марцоло, который открыл совершенно новую область филологии; Ббльяи (Bołyai), открывшего четвертое измерение и написавшего антиевклидову геометрию, называли геометром сумасшедших и сравнивали с мельником, который вздумал бы перемалывать камни для получения муки. Наконец, всем известно, каким недоверием были некогда встречены Фултон, Колумб, Папин, а в наше время Пиатти, Прага и Шлиман, который отыскал Илион там, где его и не подозревали, и, показав свое открытие ученым академикам, заставил умолкнуть их насмешки над собой.

Кстати, самые жестокие преследования гениальным людям приходится испытывать именно от ученых академиков, которые в борьбе против гения, обусловливаемой тщеславием, пускают в ход свою “ученость”, а также обаяние их авторитета, по преимуществу признаваемого за ними как дюжинными людьми, так и правящими классами, тоже по большей части состоящими из дюжинных людей.

Есть страны, где уровень образования очень низок и где поэтому с презрением относятся не только к гениальным, но даже к талантливым людям. В Италии есть два университетских города, из которых всевозможными пресле-

дованиями заставили удалиться людей, составлявших единственную славу этих городов. Но оригинальность, хотя почти всегда бесцельная, нередко замечается также в поступках людей помешанных, в особенности же в их сочинениях, которые только вследствие этого получают иногда оттенок гениальности, как, например, попытка Бернарда, находившегося в флорентийской больнице для умалишенных в 1529 году, доказать, что обезьяны обладают способностью членораздельной речи (*linguaggio*). Между прочим, гениальные люди отличаются наравне с помешанными и склонностью к беспорядочности, и полным неведением практической жизни, которая кажется им такой ничтожной в сравнении с их мечтами.

Оригинальностью же обуславливается склонность гениальных и душевнобольных людей придумывать новые, непонятные для других слова или придавать известным словам особый смысл и значение, что мы находим у Вико, Карраро, Альфьери, Марцоло и Данте.

III

ВЛИЯНИЕ АТМОСФЕРНЫХ ЯВЛЕНИЙ НА ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И НА ПОМЕШАННЫХ

На основании целого ряда тщательных наблюдений, производившихся непрерывно в продолжение трех лет в моей клинике, я вполне убедился, что психическое состояние помешанных изменяется под влиянием колебаний барометра и термометра. Так, при повышении температуры до 25°, 30° и 32°, в особенности если оно происходит сразу, число маниакальных припадков у сумасшедших увеличивалось с 29 до 50; точно так же в те дни, когда барометр начинал резко колебаться и показывал максимум повышения, число припадков быстро увеличивалось с 34 до 46. Изучение 23 602 случаев сумасшествия доказало мне, что развитие умопомешательства совпадает обыкновенно с повышением температуры весной и летом и даже идет па-

раллельно ему, но так, что весенняя жара, вследствие контраста после зимнего холода, действует еще сильнее летней, тогда как сравнительно ровная теплота августовских дней оказывает менее губительное влияние. В следующие же затем более холодные месяцы замечается минимум новых заболеваний. Прилагаемая таблица показывает это вполне наглядно.

Помешанных			Помешанных		
	Тепла			Тепла	
Июнь	2701	21°,29	Октябрь	1637	12°,77
Май	2642	16°,75	Сентябрь	1604	19°,00
Июль	2614	23°,75	Декабрь	1529	1°,01
Август	2261	21°,92	Февраль	1490	5°,73
Апрель	2237	16°,12	Январь	1476	1°,63
Март	1829	6°,60	Ноябрь	1452	7°,17

Полнейшая аналогия с этими явлениями замечается и в тех людях, которых — трудно сказать, благодетельная или жестокая, — природа более щедро одарила умственными способностями. Редкие из этих людей не высказывали сами, что атмосферные явления производят на них громадное влияние. В своих личных сношениях и в письмах они постоянно жалуются на вредное действие на них изменений температуры, с которым они должны иногда выдерживать ожесточенную борьбу, чтобы уничтожить или смягчить роковое влияние дурной погоды, ослабляющей и задерживающей смелый полет их фантазии. “Когда я здоров и погода ясная, я чувствую себя порядочным человеком”, — писал Монтень. “Во время сильных ветров мне кажется, что мозг у меня не в порядке”, — говорил Дидро. Джиордани, по словам Мантегацца, за два дня предсказывал грозы. Мэн Бيران (Maine Biran), философ-спиритуалист по преимуществу, пишет в своем дневнике: “Не понимаю, почему это в дурную погоду и ум, и воля у меня совершенно не те, как в ясные, светлые дни”.

“Я уподобляюсь барометру, — писал Альфьери, — и большая или меньшая легкость работы всегда соответст-

вует у меня атмосферному давлению, — полнейшая тупость (*stupidita*) нападает на меня во время сильных ветров, ясность мысли у меня бесконечно слабее вечером, нежели утром, а в середине зимы и лета творческие способности мои бывают живее, чем в остальные времена года. Такая зависимость от внешних влияний, против которых я почти не в силах бороться, смиряет меня”.

Из этих примеров уже очевидно влияние колебаний барометра на гениальных людей, и большая аналогия в этом отношении между ними и помешанными; но еще заметнее, еще резче оказывается влияние температуры.

Наполеон, сказавший, что “человек есть продукт физических и нравственных условий”, не мог выносить самого легкого ветра и до того любил тепло, что приказывал топить у себя в комнате даже в июле месяце. Кабинеты Вольтера и Бюффона отапливались во всякое время года. Руссо говорил, что солнечные лучи в летнюю пору вызывают в нем творческую деятельность, и он подставлял под них свою голову в самый полдень.

Байрон говорил о себе, что боится холода, точно газель. Гейне уверял, что он более способен писать стихи во Франции, чем в Германии с ее суровым климатом. “Гром гремит, идет снег, — пишет он в одном из своих писем, — в камине у меня мало огня, и письмо мое холодно”.

Спалланцани, живя на Эолийских островах, мог заниматься вдвое больше, чем в туманной Павии. Леопарди в своем *Эпистоларио* говорит: “Мой организм не выносит холода, я жду и желаю наступления царства Ормузда”.

Джустини писал весной: “Теперь вдохновение перестанет прятаться... если весна поможет мне, как и во всем остальном”.

Джиордани не мог сочинять иначе, как при ярком свете солнца и в теплую погоду.

Фосколо писал в ноябре: “Я постоянно держусь около камина (огня), и друзья мои над этим смеются; я стараюсь придать моим членам теплоту, которую поглощает и перерабатывает внутри себя мое сердце”. В декабре он уже писал: “Мой природный недостаток — боязнь холода —

заставил меня держаться вблизи огня, который жжет мне веки”.

Мильтон уже в своих латинских элегиях сознается, что зимою его муза делается бесплодной. Вообще, он мог сочинять только от весеннего до осеннего равноденствия. В одном из своих писем он жалуется на холода в 1798 году и выражает опасение, как бы это не помешало свободному развитию его воображения, если холод будет продолжаться. Джонсону, который рассказывает об этом, можно доверять вполне, потому что сам он, лишенный фантазии и одаренный только спокойным, холодным критическим умом, никогда не испытывал влияния времен года или погоды на свою способность к труду и в Мильтоне считал подобные особенности результатом его странного характера. Сальваторе Роза, по словам леди Морган, смеялся в молодости над тем преувеличенным значением, какое будто бы оказывает погода на творчество гениальных людей, но, состарившись, оживлялся и получал способность мыслить лишь с наступлением весны; в последние годы жизни он мог заниматься живописью исключительно только летом.

Читая письма Шиллера к Гёте, изумляешься тому, что этот великий, гуманный и гениальный поэт приписывал погоде какое-то необыкновенное влияние на свои творческие способности. “В эти печальные дни, — писал он в ноябре 1871 года, — под этим свинцовым небом, мне необходима вся моя энергия, чтобы поддерживать в себе бодрость; приняться же за какой-нибудь серьезный труд я совершенно не способен. Я снова берусь за работу, но погода до того дурна, что нет возможности сохранить ясность мысли”. В июле 1818 года он говорит, напротив: “Благодаря хорошей погоде я чувствую себя лучше, лирическое вдохновение, которое менее всякого другого подчиняется нашей воле, не замедлит явиться”. Но в декабре того же года он снова жалуется, что необходимость окончить “*Валленштейна*” совпала с самым неблагоприятным временем года, “поэтому, — говорит он, — я должен употребить всевозможные усилия, чтобы сохранить ясность

мысли". В мае Шиллер писал: "Я надеюсь сделать много, если погода не изменится к худшему". Из всех этих примеров можно уже с некоторым основанием сделать тот вывод, что высокая температура, благоприятно действующая на растительность, способствует, за немногими исключениями, и продуктивности гения, подобно тому как она вызывает более сильное возбуждение в помешанных.

Если бы историки, исписавшие столько бумаги и потратившие столько времени на подробнейшее изображение жестоких битв или авантюристских предприятий, осуществленных королями и героями, если бы эти историки с такой же тщательностью исследовали достопамятную эпоху, когда было сделано то или другое великое открытие или когда было задумано замечательное произведение искусства, то они почти наверное убедились бы, что наиболее знойные месяцы и дни оказываются самыми плодотворными не только для всей физической природы, но также и для гениальных умов.

При всей кажущейся неправдоподобности такого влияния оно подтверждается множеством несомненных фактов. Данте сочинил свой первый сонет 15 июня 1282 года; весной 1300 года он написал "*Vita nuova*", а 3 апреля начал писать свою великую поэму.

Петрарка задумал "*Africana*" в марте 1338 года. Громадная картина Микеланджело, которую Челлини, самый компетентный судья в этой области, назвал удивительнейшим из произведений гениального живописца, была скомпонована и окончена в течение трех месяцев, с апреля по июль 1506 года.

Мильтон задумал свою поэму весной.

Галилей открыл кольцо Сатурна в апреле 1611 года.

Лучшие вещи Фосколо были написаны в июле и августе.

Стерн первую из своих проповедей написал в апреле, а в мае сочинил знаменитую проповедь о заблуждениях совести.

Новейшие поэты — Ламартин, Мюссе, Гюго, Беранже, Каркано, Алеарди, Маскерони, Занелла, Арканжели, Кардуччи, Милли, Белли имели обыкновение обозначать почти на всех своих мелких и лирических стихотворениях, когда

именно каждое из них было сочинено. Пользуясь этими драгоценными указаниями, мы составили следующую таблицу.

Месяцы	Ламар-тин	В. Гюго	Мюссе и Беранже	Каркано, Арканжели, Занелла, Кардуччи, Маскерони, Алеарди	Милли	Белли	Байрон	Сумма
Январь	11	20	8	10	28	21	1	99
Февраль	6	25	6	11	16	13	1	78
Март	18	19	4	22	16	14	3	96
Апрель	9	46	1	11	35	16	1	122
Май	16	57	13	16	30	4	1	137
Июнь	5	52	3	11	25	7	3	106
Июль	9	38	9	14	24	2	—	96
Август	25	35	9	20	16	4	—	109
Сентябрь	16	38	4	26	17	17	1	119
Октябрь	5	40	3	12	12	5	3	80
Ноябрь	12	29	8	10	20	22	—	101
Декабрь	10	10	7	12	25	18	—	82

Распределяя по месяцам сочинения Альфьери, мы видим, что в августе он написал “Гарциа”, в июле — “Марию Стюарт”; в мае — “Заговор сумасшедших” (“Congiura di’Pazzi”), две книги “О тирании” и “О государе” (“Principe”); в июне “Виргинию”, “Лорентино”, “Альцеста” и “Панегирик Траяну”; в сентябре — “Софонизбу”, “Ажиде” (“Agide”), “Мирру” и 6 комедий; в марте — “Саула”; в апреле — “Антигону”, в феврале — “Меропу”; зимою — обоих “Брутов” и диалог “О добродетели”. Две первые трагедии его были задуманы в марте и мае.

Из автографов Джусти я мог с точностью определить время первоначального создания многих мелких поэм этого поэта, но когда именно они получили окончательную отделку — трудно сказать, до такой степени в них много поправок.

Стихотворение Джусти “Бал” (или “Современная демократия”, как оно вначале называлось) было написано в

ноябре, “Сатира на лжелибералов” — в октябре; маленькая поэма “К другу” — в июне, “Ave Maria” — в марте.

Вольтер написал “Танкреда” в августе.

Байрон окончил в сентябре 4-ю песню “*Pelligrinaggio*”, в июне “Пророчество Данте”, а летом в Швейцарии — “Шильонского узника”, “Мрак” и “Сон”.

Из переписки Шиллера с Гёте видно, что он осенью составил план трагедий “Дон Карлос”, “Валленштейн”, “Заговор Фиеско” и “Вильгельм Телль”. В сентябре месяце были написаны им “Лагерь Валленштейна” и “Эстетические письма”. Зимой он задумал трагедию “Луиза Миллер”, в июне — “Коринфскую невесту”, “Бог и баядерка”, “Чародей” (“*Magò*”), “Водолаз”, “Перчатка”, “Поликратов перстень”, “Ивиковы журавли”; в июне начал писать “Иоанну д’Арк”.

Гёте набросал осенью три лирических стихотворения, в апреле начал писать “Вертера”; в мае — “Искателя кладов”, “Строфы”, “Миньону” и еще лирическое стихотворение; в июне и июле: “Челлини”; “Алексис”, “Эфрозина”, “Метаморфозы растений” и “Парнас”; зимой: “Ксени”, “Герман и Доротей”, “Диван” и “Незаконная дочь”. В первых числах марта 1788 года, когда, по словам самого Гёте, несколько дней значили для него больше целого месяца, он написал, кроме многих лирических пьес, еще и окончание к “Фаусту”.

Россини в феврале сочинил почти всю оперу “Семирамида”, а в ноябре написал последнюю часть “*Stabat Mater*”.

Моцарт сочинил оперу “Митридат” в октябре.

Бетховен написал свою Девятую симфонию в феврале.

Доницетти в сентябре сочинил оперу “Лючия ди Ламмермур”, может быть, и всю, но наверное знаменитый отрывок “*Tu che a Dio spiegasti l’ale*”. Точно так же осенью он написал оперу “Дочь полка”, весной — “Линду ди Шамуни”, летом — “*Rita*”, зимой — “Дон Паскуале” и “*Miserere*”.

Канова сделал модель своего первого произведения (“Орфей и Эвридика”) в октябре.

Микеланджело работал над своей картиной “Милосердие” с сентября по октябрь 1498 года, рисунок библиотеки

он составил в декабре, а деревянную модель гробницы Папы Юлия I — в августе.

Леонардо да Винчи задумал статую Франческо Сфорца и начал писал свое сочинение “О свете и тени” 23 апреля 1490 года.

Первая мысль об открытии Америки явилась у Колумба в конце мая и в начале июня 1474 года, когда он задумал отыскать западный путь в Индию.

Галилей открыл в апреле 1611 года, одновременно с Шейнером или, может быть, раньше его, пятна на Солнце; а годом раньше, в декабре или, скорее, в сентябре, — так как наблюдение было сделано три месяца раньше, чем появилось его описание, — он открыл аналогию между фазами Луны и Венеры. В мае 1609 года Галилей изобрел телескоп, а в июле 1610 года открыл те звезды, которые впоследствии оказались самыми светлыми точками в кольце Сатурна. Это последнее открытие он с обычным своим остроумием кратко выразил в стихе:

Aitissimum planetam tergeminum observavi*.

Кеплер в мае 1618 года открыл законы движения мировых тел.

В августе 1546 года Фабрициус открыл первую периодически перемещающуюся звезду.

В октябре 1666 года и апреле 1667 года Кассини открыл пятна, указывающие на вращение Венеры, а в октябре, декабре и марте (1671—1684) — четыре спутника Сатурна. Еще два из них были открыты Гершелем в марте 1789 года.

Один из спутников Сатурна был открыт Гюйгенсом 25 марта 1655 года, а другой — Дове и Бондом в ночь на 19 сентября 1848 года.

Два спутника Урана были открыты в 1787 году Гершелем; он *подозревал*, что существует и третий спутник, который в октябре 1851 года был найден Струве и Ласселлом, открывшими 14 сентября этого года также и последний спутник Урана — Ариэль.

* Наблюдал тройное лицо высочайшей планеты.

Спутники Нептуна Ласселл впервые увидел в ночь на 8 июля 1846 года.

Уран был открыт Гершелем в марте 1781 года. Тот же астроном наблюдал в апреле вулканы на Луне.

Брадлей открыл в сентябре 1728 года законы аберрации (кажущееся движение неподвижных звезд). Замечательно, что на это открытие навело его наблюдение колебаний вымпела (флюгера) при каждом повороте барки на Темзе.

Любопытные открытия Энке и Вико (1735—1738) относительно Сатурна были сделаны в марте и апреле.

Из комет, открытых Гамбардом, три он нашел в июле, две — в марте и мае и по одной — в январе, апреле, июне, августе, октябре и декабре.

Спутники Марса Холл открыл в августе 1877 года.

Общее число 175 мелких планет, открытых в продолжение 1877 года, и 247 комет, открытых до 1864 года, распределяется по месяцам:

	Мелкие планеты	Кометы
В январе	11	24
В феврале	10	10
В марте	13	24
В апреле	23	25
В мае	14	14
В июне	7	15
В июле	10	37
В августе	19	21
В сентябре	29	15
В октябре	18	22
В ноябре	18	22
В декабре	3	17
	175	247

Открытие Скиапарелли относительно падающих звезд было сделано в августе 1866 года.

Из дневника Мальпиги видно, что в июле он сделал свое замечательное открытие, касающееся добавочных почек, а в

июле — относительно скученных желез*. Любопытен тот факт, что у Мальпиги некоторые месяцы особенно богаты новыми работами, например, в 1688 и 1690-м годах — январь, а в 1671 — июнь, в продолжение которого сделано 3 открытия. Первая мысль об устройстве барометра явилась у Торричелли в мае 1644 года, как это видно из его *письма к Ричи* от 11 июня; в марте того же года он сделал чрезвычайно важное для того времени открытие относительно лучшего способа приготовления стекол для телескопов.

Первые опыты Паскаля над равновесием жидкостей были произведены в сентябре 1645 года.

В марте 1752 года Франклин сделал первые опыты с громоотводами, которые, однако, устроил окончательно только в сентябре. Гёте говорит, что самые оригинальные идеи относительно теории цветов явились у него в мае; его прекрасные опыты над растениями были произведены в июне.

Алессандро Вольта изобрел свой *электрический столб* зимой 1800 года; мнение, будто это изобретение сделано весной, — ошибочно, так как 20 марта 1805 года Вольта только сообщил о нем Королевскому Обществу в Лондоне. Весною 1775 года был изобретен им *электрофор*. В первых числах ноября 1774 года он же сделал открытие относительно отделения водорода при брожении органических веществ и осенью 1776 года изобрел свой заряжающийся водородом пистолет, хотя биографы относят это изобретение к весне 1776 года. К этому же году относится изобретение *эвдиометра*, сделанное, по всей вероятности, весной, приблизительно в мае месяце. В апреле того же 1777 года Вольта написал профессору Барлетта знаменитое письмо (хранящееся в Ломбардском институте), где сделано предсказание относительно *электрического телеграфа*. Весною 1788 года он устроил свой *электрометр-конденсатор*, описание которого издал в августе.

Луиджи Бруньятелли изобрел искусство *гальванопластики* в ноябре 1806 года, как об этом свидетельствует

* Так называются железы, состоящие из собрания лимфатических клеток, не имеющих общей оболочки. Они расположены под слизистой оболочкой кишок и полости рта.

письмо, найденное адвокатом Вольта в бумагах своего знаменитого предка; изобретение это приписывалось и Якоби, и Спенсеру, и Де-ла Риву, хотя они только усовершенствовали его в 1835 и 1840 годах.

Никольсон открыл окисление металлов с помощью Вольтова столба летом 1800 года.

Первые работы Гальвани над действием атмосферного электричества на нервы холоднокровных животных были сделаны им, как он сам писал, 26 апреля 1776 года. В сентябре 1786 года он произвел первые опыты над судорожными сокращениями лягушек без посредства постоянного электрического источника, с помощью одного только металлического проводника, откуда и получила начало теория гальванизма. В ноябре 1780 года Гальвани приступил к опытам над сокращениями лягушек посредством электричества.

Из рукописей Лагранжа видно, что первое представление о вариационном вычислении явилось у него 12 июня 1755 года и что “*Аналитическую механику*” он задумал 19 мая 1756 года. Решение задачи о вибрирующих струнах он нашел в ноябре 1759 года.

Рассматривая рукописи Спалланцани, которые частью мне удалось достать в подлиннике из общественной библиотеки Реджио, и пользуясь сделанными для меня из них профессором Тамбурини выписками, я пришел к заключению, что опыты Спалланцани над *плесенью* были начаты 26 сентября 1770 года. 8 мая 1780 года он предпринял, говоря его собственными словами, “*изучение животных, цепенеющих на холоде*”, а в 1776 году, в апреле или мае, нашел в самках зародыши, ранее оплодотворенные (партеногенезис). Позднее, 2 апреля 1780 года является самым богатым днем в его жизни по части опытов или дедукций относительно *овуляции*. “Я убедился, — собственноручно написал в этот день Спалланцани, после того как сделал 43 опыта, — что семя (sperma) получает способность оплодотворения через известный промежуток времени после своего выхода, что слизь половых органов (succo vescicolare) может оплодотворять точно так же, как и семя, и что вино и уксус мешают оплодотворению”.

7 мая 1780 года он сделал открытие, что для оплодотворения достаточно бесконечно малого количества семени.

Судя по одному письму Спалланцани к Бонне, можно думать, что весной 1771 года у него явилась мысль изучить влияние сокращений сердца на кровообращение, а в мае 1781 года в записной книжке его был намечен план 161 нового опыта над искусственным оплодотворением лягушек.

Из рукописей Лейбница видно, что 29 октября 1675 года он впервые употребил знак интеграла вместо принятого в то время обозначения Кавальери.

Из письма Гумбольдта к Варнгагену видно, что предисловие к "Космосу" начато им в октябре.

В декабре Дэви открыл йод, а в апреле 1799 года выполнил опыты над действием закиси азота.

В ноябре 1796 года Гумбольдт произвел свои первые наблюдения над электрическим угрем, а в марте 1793 года — опыты над раздражительностью органической ткани.

В июле 1801 года Гей-Люссак открыл фтористые соединения в костном остове рыб и тогда же окончил анализ квасцов.

В сентябре 1876 года Джаксон употребил серный эфир для приведения больных в бесчувственное состояние при хирургических операциях.

В октябре 1840 года Армстронг изобрел первую гидроэлектрическую машину.

Матеуччи сделал в июле 1830 года первые опыты над гальваноскопией лягушек, весной 1836 года — над электрическими скатами, в июле 1837-го — над электровозбудимостью мускулов, в мае 1835 года — над разложением кислот; в мае 1837 года он исследовал роль электричества в метеорологических явлениях, а в июне 1833 года — влияние теплоты на электричество и магнетизм.

Если у читателя достало терпения просмотреть этот длинный список различных открытий, то он мог убедиться, что у многих великих людей была как бы своя специальная хронология, т.е. свои излюбленные месяцы и времена года, в которые они преимущественно обнаруживали склонность

делать наибольшее число наблюдений или открытий и создавать лучшие художественные произведения. Так, у Спалланцани эта склонность проявлялась весной, у Джусти и Арканжели — в марте, у Ламартина — в августе, у Каркано, Байрона и Альфьери — в сентябре, у Мальпиги и Шиллера — в июне и июле, у Гюго — в мае, у Беранже — в январе, у Белли — в ноябре, у Милли — в апреле, у Вольта — в конце ноября и в начале декабря, у Гальвани — в апреле, у Гамбарда — в июле, у Петерса — в августе, у Лютера — в марте и в апреле, у Ватсона — в сентябре.

Вообще самые разнообразные произведения гениальных людей — литературные (эстетические), поэтические, музыкальные, скульптурные, а также научные открытия, время создания которых нам удалось узнать с точностью, можно подвести под своего рода хронологию, составив из них как бы календарь духовного мира, как это видно из следующей таблицы:

Месяцы	Произведения по части изящных искусств и литературы	Открытия в области астрономии	Изобретения в области физики, химии и математики	Сумма
Январь	101	37	—	138
Февраль	82	21	1	104
Март	103	45	4	151
Апрель	134	52	5	191
Май	149	35	9	193
Июнь	125	24	4	153
Июль	105	52	5	162
Август	113	42	—	155
Сентябрь	138	47	5	190
Октябрь	83	45	4	132
Ноябрь	103	42	5	150
Декабрь	86	27	2	114

Из этой таблицы мы видим, что для художественного творчества наиболее благоприятным месяцем оказывается май, за ним следуют сентябрь и апрель, тогда как наименее производительными месяцами были февраль, октябрь

и декабрь. То же самое заметно отчасти и по отношению к астрономическим открытиям, только для последних преобладающее значение имеют апрель и июль. Открытия в точных науках, как наибольшее число эстетических работ, а вследствие того и общее число всех произведений, преобладают точно так же в мае, апреле и сентябре, т.е. в течение не особенно жарких месяцев, когда барометрические колебания более часты сравнительно с самыми жаркими и холодными месяцами.

Сгруппировав эти числа по временам года, что даст нам возможность воспользоваться еще некоторыми другими данными относительно работ, сделанных неизвестно в каком именно месяце, мы увидим, что максимум художественных и литературных произведений приходится:

На весну, а именно	387
Затем следует лето	346
И осень	335
Тогда как минимум бывает зимою	280

Подобным же образом из великих открытий в области физики, химии и математики:

Наибольшее число было сделано весною, а именно	21
Несколько меньшее осенью	15
Значительно меньшее летом	9
И наконец, самое ничтожное число зимою	5

Астрономические открытия, которые мы отделили от предыдущих на том основании, что время, когда они сделаны, известно с большей точностью (что особенно важно для нашей цели), точно так же распределяются неравномерно по временам года:

Осенью их сделано	135
Весною	131
Но зимою значительно меньше	83
И опять несколько больше летом	120

Взяв же общее число 1867 великих произведений, мы найдем, что значительно большая часть их приходится на весну (539) и осень (485), тогда как летом число их падает до 475 и зимою — до 368.

Преобладание умеренно теплых месяцев здесь вполне очевидно и выражается не только количественно, но даже качественно, хотя в этом смысле еще нельзя сделать вполне точного вывода вследствие малочисленности данных. Несомненно, однако, что именно в весенние месяцы совершилось открытие Америки и были изобретены гальванизм, барометр, телескоп и громоотвод; весною же Микеланджело задумал свою знаменитую картину, Данте начал писать “Божественную комедию”, Леонардо — трактат “О тенях и свете”, Гёте — своего “Фауста”, Кеплер открыл законы движения небесных тел, а Мильтон задумал свою поэму.

Прибавлю еще, что в тех немногих случаях, когда создания великих людей можно проследить почти день за днем, деятельность их зимою постоянно оказывается усиленной в более теплые дни и ослабевающей — в холодные.

Я предвижу, какую массу опровержений вызовут мои обобщения: мне укажут на малочисленность данных и на недостаточную их достоверность, меня укорят за попытку ввести в узкую область статистики и поставить рядом высокие проявления умственного творчества, по-видимому, всего менее поддающиеся логике цифр и не допускающие сравнения между собой. В особенности же не понравится моя попытка последователям той школы, которая думает ограничиться в статистике одним только употреблением крупных цифр, часто предпочитая их количеству качеству, и а priori не допускает пользования ими для каких бы то ни было выводов, забывая, что цифры, в сущности, те же факты, поддающиеся синтезу, подобно всем другим фактам, и что эти цифры, не имея сами по себе никакого значения, не представляли бы ни малейшего интереса, если бы мыслители не пользовались ими для своих обобщений или выводов.

Относительно малочисленности данных я замечу, что при всей недостаточности приведенных мною 1867 фактов они

все-таки убедительнее простых гипотез или признаний отдельных авторов, признаний, которым, однако, эти факты нисколько не противоречат и поэтому могут служить если не для неоспоримых, то по крайней мере для приблизительных выводов. Кроме того, они могут вызвать ряд новых, более красноречивых психометеорологических наблюдений, хотя гениальные произведения не настолько многочисленны, чтобы ими легко было наполнить большие таблицы.

С другой стороны, я вполне согласен с тем, что хронологическое совпадение многих явлений обуславливается случайными обстоятельствами, по-видимому, не имеющими ничего общего с нашим психическим состоянием. Так, например, натуралистам всего удобнее производить свои опыты и наблюдения в теплые месяцы. Поэтому обилие открытий, делаемых весной и осенью, является в значительной степени следствием большей равномерности в распределении дней и ночей, большей ясности погоды и отсутствия как изнурительного зноя, так и сильного холода.

Точно так же нельзя не убедиться, что все эти обстоятельства не оказывают безусловного влияния на творческую деятельность. Это видно, например, из того, что хотя у анатомов никогда не бывает недостатка в трупах и работать над ними особенно удобно в зимние холода, тем не менее открытия в этой области делаются преимущественно в теплое время года. Наоборот, длинные, ясные зимние ночи (во время которых всего менее сказывается влияние рефракции) и теплые летние ночи должны бы особенно благоприятствовать астрономическим наблюдениям, а между тем тахи́тим их бывает весной и осенью.

Наконец, кому не известно, что, благодаря статистическим исследованиям, значение случайных обстоятельств оказывается ничтожным даже в таких явлениях, как смерть, самоубийство и рождение? Замечаемую в них правильность можно объяснить только влиянием одной общей причины, которая заключается не в чем ином, как в метеорологических факторах.

Далее я позволил себе соединить в одну группу художественные произведения и естественнонаучные открытия на

том основании, что для тех и других одинаково необходим тот момент психического возбуждения и усиленной чувствительности, который сближает между собою самые отдаленные или разнородные факты и придает им жизнь; вообще тот оплодотворяющий момент, справедливо называемый творческим, когда натуралист и поэт стоят гораздо ближе один к другому, чем это казалось бы с первого взгляда. И в самом деле, какая смелая, богатая фантазия, какое творческое воображение проявляются в опытах Спаланцани, в первых работах Гершеля или в двух великих открытиях Скиапарелли и Леверье, сделанных сначала на основании гипотез и впоследствии с помощью вычислений и новых наблюдений превратившихся в аксиомы! Литтров, говоря об открытии Весты, замечает, что оно было сделано не вследствие одной случайности или исключительно только гениального ума, но благодаря гению, которому благоприятствовал случай. Открытую Пиаци звезду гораздо раньше его видел Зах (Zacch), но он не обратил на нее внимания, потому ли, что был менее гениален, чем Пацци, или потому, что в эту минуту не обладал такой прозорливостью, как он. Для открытия солнечных пятен не требовалось, по словам Секки, ничего, кроме времени, терпения и удачи, но, чтобы создать верную теорию этого явления, необходим был истинный гений. Сколько ученых-физиков, переезжая через реку, наблюдали колебание вымпела на барке, и, однако же, вывести из этого законы аберрации удалось только одному Брадлею! — говорит Араго. А сколько людей, — прибавлю я, — видели типичные фигуры носильщиков, и все-таки *Иуду* не создал никто, кроме Леонарда, как никто из видевших апельсины не написал каватины, за исключением Моцарта.

Более серьезным можно считать то возражение, что почти все произведения великих умов, и в особенности современные открытия в физике, являются не результатом мгновенного вдохновения, а скорее следствием целого ряда непрерывных и медленных изысканий со стороны живших в прежнее время ученых, так что новейший изобретатель есть, в сущности, только компилятор, к трудам кото-

рого неприменима хронология, так как приведенные нами числа определяют скорее время окончания того или другого произведения, чем тот момент, когда оно было задумано. Но такого рода возражения относятся не исключительно только к нашей задаче: под ту же категорию можно подвести и почти все остальные проявления человеческой деятельности, даже наименее произвольные. Оплодотворение, например, и то зависит от хорошего питания организма и от наследственности; самая смерть и сумасшествие лишь, по-видимому, обуславливаются непосредственными или случайными причинами, но в сущности они находятся в полнейшей зависимости, с одной стороны, от атмосферных явлений, а с другой — от органических условий; во многих случаях можно сказать, что смерть и сумасшествие бывают подготовлены заранее, и время наступления их с точностью обозначено в момент самого рождения индивида.

IV

ВЛИЯНИЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ НА РОЖДЕНИЕ ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Убедившись в громадном влиянии метеорологических явлений на творческую деятельность гениальных людей, мы легко поймем, что и на рождение их климат и строение почвы должны также оказывать могущественное действие.

Несомненно, что раса (например, в латинской и греческой расе больше великих людей, чем в других), политические движения, свобода мысли и слова, богатство страны, наконец, близость литературных центров — все это оказывает большое влияние на появление гениальных людей, но несомненно также, что не меньшее значение имеют в этом отношении температура и климат.

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть и сравнить отчеты о рекрутских наборах в Италии за последние годы. Из этих отчетов видно, что к областям, дающим, очевидно, благодаря своему прекрасному климату, хотя и не-

зависимо от влияния национальности, наибольшее число солдат высокого роста и наименьший процент бракованных, принадлежат именно тем, в которых всегда было много даровитых людей, как, например, Тоскана, Лигурия и Романья.

Напротив, в тех провинциях, где процент молодых людей высокого роста, годных к военной службе, меньше — Сардиния, Базиликата и Аостская долина, — число гениальных личностей заметно понижается. Исключение составляют лишь Калабрия и Вальтеллина, где даровитые люди не редки, несмотря на низкий рост большинства населения, но это замечается только в местностях, открытых с юга или лежащих на возвышенности, вследствие чего там не развиваются ни кретинизм, ни малярия, так что этот факт нисколько не противоречит высказанному нами положению.

Уже издавна замечено было как простонародьем, так и учеными, что в гористых странах с теплым климатом особенно много бывает гениальных людей. Народная тосканская поговорка гласит: “У горцев ноги толстые, а мозги нежные”. Веджецио писал: “Климат влияет не только на физическое, но и на душевное здоровье; Минерва избрала своим местопребыванием город Афины за его благораспорядоченный воздух, вследствие чего там рождаются мудрецы”. Цицерон тоже не раз упоминает о том, что в Афинах, благодаря теплоте климату, рождаются умные люди, а в Фивах, где климат суровый, — глупые. Петрарка, в своем “*Epistolario*”, составляющем нечто вроде автобиографии этого поэта, постоянно указывает на то, что лучшие из его произведений были написаны или, по крайней мере, задуманы посреди излюбленных им прелестных холмов Валь-Киуза. По свидетельству Вазари, Микеланджело говорил ему: “Если мне удалось создать что-нибудь действительно хорошее, то я обязан этим чудному воздуху вашего родного Ареццо”. Муратори писал одному итальянцу: “*Воздух* у нас удивительный, и я уверен, что именно благодаря ему в нашей стране столько замечательно даровитых людей”. Маколей говорит, что Шотландия, одна из беднейших стран Европы, занимает в ней первое место по числу ученых и

писателей; ей принадлежат: Беда, Михаил Скотт, Непер — изобретатель логарифмов, затем Буханан, Вальтер Скотт, Байрон, Джонстон и отчасти Ньютон.

Без сомнения, именно в этом влиянии атмосферных явлений следует искать объяснения того факта, что в горах Тосканы, преимущественно в провинциях Пистойи, Бути и Вальдонтани, между пастухами и крестьянами встречается столько поэтов и в особенности импровизаторов, в том числе есть даже и женщины, как, например, пастушка, о которой говорит Джульяни в своем сочинении *“О языке, на котором говорят в Тоскане”*, или необыкновенная семья Фредиаки, где и дед, и отец, и сыновья — все поэты. Один из членов этой семьи жив еще до сих пор и сочиняет стихи не хуже великих тосканских поэтов прежнего времени. Между тем крестьяне той же национальности, живущие на равнинах, не отличаются, насколько мне известно, такими талантами.

Во всех низменных странах, как, например, в Бельгии и Голландии, а также в окруженных слишком высокими горами местностях, где вследствие этого развиваются местные болезни — зоб и кретинизм, как, например, в Швейцарии и Савойе, — гениальные люди чрезвычайно редки, но еще меньше бывает их в странах сырых и болотистых. Немногие гении, которыми гордится Швейцария, — Бонне, Руссо, Тронкин (Tronchin), Тиссо, де Кандоль и Бурламаки — родились от французских или итальянских эмигрантов, т.е. при таких условиях, когда раса могла парализовать влияние местных неблагоприятных условий.

Урбино, Пезаро, Форли, Комо, Парма дали больше знаменитых гениальных людей, чем Пиза, Падуя и Павия — древнейшие из университетских городов Италии, где, однако, не было ни Рафаэля, ни Браманте, ни Россини, ни Морганьи, ни Спалланцани, ни Мураторно, ни Фаллопия, ни Вольты — уроженцев пяти первых городов.

Переходя затем от общих к более частным примерам, мы убедимся, что Флоренция, где климат очень мягок, а почва чрезвычайно холмиста, доставила Италии самую блестящую плеяду великих людей. Данте, Джотто, Макиавел-

ли, Люлли, Леонардо, Брунеллески, Гвиччардини, Челлини, Беато Анджелико, Андреа дель Сарто, Николини, Каппони, Веспуччи, Вивиани, Боккаччо, Альберти и Донати — вот главные имена, которыми имеет право гордиться этот город.

Напротив, Пиза, находящаяся в научном отношении как университетский город в не менее благоприятных условиях, чем Флоренция, дала сравнительно с нею даже значительно меньшее число выдающихся генералов и политиков, что и было причиною ее падения, несмотря на помощь сильных союзников. Из великих же людей Пизе принадлежит только Никколо Пизано, Джиунта и Галилей, родители которого были, однако, флорентийцы. А между тем Пиза отличается от Флоренции единственно своим низменным местоположением.

Наконец, какое богатство гениальными людьми представляет гористая провинция Ареццо, где родились Микеланджело, Петрарка, Гвидо Рени, Реди, Вазари и трое Аретино. Далее, сколько даровитых личностей были родом из Асти (Альфьери, Оджеро, С. Бруноне, Белли, Натта, Гвальтиери, Котта, Солари, Алионе, Джорджо и Вентура) и раскинувшегося на холмах Турина (Роланд, Калуза, Джиоберти, Бальбо, Беретта, Марокетти, Лагранж, Божино и Кавур).

В гористых частях Ломбардии и в приозерных местностях Бергамо, Бреши и Комо число великих людей точно так же гораздо значительнее, чем в низменных. В первых мы встречаем имена Тассо, Маскерони, Доницетти, Тарталья, Угони, Вольта, Парини, Анпиани, Май, Плиния, Каньола и др., тогда как в низменной Ломбардии едва можно насчитать шесть таких имен — Альчиато, Беккариа, Ориани, Кавальери, Азелли и Бокачини. Холмистая Верона произвела Маффеи, Паоло Веронезе, Катутта, Фракасторо, Бьянкини, Саммикепли, Тирабоски, Лорнья, Пиндемонте; богатая же и ученейшая Падуя, лишь кое-где представляющая несколько освещенных солнцем холмов, дала Италии только Тита Ливия, Чезаротти, Петра д'Абано и немногих других.

Если низменная область Реджио может похвалиться такими знаменитостями из своих уроженцев, как Спалланцани, Ариосто, Корреджо, Секки, Нобили, Валлиснери,

Божардо, то она отчасти обязана этим встречающимся в ней озаренным солнцем холмам; трое последних из этой плеяды родились именно в холмистом Скандиано; Генуя и Неаполь, находящиеся в особенно благоприятных условиях (теплый климат, близость моря и гористое местоположение могут быть поставлены наравне с Флоренцией, если не по числу своих гениальных уроженцев, то по их значению; здесь родились Колумб, Дориа, Вико, Караччиоло, Перголезе, Женовези, Чирило, Филанджери и пр.

Далее интересно проследить, какое влияние оказывает умеренно теплый климат, особенно если к нему присоединяются еще и национальные качества, на развитие музыкальных талантов. Просматривая сочинение Клемана “Знаменитые музыканты” (Clément. Les Musiciens célèbres, 1868), я нашел, что из 110 великих композиторов 36, т.е. более трети, принадлежит Италии и что 19 или более половины этих последних — уроженцы Сицилии (Скарлатти, Пачини, Беллини) и Неаполя с его окрестностями. Такое явление, очевидно, обуславливается влиянием греческой расы и теплого климата. К неаполитанцам принадлежат Жомелли, Страделла, Пиччинни, Лео, Дуни, Саккини, Карафа, Паизиелло, Чимароза, Цингарелли, Меркаданте, Траэтта, Дуранте, двое Риччи и Петрелла. Из остальных 17 музыкантов лишь немногие могут считать своей родиной Верхнюю Италию: Доницетти, Верди, Аллегри, Фрескобальди, двое Монтеверди, Сальери, Марчело и Паганини. Последние трое — уроженцы приморских местностей; все же остальные родом из Центральной Италии, в Риме родились Палестрина и Клементи, в Перуджино и Флоренции — Спонтини, Люлли, Перголези.

Громадное значение климата и почвы сказывается не только по отношению к выдающимся артистам во всех родах искусства, но даже и по отношению к наименее знаменитым из них. Я убедился в этом, составив при содействии почтенного профессора Кунье карту Италии с указанием распространения в ней живописцев, скульпторов и музыкантов за два последних столетия, причем с удивительной правильностью выразилось преобладающее число

художников в гористых, жарких провинциях Средней Италии, каковы Флоренция и Болонья, и приморских — Венеция, Неаполь, Генуя.

Косвенное влияние окружающей природы на рождение гениальных людей представляет некоторую аналогию с влиянием ее на развитие умопомешательства.

Общеизвестный факт, что в гористых странах жители более подвержены сумасшествию, чем в низменных, подтвержден вполне психиатрической статистикой. Кроме того, новейшие наблюдения доказывают, что эпидемическое безумие встречается гораздо чаще в горах, чем в долинах. Припомните возникшие уже в недавние годы и на наших глазах психические эпидемии в Монте Амиата (Лазаретти), в Буска и Черногории. Не следует также забывать, что холмы Иудеи были колыбелью многих пророков и что в горах Шотландии появились люди, одаренные ясновидением (*Seconda Vista*); те и другие принадлежат к числу гениальных безумцев и полупомешанных прорицателей.

V

ВЛИЯНИЕ РАСЫ И НАСЛЕДСТВЕННОСТИ НА ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

Аналогичность влияния атмосферных явлений на гениальных людей и на помешанных будет еще заметнее, если мы рассмотрим ее вместе с влиянием расы. Прекрасный пример в этом отношении представляют нам евреи.

В своих монографиях *“Uomo bianco e l'uomo di colore”* и *“Pensiero e Meteore”* я уже указал на тот факт, что вследствие испытанных евреями в средние века жестоких преследований (результатом чего явились истребления слабых индивидов, т.е. своего рода подбор), а также вследствие умеренного климата европейские евреи достигли такой степени умственного развития, что, пожалуй, даже опередили арийское племя, тогда как в Африке и на Востоке они остались на том же низком уровне культуры, как и остальные

семиты. Кроме того, статистические данные показывают, что среди евреев даже более распространено общее образование, чем среди других наций*, что они занимают выдающееся положение не только в торговле, но и во многих других родах деятельности, например в музыке, журналистике, литературе, особенно сатирической и юмористической, и в некоторых отраслях медицины. Так, в музыке евреям принадлежат такие гении, как Мейербер, Галеви, Гузиков, Мендельсон и Оффенбах; в юмористической литературе: Гейне, Сафир, Камерини, Ревере, Калисс, Якобсон, Юнг, Вейль, Фортис и Гозлан; в изящной словесности: Ауэрбах, Комперт и Агиляр; в лингвистике: Асколи, Мунк, Фиорентино, Луццато и др.; в медицине: Валентин, Герман, Гайденгайн, Шифф, Каспер, Гиршфельд, Штиллинг, Глугер, Лауренс, Траубе, Френкель, Кун, Конгейм и Гирш; в философии: Спиноза, Зоммергаузен и Мендельсон, а в социологии: Лассаль и Маркс. Даже в математике, к которой семиты вообще малоспособны, можно указать из числа евреев на таких выдающихся специалистов, как Гольдшмидт, Беер и Маркус.

Следует еще заметить, что почти все гениальные люди еврейского происхождения обнаруживали большую склонность к созданию новых систем, к изменению социального строя общества; в политических науках они являлись революционерами, в теологии — основателями новых верований, так что евреям, в сущности, обязаны если не своим происхождением, то по крайней мере своим развитием, с одной стороны, нигилизм и социализм, а с другой — христианство и мозаизм, точно так же как в торговле они первые ввели векселя, в философии — позитивизм, а в литературе — *неогуморизм* (neo-umorismo). И в то же время именно среди евреев встречаются вчетверо и даже впятеро больше помешанных, чем среди их сограждан, принадлежащих к другим национальностям.

Известный ученый Серви вычислил, что в Италии в 1869 году один сумасшедший приходился на 391 еврея, т.е. почти вчетверо больше, чем среди католиков. То же самое подтвер-

* В 1861 году в Италии было 645 человек неграмотных на 1000 католиков и только 58 — на тысячу евреев.

дил в 1869 году Верга, по вычислениям которого процент помешанных между евреями оказался еще значительнее. Так,

среди католиков	приходится	1 сумасшедший	на	1775 человек
" протестантов "	" "	" "	" "	1725 "
" евреев "	" "	" "	" "	384 "

Тиггес (Tigges), изучивший более 3100 душевнобольных, говорит в своей статистике помешательства в Вестфалии, что оно распространяется среди ее населения в такой пропорции:

От 1 до 8	на 7 000 жителей	между евреями
" 1 "	11 " 14 000 "	" " католиками
" 1 "	13 " 14 000 "	" " лютеранами

Наконец, для 1871 года Майр нашел число помешанных:

В Пруссии	8,7 на 40 000 христиан	и 14,1 на 10 000 евреев
В Баварии	9,8 " "	25,2 "
Во всей Германии	8,6 " "	16,1 "

Как видите, это — поразительно большая пропорция, особенно если принять во внимание, что хотя в еврейском населении и много стариков, чаще всего подвергающихся помешательству от старости, но зато чрезвычайно мало алкоголиков.

Такая роковая привилегия еврейской расы осталась, однако, незамеченной со стороны антисемитов, составляющих язву современной Германии. Если бы они обратили внимание на этот факт, то, конечно, не стали бы так негодовать на успехи, делаемые несчастной еврейской расой, и поняли бы, как дорого приходится евреям расплачиваться за свое умственное превосходство даже в наше время, не говоря уже о бедствиях, испытанных ими в прошлом. Впрочем, вряд ли евреи были более несчастливы, чем теперь, когда они подвергаются преследованиям именно за то, что составляет их славу.

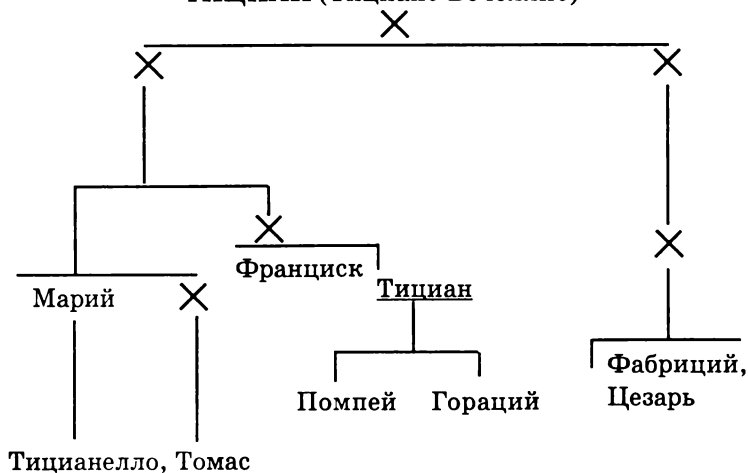
Значение расы в развитии гениальности, а также и помешательства видно из того, что как то, так и другое почти совершенно не зависит от воспитания, тогда как наследственность оказывает на них громадное влияние.

“Посредством воспитания можно заставить плясать медведей, — говорит Гельвеций, — но нельзя выработать гениального человека”.

Несомненно, что помешательство лишь в редких случаях является следствием дурного воспитания, тогда как влияние наследственности в этом случае так велико, что доходит до 88 на 100 по вычислениям Тиггеса и до 85 на 100 по вычислениям Гольджи. Что же касается гениальности, то Гальтон и Рибо (*De l’Hérédité*, 1878) считают ее всего чаще результатом наследственных способностей, особенно в музыкальном искусстве, дающем такой громадный процент помешанных. Так, среди музыкантов замечательными дарованиями отличались сыновья Палестрины, Бенды, Дюссека, Гиллера, Моцарта, Эйхгорна; семейство Бахов дало 8 поколений музыкантов, из которых 57 человек пользовались известностью.

Между живописцами мы встречаем наследственные таланты у фон дер Вельда, Ван Эйка, Мурильо, Веронези, Беллини, Карраччи, Корреджо, Миерис (*Mieris*), Бассано, Тинторетто, а также в семье Кальяри, состоявшей из дяди, отца и сына, и особенно в семье Тициана, давшей целый ряд живописцев, как это видно из приложенной ниже родословной таблицы, заимствованной мною из неисчерпаемого ис-

ТИЦИАН (Тициано Вечеллио)

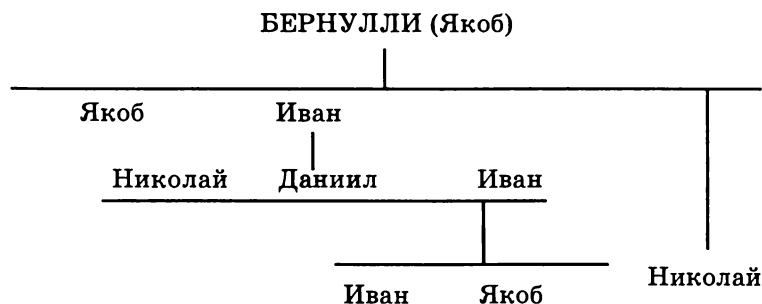

точника сведений по этой части — из книги Рибо “De l’Hérédité”.

Между поэтами можно указать на Эсхила, у которого два сына и племянники были также поэты; Свифта — племянника Драйдена; Лукана — племянника Сенеки, Тассо — сына Бернарда; Ариосто, брат и племянник которого были поэты; Аристофана с двумя сыновьями, тоже писавшими комедии; Корнеля, Расина, Софокла, Кольриджа, сыновья и племянники которых обладали поэтическим талантом.

Из натуралистов составили себе известность члены семейств: Дарвина, Эйлера, Декандоля, Гука, Гершеля, Жюсье, Жоффруа, Сент-Илера. Сыновья самого Аристотеля (отец которого был ученый-медик), Никомах и Каллисфен, а также племянники его известны своей ученостью.

Сын астронома Кассини был тоже знаменитым астрономом, племянник его 22-х лет уже сделался членом Академии наук, внучатый племянник — директором обсерватории, а правнучатый племянник составил себе известность как натуралист и филолог. Затем вот генеалогическая таблица Бернулли начиная с

Все они составили себе имя в той или другой отрасли естественных наук. Еще в 1829 году один из Бернулли был известен как химик, а в 1863 году умер другой член той же семьи — Христофор Бернулли, занимавший должность профессора естественных наук в Базеле.

Гальтон, часто смешивающий талантливость с гениальностью (недостаток, от которого и я не всегда мог отделать-

ся), говорит в своем прекрасном исследовании, что шансы родственников знаменитых людей, сделавшихся или имеющих сделаться выдающимися, относятся как $15\frac{1}{2}:100$ — для отцов; $13\frac{1}{2}:100$ — для братьев; $24:100$ — для сыновей. Или же, если придать этим, равно как и остальным, отношениям более удобную форму, мы получим следующие результаты.

В первой степени родства: шансы отца — 1:6; шансы каждого брата — 1:7; каждого сына — 1:4. Во второй степени: шансы каждого деда — 1:25, каждого дяди — 1:40, каждого внука — 1:29. В третьей степени: шансы каждого члена приблизительно 1:200, за исключением двоюродных братьев, для которых — 1:100.

Это значит, что из шести случаев в одном отец знаменитого человека есть, вероятно, и сам человек выдающийся, в одном случае из семи брат знаменитого человека также отличается выдающимися способностями, в одном случае из четырех сын наследует выдающиеся над общим уровнем свойства отца и т.д.

Впрочем, цифры эти, в свою очередь, сильно изменяются, смотря по тому, применяем ли мы их к гениальным артистам, дипломатам, воинам и пр. Тем не менее даже эти громадные цифры не могут дать нам новых доказательств в пользу полной аналогии между влиянием наследственности на развитие гениальности и помешательства, потому что последнее проявляется, к сожалению, с гораздо большей силой и напряженностью, чем первое (как 48:80). Далее, хотя закон, выведенный Гальтоном, вполне верен относительно судей и государственных людей, но зато под него совсем не подходят артисты и поэты, у которых влияние наследственности с чрезвычайной силой отражается на братьях, сыновьях и в особенности на племянниках, тогда как в дедах и дядях оно менее заметно. Вообще это влияние сказывается в передаче помешательства вдвое сильнее и напряженнее, чем в передаче гениальных способностей, и притом почти в одинаковой степени для обоих полов, тогда как у гениев наследственные черты переходят к потомкам мужского пола в пропорции 70:30 сравнительно с потомка-

ми женского пола. Далее, большинство гениальных людей не передают своих качеств потомкам еще и потому, что остаются бездетными*, вследствие вырождения, подобно тому как мы видим это в аристократических семействах**.

Наконец, за немногими исключениями, вроде фамилий Дарвина, Бернулли, Кассини, Сент-Илера и Гершеля, какую ничтожную часть своих дарований и талантов передавали обыкновенно гениальные люди своим потомкам и как еще преувеличивались эти дарования, благодаря обаянию имени славного предка. Что значит, например, Тицианелло в сравнении с Тицианом, какой-нибудь Никомах — с Аристотелем, Гораций Ариосто — с его дядей, великим поэтом, или скромный профессор Христофор Бернулли рядом с его знаменитым предком Якобом Бернулли!

Помешательство, напротив, всего чаще передается по наследству все, целиком... Мало того, оно как будто даже усиливается с каждым новым поколением. Случаи наследственного умопомешательства у всех сыновей и племянников — нередко в той самой форме, как у отца или дяди, — встречаются на каждом шагу. Так, например, все потомки одного знатного гамбургца, причисляемого к великим военным гениям, сходили с ума по достижении

* Шопенгауэр, Декарт, Лейбниц, Мальбранш, Конт, Кант, Спиноза, Микеланджело, Ньютон, Фосколо, Альфьери, Лассаль, Гоголь, Лермонтов, Тургенев остались холостыми, а из женатых многие великие люди были несчастливы в супружестве, например Сократ, Шекспир, Данте, Байрон, Пушкин, Марцло.

** Гальтон сам указывает на то, что из числа 31 пэра, возведенного в это достоинство в конце царствования Георга IV, 12 фамилий прекратились совершенно, и преимущественно те, члены которых женились на знатных наследницах. Из 487 семейств, причисленных к бернской буржуазии, с 1583 по 1654 год, к 1783 году остались в живых только 168; точно так же из 112 членов Общинного Совета в 1615 году остались 58. При виде гранда Испании, говорит Рибо, можно с уверенностью сказать, что видишь перед собою выроodka. Почти все французское, а также итальянское дворянство сделалось теперь слепым орудием духовенства, что составляет не последнюю причину непрочности итальянских учреждений. А в числе правителей (королей) Европы как мало таких, которые походили бы на своих знаменитых когда-то предков и наследовали бы от них что-нибудь кроме трона да обаяния некогда славного имени!

ими 40-летнего возраста; наконец в живых остался только один член этой несчастной семьи, состоявший на государственной службе, и сенат запретил ему жениться. В 40 лет он тоже помешался. Рибо рассказывает, что в Коннектикутскую больницу для умалишенных последовательно поступали 11 членов одной и той же семьи.

Затем вот еще история семьи одного часовщика, сошедшего с ума вследствие ужасов революции 1789 года и потом выздоровевшего: сам он отравился, дочь его помешалась и окончательно сошла с ума, один брат вонзил себе нож в живот, другой начал пить и умер от белой горячки, третий перестал принимать пищу и умер от истощения; у здоровой сестры его один сын был помешанный и эпилептик, другой не брал груди, двое маленьких умерли от воспаления мозга и дочь, тоже страдавшая умопомешательством, отказалась принимать пищу.

Наконец, самое неоспоримое доказательство в пользу нашей теории представляет прилагаемое родословное дерево семьи Берти давшей несравненно большее число помешанных, чем семья знаменитого Тициана дала гениальных живописцев (см. родослов. дерево на с. 74—75).

Из этой любопытной генеалогической таблицы видно что в четырех поколениях из 80 потомков одного помешанного меланхолика 10 человек сошли с ума и почти все страдали той же самой формой психического расстройства — меланхолией, а 19 человек — нервными болезнями, следовательно, 36%. Кроме того, мы замечаем, что болезнь все более развивалась в последующих поколениях, захватывая самый нежный возраст и проявляясь с особенной силой в мужской линии, где помешательство явилось уже в первом поколении, тогда как в женской линии — только в 3-м и в пропорции едва лишь 1:4. В 1-м и 4-м колене помешанных и нервных много во всех семьях во 2-м колене, напротив, преобладают здоровые члены, которые встречаются и в 3-м, а затем уже страшная болезнь охватывает все большее число жертв, имеющих ту или другую форму душевных страданий. Вряд ли у гениальных людей найдется семья настолько же плодovitая и в такой же степени испытывавшая на себе роковое, прогрессивно возрастающее влияние наследственности!

Но есть случаи, когда это влияние проявляется еще с большею силою, что особенно заметно по отношению к алкоголикам (помешанным от пьянства). Так, например, от одного родоначальника пьяницы Макса Юке произошли в течение 75 лет 200 человек воров и убийц, 280 несчастных, страдавших слепотой, идиотизмом, чахоткой, 90 проституток и 300 детей, преждевременно умерших, так что вся эта семья стоила государству, считая убытки и расходы, более миллиона долларов.

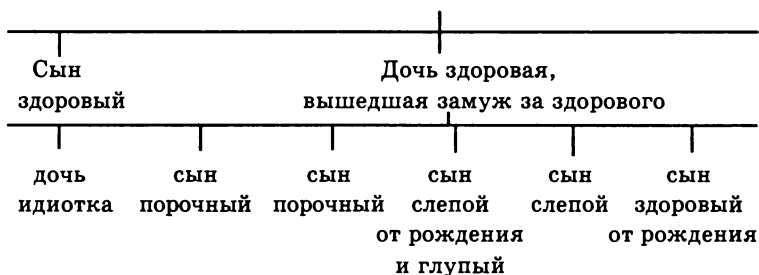
И это далеко не единичный факт. Напротив, в современных медицинских исследованиях можно встретить примеры еще более поразительные.

Тарге в своей книге "О наследственности алкоголизма" приводит несколько подобных случаев. Так, он рассказывает, что четыре брата Дюфе были подвержены несчастной страсти к вину, очевидно вследствие влияния наследственности; старший из них бросился в воду и утонул, второй повесился, третий перерезал себе горло и четвертый бросился вниз с третьего этажа.

У Тарге мы заимствуем и еще несколько фактов в том же роде.

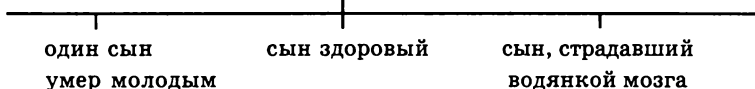
У некоего П. С., умершего от размягчения мозга вследствие пьянства, и жены его, умершей от брюшной водянки, тоже, может быть, вызванной пьянством, были дети:

Один пьяница, женатый на развратной женщине, имел:

Сына-чудака и оригинала, умершего от белой горячки,

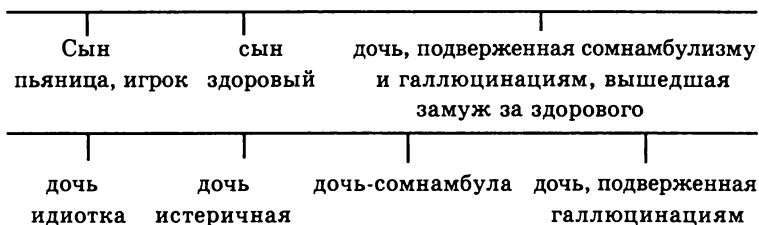
и сына до такой степени трусливого, что он убегал даже при виде ножниц и потом сошел с ума; дети его:

Эти примеры доказывают, что в алкоголизме легко возможен атавизм — скачок назад через одно поколение, так что дети пьяниц остаются здоровыми, а болезнь отражается на внуках.

Вот еще последний пример.

У пьяницы Л. Берт, умершего от апоплексии, был один только сын, тоже пьяница, у которого родились дети:

умерли в раннем детстве

Морель сообщает об одном пьянице, у которого было семеро детей, что один из них сошел с ума 22-х лет, другой был идиот, две умерли в детстве, 5-й был чужак и мизантроп, 6-я — истеричная, 7-й — хороший работник, но страдал расстройством нервов. Из 16 детей другого пьяницы 15 умерли в детстве, а последний, оставшийся в живых, был эпилептик.

Иногда у людей, находящихся, по-видимому, в здравом уме, помешательство проявляется отдельными чудовищными, безумными поступками.

Так, один судья, немец, выстрелом из револьвера убил свою долгое время хворавшую жену и уверял потом, что поступил так из любви к ней, желая избавить ее от страданий, причиняемых болезнью: он был убежден, что не сделал ничего дурного, и пытался покончить таким же образом со своей матерью, когда она заболела. Эксперты долгое время колебались, считать ли этого человека душевнобольным, и пришли к заключению о его умопомешательстве на основании того, что дед и отец у него были пьяницы.

Не только пьянство запоем, но вообще употребление спиртных напитков приводит к ужасным последствиям... Флеминг и Демол доказали, что не одни пьяницы передают своим детям склонность к помешательству и преступлениям, но что даже совершенно трезвые мужчины, находившиеся в момент совокупления под влиянием винных паров, порождали детей — эпилептиков, паралитиков, помешанных, идиотов и главным образом микроцефалов или слабоумных, весьма легко терявших рассудок.

Таким образом, какая-нибудь лишняя рюмка вина может сделаться причиной величайших бедствий для многих поколений.

Какая же тут возможна аналогия в сравнении с редкой и почти всегда неполной передачей гениальных способностей даже ближайшему потомству?

Правда, роковое сходство между сумасшествием и гениальностью в этом случае менее заметно, но зато именно закон наследственности обнаруживает тесную связь меж-

ду ними в том факте, что у многих помешанных родственники обладают гениальными способностями и что у громадного большинства даровитых людей дети и родные бывают эпилептиками, идиотами, маньяками и наоборот, в чем читатель может убедиться, просмотрев еще раз родословное дерево семейства Берти.

Но еще поучительнее в этом отношении биографии великих людей. Отец Фридриха Великого и мать Джонсона были помешанные, сын Петра Великого был пьяница и маньяк; сестра Ришелье воображала, что у нее спина стеклянная, а сестра Гегеля — что она превратилась в почтовую сумку; сестра Николини считала себя осужденной на вечные муки за еретические убеждения своего брата и несколько раз пыталась ранить его. Сестра Ламба убила в припадке бешенства свою мать; у Карла V мать страдала меланхолией и умопомешательством, у Циммермана брат был помешанный; у Бетховена отец был пьяница; у Байрона мать — помешанная, отец бесстыдный развратник, дед — знаменитый мореплаватель; поэтому Рибо имел полное право сказать о Байроне, что “эксцентричность его характера может быть вполне оправдана наследственностью, так как он происходил от предков, обладавших всеми пороками, которые способны нарушить гармоническое развитие характера и отнять все качества, необходимые для семейного счастья”. Дядя и дед Шопенгауэра были помешанные, отец же был чужак и впоследствии сделался самоубийцей. У Кернера сестра страдала меланхолией, а дети были помешанные и подвержены сомнамбулизму. Точно так же расстройством умственных способностей страдали: Карлини, Меркаданте, Доницетти, Вольта; у Манцони помешанными были сыновья, у Вилльмена — отец и братья, у Конта — сестра, у Пертикари и Пуччинотти — братья. Дед и брат д’Азелио отличались такими странностями, что о них говорил весь Турин.

Прусская статистика 1877 года насчитывает на 10676 помешанных 6369 человек, в сумасшествии которых явно выразилось влияние наследственности.

Влияние наследственности в помешательстве гораздо

чаще встречается у гениальных людей, нежели у самоубийц или преступников, и что оно лишь вдвое-втрое сильнее у пьяниц. Из 22 случаев наследственного помешательства Обанель и Торе констатировали два случая, когда этой болезнью страдали дети гениальных людей.

VI

**ГЕНИАЛЬНЫЕ ЛЮДИ,
СТРАДАВШИЕ УМОПОМЕШАТЕЛЬСТВОМ:
ГАРРИНГТОН, БОЛИАН, КОДАЦЦИ, АМПЕР, КЕНТ,
ШУМАН, ТАССО, КАРДАНО, СВИФТ, НЬЮТОН,
РУССО, ЛЕНАУ, ШЕХЕНИ (SZÉCHENI),
ШОПЕНГАУЭР**

Приведенные здесь примеры аналогичности сумасшествия с гениальностью если и не могут служить доказательством полного сходства их между собою, то по крайней мере убеждают нас в том, что первое не исключает присутствия второй в одном и том же субъекте, и объясняют нам, почему это является возможным.

В самом деле, не говоря уже о многих гениях, страдавших галлюцинациями более или менее продолжительное время, как Андраль, Челлини, Гёте, Гоббс, Грасси, или потерявших рассудок в конце своей славной жизни, как, например, Вико и другие, немалое число гениальных людей было в то же время и мономаньяками или всю жизнь находились под влиянием галлюцинаций. Вот несколько примеров такого совпадения.

Мотанус (Motanus), всегда жаждавший уединения и отличавшийся странностями, кончил тем, что считал себя превратившимся в ячменное зерно, вследствие чего не хотел выходить на улицу из боязни, чтобы его не склевали птицы.

Друг Люлли постоянно говорил о нем в его оправдание: “Не обращайтесь на него внимания, он обладает здравым смыслом, он всецело — гений”.

Гаррингтон воображал, что мысли вылетают у него из рта в виде пчел и птиц, и прятался в беседку с метлой в руке, чтобы разгонять их.

Галлер, считая себя гонимым людьми и проклятым от Бога за свою порочность, а также за свои еретические сочинения, испытывал такой ужасный страх, что мог избавляться от него только громадными приемами опия и беседой со священниками.

Ампер сжег свой трактат о “Будущности химии” на том основании, что он написан по внушению сатаны.

Мендельсон страдал меланхолией. Латре в старости сошел с ума. Великий голландский живописец Ван Гог думал, что он одержим бесом.

Уже в наше время сошли с ума Фарини, Бругэм, Соути, Гуно, Говоне, Гуцков, Монж, Фуркруа, Лойд, Купер, Роккиа, Риччи, Феничия, Энгель, Перголези, Нерваль, Батюшков, Мюрже, Б. Коллинз, Технер, Гольдерлин, Фон дер Вест, Галло, Спедальери, Беллинжери, Сальери, физиолог Мюллер, Ленц, Барбара, Фюзели, Петерман, живописец Вит Гамильтон, По, Улих (Uhliche), а также, пожалуй, Мюссе и Боделен.

Знаменитый живописец Фон Лейден воображал себя отравленным и последние годы своей жизни провел не вставая с постели.

Карл Дольче, религиозный липеманьяк (липемания — мрачное помешательство), дает наконец обет брать только священные сюжеты для своих картин и посвящает свою кисть Мадонне, но потом для изображения ее пишет портрет со своей невесты — Бальдуини. В день своей свадьбы он исчез, и после долгих поисков его нашли распростертым перед алтарем Богоматери.

Томмазо Лойд, автор прелестнейших стихотворений, представляет в своем характере странное сочетание злости, гордости, гениальности и психического расстройства. Когда стихи выходили у него не совсем удачными, он опускал их в стакан с водой, “чтобы очистить их”, как он выражался. Все, что случалось ему найти в своих карманах или что попадалось ему под руки, — все равно, была ли это бумага, уголь, камень, табак, — он имел обыкновение

примешивать к пище и уверял, что уголь очищает его, камень минерализует и пр.

Гоббс, материалист Гоббс, не мог остаться в темной комнате без того, чтобы ему тотчас же не начали представляться привидения.

Поэт Гольдерлин, почти всю жизнь страдавший умопомешательством, убил себя в припадке меланхолии в 1835 году.

Моцарт был убежден, что итальянцы собираются отравить его. Мольер часто страдал припадками сильной меланхолии. Россини (двоюродный брат которого, идиот, страстно любящий музыку, жив еще и до сих пор) сделался в 1848 году настоящим липеманьяком вследствие огорчения от невыгодной для себя покупки дворца. Он вообразил, что теперь его ожидает нищета, что ему даже придется просить милостыню и что умственные способности оставили его; в этом состоянии он не только утратил способность писать музыкальные произведения, но даже не мог слышать разговоров о музыке. Однако успешное лечение почтенного доктора Сансоне из Анконы мало-помалу снова возвратило гениального музыканта его искусству и друзьям.

На Кларка чтение исторических сочинений производило такое впечатление, что он воображал себя очевидцем и даже действующим лицом давно прошедших исторических событий. Блэк и Баннекер представляли себе действительно существующими фантастические образы, которые они воспроизводили на полотне, и видели их перед собой.

Знаменитый профессор П. тоже нередко подвергался подобным иллюзиям и воображал себя то Конфуцием, то Тамерланом.

Шуман, предвестник того направления в музыкальном искусстве, которое известно под названием "музыки будущего", родившись в богатой семье, беспрепятственно мог заниматься своим любимым искусством и в своей жене, Кларе Вик, нашел нежную, вполне достойную его подругу жизни. Несмотря на это, уже на 24-м году он сделался жертвою липемании, а в 46 лет совсем почти лишился рассудка: то его преследовали говорящие столы, обладающие всеведением, то он видел не дававшие ему покоя зву-

ки, которые сначала складывались в аккорды, а затем и в целые музыкальные фразы. Бетховен и Мендельсон из своих могил диктовали ему различные мелодии. В 1854 году Шуман бросился в реку, но его спасли, и он умер в Бонне. Вскрытие обнаружило у него образование остеоцитов — утолщений мозговых оболочек и атрофию мозга.

Великий мыслитель Огюст Конт, основатель позитивной философии, в продолжение десяти лет лечился у Эскироля от психического расстройства и затем по выздоровлении без всякой причины прогнал жену, которая своими нежными попечениями спасла ему жизнь. Перед смертью он объявил себя *апостолом и священнослужителем* материалистической религии, хотя раньше сам проповедовал уничтожение всякого духовенства. В сочинениях Конта рядом с поразительно глубокими положениями встречаются чисто безумные мысли, вроде той, например, что настанет время, когда оплодотворение женщины будет совершаться без посредства мужчины.

Хотя Мантегацца и утверждает, что математики не подвержены подобным психозам, но и это мнение ложно. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, кроме Ньютона, о котором я буду говорить более подробно, Архимеда, затем страдавшего галлюцинациями Паскаля и специалиста чистой математики чудака Кодацци. Алкоголик, скупой до скряжничества, равнодушный ко всем окружающим, он отказывал в помощи даже своим родителям, когда те чуть не умирали с голоду. В то же время он был до того тщеславен, что, еще будучи молодым, ассигновал известную сумму на сооружение себе надгробного памятника и не позволял оспаривать своих мнений даже насчет покроя платья. Наконец, помешательство Кодацци выразилось в том, что он придумал способ сочинять музыкальные мелодии посредством вычисления.

Все математики преклоняются перед гениальностью геометра Больяи (Bolyai), отличавшегося, однако, безумными поступками. Так, например, он вызвал на дуэль 13 молодых людей, состоящих на государственной службе, и в промежутках между поединками развлекался игрою на скрипке, составлявшей единственную движимость в его доме. Ко-

гда ему назначили пенсию, он велел напечатать белыми буквами на черном фоне пригласительные билеты на свои похороны и сделал сам для себя гроб (подобные странности я наблюдал еще у двоих математиков, недавно умерших). Через семь лет он снова напечатал второе приглашение на свои похороны, считая, вероятно, первое уже недействительным, и в духовном завещании обязал наследников посадить на его могиле яблоню, в память Евы, Париса и Ньютона. И такие штуки проделывал великий математик, исправивший геометрию Евклида!

Кардано, о котором современники говорили, что это умнейший из людей и в то же время глупый, как ребенок, Кардано, первый из смельчаков, решившийся критиковать Галена, исключить огонь из числа стихий и назвать помешанными колдунов и католических святых, этот великий человек был сам душевнобольным всю свою жизнь. Кстати прибавлю, что сын, двоюродный брат и отец его тоже страдали умопомешательством.

Вот как описывает себя он сам: “Заика, хилый, со слабой памятью, без всяких знаний, я с детства страдал гипнофантастическими галлюцинациями”. Ему представлялся то петух, говоривший с ним человеческим голосом, то самый тартар, наполненный костями, и все, что бы ни явилось в его воображении, он мог увидеть перед собой, как нечто действительно существующее, реальное. С 19- до 26-летнего возраста Кардано находился под покровительством особого духа, вроде того, что некогда оказывал услуги его отцу, и этот дух не только давал ему советы, но даже открывал будущее. Однако и после 26 лет сверхъестественные силы не оставляли его без содействия: так, однажды, когда он прописал не то лекарство, какое следовало, рецепт, вопреки всем законам тяготения, подпрыгнул на столе и тем предупредил его об ошибке.

Как ипохондрик, Кардано воображал себя страдающим всеми болезнями, о каких только он слышал или читал: сердцебиением, ситофобией*, опухолью живота, недержанием

* Боязнь открытых площадей, широких улиц.

мочи, подагрой, грыжей и пр.; но все эти болезни проходили без всякого лечения или только вследствие молитв Пресвятой Деве. Иногда ему казалось, что мясо, которое он употреблял в пищу, пропитано серой или растопленным воском, в другое время он видел перед собою огни, какие-то призраки, — и все это сопровождалось страшными землетрясениями, хотя окружающие не замечали ничего подобного.

Далее Кардано воображал, что его преследуют и за ним шпионят все правительства, что против него ополчился целый сонм врагов, которых он не знал даже по имени и никогда не видел и которые, как он сам говорит, чтобы опозорить и довести его до отчаяния, осудили на смерть даже нежно любимого им сына. Наконец, ему представилось, что профессора университета в Павии отравили его, пригласив специально для этой цели к себе, так что если он остался цел и невредим, то единственно лишь благодаря помощи св. Мартина и Богородицы. И такие вещи высказывал писатель, бывший в теологии смелым предшественником Дюнью и Ренана!

Кардано сам сознавался, что обладает всеми пороками — склонен к пьянству, к игре, ко лжи, к разврату и зависти. Он говорит также, что раза четыре во время полнолуния замечал в себе признаки полного умопомешательства.

Впечатлительность у него была извращена до такой степени, что он чувствовал себя хорошо только под влиянием какой-нибудь физической боли, так что даже причинял ее себе искусственно, до крови кусая губы или руки. “Если у меня ничего не болело, — пишет он, — я старался вызвать боль ради того приятного ощущения, какое доставляло мне прекращение боли и ради того еще, что, когда я не испытывал физических страданий, нравственные мучения мои делались настолько сильными, что всякая боль казалась мне ничтожной в сравнении с ними”. Эти слова вполне объясняют, почему многие сумасшедшие с каким-то наслаждением причиняют себе физические страдания самыми ужасными способами*.

* Байрон тоже говорил, что перемежающаяся лихорадка доставляет ему удовольствие вследствие того приятного ощущения, каким сопровождается прекращение пароксизма.

Наконец, Кардано до того слепо верил в пророческие сны, что напечатал даже нелепое сочинение “О сновидениях”. Он руководствовался снами в самых важных случаях своей жизни, например при подаче медицинских советов, при заключении своего брака, и, между прочим, под влиянием сновидения писал сочинения, как, например, “О разнообразии вещей” и “О лихорадках”*.

Будучи импотентным до 34 лет, он во сне снова получил способность к половым отправлениям и во сне же ему была указана его будущая подруга жизни, правда, не особенно хорошая, дочь какого-то разбойника, которой, по его словам, он никогда не видел раньше. Эта безумная вера в сновидения до того овладела Кардано, что он руководствовался ими даже в своей медицинской практике, в чем он сам с гордостью сознавался.

Мы могли бы привести из жизни этого гениального безумца еще множество фактов, то забавных и нелепых, то ужасных и возмутительных, но ограничимся одним, соединяющим в себе все эти качества его, — сновидением, касающимся драгоценного камня (gemma).

В мае 1560 года, когда Кардано шел уже 62-й год, сын его был публично признан отравителем. Это несчастье глубоко потрясло бедного старика, и без того не обладавшего душевным спокойствием. Он искренно любил своего сына как отец, доказательством чего служит, между прочим, прелестное стихотворение “*На смерть сына*”, где в такой высокохудожественной форме выражена истинная скорбь, и в то же время он, как самолюбивый человек, надеялся видеть в сыне те же таланты, какими обладал сам. Кроме того, в этом осуждении, еще более усилившем его сумасбродные идеи липеманьяка, несчастный считал виновными своих воображаемых врагов, составивших против него

* “Однажды во сне я услышал прелестнейшую музыку, — говорит он, — я проснулся, и в голове у меня явилось решение вопроса относительно того, почему одни лихорадки имеют смертельный исход, а другие нет, — решение, над которым я тщетно трудился в продолжение 25 лет. Во время сна у меня явилась потребность написать эту книгу, разделенную на 21 часть, и я работал над ней с таким наслаждением, какого никогда прежде не испытывал”.

заговор. “Подавленный таким горем, — пишет он по этому поводу, — я тщетно искал облегчения в занятиях, в игре и в физических страданиях, кусая свои руки или нанося себе удары по ногам (мы знаем, что он и раньше прибегал к подобному средству для своего успокоения). Я не спал уже третью ночь и наконец, часа за два до рассвета, чувствуя, что я должен или умереть, или сойти с ума, я стал молиться Богу, чтобы Он избавил меня от этой жизни. Тогда, совершенно неожиданно, я заснул и вдруг почувствовал, что ко мне приближается кто-то, скрытый от меня окружающим мраком, и говорит: “Что ты сокрушаешься о сыне?.. Возьми камень, висящий у тебя на шее, в рот и, пока ты будешь прикасаться к нему губами, ты не будешь вспоминать сына”. Проснувшись, я не поверил, чтобы могла существовать какая-нибудь связь между изумрудом и забвением, но, не зная иного средства облегчить нестерпимые страдания и припомнив священное изречение “*Credidit, et reputatum ei est ad justitiam*”, я взял в рот изумруд. И что же? Вопреки моим ожиданиям, всякое воспоминание о сыне вдруг исчезло из моей памяти, так что я снова заснул. Затем, в продолжение полутора лет я вынимал свой драгоценный камень изо рта только во время еды и чтения лекций, но тогда ко мне возвращались прежние страдания”. Странное лечение это основывалось на игре слов (непереводимой по-русски), так как *gioia* — радость и *gemme* — драгоценный камень происходят от одного корня. Сказать по правде, Кардано в этом случае не нуждался даже в откровении, сделанном ему во время сна, потому что еще раньше, основываясь на этимологии, ложно им понятой, он приписывал драгоценным камням благотворное влияние на людей*.

На закате своей многострадальной жизни Кардано, подобно Руссо и Галлеру, написал свою автобиографию и пред-

* “Драгоценные камни, представляющиеся нам во сне, имеют символическое значение детей, чего-нибудь неожиданного, даже радостного, потому что по-итальянски слово *gioire* (пользоваться), происходящее от *gemme*, означает в то же время и наслаждаться”. Страсть к подобной игре слов мы встречаем у всех маньяков.

сказал день желанной для него смерти. В назначенный день он действительно умер или, может быть, умервил себя, чтобы доказать безошибочность своего предсказания.

Познакомимся теперь с жизнью Тассо. Для тех, кому неизвестна брошюрка Верга *“Липемания Тассо”*, мы приводим отрывок из его письма, где он говорит о себе: “Я нахожусь постоянно в таком меланхолическом настроении, что все считают меня помешанным, и я сам разделяю это мнение, так как, не будучи в состоянии сдерживать своих тревожных мыслей, я часто и подолгу разговариваю сам с собою. Меня мучат различные наваждения, то человеческие, то дьявольские. Первые — это крики людей, в особенности женщин, и хохот животных, вторые — это звуки песен и пр. Когда я беру в руки книгу и хочу заниматься, в ушах у меня раздаются голоса, причем можно расслышать, что они произносят имя Паоло Фульвии”.

В своем сочинении *“Messagiero”* (“Посланник” или “Мессия”), сделавшемся впоследствии для Тассо предметом галлюцинаций, он несколько раз сознавался, что потерял рассудок вследствие злоупотреблений вином и любовью. Поэтому мне кажется, что он изобразил самого себя в *“Tirsi dell’Aminta”* и в той прелестной октаве, которую любил повторять другой липеманьяк — Руссо:

Мучимый страхом, сомнением и злобой,
Должен я жить одиноким скитальцем,
Вечно пугаясь с безумной тревогой
Призраков мрачных и грозных видений,
Созданных мной же самим в час недуга.
Солнце напрасно мне будет светить,
В нем я увижу не брата, не друга,
Но лишь помеху терзаньям моим...
В тщетных стараньях уйти от себя,
Вечно останусь с собой я самим.

Под влиянием галлюцинаций или в припадке бешенства Тассо, схватив однажды нож, бросился с ним на слугу, вошедшего в кабинет тосканского герцога, и был заключен за это в тюрьму. Сообщая об этом факте, посланник, быв-

ший тогда в Тоскане, говорит, что несчастного поэта подвергли заключению скорее с целью вылечить, чем наказать за такой сумасбродный поступок.

После того Тассо постоянно переезжал с места на место, нигде не находя покоя: всюду преследовала его тоска, беспричинные угрызения совести, боязнь быть отравленным и страх перед муками ада, ожидающими его за высказываемые им еретические мнения, в которых он сам обвинял себя в трех письмах, адресованных “слишком кроткому” инквизитору.

“Меня постоянно мучат тяжелые, грустные мысли, — жаловался Тассо врачу Кавалларо, — а также разные фантастические образы и призраки: кроме того, я страдаю еще слабостью памяти, поэтому прошу вас, чтобы к пилюлям, которые вы назначите мне, было прибавлено что-нибудь для ее укрепления”. “Со мною случаются припадки бешенства, — писал он Гонзаго, — и меня удивляет, что никто еще не записал, какие вещи я говорю иногда сам с собой, по своему произволу наделяя себя при этом воображаемыми почестями, милостями и любезностями со стороны простых людей, императоров и королей”.

Это странное письмо служит доказательством, что мрачные мучительные мысли перемежались у Тассо с забавными и веселыми. К сожалению, первые являлись гораздо чаще, как он прекрасно выразил это в следующем сонете:

Я устал бороться с толпою теней
 Печальных и мрачных иль светло-прекрасных,
 Моей ли фантазии жалких детей,
 Иль вправду врагов мне опасных?
 Найду ли я сил победить их один,
 Беспомощный, слабый отшельник, —
 Не знаю, но страх надо мной властелин,
 Не он ли и есть мой волшебник!

В последних строках заметно сомнение в действительности вызванных бредом галлюцинаций, что служит доказательством, как упорно боролся этот мощный, привыкший к логическому мышлению ум с болезненными, неле-

пыми представлениями. Но увы! Такие сомнения являлись слишком редко.

Через несколько времени Тассо писал Каттанео:

“Упражнения нужнее теперь для меня, чем лекарство, потому что болезнь моя *сверхъестественного происхождения*. Скажу несколько слов о домовом: этот негодяй часто ворует у меня деньги, производит полнейший беспорядок в моих книгах, открывает ящики и таскает ключи, так что уберечься от него нет никакой возможности. Я мучусь постоянно, в особенности *по ночам* и знаю, что страдания мои обуславливаются *помешательством (frenesia)*”. В другом письме он говорит: “Когда я не сплю, мне кажется, что передо мной мелькают в воздухе яркие огни, и глаза у меня бывают иногда до того воспалены, что я боюсь потерять зрение; в другое время я слышу страшный грохот, свист, дребезг, звон колоколов и такой неприятный шум, как будто от боя нескольких стальных часов. А во сне я вижу, что на меня бросается лошадь и опрокидывает на землю или что я весь покрыт нечистыми животными. После этого все члены у меня болят, голова делается тяжелой, но вдруг посреди таких страданий и ужасов передо мною появляется образ Святой Девы, юной и прекрасной, держащей на руках своего сына, увенчанного радужным сиянием”. По выходе из больницы он рассказывал тому же Каттанео, что “домовой” распространяет письма, в которых сообщаются сведения о нем, Тассо. “Я считаю это, — говорил он, — одним из тех чудес, какие нередко бывали со мной и в больнице: без сомнения, это дело какого-нибудь волшебника, на что у меня есть немало доказательств, и в особенности тот факт, что однажды, в три часа, у меня на глазах исчез куда-то мой хлеб”. Когда Тассо захворал горячкой, его излечила Богородица своим появлением, и в благодарность ей за это он написал сонет, напоминавший собою “*Messaggero*”. Дух являлся несчастному поэту в такой осязательной форме, что он говорил с ним и чуть только не прикасался к нему руками. Этот дух вызывал в нем идеи, раньше, по его словам, не приходившие ему в голову.

Свифт, отец иронии и юмора, уже в своей молодости предсказал, что его ожидает помешательство; гуляя однажды по саду с Юнгом, он увидел вяз, на вершине своей почти лишенный листвы, и сказал: “Я точно так же начну умирать с головы”. До крайности гордый с высшими, Свифт охотно посещал самые грязные кабаки и там проводил время в обществе картежников. Будучи священником, он писал книги антирелигиозного содержания, так что о нем говорили, что, прежде чем дать ему сан епископа, его следует снова окрестить. Слабоумный, глухой, бессильный, неблагодарный относительно друзей — так охарактеризовал он сам себя. Непоследовательность в нем была удивительная: он приходил в страшное отчаяние по поводу смерти своей нежно любимой Стеллы и в то же самое время сочинял комические письма “*О слугах*”. Через несколько месяцев после этого он лишился памяти, и у него остался только прежний резкий, острый как бритва язык. Потом он впал в мизантропию и целый год провел один, никого не видя, ни с кем не разговаривая и ничего не читая; по десяти часов в день ходил по своей комнате, ел всегда стоя, отказывался от мяса и бесился, когда кто-нибудь входил к нему в комнату. Однако после появления у него чирьев (вереда) он стал как будто поправляться и часто говорил о себе: “*Я сумасшедший*”, но этот светлый промежуток продолжался недолго, и бедный Свифт снова впал в бессмысленное состояние, хотя проблески иронии, сохранившейся в нем даже и после потери рассудка, еще вспыхивали порою; так, когда в 1745 году устроена была в честь его иллюминация, он прервал свое продолжительное молчание словами: “Пускай бы эти сумасшедшие хотя не сводили других с ума”.

В 1745 году Свифт умер в полном расстройстве умственных способностей. После него осталось написанное задолго перед этим завещание, в котором он отказал 11000 фунтов стерлингов в пользу душевнобольных. Сочиненная им тогда же для себя эпитафия служит выражением ужасных нравственных страданий, мучивших его постоянно: “*Здесь лежит Свифт, сердце которого уже не надрывется больше от гордого презрения*”.

Ньютон, покоривший своим умом все человечество, как справедливо писали о нем современники, в старости тоже страдал настоящим психическим расстройством, хотя и не настолько сильным, как предыдущие гениальные люди. Тогда-то он и написал, вероятно, “Хронологию”, “Апокалипсис” и “Письмо к Бентлею”, сочинения туманные, запутанные и совершенно не похожие на то, что было написано им в молодые годы.

В 1693 году, после второго пожара в его доме и после непомерно усиленных занятий, Ньютон в присутствии архиепископа начал высказывать такие странные, нелепые суждения, что друзья нашли нужным увезти его и окружить самым заботливым уходом. В это время Ньютон, бывший прежде до того робким, что даже в экипаже ездил не иначе, как держась за ручки дверец, затеял дуэль с Вилларом, желавшим драться непременно в Севеннах. Немного спустя он написал два приводимых ниже письма, сбивчивый и запутанный слог которых вполне доказывает, что знаменитый ученый совсем еще не оправился от овладевшей им мании преследования, которая действительно развилась у него снова несколько лет спустя. Так, в письме к Локку он говорит: “Предположив, что вы хотите запутать (*embrilled*) меня при помощи женщин и других соблазнов, и заметив, что вы чувствуете себя дурно, я начал ожидать (желать) вашей смерти. Прошу у вас извинения в этом, а также в том, что я признал безнравственными как ваше сочинение “Об идеях”, так и те, которые вы издадите впоследствии. Я считал вас последователем Гоббса. Прошу вас извинить меня за то, что я думал и говорил, будто вы хотели продать мне место и запутать меня. Ваш злополучный Ньютон”. Несколько определеннее он говорит о себе в письме к Пепи: “С приближением зимы все привычки мои перепутались, затем болезнь довела эту путаницу до того, что в продолжение двух недель я не спал ни одного часа, а в течение последних *пяти* дней даже ни одной *секунды* (какая математическая точность). Я помню, что писал вам, но не знаю, что именно; если вы пришлете мне письмо, то я вам объясню его”. Ньютон нахо-

дился в это время в таком состоянии, что, когда у него спрашивали разъяснения по поводу какого-нибудь места в его сочинениях, он отвечал: “Обратитесь к Муавру — он смыслит в этом больше меня”.

Кто, не бывши ни разу в больнице для умалишенных, пожелал бы составить себе верное представление о душевных муках, испытываемых липеманьяком, тому следует только прочесть сочинения Руссо, в особенности последние из них — “Исповедь”, “Диалоги” и “Прогулки одинокого мечтателя” (“Reveries”).

“Я обладаю жгучими страстями, — пишет Руссо в своей “Исповеди”, — и под влиянием их забываю о всех отношениях, даже о любви: вижу перед собою только предмет своих желаний, но это продолжается лишь одну минуту, вслед за которой я снова впадаю в апатию, в изнеможение. Какая-нибудь картина соблазняет меня больше, чем деньги, на которые я мог бы купить ее! Я вижу вещь... она мне нравится; у меня есть и средства приобрести ее, но нет, это не удовлетворяет меня. Кроме того, когда мне нравится какая-нибудь вещь, я предпочитаю *взять ее сам*, а не просить, чтобы мне ее подарили”. В том-то и состоит различие между клептоманом* и обыкновенным вором, что первый крадет по инстинкту, в силу потребности, второй — по расчету, ради приобретения: первого прельщает всякая понравившаяся ему вещь, второго же — только вещь ценная.

“Будучи рабом своих чувств, — продолжает он, — я никогда не мог противостоять им; самое ничтожное удовольствие в настоящем больше соблазняет меня, чем все утехи рая”.

И действительно, ради удовольствия присутствовать на братском пиршестве (отца Понтьера) Руссо сделался веротступником, а вследствие своей трусости без сострадания покинул на дороге своего приятеля-эпилептика.

Однако не одни страсти его отличаются болезненной пылкостью — самые умственные способности были у него с детства и до старости в ненормальном состоянии, дока-

* Клептомания — болезненная страсть к воровству.

зательства чего мы тоже встречаем в “Исповеди”, как, например:

“Воображение разыгрывается у меня тем сильнее, чем хуже мое здоровье. Голова моя так устроена, что я не умею находить прелесть в действительно существующих хороших вещах, а только в воображаемых. Чтобы я красиво описал весну, мне необходимо, чтобы на дворе была зима”.

Отсюда становится понятным, почему Свифт, тоже помешанный, писал самые веселые из своих писем во время предсмертной агонии Стеллы и почему как он, так и Руссо с таким мастерством изображали все нелепое.

“Реальные страдания оказывают на меня мало влияния, — продолжает Руссо, — гораздо сильнее мучусь я теми, которые придумываю себе сам: ожидаемое несчастье для меня страшнее уже испытываемого”.

Не потому ли некоторые из боязни смерти лишают себя жизни?

Стоило Руссо прочесть какую-нибудь медицинскую книгу — и ему тотчас же представлялось, что у него все болезни, в ней описанные, причем он изумлялся, как он останется жив, страдая такими недугами. Между прочим, он воображал, что у него полип в сердце. По его собственному объяснению, такие странности являлись у него вследствие преувеличенной, ненормальной чувствительности, не имевшей правильного исхода.

“Бывает время, — говорит он, — когда я так мало похож на самого себя, что меня можно счесть совершенно иным человеком. В спокойном состоянии я чрезвычайно робок, идеи возникают у меня в голове медленно, тяжело, смутно, только при известном возбуждении; я застенчив и не умею связать двух слов; под влиянием страсти, напротив, я вдруг делаюсь красноречивым. Самые нелепые, безумные, ребяческие планы очаровывают, пленяют меня и кажутся мне удобоисполнимыми. Так, например, когда мне было 18 лет, я отправился с товарищем путешествовать, захватив с собою фонтанчик из бронзы, и был уверен, что, показывая его крестьянам, мы не только прокормимся, но даже разбогатеем”.

Несчастный Руссо перепробовал почти все профессии, от высших до самых низших, и не остановился ни на одной из них: он был и вероотступником (ренегатом) из-за денег, и часовщиком, и фокусником, и учителем музыки, и живописцем, и гравером, и лакеем, и, наконец, чем-то вроде секретаря при посольстве.

Точно так же в литературе и в науке он брался за все отрасли, занимаясь то медициной, то теорией музыки, то ботаникой, теологией и педагогией. Злоупотребление умственным трудом (особенно вредное для мыслителя, идеи которого развивались туго и с трудом), а также все увеличивающееся самолюбие сделали мало-помалу из ипохондрика меланхолика и наконец — настоящего маньяка. “Волнение и злоба потрясли меня до такой степени, — говорит он, — что я в течение десяти лет страдал бешенством и успокоился только теперь”. Успокоился! Когда хроническое умственное расстройство не позволяло ему, даже на короткий срок, найти границу между действительными страданиями и воображаемыми.

Ради отдохновения он покинул большой свет, где всегда чувствовал себя неловко, и удалился в уединенную местность, в деревню: но и там городская жизнь не давала ему покоя: болезненное тщеславие и отголоски светского шума омрачали для него красоту природы. Тщетно Руссо старался убежать в леса — безумие следовало туда за ним и достигало его всюду.

Таким образом, Руссо являлся как бы олицетворением того образа, который создал Тассо в своей октаве:

...и скрыться от себя стараясь,
Всегда останусь я с самим собой.

Вероятно, он и намекал на это стихотворение, когда уверял Корансе (Coransez), что считает Тассо своим пророком. Потом несчастный автор “Эмиля” начал воображать, что Пруссия, Англия, Франция, короли, женщины, духовенство, вообще весь род людской, оскорбленный некоторыми местами его сочинений, объявили ему ожесточенную войну, последствиями которой и объясняются испытываемые им душевные страдания.

“В своей утонченной жестокости, — пишет он, — враги мои забыли только соблюдать постепенность в причиняемых мне мучениях, чтобы я мог понемногу привыкнуть к ним”.

Самое большое проявление злобы этих коварных мучителей Руссо видит в том, что они осыпают его похвалами и благодеяниями. По его мнению, “им удалось даже подкупить продавцов зелени, чтобы они отдавали ему свой товар дешевле и лучшего качества, — наверное, враги сделали это с целью показать его низость и свою доброту”.

По приезде Руссо в Лондон его меланхолия перешла в настоящую манию. Вообразив, что Шуазель разыскивает его с намерением арестовать, он бросил в гостинице деньги, вещи и бежал на берег моря, где платил за свое содержание кусками серебряных ложек. Так как ему не удалось тотчас же уехать из Англии по случаю противного ветра, то он и это приписал влиянию заговора против него. Тогда, в сильнейшем раздражении, он с вершины холма произнес на плохом английском языке речь, обращенную к сумасшедшей Вартон, которая слушала его с изумлением и, как ему казалось, с умилением.

Но и по возвращении во Францию Руссо не избавился от своих невидимых врагов, шпионивших за ним и объяснявших в дурную сторону каждое его движение. “Если я читаю газету, — жалуется он, — то говорят, что я замышляю заговор, если понюхаю розу — подозревают, что я занимаюсь исследованием ядов с целью отравить моих преследователей”. Все ставится ему в вину, а чтобы лучше наблюдать за ним, у двери его дома помещают продавца картин, устраивают так, что эта дверь не запирается, и пускают в дом его посетителей только тогда, как успеют возбудить в них ненависть к нему. Враги восстанавливают против него содержателя кафе, парикмахера, хозяина гостиницы и пр. Когда Руссо желает, чтобы ему почистили башмаки, у мальчика, исполняющего эту обязанность, не оказывается ваксы; когда он хочет переехать через Сену — у перевозчиков нет лодки. Наконец, он просит, чтобы его заключили в тюрьму, но... даже в этом встречает отказ. С целью

отнять последнее оружие — печатное слово — враги арестуют и сажают в Бастилию издателя, совершенно ему не знакомого.

“Обычай сжигать во время поста соломенное чучело, изображавшее того или другого еретика, был уничтожен — его снова восстановили, конечно, для того, чтобы сжечь мое изображение; и в самом деле, надетое на чучело платье походило на то, что я ношу обыкновенно”.

В деревне Руссо встретил раз улыбающегося, ласкового мальчика; но, повернувшись, чтобы в свою очередь приласкать его, он вдруг увидел перед собою взрослого мужчину и по его печальной физиономии (обратите внимание на этот странный эпитет) узнал в нем одного из приставленных к нему врагами шпионов.

Под влиянием мании, считая себя гонимым, он написал “Диалог: Руссо судит Жан Жака”, где, с целью смягчить несметное множество преследующих его врагов, подробно и тщательно изобразил свои галлюцинации. Чтобы распространить в публике это оправдательное сочинение, несчастный безумец начал раздавать экземпляры его на улице всем прохожим, судя по лицу которых можно было думать, что они не находятся под влиянием не дающих ему покоя недругов.

В этом сочинении он обращается ко всем французам, поклонникам справедливости, но — странное дело! — не смотря на такой лестный эпитет, а может быть, именно благодаря ему не нашлось ни одного человека, который принял бы эту брошюрку с удовольствием; напротив, многие отказывались взять ее! Убедившись тогда, что ему нечего ждать на земле от людей, Руссо, подобно Паскалю, обратился с письмом, очень нежно и фамильярно написанным, к самому Богу, а чтобы оно вернее достигло своего назначения и принесло ожидаемую пользу, положил его и рукопись “Диалогов” под алтарь церкви Богоматери в Париже, как будто, по представлению этого маньяка, Создатель вселенной, отвлеченное, вездесущее Божество, только и может находиться под сводами парижского собора.

На основании всех этих фактов нельзя не признать справедливым мнение Вольтера и Корансе, что Руссо “был

сумасшедший и сам всегда сознавался в этом". К тому же из многих мест "Исповеди", а также из писем Грима видно, что у Руссо, кроме других болезней, был еще паралич мочевого пузыря и сперматорея (непроизвольное истечение семени), что, по всей вероятности, обуславливалось поражением спинного мозга и должно было, без сомнения, усиливать припадки меланхолии.

Вся жизнь величайшего из современных лирических поэтов, Ленау, недавно скончавшегося в Доблинговой больнице для умалишенных, представляет с самого раннего детства смесь гениальности и сумасшествия. Отец его был знатный барин, гордый и порочный, а мать — до крайности впечатлительная особа, страдавшая меланхолией и зараженная аскетизмом. Ленау с детства обнаруживал меланхолическое настроение, склонность к мистицизму и любовь к музыке. Этой последней он занимался всего охотнее, хотя изучал также медицину, юриспруденцию и сельское хозяйство. В 1831 году Кернер заметил, что настроение его почти постоянно было печальное, меланхолическое и что он проводит целые ночи один в саду, играя на своем любимом инструменте. Через несколько времени Ленау писал своей сестре: "Я чувствую, что приближаюсь к своей гибели: демон безумия овладел моим сердцем, я — сумасшедший; говорю тебе это, сестра, зная, что ты все-таки по-прежнему будешь любить меня". Этот демон скоро принудил его оставить Германию и отправиться, почти без всякой цели, в Америку. По возвращении оттуда он был встречен на родине празднествами и всеобщим восторгом, но, по его словам, "ипохондрия глубоко запустила свои зубы в его сердце и ничто не могло его развеселить". Вскоре это бедное сердце начало страдать и физически: у Ленау сделался перикардит (воспаление сердечной оболочки), от которого он потом уже не мог вылечиться. С тех пор несчастный страдалец лишился своего лучшего друга — сна, этого единственного избавителя от невыносимых страданий, и по целым ночам мучился страшными видениями.

"Можно подумать, — объясняет он свое состояние образами, как это делают все помешанные, — можно поду-

мать, что дьявол устраивает охоту у меня в животе: я слышу там постоянный лай собак и зловеющий адский шум. Без шуток — есть от чего прийти в отчаяние!”

Мизантропия, которой, как мы уже видели, страдали Галлер, Свифт, Кардано и Руссо, появилась у Ленау в 1840 году со всеми признаками мании. Он стал бояться, ненавидеть и презирать людей. В Германии в честь его устраивали празднества, воздвигали триумфальные арки, а он бежал прочь из нее и бесцельно скитался по свету; раздражение и злоба нападали на него без всякой причины, он чувствовал себя неспособным к работе, как человек, по его собственным словам, “с поврежденным черепом”, и потерял аппетит. Болезненная склонность к мистицизму, обнаружившаяся в нем с детства, появилась у него снова: он принялся за изучение гностиков, начал перечитывать биографии колдунов, так пленявшие его в молодости, выпивал громадные количества кофе и ужасно много курил.

“Замечательно, — сознавался он, — до какой степени физическое движение и в особенности курение сигар вызывает у меня в голове целый рой новых мыслей”. Он писал ночи напролет, переезжал с места на место, путешествовал... женился, задумывал громадные работы и ни одной из них не довел до конца.

Это были последние вспышки великого ума. С 1844 года Ленау все чаще жалуется на головные боли, постоянный пот и страшную слабость. “Света, света недостает мне”, — писал он. Немного спустя у него сделался паралич левой руки, мускулов глаз и обеих щек; он стал писать с орфографическими ошибками и употреблять нелепые созвучия. Наконец (12 октября) им вдруг овладела страсть к самоубийству; когда его удержали от покушения на свою жизнь, он впал в бешенство, дрался, ломал все, жег свои рукописи, но мало-помалу успокоился, пришел в нормальное состояние и даже написал тщательный анализ своего припадка в стихотворении “*Traumgewalte*” (“Во власти бреда”), представляющем нечто ужасное, хаотическое. Это был последний луч света, озаривший для него ночной мрак, или, как метко выразился Шиллинг, — последняя победа гения над поме-

шательством. Здоровье Ленау все ухудшалось; после новой попытки лишить себя жизни им овладело то роковое состояние довольства и приятного возбуждения, которое всегда предшествует прогрессивному развитию паралича. “Я наслаждаюсь теперь жизнью, — говорил он, — наслаждаюсь потому, что прежние ужасные видения сменились теперь светлыми, прелестными образами”. Ему представлялось, что он находится в Валгале вместе с Гёте, или он воображал себя королем Венгрии, победителем во многих битвах, причем доказывал свои права на венгерский престол.

В 1845 году он потерял обоняние, всегда отличавшееся у него необыкновенной тонкостью, сделался равнодушным к своим любимым цветам — фиалкам и даже перестал узнавать старых друзей.

Однако и в этом печальном положении Ленау написал одно стихотворение, хотя и проникнутое крайним мистицизмом, но не лишенное прежней античной прелести стиха. Однажды, когда его подвели к бюсту Платона, он сказал: “Вот человек, который выдумал глупую любовь”. В другой раз, услышав, что о нем сказал кто-то: “Здесь живет великий Ленау”, он заметил на это: “*Теперь Ленау сделался совсем маленьким*” и долго плакал потом. Он умер 21 августа 1850 года. Последние его слова были: “Несчастный Ленау”. Вскрытие обнаружило у него только немного серозной жидкости в желудочках мозга и следы воспаления сердечной оболочки.

В той же больнице Доблинга умер несколько лет тому назад другой великий человек — венгерский патриот Сечени, организатор судоходства по Дунаю, основатель Мадьярской Академии и главный деятель революции 1848 года. Во время торжества ее, будучи министром, он вдруг стал однажды просить своего товарища, тоже министра, Кошута, чтобы тот не приговаривал его к виселице. Сначала все приняли это за шутку, но — увы! — шутки тут не было... Предвидя бедствия, грозившие его родине, и несправедливо считая себя виновником их, Сечени впал в манию преследования, которая вскоре перешла в страсть к самоубийству. Когда Сечени несколько успокоился, на него на-

пала болтливость чисто патологического свойства, особенно странная в дипломате и заговорщике, так что стоило ему только встретить кого-нибудь в больнице — все равно, был ли это идиот, сумасшедший или злейший враг его родины — и он тотчас же вступал с ним в длинейшие рассуждения, причем обвинял себя во всевозможных выдуманных им преступлениях. В 1850 году у него явилась прежняя страсть к шахматной игре, но и она приняла характер мании: пришлось нанять бедного студента, который играл с ним в шахматы по 10—12 часов кряду. На студента это подействовало так дурно, что он сошел с ума, но состояние самого Сечени улучшилось: он стал менее нелюдим, чем прежде, когда не мог без отвращения видеть даже своих близких родных.

Из болезненных признаков у него осталось только отвращение к ярко освещенным полям, нежелание выходить из своей комнаты и склонность к одиночеству, так что даже нежно любимых им сыновей он допускал к себе лишь по несколько раз в месяц. Во время этих редких посещений он усаживал дорогих гостей у стола, около себя, и читал им свои произведения. Но выманить его самого в парк стоило всегда чрезвычайных усилий. Несмотря на душевную болезнь, Сечени не только сохранил полную ясность мысли, но ум его как будто приобрел еще большую мощь. Он внимательно следил за литературными новостями Германии и Венгрии и жадно ловил каждый признак улучшения в судьбе своей родины. Когда вследствие австрийской интриги замедлилось окончание постройки восточной железной дороги, проложенной благодаря усилиям этого великого патриота, он написал Зичи (Zichy) письмо, уже по одному маленькому отрывку из которого можно судить о том, какой глубокий мыслитель был Сечени:

“Все, некогда существовавшее в мире, не исчезает из него, но появляется в другой форме, при других условиях. Разбитая бутылка, конечно, уже не годится для своего прежнего назначения, но эти жалкие осколки не уничтожаются и, будучи положены в горн, могут еще превратиться в новый сосуд, где заблестит царское вино — токай, тогда как

раньше бутылка, может быть, заключала в себе плохое вино... Для венгерца нет большей похвалы, как если о нем скажут, что он остался непоколебим. Ты знаешь, милый друг, наш старинный девиз: “Стоять твердо даже в грязи”, — останемся же верны ему, несмотря на упреки наших братьев, и будем работать для общего блага. Удержаться на своем посту, посреди комьев грязи, бросаемых в лицо братьев и товарищей по оружию легкомысленными или фанатичными патриотами, упрямо удерживать за собою раз занятый пост, хотя бы сердце надрывалось при этом от оскорблений, — вот лозунг и пароль нашего времени”.

В 1858 году, когда австрийский министр стал оказывать давление на Венгерскую Академию с целью добиться уничтожения того параграфа, по которому разработка мадьярского языка считалась ее главным назначением, Сечени написал другое письмо, отлично рисующее возвышенный характер этого патриота.

“Могу ли я молчать, — пишет он, — видя, как уничтожается засеянная мною нива? Могу ли я забыть услуги, оказанные нам этим могущественным учреждением? Я предлагаю этот вопрос, я — страдающий совсем не помрачением рассудка, но роковой способностью видеть слишком ясно, слишком отчетливо, не обманывая себя никакими иллюзиями. Разве я не обязан забить тревогу, когда вижу, что наше правительство (династия), под влиянием каких-то злобных наветов, с ожесточением преследует самый живучий из подвластных ему народов, народ, которому судьба готовит великую будущность? Его хотят не только уничтожить, но задушить, отнять у него все характеристические особенности, вырвать с корнем вековое имперское дерево. Как основатель этой Академии, я должен возвысить теперь свой голос. Пока голова держится у меня на плечах, пока ум мой еще не окончательно омрачился и глаза мои не покрылись вечным мраком, я буду твердо стоять на том, что право изменять устав Академии принадлежит мне. Император наш рано или поздно придет к тому убеждению, что слить в одно целое, ассимилировать все народы, живущие в подвластном ему государстве, есть

не что иное, как утопия, придуманная его министрами; наступит время, когда все эти народы отделятся от империи и только одни венгерцы, не имеющие расового сродства с другими европейскими нациями, будут стремиться достигнуть предназначенного им судьбою развития под охраной королевской династии”.

Это было в 1858 году. На следующий год, еще до разгара войны, Сечени предсказывал ее неудачный исход и результаты. “Кризисы обыкновенно оканчиваются выздоровлением, — говорил он, — если только болезнь излечима”. Около этого времени была издана им в Лондоне книга, где в странной, юмористической, но вместе с тем и мрачной форме он рассказывает, какие бедствия испытала Венгрия под железным управлением Баха, очерчивает будущность ее и советует держаться политики соглашения, примирения с Австрией, но не подчинения ей. “В сущности, это жалкая ничтожная книжонка, — говорил он о своем труде, — но знаете ли вы, как образовался остров Маргариты? Согласно древнему преданию, на том месте, где он теперь находится, протекал прежде Дунай; каким-то образом на дно его попала однажды падаль и застряла в песке; и вот около нее постепенно стал образовываться остров. Моя книга есть тоже нечто вроде этой падали, — кто знает, что может выйти из нее со временем!”

Через несколько месяцев Баха сменил Гюбнер, и либеральная система управления была впервые введена в Венгрии. Бедный Сечени не помнил себя от восторга; из своего скромного убежища он поддерживал нового министра, посылал ему проекты реформ, сочинял и редактировал планы возрождения Австрии, не забывая, конечно, при этом и свою родную Венгрию.

Многие из великих австрийских государственных деятелей приезжали тогда к нему за советами и черпали вдохновение в его умной беседе. К несчастью, восторг слишком скоро сменился разочарованием: место Гюбнера занял Тьерри, бездарный ученик Баха, приверженец старой системы и прежних австрийских порядков: все реформы были тотчас же отложены в долгий ящик.

Трудно представить, в какое отчаяние пришел несчастный Сечени, узнав об этом... Он зовет к себе Рехберга, просит его предупредить, пока еще есть время, императора об ошибочности такого образа действий и предлагает программу двух отдельных конституций для Австрии и Венгрии; согласно этой программе внутренние вопросы должны были разрешаться каждым государством отдельно, внешние же, касающиеся блага всей империи, — сообща. Однако Рехберг не обладал прозорливостью гениального безумца Сечени и сказал, покачивая головой: “Сейчас видно, что эта программа написана в доме умалишенных”. Мало того, министр Тьерри, заподозрив в великом мадьярском патриоте простого заговорщика, посылает отряд жандармов произвести у него в больнице обыск, грозит ему тюремным заключением и велит отнять у него даже любимые бумаги.

Несчастный безумец, умопомешательство которого проявлялось лишь в неудержимой потребности быть полезным своей родине и в мучительном сознании, что он недостаточно много работал для нее, убедился теперь, что для него закрыты все пути к деятельности, и в порыве отчаяния, после неудачной попытки заглушить жгучие страдания непрерывной игрой в шахматы, наконец лишил себя жизни выстрелом из револьвера. Это было 8 апреля 1860 года, а в 1867 году император Франц Иосиф I сделался королем Венгрии, осуществив все, о чем мечтал погибший в больнице Доблинга безумец, и Рехбергу, осмеявшему составленную им программу, поручено было применить ее на практике.

Известно, что Гофман, самый причудливый из поэтов, обладал замечательными способностями не только к поэзии, но также к рисованию и музыке; он является творцом особого рода фантастической поэзии, хотя рисунки его всегда переходили в карикатуры, рассказы отличались несообразностью, а музыкальные произведения представляли какой-то хаотический набор звуков. И вот этот оригинальный писатель страдал запоем и уже за много лет до смерти писал в своем дневнике: “Почему это, как наяву,

так и во сне, мысли мои невольно сосредоточиваются на печальных проявлениях сумасшествия. Беспорядочные идеи вырываются у меня из головы подобно крови, хлынувшей из открытой жилы..." К атмосферным явлениям Гофман был до того чувствителен, что на основании своих субъективных ощущений составлял таблицы, совершенно сходные с показаниями термометра и барометра. В продолжение многих лет он страдал манией преследования и галлюцинациями, в которых созданные им поэтические образы представлялись ему действительно существующими.

Знаменитый анатом Фодера отличался многими странностями: так, он часто уверял, что может приготовить хлеба на двести тысяч человек, пользуясь одной только простой печью, и обратиться в бегство какую угодно, хотя бы миллионную, армию при помощи сорока солдат. Лет в 50 он воспылал страстью к девушке; жившей на противоположной стороне улицы, и, чтобы вызвать взаимность в предмете своей любви, не нашел лучшего средства, как показаться ему совершенно голым, выйдя для этого на балкон. На улице он останавливался перед этой девушкой и любовался ею в немом восторге. Той наконец до того надоело это преследование, что она вылила ведро помоев на голову своего обожателя, который, однако, принял это не за оскорбление, а, напротив, за выражение любви и, совершенно счастливый, вернулся домой. Увидев на дворе цыпленка, Фодера нашел в нем большое сходство со своей возлюбленной, тотчас же купил его и начал ласкать и целовать. Этому цыпленку дозволялось все: пачкать книги, мебель, платье и даже садиться на постель.

Шопенгауэр наследовал, по собственному его сознанию, ум от матери, энергичной, хотя и бессердечной женщины, и притом писательницы, а характер — от отца, имевшего банкирскую контору, человека странного, мизантропа и даже липеманьяка, который впоследствии застрелился.

Шопенгауэр был тоже липеманьяк: из Неаполя его заставляла уехать боязнь оспы, из Вероны — опасение, что он понюхал отравленного табаку (1818), из Берлина — страх перед холерой, а самое главное — боязнь восстания.

В 1831 году на него напал новый припадок страха: при малейшем шуме на улице он хватался за шпагу и трепетал от ужаса при виде каждого человека; получение каждого письма заставляло его опасаться какого-то несчастья, он не позволял брить себе бороду, но выжигал ее, возненавидел женщин, евреев и философов, в особенности этих последних, а к собакам привязался до того, что по духовному завещанию отказал им часть своего состояния.

Философствовал Шопенгауэр постоянно, даже по поводу самых ничтожных вещей, например своего громадного аппетита (философ был очень прожорлив), лунного света и пр.; он верил в столоверчение, считал возможным с помощью магнетизма вправить вывихнутую ногу у своей собаки и вернуть ей слух. Однажды его служанка видела во сне, что он вытирает чернильные пятна, а на утро он действительно пролил чернила, и вот великий философ делает из этого такой вывод: "Все происходящее происходит в силу необходимости". На основании такой странной логики впоследствии была построена им замечательная по своей глубине система.

По своему характеру Шопенгауэр был олицетворенное противоречие. Признавая конечной целью жизни уничтожение, *нирвану*, он предсказал (а это равносильно желанию), что проживет сто лет; проповедуя половое воздержание, злоупотреблял любовными наслаждениями и, хотя сам выстрадал много от людской несправедливости, позволил себе, однако, без всякого повода жестоко оскорбить Молешотта и Бюхнера и радовался, когда правительство запретило им читать лекции.

Он жил всегда в нижнем этаже, чтобы удобнее было спастись в случае пожара, боялся получать письма, брать в руки бритву, никогда не пил из чужого стакана, опасаясь заразиться какой-нибудь болезнью, деловые заметки свои писал то на греческом, то на латинском, то на санскритском языке и прятал их в свои книги из нелепой боязни, как бы кто не воспользовался ими, тогда как этой цели гораздо легче было достигнуть, заперев бумаги в ящик; считал себя жертвою обширного заговора, составленного против него философами в Гете, согласившимися хранить

молчание относительно его произведений, и в то же время боялся — заметьте это противоречие, — как бы они не стали говорить об этих произведениях.

“Для меня легче, если черви будут есть мое тело, — говорил он, — чем если профессора станут грызть мою философию”.

Чувства привязанности были ему совершенно неизвестны: он решил даже оскорбить свою мать, обвинив ее в неверности к памяти мужа, и на этом основании признал ничтожество всех женщин, у которых “волос долог, но ум короток”. Несмотря на то, он отрицал моногамию и превозносил *тетрагамию* (четвероженство), находя в ней только одно неудобство... возможность иметь четырех тещ.

То же бессердечие заставляло его с презрением относиться к чувству патриотизма, которое он называл “страстью слепцов и самой слепой из страстей”, и в народных восстаниях сочувствовать не народу, а солдатам, его усмирителям. Этих последних, а также свою собаку, он по духовному завещанию сделал даже наследниками своего состояния.

Исключительной и постоянной заботой его было собственное я, которое он старался возвеличить всеми способами, видя в себе не только основателя новой философской системы, но и вообще необыкновенного человека. В сотне писем упоминает он с удивительным самодовольством о своих фотографических и писанных масляными красками портретах и говорит даже об одном из последних: “Я приобрел его затем, чтобы устроить для него род часовни, как для священного изображения”.

Николай Гоголь, долгое время занимавшийся онанизмом, написал несколько превосходных комедий после того, как испытал полнейшую неудачу в страстной любви; затем, едва только познакомившись с Пушкиным, пристрастился к повествовательному роду поэзии и начал писать повести; наконец, под влиянием московской школы писателей он сделался первоклассным сатириком и в своем произведении “*Мертвые души*” с таким остроумием изобразил дурные стороны русской бюрократии, что публика сразу поняла необходимость положить конец этому чи-

новничьему произволу, от которого страдают не только жертвы его, но и сами палачи.

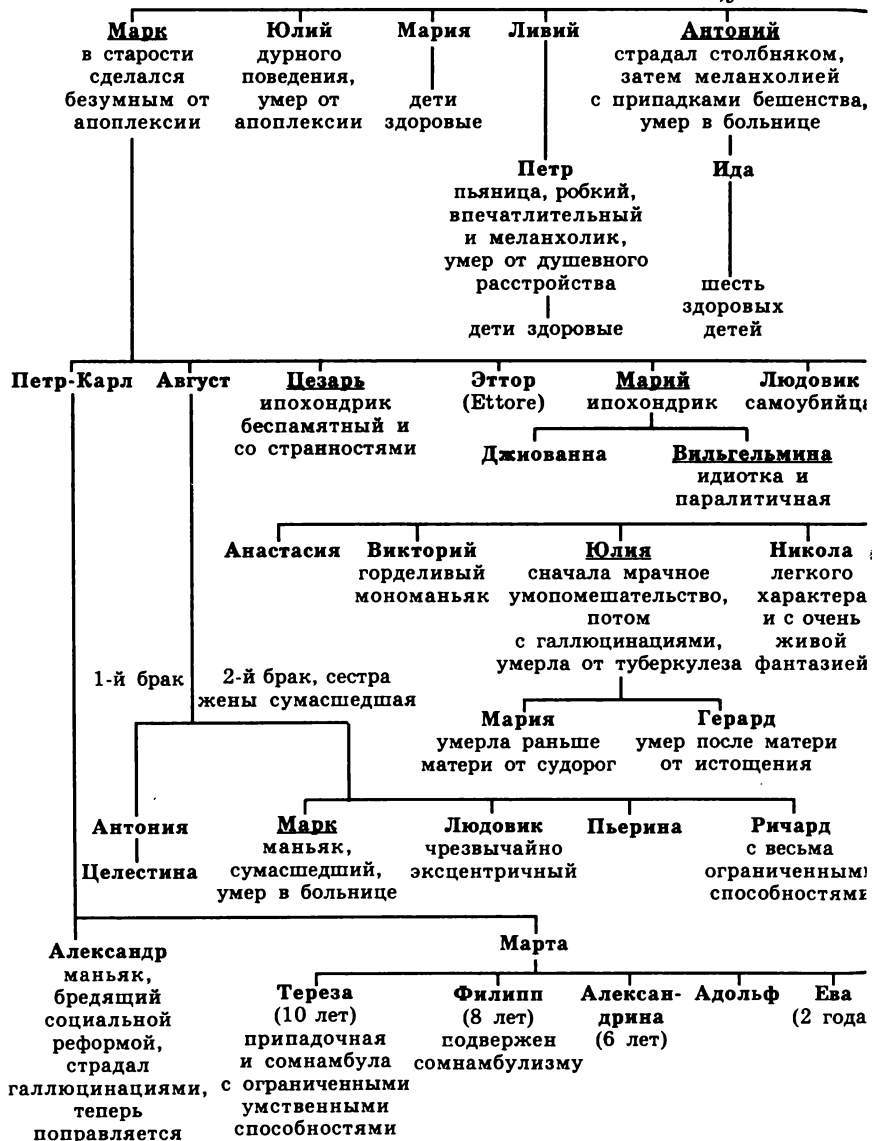
В это время Гоголь был на вершине своей славы, поклонники называли его за написанную им повесть из жизни казаков “Тарас Бульба” русским Гомером, само правительство ухаживало за ним, — как вдруг его стала мучить мысль, что слишком уж мрачными красками изображенное им положение родины может вызвать революцию, а так как революция никогда не останется в разумных границах и, раз начавшись, уничтожит все основы общества — религию, семью, — то, следовательно, он окажется виновником такого бедствия. Эта мысль овладела им с такою же силою, с какою раньше он отдавался то любви к женщинам, то увлечению сначала драматическим родом литературы, потом повествовательным и, наконец, сатирическим. Теперь же он сделался противником западного либерализма, но, видя, что противоядие не привлекает к нему сердца читателей в такой степени, как привлекал прежде яд, совершенно перестал писать, заперся у себя дома и проводил время в молитве, прося всех святых вымолить ему у Бога прощение его революционных грехов. Он даже совершил путешествие в Иерусалим и вернулся оттуда значительно спокойнее, но вот в Европе вспыхнула революция 1848 года — и упреки совести возобновились у Гоголя с новой силой. Его начали мучить представления о том, что в мире восторжествует нигилизм, стремящийся к уничтожению общества, религии и семьи. Обезумевший от ужаса, потрясенный до глубины души, Гоголь ищет теперь спасения в “Святой Руси”, которая должна уничтожить языческий Запад и основать на его развалинах панславистскую православную империю. В 1852 году великого писателя нашли мертвым от истощения сил или, скорее, от сухотки спинного мозга на полу возле образов, перед которыми он до этого молился, преклонив колени.

Если после стольких примеров, взятых из современной нам жизни и в среде различных наций, найдутся люди, еще сомневающиеся в том, что гениальность может проявляться одновременно с умопомешательством, то они докажут этим только или свою слепоту, или свое упрямство.

Семейства Берти, члены которого страд:

К/

к концу жизни сде

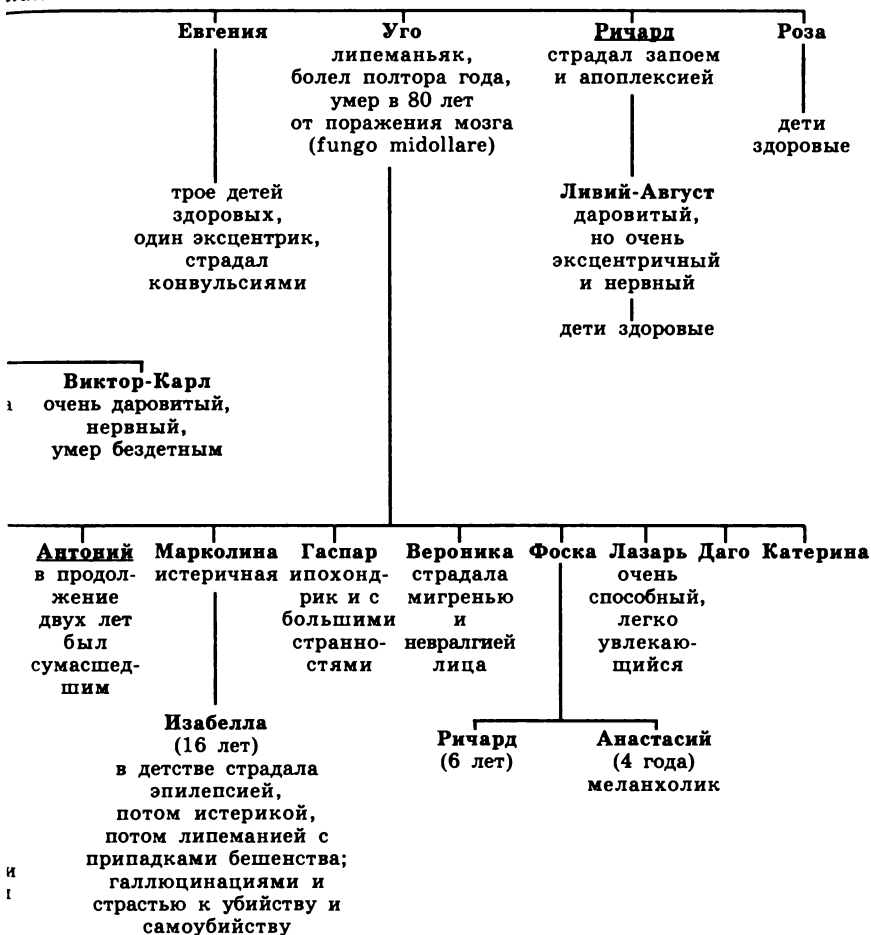

НОЕ ДЕРЕВО

али наследственным умопомешательством

АРЛ

дался меланхоликом

Неонат

NB. Ни одна из женщин, вступивших в брак с членами этой семьи, не дала новых элементов наследственного невроза, кроме второй жены Августа.

Из причин смерти упомянуты только относящиеся к нервной системе.

Подчеркнуты имена лиц, страдавших собственно умопомешательством.

VII

**ПРИМЕРЫ ГЕНИЕВ, ПОЭТОВ, ЮМОРИСТОВ
И ДРУГИХ МЕЖДУ СУМАСШЕДШИМИ**

Жестоко ошибаются, однако, те, которые думают, что душевные болезни всегда сопровождаются ослаблением умственных способностей, тогда как на самом деле эти последние, напротив, нередко приобретают у сумасшедших необыкновенную живость и развиваются именно во время болезни. Так, Винслоу знал одного дворянина, который, будучи в здравом рассудке, не мог сделать простого сложения, а после психического расстройства стал замечательным математиком. Точно так же одна дама во время умопомешательства обнаруживала несомненный поэтический талант, но по выздоровлении превратилась в самую прозаическую домовитую хозяйку.

В Бисетре мономаньяк Моро выразил жалобу на свое печальное заключение в следующем прелестном четверостишии:

Сам Данте в своих вдохновенных строфах,
Сам гений Флоренции, был бы не в силах
Представить те муки, тот ужас и страх,
Какие в застенках Бисетра постылых
Мы вынесли...

Эскироль рассказывает про одного маньяка, что в период самого острого припадка болезни он сочинял канон, который был впоследствии введен в богослужение (*odattato*). Морель лечил одного сумасшедшего, страдавшего периодическим слабоумием; перед наступлением каждого периода он писал прекрасные комедии.

Можно привести множество примеров того, как самые простые, неученые люди обнаруживали во время умопомешательства необыкновенную находчивость, остроумие, наблюдательность, даже глубокомыслие, не свойственные им прежде, или такие таланты, которыми они не обладали в здоровом состоянии.

Я лечил в Павии одного бедного крестьянского мальчика, который сочинял оригинальнейшие музыкальные арии; он же придумал для своих товарищей, находившихся в одной с ним больнице, до того меткие прозвища, что они так и остались за ними до сих пор. Один старик крестьянин, страдавший миланской проказой, на вопрос наш, считает ли он себя счастливым, отвечал, точно какой-нибудь греческий философ: “Счастливы все те люди, *даже богатые*, которые желают быть счастливыми”.

Многие из моих учеников, вероятно, помнят того душевнобольного Б., теперь уже выздоровевшего окончательно, которого смело можно было назвать гением, вышедшим из народа. Он перепробовал все профессии: был звонарем, слугой, носильщиком, продавцом железных изделий, трактирщиком, учителем, солдатом, писцом, но ничто его не удовлетворяло. Он составил для меня свою биографию, и так хорошо, что если исправить некоторые орфографические ошибки, то она годилась бы в печать, а с просьбою отпустить его из больницы Б. обратился ко мне в стихах, весьма недурных для простолюдина.

Несколько дней тому назад мне пришлось услышать от одного сумасшедшего, простого торговца губками, следующее философское решение вопроса о жизни и смерти. “Когда душа оставит тело, — сказал он, — то оно истлевет и принимает другую форму: мой отец зарыл однажды труп мула в землю, и на ней после того появилось множество грибов, а картофель стал родиться вдвое крупнее, чем прежде”. Как видите, несколько не культивированный, но как бы просветленный маниакальным экстазом, ум этого человека получил способность делать такие выводы, до которых с трудом додумываются лишь немногие великие мыслители.

Некто В., лишившийся рассудка вор, бросился бежать, воспользовавшись дозволенной ему прогулкой. Когда его поймали и стали укорять, зачем он злоупотребил оказанным ему доверием, он отвечал: “Я хотел только испытать быстроту своих ног”.

В тьюфяке одной истеричной больной, набитом листьями, нашли множество украденных ею вещей: платки, пал-

ки, маленькие подушечки, шляпы и два платья, нашитые одно на другое таким образом, что их можно было принять за одно. На вопрос, для чего нужны ей палки, она отвечала: “Я положила их для того, чтобы постель лучше держалась, и, кроме того, разравниваю ими листья”. — “А платья вы для чегошили одно на другое?” — “Чтоб мне было теплее”. — “А на что вам платки, пряжки от подвязок, подушечки и пр.?” — “Я не люблю сидеть без дела и набрала себе разных вещей для рукоделья”. — “Зачем же вам понадобилась шляпа?” — “Чтобы прятать в нее свою работу”.

Когда я спросил у одного больного, страдавшего извращением чувств (*follia affettiva*), почему он выказывает такое отвращение к своей жене, то получил от него такой ответ: “Остаться в прежних дружеских отношениях к жене, после того как она вам изменила, — это выше сил человеческих, а я не хочу отличаться от других людей”.

Один старик 70 лет, совершенно беззубый, страдавший хроническим умопомешательством (*mania cronica*), часто разыгрывал из себя шута, и, когда мы укоряли его, находя это неприличным в такие лета, он возражал: “Что за лета мои, я совсем не старик, — разве вы не видите, что у меня еще и зубы не прорезались”.

Женщину, страдавшую религиозным помешательством, спросили, почему она никогда ничем не занимается: “Потому что меня зовут *лентяйкой*”, — отвечала она. — “Ты так безобразна, что на тебя противно смотреть”. — “Кто не хочет смотреть на меня, пусть выколет глаза”. — “Ты самая безумная из сумасшедших в этой больнице”. — “Блажен торговец, знающий хорошо достоинство своего товара”.

Теперь займемся поэтами-безумцами, поэтами, родина таланта которых — больница для умалишенных. Лишь немногие из них получили раньше литературное образование, большинство же, по-видимому, вдохновляется и как бы воспитывается исключительно психической болезнью. Я мог бы привести массу примеров в этом роде, но, чтобы не увеличивать объем своей книги и не наскучить чита-

телям, ограничусь лишь немногими, прибавив при этом, что произведения поэтов-безумцев всегда страдают отсутствием единства, отличаясь вместе с тем замечательной неровностью не только в отношении поразительной быстроты переходов от самого мрачного настроения к самому веселому, но также по массе противоречий, какую они представляют, и по легкости, с какою меняется их слог, то правильный, утонченный, изящный, то грубый до неприличия, циничный, безграмотный и совершенно бессмысленный”*.

Некогда известный поэт М. Ж., брат знаменитого литератора, помешавшись вследствие чрезмерных занятий и злоупотребления спиртными напитками, начал тиранить свою жену, кричать и бранить воображаемых преследователей. Через несколько времени, когда эти припадки бешенства прекратились, у него явилась мания величия и он принялся писать стихи, чрезвычайно гармоничные, но совершенно бессмысленные. Между прочим, он сочинил трагедию, где в число 60 действующих лиц помещены и Архимед с Гарибальди, и Эммануил Карл Феликс с Евой, Давидом и Саулом. Тут являются также и невидимые персонажи, звезды, кометы, которые тем не менее произносят длиннейшие монологи.

Этот несчастный поэт, воображавший себя Горацием, в течение нескольких лет перепробовал всевозможные стихотворные формы и принялся даже за невозможные, называя их то *аметрами*, то *олиметрами*. Проза выходила у него еще бессмысленнее, так как он воображал, что пишет на каком-то новогреческом языке и, например, *камень* называл “лотиас”, друзей — “фили” и пр.

А между тем он же писал потом сонеты, которые не уступят даже сонетам Верни.

У него же мы находим юмористическую пародию на сонет Данте, а рядом с нею стихи, проникнутые мрачной, мощной энергией, как, например, следующее стихотворение,

* В русском переводе помещены не все произведения умышленных, приведенных в оригинале у Ломброзо, в связи с трудностью перевода.

поразительно правдиво рисующее безотрадное одиночество липеманьяка:

К САМОМУ СЕБЕ

Чем недоволен ты, пришелец безумный?..
 Всем вообще и в частности ничем.
 Я недоволен тем, что свод небес лазурный
 Покрылся тучами, что стих мой нем,
 Что он бессилен и не может
 Излить пред небом то страданье,
 Что день и ночь мне сердце гложет...
 Пусть все живое изнеможет
 В борьбе с несчастьем и злом,
 Пусть обратится мир в Содом —
 И я предамся ликованью.

M.S.

Вообще у этого маньяка встречаются стихи, замечательно изящные по слогу и достойные самого Петрарки.

Но вот пример еще более поразительный: в то время как не только государственные люди, но и более или менее опытные психиатры ломали себе головы над разрешением вопроса, точно ли Лазаретти сумасшедший, меткую характеристику его написал один липеманьяк, пациент уважаемого доктора Тозелли, который и сообщил мне это оригинальное стихотворение.

В наш век путей железных
 И книг душеполезных,
 Век электричества, паров
 И помрачения умов,
 В наш век газет серьезных,
 Обманов грандиозных,
 Век канцелярских баррикад —
 Чтоб полный вышел маскарад,
 Недоставало лишь живого
 Святого.
 Но вот вдруг на Монтелябро,
 Как свет из канделябра,

Из яслей воссиял
Давид и нем, и мал.
Он начал от солдата,
Прошел через демократа,
Котурны, плащ надел,
Глаза горé воздел —
И век газет увидел снова
Святого.

Был прежде он зайкой,
Но тут вдруг стал великий
Оратор и пророк —
Таков Давида рок.
В кутиле вдруг отпетом
Мир встретился с аскетом...
Он изменил свой вид,
Он властно говорит, —
И все признали в нем за “слово”
Святого.

Он стал теперь законодатель,
Герой, мудрец и предсказатель;
Как Моисей, стал управлять
И смело выступил в печать.
Завел апостолов ораву
И Магдалин себе во славу,
Голгофы ищет и цепей,
Идя во след Царю Царей.
Глупцы лежат у ног больного —
“Святого”.

Как Генрих некогда в Каноссе,
Давид споткнулся в Арчидоссе:
Рукою сильною Давид
Был остановлен и побит.
Толпа апостолов бежала,
И в довершение скандала,
Орава уличных девиц
Повергла дерзновенно ниц
От изумления немого
Святого.

Страна цветов, моя Тоскана,
 В твоём мозгу зияет рана.
 Пристрой маньяков там, где им
 Быть надлежит со всем “святым” —
 И все почтут тебя хвалою.
 Пусть орошаются слезою
 Кресты замученных борцов,
 А не маньяков и глупцов, —
 Не память твоего слепого
 Святого!

Однако у того же поэта встречаются и бессмысленные стихотворения.

Наконец, еще полнее и нагляднее подтверждают мое предположение, что существует особый поэтический экстаз, вызываемый душевными болезнями, следующие прелестные стихи, переданные мне Таркини-Бонфанти и написанные чуть ли не в его присутствии одним сумасшедшим:

К птичке, залетевшей на двор.

С дерева на скалу, со скалы на холм переносят тебя твои крылья, — ты то летаешь, то садишься днем и ночью.

А мы, ослепленные своей гордостью, как бы прикованные к железному столбу, мы все кружимся на одном месте, вечно стараясь уйти подальше и вечно оставаясь тут же.

Кав. У.

Прелесть этих строф будет еще понятнее читателю, если он припомнит, что автор намекает в них на тот дворик, с деревом посередине, вокруг которого гуляют сумасшедшие по выложенной камнем дорожке. “Несчастный поэт, — пишет мне Таркини, — живет в нашем доме умалишенных уже около 20 лет, он воображает себя кавалером, князем и пр., видит повсюду нечто таинственное, в продолжение многих лет постоянно собирается вынимать посредством своей трубки ключи директора, любит принарядиться и показать, что у него хорошие манеры. Он рисует довольно правильно, когда копирует что-нибудь, если же начнет сочинять свой рисунок, то у него всегда выходят каракули,

с помощью которых он силится олицетворять таинственные образы, постоянно занимающие его”.

Очевидно, этот больной страдал хроническим горделивым помешательством. Любопытно, что автор этого прелестного стихотворения, одержимый положительно страстью к бумагомаранью, обыкновенно писал преплохие, даже безграмотные сочинения в стихах и прозе, постоянно намекая в них на разные воображаемые почести или на свои титулы, что он сделал, впрочем, и в приведенной выше пьеске, подписавшись под нею кавалером Y.

В заключение я приведу еще пример, чрезвычайно интересный даже с точки зрения судебной психиатрии, так как в этом случае кроме несомненного литературного дарования, временно вызванного сумасшествием, мы имеем еще и доказательство того, что помешанные могут притворяться безумными под влиянием какого-нибудь аффекта, в особенности из страха наказания. Пример этот я заимствую из моей практики. Один бедный башмачник, по фамилии Фарина, отец, дядя и двоюродный брат которого были сумасшедшие и кретины, еще молодой человек, уже давно страдал умопомешательством и галлюцинациями, но с виду казался веселым и спокойным. Вдруг ему пришла фантазия убить женщину, не сделавшую ему ничего дурного, мать той девушки, которую он, под влиянием свойственного помешанным эротического бреда, считал своей любовницей, хотя, в сущности, лишь мельком видел ее. Вообразив, что эта женщина подстрекает против него невидимых врагов, голоса которых не давали ему покоя, Фарина зарезал ее ножом, а сам бежал в Милан. Никто даже не заподозрил бы его в совершении такого преступления, если бы он, вернувшись в Павию, не пришел сам в полицейское бюро и не сознался в убийстве, представив для большей убедительности и чехол от того ножа, которым нанесен был роковой удар. Но потом, когда его посадили в тюрьму, он раскаялся в этом поступке и притворился страдающим полной потерей рассудка, хотя этой формы умопомешательства в то время у него уже не было. Когда меня пригласили в качестве эксперта для

решения вопроса о психическом состоянии преступника, я долго колебался, к какому заключению прийти на его счет и как убедиться в том, что, будучи помешанным, он вместе с тем притворяется безумным. Наконец его поместили в мою клинику, где я мог тщательно наблюдать за ним и где он написал для меня свою подробную биографию; только тогда мне стало ясно, что передо мною — настоящий мономаньяк.

Биография эта*, по-моему, является драгоценнейшим документом в области патологической анатомии мысли, как очевидное доказательство возможности не только появления галлюцинаций при нормальности всех остальных психических отправления, но также и неудержимого импульса к совершению проступка с сознанием ответственности за него, на что уже указывал профессор Герцен в своем прекрасном сочинении “О свободе воли”.

При чтении автобиографии Фарины невольно удивляешься тому, как мог человек, не получивший никакого литературного образования, излагать свои мысли до такой степени ясно, правильно, нередко даже красноречиво, обнаруживая при этом замечательную, необыкновенную память. Так, он с точностью определяет величину куска мыла, купленного 3—4 года тому назад, подробно описывает давнишние сны, разговоры, помнит места, собственные имена, вообще все мельчайшие обстоятельства много лет тому назад случившихся событий, которые не удержались бы в памяти здорового человека и несколько дней. Особенно живо у него воспоминание о виденных им чрезвычайно многочисленных снах, из чего ясно следует, до какой степени они овладели расстроенным воображением этого несчастного.

Не менее любопытна и та подробность, что вначале Фарина совершенно здраво показывал своим товарищам по заключению всю нелепость веры их в пророческие сны, а потом сам начал верить им, скорее в силу подражания, чем вследствие грубого невежества, так как остальные за-

* Биография помещена в конце книги в приложении.

ключенные, хотя и не помешанные, были гораздо менее развиты в умственном отношении, чем он.

Насколько помешанный Фарина был умственно выше своих сотоварищей по заключению, видно, между прочим, из того, что, оспаривая их мнение, будто суды в Австрии справедливее, чем в Италии, он заметил: “А разве в Австрии мошенников не сажают в тюрьмы, точно так же, как и здесь?”

Далее, интересно то обстоятельство, что иногда несчастный вполне ясно сознавал свои галлюцинации, в другое же время принимал их за действительность и что он замечал усиление их *вследствие слабости, усталости и при высоком положении головы во время сна* — факт, на который следует обратить внимание спиритуалистам и врачам-любителям кровопусканий. Кроме того, меня изумило, что Фарина называет чувство, побудившее его к совершению убийства, *инстинктом*, точно он посоветовался с каким-нибудь представителем старинной школы германских психологов, хотя до такой степени сознавал важность этого преступления, что не *раз готов был отказаться от совершения его при мысли о суде*, о кандалах и о позорном заключении в тюрьме. Наконец, следует заметить, что многим из употребленных им в рукописи слов он придает своеобразный, ему одному понятный смысл, например, *пре rogатива, развлечение, настойчивость* и пр., что составляет характеристическую особенность однопредметного помешательства.

Для целей судебной медицины особенно важен в автобиографии Фарины его правдивый рассказ о том, как он все подготовил, чтобы убежать в Швейцарию, и как ему помешала исполнить это овладевшая им слабость и боязнь преследования со стороны полчища воображаемых врагов. Предположите же теперь, что припадки галлюцинаций вдруг прекратились бы, а бегство удалось, — и тогда человек, не занимающийся психиатрией, наверное, затруднился бы признать факт временного помешательства преступника.

Что же касается притворного сумасшествия, то Фарина выбрал именно самую удобную для себя форму — *манию*

инстинктивных ночных галлюцинаций, которою действительно страдал прежде, так что если бы у этого несчастного не явилось вдруг странного убеждения в желании врачей защитить его во что бы то ни стало, то он продолжал бы притворяться и перед нами и ни в каком случае не высказался бы с той полной откровенностью, как это сделано было им в своей автобиографии. А без этого драгоценного документа мы рисковали бы счесть Фарину или за маньяка, когда он не был им, или за притворщика, когда он и не думал притворяться.

Здесь мы видим новое доказательство того, как мало значения могут иметь для правосудия заключения экспертов, почерпнутые только из определения *психологических способностей* испытуемого, в сравнении с методом новейших психиатров, основанным на опытах.

Для нашей же собственной цели прекрасная, местами художественно написанная автобиография Фарины является неопровержимым подтверждением выставленного нами положения, что бывают случаи, когда помешательство возвышает ум необразованных людей над общим уровнем и в значительной степени развивает их интеллектуальные способности.

Общая и резкая особенность поэтов-сумасшедших состоит в присущей им всем силе творческого воображения, столь несвойственной их прежним жизненным условиям и ограниченному умственному кругозору.

Правда, у многих это творчество сводится к постоянному кропанию эпиграмм, острот и созвучий, которые хотя и считаются в большом свете за признак блестящего ума, *bel esprit*, но, в сущности, доказывают противное, не только потому, что в них часто не бывает логического смысла, но еще и потому, что ими особенно усердно занимаются умалишенные. Впрочем, и в прозаических сочинениях этих последних заметна склонность к созвучиям, к рифмам. Между такими литераторами дома умалишенных нередко встречаются импровизированные философы, у которых среди безумных фантазий являются иной раз проблески идей, как будто заимствованных из философских систем эпику-

рейцев или позитивистов. Но большинство все-таки состоит из поэтов или, скорее, версификаторов, преобладающим свойством произведений которых служит оригинальность, нередко доходящая до абсурда, вследствие разнужданности воображения, не сдерживаемого более ни логикой, ни здравым смыслом, как это всегда бывает с ненормальными или неразвитыми умами. Физиологический пример такого явления представляют дети; что же касается патологических примеров, то их множество: придуманная Петром Сиенским теория превращений и странствований души, новогреческий язык, изобретенный душевнобольным из Пезаро, и пр.

Благодаря своему более живому воображению и быстрой ассоциации идей сумасшедшие часто выполняют с большой легкостью то, что затрудняет даровитейших здоровых, нормальных людей, как это доказывает приведенная нами раньше характеристика Лазаретти, написанная без всяких усилий сумасшедшим, тогда как над нею тщетно трудились многие альенисты, в том числе известный доктор Микетти, обладавшие, конечно, большей проницательностью и — что еще важнее — несравненно большим количеством данных для постановки правильного диагноза. Другая характеристическая особенность таких писателей — и это замечается даже в произведениях преступников — это страсть говорить о себе или о своих близких и составлять свои автобиографии, давая при этом полную волю себялюбию и тщеславию. Нужно заметить, впрочем, что обыкновенные сумасшедшие обнаруживают в своих сочинениях меньше искусственности в выражениях и меньше последовательности, чем преступники, но зато у них больше творческой силы и оригинальности сравнительно с этими последними. Далее литераторы дома умалишенных чрезвычайно склонны употреблять созвучия, часто совершенно бессмысленные, и придумывать новые слова или же придавать особый смысл уже существующим словам и преувеличивать значение самых ничтожных мелочных подробностей; так, Фарина посвящает чуть не полстраницы описанию купленного им куска мыла. “Сумасшедшие все-

гда трудятся над какими-нибудь утомительными, иссушающими мозг пустяками”, — сказал Гекарт в предисловии к своей “*Gualana*”, — произведению, кстати сказать, тоже не отличающемуся здравым смыслом.

У многих душевнобольных, хотя и не так часто, как у *маттоидов* (тронутых, поврежденных), заметно стремление дополнять свои поэтические вымыслы рисунками, точно ни поэзия, ни живопись в отдельности недостаточно сильны для выражения их идей. В слогe сказывается недостаток правильности, отделки; но периоды отличаются такой силой и законченностью, что в этом отношении не уступают произведениям образцовых писателей.

Такое мастерство изложения и способность к версификации, проявляющиеся в людях, которые до заболевания даже не имели понятия о просодии, не покажутся нам особенно изумительными, если мы припомним сделанное Байроном определение поэзии: по его мнению, основанному на собственном опыте, “поэзия есть выражение страсти, которая проявляется тем могущественнее, чем сильнее было вызвавшее ее возбуждение”. Отсюда становится понятным, почему у помешанных так сильно развивается воображение, часто переходящее даже в полную разнузданность. Богатство фантазии и страстное возбуждение всегда являлись могучими факторами творческой деятельности. По мнению Вико, блистательно доказанному впоследствии Боклем, в древние времена и у древних народов первые мыслители и ученые были поэты, излагавшие стихами исторические события, народные верования и вообще создавшие там эпос, который затем передавался из уст в уста, из поколения в поколение, как это мы видим в Галлии, в Тибете, в Америке, Африке и Австралии, по свидетельству различных путешественников.

Эллис рассказывает, что в Полинезии для решения споров относительно давно прошедших событий туземцы справляются со своими балладами точно так же, как мы с историческими документами. Мало того, не только в Древней Индии, но даже в средневековой Европе все науки перекладывались в стихотворную форму. Монтукла упоминает о

математическом трактате XIII столетия, написанном *силлабическими* стихами; один англичанин переложил в стихи кодекс Юстиниана, а какой-то поляк — Геральдику.

Да, наконец, разве собственно история, хотя изложенная прозой, не переполнена точно так же поэтическими вымыслами, фантастическими эпизодами, натяжками в объяснениях и пр.? Разве в ней мы не встречаем всевозможных нелепостей, вроде того, например, что название сарацинов произошло от Сары, а Нюрнберга — от Нерона, что Неаполь появился на яйце, что после некоторых войн с турками у детей бывало не 32 зуба, а 22 или 23? Разве историк Турпино, этот Маколей своего времени, не сообщил в своей хронике, что стены Пампелуны пали сами собою, едва лишь спутники Карла Великого начали молиться Богу? Да и вообще, в нашей истории столько басен, порожденных безумием человечества (тем более склонного ко всему фантастическому, чем оно невежественнее), что наши филологи только понапрасну ломают себе головы в тщетных усилиях найти разумное объяснение для этого ребяческого бреда.

Что мерный стих успокаивает и гораздо полнее выражает ненормальное психическое возбуждение, чем проза, в этом нас убеждают наблюдения над пьяницами и собственное признание многих из таких бессознательных помешанных поэтов. Один преступник-маттоид, находившийся в больнице Арбу, прекрасно выразил эту инстинктивную склонность к поэтической форме в следующем двустишии:

Не удивляйтесь моему письму в стихах:

Я прозой не могу писать никак!

Другой, липеманьяк, лечившийся в доме сумасшедших в Пезаро, так объясняет значение многих своих стихотворений. “Поэзия, — говорил он, — это — мгновенная эманация души, это — крик, выражающийся из потрясенной тысячами мук груди”.

Патологическое происхождение таких литературных произведений служит достаточным объяснением неодинаковости их стиля, то сильного и блестящего, то вялого и бесцветного по мере того, как ослабевает возбуждение, так

что строфы классически прекрасные вдруг сменяются идиллической болтовней. Тем же обуславливаются и крайние противоречия между произведениями одного и того же автора, например у Фарины и Лазаретти. Впрочем, стиль большинства из них представляет какое-то детское, *примитивное построение периода*, склонность к афоризмам или коротким фразам, частое повторение одних и тех же слов или оборотов, напоминающих библейские изречения или *суры* Корана, а также, как заметил Тозелли, однообразие в рассуждениях почти всегда о предметах малознакомых, чуждых пишущему и — что особенно любопытно — совершенно бесполезных как для него самого, так и для других.

Наибольшую склонность к писательству обнаруживают, по моему мнению (которое разделяют Адриани и Тозелли), хронические маньяки, алкоголики и полупаралитики в первом периоде болезни, хотя у этих последних стихи часто похожи на рифмованную, бессмысленную прозу. Затем следуют меланхолики, сравнительно реже попадающие в больницы для умалишенных. Потребность высказаться на бумаге, вероятно, является у них вследствие свойственной им молчаливости и желания защитить себя таким способом от воображаемых преследований — факт гораздо более важный, чем это может показаться на первый взгляд, особенно когда мы сопоставим его с признанным уже всеми другим фактом — склонностью к меланхолии всех великих мыслителей и поэтов.

VIII

СУМАСШЕДШИЕ АРТИСТЫ И ХУДОЖНИКИ

Хотя артистические склонности весьма резко и почти всегда проявляются при некоторых формах умопомешательства, но лишь немногие из психиатров обратили должное внимание на это обстоятельство. Насколько мне известно, о нем писали только Тардые, который признал, что рисунки сумасшедших имеют громадное значение в судеб-

ной медицине, и доказал это на деле; затем Симон, который, исследуя вопрос о развитии воображения у помешанных, нашел, что люди, страдающие манией величия (мегаломаньяки), особенно склонны заниматься рисованием и что воображение усиливается обратно пропорционально здоровому состоянию мозга; и, наконец, доктор Фрижеро, поместивший по этому вопросу прекрасную статью в “Дневнике дома умалишенных в Пезаро” 1880 года. Кроме того, в том же году я составил вместе с Максимом дю-Кан небольшой очерк “*Arte nei pazzi*” (“Искусство у сумасшедших”), помещенный в журнале “Архив психиатрии и судебной медицины”. Нам с дю-Кан удалось всесторонне исследовать занимавший нас вопрос о проявлении артистических наклонностей у сумасшедших при помощи богатого материала, собранного в больницах для умалишенных, находящихся в Пезаро и Павии, а также благодаря недавней френиатрической выставке в Реджио* и содействию многих специалистов, помогавших нам не только советами, но и доставлением множества интересных документов и факсимиле. На основании собранных таким образом данных мы нашли артистические наклонности у 107 помешанных, в том числе 46 человек занимались живописью, 10 — скульптурой, 11 — резьбой, 8 — музыкой, 5 — архитектурой и 27 — поэзией.

По роду психического расстройства эти больные распределялись так:

25	страдали	извращением чувств (sensoria) и манией преследования
21	”	безумием (demenza)
16	”	мегаломанией (мания величия)
14	”	острым или перемежающимся помешательством
8	”	меланхолией
8	”	общим параличом
5	”	нравственным помешательством (follia morale)
2	”	эпилепсией

* Выставка нелепых произведений из области искусства, живописи, скульптуры и др.

Из этих цифр очевидно преобладание неизлечимых форм помешательства и сопряженных с полной потерей рассудка (demenza) — мегаломания, паралич и мономания.

Сопоставляя сведения, так любезно доставленные мне коллегами из различных мест, с моими собственными наблюдениями, я пришел к заключению, что провинции, где особенно процветают искусства — Парма, Перуджиа, — дают и наибольшее число помешанных с артистическими наклонностями, тогда как их очень мало в Павии, Турине и Реджио.

Из числа этих 107 человек были: 8 живописцев или скульпторов, 10 столяров, архитекторов и резчиков на дереве, 10 учителей или духовных, 1 телеграфист, 3 студента, 6 моряков, военных или инженеров, откуда ясно, что лишь у немногих появление артистических наклонностей обусловливалось профессией и приобретенными до болезни привычками, которые, без сомнения, должны были оказывать влияние на творческую деятельность их во время психического расстройства.

Так, инженер чертил планы машин и оконные косяки; двое моряков делали маленькие суда, совершенно пропорциональные во всех частях, трактирщик рисовал на полу столы, украшенные пирамидами фруктов, и пр. В Реджио один столяр вырезывал прелестные орнаменты и арабески; в Генуе капитан-моряк сначала устраивал изящные лодочки, а потом принялся за живопись, хотя прежде никогда не занимался ею, и постоянно рисовал сцены из морской жизни, что, по его словам, служило ему облегчением в тоске по любимой стихии. Некоторые, принявшись за прежние занятия, выказывают, под влиянием сумасшествия, странное увлечение своей работой и разрисовывают столы, стены, а при случае даже и пол. Один из подобных живописцев обнаружил во время болезни такие дарования, что его копия с Мадонны Рафаэля была удостоена премии на выставке. В больнице Адриани столяр, страдавший перемежающимся безумием, выполнял художественные работы из дерева. То же самое наблюдали и другие врачи. Знаменитый живописец Миньони, уроженец Реджио, принадлежавший к типу большеголовых (окружность головы 60

сантиметров, вместимость черепа — 1671, лицевой угол — 73, вес мозга — 1555), у которого мать была истеричная, а брат — эпилептик, поступил в больницу Реджио вследствие полного умопомешательства (*demenza*) и мегаломании и провел там 14 лет в полной праздности; наконец, по совету доктора Зани, он снова принялся за кисти и расписал все стены великолепными картинами, на которых изобразил историю графа Уголино до того реально, что одна больная, чтобы избавить несчастных отца и сына от голодной смерти, бросала куски мяса в стены, вследствие чего на них и до сих пор еще сохранились жирные пятна.

Уважаемый доктор Фунойоли писал мне, что в Сиенском доме умалишенных в продолжение 10 лет находился один живописец, страдавший манией преследования, который превосходно разрисовал больничные палаты. Но это все исключительные случаи; вообще же под влиянием потери рассудка люди, никогда не бравшие в руки кисти, чаще делаются живописцами, нежели настоящие живописцы снова берутся за кисти. Например, Делапьер сообщает, что известный живописец Мак-Кленель, сойдя с ума, сделался поэтом, а физик Мельмур, потерявший рассудок от горя вследствие смерти его жены в день свадьбы, превратился в словесника (*letterato*) и перестал заниматься своей специальностью. В Сиене живет знаменитый скульптор Л., у которого после легкого паралича статуи начали выходить непропорциональными. Умственное расстройство если и заглушает некоторые артистические дарования, зато вызывает другие, не существовавшие прежде, и сообщает творчеству отпечаток оригинальности.

Из восьми находившихся в Перуджии живописцев, характеристики которых прислал мне Адриани, четверо сохранили вполне свой талант под влиянием острого или перемежающегося сумасшествия; у двоих дарование значительно ослабело, так что они по выздоровлении уничтожали написанные во время болезни картины; у одного оно совсем исчезло, и наконец, последний — липеманьяк — утратил правильность рисунка и колорита. Один живописец, пишет мне Верга, в таком излишестве употреблял красную

краску, что все написанные им фигуры, казалось, изображали пьяных. Алкоголики, напротив, всегда злоупотребляют желтой краской, что Фрижеро заметил и у одного больного, страдавшего нравственным помешательством. Известен также случай, когда живописец-алкоголик потерял всякую способность различать цвета и до того усовершенствовался в употреблении одной только белой краски для своих картин, которые писал в промежутках между периодами запоя, что сделался первым во всей Франции художником по части зимних, северных пейзажей. Кретины, идиоты, слабоумные или чертят фигурки детей, или постоянно воспроизводят один и тот же рисунок, как, например, Гранди, хотя и они обнаруживают иногда замечательные способности в раскрашивании и составлении арабесок: мне самому случилось два раза видеть кретинов, прекрасно рисовавших шифры. Часто даже люди в нормальном состоянии, не чувствовавшие никакой склонности к искусству, после болезни вдруг начинают заниматься рисованием и всего усерднее именно в момент ее наибольшего развития.

Один каменщик, находившийся в Пезарской больнице для умалишенных, обнаружил большой талант к рисованию и во время маниакальных припадков всегда принимался чертить карандашом карикатуры на служителей и заведующих больницей, причем изображал их в нелепом виде, испытывающими различные мучения. Так, например, когда повар не дал ему какого-то рагу, он нарисовал его в позе и с лицом Ессе Ното (хотя тот был круглолицый толстяк) перед железной решеткой, которая не позволяла ему воспользоваться помещенными за нею лакомыми кушаньями.

Некто П. делался страстным рисовальщиком при наступлении каждого припадка возбуждения, что случалось с ним раз в полгода или в год, — тогда рука его быстро скользила по стенам, выводя на них изящные завитки и арабески (Фрижеро). По свидетельству Адриани, один каноник, не имевший прежде никакого понятия об архитектуре, сделавшись липеманьяком, начал устраивать из картона и папье-маше грандиозные, удивительно изящные модели храмов, амфитеатров и пр. В Перуджио было двое

больных, один занимавшийся прежде кузнечным ремеслом (алкоголик), другой — скорняжным (мегаломаньяк), которые лепили из глины головы людей, листья, цветы и какие-то сложные, необыкновенные фигуры. В этих последних только и проявлялась болезненная, безумная фантазия художников, все же остальное было сделано артистически и в высшей степени оригинально. Рассмотрим теперь более подробно самые рисунки.

1) Выбор сюжета обуславливается у многих характером умственного расстройства: липеманьяк рисовал постоянно человека с черепом в руке; женщина, страдавшая мегаломанией, непременно помещала изображение божества на своих вышивках; мономаньяки по большей части пользуются какими-нибудь эмблемами для обозначения мучащих их воображаемых бедствий. У меня есть пасквиль, составленный одним чиновником из Вогера, воображавшим, что его преследует префект посредством ветров; поэтому он изобразил на рисунке с одной стороны толпу гонящихся за ним врагов, а с другой — защищающих его судей. Одна женщина, страдавшая манией преследования и отчасти эротическим помешательством, нарисовала образ Богородицы, а в подписи под ним сделала намек, что это — ее собственное изображение.

2) Психическое расстройство часто вызывает у больных, как мы уже убедились в этом относительно гениев и даже относительно гениальных сумасшедших, необыкновенную оригинальность в изобретении, что резко выражается даже в произведениях полупомешанных людей. Причина этого ясна: ничем не сдерживаемое воображение их создает такие причудливые образы, от которых отшатнулся бы здоровый ум, признав их нелогичными, нелепыми. Так, например, в Пезаро была одна дама, придумавшая особый способ вышивания или, скорее, выкладывания: она выдергивала нитки из материи и потом наклеивала их слюной на бумагу.

Другая вышивальщица, страдавшая запоем, так живо воспроизводила бабочек, что они казались трепещущими, и придумала такой способ вышивания белыми нитками, что

шитье выходило с полутенями, как будто не одноцветное. В Мачерато один сумасшедший воспроизвел посредством палочек фасад больницы, а другой изобразил в скульптуре целую песенку, хотя и не особенно отчетливо; точно так же в Генуе один помешанный вырезывал трубки из каменного угля.

В Реджио некто Занини сшил себе один только сапог для того, чтобы никто не мог воспользоваться им; с одной стороны этого сапога был сделан разрез, который связывался веревочкой, а сверху — отвороты, разрисованные иероглифами.

В Пезаро был один больной, которому очень хотелось вернуться домой, но его не отпускали под тем предлогом, что переезд стоит слишком дорого. Тогда он соорудил себе чрезвычайно оригинальный экипаж — нечто вроде четырехколесного велосипеда.

Один больной, страдавший горделивым помешательством, рисовал арабски, по большей части таким образом, что из различных завитков выходили то коробка, то животное, то человеческая голова, то железная дорога, то пейзажи, виды городов и пр.

Наконец, оригинальность проявляется уже и в том, что сумасшедшие обнаруживают дарование в таких искусствах, которыми они прежде никогда не занимались.

3) Но в конце концов и самая оригинальность превращается у всех или почти у всех помешанных в нечто странное, причудливое и кажущееся логическим лишь в том случае, когда нам известен пункт их помешательства и когда мы представим себе, до какой степени разнузданно у них воображение. Симон заметил, что в мании преследования, а также в паралитической мегаломании воображение бывает тем живее и сила творческой, эксцентрической фантазии тем деятельнее, чем менее нормально состояние умственных способностей. Один психически больной живописец, например, уверял, что он видит недра земли, а в них — множество хрустальных домов, освещенных электричеством и наполненных чудным ароматом и прелестными образами. Далее он описывал представляющийся ему город

Эммы, у жителей которого по два рта и по два носа — один для обыкновенного употребления, а другой — для более эстетического; мозг у них — серебряный, волосы — золотые, рук — три или четыре, а нога только одна и под нею приделано маленькое колесо.

Фантастичность представлений в значительной степени обуславливается и нелепыми галлюцинациями: так, Лазаретти изображал на своем знамени четвероногое животное о семи головах; один больной сделал себе кирасу из камешков, чтобы защититься от своих врагов, другой по целым дням чертил топографические карты пятен, образовавшихся от сырости на стенах его камеры. Впоследствии оказалось, что он считал эти карты планами областей, дарованных ему Богом на земле. В этом же богатстве фантазии заключается одна из причин того, что артистические способности бывают иногда гораздо сильнее развиты у безумных (*dementi*), нежели у маньяков и меланхоликов.

4) Одну из характерных особенностей художественного творчества сумасшедших составляет почти постоянное употребление письменных знаков вместе с рисунками, а в этих последних — изобилие символов, иероглифов. Такие смешанные произведения чрезвычайно походят на живопись японцев, индийцев, на старинные стенные картины египтян и обуславливаются у сумасшедших теми же причинами, как у древних народов, т.е. потребностью дополнить значение слова или рисунка, в отдельности недостаточно сильных для выражения данной идеи с желательной ясностью и полнотой. Это объяснение вполне применимо и к факту, сообщенному мне Монти, когда один немой, страдавший умопомешательством в продолжение 15 лет, к нарисованному им совершенно правильно плану какого-то строения прибавил множество непонятных рифмованных надписей, эпитафий, вписанных внутри плана и кругом его, очевидно, с тою целью, чтобы служить комментариями, которых бедняк не мог дать устно.

У некоторых мегаломаньяков это зависит также от стремления выражать свои идеи на языке, не похожем на общечеловеческий, — явление, в сущности, вдвойне ата-

вистическое, т.е. выражающее наклонность к тому способу выражения мыслей, которым пользовались наши отдаленные предки, придумывавшие новые слова, а за неимением их прибегавшие к рисункам. Такой случай я наблюдал в одном сумасшедшем, называвшем себя владыкой мира, и описал его вместе с Тозелли в *“Archivio di psichiatria e scienze penati”* за 1880 год. Это был крестьянин 63 лет, крепкого телосложения, с большим лбом, выдающимися скулами и выразительными пронизательными глазами. Вместимость его черепа равняется 1544, лицевой угол 82, температура 37,6°.

Осенью 1871 года на него вдруг напала страсть к бродяжничеству, к болтовне; он начал останавливать самых высокопоставленных лиц на площадях или в присутственных местах, жалуясь им на оказанную ему несправедливость, уничтожал съестные припасы, опустошал поля и бегал по дорогам, грозя кому-то жестокой мезтью. Мало-помалу несчастный вообразил себя богом, царем вселенной и даже говорил проповеди в соборе Альба о своем высоком назначении. Когда его поместили в дом умалишенных в Ракониджи, он вначале держал себя тихо, пока был твердо убежден, что здесь никто не сомневается в его могуществе; но при первом же противоречии стал грозить, что опрокинет земной шар, разрушит все государства и сделает себе пьедестал из развалин целого мира. При этом несчастный называл себя владыкой вселенной, олицетворением стихий и — то братом, то сыном, то отцом солнца.

“Мне уже надоело, — кричал он, — содержать на свой счет такую массу солдат и празднующихся! Справедливость требует, чтобы, по крайней мере, правительство и богатые люди прислали мне значительную сумму денег для уплаты *долгов смерти!*” Так называл он требуемый им налог и обещал навсегда сохранить жизнь уплатившим его, бедняки же все должны были умереть как совершенно бесполезные существа. Затем его крайне возмущала необходимость содержать в своем дворце столько помещанных, и он не раз просил доктора отрубить им всем головы,

что не мешало ему, однако, заботливо ухаживать за ними в случае их болезни. Вообще непоследовательность у него была полная. Небольшие деньги, получаемые им за поденную работу, он употреблял для уплаты какому-нибудь мошеннику, которого посылал с письмами и поручениями то к солнцу, то к звездам, то к смерти, к грому и вообще к силам природы, прося у них помощи, а по ночам вступал с ними в дружеские интимные беседы. Когда в окрестных деревнях случалось какое-нибудь бедствие, он был чрезвычайно доволен, считая его одним из обещанных им наказаний и видя в этом доказательство, что погода, солнце или гром повинуются ему.

В чемодане у него хранились какие-то жалкие подобию корон, но он уверял, что “это настоящие императорские и королевские венцы Италии, Франции и других государств, а короны, которые носят теперь государи этих стран, признавал не имеющими никакой цены, как неправильно захваченные узурпаторами, обреченными на гибель в ближайшем будущем, если только они не заплатят ему *деньги смерти* (*i debiti della morte*) векселями на множество миллиардов”.

Но всего типичнее проявлялся безумный бред этого больного в его письменных произведениях. В молодости он выучился читать и писать; однако теперь считал недостойным себя обычный способ письма и потому изобрел свой собственный для своих записок, векселей, указов, адресованных или к солнцу, или к смерти, или к военным и гражданским властям. Карманы его были всегда наполнены подобными документами. Писал он, употребляя преимущественно одни только заглавные буквы, к которым иногда присоединял известные знаки и фигуры для обозначения предметов и лиц. Слова по большей части отделялись друг от друга одной или двумя точками и состояли лишь из нескольких букв, почти всегда исключительно согласных, без всякого отношения к числу слогов.

Например, чтобы написать две фразы: “*Domine Dio Sol é ricoverato all’ospedale di Racconigi fa sentire al prefetto del tribunale di Torino se vuol pacare i debiti della morte. Prima*

di metire venga di presto all'ospedale di Racconigi"* , он на большом листе изобразил следующее:

☉ OM : DOS : LREOVA :
 ALO : PDLA : DRVNS :
 AEST : AS : ☉ PEET : DETBNAL :
 DETOIO : SVPA·DBI DE LA
 PA : DI : VEN : DIVOVO :
 AL OPDLA : DRVNS. M

Вместо подписи нарисован был двуглавый орел с лицом на груди — любимая эмблема больного, который носил ее даже на шляпе и на платье.

Здесь кроме пропуска некоторых букв, преимущественно гласных, как это принято у семитов, мы встречаемся еще и с употреблением тех символов, которые в египетских иероглифах называются *определятельными* (*determinativi*). Так, например, смерть изображена посредством черепа и костей, а председатель туринского суда — посредством грубо нарисованного в полумесяце, и притом вверх ногами, профиля.

В других произведениях того же больного возврат к древним письменам (атавизм) еще заметнее, так что буквы почти совершенно заменены рисунками.

Например, чтобы сильнее выразить все величие своей власти, больной нарисовал целый ряд рожиц, служащих эмблемами стихий и близких ему высших существ, составляющих армию, готовую по первому знаку его ринуться на борьбу с земными владыками, оспаривающими у него господство над миром. Тут изображены по порядку: 1) Вечный Отец, 2) Святой Дух, 3) Св. Мартин, 4) Смерть, 5) Время, 6) Гром, 7) Молния, 8) Землетрясение, 9) Солнце, 10) Луна,

* Владыка Бог Солнце, находящийся в больнице Ракоиджи, спрашивает председателя суда в Турине, желает ли он заплатить долги смерти. Прежде чем умереть, пусть явится скорее в госпиталь Ракоиджи.

11) Огонь (военный министр), 12) Могущественный человек, живущий от начала мира, и брат автора письма, 13) Левада, 14) Хлеб, 15) Вино. Затем следует двуглавый орел, который заменяет на рескриптах печать или подпись. Под каждым изображением находятся, кроме того, буквы, например, под первым — P. D. E. I. (Padre Eterno), под вторым — L. S. P. S. (lo Spirito Santo) и т.д.

Это одновременное употребление букв, рисунков и эмблем представляет интересный факт в том отношении, что напоминает фоноидеографический период, наверное, пережитый всеми народами (без всякого сомнения, мексиканцами и китайцами) до изобретения ими буквенного письма, что доказывается не только греческим словом *grafo* для выражения глаголов *рисовать* или *писать*, но и самой формой теперешних письменных знаков, напоминающих звезды и планеты.

У дикарей Америки и Австралии письменные буквы и до сих пор заменяются грубо сделанными рисунками. Так, чтобы выразить письменно, что кто-нибудь обладает быстротою птицы, они изображают человека с крыльями вместо рук. Два челнока с фигуркой внутри (медведь и семь рыб) служат выражением того, что рыбаки поймали в реке медведя и несколько рыб. Это даже и не письмена, а скорее связанные одной общей идеей знаки, служащие для напоминания событий, сохраняющихся в песнях или преданиях.

У некоторых племен существуют еще менее совершенные письменные знаки, напоминающие наши *ребусы*; так, американцы племени Майя для обозначения слова *врач* рисуют человека с пучком травы в руке и крыльями на ногах, очевидно, намекая этим на обязанность его поспевать всюду, где нуждаются в его помощи; эмблемой дождя служит ведро и пр.

Точно так же древние китайцы, чтобы выразить понятие о *злости*, рисовали трех женщин, вместо слова *свет* изображали солнце и луну, а вместо глагола *слушать* — ухо, нарисованное между двух дверей.

Эти грубые эмблематические письмена приводят нас к тому заключению, что риторические фигуры, составляющие гордость педантов-филологов, доказывают, скорее, ограни-

ченность ума, чем его высокое развитие; в самом деле, цветистостью часто отличаются разговоры идиотов и глухонемых, получивших образование.

После того как эта система письменного выражения идей практиковалась долгое время, некоторые наиболее цивилизовавшиеся расы, как, например, мексиканцы и китайцы, сделали шаг вперед: они сгруппировали фигуры, служившие вместо письменных знаков, и составили из них остроумные комбинации, которые хотя прямо и не выражали собою данной идеи, но косвенно напоминали ее, подобно тому, как это мы видим в шарадах. Кроме того, чтобы читающий не затруднялся в понимании тех или других знаков, впереди или позади их воспроизводился абрис предмета, о котором шла речь, в чем виден уже некоторый прогресс сравнительно с древним способом письма, состоявшим исключительно из одних только рисунков. Это произошло, вероятно, после того, как установилась устная речь и люди заметили, что многие слова, произносимые с помощью одних и тех же звуков, могут служить для выражения различных понятий. Так, чтобы письменно выразить *Itzlicoaatl*, имя мексиканского короля, рисовали змею, называвшуюся на мексиканском языке *Coatl*, и копье — *Istzli*.

Прибегнув к такому способу письма, наш мегаломаньяк (страдающий манией величия) еще раз доказал, что сумасшедшие, точно так же, как и преступники, при выражении своих мыслей, часто обнаруживают признаки атавизма, возвращаясь к доисторической эпохе первобытного человека. В данном случае мы легко можем проследить, вследствие каких причин и посредством какого процесса мышления больной пришел к заключению о необходимости употребить особые письменные знаки. Находясь под влиянием мании величия, считая себя неизмеримо выше всякой власти, какую только можно вообразить себе, и располагая по своему произволу даже стихиями, он, понятно, находил простую речь недостаточно ясной, чтобы ее вполне уразумели невежественные и неверующие люди. Точно так же и обычный способ письма мог показаться ему неудовлетворительным для выражения его идей, совершенно новых и необы-

чайных. Изображение львиных когтей, орлиного клюва, змеиного жала, громоносной стрелы, солнечного луча или оружия дикарей — вот письмена, достойные повелителя мира и способные внушить людям страх и уважение к его особе.

Этот пример — далеко не единичный; подобный же случай описан у Раджи в его прекрасном трактате *“Письменные произведения сумасшедших”* (*“Scritti dei pazzi”*). Я сам лечил в Павии одного сумасшедшего башмачника, который воображал, что в его власти находятся солнце и луна, и каждое утро рисовал образцы мундиров, в какие он оденет со временем обоих своих подчиненных.

Может быть, здесь играет также большую роль и напряженность известных галлюцинаций, которых больные не могут выразить с достаточной ясностью ни на словах, ни письменно, и потому прибегают к рисованию. В самом деле, нам случалось видеть мономаньяков, почти всегда, впрочем, уже в периоде к полному безумию, которые постоянно чертили, как умели, предметы своих галлюцинаций и покрывали такими изображениями целые листы бумаги.

Так, германский профессор Гунц., лечившийся у нас от мономании преследования, несколько раз в резких выражениях описывал магнетические приборы, которыми ухитряются не давать ему покоя коллеги, и наконец составил чрезвычайно странный чертеж с целью показать нам, каким образом при помощи известных проводников и батарей враги могут преследовать его из Милана и Турина в Павианской больнице. Другой мономаньяк, алкоголик, жаловался не только на магнетические, но и на спиритические преследования некоего Бель... и в припадке бреда нарисовал своего недруга, вооруженного кинжалом, в сопровождении его жены, в виде сфинкса или сирены в очках и с торчащим изо рта таинственным свистком, заключавшим в себе губительные для бедного маньяка чары. Чтоб пояснить рисунок, к нему были приложены стихи, но они только затемняли его.

Сам Лазаретти, хотя и лучше владевший пером, прибегал ко множеству нелепых символов и украшал ими свои знамена, которыми у него был наполнен целый чемодан. Когда его вскрыли на суде во время процесса, то королев-

ский прокурор был очень изумлен при виде таких невинных трофеев, тогда как он, должно быть, думал найти в чемодане разрывные снаряды. На печати и посохе Лазаретти тоже были вырезаны известные эмблемы, которым, как мы увидим впоследствии, он придавал большое значение.

Еще более интересный факт в том же роде сообщил мне почтенный профессор Морселли из своей практики.

“Больной, — пишет он, — занимался столярным ремеслом, был искусный резчик по дереву и делал прекрасную мебель. Семь лет тому назад началась психическая болезнь — нечто вроде *липемании*; он пытался лишить себя жизни, бросившись с балкона муниципального дворца, но остался жив, хотя сломал себе ногу и разбил нос. В настоящее время с ним бывают припадки волнения (ажитации), сопровождающиеся систематизированным бредом, в котором преобладают политические, республиканские, даже анархистские идеи с примесью немалой доли тщеславия. Он воображает себя одним из важных государственных преступников — то Гаспароне, то Пассаторе, то Пассананте. Рисует и вырезывает постоянно, но почти всегда одно и то же — какие-то рисунки, служащие олицетворением его бреда. По большей части, это — род трофеев с гербами, эмблематическими и аллегорическими фигурами со множеством нелепых надписей — отрывков из теперешних политических газет или изречений, сохранившихся у него в памяти еще со времени детства”.

“В числе резных работ особенно любопытна одна, изображающая человеческую фигуру в солдатской форме с крыльями на плечах, стоящую на пьедестале, испещренном надписями и аллегорическими девизами. На голове у этой статуэтки помещается какой-то трофей, а кругом нее вырезаны различные вещи, служащие символами болезненного бреда художника. Так, например, тут изображена *чернильница* — это орудие, посредством которого он когда-нибудь одолеет тиранов; *мундир* — его обычная одежда во время войн за независимость; *крылья* служат выражением той идеи, что, уже будучи сумасшедшим, он продавал на площади Порто Реканати свои резные работы, и в том числе изо-

бражения *ангелов*, по одному сольдо за штуку; *медаль орденна свиньи* — это знак отличия, который ему хотелось бы повесить на груди всем богачам и владыкам земного шара в насмешку над ними; *шлем с фонарем, прикрепленным к забралу* (что напоминает *шайку мошенников* в оперетке Оффенбаха), служит эмблемой карабинеров, доставивших его в больницу; *положенная наискось сигара* (обратите внимание на эту подробность) означает презрение к королю и тиранам, а *искривленное положение ноги* напоминает о переломе, бывшем следствием прыжка с балкона.

“Надписи на пьедестале составлены из отрывков стихотворений и газетных статей политического содержания, которые всегда на устах у нашего больного, придающего им таинственное значение в смысле намека на рабство, в каком его держат теперь в больнице, и на возмездие, какое он готовит за это”.

“Но самое замечательное из произведений бедного столяра — это *трофей* на голове статуэтки, служащий, так сказать, графическим изображением песенки*, не знаю,

* Вот перевод этой песенки, воспроизведенной проф. Ломброзо по рукописи автора.

БУДУ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ

ПЕСЕНКА

Яд я теперь для себя приготовил,
Пару кинжалов держу у груди,
С жизнью расстаться я сильно желаю,
С жизнью печали и мрачной тоски.
 Буду любить тебя даже за гробом,
 Даже и мертвый все буду любить.
Колокол мерно тогда зазвучит,
Смерть всем мою возвещая;
Звон погребальный к тебе долетит,
Станешь ему ты внимать, дорогая.
 Буду любить тебя даже за гробом,
 Даже и мертвый все буду любить.
Мимо тебя пронесут до могилы
Прах мой в сопутствии пестрой толпы;
Дряхлый священник, взобравшись на вилы,
Вечную память тогда пропоет.
 Буду любить тебя даже за гробом,
 Даже и мертвый все буду любить.

им ли самим сочиненной или только заимствованной из какого-нибудь сборника народных песен. Каждому куплету песенки соответствует особое символическое изображение. Для первой строфы, например, *яд* представлен в виде чаши, тут же нарисована и *пара кинжалов*; саркофаг или ящик с крышкой служит эмблемой слов *окончить жизнь и гроб*; *любовь* олицетворяется двумя букетиками цветов.

Для второй строфы под изображением *колокола* помещены две скрещенные трубы, как олицетворение *похоронного звона*; *пестрая толпа* третьей строфы и священник или, скорее, шляпа священника тоже не забыты, так что для полноты картины недостает только *вил*. Нужно заметить, что *нож* и *вилка* — любимые орудия больного: изображение их служит эмблемой того, что он ест и пьет, находясь в неволе, “на галерах”, по его выражению, и потому он всегда носит эти орудия, сделанные им самим из дерева, в петлице своего платья или на шапке”.

Здесь кстати будет снова припомнить, что у дикарей легенды их пишутся именно таким способом, т.е. рисунки перемежаются со стихами.

Подобное изобилие эмблем затемняет иногда смысл картин даровитейших художников, страдающих галлюцинациями.

5) У некоторых, хотя и немногих, душевнобольных является, по замечанию Тозелли, странная склонность к рисованию арабесок и орнаментов почти геометрически правильной формы, но в то же время чрезвычайно изящных; впрочем, особенность такого рода обнаруживают только мономаньяки, у безумных же и маньяков преобладает хаотический беспорядок, правда, иногда тоже не лишенный изящества, как это доказывает сообщенная мне Монти и нарисованная сумасшедшим картинка, с изображением какого-то здания, составленным из тысячи мельчайших завитков, красиво перепутанных между собою на всевозможные лады.

6) Далее, у многих, в особенности у эротоманьяков, паралитиков и безумных, рисунки и поэтические произведе-

ния отличаются полнейшей непристойностью; так, один душевнобольной столяр вырезывал на углах своей мебели и на верхушках деревьев мужские половые органы, что, впрочем, опять-таки напоминает скульптуру дикарей и древних народов, в которой половые органы встречаются повсюду. Другой, капитан из Гenuи, постоянно рисовал неприличные сцены. Иногда такие художники стараются замаскировать циничность своих рисунков и объяснить ее мнимыми требованиями самого искусства, как, например, больной, воображавший, что изображает картину Страшного суда, или патер, который рисовал обнаженные фигуры и потом затушевывал их так артистически, что детородные органы, груди и пр. выделялись совершенно ясно, и на упреки в непристойности возражал, что ее находят лишь люди, враждебно относящиеся к его рисункам. Этот же самый субъект часто изображал группу из трех лиц — женщину в объятиях двоих мужчин, из которых один был в шляпе патера (Раджи).

Маньяк М., писавший иногда, как мы уже видели, такие прелестные стихотворения, иллюстрировал их множеством рисунков с изображениями каких-то невозможных животных, монахов или женщин и придавал им все самые неприличные позы.

У некоторых, именно у паралитиков, цинизм проявлялся с еще меньшей сдержанностью. Так, я помню одного старика, который рисовал женские половые органы и писал самые непристойные двустишия в заголовках писем к своей жене. Любопытное явление представляли также два живописца, один из Турина, другой из Реджио, страдавшие манией величия: у обоих было стремление к *содомскому греху*, основанное на той безумной идее, что они — боги, властители мира, создаваемого ими тем же способом, как птицы несут яйца. Один из них, обладавший замечательным талантом, даже изобразил себя на картине, писанной красками, в момент подобного создания мира, совершенно голым, посреди женщин и различных символов своего могущества. Эта чудовищная картина воспроизводит перед нами древнее изображение

божества египтян, *Птифалло*, и отчасти служит объяснением происхождения этого мифа.

7) Общую черту большей части произведений сумасшедших составляет их бесполезность, ненужность для самих работающих, что вполне подтверждается изречением Геккарта: “Трудиться над созданием ни к чему непригодных вещей — занятие, свойственное только сумасшедшим”. Так, одна женщина, страдавшая манией преследования, работала по целым годам, прелестно разрисовывая хрупкие яйца и лимоны, но, по-видимому, без всякой цели, потому что всегда тщательно прятала свои произведения, так что даже мне, которого она считала своим лучшим другом, удалось увидеть их только после ее смерти. В том же роде был и труд того больного, который сшил себе только один сапог, о чем мы говорили раньше. Можно подумать, что сумасшедшие, подобно гениальным артистам, тоже придерживаются теории *искусства для искусства*, только в извращенном смысле.

8) Иногда сумасшедшие создают и чрезвычайно полезные вещи, но совершенно непригодные для них лично, и притом не по той специальности, какой они прежде занимались. Например, один помешавшийся интендантский чиновник придумал и сделал модель кровати для беснующихся больных, до того практичной, что, по-моему, кровать эту следовало бы ввести в употребление; двое других чиновников сообща делали прехорошенькие, покрытые резьбой спичечницы из бычьих костей, хотя пользы не могли извлечь никакой из этой работы, потому что отказывались продавать свои произведения. Впрочем, мне случалось видеть и много исключений из этого правила: так, меланхолик, страдавший манией убийства и самоубийства, устроил себе из костей, остававшихся от обеда, нож и вилку, что было для него очень полезно, так как, по приказанию директора, ему не давали металлических ножей и вилок. Мегаломаньяк, служитель кафе, лечившийся в больнице Колленьо, приготавливал там превосходную сладкую водку, хотя материалы, доставлявшиеся ему любителями этого напитка, были самого разнообразного ка-

чества. Пятидесятилетняя женщина, страдавшая припадками бешенства, сшила громадный ночной чепчик в виде шлема и не могла уснуть иначе, как натянув его себе на лицо по самую шею; маньяк-преступник из лучинок сделал себе ключ. Я не говорю здесь о тех, которые устраивали для себя настоящие кирасы из железа или камешков, так как в этом случае работа вызывалась необходимостью защититься от воображаемых преследователей, и потому труд вполне вознаграждался полученными результатами.

9) В художественном творчестве сумасшедших, конечно, преобладают всевозможные нелепости как относительно колорита, так и самих фигур, но это особенно сказывается у некоторых маньяков вследствие неравномерной, преувеличенной ассоциации идей, не дающей места промежуточным оттенкам при воплощении задуманного художником образа. У безумных же встречаются перерывы в ассоциации идей, как это видно, например, из того, что один из них, желая изобразить брак в Кане, превосходно нарисовал всех апостолов, а вместо фигуры Христа — огромный букет цветов.

Паралитики обыкновенно не умеют справиться с размерами изображаемых предметов, вследствие чего куры выходят у них одинаковой величины с лошадьми, вишни — с дынями, или же, несмотря на всю тщательность отделки, рисунок выходит какой-то неаккуратный, точно картинки, нарисованные детьми. Один помешанный, воображавший себя вторым Верне, для изображения лошадей проводил только четыре черты, а другой рисовал все фигуры вверх ногами.

В тех случаях, когда умопомешательство сопровождается потерей памяти, так что больные и в разговорной речи забывают некоторые слова, в рисунках тоже замечается недостаток существенных частей его. Так, один сумасшедший отлично нарисовал сидящего генерала, но забыл нарисовать, на чем он сидит.

10) У некоторых, в особенности у мономаньяков, мы видим, наоборот, уже слишком большое изобилие мелоч-

ных подробностей, так что из желания точнее выразить идею рисунка они делают его совершенно непонятным. На одном пейзаже, например, помещенном в Турине между не принятыми на выставку картинами, на видневшемся вдали поле все былинки отчетливо отделялись одна от другой, или же в громадной картине штриховка была сделана такая же тонкая, как в маленьком рисунке карандашом.

Иногда, кроме избытка подробностей, замечается еще полнейшее отсутствие перспективы, как, например, в рисунке, воспроизведенном здесь посредством ксилографии, где все отдельные части сделаны совершенно правильно, но, вследствие полнейшего отсутствия перспективы, в общем выходит какой-то сумбур. Можно подумать, что это рисовал настоящий художник, но учившийся в Китае или Древнем Египте.

Я знал троих подобных живописцев, из которых один был мономаньяком, отличавшийся еще тем, что для письма употреблял печатные буквы, и двое — помешанных. Кроме того, мне случалось видеть одного французского капитана-полупаралитика, рисовавшего фигуры угловатыми линиями, точно египетские профили. Вышеупомянутый мегаломаньяк, сшивший себе один только сапог, сделал раскрашенный барельеф, на котором фигуры своими непропорционально большими конечностями и крошечными лицами очень походили на священные картины XII столетия. Наконец, один больной вырезывал на трубках и вазах барельефы, совершенно сходные с теми, какие встречаются на древних орудиях из тесаного камня. Таким образом, эти примеры доказывают полную аналогию между психическим состоянием человека и внешними проявлениями его деятельности.

11) Некоторые из сумасшедших выказывают удивительный талант в подражании, в умении схватить внешний вид предмета, например, они совершенно точно срисовывают фасад больницы, головы животных; но такие, хотя весьма тщательные, рисунки бывают обыкновенно лишены изящества и напоминают младенческое состояние искусства.

Мне случилось видеть, что подобные картины нередко выходят довольно удачными у идиотов и кретинов, которые, пожалуй, стоят в умственном отношении на одном уровне с первобытными людьми.

Многие постоянно воспроизводят один и тот же сюжет; так, у Фриджеро был душевнобольной, всегда рисовавший пчелу, которая отгрызает голову у муравья; другой, воображавший, что его расстреляли, чертил ружья, третий — арабески. Иногда это постоянство обуславливается прежними занятиями, например, у столяров и моряков и пр.

Последнее обстоятельство служит объяснением того факта, что душевнобольные и даже совершенно помешавшиеся достигают иногда значительной степени совершенства в своих рисунках вследствие постоянного повторения известного сюжета. Сумасшедший, вечно рисующий одни корабли, наконец становится артистом в их изображении. Впрочем, иногда эта способность, как и внезапное появление поэтического литературного таланта, вызванное потерей рассудка, — например, у Фарина — обуславливается энергией и напряженностью галлюцинации. Под влиянием их люди, никогда не бравшие кисти в руки, сразу делаются живописцами и даже художниками, как это случилось с Блэком (о котором рассказывает Бриер), именно благодаря тому, что давно умершие люди, ангелы и пр., представлялись ему живо и совершенно отчетливо. Той же способностью обладал поэт-маттоид Джон Клер; он уверял даже, что был очевидцем войн давно прошедшего времени и присутствовал при совершении казни над Карлом I.

Действительно, все эти события он воспроизводил на полотне поразительно правдиво, хотя не получил никакого образования и, следовательно, не мог заимствовать ничего из книг.

Впечатлительностью объясняется отчасти и страсть к копированию картин и списыванию стихов, замечаемая у тех из психически больных, от которых всего меньше можно было ожидать этого, — у безумных (*dementi*).

Тут, очевидно, играет большую роль тот факт, что с потерей рассудка фантазия приобретает полный простор и больной проникается сочувствием к произведениям той же фантазии, тогда как у нормальных людей здравый смысл, не допускающий их до иллюзии или галлюцинаций, в известной степени подавляет в них эстетические и артистические наклонности. Хорошо копировать можно лишь то, что хорошо видишь.

Отсюда уже понятно, каким образом самое искусство может, в свою очередь, способствовать развитию душевных болезней и даже вызывать их. Вазари рассказывает о живописце Спинелли, что когда он после многих бесплодных попыток нарисовал наконец Люцифера во всем его безобразии, то последний явился ему во сне и укорял, зачем он изобразил его таким уродом. Этот образ потом в продолжение нескольких лет преследовал Спинелли и едва не довел его до самоубийства. Верга знал другого художника, который, долгое время упражняясь в рисовании змеевидных линии, стал видеть их перед собою днем и ночью, под конец даже превратившимися в настоящих змей. Это до такой степени мучило его, что он пытался утопиться.

Бывают случаи, что страсть к рисованию вызывается не фантазией, но простым автоматизмом, развивающимся с особенной силой именно тогда, когда всякие другие проявления психической деятельности начинают слабеть. Нечто подобное мы видим в детях, которые автоматически рисуют и пишут разные каракульки.

Что в известной степени тут имеет влияние атавизм, доказывается не только сходством этих рисунков с монгольскими, но также и страстью сумасшедших к музыке. Вопрос этот был весьма обстоятельно разработан известным алиенистом и знатоком музыки Винья (Vigna) в его сочинении "*Intorno all' influenza della musica*" ("По поводу влияния музыки"), изданном в Милане в 1878 году.

Музыкальное искусство у сумасшедших. Музыкальные дарования, подобно способности к живописи, даже еще в сильнейшей степени, чем эта последняя, слабеют у тех ду-

шевнобольных, которые до заболевания слишком страстно занимались музыкой. Адриани заметил, что музыканты, лечившиеся у него от умопомешательства, почти совершенно теряли свои музыкальные способности и если иногда занимались музыкой, то совершенно машинально, иные же, лишившись рассудка, постоянно повторяли одну и ту же пьесу или отдельные фразы из них. Винья говорит, что Доницетти, находясь в последнем периоде сумасшествия, оставался совершенно равнодушным, когда при нем играли его любимые мелодии. В последних произведениях этого композитора отразилось роковое влияние болезни. То же самое замечают музыкальные критики и в симфонии-увертюре к *“Мессинской невесте”*, написанной Шуманом во время припадков сумасшествия.

Но это нисколько не противоречит высказанному мною положению, что умопомешательство вызывает артистические способности в субъектах, не имевших их раньше, а, напротив, только доказывает, как это мы уже видели относительно живописцев, в какой ничтожной степени сохраняется у музыкантов прежняя любовь к искусству, злоупотребление которым, может быть, и сделалось причиной их сумасшествия.

Впрочем, Мазон Кокс, заметивший, что многие виртуозы вместе с потерей рассудка теряли и музыкальные способности, наблюдал также несколько случаев, когда под влиянием психоза эти способности усиливались. Несомненно, однако, что музыкальный талант появляется, иногда почти внезапно, всего чаще у меланхоликов, затем у маньяков и даже у безумных. Я помню одного больного, совершенно потерявшего дар слова, но постоянно игравшего *à livre ouvert* самые трудные пьесы, и одного очень даровитого математика, который страдал меланхолией: совершенно не зная ни музыки, ни контрапункта, он импровизировал на фортепиано арии, достойные великого композитора. Другой субъект, впавший в безумие вследствие мономании, в молодости учился музыке и во время болезни постоянно играл или импровизировал до самой смерти своей от паралича.

Тамбурины лечил одну женщину, сифилитичку, страдавшую мегаломанией; во время припадков возбуждения она садилась за фортепиано и пела прекрасные арии, но, вместо того чтобы аккомпанировать себе, импровизировала два различных мотива, не имевших никакого соотношения ни между собою, ни с арией, которую она пела при этом.

Один юноша, лечившийся у меня в клинике от миланской проказы, сочинял новые и прелестные песенки.

Раджи писал мне об одной лечившейся у него даме, страдавшей меланхолией, что во время припадков она играла нехотя и кое-как, но, по окончании его, проводила целые дни за роялем и с чисто артистическим увлечением исполняла труднейшие вещи. Тот же врач наблюдал необыкновенное развитие музыкальных способностей у другой больной, у которой было острое горделивое помешательство: она постоянно пела арии Беллини, хотя и детонировала при этом.

В музыкальном искусстве перевес тоже оказывается, по-видимому, на стороне мегаломаньяков и паралитиков, по той же самой причине, как и в живописи, а именно вследствие сильнеешего психического возбуждения. Так, с одним из паралитиков во все продолжение болезни бывали настоящие музыкальные пароксизмы, во время которых он подражал всевозможным инструментам и при исполнении тихих мест (*piano*) выказывал неописанное увлечение. Другая паралитичка, воображавшая себя французской императрицей, губами и прицелкиванием пальцев исполняла марши для своего войска и пела в такт этим звукам.

Еще один больной-паралитик, считавший себя генерал-адмиралом, тоже нередко пел какие-то монотонные мелодии. Оригинальный поэт и живописец мегаломаньяк М., писавший то прелестные, то нелепые стихотворения, приведенные нами раньше, тоже писал или, скорее, кропал какие-то музыкальные пьесы по новой, им самим изобретенной системе, ни для кого, впрочем, не понятной.

Маньяки всегда предпочитают быстрые темпы на высоких нотах, особенно при веселом настроении, и любят по-

вторять припевы (Раджи). Впрочем, и вообще все больные, хотя бы ненадолго попадающие в дома умалишенных, обнаруживают большую склонность к пению, крикам и ко всякому выражению своих чувств посредством звуков, причем всегда заметен известный размер, ритм. Причина этого явления, точно так же как и обилия между сумасшедшими поэтов, будет нам вполне понятна, когда мы припомним мнение Спенсера и Ардиго, доказывающих, что закон ритма есть наиболее распространенная форма проявления энергии, присущей всему в природе, начиная от звезд, кристаллов и кончая животными организмами. Инстинктивно подчиняясь этому закону природы, человек стремится выразить его всеми способами и тем с большей напряженностью, чем слабее у него рассудок. Потому-то первобытные народы всегда до страсти любят музыку. Спенсер слышал от одного миссионера, что для обучения дикарей он поет им псалмы, и на другой день почти все они уже знают их на память.

Дикари даже и в разговорной форме употребляют нечто вроде монотонного пения, напоминающего наши речитативы, а самое слово *песня* выражало в древнее время и понятие о *поэзии*, откуда произошло название поэта — *певец*. Тайнственные магические формулы и заклинания древних всегда имели размер песни, да и в настоящее время в деревнях разговорная речь обилием модуляции голоса напоминает простые музыкальные арии. Наконец, импровизаторы произносят свои стихи не иначе как нараспев и жестикулируют при этом всеми членами.

Спенсер в своем сочинении "*Essais de morale et d'esthétique*" (Paris, 1879) прекрасно объясняет это тем, что пение придает особенную силу естественному выражению чувств и состоит в систематическом комбинировании голосовых средств, смотря по тому, вызываются ли они радостью или печалью. "Всякое умственное возбуждение, — говорит он, — переходит в мускульное, и между ними существует неразрывная связь. Ребенок прыгает и скачет при виде чего-нибудь блестящего. Взрослый начинает жестикулировать под влиянием ощущений или сильного вол-

нения, и чем оно сильнее, тем больше раздражается мускульная система. Легкая боль вызывает стон, острая — крик: слабый — если страдание мимолетно, высокий или низкий — если оно продолжительно, а в случае нестерпимых страданий звук голоса повышается на квинту, на октаву и даже больше. В пении же душевное волнение также проявляется дрожанием мускульных связок, отчего происходит так называемое *тремоло*”.

Весьма естественно поэтому, что в тех случаях, когда возбуждение особенно сильно и где нередко даже явление атавизма, как при сумасшествии, склонность к музыке оказывается преобладающим выражением духовной жизни человека.

Тот же самый факт служит в свою очередь объяснением, почему среди гениальных безумцев так много музыкальных знаменитостей, каковы, например, Моцарт, Латтре, Шуман, Бетховен, Доницетти, Перголези, Феничия, Риччи, Рокки, Россо, Гендель, Дюссек, Гофман, Глюк и др.* Кроме того, не следует забывать, что музыкальные композиции принадлежат к числу самых субъективных произведений человеческого гения, — они всего теснее связаны с аффектами и всего менее с внешними формами проявления мысли, вследствие чего для создания их необходимо вдохновение самое пламенное, жгучее, наиболее губительно действующее на организм.

Исследование характера артистических наклонностей у сумасшедших, может быть, принесет пользу не только для изучения их болезней, в которых еще столько темного, необъяснимого, но также и для самой эстетики или, по крайней мере, для эстетической критики, доказав ей, что злоупотребление символами, избытие мелочных подробностей, хотя и совершенно верных с действительностью, цветистость слога, противоестественное преобладание одного ка-

* На громадное количество сумасшедших среди композиторов указал мне молодой артист Арнальдо Баргони уже много лет тому назад, а в последнее время много фактов по этому вопросу сообщил Матриани в своей прекрасной статье о моей книге “Гениальность и помешательство”, изданной в 1881 году.

кого-нибудь цвета (недостаток, свойственный многим нашим художникам), циничность сюжетов и слишком преувеличенная оригинальность принадлежат уже к патологическим явлениями в области искусства.

IX

МАТТОИДЫ-ГРАФОМАНЫ, ИЛИ ПСИХОПАТЫ

Маттоидами-графоманими я предложил бы назвать разновидность, составляющую промежуточное звено, переходную ступень между гениальными безумцами, здоровыми людьми и собственно помешанными.

Разновидность эта представляет в печальной области психиатрии совершенно особый тип индивидов, на которых впервые указал Маудсли под именем "*людей с температуром помешанных*" и которых потом Морель, Легран де-Соль и Шюле называли *страдающими наследственным неврозом**, Баллинский и др. — *психопатами*, а Раджи — *невропатами*.

* "Это дети или племянники сумасшедших, — говорит Шюле в своем сочинении "Geisteskrankheit", — нередко с аномалиями в строении черепа, неба, языка, склонные к умопомешательству, в особенности периодическому, и к ипохондрии, которой они подвергаются при малейшем поводе, в период зрелости и беременности. Они с детства проявляют недостаток энергии, бывают склонны к бессоннице, сомнамбулизму, конвульсиям и отличаются необыкновенной раздражительностью. Позднее в них проявляются припадки лихорадочной деятельности, сменяющиеся полной инерцией, отсутствие дисциплины, жестокость, преждевременные половые инстинкты и склонности к самоубийству: они вечно находятся в тревоге и ничем не могут удовлетвориться; едва лишь достигнув цели и успокоившись, они снова начинают волноваться; в своей профессии они обнаруживают иногда деловитость, но в практической жизни вечно остаются детьми".

Эта характеристика применима вполне и к маттоидам, только у них я редко находил органические аномалии и наследственную склонность к умопомешательству; напротив, многие из них состоят в родстве с великими, гениальными людьми, о чем я скажу в своем месте.

Этот последний, тщательно и долго изучавший подобных субъектов, предложил разделить их на четыре категории, смотря по тому, относится ли их ненормальность к области чувственной, аффективной или интеллектуальной.

Первую категорию составляют отчасти истеричные субъекты, отчасти ипохондрики с более острой впечатлительностью, чем у других людей, и с склонностью объяснять свои воображаемые несчастья выдуманнными причинами.

Ко второй категории принадлежат субъекты с извращенными инстинктами, злоупотребляющие то эксцессами, то воздержанием и склонные к различным половым ненормальностям, о чем я подробно говорил в своей брошюре о *проявлении любви у помешанных*. Они обнаруживают странную привязанность к собакам, кошкам, птицам и т.д., отличаются самыми нелепыми причудами, например, уничтожают дорогие вещи, бросаются с поездов, избегают солнечного света, так что выходят только ночью и притом с зонтиком, не могут оставаться в закрытых помещениях, так что падают в обморок, когда их запирают в комнате, или, наоборот, боятся открытых мест, площадей и не решаются переходить их. Я знал одну даму, падавшую в обморок при виде заостренных вещей (*punto*), а Раджи сообщает о другой, что с ней делалась рвота, когда она видела своего мужа, которого, между тем, очень любила. У некоторых, в особенности у педерастов, замечается настоящая страсть ко всему грязному, тогда как другие проявляют такую любовь к чистоте, что они по несколько раз вытирают стул, прежде чем сесть на него, и заставляют своих близких голодать или бодрствовать из мнимого убеждения, что им дадут неопрятно приготовленные кушанья или грязные простыни. Аффективные моральные маттоиды образуют в полном смысле слова субстрат или переходную ступень к врожденным преступникам; это — бессердечные, безжалостные эгоисты, остающиеся совершенно спокойными при виде смерти и страданий близких им людей, иногда способные даже любоваться таким зрелищем; они часто питают ненависть к людям и скрываются где-нибудь в глуши, избегая общества. Иные же, напротив,

из потребности делать зло сближаются с людьми и стараются возбудить к себе их удивление с помощью самых нелепых приемов, например собиранием пуговиц, зонтиков и пр., или же прибегают для этой цели к глупым фарсам — пишут сами себе любовные записки и потом хвастаются ими; чуть не умирая с голода, курят дорогие сигары и т.п. Обыкновенно такие личности становятся во главе тайных обществ, заседающих в кафе или политическом клубе, делаются основателями новых сект или только их апостолами, тем более ревностными, чем невежественнее сами. Нередко также, будучи негодьями и ворами с детства, они все свои способности употребляют на всевозможные мошеннические проделки, с наслаждением занимаются ими, а попавшись, с негодованием встречают обвинительный приговор, хотя сами отлично знают законы. Тщеславные до крайней степени, они зачастую совершают преступления из желания прославиться, забывая при этом, что вместе с утратой престижа лишаются и честного имени, и уважения окружающих, чего они так страстно добивались.

Интеллектуальные маттоиды — это, по мнению Раджи, те неудержимые болтуны, которые, раз заговорив, уже не могут остановить потока своего красноречия, даже если бы и желали этого. Находясь под влиянием какого-то лихорадочного умственного возбуждения, они говорят без логической связи и нередко приходят к выводам, совершенно противоположным тому, что они хотели доказать. Иногда у них появляются чрезвычайно странные фантазии: например, сосчитать камешки на мостовой, половицы в комнате или пристально смотреть на кончик сапога. Рассеяны они до такой степени, что по нескольку раз пишут об одном и том же к тому же лицу, не замечают перемен дня и ночи; иногда, напротив, у них бывает необыкновенно развита память, так что они запоминают целые страницы из прочитанного или же хорошо помнят только числа, иностранные слова, но забывают черты лица даже своих друзей. Некоторые отличаются живостью воображения, вследствие чего доходят до разных абсурдов, делают категорические заключения от общего к частному и т.д.

Такие субъекты очень мало отличаются от душевнобольных, страдающих горделивым помешательством и пр., и часто делаются ими при первом же поводе.

Раджи, у которого я многое заимствую по данному вопросу, находит между ними лишь ту разницу, что у большинства маттоидов умственное расстройство не сопровождается аффектами и что они более способны сдерживаться в своих поступках. С своей стороны я прибавлю, что ненормальность их бывает врожденная и неизлечимая — к ним же я отношу и лиц, страдающих неврозом, — и что они обладают только болезненными свойствами гениальных людей, преимущественно эксцентричностью, не имея, однако, ни критического взгляда, ни творческих способностей. Морель, Легран ле-Соль и Шюле приписывают таким маттоидам еще и различные физические ненормальности — особенно в строении ушной раковины (всегда плоской), языка, черепа и половых органов, — но я находил у них эти признаки лишь в виде исключения.

Разновидность того же типа, соединяющую интеллектуального маттоида с моральным или аффективным, представляют графоманы и кляузники, которыми я нахожу нужным заняться обстоятельнее, не только вследствие аналогии и контрастов между ними и гениальными людьми, но и потому еще, что события последнего времени доказали мне, какое значение они приобретают в социальной и политической жизни народа, тем более что всегда вредная деятельность их прикрывается вначале псевдолитературными стремлениями. Поэтому на них следует обратить внимание не с одной только медицинской или литературной точки зрения.

У маттоида-графомана в большинстве случаев череп бывает нормальный, детей у него нет, но сам он нередко происходит от гениального предка; так, Квестер был брат ученого Адольфа Квесгера, Мартин Вильям — брат Джонатана, знаменитого живописца, Флуран, коммунарь, — сын знаменитого физиолога, Спандри — сын известного астронома и пр. Отличительная особенность его — преувеличенное мнение о себе, о своих достоинствах и вместе с тем исклю-

чительно ему свойственная способность высказывать свои убеждения больше на бумаге, чем на словах или на деле, не возмущаясь нисколько теми невзгодами и противоречиями, которые на каждом шагу встречаются в практической жизни и обыкновенно не дают покоя как гениальным людям, так и сумасшедшим.

Чианкеттини приравнивал себя к Галилею, даже к самому Христу, и в то же время подметал лестницы в казарме.

Пассананте, называвший себя президентом политического общества, служил в качестве повара. Манжионе, считающий себя мучеником своего гения ради блага Италии, исполняет обязанности маклера. Кессон выдает себя за кардинала, а между тем живет как паразит, разыгрывая роль сумасшедшего и получая обильные подаяния. Пастор Блюэ, титулюющий себя апостолом и графом Пермиссионом, был такого высокого мнения о себе как авторе "*Скоттатиндже*", что удостаивал своим вниманием только царствующих особ и в то же время не отказывался заниматься укрощением лошадей. Стеварт, автор нелепого сочинения "*Новая система физической философии*", исхивший весь свет с целью отыскать "полярность истины" (*polarita del vero*), воображал, что все короли земного шара сговорились уничтожить его произведение, и потому раздавал экземпляры своим друзьям с просьбой спрятать их как можно тщательнее и не открывать этой тайны иначе, как на смертном одре.

Мартин Вильям, брат Джонатана, того самого, что в припадке безумия поджог собор в Йорке, и Джона, создавшего новый род живописи, напечатал множество сочинений для доказательства вечного движения (*perpetuum mobile*). Убедившись на основании 36 сделанных им опытов, что научным путем доказать это невозможно, этот маттоид во сне получил от Бога откровение, что он избран для открытия первой причины всех вещей, а также *perpetuum mobile*, и написал по этому предмету несколько сочинений.

Ненормальность писателей-маттоидов не всегда легко было заметить, если бы, при всей кажущейся серьезности и увлечении данной идеей, — в чем они обнаруживают сход-

ство с мономаньяками и гениальными людьми, — к сочинениям их не примешивалось зачастую множество нелепых выводов, постоянных противоречий, многословия, бессмысленной мелочности и главным образом себялюбия и тщеславия, составляющих преобладающее свойство гениальных людей, лишившихся рассудка. Недаром же в числе 215 маттоидов-графоманов мы находим 44 пророка.

Филапанте в своем сочинении “*Dio liberale*” причисляет к полубогам своего отца, занимавшегося столярным ремеслом, и свою мать!

Гито намеревается спасти республику, убив ее президента, и провозглашает себя великим законовелем и философом.

Пассананте, проповедовавший “неприкосновенность человеческой жизни и собственности”, обрекает на смерть членов парламента: требуя от своих последователей, чтобы они уважали существующий образ правления, он сам оскорбляет монархию, покушается на жизнь короля и предлагает уничтожить *скупцов* и *ханжей*.

Врач С. печатает статью о том, что кровопускания предохраняют от *избытка* (*eccesso*) света, а другой в двух толстых томах доказывает, что болезни бывают эллиптической формы.

Сочинение Демонса “*Quintessenza sestessenza dialettica*” критики называют настоящей квинтэссенцией глупости.

Глезес утверждал, что тело атеистично, а Фузи (теолог!) — что менструальная кровь обладает свойством тушить пожары.

Ганнекен, имевший обыкновение писать в воздухе пальцем и владевший *духовой трубой* (*tromba aronale*), посредством которой он входил в сношения с рассеянными в воздухе духами, возвестил, что настанет время, когда многие индивиды мужского пола превратятся в индивидов женского пола и сделаются полубогами.

Генрион сказал в академии надписей, что Адам был ростом 40 футов, Ной — 29, Моисей 25 и т.д.

Леру, знаменитый парижский депутат, веривший в переселение душ и в *каббалу*, так определил любовь: “идеальность реальности одной части целого в бесконечном существе и пр.”.

Асгиль утверждал, что человек может жить вечно, лишь бы у него была вера в бессмертие.

Филапанти признавал существование трех Адамов и с величайшей точностью определял, в каком именно году они жили и чем занимались.

Бывает, однако, что среди хаотического бреда в произведениях маттоидов-графоманов попадаются и совершенно новые, здравые суждения. Вот, например, какие прелестные отрывки можно встретить среди нелепых сентенций Чианкеттини:

“Инстинкт заставляет всех животных стремиться к поддержанию своего существования с наименьшей затратой сил, избегать всего неприятного и наслаждаться жизнью; но, чтобы достигнуть этого, им необходима свобода”.

“Все животные, за исключением человека, стараются удовлетворить этому инстинктивному стремлению, и почти всем удается достигнуть этого: одни лишь люди, сгруппировавшись в общества, оказались связанными, поработанными до такой степени, что не только никогда еще никому не посчастливилось доставить людям мир и свободу, но даже никто из них не мог придумать способа для достижения этой цели”.

“И вот я решаю предложить такой способ. Положение дел в настоящее время напоминает запертую дверь, которую нельзя открыть без ключа или отмычки, иначе как взломавши ее; точно так же и человек, утративший свободу с развитием членораздельной речи, только с помощью того же дара слова или его эквивалента — письма может опять сделаться свободным, не разорвав связи с обществом”.

Между бессмысленными гимнами, помещенными пастором Блюэ в “Скоттатиндже”, я нашел один стих, превосходно выражающий положение Италии: “Вечная царица и раба — враждебно относящаяся к своим детям”.

Из биографии Пассананте мы вскоре увидим, что в своих статьях, и особенно в разговоре, он иногда высказывал меткие оригинальные суждения, заставлявшие многих сомневаться в том, действительно ли он сумасшедший. Припомните, например, его изречение: “Там, где ученый теряет-

ся, невежда имеет успех”. Или вот еще другое: “История, преподаваемая народами, поучительнее той, которая изучается по книгам”.

Взгляды, приводимые в такого рода сочинениях, конечно, зачастую заимствованы у более сильных мыслителей или публицистов, но всегда с преувеличениями и в своеобразной переделке. Так, у Бозизио я встретил доведенные до крайности тенденции наших зоофилов (покровителей животных) и как бы предвосхищенные у г-жи Ройе и Конта взгляды на необходимость применения теории Мальтуса. В статьях Детомази, маклера весьма сомнительной нравственности, попадаются рассуждения о проведении в жизнь дарвиновского полового подбора, хотя и с примесью чисто болезненного эротизма, а Чианкеттини стремится к практическому осуществлению социализма. Впрочем, ненормальность сказывается не столько в преувеличениях относительно той или другой тенденции, а, скорее, в непоследовательности, в постоянных противоречиях, так что рядом с возвышенными, иногда прекрасно изложенными взглядами встречаются суждения жалкие, нелепые, парадоксальные, противоречащие основному плану сочинения и социальному положению автора. При чтении таких статей невольно вспоминается Дон Кихот, великодушные поступки которого вместо сочувствия вызывают улыбку сострадания, хотя в иное время их, может быть, признали бы геройскими, достойными удивления. Вообще, гениальные черты составляют в произведениях маттоидов редкое исключение. Кроме того, у большинства их заметен недостаток экстаза, вдохновения; целые тома наполняют они бессмысленной, тяжелой болтовней; чтобы скрыть бедность мысли, невыработанность слога, отсутствие таланта, эти честолюбцы прибегают к вопросительным и восклицательным знакам, подчеркиваниям слов и придумыванию новых выражений, как это делают и мономаньяки. Один мономаньяк, Бардье, издал брошюру, в которой учил земледельцев — как получать вдвое большую жатву с полей, а моряков — как избегать противного ветра, и дал ей такое заглавие: “*Покоритель атмосферы*”, а себя самого назвал творцом

покорителя атмосферы. Чианкеттини, Пари, Вальтук и другие придумывали совершенно невозможные слова, например *алитрология*, *антропомогнотология*, *ледепидермокрия*, *глоссостомотопатика* и т. п.

Часто рукописи испещрены вертикальными и горизонтальными строками и надписями, сделанными различным почерком, как, например, у Чианкеттини. Нередко также встречаются и рисунки, точно будто для большей ясности авторы находят нужным прибегнуть к древнему идеографическому способу письма, что, как мы уже видели, делают и мегаломаньяки. Так, в 88-й книге Блюэ помещен непристойный рисунок, настолько же бессмысленный, как и самый текст ее.

Некто Вальт напечатал два сочинения о психографии, т. е. новой философской системе, им самим придуманной, и тем не менее нашелся совершенно здравомыслящий философ, который написал комментарии к этому произведению, что может служить доказательством “солидной” учености некоторых философов. В системе этой доказывалось, что каждой идее соответствует в мозгу известное изображение или символ души, например, пламя свечи означает физическую природу, символом души служит кольцо, движения — крючок; дыхания, а также обоняния — нос и т. д. Другой философ, А., отчаявшись, и совершенно резонно, в том, чтобы кто-нибудь понял его письменные объяснения, наполнил всю свою книгу рисунками, изображавшими мозг, испещренный символами такого же рода. Иезуитский миссионер Паолетти написал книгу против св. Фомы и приложил к ней картину с изображением орудий, употребляемых в аду для определения будущей судьбы детей Адама, согласно с предназначенной им участью. Божественная и человеческая воля представлена на этой картине в виде двух шаров, вращающихся в противоположных направлениях и потом встречающихся в общем центре.

Все маттоиды употребляют чрезвычайно сложные, курьезные заглавия для своих сочинений. У меня есть одно, с заглавием в 18 строк, не считая примечания, поясняющего это заглавие. В одной драме оно состоит из 19 строк. В другом социалистическом произведении, напечатанном в

Австралии на итальянском языке, заглавию придана форма триумфальной арки. Пожалуй, в этих-то заголовках и сказывается почти у всех маттоидов ненормальное состояние их умственных способностей.

У многих является фантазия прибавлять к фразам отдельные цифры или целые ряды их, что иногда делают и паралитики. В одном сочинении помешанного Совбира, озаглавленном 666, каждый стих оканчивается тем же числом; но что всего страннее, одновременно с этим произведением некто Потер издал в Англии брошюру о числе 666, которое он признал самым совершенным из чисел. Ему же отдавал особое предпочтение и Лазаретти. Спандри, Леврон и другие высказывали такой же взгляд на число 3.

Подобно сумасшедшим, маттоиды любят повторять некоторые изречения или отдельные слова по несколько раз на одной и той же странице. Так, в одной главе сочинения Пассананте слово "*riprovate*" употреблено 143 раза.

Случается, что они заказывают специально для своих произведений особую бумагу, раскрашенную в различные цвета, что, конечно, сильно увеличивает расходы по изданию. Так, некоему Виргманду издание подобной книги в 400 страниц стоило более 22 тысяч рублей. Филон ухитрился окрасить каждую страницу своей книги особым цветом.

Другую особенность их составляет своеобразная орфография и каллиграфия, со множеством подчеркнутых или написанных печатными буквами слов. Иногда они пишут в два столбца даже обыкновенные письма, строки располагают и вдоль, и поперек, и наискось и, наконец, в словах подчеркивают некоторые буквы, как будто отдавая им предпочтение перед другими (Пассананте). Периоды бывают нередко отделены один от другого, точно параграфы Библии, или же каждые два-три слова перемежаются многоточиями, как, например, в хранящейся у меня книжке Беллоне. Также часто употребляются скобки, даже двойные, и множество примечаний, выносок, ссылок и пр. В брошюре некоего Л. (профессора), состоящей из 12 страниц, выноски занимают 9. Гепен избрал новый *физиологический язык*, состоящий, в сущности, из тех же букв, только в другом порядке и с

прибавлением цифр, например, *voire presence* следует написать так: *stat 5 nq facto*. Многие маттоиды превосходят даже сумасшедших страстью к цветистой речи, к употреблению фигуральных выражений и к игре словами, основанной на созвучиях. Поразительный пример в этом роде представляет Гекарт, тот самый Гекарт, который сказал, что заниматься пустяками свойственно только помешанным, и составил биографии сумасшедших, находящихся в Валансьене. Он написал курьезную книжку, озаглавленную так: *“Anagrammeana”, поэма в VII песнях, XCV* (это было первое просмотренное, исправленное и дополненное издание. В Анаграмматополисе, год XI анаграмматической эры” (Валансьен, 1821) и целиком состоящую из бессмысленного набора слов с перестановкой букв в некоторых из них.

Здесь кстати будет упомянуть о том, что на полях экземпляра *анаграммеаны*, хранящегося в Парижской национальной библиотеке, рукою самого автора сделана следующая надпись: *“Анаграммы есть одно из величайших заблуждений человеческого ума: надо быть дураком, чтобы ими забавляться, и хуже чем дураком, чтобы составлять их”*. Что может быть справедливее этой оценки?

Началом непомерного увлечения вегетарианством послужило для Глейзеса сновидение, во время которого он слышал голос, кричащий ему: *“Gleises означает eglise”* (церковь), и вот на основании этой игры слов он вообразил себя избранником Божиим, призванным для проповеди учения вегетарианцев.

Не менее курьезную особенность маттоидов составляет обилие их сочинений. Пастор Блюэ оставил 180 книг, одна бессмысленнее другой. Манжигоне, не имевший возможности писать вследствие повреждения руки, отказывал себе в пище, чтобы сберечь деньги для печатания своих произведений, и нередко тратил по 100 скуди в месяц на издание их. Пассананте исписывал целые дести бумаги и заботился о распространении каждого из своих нелепейших писем больше, чем о сохранении своей жизни. Гито тратил такую массу бумаги, что расход на нее составил значительную сумму, которой он не в состоянии был заплатить. Число книг, на-

писанных Фоксом (иллюминатом), до того велико, что библиограф Лоудс не решился составить им каталог.

Иногда у маттоидов является прихоть — не распространять в публике написанных и напечатанных ими сочинений, хотя они все-таки думают, что публика их должна знать. Кроме болезненной болтливости в этих произведениях заметно еще ничтожество или нелепость сюжета, обыкновенно нисколько не соответствующего ни общественному положению авторов, ни полученному ими образованию.

Так, священник-депутат составляет рецепты против тифа; двое медиков придумывают гипотетическую геометрию и астрономию; хирург, ветеринар и акушер пишут об авиации; капитан — об агрономии; сержант — о терапии; повар занимается высшей политикой; теолог рассуждает о менструации; извозчик — о теологии; двое привратников сочиняют трагедии; чиновник казначейства распространяет специальные идеи.

Под моим наблюдением были рассмотрены 179 сочинений, написанных маттоидами, с целью определить, какого рода темы выбирают они по преимуществу. Вот результаты этого исследования:

51	сочин.	относятся к личностям
36	"	по медицине
27	"	по философии
25	"	заключают в себе жалобы
7	"	драматических
7	"	религиозного содержания
6	"	поэтических
4	"	по астрономии
4	"	по физике
4	"	по вопросам политики
4	"	о политической экономии
3	"	по агрономии
2	"	по ветеринарным наукам
2	"	о литературе
2	"	по математике
1	"	по грамматике
1	"	словарь

Заметим, что в этот счет не вошло множество статей то полемического характера, то очерков по механике, рассуждений о магнетизме, надгробных речей, нелепых теологических трактатов, статей по истории литературы, прокламаций, предложений вступить в брак и пр.

Судя по данным, заключающимся в недавно вышедшем сочинении “Les fous litteraires du Philomneste” (1880), доставленном мне Досси, таких произведений насчитывают в Европе 215, разделяя их на следующие категории:

Теология	82	Акrostихи	2
Пророчества	44	Химия	1
Философия	36	Физика	1
Политика	28	Зоология	1
Поэзия			
(драм и комедий 9)	17	Стратегия	1
Лингвистика и грамматика	8	Хронология	1
Эротические	5	Педагогика	1
Об иероглифах	3	Гигиена	1
Астрономия	2	Археология	1

Между тем как сумасшедшие преимущественно занимаются поэзией, у маттоидов преобладает теология и затем самые абстрактные, наименее точные и установившиеся науки, что подтверждается также ничтожным числом сочинений по естественным наукам и математике.

Следует заметить, что среди этой массы теологических и философских писаний (162!) встречается только 3 атеистических, хотя, по всей вероятности, их не было бы так мало, если бы атеизм основывался на чистейшем абсурде. Спиритизм, напротив, у этих писателей в таком почете, что Филомнест отказывается перечислять все относящиеся к нему статьи.

Выбором сюжета маттоиды-графоманы, впрочем, не затрудняются: всякая тема для них подходяща, даже совершенно незнакомая им; но по общей части они отдают предпочтение темным, запутанным и неразрешимым вопросам, вроде, например, квадратуры круга, иероглифов, толкований на Апокалипсис, воздухоплавания, спиритизма, или же занимаются так называемыми *модными*, современными вопросами.

Об известном уже нам маттоиде Демонсе (Demons) Нодье говорил, что “это совсем не мономан, а настоящий флюгер и притом безумец, всегда готовый повторять каждую нелепость, достигшую его слуха, мечтатель, хамелеон, невольно меняющий цвета, смотря по тому, что его окружает”. И действительно, в эпоху экономических затруднений Италии проекты исправления финансов появлялись дюжинами: кто предлагал ввести бумажные деньги, кто — отобрать имущество у евреев и духовенства, кто — сделать принудительный заем. Потом преобладающее значение получили социальные и религиозные вопросы (Пассананте, Лазаретти, Бозизио, Чианкеттини), а в последнее время выступил на сцену вопрос о проказе.

Некто Пари считает, например, источником этой болезни какие-то грибки, падающие с грязных потолков на съестные припасы крестьян и заражающие их. Убедиться в этом очень нетрудно: стоит только сделать фотографический снимок с какой-нибудь трещины внутри избы, рассмотреть этот снимок под микроскопом, и тогда окажется (если опыт сделан правильно), что там гораздо больше грибков, чем в домах горожан, не страдающих проказой. Следовательно, на стенах крестьянских изб образуются целые гнезда грибков. Но каким же образом они производят прокату? Ничего не может быть проще: грибки заключают в себе особое вещество — фунгин, который загорается при 47° (*sic*). Поэтому, когда внешняя температура бывает 13° , а температура тела достигает 32° (*sic*), оба количества теплоты соединяются, и тело начинает гореть. Вот почему у зараженных проказою появляется *воспаление* от солнца!

Другой, бывший сержант Манц., предлагает лечить проказу мясом кроликов и потому рекомендует разведение их среди крестьян, забывая, что кролики требуют в день пищи 60 частей на 100 частей своего веса, а следовательно, если бы привести этот проект в исполнение, то крестьянам пришлось бы испытать бедствие чуть ли не худшее, чем самая проказа. Третий, Жем., измеряет уши прокаженных и на основании этих измерений трактует о болезнях кожи (лепидомирикринии). Четвертый, Бонф., находит причину бо-

лезни, с первого же взгляда, без всякого анализа, в нечистотах, случайно замеченных им на улицах Феррары; затем по своему произволу определяет качество и количество пицци, употребляемой прокаженными, состоящей будто бы из 700 граммов маиса, и приходит к заключению, что эти несчастные гибнут вследствие хронического голода, несколько не похожего, впрочем, на голод острый, так как, страдая первым, можно даже оставаться тучным. В конце концов он начинает считать проказу сходной с тифом, потому что некоторые дают ей это название, отрицает столбняк, перемежаемость припадков, гидроманию (припадок бреда, при котором больной бросается в воду), потому что все такие признаки проказы противоречат его теории, и развязно наполняет таким вздором не одну сотню страниц.

Следует еще заметить, что почти у всех маттоидов — Бозизио, Чианкеттини, Пассананте, Манжионе, де Томази, Бонф. — убеждения, высказываемые ими в своих сочинениях, при всем их упрямстве и настойчивости не отличаются страстностью и что насколько они бывают велеречивы и нелепы в письменной речи, настолько же в устной у них заметно благоразумие и осторожность. Ограничиваясь лишь односложными ответами на делаемые им возражения, они чрезвычайно ловко умеют представить свои бредни как что-то действительно разумное, особенно перед несведущими людьми, но лишь только примутся излагать то же самое на бумаге — у них ничего не выходит, кроме скучнейшей ерунды.

Когда я спросил Бозизио, что ему за охота носить такую странную обувь, как сандалии, и ходить в самый жар с открытой головой, почти без одежды, он отвечал мне: “Я делаю это из подражания римлянам, с гигиенической целью, и затем еще, чтобы привлечь своим костюмом внимание публики к моим теориям. Разве она стала бы останавливаться передо мной, если бы я не был одет таким образом?”

Далее, характеристическое отличие маттоидов от преступников и от большинства сумасшедших составляет их умеренность в пище, доходящая иногда до подвижничест-

ва чисто монастырского. Так, Бозизио питается исключительно полентой без соли, Пассананте — одним хлебом, Лазаретти часто довольствовался только двумя картофелинами в день, Манжионе съедал на 13 сольди чечевицы или риса и т.д.

Подобная умеренность объясняется, с одной стороны, той отрадой и довольством, какое доставляет этим людям их сочинительство, так что они, подобно аскетам и великим мыслителям, забывают об еде, и с другой — ограниченностью их средств, так как свои скудные достатки они предпочитают тратить на пропаганду своих идей, а не на удовлетворение потребностей желудка; к тому же среди них встречаются люди безукоризненной честности и до крайности аккуратные, как, например, Чианкеттини, Бозизио, Манжионе. Некоторые из них, например, вели счет даже клочкам исписанной ими бумаги и составляли для такого расхода особые реестры.

Вообще эти субъекты, являясь совершенно помешанными в своих сочинениях — нередко в такой же степени, как и настоящие сумасшедшие, — оказываются довольно разумными в практической жизни, где обнаруживают и здравый смысл, и расчетливость, и даже хитрость, что делает их уже совершенно непохожими на гениальных людей, а тем более на гениальных безумцев, у которых непрактичность и неумение устроить свои дела почти всегда бывают прямо пропорциональны литературному дарованию. Отсюда понятно, почему многие из авторов таких, чисто патологических, бредней считаются людьми в высшей степени практичными. Трое из них заведуют больницами; Блюэ, автор “Скоттатиндже” (“Delle Scottatinge”), служит капитаном и военным комиссаром. Далее, изобретатель чуть не доисторической машины и автор более чем курьезных произведений занимает такую должность, где ему постоянно приходится сталкиваться с образованными людьми, которые, однако, никогда еще не заподозривали его в ненормальном состоянии умственных способностей. Пятеро состоят профессорами, трое депутатами, двое сенаторами, и никто не замечал в них особенных странностей.

Наконец, такие субъекты служат советниками в государственных учреждениях, в префектуре, в кассационной палате, в провинциальных советах; в числе их есть пятеро священников, и почти все они состарились на своих местах, приобрели всеобщее уважение. Кроме того, можно указать на Фреко, бывшего синдиком, а также на Леру и Асгиля, заседавших в парламенте.

К маттоидам-теологам — Морену, Лебратону, Жоррису, Валле (18-летний юноша), Ванини — относились, к сожалению, настолько серьезно, что сожгли их живыми, а Келер был обезглавлен за то лишь, что корректировал статьи Жорриса.

В следующей главе мы увидим, что многие маттоиды — Смит, Фурье, Клейнов, Фокс — имели фанатичных последователей.

Замечательно еще то обстоятельство, что, между тем как люди, в продолжение 18 лет серьезно изучавшие проказу и придумывавшие средства избавиться от нее, были встречены лишь презрением со стороны академиков и насмешками со стороны толпы, никто из маттоидов, писавших о проказе, не оставался без последователей, хотя бы на один день, и все они находили многочисленных покровителей, даже в парламенте и в королевском дворце. Кроликоман, например, и его коллега, открывший фитозою, морфибитозою и грибки, производящие проказу, не только встретили сочувствие со стороны самых авторитетных итальянских газет (не говоря уже о медицинских), но их идеи даже пропагандировались посредством циркуляра Мичели и во многих санитарных советах. А Банф. со своим открытием, что хронический голод служит причиной проказы, разве не нашел отклика во всех невежественных альенистах Италии, втайне помогавших ему даже своими статьями! Нужно прибавить, впрочем, что в практической жизни это был превосходнейший и честнейший человек.

Эта способность мыслить здраво, сохранять спокойствие, несмотря на увлечение безумной идеей, и отличает маттоидов от обыкновенных сумасшедших, хотя тем же свой-

ством обладают еще мономаньяки, у которых оно проявляется особенно резко; иногда его можно заметить также в известных стадиях опьянения.

Но как мономаньяки, так и маттоиды способны сразу, вдруг, утратить свое здравомыслие и впасть в раздражение, даже в бешенство, — всего чаще под влиянием голода, неудовлетворенной страсти или тех нервных страданий, которыми сопровождается, а может быть, и обуславливается ненормальность таких субъектов, как, например, Кордилиани и Манжионе*. Дело в том, что, судя по некоторым симптомам, у многих из них можно предполагать существование изменений в нервных центрах. У Жиро и Спандри были конвульсии лица, понижение и опускание правого века; анестезией страдали: Лазаретти, Пассананте и Б., поджигатель; признаки эпилепсии замечались — у Манжионе и де Томази; скоропреходящий бред — у Кордилиани. Один даровитый юноша после тифа сделался маттоидом, а 18-летний Кульман, после болезни мозга, начал пророчествовать. Подобные случаи мгновенного проявления умопомешательства ставят иногда в большое затруднение специалистов судебно-медицинской психиатрии и заставляют их, за отсутствием общеизвестных признаков определенного френопатического состояния, делать ложные заключения, причем они или решают, что субъект притворяется, или что он совершенно здоров. Политикам же следовало бы позаботиться о лечении таких маттоидов, потому что, не принимая никаких мер против них своевременно, когда они более смешны, чем опасны, общество рискует подвергнуть себя таким бедствиям, каких, пожалуй, не могут причинить ему и настоящие сумасшедшие, так как они сразу обнаруживают свое безумие, что дает возможность ограждать от них здоровых членов общества.

Есть еще разновидность графоманов, гораздо более опасная, это — люди, страдающие манией кляузничества. Форма черепа и лица у них вполне нормальна, печень, однако, почти всегда увеличена. Они отличаются страстью судить-

* См. приложение. О маттоидах.

ся со всеми окружающими и в то же время считать себя жертвами их несправедливости. Такие субъекты проявляют лихорадочную деятельность; отлично зная законы, они постоянно стараются истолковать их в свою пользу, вечно переносят дела из одной инстанции в другую, бегают по судам и подают всюду невообразимое множество прошений, отношений и пр. Многие, заручившись покровительством какого-нибудь важного лица, стараются добиться успеха через него, а потом обращаются к королю, в парламент, надоедают всем и каждому и в конце концов достигают-таки своей цели всевозможными способами, в расчете на снисходительность присяжных. Расчет действительно оказывается иногда верным: например, некто Ж., проиграв свой процесс, ранил выстрелом из ружья графа Калли и был оправдан присяжными благодаря тому впечатлению, какое произвело на них его своеобразное красноречие; через десять лет после того он с оружием ворвался в дом, который сам же продал и которым все-таки снова хотел завладеть.

Подобно тому как эротоманьяк влюбляется в идеальную женщину и воображает себя любимым ею, хотя она его никогда и не видела, кляузник думает, что правосудие существует лишь для защиты его интересов; если адвокаты и судья не помогают ему, он считает их своими врагами и старается всячески досадить им. Нередко такие маттоиды видят в собственной тяжбе нечто священное и готовы сделать какой угодно вред лицам, не разделяющим их убеждения. Некто Б., у которого пастор отобрал поле, принадлежащее ему по закону, вообразил, что это дает ему право всячески преследовать духовенство, на том будто бы основании, что католицизм восстает против правительства. По той же причине он вздумал поджечь церковь. И в то же время все его прошения и протесты написаны были здраво, со смыслом и по существу казались справедливыми, только применение их к данному случаю было неосновательно.

Я заметил, что у всех подобных субъектов бывает совершенно сходный почерк, все они пишут сильно удлинен-

ными буквами и, подобно графоманам, злоупотребляют грамотностью; но выражения у них резче, темы более личного характера, так что они лишь мимоходом затрагивают иногда социальные, религиозные и другие вопросы.

Впрочем, встречается немало и таких, которые к своему личному неудовольствию примешивают политику, и они-то наиболее опасны в наше время: недостаточное образование и крайняя бедность лишают их возможности высказывать свои идеи в печати, и вот, чтобы дать им выход, эти люди прибегают к насилиям и преступлениям. Именно таков был Санду, настоящий политический маттоид, наделавший столько хлопот Наполеону и Билью; к той же категории принадлежат Кордильяни, Пассананте, Манжионе и Гито (см. приложение). Крафт-Эбинг рассказывает об одном маттоиде, что он учредил общество (клуб) с целью защищать угнетенных, не добившихся справедливости в судах, и устав его представил королю.

Маттоиды-гении. Промежуточные формы и незаметные градации существуют не только между сумасшедшими и здоровыми, но также между помешанными и маттоидами. Даже среди этих последних, представляющих полнейшее отсутствие гениальности, встречаются личности, до того богато одаренные, что мне в моей практике не раз случалось в недоумении останавливаться над неразрешимым вопросом, к какой категории отнести их — к маттоидам или к гениальным людям. Пример такого рода представляет Бозизио из Лоди. Ему 53 года; в родстве у него — двоюродный брат кретин, мать здоровая и умная женщина, отец тоже не глупый, но пьяница, двое братьев умерли от менингита (воспаления мозговой оболочки). Смолodu он служил казначеем, но в 1848 году эмигрировал. В Турине, чуть не умирая с голоду, он бросился с балкона и сломал себе ногу. В 1859 году его назначили комиссаром казначейства (*commissario de finanza*), и он хорошо исполнял эту обязанность до 66 года, когда, оставаясь по-прежнему разумным и дельным относительно своих служебных обязанностей, он стал выказывать странности, не гармонирующие с его бюрократическим положением. Так,

однажды он скупил всех птиц, продававшихся на рынке в Буссоленго, и выпустил их на свободу. Затем Бозизио начал проводить все время за чтением газет и подавать в правительственные учреждения очень резко написанные докладные записки об охране лесов, о мерах против истребления птиц и т.п. Уволенный от службы с маленькой пенсией, он круто изменил свой прежний, довольно роскошный образ жизни, стал питаться одной полентой без соли, сбросил с себя мало-помалу все принадлежности костюма, кроме кальсон и рубашки, и употреблял весь свой скудный доход на покупку газет да разных книжонок и на печатание брошюр в защиту интересов будущих поколений, а потом всюду раздавал эти брошюры даром. Вот заглавия некоторых из них: *“Критика моего времени”*, *“Вопль природы”*, *“113 § Вопля природы”*.

Прочтя эти произведения и в особенности выслушав устные доводы Бозизио, приходишь к тому заключению, что придуманное им учение (система) не лишено логичности. Он указывает на бедствия, то и дело поражающие Италию: болезнь винограда, шелковичных червей, раков, наводнения, и приписывает все это опустошениям, происшедшим на земном шаре вследствие истребления лесов, уменьшения количества птиц и (здесь уже начинается безумный бред) тому мучению, какое испытывают эти последние, перелетая через полотно железных дорог. Точно так же он восстает против излишних расходов, против разорительных займов, губительно отражающихся на благосостоянии будущих поколений, и объявляет себя борцом за них.

“Вспомните, — пишет он, — что древние римляне посвящали много времени физическим упражнениям, не знали нашей теперешней роскоши, не пили кофе, — все это вредно для потомства, потому что губительно действует на человеческие зародыши! Так же дурно отражается на них злоупотребление половыми наслаждениями, браки из-за денег и ложно понимаемая благотворительность. Филантропы хлопочут о сохранении жизни несчастных младенцев, болезненных, искалеченных, тогда как, если бы их

убили в детстве, они не произвели бы потомства; точно так же, если бы в больницах не тратили столько денег и трудов на лечение болезненных, слабых субъектов, а помогали бы сильным, крепким работникам, когда они захворают, то раса улучшилась бы. А воры и убийцы, разве это также не больные, которых следует истребить для улучшения расы? С другой стороны, сколько зла приносит ненасытная животная жадность человека! Что только не истребляется для удовлетворения его аппетита, инстинктивно кровожадного и ненасытного, без малейшей заботы о судьбе грядущих поколений, без всякого соображения о том, что это уничтожение, эта растрата красоты и богатства природы есть преступление, ужасное преступление, состоящее в нарушении самых священных прав нашего потомства.

Уж не думают ли, чего доброго, что это варварское истребление (птиц, рыб и т.д.) можно пополнить, что этому страшному бедствию можно помочь, нарождая кучу детей, или что для возбуждения умственных способностей этих последних, для развития их добрых качеств и физической красоты не нужно ничего другого, кроме материнской нежности, истощенного развратом куртизана и так называемого здравого смысла, присущего народу?

Эта ужасная страсть плодиться, роковым образом увлекающая все народы в бездну, из которой не видно выхода, на что уже указывал Мальтус, напоминает мне того мидийского царя, что в своем безумном пристрастии к золоту просил Божество (Нуме), чтобы все, к чему он прикаснется, превращалось в золото. Просьба эта была исполнена; но первые же восторги, при виде совершающегося на глазах царя чудесного превращения, скоро сменились у него страхом, печалью и отчаянием: так как всякое кушанье царя превращалось в золото, он увидел, что сам обрек себя на голодную смерть”.

Не думаю, что бы нашлось более очевидное доказательство того, что психическая деятельность может быть в высшей степени энергична, могуча и в то же время ненормальна относительно одного какого-нибудь пункта. Кто знаком с произведениями г-жи Ройе и Конта, тот, в сущности, не

найдет ничего безумного в убеждениях, исповедуемых Бозизио, кроме разве его воздержания от употребления соли, слишком легкого костюма да мрачного взгляда на железные дороги, которые кажутся ему страшным злом. Отбросив это последнее, действительно нелепое мнение, мы увидим, что обе остальные странности свои он объяснял довольно разумно: так, употребление соли он считал излишним на том основании, что дикари, которые никогда не едят ее, все-таки бывают крепки и здоровы; ходил с открытой головой отчасти из подражания римлянам, отчасти вследствие справедливого мнения, что тогда лучше сохраняются волосы, а простоты в костюме придерживался, как мы уже знаем, с целью пропаганды своих идей. “Разве публика, — сказал мне однажды этот новый Алкивиад, — стала бы останавливаться передо мной на улице и расспрашивать меня о моем учении, если бы я был одет иначе? Костюм служит *рекламой* моих проповедей, и я ношу его из принципа”.

Часто болезненным признаком казалось мне то, что Бозизио основывает все свои выводы на газетных статьях политической содержания, дающих слишком бедный материал в научном смысле; но он оправдывался тем, что в газетах всегда затрагиваются интересы дня и что для ознакомления с настроением общества ему нельзя игнорировать их, хотя он и не сочувствует этим интересам. Всего больше сказывалась, впрочем, его ненормальность в том, что он придавал громадное значение ничтожнейшим фактам, вычитанным из какой-нибудь газетки, и тотчас же принимался обобщать их. Прочтя, например, что в Лиссабоне ребенок упал в воду или что женщина сожгла себе юбку, Бозизио немедленно приводят эти факты в доказательство вырождения расы. Что же касается его образа жизни, то он может поставить в тупик любого гигиениста, который не в состоянии будет объяснить себе, каким образом этот старик, питающийся одной только полентой без соли, сохраняет удивительную бодрость, крепость, силу и ходит по 20 миль в день. Для психолога здесь любопытно проследить влияние умопомешательства на подъем духа,

на развитие умственных способностей, иногда даже до одного уровня с гениями, хотя печальный недуг и придает всему мышлению оттенок ненормальности. И кто знает, если бы наш Бозизио был не жалкий чиновник, а студент юриспруденции или медицины, если бы он имел возможность учиться систематически, а не урывками, из него вышел бы, может быть, второй Конт или, по крайней мере, Фурье, с философскими системами которых у него много общего и от которых его отличает только одно — умопомешательство.

Не менее интересно проследить, какие разнообразные оттенки принимает сумасшествие, смотря по духу времени. Если бы Бозизио жил в средневековую эпоху, в Испании или в Мексике, то, пожалуй, из этого защитника птиц и мученика за благо потомства выработаются бы св. Игнатий Лойола или Торквемада, а свободно мыслящий позитивист обратился бы в ревностного католика, приносящего человеческие жертвы для умилоствления разгневанного божества. Но Бозизио живет в Италии, в конце XIX столетия.

Этот факт наглядно объясняет нам, почему в давно прошедшие времена и у диких или у малообразованных народов появлялось столько случаев эпидемического сумасшествия и каким образом столько исторических событий могли быть вызваны безумным бредом одного или нескольких лиц, например секты анабаптистов, бичующихся, появление колдунов, возмущения *тайпингов* и пр. Помешательство у некоторых из них проявляется нелепыми, но в то же время грандиозными идеями и такой несокрушимой верой в них, что невежественная толпа невольно бывает увлечена ими, чему отчасти содействуют странность их одежды, необычная внешность, аскетический образ жизни, возможный только при существовании психического расстройства и всегда возбуждающий удивление толпы. Недаром же говорят, что она способна поклоняться лишь тому, чего не понимает.

Обстоятельства, по-видимому, благоприятствовали тому, чтобы из Бозизио вышел настоящий пророк-новатор:

для этого у него было и сильное увлечение некоторыми идеями, и железное здоровье, и воздержанность в пище, и бескорыстие, и глубокая вера в спасительность своей миссии: ему не доставало, по счастью, только одного — благоприятного времени для того, чтобы вызвать к себе всеобщее сочувствие. В противном случае у Италии был бы свой Магомет в виде Бозизио.

Но, приняв во внимание безупречность его жизни, образцовую аккуратность во всем, имеем ли мы право сказать, что это был обыкновенный сумасшедший? А убедившись в относительной новизне исповедуемых им идей, можем ли мы причислить его к массе описанных нами раньше бессмысленных маттоидов? Конечно нет.

Предположим, что Джузеппе Феррари, вместо того чтобы получить высшее образование, остался бы на том же низком уровне развития, как Бозизио, тогда, наверное, вместо ученого, пользующегося вполне заслуженной известностью, из него вышло бы нечто похожее на бедного защитника птиц. Это предположение тем более вероятно, что и теперь некоторые рассуждения Феррари, относительно исторической арифметики например, а также относительно королей и республик, умирающих в назначенный день, по воле автора, — могут быть отнесены лишь к области безумия. То же самое следует сказать и о Мишле по поводу его фантастической естественной истории, его академической непристойности, невероятного тщеславия и тех последних глав истории Франции, которые он ухитрился превратить в какую-то странную смесь грязных анекдотов и нелепых парадоксов. К той же категории можно отнести еще Фурье и его последователей, предсказывавших с математической точностью, что через 80 000 лет люди станут жить по 144 года и что тогда у нас будет 37 миллионов поэтов (вот несчастье-то!) да, кроме того, 37 геометров не хуже Ньютона; Лемерсье, писавшего одновременно с прекраснейшими драмами такие, в которых разговаривают муравьи, растения и даже само Средиземное море; Буркиелли, требовавшего от живописцев, чтобы они изобразили ему землетрясение в воздухе и гору, которая делает глазки колокольне, и пр.

В Италии в продолжение многих лет читает лекции в одном из больших университетов профессор, создавший в своих сочинениях особую нацию — *ханжей* (*cagoti*) и придумавший для возвращения к жизни утопленников такой прибор, что посредством его можно смело задушить даже здорового человека. Этот ученый рекомендует употребление теплых ванн в 20° и приписывает благотворное действие морской воды выдыханиям рыб. Однако же в его сочинениях, напечатанных уже вторым изданием, очень много хорошего, и ни один коллега не имел повода заподозрить его в умопомешательстве. К какой же категории можно причислить этого субъекта? Очевидно, он принадлежит к промежуточной ступени, переходной от настоящего гения к сумасшедшему и графоману, так как с этими последними сближает его бесплодность целей и спокойное, упорное исследование парадоксов. Все такие факты показывают нам, что градации, переходные ступени между умом и сумасшествием вовсе не принадлежат к области гипотез, как думает уважаемый Ливи; эта постепенность согласуется, впрочем, и с неизменными законами природы, которая, как известно, не терпит скачков, но допускает лишь медленный, последовательный переход из одних форм в другие. Наконец, разве мы не встречаем на каждом шагу полукреотинов, полурахитиков и, к сожалению, слишком часто — получученых?

Весьма естественно поэтому прийти к заключению, что если такие переходные ступени существуют в области, так сказать, литературного сумасшествия, то они возможны и в области криминального помешательства, и что для так называемых преступников или сумасшедших необходимо допустить смягчающие обстоятельства, хотя вряд ли найдется человеческий ум, способный провести вполне точную границу между преступлением и сумасшествием.

X

“ПРОРОКИ” И РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.**САВОНАРОЛА. ЛАЗАРЕТТИ**

В этой главе я постараюсь разъяснить, каким образом великие успехи в области политики и религии народов нередко бывали вызываемы или, по крайней мере, намечались благодаря помешанным или полупомешанным.

Причина такого явления очевидна: только в них, в этих фанатиках, рядом с оригинальностью, составляющей неотъемлемую принадлежность как гениальных людей, так и помешанных, но в еще большей степени гениальных безумцев, экзальтация и увлечение достигают такой силы, что могут вызвать альтруизм, заставляющий человека жертвовать своими интересами и даже самой жизнью для пропаганды идей толпе, всегда враждебно относящейся ко всякой новизне и способной иногда на кровавую расправу с новаторами.

“Посмотрите, — говорит Маудсли, — как подобные субъекты умеют уловить самые сокровенные оттенки идеи, оставшиеся незамеченными со стороны более мощных умов, и благодаря этому совершенно иначе осветить данное явление. И такая способность замечается у людей, не обладающих ни гением, ни талантом; они рассматривают предмет с новых, не замеченных другими точек зрения, а в практической жизни уклоняются от общепринятого образа действий. Любопытно проследить, с какой развязностью эти люди рассуждают, точно о простейших задачах механики, о самых сложных вопросах, как легко они относятся к лицам и событиям, которые окружены ореолом почтения в глазах обыкновенных смертных; мнения у них по самой сущности своей еретические, часто изменяющиеся, и потому им ничего не стоит броситься из одной крайности в другую; но, раз усвоив какие-нибудь верования, они уже держатся за них с несокрушимым упорством, исповедуют их горячо, не обращая внимания ни на какие препятствия и не мучаясь сомнениями, которые обувают скептические, спокойные умы”.

Вот почему из этих людей так часто выходят реформаторы.

Само собою разумеется, что они не создают ничего нового, но лишь сообщают толчок движению, подготовленному временем и обстоятельствами; одержимые положительной страстью ко всякой новизне, ко всему оригинальному, они почти всегда вдохновляются только что появившимся открытием, нововведением и на нем уже строят свои выводы относительно будущего. Так, Шопенгауэр, живший в эпоху, когда пессимизм, с примесью мистицизма и восторженности, начал входить в моду, по мнению Рибо, только соединил в стройную философскую систему идеи своего времени.

Точно так же Лютер лишь резюмировал взгляды своих предшественников и современников, доказательством чего служат проповеди Савонаролы.

С другой стороны, не следует забывать, что, когда новое учение слишком резко противоречит вкоренившимся в народе убеждениям или слишком уж нелепо само по себе, оно исчезает вместе со своим провозвестником и нередко становится причиной его гибели.

Маудсли говорит в своей книге *“Об ответственности”* (“Responsability”), что так как помешанный не разделяет мнений большинства, то он уже по самой сущности своей является реформатором; но когда его убеждения проникают в массу, он опять остается одиноким с немногочисленным кружком лиц, ему преданных.

В Индии явилось теперь под влиянием Кешаба среди самих браминов новое вероучение, основанное на чисто современных рационализме и скептицизме, из чего следует заключить, что безумие Кешаба значительно опередило свое время, так как успех подобной религии был бы невозможен даже среди европейского, гораздо более свободно мыслящего общества. Очевидно, что в данном случае новые идеи явились под влиянием психоза, как у того крестьянина, продавца губок, о котором я говорил раньше, и вообще у многих сумасшедших “пророков”, почему они и называют себя “вдохновенными”.

То же самое замечается и относительно политических идей: нормальное, прочное развитие исторической жизни народов совершается медленно при посредстве целого ряда последовательных событий; но гениальные безумцы ускоряют ход этого развития, опережают на много лет свою эпоху, каким-то чутьем угадывают переходные ступени, неуловимые для обыкновенных людей, и, не колеблясь, не думая о своих личных интересах, бросаются в борьбу с настоящим, выступают с горячей проповедью новых идей, хотя бы совершенно неприменимых на практике в данное время. Они уподобляются в этом случае тем насекомым, которые, перелетая с цветка на цветок, переносят цветочную пыльцу и тем содействуют оплодотворению растений.

Соедините же теперь непоколебимую, фанатическую преданность своим убеждениям, на какую способны помешанные, с прозорливостью и расчетливостью гения — и вы поймете, что такая сила во всякую эпоху может увлечь за собою невежественную толпу, которую, конечно, должны поражать подобные феномены, изумительные, впрочем, даже в глазах ученых или посторонних наблюдателей. К этому еще следует прибавить, что помешанные имели всегда, начиная с древнейших времен, громадное значение в глазах простого народа.

У дикарей, например, или у древних полуварварских народов умалишенный не только не считался больным, но внушал к себе уважение; толпа трепетала перед ним, обожала его, и он нередко делался безграничным властелином над нею*. В Индии, например, сами брамины покровительствуют некоторым сумасшедшим и советуются с ними. Даже теперь там существует 43 секты, приверженцы которых, несомненно, поврежденные люди, так как они *ad majorem dei gloriam* проделывают различные несообразные вещи: пьют мочу, ходят по острым камням, целые годы остаются неподвижными на открытом воздухе и вообще всячески истязуют себя.

* В старину на Руси точно так же смотрели на юродивых, эпилептиков, истеричных и пр., считая их пророками, вдохновенными самим Богом людьми и нередко даже святыми.

В Египте мы встречаемся с подобными же фактами. Ораполло говорит, что там существует даже особый род умопомешательства (mania) и что меланхолия особенно распространена среди лиц, занимающихся вскрытием и бальзамированием собак. Исследуя мумии, Прунер нашел такие аномалии в строении их черепа, которые могут служить несомненными признаками помешательства. Впрочем, оно и в настоящее время настолько распространено среди смешанного, полудикого населения Египта, что Прунер насчитал в больнице Каира 75 человек сумасшедших на 300-тысячное население этого города, — цифра громадная, если принять в соображение, что сюда не вошли так называемые “*святые*” (santani), или религиозные монотоманьяки, и совершенно помешанные, которые не только живут на свободе, но даже служат предметом поклонения для народа и образцом для подражания. Кроме того, в Египте, по словам того же автора, часто встречается самая упорная форма эпилепсии, а также гиперемия мозга, вызываемая климатом, экстазами, религиозной пляской и, в особенности, страхом. Последнее чувство часто принимает болезненный характер в этих до крайности раздражительных субъектах и требует специального лечения.

Существование эпидемического сумасшествия у древних евреев и собратьев их — финикиян, карфагенян и пр. — доказывается библейской историей и самым языком, в котором одни и те же слова служат для обозначения пророка, сумасшедшего и преступника. В Библии рассказывается, что Давид, опасаясь быть убитым, притворялся *сумасшедшим*, выпачкал себе бороду и поставил над дверью своего дома особый знак, что заставило царя Ахиза сказать: “Разве не достаточно у меня сумасшедших и без Давида?” Этот факт указывает на частое повторение случаев помешательства и на то еще, что помешанные были неприкосновенны, вероятно, вследствие предрассудка, перешедшего к евреям еще от арабов, у которых пророк и сумасшедший называются одинаково — “*нави*”.

В Алжире, по словам Бербрюгера, весьма многочисленны индивидуумы, впадающие при известных условиях в

состояние, очень напоминающее конвульсионеров С. Медардо. Чтобы убедиться, каким уважением пользуются сумасшедшие в Марокко и у соседних кочующих племен, следует прочесть книгу Думмонд-Гея, который, между прочим, говорит: “По мнению берберов, лишь тело сумасшедших находится на земле, разум же их удерживается божеством на небе и возвращается к ним только в тех случаях, когда они должны говорить, вследствие чего каждое слово, ими сказанное, считается за откровение”. Сам автор книги и английский консул едва не были убиты одним из этих “святых” особого рода, бегающих всюду нагими, но нередко с оружием в руках и готовых на самое грубое насилие над тем, кто вздумал бы удерживать их от разных диких, возмутительных поступков.

Пананти рассказывает, что в Бербере хозяева караванов советуются с помешанными “святыми” (*santoni-matti*), произволу которых нет границ; так, один из них душил богомольцев, приходивших в храм, а другой в общественных банях изнасиловал жену туземца, и подруги поздравили ее по этому поводу.

Турки относятся к сумасшедшим с таким же уважением, как и к дервишам, считая их наиболее близкими к божеству людьми, вследствие чего им открыт доступ даже в дома министров. Дервиши представляют немало сходства с помешанными, у каждой секты их есть своя особая молитва и соответствующая пляска или, скорее, своеобразные конвульсии: молящиеся то качаются из стороны в сторону, то спереди назад, то кружатся на одном месте, ускоряя эти движения по мере того, как возрастает молитвенный экстаз. Особенно славятся своею святостью дервиши, называемые *куфаями*: они лишают себя сна или спят, опустив ноги в воду, не принимают пищи по целым неделям и пр. Молитва их начинается тем, что они становятся на одну ногу, а другою описывают круги, держа друг друга за руки и напевая вполголоса, затем движение усиливается, пение становится громче, они закидывают руки на плечи один другому и кружатся до тех пор, пока не упадут на пол в священных конвульсиях, задышающиеся, бледные, с

выпученными глазами и покрытые потом. Под влиянием этой религиозной *мании* дервиши делают себе прижигания раскаленным железом, а где нет огня, наносят себе раны саблями и ножами.

В Батаки, по словам Иды Пфейфер, человеку, одержимому злым духом, оказывают величайшее почтение: каждое слово его считается пророчеством, а желание — законом.

На Мадагаскаре сумасшедшие служат предметом поклонения. В 1863 году среди тамошнего населения появилось умопомешательство особого рода: больные дрожали всем телом, били каждого, кто к ним приближался, и подвергались галлюцинациям, причем постоянно видели умершую королеву выходящей из могилы. Так как король приказал не трогать их, то случалось, что солдаты били своих офицеров, а подчиненные — начальников. Мания эта продолжалась около двух месяцев.

В Китае единственной представительницей массового умопомешательства служит одна только секта религиозных фанатиков — явление необычное в этой скептической нации. Кроме того, последователи Тао почитают бешеных, помешанных и тщательно записывают их изречения, думая, что они служат выразителями мыслей беса относительно будущего.

В Океании, на острове Таиги, существуют также свои пророки, т.е. те же сумасшедшие, находящиеся, по мнению народа, под особым покровительством божественного духа.

Об Америке Скулькрафт говорит: “Уважение к сумасшедшим составляет характерную особенность в обычаях индейских племен Севера, а также Орегона, где живут наиболее дикие из туземцев Америки. Среди одного из этих племен я видел женщину, по всем признакам сумасшедшую, которая пела каким-то странным образом и раздавала окружающим бывшие у ней вещицы, а если кто отказывался взять их, то она с досады резала себе тело ножом. Индейцы окружали ее величайшим почтением”.

У патагонцев есть колдуны и знахарки, предсказывающие будущее во время припадков конвульсий. В жрецы у них избираются преимущественно женщины, если же бу-

дет избран мужчина, то он обязан носить женское платье, кроме того, избираемые должны с детства отличаться особыми способностями. Какого рода эти способности, видно из того факта, что эпилептики пользуются *неотъемлемым правом на избрание в должность жреца*, как обладающие божественным даром.

В Перу кроме собственно духовенства есть еще пророки, изрекающие разные “истины” во время припадков страшных судорог и конвульсий. Эти люди в большом почтении у простого народа, но высший класс относится к ним с презрением.

Такое сходство во взглядах на помешательство в разных странах должно обуславливаться общими причинами, и, как мне кажется, причины эти следующие:

1) Располагая лишь небольшим числом привычных ощущений, простой народ с изумлением относится ко всякому новому явлению и готов поклоняться всему необыкновенному; обожание является у него, можно сказать, необходимым рефлексом, вследствие каждого слишком сильного нового впечатления. Так, житель Перу называл “божественными” — жертвенное животное, храм, высокую башню, большую гору, кровожадного зверя, человека о 7 пальцах на руке, блестящий камень и пр. Точно так же на языке семитов слово эль (“божественный”) служит синонимом величия, света, новизны и одинаково прилагается к сильному человеку, к большому дереву, горе или животному. Наконец, что удивительного, если дикарь приходит в изумление при виде кого-нибудь из своих братьев, вдруг совершенно изменившегося под влиянием помешательства, жестикулирующего, возвышающего голос, говорящего о самых необыкновенных вещах, когда мы даже теперь, вооруженные наукой, зачастую не можем объяснить причины подобных явлений!

2) Некоторые из помешанных обладают необыкновенной физической силой, а народ уважает силу.

3) Нередко они обнаруживают поразительную нечувствительность к холоду, голоду и ко всевозможным физическим страданиям.

4) Некоторые из них, одержимые религиозным или горделивым помешательством, сами выдают себя за вдохновенных богами, за властелинов, повелителей народа и этим заранее предрасполагают его в свою пользу.

5) Но самая главная причина заключается в том, что многие из помешанных нередко обнаруживали ум и волю, значительно превосходившие общий уровень развития этих качеств у массы остальных сограждан, поглощенных заботами об удовлетворении своих материальных потребностей. Далее известно, что под влиянием страсти сила и напряжение ума заметно возрастают, в некоторых же формах умопомешательства, которое есть не что иное, как болезненная экзальтация, они, можно сказать, увеличиваются в десятки раз. Глубокая вера этих людей в действительность своих галлюцинаций, мощное увлекательное красноречие, с каким они высказывали свои убеждения, контраст между их жалким безвестным прошлым и величием их настоящего положения естественно придавали подобным сумасшедшим громадное значение в глазах толпы и возвышали их над общим уровнем здравомыслящих, но дюжинных, обыкновенных людей. Примером такого обаяния могут служить Лазаретти, Брианд, Лойола, Малинас, Жанна д'Арк, анабаптисты и пр. Во время эпидемии пророчества, бывшей в Севеннах и затем недавно еще появлявшейся в Стокгольме, личности совершенно необразованные, служанки, дети, под влиянием охватившего их увлечения, произносили проповеди, нередко отличавшиеся живостью и красноречием.

Одна служанка употребила, например, такого рода метафору: “подкладывая дрова в огонь, можно ли не вспоминать об аде? Но там будет гораздо больше дров и гораздо больше огня”. Другая пророчица, кухарка, говорила: “Бог проклял этот гнусный напиток (водку)... Грешников-пьяниц ожидает соответствующее их вине наказание — в аду будут течь реки этого проклятого напитка, и в них сгорят все, кто его употреблял”. Девочка 4 лет высказывала такие мысли: “Богу небесному угодно призвать грешников к покаянию... Идите на Голгофу — там вы найдете празд-

ничные одежды” (Иделер. “Опыт теории сумасшествия”, 1842).

б) У варварских народов помешательство часто принимает эпидемический характер, например, у диких негритянских племен Жуйды (*Juidah*), у абипонцев и абиссинцев существует эпидемия, имеющая большое сходство с итальянской тарантеллой и называемая *tigretier*. Относительно Греции рассказывают, что там, у абдеританцев, появилось эпидемическое помешательство, вызванное представлением одной трагедии; точно так же повальным помешательством эротико-религиозного характера были заражены те поклонницы Вакха, которые бегали по улицам Афин и Рима в каком-то священном экстазе, томясь жаждою крови и наслаждений. Но особенно часто такие случаи бывали в средние века, когда эпидемии психического расстройства постоянно сменяли одна другую. Тогда повсеместно распространялись самые причудливые формы умопомешательства, захватывая с неудержимою силою, подобно заразительным болезням, целые области и народы, поражая не только детей, стариков и вообще легковверных людей, но даже самых отъявленных скептиков. Демономания, с большей или меньшей примесью нимфомании, вызывала появление то ведьм, то бесноватых, смотря по тому, относились ли ее жертвы к своей болезни спокойно, даже с гордостью, или же, напротив, приходили от нее в отчаяние. Она проявлялась галлюцинациями самого непристойного содержания, всего чаще по поводу сношений с нечистой силой или с животными, в которых поселялись злые духи, а также непобедимым отвращением ко всем священным предметам. Иногда такие субъекты выказывали необыкновенное развитие физических или умственных сил, так что могли объясняться на иностранных, едва знакомых им языках и связно, подробно передавать самые отдаленные события из своей жизни, причем у них появлялись эротические экстазы и местные анестезии. Нередко также они обнаруживали склонность кусаться, стремление к убийству и самоубийству, отвращение к разным вещам и всегда отличались непоколебимой верой в действительность своих галлюцинаций.

Когда в Севернах появилась страсть к пророчеству, зараза распространилась на женщин, даже на девочек, причем больные видели знамения в форме и расположении облаков, распределении солнечного света и пр. Тысячи женщин упорно продолжали распевать псалмы и пророчествовать, хотя их арестовывали массами. Целые города, по свидетельству Виллани, казалось, были отданы во власть самого сатаны. В 1374 году в Аквисграна от эпилептиков и хорейков распространилась во всем населении мания плясать на улицах с криками: "*Here S. Iohan so so vrisch und vord*", причем даже беременные женщины и дряхлые старики принимали участие в этой пляске. Она сопровождалась религиозными галлюцинациями: пляшущие видели отверстием небо и в глубине его — блестящий сонм святых. У некоторых являлось при этом отвращение к красному цвету, к остроконечным вещам и т.п. Мания распространилась до Кельна, где ею заразились 500 человек, затем перешла в Мец, Страсбург и всюду держалась очень упорно. В следующие годы она стала появляться периодически, так что в день св. Вита, избранного больными своим патроном, массы народа собирались у его гробницы. Еще в 1623 году к ней продолжали приходиться на поклонение, и некоторые делали это до 32 раз (Hecker. "*Tanzmanie*", 1834). Чрезвычайный интерес представляет эпидемическая мания к странствованиям, появившаяся в средние века среди детей. В 1212 году, когда все христиане горевали о потере Святой Земли, маленький пастух из Клое (Вандом), вообразив себя избранником Божиим, начал уверять всех, что под видом незнакомца к нему явился сам Бог и, приняв от него хлеб, поручил отнести письмо к королю. Тогда все сыновья окрестных пастухов сбежались к маленькому проку, а вслед за тем до 30 тысяч человек взрослых мужчин сделали его поклонниками и последователями. Вскоре начали появляться и другие восьми-девятилетние пророки, которые произносили проповеди, творили чудеса и приводили целые отряды доходивших до исступления детей к новоявленному святому из Клое. Затем вся армия направилась в Марсель, где море должно было расступиться, чтобы

странники, не замочив ног, могли дойти до Иерусалима. Ни королевское запрещение, ни родительская власть, ни неудобства и лишения всякого рода — ничто не могло удержать маленьких пилигримов. По прибытии их в Марсель двое мошенников нагрузили семь больших кораблей несчастными детьми и увезли их на Восток с целью продать там в рабство.

Одной из причин, обуславливавших эпидемический характер мании, было то почтение, которым народ окружал страдавших ею лиц, являвшихся как бы образцами для подражания, но главную роль тут играли невежество и замкнутость первобытных обществ. С развитием цивилизации, при большой легкости сношений между людьми, индивидуальные особенности обозначаются резче, личность обособляется вследствие эгоизма, недоверия, самолюбия, соперничества, ощущения становятся разнообразнее, представления многочисленнее, и тогда уже народные массы гораздо труднее поддаются какому-нибудь общему движению. Понятно, что *регрессивные изменения* умственных способностей совершаются у дикаря гораздо легче, чем у цивилизованного человека: первому несравненно труднее сдерживать свои страсти и отличать иллюзии от действительности, воображаемое от желательного, возможное от сверхъестественного, нежели второму. Действительно, хотя за последнее время и возникали эпидемические формы помешательства в цивилизованных странах, но лишь среди самых невежественных классов, в уединенных или окруженных горами местностях, например в Корнваллисе, Уэльсе, Норвегии, Бретани, в отдаленнейших селениях Америки и в гористых частях Италии. Так, в Монте-Амиата, где позднее имел успех Лазаретти, по свидетельству местной хроники, пользовался репутацией святого некто Аудиберти, очевидно, помешанный, отличавшийся крайней нечистоплотностью. В той же местности был некогда известен Бартоломео Брандано, почти столетний старик, впавший в религиозное помешательство, вероятно, под влиянием скорби о бедствиях Италии, которая страдала тогда от нашествия испанских войск. Вообразив себя Иоанном Крестителем,

он стал подражать ему в образе жизни, одевался в короткую рубашку из грубой холстины и, босой, с крестом в руках и с черепом под мышкой, странствовал по окрестностям Сиены, поучал народ, пророчествовал, совершал чудеса и везде приобретал последователей.

Затем он отправился в Рим и на площади Св. Петра проповедовал против Папы и кардиналов. Однако Климент VII, вместо того чтобы повесить его за такую дерзость, отправил в тюрьму Тординона, куда обыкновенно запирали сумасшедших, если не считали нужным сжигать их живыми как одержимых бесом. Выйдя из тюрьмы, Брандано несколько раз оскорблял капитана испанской армии Мендоцца, который, не зная наверное, что это за человек — святой, пророк или помешанный, — отправил его в каторжную тюрьму Таламоне, предоставив решение этого вопроса заведовавшему ею чиновнику. Но тот отказался поместить у себя несчастного старика на том основании, что если он святой, то святых не отправляют на каторгу; если пророк, то пророков не наказывают; а если сумасшедший, то сумасшедшие не подлежат общим законам, — так что Брандано был вскоре выпущен на свободу. Сказав несколько проповедей каторжникам, он ушел и продолжал пророчествовать и чудить по-прежнему. Даже недавно в отдаленных провинциях Пьемонта появились двое святых, один из которых пробыл 20 лет на каторге, а другой в короткое время успел собрать около себя более 300 человек последователей. Кроме того, в самой гористой части Черногории эпидемически распространилось в 1881 году нелепое убеждение, что там появляется сам Иисус Христос, вследствие чего в занесенных снегом горах собралось более 3000 человек окрестных жителей. Около того же времени в Абрудцах был арестован бродяга, выдававший себя за Мессию.

Возникшая в Норвегии в 1842 году эпидемия пророчества так и называлась “*болезнью служанок*” (Magdkrankheit), потому что ею заболели преимущественно служанки, страдавшие истерией, и даже девочки. Модное увлечение последнего времени магнетизмом и столоверчением, дошедшее до такой нелепости, как *говорящие столы*, хотя

и распространилось довольно широко, но до полного умственного расстройства оно довело лишь немногих, и болезнь эта имеет *спорадический* характер. Вообще, с развитием цивилизации начинают исчезать предрассудки, а они-то, как известно, всего более и благоприятствуют распространению душевных болезней. В Стокгольме, например, мания пророчества с особенною силою проявлялась в тех местностях, где мы уже заранее были подготовлены к ней проповедями и обрядами религиозного характера, что всегда вызывало увеличение числа помешанных.

Этих фактов совершенно достаточно, чтобы объяснить себе причину успеха пророков древнего и нового времени, а также их влияния, отражающегося на историческом ходе развития народов. Можно указать немало примеров того, что народ принимал за пророков несчастных больных, страдавших горделивым помешательством или теоманией, а их галлюцинации — за откровение свыше. Таким путем возникли новые секты, усилившие и без того ожесточенные религиозные распри со всеми их печальными последствиями, распри, омрачавшие весь период средних веков и не прекратившиеся совершенно даже и в наше время. Например, некто Пикар вообразил себя Сыном Божиим, посланным на землю научить людей, чтоб они не носили одежды и имели бы общих жен; ему верят, повинуются, — и вот является секта адамитов. Точно так же возникло учение анабаптистов. Последователям его в Мюнстере, в Аппенцеле, в Польше вдруг начинают представляться борющиеся на небе ангелы и огненные драконы; они получают свыше повеление убивать своих братьев и нежно любимых детей (мания убийства), воздерживаться от пищи по целым месяцам или поражать войска своим дыханием и взглядом. Позднее подобным же образом произошли секты кальвинистов и янсенистов, из-за которых было пролито столько крови. О колдунах, ведьмах, одержимых бесами и говорить нечего — появление их понятно само собою.

Списки сумасшедших писателей и пророков (*illuminati*), приведенные у Дельпьера, Филомнеста, Аделунга, вызывают невольную улыбку сострадания над человеческим бе-

зумиим, когда припомнишь, что у большинства этих душевнобольных были многочисленные последователи. В половине XVIII века является, например, некто Клейнов, выдающий себя за короля Сиона; в приверженцах у него, конечно, нет недостатка, и они воображают себя его детьми. Затем, что может быть нелепее учения Сведенборга, который уверял, что ему случалось по целым дням, даже по целым месяцам беседовать с духами, живущими на различных планетах, и видеть их обитателей, причем он рассказывал, что жители Юпитера ходят частью на руках, частью на ногах, жители Марса говорят глазами, а жители Луны — животом. Тем не менее Сведенборг еще недавно имел массу поклонников, разделявших его мнения.

В 1655 году Ване, написавший туманное сочинение под заглавием *“Тайна и могущество Божества, блистающего в мире живом”*, собрал вокруг себя так называемых *искателей* (шекеры), которые разыскивали всюду и надеялись найти сверхъестественные явления, проповедуя милленеризм. Он был обезглавлен.

В 1792 году Ирвинг, благодаря божественному откровению получивший способность понимать незнакомые ему языки, основал секту ирвингистов.

Гумфри или, скорее, Нойес (Noyes) из Соединенных Штатов, вообразив себя пророком, положил начало секте *перфекционистов*, всего более распространенной теперь в штате Онеида. Последователи ее считают кражей не только собственность, как это доказывал Прудон, но даже и брак; вместе с тем они отрицают гражданские законы и приписывают все самые обыденные поступки свои божественному вдохновению.

Деды наши, вероятно, еще помнят, каким громадным значением пользовалась в Европе Юлия Крюднер, эта, в полном смысле слова, пророчица монархизма, страдавшая истерией. Эротические наклонности были в ней настолько неудержимы, что она публично становилась на колени перед одним тенором; потом любовные неудачи заставили ее обратиться к религии. Она вообразила себя избранной Богом для спасения человечества и с пламенным красноречи-

ем принялась вербовать себе сторонников. В Базеле Крюднер взволновала весь город проповедью о скором пришествии нового Мессии; 20 тысяч человек собралось на ее призыв, так что сенат в испуге поспешил изгнать ее из города; тогда она переехала в Баден, где 4-тысячная толпа народа уже дожидалась ее на площади, чтобы поцеловать руку вдохновенной пророчицы или край ее платья; одна дама предложила ей 10 тысяч флоринов на постройку церкви, но Крюднер раздала деньги бедным, *“царство которых приближается”*. После того как ее выслали из Бадена, она начала странствовать по Швейцарии, всюду сопровождаемая толпой народа. Вследствие преследований полиции Крюднер из городов направилась в деревни, где ее встречали восторженно, осыпая благословениями. Поступки свои она приписывала влиянию ангелов; Наполеона, отнесшегося к ней с презрением, Крюднер называла темным ангелом, а императора Александра — светлым и сумела даже сделаться советницей этого последнего, так что Священный союз был заключен будто бы исключительно под ее влиянием.

Лойола занялся религиозными вопросами после того, как был ранен; затем, под страшным впечатлением вспыхнувшего в Вюртемберге восстания, задумал основать принесшее столько вреда обществу иезуитов, причем утверждал, что якобы Богородица лично помогала ему в осуществлении его проектов и он слышал с неба ободрявшие его голоса.

Лютер приписывал свои физические страдания и сновидения дьявольскому наваждению, хотя все описанные им недуги доказывают, что они были вызваны нервным расстройством. Например, он нередко жаловался на ужасное удушье, причиняемое ему разгневанным божеством. В 27 лет с ним начали делаться головокружения, головные боли, шум в ушах, что повторялось потом у него довольно часто, особенно во время путешествия в Рим.

Кроме того, Лютер страдал галлюцинациями всегда одного и того же содержания, что, может быть, обуславливалось постоянным уединением. Вот как описывает он их. “Когда в 1521 году, — пишет он, — я находился на сво-

ем Патмосе — в комнате, куда никто не входил, за исключением двоих слуг, приносивших мне пищу, то услышал однажды вечером, лежа в постели, что орехи начали шевелиться в мешке и выскакивать из него, стучаясь в потолок около моей кровати. Едва я заснул, как услышал страшный шум и, вскочив, закричал: “Кто ты?” и пр.

В Вюртемберге, как только Лютер, объясняя в церкви *Послание к римлянам*, дошел до слов: “праведник живет истинной верой”, он вдруг почувствовал, что это изречение проникло ему в душу, и услышал, что кто-то несколько раз повторил эту фразу у него над ухом. То же изречение припомнилось ему по дороге в Рим в 1570 году, а когда он поднимался по лестнице в папский дворец, кто-то крикнул ему эти слова громовым голосом. Далее он сознается, что нередко просыпался в полночь и вел диспуты относительно обедни с сатаной, некоторыми аргументами которого и воспользовался потом, когда доказывал нелепость обрядов при католическом богослужении.

Чудеса геройства, совершенные Жанной д’Арк, были вызваны галлюцинациями, которыми она страдала с 12-летнего возраста.

Уже в недавнее время основатель секты квакеров Георг Фоке с крайним увлечением пропагандировал свое учение, именно под влиянием галлюцинаций. Видения заставили его покинуть семью; он облекся в кожаную одежду, стал жить в дуплах деревьев и здесь получил откровение, что все христиане, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали, должны считаться сынами Божиими. Сначала ему никто не хотел верить, но тогда он услышал голос, говоривший: “Иисус Христос тебя понимает”. После этого Фокс пробыл две недели как бы в летаргическом сне, причем тело его оставалось неподвижным, точно у мертвого, а мозг продолжал работать. Подобные же припадки повторялись и с его последователями, людьми честными, но болезненно настроенными, вследствие чего им являлись видения и они начинали пророчествовать.

Еще более подходящий для нашей цели пример представляет Савонарола, хотя, говоря это, я рискую оскорбить

национальное чувство итальянцев. Под впечатлением одного видения он еще смолоду начал считать себя избранныком, ниспосланным на землю самим Иисусом Христом для возрождения погрязшего в пороках населения Флоренции. Затем, разговаривая однажды с каким-то монахом, Савонарола увидел в разверстых небесах картину бедствий, испытываемых церковью, и услышал голос, повелевающий ему возвестить об этом народу.

Ему постоянно представлялись видения из Апокалипсиса, а также из событий ветхозаветной истории. В 1491 году он решил было не касаться политики в своих проповедях, но во время молитвы услышал слова: “Глупец, разве ты не видишь, что сам Бог повелевает тебе идти по прежней дороге”, и, конечно, изменил свое намерение.

В 1492 году с Савонаролой случился припадок галлюцинации во время самого произнесения проповеди — он увидел меч с надписью: “*Gladius Domini super terram*” (“Меч Бога на земле”), который вдруг обратился клинком вниз, причем небо омрачилось, с него посыпались мечи, стрелы, искры, и земля показалась ему обреченной на жертву голода и чумы. С тех пор он начал предсказывать появление этого последнего бича, и через несколько времени пророчество его действительно исполнилось.

Во время одного из своих видений Савонарола пробыл долго в раю, где беседовал со многими святыми и с Богородицей, престол которой он описал впоследствии чрезвычайно подробно, не забыв даже упомянуть, сколько именно драгоценных камней украшали его.

Подобно Лазаретти, он постоянно размышлял о своих видениях, стараясь определить, какие из них были навеяны ангелами и какие — демонами. Иногда у него являлось сомнение в действительности этих видений, но он убеждал себя, что это невозможно, и, как все помешанные, часто впадал в противоречия, то называя себя боговдохновенным, то отрицая в себе пророческий дар, ниспосланный свыше. “Я не пророк и не сын пророка, — сказал он однажды. — Это ваши грехи насильно заставили меня сделаться пророком”.

Виллари, биограф Савонаролы, в недоумении останавливается над решением вопроса — каким образом этот величайший из философов, давший Флоренции совершеннейшую форму республиканского управления, властвовавший над целым народом, потрясавший весь мир своим красноречием, каким образом такой человек мог гордиться тем, что слышит какие-то голоса и видит знамения вроде меча Господня?!

Задаваясь этим вопросом, Виллари приходит к справедливому заключению, что самая бессодержательность этих видений и служит доказательством, что Савонарола находился под влиянием галлюцинаций, не говоря уже о том, что, постоянно выставляя их на вид, он вредил не только себе, но и успеху своего дела. Какую пользу могло принести ему, в смысле популярности в народе, составление трактатов о видениях, разговоры по поводу их с матерью или рассуждения, написанные на полях своей Библии? Все, что поклонники его желали бы скрыть, что не дозволила бы предать гласности самая дюжинная заботливость о своей славе, — все это он печатал и распространял в публике. Но дело в том, что, по его собственному признанию, его пожирал какой-то внутренний огонь, заставлявший говорить и писать иногда против воли. В этой-то неуправляемой силе экстаза, доходившего до бреда, и заключалась причина того могучего действия, какое производил Савонарола на своих слушателей. Читая теперь текст его проповедей, мы не можем составить себе даже приблизительного понятия о том потрясающем впечатлении, какое они производили на толпу. Восторженное безумие этого “пророка” не только фанатизировало ее, но даже прямо заразительно действовало на некоторых субъектов: они тоже впадали в умопомешательство и, подобно последователям Лазаретти, из невежественных, полуграмотных простолудинов вдруг превращались в проповедников или писателей.

Если бы читатели спросили нас, часто ли подобные типы встречаются в наших домах умалишенных, то мы ответили бы им, что в Италии не найдется, быть может, ни

одного психиатрического госпиталя, в котором такого рода больные не составляли бы обычного явления.

Когда я заведовал домом умалишенных в Пезаро, у меня на руках было трое больных этого типа: один из них называл себя Папой Анастасием; он назначал кардиналов, референдариев и пр. и постоянно издавал декреты, в которых не было ничего нелепого, кроме подписи. Другой, бывший прежде военным (папским сержантом), сочинил новые заповеди, чрезвычайно курьезные и даже странные. Я привожу здесь четыре из них, чтобы не сведущие в психиатрии лица могли убедиться, до какой степени слог их напоминает сочинения Лазаретти, Пассананте и Манжионе: тут мы встречаем те же повторения, то же обилие созвучий и такое же библейское построение периодов. В Ломбардской больнице Пап и пророков было мало — помню только одного алкоголика, собиравшегося устроить крестовый поход против синдика в Вижевано, но в Милане всем и каждому известен оригинальный пророк *механики и социализма* Чианкеттини, редактор “Travaso”.

Особенно любопытный и наиболее достоверный пример такого рода — так как он произошел недавно у всех на глазах — представляет собой *Давид Лазаретти*.

Д. Лазаретти родился в Арчидоссо в 1834 году; отец его был ломовой извозчик, кажется, пьяница, но чрезвычайно крепкого телосложения; в родстве у него были самоубийцы и сумасшедшие, между прочим, один религиозный маньяк, воображавший себя предвечным Отцом; шестеро братьев отличались силой, громадным ростом, живостью ума и необыкновенной памятью; один из них, не умевший ни читать, ни писать, помнил до 200 счетов своих с кредиторами. Давид выдавался из всех братьев высоким ростом, прекрасным телосложением и недюжинными умственными способностями; череп у него был очень большой, удлинненной формы, а глаза до того блестящие, что некоторые находили в них что-то чарующее, хотя большинству они казались демоническими, безумными. Исследование показало, что у него была *hiposradia*, он смолоду страдал мужским бессилием. Ненормальность эта имеет

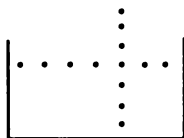
значение, так как Морель и Легран ле-Соль нередко встречали ее у маттоидов.

С детства в характере мальчика обнаружились противоречия и крайности, столь обычные у кандидатов на занятие койки в больнице для умалишенных. Так, еще ребенком он задумал пойти в монахи, потом, занявшись ремеслом отца, начал вести разгульную жизнь и злоупотреблять спиртными напитками. В то же время он усердно принялся за чтение, причем выбор книг был чрезвычайно странный для человека его среды — Данте и преимущественно Тассо. В 15 лет Давида уже прозвали “mille idee” (тысяча мыслей) за то, что он сочинял своеобразные песенки, хотя никогда не мог усвоить грамматических правил. Отчаянный богохульник и забияка, юноша вскоре сделался грозой для всех окружающих; его до такой степени боялись, что однажды на каком-то празднике ему удалось, только в компании с братьями, без всякого оружия, обратиться в бегство все население Кафель-дель-Пиано. И, однако же, он легко увлекался всем возвышенным и благородным — все равно, был ли это разговор, стихотворение, проповедь или театральное представление. Христос и Магомет внушали ему такое глубокое уважение, что он считал их величайшими людьми из всех, когда-либо живших на земле. По собственным признаниям Лазаретти, он еще с 14 лет страдал теми разнообразными галлюцинациями, которые имели для него роковое значение впоследствии. В молодых годах он увлекся одной еврейкой из Питильяно, вероятно потому, что она горячо сочувствовала его религиозным убеждениям, и в то же время он говорил, что питает отвращение к трем вещам — к женщинам, церкви и танцам.

В 1859 году 25-летний Лазаретти поступил волонтером в кавалерийский полк и в 1860 году принимал участие в экспедиции генерала Чиальдини, но скорее в качестве служителя, чем в звании солдата. Перед выступлением в поход он написал патриотический гимн, который отослали к Брофферии, и тот был поражен оригинальностью выраженных в нем идей и красотой отдельных стихов, что составляло поразительный контраст с безграмотностью и грубым стилем всего гимна.

Но через несколько времени он опять принялся за свое ремесло извозчика, а вместе с тем вернулся к оргиям и кутежам. Тогда он сошелся с женой, хотя обвенчался с ней еще за три года перед тем. Он питал к ней такую поэтическую привязанность, что даже выражал ее в нежных стихотворениях. В этот же период самолюбие до того отуманило ему голову, что он, не получивший никакого образования, начал снова писать стихи и трагедии, выходившие у него чрезвычайно комичными.

Мало-помалу чудачества Лазаретти приняли иное направление: в 1867 году, когда ему было уже 33 года, вследствие ли пьянства или под влиянием политических волнений, у него сильнее, чем когда-нибудь, возобновились религиозные галлюцинации, которыми он страдал в 1848 году. В один прекрасный день он исчез куда-то; оказалось, что, как и тогда, ему явилась Божия Матерь и повелела отправиться в Рим, объявить Папе о своей божественной миссии. Тот сначала не хотел принять Лазаретти, но потом обласкал его, хотя при этом, говорят, и посоветовал ему хороший душ. Затем, тоже по указанию Богоматери, он пошел к некоему пустыннику, Игнатию Микусу, который три месяца продержал его у себя в пещере и занимался с ним изучением теологии. Предполагают, что он же помог Лазаретти вырезать на лбу у себя знак, который тот выдавал потом за печать, положенную рукою св. Петра, и показывал только истинно верующим, от непосвященных же скрывал ее под прядью волос. При медицинском осмотре оказалось, что она имела вид неправильного параллелограмма, в верхней части которого были крестообразно расположены 13 точек. Этому знаку, а также двум другим, на плече и на внутренней стороне ноги, Лазаретти, как

подобает помешанному, придавал таинственное, чудодейственное значение и считал всю эту татуировку доказатель-

ством особого благоволения Божия (печатью договора с Богом).

С тех пор Лазаретти совершенно переменялся, как это обыкновенно случается с помешанными*: из драчуна, богохульника и кутилы он превратился в тихого, скромного пустынноика и жил некоторое время в горах, почти под открытым небом, питаясь иногда одним хлебом с водой или же травой, приправленной солью и уксусом, полентой, постной похлебкой, чесноком с хлебом и пр. Находясь на острове Монтекристо, в 1870 году, он более месяца пробавлялся шестью хлебами, с добавлением зелени, а живя во французском монастыре, съедал только две картофелины в день. Самые сочинения его из шутовских и неуклюжих сделались вполне порядочными, иногда изящными — что должно было особенно сильно поразить и не одних только простолюдинов. Кроме того, он стал писать более толково, употребляя сильные образные выражения, и с таким религиозным чувством, какое можно было встретить разве лишь у первых христиан.

Духовенство того местечка, где родился Лазаретти, видя в нем как бы олицетворение древних пророков, чем он и был в действительности, как мы увидим дальше, отнеслось к нему с большим уважением, что, по своему обычаю, решилось эксплуатировать его в своих интересах и воспользоваться им для сбора пожертвований на постройку церкви.

Народ, уже без того изумлявшийся полной перемене в образе жизни Лазаретти и его татуировке, еще более изумлялся теперь вдохновенным речам, его длинной всклокоченной бороде, серьезной наружности и, подстрекаемый духовенством, толпами бежал послушать нового пророка.

Начались процессии... Окруженный духовенством и знатнейшими из местных жителей, Лазаретти посетил Ар-

* В Пезаро у меня было несколько душевнобольных монахинь из римских монастырей. Я не встречал никогда более отвратительных богохульниц, чем они. Мне случалось лечить также евреев, бывших раньше чрезвычайно религиозными; первым симптомом помешательства являлось у них желание креститься, но по выздоровлении они тотчас же возвращались к прежним верованиям.

чидоссо, Роккальбенья, Капель-дель-Пиано и другие ближайшие города; население повсюду встречало его с восторгом, на коленях, а священники и духовенство окрестных церквей целовали ему руки и даже ноги. Приношения сыпались со всех сторон, но были, однако, не особенно велики, так как жители не могли жертвовать много; поэтому для постройки церкви решено было воспользоваться их даровым трудом. Место выбрали вблизи Арчидоссо, и работа закипела. Десятки тысяч верующих, мужчины, женщины, даже дети, принялись таскать камни, бревна и другие строительные материалы. К сожалению, как в стихосложении, так и в архитектуре, кроме пророческого вдохновения, необходимы еще научные познания; а их-то и не было у Лазаретти; поэтому затеянная постройка оказалась столь же неудачной, как его поэзия: собранные с таким трудом материалы остались на месте в виде безобразной кучи мусора, и вся эта затея окончилась настолько же бесплодно, как некогда сооружение вавилонской башни. В январе 1870 года Лазаретти основал общество *Священной лиги*, имевшее целью взаимное вспомоществование и дела милосердия. В марте того же года, после общей трапезы со своими последователями, он отправился на остров Монтекросто, где в продолжение нескольких месяцев писал послания, пророчества и поучения, а потом, вернувшись в Монтелабро, составил описание видений и пророческих снов, какие были ниспосланы ему во время пребывания на острове. Вслед за тем его обвинили в подстрекательстве к бунту, но суд оправдал его. После того Лазаретти основал другое общество, под названием *Христианская Семья*, но был снова арестован по совершенно неосновательному подозрению, будто это общество организовано с мошенническими целями; однако, благодаря заступничеству Сальви, его оправдали и он отделался только 7-месячным предварительным заключением в тюрьме.

Повинуясь новому велению свыше, Лазаретти предпринял в 1873 году путешествие и посетил Рим, Неаполь, Турин, затем отправился в гренобльский картезианский монастырь, где составил правила для Ордена кающихся

монахов, а также и цифрованную азбуку. Там же он написал сочинение под заглавием *“Небесные цветы”*, где говорится, между прочим, что *“Великий муж сойдет с гор в сопровождении небольшого отряда горцев”*; в этой же книге описаны видения, сны и божественные заповеди, ниспосланные автору во время его пребывания в монастыре.

При возвращении в Монтелабро его встретила на дороге громадная толпа приверженцев и любопытных, которой он сказал проповедь на тему: *“Бог видит, судит нас и воздает каждому по делам его”*. За эту проповедь его привлекли к ответственности, обвинив в намерении ниспровергнуть правительство и вызвать междоусобную войну.

На этот раз эксперты не были спрошены, и суд, не приняв во внимание ни странной татуировки, ни курьезных сочинений Лазаретти, отнесся к нему точно к человеку, находившемуся в здравом уме, и приговорил его за плутовство, соединенное с бродяжничеством, к 15 месяцам тюремного заключения и отдаче на год под надзор полиции*. Но апелляционная палата отменила это решение, так что Лазаретти вернулся в августе 1875 года в Монтелабро, где снова организовал свое распавшееся было общество и поставил во главе его священника Империиуцци. Затем, вследствие расстроенного в тюрьме здоровья, а может быть также с целью избежать новых арестов или из желания разыграть роль мученика перед французскими легитимистами, он отправился во Францию. Около одного из городов, Бургоньи, на него, как он сам говорит, снизошло божественное вдохновение, результатом которого явилась книга, по справедливости названная им таинственной, под заглавием *“Моя борьба с Богом”* (*“La mia lotta con Dio”*). В это же время он написал сочинение *“О семи печатях с описанием признаков семи вечных городов”*, заимствованное отчасти из Библии, отчасти из Апокалипсиса и наполненное

* В статье *“Давид Лазаретти”*, написанной мною вместе с Ночито и помещенной в *“Архиве психиатрии”* за 1880 год, указаны причины, вовлекшие экспертов в эту ошибку, которая стоила государству немалых расходов и, что еще печальнее, нескольких человеческих жертв.

самыми нелепыми рассуждениями. Кроме того, Лазаретти издал еще свою программу, в которой назвал себя “великим Монархом” и предлагал всем христианским государям вступить с ним в союз, так как скоро и совершенно неожиданно для всех должен *наступит конец мира*, и тогда гонимый теперь пророк явится перед лицом всех земных владык в качестве судии и полновластного господина. Все эти сочинения были переписаны священником Империиуцци, который исправил при этом и грубейшие грамматические ошибки, беспрестанно в них встречавшиеся. Многие из них удостоились чести не только быть напечатанными, но даже Леоном дю Ваша переведенными на французский язык, благодаря субсидии, а также стараниям реакционеров Италии и других стран, совершенно серьезно отнесшихся к безумному бреду несчастного маньяка.

Между тем Лазаретти, под влиянием все усиливавшегося бреда, начал громить духовенство и проповедовать замену тайной исповеди — публичной, вследствие чего папа признал все учение его ложным, а сочинения — еретическими. Тогда этот последний, написавший некогда в защиту папской власти “Гражданский статут папского владычества в Италии” (“Statute civile del Regno Pontificio in Italia”), издал в 1878 году послание к своим братьям-монахам, направленное против “боготворения Папы”, которого он назвал семиглавым чудовищем. Несмотря на то, со свойственной всем помешанным непоследовательностью, Лазаретти вскоре отправился в Рим, чтобы повергнуть к подножию Св. Престола свою символическую печать и жезл, а вернувшись в Монтелабро, начал осуждать уже и самую католическую церковь, называя ее *лавкой*, а все духовенство — *атеистами и торгашами, только эксплуатирующими религиозные чувства своей паствы*. Вместе с тем он проповедовал необходимость реформы в религии и, называя себя новым Христом, властелином и судиею, убеждал своих последователей отречься от суеты мира сего, а в доказательство этого отречения требовал, чтобы они воздерживались от пищи и сношений с женщинами, даже если они женаты, и отказались бы от собранной верующими

довольно значительной суммы денег, более 100 тысяч лир, которая должна была оставаться без всякого употребления, спрятанною в вазе, — идея чисто безумная! Впрочем, часть этих денег получила потом особое назначение: в ожидании какого-то великого чуда Лазаретти заказал для своих избранников знамена и одежды с изображением зверей, виденных им во время галлюцинаций, одежды самого странного покроя, — в том числе одна, особенно богатая, предназначалась для него самого; для остальных же последователей были приготовлены только нагрудники с вышитым на них крестом и двумя буквами С, из которых одна — вверх ногами: O + C. Знак этот служил эмблемою основанного им общества.

В августе 1878 года, когда народа собралось более обыкновенного, Лазаретти потребовал от своих последователей, чтобы они провели три дня и три ночи в посте и молитве, причем произносил проповеди, то общие для всех верующих, то частные для одних только приближенных, которые подразделялись на несколько орденов, носивших различные названия — отшельников духовных, кающихся и пр. Затем в течение трех дней — 14, 15 и 16 августа — происходила так называемая *исповедь прощения* (confessione di amenda), а 17-го на башне было водружено большое знамя с девизом: “*Республика есть царство Божие*”. После этого пророк стал у подножия креста, нарочно воздвигнутого по этому случаю, собрал вокруг себя всех близких и заставил их поклясться ему в верности и послушании. При этом один из братьев всячески старался уговорить Лазаретти отказаться от задуманного им опасного предприятия. Но все было тщетно. Когда ему указывали на возможность встретить войска на пути, он отвечал: “Завтра же я покажу вам чудо в доказательство того, что я послан самим Богом в образе Христа, владыки и судии; следовательно, меня не могут убить — всякая сила и власть земная должна преклониться перед моей силой: достаточно одного движения моего жезла, чтобы уничтожить всех, осмелившихся сопротивляться мне”. На чье-то замечание, что правительство рассеет сборище силою, он возразил: “Я

руками отброшу пули, я сделаю безвредным для себя и для моих последователей каждое оружие, обращенное против них, даже королевские карабинеры превратятся в мой почетный караул". Все более и более увлекаясь своей фантастической задачей, Лазаретти, не скрывавший делаемых им приготовлений даже от папского делегата, обещал было ему отменить процессию, но потом изменил свое решение и написал, по-видимому, с полным убеждением: "Я не мог исполнить данного вам обещания, потому что приказание свыше, от самого Бога, заставило меня действовать иначе". А неверующим или отказывающимся исполнять его требования он грозил небесными громами. В таком-то настроении повел Лазаретти утром 18 августа толпу своих приверженцев по дороге из Монтелабро в Арчидоссо. На нем была надета королевская мантия красного цвета, вышитая золотом, голову украшала корона в виде тиары, с пучком перьев наверху, а в руках он держал свой жезл. Хотя и менее богатые, но отличавшиеся разнообразием цветов и причудливостью покроя одежды его приближенных соответствовали степени, какую занимал каждый из них в обществе *Священной лиги*; простые же члены его были в своем обычном платье, и только описанные выше символические знаки на груди отличали их от толпы. Семоро из важнейших лиц братства несли столько же знамен с надписью: "Республика есть царство Божие". При этом все пели сочиненный Лазаретти гимн, каждая строфа которого оканчивалась припевом: "Вечная Республика" и пр.

В Италии, вероятно, всем известно, что случилось потом. Лазаретти, еще так недавно объявлявший себя королем из королей, потомком царя Давида, держащим в своей власти всех владык земных и совершенно неуязвимым, упал, сраженный чьей-то рукою, — может быть, самого же делегата, столько раз бывшего у него в гостях, или же только по его приказанию. Рассказывают, что, поглощенный своей последней уже иллюзией, он, падая, воскликнул: "Мы победили!"

Процессия эта была устроена не только бессмысленно, но даже как бы нарочно с целью доказать ее неосуществи-

мость. Следствие, начатое потом против последователей Лазаретти, вполне доказало, что созданное им вероучение было плодом галлюцинаций. Г. Ночито совершенно справедливо говорит по этому поводу: “В тот день, когда был вскрыт ящик, где хранилось имущество пророка, и, вместо ожидаемых вещественных доказательств его преступной деятельности, оттуда вынули изображение Божией Матери и рядом с нею портрет Давида в военном мундире, умиленно беседующего со Св. Духом; когда из этого ящика, точно из Ноева ковчега, стали появляться необыкновенные животные, созданные фантазией пророка для украшения его знамен — орлы, змеи, голуби, крылатые лошади, быки, львы, гидры, — а затем оттуда же вынули священнические одежды, королевские мантии, венки из оливковых ветвей и терновые венцы, в тот же день, когда после долгих, тщательных обысков в квартирах и в карманах панталон лазареттистов полиция ничего не нашла у них, кроме распятия да четок, и, наконец, в особенности в тот день, когда публика получила возможность любоваться тою странною обувью, какую носили последователи святого Давида, и папскими туфлями, которые надевал сам “пророк” и в которых он едва мог двигаться, — в этот день никто уже не сомневался, что правительство приняло мономаньяка за опасного бунтовщика”.

Пунктом помешательства Лазаретти послужил тот член символа веры, где говорится о воскресшем Христе, “сидящем одесную Отца и *паки грядущем судити живых и мертвых*”.

Так как этот обещанный судия долго не являлся, то Лазаретти вообразил себя в его роли и во всем старался подражать Христу: у него тоже были свои 12 апостолов и среди них апостол Петр, носивший на груди пару ключей, искусно вырезанных из картона; он точно так же постился и терпел всякие лишения, находясь во время суровой зимы на острове Монтекросто, где вел с Богом беседу, сопровождавшуюся раскатом грома, блеском молнии и землетрясением. Иисус Христос созвал учеников на тайную вечерю в день Пасхи, — и Лазаретти пригласил своих

последователей на Троицу 15 января 1870 года, причем сказал им: “Так угодно было тому, кто руководит всеми моими поступками. Знайте, что теперь это составляет величайшее таинство; вспомните, что вы находитесь теперь в том месте, которое Бог избрал для своего жилища. Скоро, скоро настанет время, когда именно здесь будут воздвигнуты восхитительные *памятники* в честь его пресвятого имени, чтобы служить эмблемой божественного величия”.

В сущности, он не установил за этой трапезой никакого таинства; но, для того чтобы во всем походить на Иисуса Христа, Лазаретти утвердил таинство своего изобретения — *исповедь прощения* — довольно, впрочем, сходную с устной.

Но этого мало: ему захотелось также иметь свое *преображение*, сопровождаемое *землетрясением*, и он предсказал, что это событие должно совершиться 18 августа 1878 года.

Когда врач колебался сделать операцию сыну Лазаретти, у которого была каменная болезнь, этот последний взял нож и сам вырезал камень. Ребенок умер; отец же его продолжал твердить, нимало не смущаясь: “Сын Давидов не может умереть”.

При медицинском исследовании трупа Лазаретти на теле его оказался знак — изображение креста внутри опрокинутой тиары. Спрошенные по этому поводу братья пророка объяснили, что он велел сделать во Франции золотую печать, которую называл *императорской*, и, обмакнув ее в кипящее масло, отгиснул ею знаки на теле, сначала себе, а потом жене своей и детям.

Таким способом бедный пророк хотел доказать с полной очевидностью не только свое высокое происхождение, но также и знатность членов своей семьи, так как, по его словам, он был прямой потомок императора Константина, хотя, конечно, доказал этим лишь свое безумие, потому что именно у помешанных мы замечаем склонность выражать свои нелепые бредни символами и различными изображениями.

Однако Лазаретти не ограничивался одним лишь сознанием, что в жилах его течет царская кровь: ему хоте-

лось еще и властвовать над целым миром, хотя под конец он уже настолько сузил свои требования, что готов был удовольствоваться передачей своих прав какому-нибудь принцу. В одном из своих манифестов — “К христианским государям” — он сделал следующее воззвание:

“Я обращаюсь безразлично ко всем христианским государям, католикам, схизматикам и еретикам, лишь бы они были крещеные.

Не беда, если они не облечены властью и не управляют народами, только бы в их жилах текла царская кровь. Я призываю их всех, и первый же, кто явится ко мне — если ему будет не менее 20 и не более 50 лет и если при этом у него не окажется никаких физических недостатков, — будет царствовать вместо меня”.

Курьезнее всего то, что покойный граф Шамбор серьезно отнесся к этому приглашению и отправил к Лазаретти своего уполномоченного. Чем окончились совещания короля из дома умалишенных с королем из археологического музея — неизвестно.

“Мне нужен союзник-христианин, — говорится далее в манифесте. — Я решился теперь ускорить свое великое предприятие, и если они (христианские государи) не явятся ко мне в течение трех лет со времени опубликования этой программы, то я покину Европу и отправлюсь в среду неверных, чтобы достигнуть при их помощи того, чего я не мог сделать, находясь между верующими.

Но горе, горе тогда всем вам, христианские государи! Вы будете наказаны семью головами великого антихриста, которые появятся из недр Европы, и в особенности одним юношей, который после моего удаления придет из северных стран к центру Франции и будет выдавать себя за *Того, кто Я сам*”.

Отсюда-то явилась у Лазаретти *idée fixe*, что он царь царей. Когда городской голова Арчидоссо не хотел исполнять его приказаний, он сказал ему: “Я — монарх из монархов. Я ношу на своих плечах государей целого мира. Сколько у вас ни есть карабинеров и солдат, они все принадлежат мне, находятся в моей власти, и у вас не хватит

веревки, чтобы связать меня". То же самое он говорил и другим лицам, особенно когда произносил проповеди, что было подтверждено множеством свидетельских показаний.

Так, например, свидетель Росси, бывший на проповеди 17 августа, слышал, как Лазаретти называл себя королем королей, Христом, судьей, которому будет подчинен даже король Италии. Он же говорил, что Папа не должен более жить в Риме и что ему найдут другую резиденцию. Далее свидетель Мецетти показал, что Давид непременно хотел устроить процессию 18 августа и говорил: "С чего вы взяли, что нас арестуют? Разве это возможно, чтобы подданные арестовали своего монарха?" То же показали и другие лица.

Что же касается эмблематического знака $\Omega + C$, которому Лазаретти придавал огромное значение, то он олицетворял, по-видимому, идею о двух Христах, одном — сыне Иосифа из Назареи и другом — сыне Иосифа Лазаретти из Арчидоссо. Но зато является совершенно непонятным, какое соотношение могло существовать между Иисусом Христом, императором Константином, псалмопевцем Давидом и самим Лазаретти. Объяснение этого факта следует искать в противоречиях и нелепых представлениях, свойственных мономаньякам, которые не останавливаются ни перед чем, лишь бы доказать истинность своей *главной* идеи, — другими словами, главного пункта своего помешательства, — и обнаруживают при этом замечательное умение принять даже внешний вид изображаемого ими лица. Мне припомнилось, что в Павии была одна больная, считавшая себя членом семьи Наполеонов: она очень искусно подражала им в костюме, манерах, разговоре и пр. и в то же время называла себя дочерью Марии Луизы и Виктора Эммануила.

Вообще, у Лазаретти масса противоречий; сначала он видел в Папе освободителя Италии, но потом, когда был отлучен им от церкви, стал называть папство идолопоклонничеством; он готов был умереть за католическую апостольскую религию и в то же время отрицал *устную исповедь* — один из главных ее догматов; считая себя сыном Давида, назывался также и сыном императора Константина и пр.

Однако в правительственных сферах сумасшествие Лазаретти отрицалось самым решительным образом. На суде в Сиене королевский прокурор выражал в своей речи такого рода соображения, нисколько, впрочем, не разъяснившие дела. “Возможно ли допустить, — говорил он, — чтобы процессия была устроена с целью посещения святых мест, когда для этого требовалось пройти 24 мили? Мыслимо ли подобное путешествие с толпою, где было так много детей? На какие же средства стали бы жить члены этой процессии, когда мы знаем, что уже 18 августа у них не было ни гроша? Затем, как допустить существование другой нелепой идеи — путешествия в Рим для того, чтобы вытребовать у Первосвященника Моисеев жезл, отнятый Львом XIII у Давида Лазаретти?” Отвечать на все эти вопросы можно лишь тем, что хотя у сумасшедших и бывают иногда проблески гениальности, но в их уме все-таки преобладают абсурды и противоречия.

Так, одним из необходимых средств господствовать над миром Лазаретти считал свой жезл, делившийся на 5 частей — эмблемы четырех евангелистов и его самого. Вот почему он устроил процессию, чтобы снова овладеть этим жезлом, который конфисковали у него в Риме.

Для понимания душевного состояния подобных безумцев необходимо стать на их точку зрения, надо освоиться с этим болезненным, по большей части лишенным логики мышлением, где самые ничтожные вещи получают громадное значение, а самые крупные, напротив, кажутся ничтожными, если только они идут вразрез с желаниями помешанного субъекта.

Во всяком случае, как ни была нелепа цель путешествия, стремление министерства внутренних дел (Publico) найти в этом действии ключ ко всему необъяснимому оказывалось еще нелепее.

Поводом к обвинению Лазаретти в мошенничестве послужили написанные им на имя неизвестных, ничего не имеющих лиц векселя, которыми он не думал, да и не мог воспользоваться, но которые сильно компрометировали его. Здесь опять является вопрос, для какой цели это было сде-

лано, — и снова приходится отвечать, что именно бесцельность, бесполезность противозаконных действий и составляет отличие помешанного от настоящего преступника. Еще более неосновательны были обвинения Лазаретти в том, что он выманивал у членов своего общества деньги и брал их себе. “У сумасбродов не бывает доходов”, — говорит ломбардская пословица, и действительно, Лазаретти ничего не нажил от своих проповедей и пророчеств, кроме гонений да насмерть сразившей его пули. Жену и детей он оставил без всяких средств, жизнь вел самую скромную, изнурял себя покаянием, лишениями всякого рода и сам первый подавал своим последователям пример соблюдения четырех постов в продолжение года. Большую часть времени он проводил в монастырях и пещерах, например на острове Монтекристо или среди мрачных вулканических скал Монтеабро, а получаемые от француза дю Ваша деньги тратил на постройку церкви и нелепой башни, представлявшей его расстроенному воображению каким-то священным ковчегом, эмблемой нового союза между народами.

Но всего очевиднее выразилось умопомешательство Лазаретти в его сочинениях.

Во-первых, потому, что все они наполнены описаниями зрительных и слуховых галлюцинаций, нередко изложенных с такой живостью, что даже самая богатая фантазия человека, находящегося в здравом уме, не могла бы создать ничего подобного.

Так, в сочинении “*Lotta con Dio*” он говорит: “Точно удар грома разразился надо мною и ослепил меня, вследствие чего я упал на землю как мертвый. Множество голов раздались посреди грохота и треска, и я услышал слова: *Повелевай, повелевай, повелевай!* Больше я ничего не мог понять. Вновь послышался грозный голос Бога, говоривший мне”...

На первой же странице предисловия к его “Рескриптам” сказано: “Я безмолвствовал в продолжение 20 лет... но настало время, когда я должен был заговорить согласно повелению свыше. Мне было приказано поучать народы, и я поучал, и впредь буду поучать. Если народы не поверят

моему учению, мне останется только повторять сказанное. Если они сочтут мое учение ложным, я не поверю, чтоб мои слова могли быть лживыми. Если они заподозрят меня в притворстве, пусть разберут мое поведение". (Буквально то же самое высказывал и Савонарола.)

А вот и еще отрывок в том же роде:

"Я слышал громовой потрясающий голос Бога, и с горных вершин в долину проникал такой грохот, что мне казалось, будто они сталкиваются между собою".

Предсказания выражались им с полнейшей самоуверенностью и даже иногда в стихотворной форме, например:

О вы, монархи и цари Европы,
Настанет день, когда рука Господня
В отмщенье вам на головы падет
И сокрушит гордыню вашу,
И вас самих повергнет в прах.

Во-вторых, хаотическая беспорядочность, туманные, напыщенные выражения, неправильный слог и масса противоречий, составляющие характерную особенность произведений Лазаретти, в которых лишь крайне редко попадаются художественно написанные страницы, с полной очевидностью свидетельствуют, что в создании этих произведений совсем не участвовал гений, всегда более или менее ровный в своем творчестве, и что они вызваны болезненным психическим состоянием мозга.

Поэтому Лазаретти был совершенно прав с психиатрической точки зрения, когда на вопрос, каким образом он, не получивший никакого образования, мог написать столько книг? — отвечал: "Бог вдохновлял меня", только вместо "Бог" следовало бы сказать — "помешательство". И действительно, вдохновенный "пророк" сознавался, что он сам не понимает некоторых из своих сочинений и что, находясь в спокойном состоянии, не может уловить смысл того, что было написано им во время экстаза.

Следует еще заметить, что священным видениям у Лазаретти почти всегда предшествовали обмороки, головные боли, полубессознательное состояние и лихорадочные па-

роксизмы, продолжавшиеся по 28 часов, а иногда и по целым месяцам. Вот как описывает он сам эти припадки:

“Мною овладевает дух, происходящий не от человека; он вызывает во мне мгновенное вдохновение, сопровождаемое сильной головной болью, вызывающей у меня сонливость и путаницу в мыслях. Когда я засыпаю, мне представляется видение, и, проснувшись, я сознаю, что оно было чуждо моей природе” (*Lotta con Dio*).

На заглавном листе этого сочинения он написал: “Это был экстаз, во время которого я ничего не сознавал (*che tutto mi rapì*); он продолжался 33 дня”.

В-третьих, ненормальность умственных способностей Лазаретти подтверждается еще и той неудержимой потребностью проповедовать и писать, которая совершенно не гармонировала с его специальностью — извозчика, едва только грамотного. В этом случае я повторяю уже сказанное мною по поводу мании писательства у Манжионе и Пассананте, т.е. что если бы какой-нибудь студент или чиновник вздумали сидеть по целым дням за чтением газет или за составлением нелепейших статей по разным вопросам, то в этом не было бы ничего странного, но когда извозчик вдруг обнаруживает особые дарования — не относительно того, как править лошадьми или чего-нибудь в этом роде, но, ударившись в сочинительство, придумывает идеальные формы республиканского правления, за что, пожалуй, не взялся бы даже Мадзини, — то мы имеем полное право заключить, что подобный субъект находится гораздо ближе к дому умалишенных, чем к Валгалле.

В-четвертых, прямым доказательством сумасшествия Лазаретти служат целые страницы горделивого бреда и самовозвеличения. Вот что говорит, например, он, разумея себя самого, в “*Манифесте к народам*”: “Узнав, что бедный и простой человек выдает себя за Христа и объявляет, что он происходит от племени царя царей, вы, конечно, изумитесь и скажете, что это возмущает человеческую гордость, а между тем это верно: уже века тому назад событие это было предсказано, и во всех книгах говорится о том образце добродетели, который послан в мир”.

Горделивое помешательство рассматриваемого нами субъекта уже проявляется, впрочем, и в том, что он пишет к государям, к папе, точно к равным себе или даже низшим, хотя общественное положение его было одно из наиболее скромных.

После высокомерного объяснения со всеми монархами и с Папой Давид прямо обращается к бывшему королю прусскому, нынешнему императору германскому, укоряет его за коварные замыслы против Италии и предсказывает ему разные бедствия. Французам он советует прежде всего разбить нечестивую статую Вольтера и сжечь его сочинения, а пепел, оставшийся от них, зарыть как яд, взятый из ада. “На том же самом месте, — продолжает он, — вы воздвигнете статую Искупителя Иисуса Назарянина, держащего под своею пятою Вольтера, изображенного в виде демона, и пусть Искупитель заградит ему рот крестом, который тот хватает зубами и руками. Когда это будет сделано — божественный гнев смягчится и невзгоды перестанут терзать народ”.

Папе он писал, между прочим, следующее: “Прежде всего я обращаюсь к тебе, преемник Петра, видимый глава Церкви, с целью предупредить тебя, чтобы ты не доверял чужеземному вмешательству. Знай, что под предлогом защиты прав Церкви расставляют сети тебе и всей итальянской нации. Замышляется не что иное, как внести бедствие и разорение среди нас, итальянцев”.

Короля Италии Лазаретти третирует еще развязнее. “При дворе у тебя, — пишет он ему, — происходит столпотворение вавилонское, управление твое — тирания, разбойничество, законы и учреждения твои переполнены глупыми, еретическими, нелепыми и непонятными правилами, возмущающими нравственное чувство и здравый смысл. Говорю тебе, что хуже не мог бы поступить даже тот, кто вздумал бы открыто идти против всякой нравственности. Каким же образом намереваешься ты, король мой, спастись от этих дурных людей? Я знаю, они довели тебя до крайнего, ужасного положения! Мне очень неприятно будет видеть твою гибель, которая порадует тех, кто сумел

лестью довести тебя до этого. Не знаю, чем помочь тебе, король мой, но вижу тебя в дурных обстоятельствах. Если бы я мог быть возле тебя, то, ради твоих предков, я постарался бы спасти тебя”.

Но этого мало. Через несколько страниц Лазаретти начинает фамильярничать даже с самим Богом. “Я желал бы, — говорит он, обращаясь к нему, — чтобы вы* перестали относиться с таким презрением”... И потом немного ниже прибавляет: “Я согласен исполнить вашу волю, Господь мой, но лишь на том условии (условие с Богом!), чтобы я мог передать другим свою власть и свои громадные владения (у извозчика-то!); а себе я оставляю бедность, труд” и т.д.

Однако из последующих строк видно, что смирение это было напускное: “Повторяю вам, что я и мои потомки посвящены вам (*vi siamo consacrati*), и я, как кровный родственник, хочу быть в зависимости только от своих же кровных; этого я требую от вас по праву *моих предков*. На этих условиях я принимаю сделанное вами мне предложение повелевать миром”. И действительно, в письме к королю он объявил:

“Мне, ничтожнейшему из людей, вышедшему из народа... Бог обещал всю землю. В доказательство этого он послал мне дар пророчества и светлый ум для того, чтобы исправлять законы и делать открытия в науках и искусствах”.

Великие открытия эти состоят в смешных толкованиях на первые главы книги Бытия с прибавлением нелепейшей палеонтологии, которая могла прийти в голову разве какому-нибудь крестьянину, побывавшему в музее. Вот образчик научных познаний пророка: “Сначала было 15 видов крупных животных; но они все погибли, потому что были слишком велики, — из них 7 жвачных, а 3 амфибии. Строение этих животных было таково, что чешуйчатой шкуры их не могло пробить никакое железо. Были пресмыкающиеся с ядовитым дыханием, предназна-

* Сохранено обращение автора к Богу во множественном числе, не принятое у нас.

ченные для воды, и люди называли их *животными смерти и яда!!!*” и т.д. все в том же роде.

“В эпоху сооружения Вавилонской башни на земном шаре произошел разрыв, вследствие чего север отделился от запада. И северные народы живут еще во мраке и нечистотах” (стр. 105).

Вслед за тем автор прибавляет: “Это совсем особенные истины, со времени потопа и до сих пор лишь остававшиеся в памяти людей; открытие этих истин было предоставлено полноте времен (*pienezza dei tempi*). Человек должен узнать все после снятия этих печатей”.

В-пятых, следует еще заметить, что нелепости и противоречия встречаются почти на каждой странице сочинений Лазаретти. Так, например, после того как им было уже сказано, что во время потопа погибли *все* животные, кроме взятых в ковчег, он прибавляет: “осталось на земле множество животных”.

Далее, чем, кроме умопомешательства, можно объяснить себе описание разных невозможных животных — быка с 12 и слона с 10 рогами, лошади о 13 ногах и пр., а также громадное значение, какое он придавал происхождению своего делившегося на пять частей жезла, которому посвящена почти целая глава сочинения “*Lotta con Dio*”, где без всякого стеснения объясняется, что жезл зародился в недрах жены Лазаретти от сношений с его же сыновьями и первыми членами его частей!!!

В-шестых, но если даже и не рассматривать внутренне-го содержания произведений Лазаретти, то уже одна внешняя форма их, особенности в слого, составление новых слов или же употребление их в особом смысле и пр. — все это может служить доказательством его психического расстройства. Так знаменитую башню свою он называл “*turris davidica*”, сыновей своих — “*Giurisdavici*” и пр.

В приложенном к сочинению “*Lotta con Dio*” послесловии — нечто вроде списка опечаток — он сам говорит, что слова *tempo* (время) и *profeta* (пророк), повторяющиеся бесчисленное множество раз, не следует понимать в общепринятом значении. Повторений у него вообще масса, и не

только отдельных слов, но даже целых фраз и в особенности цифр. Так, не говоря уже о том, что он, подобно Пассананте, по 70—80 раз повторяет слова *provate* и *riprovate*, в "*Lotta con Dio*" по крайней мере столько же раз употреблена фраза "*Uomo a me caro 7 figlio del 7 figlio dell'uomo*" (Дорогой мне человек, 7 сын 7 сына человека), хотя гораздо проще было прямо сказать *Енох* и *Авраам*.

Еще чаще употребляется слово *tempo* время и (цифра) 7; например, "С неба упадут камни в 7777 весом из одного веса в 7777 на 47 двойных граммов веса". Или: "Число жертв будет в 1777 времен, заключающих в себе 17 раз 1777". Или: "После моего поднятия на небо прошло время из 3 времен, состоящих из 77 часов для каждого времени".

В заключение нашего диагноза напомним, что хотя в молодости Лазаретти обнаруживал склонность к пьянству и кутежам, но потом, после происшедшей с ним перемены, он сделался высоконравственным и мог служить образцом святости, что главным образом и было причиной всеобщего уважения к нему. Кроме того, он до самой последней минуты горячо любил своих детей и жену, которой писал самые нежные письма и даже стихи. Между тем сумасшедшие, и в особенности мономаньяки, лишь в исключительных случаях сохраняют подобную привязанность к близким после потери рассудка; но зато у них редко проявляется и та страсть к писательству, какую мы замечаем в маттоидах.

К какой же категории психически больных людей следует причислить Лазаретти? По-моему, у него была промежуточная между маттоидом и мономаньяком форма горделивого помешательства, сопровождающегося галлюцинациями. Душевные болезни бывают до того разнообразны, что установить для них строгую классификацию не всегда возможно.

С другой стороны, ловкость, с какою Лазаретти успокаивал сомнения своего покровителя, француза-мецената дю Ваша (тем, например, что если новое учение приобретает мало сторонников, то это происходит по особой воле небес), находчивость при объяснении символического зна-

чения слов *пророк* и *время*, слишком уж часто употребляемых им (что указывали ему критики), ловко пущенная в толпу выдумка о том, что татуировка его сделана Св. Петром, тогда как от некоторых он считал нужным скрывать эту мнимо божественную печать*, наконец, умение организовать религиозные общества, а также изобретение шифрованного письма — все это доказывает, что, несмотря на умопомешательство, Лазаретти сохранил значительную дозу хитрости и даже плутовства.

Впрочем, эти способности всегда бывают сильно развиты у гениальных сумасшедших, а тем более в маттоидах, и отрицать это могут лишь люди, никогда не посещавшие больниц для умалишенных.

Вообще Лазаретти был безумец в полном смысле слова.

Нельзя не изумляться той предусмотрительности, какую обнаруживают сумасшедшие при исполнении своих замыслов, а также их замечательному умению притворяться и хитрить, особенно перед теми, кто внушает им страх или уважение или же от кого они надеются получить какие-нибудь выгоды. Классический пример в таком роде представляет генерал Мале, который, будучи мономаньяком и находясь в доме умалишенных, без денег, без солдат, с помощью двух только союзников — священника и слуги — пытался свергнуть Наполеона, и на один день почти успел в этом: подделав приказы, он убил одного из министров (главу министерства), арестовал начальника полиции и обманул почти всех корпусных командиров, уверив их, что Наполеон умер. И это была не первая проделка

* Если бы Лазаретти не вытравил себе и других знаков на теле, а присяжные не подтвердили бы, что это — настоящая татуировка, то можно было бы допустить у него так называемую стигматизацию, которая появляется в известных случаях религиозного помешательства, при истерии и каталепсии. Так, например, одна женщина из Раккониджи могла вызывать у себя красный рубец вокруг головы после галлюцинаций о терновом венце Иисуса Христа; нечто подобное проделывала и Роза Тамизье, полусумасшедшая, полуаферистка. Вообще же, татуирование встречается чаще у здоровых людей, чем у помешанных, и служит признаком их малой болевой чувствительности.

его: еще в 1808 году он вздумал произвести восстание посредством фальшивого декрета от имени сената.

После этого уже не может показаться невероятным тот факт, что одному мономаньяку удалось произвести восстание тайпинов и в продолжение многих лет ловко руководить восставшими или что другой вдохновенный безумец поднял весь народ против деспотизма шаха и вместе с тем пытался создать новую религию, заимствовать для нее все, что есть лучшего в христианстве и магометанстве. Наконец, разве безумец Гито не ухитрился лишить Америку ее президента (см. приложения) и разве та же участь не угрожала Италии по милости полуидиота Пассананте? Этот последний представляет любопытный экземпляр современного маттоида-революционера, и потому я займусь им подробно, так как для многих помешательство его еще остается сомнительным, и вообще этот вопрос не лишен интереса.

Между родственниками Пассананте нет ни больных, ни сумасшедших. В 29 лет он был ростом 2,5 аршина и весил 128 фунтов, т.е. на 35 фунтов меньше среднего веса уроженцев Неаполя.

Голова у него почти субмикроцефала, окружность ее 535 миллиметров, поперечный диаметр — 148 миллиметров и продольный — 180, лицевой угол — 82°, высота лба 71 миллиметр, ширина его — 155, вместимость черепа 1513 кубических сантиметров; черты лица напоминают отчасти монгола, отчасти кретина, глаза маленькие, глубоко впавшие и расстояние между ними больше нормального, скулы чрезвычайно выдавшиеся, борода редкая. Зрачок мало подвижен, половые органы атрофированы, чем обуславливается почти полная *anafrodisia*; печень и селезенка, напротив, гипертрофированы, что служит причиною повышения температуры, колеблющейся от 38° до 37,8° под мышками, слабости пульса (хотя кривая пульса нормальна) и недостатка физической силы, которая меньше на правой стороне (68 килограммов), чем на левой (72 килограмма). Это последнее обстоятельство, зависящее, может быть, от давнишнего ожога правой руки, чрезвычайно важно в том отношении, что оно делало невероятным нанесение меткого удара но-

жом, особенно если принять во внимание плохое качество этого последнего и неудобство положения, в каком находился Пассананте во время покушения. Болевая чувствительность его была гораздо слабее обыкновенной. В тюрьме с ним случался бред, сопровождавшийся галлюцинациями.

Все эти признаки несомненно указывают на болезненное состояние как брюшной полости, так и центральной нервной системы. Последнее еще яснее видно из психиатрического исследования. И в самом деле, только при поверхностном наблюдении душевное состояние и нравственные чувства Пассананте могли показаться нормальными. Так, он высказывал отвращение к преступлениям, жизнь вел безукоризненную, совершенно трезвую; будучи то горячим патриотом, то слишком уже рьяным католиком, он всегда, по-видимому, предпочитал благо других своему собственному, так что весьма естественно, если несведущие в психиатрии лица вначале сочли его мучеником зрелой идеи, выразителем и тайным орудием сильной антиправительственной партии, человеком, хотя и внушающим отвращение с политической точки зрения, но по своим личным качествам заслуживающим уважения.

Но ошибочность такого мнения вскоре сделалась очевидной. Не говоря уже о бреде, который мог быть следствием заключения в тюрьму, многие признаки, и в особенности знакомство с его сочинениями, заставили предположить, что Пассананте — просто маттоид. Что же касается его бережливости и альтруизма, то эти качества скорее подтверждали такое предположение, чем опровергали его, потому что, как мы видели выше, они свойственны не только всем маттоидам, но нередко и прямо сумасшедшим, которые выказывают иногда большую привязанность к родине и человечеству, чем к своей семье или к себе самим. Из сочинений же Пассананте видно, что этот ревностный патриот и гуманный человек совершенно равнодушно и чуть ли даже не с удовольствием описывает драки, нередко сопровождавшиеся убийством, драки, происходившие между его земляками, когда иностранцы бросали им деньги в виде милостыни... и находит забавной возмутительную

проделку каких-то озорников, которые утащили из сада одного бедняка любимое им вишневое деревце и, оборвав с него все ягоды, принесли обратно. Наконец, ненормальность Пассананте выразилась и в том, что после совершения преступления он остался совершенно спокойным посреди взбешенной толпы народа, готовой растерзать его на части, тогда как даже самые фанатичные из политических убийц, Орсини, Занд, Нобиллинг и др., выказывали в таких случаях сильное волнение и покушались на самоубийство.

Доказательством психического расстройства служит и самый мотив преступления. Пассананте отказали от места за его политические бредни, затем он был арестован как бродяга и вдобавок еще избит солдатами. Потеряв надежду удовлетворить своему громадному тщеславию, чувствуя отвращение к жизни и в то же время не имея мужества убить себя, он вздумал последовать примеру “героев”, похвалы которым слышал в своем кругу (хотя сам всегда относился к ним недоброжелательно), главным образом для того, чтобы этим способом покончить все расчеты с жизнью.

Тотчас же после того, как его арестовали, он сказал следователю: “Меня обидели хозяева, где я служил, жизнь мне опротивела, и я сделал покушение на короля с целью сгубить самого себя”. То же повторил он и судье Азаритти: “Я покушался на жизнь короля в полной уверенности, что меня за это убьют”. И действительно, за два дня перед тем он беспокоился только о том, что его прогнали с места, совсем не помышляя, по-видимому, о цареубийстве, и на предварительном допросе старался усилить свою вину напоминанием о давно забытом уже написанном им воззвании, где говорилось: “Смерть королю! Да здравствует республика!” По той же причине он не хотел подавать кассационной жалобы, а когда узнал о помиловании, то гораздо больше интересовался тем, что говорится по этому поводу в газетах, нежели своей собственной будущностью. Очевидно, мы имеем здесь дело с так называемым *косвенным* (indiretto) самоубийством, весьма часто встречающимся у помешанных, по свидетельству Маудели, Крихтона Эскироля и Крафт-Эбинга. Такие преступления соверша-

ются обыкновенно помешанными или же трусами и безнравственными людьми. Я считаю Пассананте способным на подобное косвенное самоубийство именно потому, что оно давало ему возможность удовлетворить кстати и свое непомерное тщеславие, заглушавшее в нем даже инстинктивную привязанность к жизни. Кроме того, тщеславные самоубийцы вообще любят, чтобы смерть их была обставлена насколько возможно торжественнее, как, например, тот англичанин, который заказал композитору написать обедню, устроил публичное исполнение ее и застрелился в то время, когда хор пел *requiescat*.

Хотя Пассананте на последующих допросах и отрицал намерение лишиться жизни, стараясь примирить и кое-как пояснить разноречие своих показаний ссылкой на изречение Робеспьера: *“Идеи воспламеняются от крови”*, но я не придаю этому факту никакого значения и считаю первое признание, сделанное сгоряча, наиболее правдивым и искренним. К тому же оно было повторено несколько раз, и все подробности его оказались вполне достоверными. А запирательство Пассананте и вообще все его поведение после первых допросов объясняется чисто безумным политическим тщеславием, которое разыгралось у него с особенной силой, когда он увидел, что к нему относятся серьезно и что газеты, судьи, даже врачи видят в нем опасного политического деятеля. Эту незаслуженную репутацию он и старался поддержать, насколько позволяла ему его необыкновенная любовь к истине. И так как все окружающие видели в нем закоренелого революционера или ловкого заговорщика, он мало-помалу забыл свое прежнее отчаянное положение, когда ради куска насущного хлеба он готов был пойти на какую угодно черную работу, и вообразил себя политическим мучеником.

Королевскому прокурору, положим, извинительно, если он увидел преступление там, где его не было, и с помощью фантазии старался доказать существование заговора, не имея для этого решительно никаких данных, потому что как жалкий нож (орудие покушения), так и полное бессилие, а также крайняя неумелость решившегося на него

человека могли служить только очевидным доказательством, что Пассананте действовал под влиянием психоза и лишь на свой страх.

Но если бы даже самое тщательное следствие и не подтвердило неосновательность прокурорского предположения, то врачи-эксперты, эти наиболее рьяные из судебных следователей (*piu fiscali del fisca*), должны же были убедить блюстителя закона в сделанной им ошибке. Я настаиваю на том, что верно лишь первое показание Пассананте, повторенное, впрочем, три раза, тем более что оно вполне согласуется с данными судебного следствия, с письменными произведениями преступника, в которых нет и помина о цареубийстве, и со всей его скромной, безвестной жизнью до рокового события. Кроме того, уже будучи в тюрьме, он не только не боялся смерти, но даже высказывал желание, чтобы его казнили. Наконец, только идея самоубийства и придает этому преступлению известный смысл; но отнимите ее — и оно оказывается нелепым, непонятным. Процесс Пассананте потому и остался для всех загадкой, что объяснение причины преступления, высказанное прокурором, было неверно, а верное не было принято.

Первым главным поводом к совершению преступления, без сомнения, послужила для Пассананте, как впоследствии и для Гито, нищета в соединении с громадным и ненормально развитым тщеславием. Далее, если он и относится к чему-нибудь с увлечением, фанатически, то совсем не к политике, но исключительно лишь к собственным безграмотным, до смешного нелепым произведениям. Он плачет и беснуется на суде присяжных не в том случае, когда оскорбляют его партию, но когда ему отказывают в прочтении одного из сочиненных им писем или чернят его доброе имя помощника повара, указывая на то, что он negliжировал своею обязанностью мыть посуду и вместо того постоянно занимался чтением. Пассананте отрицает справедливость этого показания, хотя оно могло быть ему полезно как доказательство того, что он — маттоид.

Ум у него довольно оригинальный, но мелкий; говорит он гораздо живее, дельнее, чем пишет (отличительная чер-

та маттоидов), так что в письменных произведениях его редко можно отыскать те меткие, сильные выражения, которые встречаются даже в сочинениях помешанных. Впрочем, при внимательном чтении всего, что он написал, нам все-таки удалось найти несколько любопытных оригинальных суждений.

Так, например, не лишены оригинальности хотя и странные на первый взгляд, проекты его: по жребию избирать депутатов, чиновников и офицеров, “чтобы меньше важничали”, заставить изнывающих теперь в праздности заключенных обрабатывать пустыри и пр. Недурна также, правда, несколько отзывающаяся востоком идея — устроить в каждой деревне бесплатные помещения для отдыха путешественников-пешеходов (караван-сарай).

Далее, удачно сделано определение, что разумеют под словом *отечество* крестьяне маленьких итальянских общин: “Мы с детства привыкаем считать отечеством тот клочок земли, где стоит маленькая, простая часовенка”.

Не лишены, по-моему, своеобразной дикой прелести некоторые строфы народного революционного гимна, как говорят, сочиненного Пассананте, хотя просодия в нем очень плоха.

В заключение вот еще чрезвычайно верная параллель между отдельным человеком и ассоциацией: “В одиночестве человек слаб и хрупок, точно стеклянный бокал, но в союзе с товарищами он становится силен, как тысяча Самсонов”.

Более удачными выходили у Пассананте словесные показания, на что я, впрочем, указывал раньше, поэтому приведу здесь только одно его изречение: “Народ — это дирижер истории” и ответ на вопрос о том, что происходит в сознании преступника, решающегося на дурное дело. “В нем бывает тогда как бы две воли, — сказал он, — одна толкает на преступление, другая удерживает от него; результат зависит от того, которая сторона возьмет верх”.

Но именно в этих-то проблесках или скорее изредка вспыхивающих искорках гениальности, а также в нелепых стремлениях и заключается доказательство болезненной аномалии. Когда человек из такой скромной среды, не

получивший специального образования, задается идеями, столь не свойственными его классу, то, конечно, подобное явление нельзя назвать нормальным; положим, этот человек может оказаться гением, вроде Джотто, который из пастуха сделался знаменитым живописцем, но если этот пастух пренебрегает своим стадом и в то же время царапает одни каракульки, совершенно бессмысленные, то мы вправе признать в нем отсутствие всякой гениальности. Затем, на основании психических наблюдений, мы уже прямо заключаем, что перед нами — один из представителей тех душевнобольных людей, которых я называю маттоидами. В *приложении* читатели могут познакомиться еще с несколькими субъектами, принадлежащими к этому типу.

В сочинениях Пассананте сколько-нибудь здравые мысли составляют лишь редкое исключение: в общем же это — пустая болтовня, собрание абсурдов и противоречий, ничем не объяснимых, так как противоречия встречаются не только в одной и той же статье, но даже на одной и той же странице. Начав говорить о бедствиях родины, автор через несколько строк уже толкует о вишневом дереве, затем переходит к Бисмарку или пускается в длинные отвлеченные рассуждения, а между тем о своем процессе, где решается его судьба, упоминает лишь мимоходом.

Характерную особенность произведений Пассананте составляют, после безграмотности, отрывистые, занумерованные, точно в Библии, периоды (что, впрочем, часто встречается у маттоидов и сумасшедших) и манера писать в два столбца. Кроме того, он то и дело повторяет некоторые излюбленные слова и выражения — как это делают монманыки, — причем иногда перепутывает их чрезвычайно курьезно. Так, например, рассуждая о том, как должны поставить себя *слуги* и *служители* (точно это не одно и то же!), он говорит: “Остерегайтесь требовать себе и жаркое, и дым от него, потому что несправедливо одному получать и жаркое и дым, а другому — ничего; поэтому барин пусть получает дым, а работники — жаркое”.

Как ни нелепа эта кулинарная метафора, однако в ней до сих пор можно уловить хотя какой-нибудь смысл, но

дальше она становится уже совершенно непонятной: “Правящему классу — жаркое, народу — дым, народу — жаркое, правящему классу — дым. Дым — это почести, слава; жаркое — это справедливость, добросовестное отношение ко всем”. Никакая логика не поможет разобраться в этой путанице, так что ключ к подобным загадкам, очевидно, следует искать в доме умалишенных.

XI

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ, СТРАДАВШИХ В ТО ЖЕ ВРЕМЯ И ПОМЕШАТЕЛЬСТВОМ

Если мы теперь проследим “с холодным вниманием” жизнь и произведения тех великих, но душевнобольных гениев, имена которых превознесены в истории различных народов, то скоро убедимся, что они во многом отличались от своих собратьев по гениальности, ни разу не впадавших в умопомешательство в течение своей славной жизни.

1) Прежде всего следует заметить, что у этих *поврежденных* гениев почти совсем нет характера, того цельного, настоящего характера, *никогда не изменяющегося по прихоти ветра*, который составляет удел лишь немногих избранных гениев, вроде Кавура, Данте, Спинозы и Колумба. Так, например, Тассо постоянно бранил высокопоставленных лиц, а сам всю жизнь пресмыкался перед ними и жил при дворе. Кардано сам обвинял себя во лжи, злословии и страсти к игре. Руссо, щеголявший своими возвышенными чувствами, выказал полную неблагодарность к осыпавшей его благодеяниями женщине, бросал на произвол судьбы своих детей, часто клеветал на других и на самого себя и трижды сделался вероотступником, отрекшись сначала от католицизма, потом от протестантизма и, наконец, — что всего хуже — от религии философов.

Свифт, будучи духовным лицом, издевается над религией и пишет циничную поэму о любовных похождениях

Страфона и Хлои; считаясь демагогом, предлагает простолюдинам отдавать своих детей на убой для приготовления из их мяса лакомых блюд аристократам и, несмотря на свою гордость, доходившую до бреда, охотно проводит время в тавернах среди подонков общества. Ленау, до фанатизма увлекавшийся учением Савонаролы, является циническим скептиком в своих “*Aibigesi*” и, сознаваясь в этой непоследовательности, сам же смеется над ним.

Шопенгауэр восставал против женщин и в то же время был их горячим поклонником; проповедовал блаженство небытия, *нирваны*, а себе предсказал более ста лет жизни; требовал справедливости к себе и радовался, когда Молешотт подвергся преследованиям.

2) Здоровый гениальный человек сознает свою силу, знает себе цену и потому не унижается до полного равенства со всеми; но зато у него не бывает и тени того болезненного тщеславия, той чудовищной гордости, которая сдает психически ненормальных гениев и делает их способными на всякие абсурды.

Тассо и Кардано часто намекали на то, что их вдохновляет сам Бог, а Магомет высказывал это открыто, вследствие чего малейшую критику своих мнений они считали чуть не преступлением. Кардано писал о себе: “Природа моя выше обыкновенной человеческой субстанции и приближается к бессмертным духам”. О Ньюtone говорили, что он способен был убить каждого, кто критиковал его произведения. Руссо полагал, что не только все люди, но даже все стихии в заговоре против него. Может быть, именно гордость заставляла этих злополучных гениев избегать общения с людьми. Свифт, издевавшийся над министрами в своих катирах, писал одной герцогине, изъявившей желание с ним познакомиться, что чем выше положение лиц, его окружающих, тем более они должны унижаться перед ним. Ленау унаследовал от матери гордость патриция и во время бреда воображал себя королем Венгрии. Везелий, потерявший рассудок на 39-м году жизни, сначала собирался устроить банк и сам фабриковал для него билеты, но потом вообразил себя Богом и даже свои сочинения печатал под загла-

вием “*Opera Dei Vezelii*” (“Произведения Бога Везелия”).

Шопенгауэр не раз упоминает в своих письмах о чем-то намерении поставить его портрет в особо устроенной часовне, точно святую икону.

3) Некоторые из этих несчастных обнаруживали неестественное, слишком раннее развитие гениальных способностей. Так, например, Тассо начал говорить, когда ему было только 6 месяцев, а в 7 лет уже знал латинский язык. Ленау, будучи ребенком, импровизировал потрясавшие слушателей проповеди и прекрасно играл на флейте и на скрипке. Восьмилетнему Кардано являлся гений и вдохновлял его. Ампер в 13 лет уже был хорошим математиком. Паскаль в 10 лет придумал теорию акустики, основываясь на звуках, производимых тарелками, когда их расставляют на столе, а в 15 лет написал знаменитый трактат о конических сечениях. Четырехлетний Галлер уже проповедовал, и с 5 лет со страстью читал книги.

4) Многие из них чрезвычайно злоупотребляли наркотическими веществами и спиртными напитками. Так, Галлер поглощал громадное количество опия, а Руссо — кофе; Тассо был известный пьяница, подобно современным поэтам: Клейсту, Жерар де Нервалю, Мюссе, Мюрже, Майлату, Прага, Ровани и оригинальнейшему китайскому поэту Ло Тай Ке, даже получившему название “поэта-пьяницы”, так как он почерпнул свое вдохновение только в алкоголе и умер вследствие злоупотребления им. Асне писал не иначе, как со стаканом вина перед собою, и допился до белой горячки, которая свела его в могилу. Ленау в последние годы жизни тоже употреблял слишком много вина, кофе и табаку. Бодлер прибегал к опьянению опиумом, вином и табаком. Кардано сам сознавался в злоупотреблении спиртными напитками, а Свифт был ревностным посетителем лондонских таверн. По, Ленау, Соути и Гофман страдали запоем.

5) Почти у всех этих великих людей были какие-нибудь ненормальности в отправлениях половой системы. Тассо вел чрезвычайно развратную жизнь до 38 лет, а потом совершенно целомудренную. Кардано, напротив, смолodu страдал бессилием, но в 35 лет начал развратничать.

Паскаль в молодости давал полную волю своей чувственности, но потом считал безнравственным даже поцелуй матери. Руссо страдал гипоспадией и сперматореей. Ньютон и Карл XII, как говорят, никогда не приносили жертв Венере Афродите. Ленау писал о себе: “У меня есть печальная уверенность, что я неспособен к супружеской жизни”.

6) Они не чувствовали потребности работать спокойно в тиши своего кабинета, а, напротив, как будто не могли усидеть на одном месте и должны были путешествовать постоянно. Ленау переезжает из Вены в Штокерау, оттуда в Гмунден и, наконец, эмигрирует в Америку. “Я чувствую необходимость как можно чаще переменять место жительства, — пишет он, — это мне освежает кровь”.

Тассо странствовал постоянно; из Феррары он отправлялся то в Урбино, то в Мантую, Неаполь, Париж, Бергамо, Рим или Турин. По приводил в отчаяние репортеров тем, что переезжал то и дело из Бостона в Нью-Йорк, из Ричмонда в Филадельфию, Балтимор и пр.

Руссо, Кардано и Челлини жили то в Турине, то в Болонье, то в Париже, то во Флоренции или в Риме. “Перемена места составляет для меня потребность, — говорил Руссо, — весною и летом я не могу пробыть в одной и той же местности более двух или трех дней, а если мне нельзя уехать, то я делаюсь болен”.

7) Не менее часто меняли они также свои профессии и специальности, точно мощный гений их не мог удовлетворяться одной какой-нибудь наукой и вполне в ней выразиться*. Свифт кроме сатир, писал еще о мануфактурах в

* Из 45 сумасшедших писателей, цитируемых Филомнестом,

15	человек	занимались	поэзией,
12	”	”	геологией,
5	”	”	писали пророчества,
3	”	”	автобиографии,
2	”	”	занимались математикой,
2	”	”	психиатрией,
2	”	”	политикой.

Причина преобладания поэтического творчества указана нами выше; напомним, кстати, что маттоиды отдают, напротив, предпочтение теологии, философии и др. отвлеченным наукам.

Ирландии, занимался теологией, политикой и составил исторический очерк царствования королевы Анны. Кардано был в одно и то же время математиком, врачом, теологом и беллетристом. Руссо брался за всевозможные профессии. Гофман служил в судебном ведомстве, рисовал карикатуры, занимался музыкой, был драматургом и писал романы. Тассо, а также впоследствии Гоголь перепробовал все роды поэзии эпической, драматической и дидактической; первый писал еще статьи по истории, философии и политике. Ампер, с детства владевший и кистью и смычком, был в то же время лингвистом, натуралистом, физиком и метафизиком. Ньютон и Паскаль в периоды умопомрачения оставляли свою специальность (физику) и занимались теологией. Галлер писал о поэзии, теологии, ботанике, практической медицине, физиологии, нумизматике, восточных языках, патологической анатомии и хирургии и даже изучал математику под руководством Бернулли. Ленау занимался медициной, земледелием, юридическими науками, поэзией и теологией. Вальт Витман, современный англо-американский поэт, несомненно, принадлежащий к числу помешанных гениев, был типографщиком, учителем, солдатом, плотником и некоторое время даже чиновником — занятие, совсем уже не подходящее для поэта. Американец же По занимался физикой и математикой.

8) Подобные сильные, увлекающиеся умы являются настоящими *пионерами* науки; они страстно предаются ей и с жадностью берутся за разрешение труднейших вопросов, как наиболее подходящих, может быть, для их болезненно возбужденной энергии; в каждой науке они умеют уловить новые выдающиеся черты и на основании их строят нелепые иногда выводы, отчасти приближаясь таким образом к рассмотренному уже нами типу поэтов и художников дома умалишенных, характерную особенность которых составляет оригинальность, доведенная до абсурда. Так, Ампер всегда брался в математике за разрешение труднейших задач, “отыскивал пропасти”, по выражению Араго. Руссо в “*Devin du Village*” (“*Деревенский колдун*”) пытал-

ся создать “музыку будущего”, воплощенную потом в своих композициях другим гениальным безумцем — Шуманом. Свифт говорил обыкновенно, что чувствует себя в хорошем настроении только тогда, когда ему приходится рассуждать о самых трудных и наиболее чуждых его специальности вопросах. И действительно, читая его письмо “О прислуге”, можно подумать, что оно написано именно слугой, а уж никак не теологом и публицистом. Точно так же в “Исповеди вора” он до того правдиво изобразил похождения одного из них, что товарищи его сочли нужным сознаться в сделанных ими преступлениях, думая, что глава их шайки выдал все свои тайны. А когда Свифт вздумал прикинуться католиком, то своими проповедями обманул даже римских инквизиторов, этих завзятых мошенников.

Вальт Витман создал свое особое стихосложение без рифмы и размера, которое англосаксонцы считают “поэзией будущего”. В настоящем же она кажется нелепой и странной при всей своей оригинальности.

Произведения По, по словам одного из его поклонников (Бодлера), как будто и созданы лишь с целью доказать, что странность составляет существенную часть прекрасного; они собраны им под общим заглавием “Арабески и гротески” на том основании, что в них нет человеческих типов, они составляют как бы внечеловеческий род литературных произведений. Напомним здесь кстати, что сумасшедшие артисты тоже обнаруживают склонность к арабескам, но только у них в арабески входят и человеческие лица.

Сам Бодлер тоже придумал немало курьезов, например поклонение искусственной красоте, поэтические аналогии для различных ароматических веществ, и создал так называемые *поэмы в прозе*.

9) У всех этих поврежденных гениев есть свой особый стиль — страстный, трепещущий, колоритный, отличающий их от других здоровых писателей и свойственный им, может быть, именно потому, что он вырабатывается только под влиянием психоза. Предположение это подтвер-

ждается и собственным признанием таких гениев, что все они по окончании экстаза не способны не только сочинять, но даже мыслить. Тассо говорит в одном из своих писем: “Я несчастлив и недоволен всегда, но в особенности, когда сочиняю”. “Мысли у меня рождаются с трудом, — создался Руссо, — развитие их идет медленно, туго, и я могу быть красноречивым только в минуты страсти”. Живые, пламенные вступления к статьям Кардано, столь непохожие на обычный крайне монотонный язык его сочинений, наглядно подтверждают громадную разницу в мышлении его при начале и в конце экстаза. Галлер, один из наиболее счастливых поэтов, говорил, что вся сущность поэтического искусства заключается в его трудности. Восемнадцатое из своих “Провинциальных писем” Паскаль переделывал тринадцать раз.

Может быть, именно это сходство в натуре и в стиле влекло Свифта и Руссо к произведениям Тассо, а Галлеру, суровому Галлеру, внушало симпатию к фантастическим и в высшей степени безнравственным сочинениям Свифта. По той же причине Ампер восторгался странностями Руссо, а Бодлер подражал По, сочинения которого даже перевел на французский язык, и боготворил Гофмана.

10) Почти все они глубоко страдали от религиозных сомнений, которые невольно представлялись их уму, между тем как робкая совесть и больное сердце заставляли считать такие сомнения преступлениями. Тассо, например, мучился от одного только опасения, что он еретик. Ампер часто говорил, что сомнения — самая ужасная пытка для человека. Галлер писал в своем дневнике: “Боже мой! пошли мне хотя одну каплю веры; разум мой верит в тебя, но сердце не разделяет этой веры — вот в чем мое преступление”. Ленау жаловался в последние годы своей жизни: “В те часы, когда у меня особенно сильно развивается болезнь сердца, мысль о Боге оставляет меня”. По мнению критиков, он воплотил мучившие его сомнения в герое своей поэмы “Савонарола”.

11) Затем все психически больные гении без исключения чрезвычайно много занимаются своим собственным я и с намерением выставляют на вид свое ненормальное со-

стояние, как будто стараясь этим признанием оправдать свои нелепые поступки.

Очень естественно, что при своем громадном уме и замечательной наблюдательности они наконец убеждались в своей ненормальности и глубоко страдали от этого. Все люди охотно говорят о себе, но в особенности — помешанные, которые в этом случае делают положительно красноречивыми (подобный пример мы увидим в приложении — автобиография помешанного); но какой же силы должно достигать это красноречие, когда к безумию присоединяется гениальность! Жгучие, пламенные страницы выливаются у таких писателей, едва только они заговорят с своих страданиях; настоящие перлы френопатической поэзии выходят иногда из-под их пера, но зачастую крупная личность злополучного автора выставляется при этом в далеко не выгодном свете. Кардано написал, кроме своей автобиографии, несколько поэм, сюжетом которых служат его несчастья, и статью “О сновидениях”, почти исключительно наполненную только описаниями виденных им снов и представлявшихся ему галлюцинаций. Поэмы Витмана — не что иное, как его собственная биография, изложенная стихами, что он и сам подтвердил отчасти, сказав: “Тема для гимна взята маленькая, но она же и самая большая... я сам”. В этом гимне описывается ребенок, которому достаточно было увидеть что-нибудь — облако, овцу, камень, пьяных, стариков, чтобы тотчас же вообразить и себя самого облаком, камнем и пр. Этот ребенок и есть сам Витман. Руссо в своей “Исповеди”, “Диалогах” и “*Réveries*”, как Мюссе в “Признаниях”, а Гофман в своем “Крейслере”*, в сущности только описывали самих себя и свое безумие.

То же самое говорит Бодлер и о рассказах По: “Темой для них он брал всегда исключительные случаи в жизни человека, например галлюцинации, сначала смутные, неопределенные, но мало-помалу принимающие характер несо-

* Подобно Гофману, Крейслер поглощен какими-то сумасбродными идеалами, вечно враждует с действительностью и кончает сумасшествием.

мненных фактов: нелепые понятия, овладевшие умом и сообщившие мышлению свою дикую логику; припадки истерии, совершенно поработившие волю, противоречия между настроением и рассудком, доходящие до того, что страдание выражается смехом”.

Паскаль, утверждавший, что христианство уничтожает личность, не в состоянии был написать своей автобиографии вследствие своей преувеличенной, болезненной скромности; однако он описал свои галлюцинации в *“Амулете”*, а в *“Мыслях”* выразил чисто субъективные взгляды и убеждения, несмотря на все старание быть объективным... Так, он, конечно, намекает на самого себя, когда говорит, что “великая гениальность близко граничит с сумасшествием и умопомешательство до такой степени распространено между людьми, что замешавшийся среди них здравомыслящий человек представлял бы своего рода ненормальное явление”. Или два следующих его изречения: “Болезни всегда извращают наши суждения и чувства, не только серьезные, оказывающие более заметное действие, но и самые ничтожные, влияющие лишь в слабой степени”. “Хотя у гениальных людей голова находится выше, чем у простых смертных, однако ноги у них ниже, поэтому те и другие находятся на одном уровне: гении так же ищут точки опоры на земной коре, как и все мы, не исключая детей и даже бессловесных животных”.

Галлер, тщательно записывавший в дневнике свой религиозный бред, признавался в том, что он по временам считает себя “глупым, сумасшедшим, гонимым Богом и не возбуждающим в людях ничего, кроме насмешек и презрения” и что ему не раз случалось менять свои убеждения в течение суток.

Свифт подробно, день за днем, описывал свою жизнь в сочинении, озаглавленном *“Письма к очень молоденькой леди”*, и указывает на свое умопомешательство в таких весьма недвусмысленных выражениях: “От всего человеческого тела поднимаются испарения, идущие к мозгу: если они не слишком обильны, человек остается здравомыслящим; если же их слишком много, то они вызывают в

нем экзальтацию и превращают его в философа, политика или основателя новой религии, т.е. в помешанного. Поэтому я нахожу несправедливым заключать всех сумасшедших в Бедлам. Следовало бы назначить комиссию, которая сортировала бы их для того, чтобы эти гении, изнывающие теперь в больнице, могли быть полезны обществу: например тех, кто страдает эротическим помешательством, следовало бы помещать в дома терпимости, бешеных — отдавать в солдаты и пр. Я сам принадлежу также к числу помешанных: фантазия у меня часто разыгрывается до такой степени, что разум уже не в состоянии сдерживать ее; вот почему друзья мои оставляют меня одного лишь в том случае, если я обещаю им дать своим мыслям иное направление”.

Летцман, выбросившийся потом из окна, написал знаменитый *“Дневник меланхолика”*, а Майлат изобразил свои страдания в романе *“Самоубийца”* и вслед затем утопился вместе со своей сестрой, которой был посвящен этот роман. Тассо очень верно описывал свое умопомешательство в письме к герцогу Урбино в приведенной выше октаве. Впрочем, он, еще и не будучи маньяком, высказывал о себе такого рода странные суждения. “Я не отрицаю в себе сумасшествия, — писал он, — но утешаю себя тем, что оно вызвано пьянством и любовью, так как действительно я пью жестоко”... и т.д.

Вообще очень многие беллетристы избирали душевнобольных героями своих произведений или занимались подробным анализом ненормальных проявлений психической деятельности. Барбара написал роман *“Поврежденные”*. Бустон описал свои галлюцинации. Алликс, не будучи медиком, сочинил трактат о лечении сумасшедших. Ленау, за 12 лет до полного развития своей душевной болезни, предчувствовал, что будет страдать ею, и описывал ее припадки. Во всех его поэмах постоянно звучат страдальческие ноты мрачного умопомешательства, о чем можно судить уже по заглавиям его лирических произведений: *“К меланхолику”*, *“К ипохондрику”*, *“Сумасшедший”*, *“Душевнобольные”*, *“Сила сновидений”*, *“Луна меланхолика”* и пр.

Вряд ли даже в самых мрачных местах произведений Ортиса найдутся такие потрясающие картины мучительного состояния самоубийц, как в этом отрывке из поэмы “*Душевнобольные*”: “У меня в сердце зияет глубокая рана, и я безмолвно буду переносить свои страдания до самой смерти — жизнь моя уходит с каждым часом. Только одна женщина могла бы облегчить мои муки, только на ее груди я мог найти отраду. Но эта женщина покоится в могиле... О, мать моя! жгалься над моими страданиями! Если твоя любовь бодрствует надо мною и после твоей смерти, если ты еще в состоянии заботиться о твоём сыне... о, помоги мне *поскорее* расстаться с этой жизнью! Я так жажду смерти! Постарайся, чтобы твой измученный страданиями сын избавился наконец от них”, В “*Силе сновидений*”, как мы уже говорили, с потрясающей правдивостью изображены галлюцинации, сопровождающие первые приступы той формы помешательства, при которой всегда развивается страсть к самоубийству; читатель как бы слышит бессвязный, отрывочный лепет, переходящий затем в бред и служащий предвестником наступления паралича. Вот отрывок из этого сочинения: “Видение было до того ужасно, дико, страшно, что хотелось бы считать его только сном... но я продолжал плакать и чувствовал биение своего сердца, а когда проснулся, то увидел, что простыня и подушка моя смочены слезами... Может быть, я во сне схватил простыню и вытер ею лицо?... Не знаю... Пока я спал, враги мои пировали здесь... Теперь эти дикари удалились, их нет, но следы их посещения я нахожу в моих слезах. Они убежали и оставили на столе вино”. Впрочем, еще гораздо раньше, в *Albigesi*, Ленау высказывал свой взгляд на сны как на что-то ужасное. “Страшной мощью обладают иногда сновидения, — говорит он, — они волнуют, мучат, потрясают, грозят и, если спящий не проснется вовремя... в одно мгновение ока превращают его в труп”.

12) Главные признаки ненормальности этих великих людей выражаются уже в самом строении их устной и письменной речи, в нелогических выводах, в нелепых противоречиях и в уродливой фантастичности. Разве Сократ,

гениальный мыслитель, предугадавший христианскую мораль и еврейский монотеизм, не был сумасшедшим, когда руководствовался в своих поступках голосом и указаниями своего воображаемого гения или даже просто чиханием? А что сказать о Кардано, о том самом, который предупредил Ньютона в открытии законов тяготения, затем в своей книге *“De Subtilitate”* сам приписывал галлюцинациям дикие выходки бесноватых и прорицания некоторых монахов-отшельников и в то же время объяснял участием какого-то Духа не только свои научные открытия, но даже треск доски у письменного стола и дрожание пера в своих руках! Далее, чему, кроме помешательства, можно приписать его собственное признание, что он несколько раз бывал одержим бесом, и написанную им книгу *“О сновидениях”*, несомненно свидетельствующую о ненормальном состоянии умственных способностей ее автора? Сначала он высказывает в ней довольно верные наблюдения относительно того, что сильные физические страдания оказывают менее энергичное влияние на сновидения, чем легкие, — факт, подтвержденный в последнее время психиатрами, заметившими, что у сумасшедших особенно развивается способность видеть сны; далее он указывает на то, что во сне, точно на театральной сцене, в короткий промежуток времени развивается целая масса событий, и делает совершенно верное замечание, что предметом сновидений бывают случаи или аналогичные обычным представлениям человека, или же совершенно противоположные им. Но после стольких чисто гениальных черт Кардано вдруг начинает развивать самую нелепую теорию сновидений, высказывает взгляды, как будто заимствованные у невежественных простолудинов, вроде того, например, что сны всегда служат предсказаниями относительно будущего, более или менее отдаленного, а потом с полным убеждением составляет курьезнейший словарь снов, — совершенное подобие тех “снотолкователей”, которыми утешается в часы досуга простой народ, эксплуатируемый разными невеждами. В этом чисто патологическом произведении все, что человек видит или слышит во сне, приведено в

известное соотношение с явлениями действительной жизни и на каждый случай дано особое толкование. Так, приснившийся *отец* означает встречу с сыном, мужем или начальником; *ноги* служат символом фундамента рабочих; *лошадь* означает бегство, богатство, жену и т.д. Чаще всего аналогия обуславливается не понятиями (например, что общего между *врачом* и *башмачником*, а между тем видеть во сне первого предвещает свидание со вторым, и наоборот!), а просто даже созвучием слов: напр. *Orior* (рождаться) и *Morior* (умирать) должны означать одно и то же, потому что “*una tantum litera cum differantur, vicissim, unum in alium transit*”*. Об одном господине, страдавшем каменной болезнью, Кардано говорит, что когда ему снились кушанья, то это предвещало облегчение болезни; если же вещества несъедобные, то — усиление страданий, и объясняет это тем, что “*cibos enim ac dolores degustare dicimus*”, т. е. вкусовое ощущение может смягчить ощущение боли, как будто природа в самом деле занимается игрою слов на латинском языке! Когда подумаешь, что такие абсурды высказывал врач, пользовавшийся известностью и сделавший немало важных научных открытий, то невольно проникаешься состраданием к бедному человеческому разуму!

А Ньютон, великий Ньютон, взвесивший все миры во вселенной посредством одного только вычисления, разве не находился в состоянии невменяемости, когда вздумал сочинять толкования на Апокалипсис или когда писал Бентлею: “Закон тяготения отлично объясняет удлиненную орбиту комет; что же касается почти круговой орбиты планет, то нет никакой возможности уяснить себе удлинение ее в одну сторону, и потому она могла быть произведена только самим Богом”. Араго совершенно справедливо находит такой способ доказательства научных истин по меньшей мере странным!

И однако же в своем сочинении “*Оптика*” Ньютон сам восстает против тех исследователей, которые, по примеру последователей Аристотеля, допускают существование в ма-

* “Они различаются только на одну букву и потому близко подходят одно к другому”.

терии каких-то таинственных свойств и через это без всякой пользы для науки задерживают изыскания исследователей природы. И действительно, только сто лет спустя Лаплас нашел верное решение задачи, не дававшейся Ньютону, и тем наглядно доказал нелогичность сделанного им предположения.

Ампер был глубоко убежден в том, что ему удалось найти квадратуру круга.

Паскаль, изучавший некогда законы теории вероятностей, верил, что прикосновение к реликвиям излечивает слезную фистулу, и заявил об этом в одном из своих сочинений. Вследствие своей мании ко всему первобытному Руссо дошел наконец до того, что видел идеал человека в дикаре и считал безвредным все естественные произведения, приятные для глаз и вкуса, так что мышьяк, по его мнению, должен был считаться совершенно неядовитым. Жизнь Руссо представляет целый ряд противоречий и непоследовательностей: он любил деревенские поля, а жил преимущественно в городе; написал трактат о воспитании, а своих или почти своих детей отдавал в воспитательный дом; с разумным скептицизмом относился к религиям и прибегал к гаданию, чтобы узнать будущее; писал самому Богу и письма клал под алтари церквей, как будто предполагая, что именно там и есть исключительное местопребывание Божества!

Бодлер, находивший высокое в *искусственности*, сравнивал ее с “румянами и белилами, придающими особую прелесть красавице”, и конечно в припадке настоящего бреда описал свой геологический пейзаж, без воды и растительности. “Все в нем сурово, гладко, блестяще, — говорит он, — все холодно и мрачно; и посреди этого вечного безмолвия сапфир лежал в золотоносной жиле, точно античное зеркало в золотой оправе”. Он же считал латинский язык времен упадка Рима своим идеалом, *как единственный язык, хорошо выражающий страсть*, и до того обожал кошек, что даже посвятил им три оды.

Гайм назвал философию Шопенгауэра “чрезвычайно живым и умно рассказанным сновидением”, а характер его — олицетворением непоследовательности. Вальт Витман, без

сомнения, был в ненормальном состоянии, когда писал, что одинаково относится к обвиняемым и обвинителям, к судьям и преступникам; когда в своих поэмах высказывал, что считает добродетельной только одну женщину... куртизанку, а также когда выражал свои материалистические воззрения на местопребывание души...

Ленау в своей "*Луне меланхолика*" приписывает самые ужасные свойства этому безобидному спутнику земли. Наперекор всем поэтам, он называет луну "холодной, лишенной воздуха и воды" и уподобляет ее "могильщику планет". По его мнению, "она серебристой нитью опутывает спящих и уводит их к смерти, а своим лучом очаровывает сомнамбул и дает указания вора́м". Кроме того, Ленау, в молодости не раз писавший, что "мистицизм есть признак сумасшествия", сам очень часто являлся мистиком, особенно в своих последних песнях.

В *Коране* нет ни одной главы, которая не противоречила бы всем остальным, — даже в одной и той же *суре* высказываются мысли, исключаящие одна другую.

О Свифте Аддисон сказал, что он является настоящим помешанным в некоторых из своих произведений, не говоря уже о его ненормальном пристрастии к абсурдам; так, например, когда он описывает математика, заставляющего ученика своего глотать задачи, или экономиста, дистиллирующего экскременты, или когда делает предложение народу питаться мясом маленьких детей.

Относительно великих писателей-алкоголиков я заметил, что у них есть свой особый стиль, характерным отличием которого служит холодный эротизм, обилие резкостей и неровность тона вследствие полной разнузданности фантазии, слишком уж быстро переходящей от самой мрачной меланхолии к самой неприличной веселости. Кроме того, они обнаруживают большую склонность описывать сумасшедших, пьяниц и самые мрачные сцены смерти. Бодлер пишет о По: "Он любит выставлять свои фигуры на зеленоватом или синеватом фоне при фосфорическом свете гниющих веществ, под шум оргий и завываний бури; он описывает смешное и ужасное из любви к тому и другому".

О самом Бодлере можно сказать, что у него тоже заметно пристрастие к подобным сюжетам и к описанию действий алкоголя и опия.

Несчастный Прага, умерший вследствие хронического отравления алкоголем, часто воспевал вино, пьяниц и пр.

Живописец Стен, страдавший запоем, постоянно рисовал пьяниц. У Гофмана рисунки переходили обыкновенно в карикатуры, повести — в описание неестественных эксцентричностей, а музыкальные композиции — в какофонию.

Мюссе прибегал к вычурным уподоблениям, как, например, в описании мадридских красавиц:

“*Sous un col de eigne*

Un sein vierge et doré comme la jeune vigne”.

(Под лебединой шейей девственная золотистая грудь, точно молодая виноградная лоза.)

Мюрже воспевал женщин с зелеными губами и желтыми щеками, хотя у него это было, вероятно, следствием своего рода дальтонизма, вызванного пьянством, что, как мы видели, особенно резко выражается у живописцев.

13) Почти все поврежденные гении придавали большое значение своим сновидениям, которые у них отличались такой живостью и определенностью, какой никогда не имеют сны здоровых людей. Это особенно заметно у Кардано, Ленау, Тассо, Сократа и Паскаля.

14) Многие из них обладали чрезвычайно большим черепом, но неправильной формы; кроме того, у них, как и у сумасшедших, вскрытие часто обнаруживало серьезные повреждения нервных центров. У Паскаля мозговое вещество оказалось тверже нормального и нагноение в левой доле. При вскрытии черепа Руссо была констатирована водянка желудочков. Череп Вилльмена представлял такое ненормальное устройство (крайне удлиненный, сплюснутый спереди, с сильным развитием лобных пазух), что когда я увидел его в первый раз в парижском институте, то невольно обратил на него внимание и сказал своему спутнику, что человек с такой головой непременно должен страдать душевной болезнью. У Байрона, Фосколо и вообще у

гениальных, но отличавшихся большими странностями людей замечено преждевременное отвердение черепных швов. Шуман умер от воспаления мозговой оболочки (менингита) и атрофии мозга.

15) Но самым выдающимся признаком ненормальности рассматриваемых нами гениев служит, как мне кажется, крайне преувеличенное проявление тех двух перемежающихся состояний — экстаза и атонии, возбуждения и упадка умственных сил, которые до известной степени заметны почти у всех великих мыслителей, даже у совершенно здоровых, и составляют, в сущности, чисто физиологическое явление. Но здесь оно принимало уже патологический характер, вследствие чего “поврежденные” гении истолковывали его вкривь и вкось, приписывая то благодетельному, то враждебному влиянию посторонних, чаще всего сверхъестественных сил. Руссо так описывает себя в состоянии атонии: “Ленивый, приходящий в ужас от всякого труда ум и желчный, раздражительный, живо чувствующий каждую неприятность темперамент, — казалось бы, что две такие противоположности не могут совместиться в одном субъекте, а между тем они составляют основу моего характера”. При таком мрачном взгляде на свои способности период возбуждения, подъем духа казался Руссо чем-то чуждым его собственной природе, подобно тому как люди невежественные всегда объясняют посторонним влиянием каждое изменение своего я. Тассо даже анализирует свойство своего вдохновителя — духа, демона или гения. “Это не может быть дьявол, — говорит он, — потому что он не внушает мне отвращения к священным предметам; но это также и не простой смертный, так как он вызывает у меня идеи, прежде никогда не приходившие мне в голову”. Дух сообщал Кардано сведения о невозможном мире, давал советы и вдохновлял его; точно так же дух помог Тартини написать сонату, а Магомету диктовал целые страницы *Корана*. Ван Гельмонт уверял, что дух являлся ему во всех важных случаях жизни и один раз, в 1633 году, он увидел даже свою собственную душу в форме блестящего кристалла. Скульптор Блэк часто удалялся на берег моря,

чтобы вести там беседы с Моисеем, Гомером, Вергилием и Мильтоном, своими старинными знакомыми, итак описывал их внешность: “Это тени, величественные, суровые, но светлые и ростом гораздо выше обыкновенных людей”. Сократу во всех его делах тоже помогал гений, которого он считал для себя полезнее десяти тысяч учителей и часто пользовался его указаниями, чтобы предупреждать друзей своих, как им следует поступить в том или другом случае. Палестрина пытался выразить в своих композициях те песни, которые пел ему невидимый ангел.

Вообще, яркий, образный слог и полная уверенность, с какою описывались разные фантастические случаи и нелепые бредни, вроде академии лилипутов или ужасов тартара, заставляют предполагать, что авторы видели перед собою все такие картины вполне отчетливо, ясно, как в припадке галлюцинаций, и что, следовательно, вдохновение и безумный бред сливались у них в одно нераздельное целое.

Для некоторых из них, как, например, для Лютера, Магомета, Савонаролы, Молиноса, а в наше время для главы восставших тайпинов, это ложное истолкование причины своего экстаза было чрезвычайно полезно в том отношении, что придавало их речам и предсказаниям ту нераздельную с глубокой верой в истинность своего учения убедительность, которая так обаятельно действует на простой народ, увлекая и потрясая его до глубины души. В этом отношении между помешанными гениями и самыми дюжинными маттоидами нет существенной разницы.

С другой стороны, когда веселость и вдохновенный экстаз сменялись мрачным, меланхолическим настроением, то эти несчастные великие люди прибегали к еще более странным измышлениям, чтобы объяснить свое тяжелое состояние: одни из них приписывали его отраве, как, например, Кардано; другие, подобно Галлеру и Амперу, считали себя обреченными на вечные муки или преследуемыми целым сонмом озлобленных врагов, в чем были убеждены Ньютон, Свифт, Бартец, Кардано и Руссо. Далее, все они признавали религиозное сомнение, западающее в ум совершенно против воли и наперекор чувству, таким ужасным

преступлением, что опасение подвергнуться ответственности за него являлось для них источником новых величайших страданий.

ХII

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь спросим себя, возможно ли на основании вышеизложенных фактов прийти к заключению, что гениальность вообще есть не что иное, как невроз, умопомешательство? Нет, такое заключение было бы ошибочным. Правда, в бурной и тревожной жизни гениальных людей бывают моменты, когда эти люди представляют большое сходство с помешанными, и в психической деятельности тех и других есть немало общих черт, например усиленная чувствительность, экзальтация, сменяющаяся апатией, оригинальность эстетических произведений и способность к открытиям, бессознательность творчества и употребление особых выражений, сильная рассеянность и склонность к самоубийству*, а также нередко злоупотребление спиртными напитками и, наконец, громадное тщеславие. Правда, в числе гениальных людей были и есть помешанные, точно так же, как и между этими последними бывали субъекты, у которых болезнь вызывала проблески гения; но вывести из этого заключение, что все гениальные личности непре-

* “Гениальные люди дают огромный процент самоубийц, начиная с древнейшего периода истории и кончая нашим временем. Интересно проследить поводы к самоубийству: Доминикино лишил себя жизни вследствие насмешек соперников, Спальолетто — после похищения своей дочери, Нурри — из зависти к успехам Дюпре и пр. В Италии число самоубийц между художниками достигает 90 на миллион жителей, между литераторами — 618,9, между учащимися — 355,3 — процент более высокий, чем в остальных профессиях.

менно должны быть помешанными, значило бы впасть в громадное заблуждение и повторить, только в ином смысле, ошибочный вывод дикарей, считающих боговдохновенными людьми всех сумасшедших. Поясню эту мысль примером: у нас в Италии есть хореик слепец Пучинотти, подражающий в своих хореических движениях манипуляциям человека, играющего на скрипке. Если бы кто-нибудь вздумал сопоставить этот случай с тем фактом, что в числе хороших скрипачей есть много слепых, и на основании его сделал вывод, что все искусство скрипичной игры обуславливается сопровождающейся хореическими движениями болезнью, то, конечно, этот вывод оказался бы совершенно ложным. Очень может быть, что хорея придает большую подвижность рукам играющего или что она даже развивается у него вследствие постоянного повторения известных движений, но все же из этого еще нельзя заключить о полном сходстве между хореиком и скрипачом.

Если бы гениальность всегда сопровождалась сумасшествием, то как объяснить себе, что Галилей, Кеплер, Колумб, Вольтер, Наполеон, Микеланджело, Кавур, люди несомненно гениальные и притом подвергавшиеся в течение своей жизни самым тяжелым испытаниям, ни разу не обнаруживали признаков умопомешательства?

Кроме того, гениальность проявляется обыкновенно гораздо раньше сумасшествия, которое по большей части достигает максимального развития лишь после 35-летнего возраста, тогда как гениальность обнаруживается еще с детства, а в молодые годы является уже с полной силой: Александр Македонский был на вершине своей славы в 20 лет, Карл Великий — в 30 лет, Карл XII — в 18, Д'Аламбер и Бонапарт — в 26 (Рибо).

Далее, между тем как сумасшествие чаще всех других болезней передается по наследству и притом усиливается с каждым новым поколением, так что краткий припадок бреда, случившийся с предком, переходит у потомка уже в настоящее безумие, гениальность почти всегда умирает вместе с гениальным человеком, и наследственные гениальные способности, особенно у нескольких поколений, состав-

ляют редкое исключение. Кроме того, следует заметить, что они передаются чаще потомкам мужского, чем женского пола (о чем мы уже говорили прежде), тогда как умопомешательство признает полную равноправность обоих полов. Положим, гений тоже может заблуждаться, положим, и он всегда отличается оригинальностью; но ни заблуждение, ни оригинальность никогда не доходят у него до полного противоречия с самим собою или до очевидного абсурда, что так часто случается с маттоидами и помешанными.

Если некоторые из этих последних и обнаруживают недюжинные умственные способности, то это лишь в редких сравнительно случаях, и притом ум их всегда односторонен: гораздо чаще мы замечаем у них недостаток усидчивости, прилежания, твердости характера, внимания, аккуратности, памяти — вообще главных качеств гения. И остаются они по большей части всю жизнь одинокими, необщительными, равнодушными или нечувствительными к тому, что волнует род людской, точно их окружает какая-то особенная, им одним принадлежащая атмосфера. Возможно ли сравнивать их с теми великими гениями, которые спокойно и с сознанием собственных сил неуклонно следовали по раз избранному пути к своей высокой цели, не падая духом в несчастиях и не позволяя себе увлечься какой бы то ни было страстью!

Таковы были: Спиноза, Бэкон, Галилей, Данте, Вольтер, Колумб, Макиавелли, Микеланджело и Кавур. Все они отличались сильным, но гармоничным развитием черепа, что доказывало силу их мыслительных способностей, сдерживаемых могучей волей, но ни в одном из них любовь к истине и к красоте не заглушила любви к семье и отечеству. Они никогда не изменяли своим убеждениям и не делались ренегатами, они не уклонялись от своей цели, не бросали раз начатого дела. Сколько настойчивости, энергии, такта выказывали они при выполнении задуманных ими предприятий и какой умеренностью, каким цельным характером отличались в своей жизни!

А ведь на их долю выпало тоже немало страданий от преследования невежд, им тоже приходилось испытывать

и припадки изнеможения, следовавшие за порывами вдохновения, и муки овладевавшего ими сомнения, колебания, но все это ни разу не заставило их свернуть с прямого пути в сторону.

Единственная, излюбленная идея, составлявшая цель и счастье их жизни, всецело овладевала этими великими умами и как бы служила для них путеводной звездой. Для осуществления своей задачи они не щадили никаких усилий, не останавливались ни перед какими препятствиями, всегда оставаясь ясными, спокойными. Ошибки их слишком немногочисленны, чтобы на них стоило указывать, да и те нередко носят такой характер, что у обыкновенных людей они сошли бы за настоящие открытия.

Резюмируя наши положения, мы приходим к следующим выводам: в физиологическом отношении между нормальным состоянием гениального человека и патологическим — помешанного существует немало точек соприкосновения. Между гениальными людьми встречаются помешанные и между сумасшедшими — гении. Но было и есть множество гениальных людей, у которых нельзя отыскать ни малейших признаков умопомешательства, за исключением некоторых ненормальностей в сфере чувствительности.

Хотя мое исследование ограничивается скромными пределами психологических наблюдений, но я надеюсь, что оно может дать солидную экспериментальную точку отправления для критики артистических, литературных и, в некоторых случаях, даже научных произведений. Так, во-первых, оно заставит обратить внимание на чисто патологические признаки: излишнюю тщательность отделки, злоупотребление символами, эпитафами и аксессуарами, преобладание одного какого-нибудь цвета и преувеличенную погоню за новизной. В литературе и ученых статьях такими же признаками служат претензии на остроумие, излишняя систематизация, стремление говорить о себе, склонность заменять логику эпиграммой, пристрастие к напыщенности в стихах, к созвучиям — в прозе и тоже погоня за оригинальностью. Кроме того, ненормальность

этого тона выражается в манере писать библейским языком, короткими периодами с подчеркиваниями или частым употреблением известных слов. Признаюсь, замечая, как много субъектов из так называемых руководителей общественного мнения отличаются подобными недостатками и как часто юные писатели, берущиеся за разработку серьезных общественных вопросов, ограничиваются при этом одними лишь остротами, как будто заимствованными из дома умалишенных, и пишут коротенькими, отрывистыми фразами библейских изречений, я начинаю бояться за судьбу грядущих поколений.

И наоборот — аналогия, существующая, с одной стороны, между маттоидами и гениями в том отношении, что первым присущи все болезненные свойства последних, а с другой — сходство между здоровыми людьми и маттоидами, которые обыкновенно обладают столь же развитой проницательностью и практическим тактом, должно послужить для людей науки предостережением против излишнего увлечения новыми теориями, особенно расплодившимися теперь в абстрактных или не вполне сложившихся науках, каковы теология, медицина* и философия. Такого рода теории, относящиеся обыкновенно к наиболее интересующим публику вопросам, разрабатываются по большей части людьми, ничего в них не смыслящими, которые вместо серьезных рассуждений, основанных на тщательном и спокойном изучении фактов, наполняют свои сочинения громкими фразами, не идущими к делу примерами, парадоксами и несостоятельными, часто один другому противоречащими доводами, хотя и не лишенными иногда оригинальности. В таком роде пишут по преимуществу именно маттоиды (психопаты) — эти бессознательные шарлатаны, встречающиеся в литературном мире гораздо чаще, чем многие думают...

Но не одним ученым следует остерегаться подобных теорий; относительно их — и притом в гораздо большей

* Я забыл упомянуть в числе маттоидов приверженцев гомотопии и вегетарианства; это своего рода сектанты в медицине, проповедующие массы нелепостей под прикрытием многих истин.

степени — должны быть настороже и государственные люди не только потому, что эти мнимые реформаторы, вдохновляемые исключительно лишь психической болезнью и не встречающие серьезного отпора со стороны критики, могут оказывать известное влияние на окружающих, но еще и в силу того соображения, что всякие преследования, хотя бы и справедливые, раздражают, усиливают помешательство этих людей и превращают безвредный идеологический бред психопата или извращение чувств мономаньяка в активное помешательство, тем более опасное, что при сравнительно ясном уме, настойчивости и преувеличенном альтруизме психопатов, заставляющем их усердно заниматься общественными делами и лицами, стоящими во главе управления, они преимущественно перед всеми другими сумасшедшими склонны совершать политические убийства*.

Таким образом, мы убеждаемся, что психопаты имеют нечто общее не только с гениями, но, к сожалению, и с темным миром преступления; мы видим, кроме того, что настоящие помешанные отличаются иногда таким выдающимся умом и часто такой необыкновенной энергией, которая невольно заставляет приравнивать их, на время по крайней мере, к гениальным личностям, а в простом народе вызывает сначала изумление, а потом благоговение перед ними.

Подобные факты дают нам новую, надежную точку опоры в борьбе с юристами и судьями, которые, на основании одной только усиленной деятельности мозга, заключают о вменяемости для данного субъекта и о полном отсутствии у него психического расстройства. Вообще, благодаря новейшим исследованиям в области психиатрии, у нас является возможность уяснить себе таинственную сущность гения, его непоследовательность и ошибки, которых не сделал бы самый обыкновенный из простых смертных. Далее, нам становится понятным, каким образом помешанные и маттоиды**, одаренные лишь в слабой степени гениальностью, а то и совсем не имевшие ее (Пассананте, Лазаретти,

* См. IX главу.

** См. главу X и приложения.

Дробициус, Фурье, Фокс), могли оказывать громадное влияние на толпу и нередко даже вызывать политические движения; или каким образом люди, бывшие в одно и то же время и гениями, и помешанными (Магомет, Лютер, Савонарола, Шопенгауэр), нашли в себе силы преодолеть такие препятствия, которые ужаснули бы здравомыслящего человека, — на целые века задержать умственное развитие народов и сделаться основателями если не всех религий, то по крайней мере всех сект, появившихся в древнем и новом мире?

Установив такое близкое соотношение между гениальными людьми и помешанными, природа как бы хотела указать нам на нашу обязанность снисходительно относиться к величайшему из человеческих бедствий — сумасшествию и в то же время дать нам предостережение, чтобы мы не слишком увлекались блестящими призраками гениев, многие из которых не только не поднимаются в заоблачные сферы, но, подобно сверкающим метеорам, вспыхнув однажды, падают очень низко и тонут в массе заблуждений.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

АВТОБИОГРАФИЯ ПОМЕШАННОГО

- (к VII главе)

С 1858 по 1859 год я служил привратником у господина Б. В этом же доме жила семья Даг., которая малопомалу так полюбила меня, что предложила давать мне обед, зная, что мне неудобно было готовить его самому. Однажды, проходя по улице Ровелекка, я увидел у отворенной железной лавки девушку, которая покраснела, когда глаза ее встретились с моими. Я же, напротив, остался на этот раз совершенно равнодушным, хотя обыкновенно краснел при всякой встрече, особенно с женщиной. Я догадался, в чем дело, но, возвратясь домой, даже и вида не подал, что придаю этому значение. На следующий день я снова проходил мимо лавки, и та же девушка, по фамилии Ж., опять бросила на меня нежный взгляд, а я по-прежнему остался равнодушным и когда возвращался назад, то даже не посмотрел на нее, хотя она стояла у двери. Несколько времени я избегал встречи с этой особой. Однажды вечером, стоя у ворот, я услышал легкие шаги и, оглянувшись, увидел Ж., которая держала за руку свою маленькую сестру. Девушка обратилась ко мне с вопросом, дома ли г-жа Даг., и я отвечал ей, что нет, после чего она поблагодарила меня, многозначительно поклонилась мне, так же как и я ей, и ушла. В это время началась война 1859 года, и у меня не было даже мысли о каких-нибудь связях... Я записался в солдаты... Вскоре нам объявили приказ о выступлении и повезли наш отряд по железной дороге в Комо, где горожане встретили нас криками *ура*. Едва только мы пришли в казармы, как нас опять собрали и офицер стал вызывать нас поодиночке и раздавать нам деньги, говоря, что сегодня мы получим только половину жалованья. При этом он как-то особенно и даже с презрением смотрел на тех, которые были дурно одеты, чего, по-

моему, рассудительный человек не должен бы делать. После раздачи жалованья нам сделали смотр, а потом отвели опять в казарму, где даже не было приготовлено соломы для ночлега. Через неделю из нас составили батальон, в который зачислили и меня вместе с двоими земляками. Батальон этот назначался для пополнения первого полка и был отправлен к озеру Комо. По дороге мы останавливались для отдыха на час или на два в Колико и Морбеньо, где нас встретили с музыкой. После полуночи мы отправились в Сандрио и пробыли там два дня. Дальше я уже забыл теперь в подробности наш маршрут. Помню только, что, когда мы пришли в Кроче-Домини, день был ужасно жаркий, а перед вечером вдруг поднялся такой густой туман, что мы не могли различать друг друга, и стало так холодно, что нам пришлось кутаться. Это было 10 июля; мы все сильно нуждались в отдыхе после дороги, а между тем не могли заснуть вследствие нестерпимого холода. Мы нарубили ветвей кустарника, росшего по склону горы, и зажгли несколько костров. Мне пришлось стоять на карауле у нашего багажа, и, когда меня пришли сменить, я был еле жив от холода — руки заоченели до того, что я не мог держать ружья, ноги совсем застыли, и я с трудом отогрелся. Между тем занялась заря, мы пошли дальше, и это дало нам возможность согреться окончательно. Остальные подробности нашего путешествия не стану приводить, так как это было бы слишком скучно. Упомяну только о нашем прибытии в Баголино, которое находится неподалеку от Рокка д'Анфо. Там наш отряд должен был следить за действиями неприятельских войск. Вскоре мы узнали, что неприятель приближается к нам и авангард его недалеко. Тотчас же раздался призыв к оружию; но отряд наш остался на месте ожидать неприятельского авангарда, и, когда он приблизился шагов на сто, мы начали бросать в него заранее приготовленными камнями. Я не помню, отвечал ли нам неприятель выстрелами или нет, но мне говорили, что у него было несколько раненых. Узнав, что у нас собрано в этой местности много войска, неприятель удалился, и мы могли отдохнуть. Через неделю

после того нас отправили в Лаввеноне, где нам пришлось нести гарнизонную службу. А вскоре и мир был заключен.

В конце 1860 года, не зная куда пристроиться, я временно поселился в доме моего дяди. Зимой 1860/61 года я стал искать себе другую квартиру и наконец попал опять к прежнему хозяину, — дела мои пошли довольно хорошо. Я работал также и на Б., почему должен был проходить по улице Ровелекка, хотя мне не хотелось этого делать во избежание некоторых воспоминаний. В это время молодой человек, ухаживавший за Ж., как мне казалось, уже бросил ее. Настал какой-то праздник, и у меня не случилось кофе, который я пил всегда вечером и утром, как только встану; зная, что его можно достать так рано только в лавке Ж. на улице Ровелекка, я пошел туда. Это было в конце осени 1861 года. Мне продала кофе мать Ж., встретившая меня довольно любезно, и я обещал сделать ее покупателем. Что же касается дочери, то я решил избегать даже мысли о ней. Хотя эта девушка мне нравилась, но я думал, что из нее выйдет плохая хозяйка и что она не сумеет хорошо воспитать детей, как бы мне хотелось; к тому же я не желал жениться на девушке, дурно воспитанной, тем более что любил свободу. Потом я во второй раз зашел в лавку, и со мною обошлись еще лучше прежнего. Когда я пришел в третий раз, обе женщины были возле конторки, но мать закрывала своей тенью дочь, сидевшую около стены. Меня встретили очень любезно. Пока мать отвешивала мне сахар и кофе, я не мог видеть дочери; когда же я спросил мыла, то мне стало видно ее, и я мог взглянуть ей прямо в лицо. Сделав вид, что хочу поближе посмотреть: то ли мыло мне дали, какое нужно, я тоже приблизился к конторке. На весы был положен кусок мыла средней величины, не слишком большой, не слишком маленький*; дочь, желая сказать что-нибудь, заметила: *“Это слишком много”*, а мать, как будто угадав мои мысли, ответила ей: *“Ничего, до дома донесет”*. Потом они

* Заметьте, какую необыкновенную память обнаруживает он даже в мелочных подробностях, относящихся до пункта его помешательства.

обе засмеялись, и я ушел. Через несколько времени мать сказала мне как-то вечером, что дочь говорила ей, будто я женился; я же ответил, что это неправда и что у меня даже мысли нет о женитьбе, на что она заметила: *“Да, да, теперь вы по крайней мере совершенно свободны”*. В этот раз поклон ее был очень сух, и в последующие мои посещения обращение ее со мной окончательно изменилось к худшему. Она избегала меня и старалась дать мне понять, что не желает моих дальнейших посещений; но я, не обращая внимания на это, притворился ничего не понимающим и продолжал заходить в лавку. Однажды я вышел из дома, когда начало уже смеркаться и накрапывал дождь (это было на первой неделе поста 1862 года), и только что повернул в улицу Ровелекка, как вдруг из лавки выскочила младшая сестра Ж., посмотрела на меня со смехом и поспешно убежала в лавку; я продолжал идти своей дорогой, не спуская в то же время глаз с лавки, и видел, как мать вытолкнула оттуда старшую дочь, которая остановилась на пороге, посмотрела на меня смеясь и сказала: *“Ну, что же?”* А я, слыша, как мать подстрекает девушек, говоря: *“Идите вслед за ним”*, ласково взглянул на старшую дочь, но ничего не сказал в эту минуту.

Окончив мои занятия в этот вечер, я порешил написать ей записку, чтобы положить конец этим последствиям*. Хотя в этот вечер мне нужно было сделать покупки, однако я, чтоб передать ей записку, предпочел пойти в лавку утром, так как знал, что в это время мать бывает там одна. На следующее утро, зайдя в лавку, я уже нашел в ней посетителей; мое появление, должно быть, смутило старуху Ж., потому что она ошиблась, отдавая сдачу какой-то молодой девушке, которая посмотрела на меня, когда уходила. Между тем я подошел ближе, и Ж. подала мне что нужно, причем старалась скрыть свое смущение. Тогда я вынул записку и, вручая ей, сказал: *“Это — старинный счет, просмотрите его на досуге”*. Я хотел таким образом показать покупателям, что между нами нет каких-нибудь

* Автор, очевидно, придает этому слову своеобразное значение.

особенных отношений. Взяв записку, Ж. отвечала: “Ах, да-да!” — после чего я ей поклонился, и она сказала мне: “До свиданья!” В продолжение этого дня тысячи мыслей сменились у меня в уме, однако же вечером я сдержал свое слово, как обещал в записке. Вот ее содержание:

“Милостивая государыня!

Наши слишком уж явные отношения обязывают меня написать вам несколько строк, чтобы решить наш внутренний вопрос. Если до сих пор я не показывал своей горячей привязанности к вашей дочери, то это не вследствие сомнения в том, что она мне отвечает взаимностью; напротив, я очень уважаю ее осторожность и не подозреваю, чтобы ее расположение к другим было иное, как только родственное. Если мое объяснение будет принято благосклонно, то я ожидаю вашего ответа сегодня в 8 часов вечера. Когда я пройду в это время мимо лавки, то в знак согласия у дверей ее должна стоять ваша дочь; в этом случае я буду знать наверное, что вы удостоите меня каким-нибудь ответом; если же я никого не увижу, то пройду мимо, и все будет забыто. Пишу эти слова с сожалением, что не заслужил внимания той особы, которую я очень уважаю и которая стоит выше меня. Прощайте или пока до свидания в назначенный час”.

Вечером около 8 часов я вышел из дома и после небольшой прогулки повернул в улицу Ровелекка. Там я заметил девушку прекрасного роста и молодого человека, стоявших у ворот и смотревших в мою сторону. Я перешел направо, сделал вид, что останавливаюсь, и услышал, как эта девушка сказала: “Да он совсем молокосос!” Я притворился, что не заметил ее внимания*, посмотрел на нее, хотя она была мне совершенно незнакома, и решил идти дальше. У лавки никого не было, а внутрь я не заглянул и, миновав ее, почувствовал большое облегчение**. Пройдя всю улицу Ровелек-

* Это слово тоже употреблено в особом значении.

** Влюбленные поймут это чувство, хотя оно сильно преувеличено у Фарина: робость до того была в нем сильна, что заглушила даже любовное влечение, и он обрадовался, когда желанное им свидание не состоялось.

ка, я повернул влево и увидел в некотором расстоянии трех особ женского пола, шедших мне навстречу; шагов за 15 от меня одна из них, — это была дочь Ж., — отделилась от своих подруг, пошла по тротуару и, поравнявшись со мной, посмотрела на меня. Когда все три были шагах в 15 сзади меня, я услышал, как подруга спросила: “*Это он?*” — и Ж., понизив голос, ответила ей: “*Да*”. А я поспешил домой и лег в постель. Целую неделю я не заглядывал в ту улицу и только вечером на восьмой день прошел мимо лавки Ж., которая уже была заперта, но в комнате у них виднелся свет. Заслышав мои шаги, они погасили огонь, так как отлично знали мою походку (!), хоть я и постарался ее изменить (?!). Когда я проходил мимо их дома, то слышал, как дочь сказала: “*Прощай!*” Я продолжал идти тем же шагом, но решился сделать последнюю попытку, чтобы положить этому конец. На следующее утро я снова написал письмо и послал его часов в 9 с мальчиком, сказав ему: “*Отнеси это письмо в мелочную лавку на улице Ровелекка и передай хозяйке, что оно от одной знакомой ей женщины, которая через меня же просит прислать ответ*”. Получив письмо, старуха сказала мальчику: “*Теперь мне некогда, зайди через полчаса, и я дам тебе ответ*”. Когда через полчаса посланный вернулся, она подала ему то же самое письмо со словами: “*Снеси его обратно и скажи ему “нет”, да смотри — не потеряй вложенную тут записку*”. Когда я развернул письмо, то нашел в нем свою первую записку, потом заплатил мальчику и отпустил его. Взяв оба письма, я перечитал их, думая, что они дурно написаны, однако и после этого чтения могу сказать, что ошибок у меня не было. Тогда мною овладели самые мрачные мысли, но, рассудив, что с моей стороны было бы глупостью даже думать об этом, я изгнал из своего сердца всякое воспоминание и решился не проходить более по той улице. Спустя некоторое время я как бы инстинктивно вздумал пойти туда; мать и дочь стояли у лавки и, завидя меня, принялись смотреть в мою сторону, а когда я поравнялся с ними, сказали: “*Он идет сюда*”.

Из этих последствий я хорошо понял, что она меня любит; я очень страдал, и мысль о таком их поведении

вызывала во мне бешенство; поэтому я решился покинуть свое отечество и отправиться в Женеву. Это было во вторник после праздника Троицы в 1862 году. Но и в Женеве меня преследовали те же сторонники Ж., вследствие чего я принужден был вернуться на родину. Так прошло лето, и в конце зимы мои противники, друзья Ж., начали досажать мне своими преследованиями. Хотя у меня тоже были друзья, но я хранил молчание с ними и даже избегал их, чтобы они не заговорили со мной об этом и не стали подстрекать меня к мести*. Так я терпел до масленицы текущего 1866 года. Однажды мне захотелось послушать оперу, и я пошел в театр. Сначала никто не обратил внимания на мое появление в театральной зале, но через 8 или 10 минут двое молодых людей, сойдя сверху, посмотрели на меня, чтобы удостовериться, точно ли это я; потом, узнав меня, они разделились — один пошел вправо, другой влево, — и, подходя к разным личностям, что-то шептали им на ухо, после чего ушли. Когда кончился первый акт оперы — это была *Борджиа*, — справа от меня раздались крики: “*Чезер! Чезер!*”, а слева — “*Так, так, Чезер*”, и это продолжалось несколько времени; минуты две или три спустя пришел опять молодой господин, как будто один из прежних двоих, и привел с собою мальчика, который прыгал и смеялся от удовольствия. Он указал мальчику место на скамейке рядом со мною, остававшееся до сих пор незанятым, а сам ушел. Посидев три или четыре минуты, мальчик начал кричать: “*Вот он здесь!*” При таком нахальстве я готов был надеть глупостей, но, зная, что в настоящую минуту это было бы слишком большой неосторожностью, смолчал и притворился, будто эти оскорбления** относятся не ко мне. Между тем начался второй акт, и ко мне

* Вот почему нельзя было найти свидетелей, которые бы подтвердили, что он действительно страдал манией преследования.

** Подобно тому как Фарина употребляет некоторые слова в особом, ему только понятном смысле, точно так же он по-своему истолковывает слова окружающих, а потом основывает на этих словах представляющиеся ему галлюцинации и бред преследования. Причины того и другого явления одинаковы.

подсели какие-то крестьяне; самый смысленный из них, сидевший рядом со мной, начал расспрашивать меня о содержании оперы, как будто стараясь вовлечь меня в разговор; но я понял их замыслы и отвечал односложно, чтобы отделаться от них. По окончании оперы я встал первый; тогда мой сосед-крестьянин ударил кулаком по левой руке своего товарища, и тотчас же все поднялись с мест, ничего не говоря, но с намерением последовать за мной. Я кое-как ускользнул от них, но, спустившись с лестницы, заметил в коридоре молодого человека высокого роста, который стоял неподвижно и будто хотел загородить мне дорогу. Однако я успел-таки выскользнуть на улицу. В этот вечер в голове у меня бродили самые безумные мысли и мне хотелось сцепиться с кем-нибудь не на живот, а на смерть. Тут я вспомнил о человеке, ожесточеннее всех преследовавшем меня, — о молодом носильщике, служившем у старухи Ж., которая была главою заговора, и решил отыскать его. Наступила уже полночь; я отправился совершенно один по улице, называемой Мулли, и в некотором расстоянии увидел трех или четырех парней, в полнейшем безмолвии поджидавших кого-то. У меня явилось подозрение, что среди них находится тот, кого я ищу, и я стал следить за ними, осторожно ступая и скрываясь насколько возможно; но когда я сообразил, что, может быть, им нужно именно меня, они вдруг исчезли, и я их не видел более. Для защиты, в случае нужды, у меня ничего не было, кроме ключа от двери, но я находился в этот вечер в таком настроении, что не побоялся бы никакого силача! Поэтому я направился в полном молчании к салотопенному заводу; постояв немного напротив него, я вдруг услышал шаги с той стороны, откуда сам пришел. Я немножко обождал, — оказалось, что это солдат, который прошел мимо, даже не взглянув на меня. Я в эту минуту был до того склонен видеть во всем тайну, что бросился вслед за ним, но скоро потерял его из виду. Подождав немного, я увидел молодого человека среднего роста, шедшего мне навстречу, но он тоже не посмотрел на меня и, повернув к воротам, скрылся за первой дверью налево. Вокруг меня

снова настала полнейшая тишина, и я продолжал стоять на своем посту. Тогда мне пришло в голову, что если тот, кто меня ищет, потребует с помощью свистка ключи от двери у родителей Ж., то я не в состоянии буду выполнить своего намерения, поэтому я пошел домой и лег в постель. Он не заметил моей уловки, и несколько дней все было тихо; но потом он опять появился, а с ним вместе и его товарищи, так что мало-помалу это сделалось невыносимым: не только вечером, но даже в продолжение дня их пение и ругательства не давали мне покоя. Между тем я страдал ужасно, потерял даже аппетит, кашель мучил меня днем и ночью. Нужно заметить, что в тот день меня терзало не только это нахальство, но, с позволения сказать, дрожание всего тела, ни на минуту не прекращавшееся. Оскорбленный во всех моих преимуществах* столькими преследованиями, я кружился по комнате *в бешенстве*, в бреду, *будто лишившись рассудка*, и был до того поглощен одной ужасной мыслью, что почти не сознавал, что со мною делается. Наконец я собрался лечь в постель, но так как она оказалась еще не приготовленной, то я начал думать о тех необыкновенных событиях, причину которых был не кто иной, как старуха Ж., и решил отомстить ей за себя во что бы то ни стало. Вооружившись кухонным ножом, я отправился к моей противнице, как вдруг, дойдя уже до улицы Ровелекка, вспомнил о правосудии и начал колебаться, но тут я увидел Заса, приятеля Ж., выходящего из их дома и посмотревшего на меня; тут я не мог уже более сдерживаться, и какой-то инстинкт мести овладел мною... Когда я вошел в лавку, старуха вышла мне навстречу... и я отомстил.

Чтобы не запутаться в подробностях, упомяну только, что я пришел в себя уже за миланскими дорогами. Продолжая бежать, я заметил, что в некотором расстоянии за мною гонятся мои враги. В руках у меня был тот же нож,

* Это слово тоже употреблено в особом смысле. Обратите внимание на физическое расстройство, идущее параллельно с психическим, и на несомненные доказательства, что у мономаньяка может быть сознание собственного бреда.

и какой-то инстинкт понуждал меня вернуться; но, опасаясь наделать новых преступлений, я порешил идти дальше. Описать это путешествие невозможно, так как я многое перезабыл. Добравшись до железной дороги, я повернул вправо, чтобы сесть на поезд на станции Чертоза; но, хотя у меня совсем не было сил и мне очень нездоровилось, я пришел к станции, когда часы только что пробили девять. Ждать приходилось слишком долго, тогда как надо было уехать поскорее. Вечер был холодный, погода дурная, я с трудом шел по дороге, и мною овладело такое изнеможение, что я прилег на куче щебня. Но едва я заснул, как мне показалось, что меня по той же дороге преследуют конные карабинеры. Я вскочил и осмотрелся кругом, топот как будто прекратился, я отер пот со лба и двинулся дальше. С поля какой-то голос кричал мне: “Чезер!.. Чезер!.. — но я догадался, что это был обман чувств, тем более что влево от меня, т.е. на миланской дороге, слышались настоящие голоса моих противников, кричавших мне те же дерзкие слова, как и раньше, и гнавшихся за мною. Убедившись, что первый голос был просто следствием моей слабости*, я, насколько было возможно, собрался с силами и продолжал путь. Не сумею определить, как я чувствовал себя тогда и что именно — сонливость или утомление — угнетало мои чувства, но факт тот, что позади меня сверху слышалось мне адское пение, и среди этих голосов всех громче раздавался голос убитой мною Ж. Когда же я в бешенстве оборачивался, стараясь показать, что не боюсь ее преследований, она исчезала вдали за лесом, и песня ее замирала мало-помалу**. Когда это видение прекратилось, мне представился шаг в 20 какой-то призрак громадных размеров, который, пристально посмотрев на меня, скоро

* Странно, что одни галлюцинации он считает результатом бреда, а другие — нет.

** Недюжинное красноречие! Поклонники риторики могут убедиться отсюда, что хорошо пишет не тот, кто тщательно отделяет каждое выражение, но лишь тот, кто много чувствует. Здесь сила и, так сказать, дикая красота слога растут по мере возрастания энергии и напряженности испытываемых автором под влиянием ужаса болезненных и нормальных впечатлений.

исчез, и я пошел дальше. Потом, услышав, что поезд приближается, я по возможности удалился от рельсов и прилег, чтобы не быть замеченным. При виде удалявшегося поезда я подумал, как приятно было бы мне находиться на нем; но вскоре мною овладела тяжелая мысль, что я утратил свое счастье вследствие низости, из-за которой должен так страдать, и отчаяние заставило меня быстро пойти вперед. По временам мне казалось, что я вижу какие-то деревья с взобравшимися на них людьми, которые смотрят на меня, а иные даже и склоняются передо мною, но стоило мне устремить на них пристальный взгляд — и они исчезали. Один только адский голос не переставал меня преследовать, и, даже когда я оборачивался, он, казалось, противостоял моей бешеной настойчивости и то раздавался вдали, то, как будто удаляясь, слышался громче прежнего, между тем как я продолжал путь. При одном повороте дороги — не знаю, в глазах ли у меня потемнело, или небо заволокло тучами, но факт тот, что я стал плохо различать дорогу, беспрестанно натыкался на препятствия и должен был идти по самой середине ее, где она была очень неудобна. Сон и усталость одолевали меня, холодный пот на всем теле заставлял плотнее заворачиваться в плащ, чтобы не схватить простуды, я пробовал прилечь, закутавшись, между кучами щебня, насыпанными вдоль дороги, но боялся довериться сну, который тотчас же овладевал мною. Видения исчезали, когда я опускал голову, и снова появлялись, как только я поднимал ее.

Наконец показался огонек в будке сторожа, и это несколько ободрило меня. Когда я постучал в окно, сторож спросил, что мне нужно, и я едва мог возвысить настолько голос, чтобы попросить у него воды. Он вышел и налил мне две кружки. Затем я спросил его, далеко ли еще до Милана, и он указал мне ближайшую дорогу. Я поблагодарил этого человека и снова отправился в путь. Вода подкрепила мне только желудок, но не силы, так что я с большим трудом добрался наконец до города, где и приютился в гостинице с намерением пролежать весь день в постели, а вечером *уехать в Швейцарию*. Там, как я наде-

ялся, мне уже нечего будет опасаться преследований со стороны полиции. Но когда я лег в постель и пролежал с шести до девяти часов, то убедился, что мне невозможно не только заснуть, но даже остаться спокойным. Поэтому я изменил свой план и, так как хозяйка не пожелала взять меня на свое попечение, отправился в Главный Госпиталь. Едва только оправившись и еще не выздоровев хорошенько, я вернулся на родину в восемь с половиною часов вечера и тогда же явился в полицию.

Воспоминания

о времени, проведенном в тюрьме, и о живых сновидениях

В три часа ночи меня препроводили из полиции в Павианскую тюрьму. Я вошел в камеру, где уже было человек пять или шесть арестантов. Мне дали короткий соломенный тюфяк без подушки и одеяла, причем надзиратель сказал, что завтра принесет одеяло, и ушел. Я лег на эту постель не раздеваясь, тщательно укрылся плащом и тотчас же заснул. Во сне мне показалось, что я вижу свет как бы надо мною и слышу голос, говорящий мне: *“Ты выдал себя”*. Тут я проснулся. Вскоре начало светать, один из заключенных встал, умылся и, посмеиваясь, принялся вязать чулок. Потом и остальные поднялись поодиночке, стали расхаживать по камере и обращались ко мне с вопросами, как будто с целью узнать, за что я арестован. Но у меня совсем не было охоты разговаривать, и, чтобы отвязаться от их любопытства, я встал, умылся, оправил свой мешок, набитый соломой, и снова лег, сделав вид, что хочу спать. Заметив, что я озяб, кто-то из арестантов набросил на меня свое верхнее платье и сказал: *“Возьми, бедняга, укройся, если тебе холодно”*. Между тем наступило время раздачи хлеба; отворив окошечко над дверью, надзиратель спросил: *“Сколько вас?”* — на что ему отвечали: *“Нас теперь шестеро, одного привели сегодня ночью”*. После этого мне дали хлеба, как и всем остальным. Так как я еще не совсем оправился после болезни, то подумал, что не стану есть этого хлеба, черного и сухого; но у меня явился аппе-

тит, и я начал есть. Немного погодя пришел надзиратель с каким-то господином — после я узнал, что это был директор тюрьмы, который сказал, что переведет меня в другую камеру. Когда я пошел за ним, он спросил, по какой причине меня арестовали, и я, не зная, зачем предлагается мне этот вопрос, отвечал, *что вчера вечером уже объяснил в полиции*. Тогда он, как будто желая дать мне понять, что еще не поздно отказаться от прежних показаний, заметил мне: *“Но ведь говорят, что убийца был выше тебя ростом и с более густыми усами, чем у тебя”*. Однако я не поддался его уловке, с нетерпением повторил то же самое и вошел в другую камеру, № XI. Пятеро заключенных в ней арестантов оказались весельчаками, и я почувствовал себя несколько бодрее, заметив, что все они почти одних лет со мною. Так прошли целые сутки, а на следующий день меня потребовали к допросу, привели в какую-то комнату и посадили на заранее приготовленный складной стул. Тут мне *с болью в сердце пришлось вынести новый позор*, когда караульный надел мне на ногу цепь, укрепленную в стене. Три или четыре минуты я оставался один в полном молчании, затем вошел судебный следователь в сопровождении секретаря, который сел за стол, а судья остался на ногах; в то же время вошли двое господ — доктора, как я узнал впоследствии, — и, опершись о стол, помещенный с правой стороны, начали пристально смотреть на меня, а вслед за ними пришел еще один господин, незнакомый мне, но, по-видимому, тоже следователь. Они начали разговаривать между собою, показывая друг другу футляр от ножа, причем господин, которого я принял за другого следователя, сказал: *“Да, но он должен быть меньше ростом”*. Окончив разговор, все ушли, бросив на меня довольно сочувственный взгляд, но вскоре вернулись опять и стали в прежнем порядке, т.е. следователи с левой стороны, а врачи — с правой. Следователь начал допрос, и я отвечал точно так же, как и в полиции, нисколько не изменяя своих показаний. После этого врачи удалились, а вслед за ними скоро ушли следователи и секретарь. Я оставался один минуты три или четыре, затем явились караульные и, освободив

мне ногу из цепи, отвели меня обратно в камеру. При входе моем товарищи ожидали услышать от меня рассказ о подробностях допроса, но я не чувствовал никакого желания разговаривать и молча лег на постель: тогда они начали петь, как бы с целью отвлечь меня от мрачных мыслей. Так прошли сутки, а на следующий день меня посетил тюремный доктор, который, пощупав мне пульс, многозначительно произнес: *“О, это ничего, ничего!”* При других я не показал, что понимаю этот намек; поэтому доктор зашел вторично, когда со мной сделалась легкая лихорадка, и, чтобы я лучше понял его, обратился ко мне с вопросом: *ел ли я*, на что я отвечал: *да*. Потом он спросил: *много?* и, получив ответ: *да, много*, снова повторил: *“О, это ничего, ничего!”*. Предполагая, вероятно, что я все еще недостаточно понимаю, в чем дело, доктор для моего успокоения заручился еще содействием профессора Скар., который однажды в сумерки, под предлогом посещения заключенных, зашел и в нашу камеру. Через посредство сопровождавшего его надзирателя он спросил, не желает ли кто посоветоваться с доктором. При входе он и не взглянул на меня, как будто я совершенно незнаком ему. Так как желающих не оказалось, то я подошел с просьбой полечить меня от боли в горле. Осмотрев его, профессор сказал мне, очевидно, с целью не дать ничего заметить окружающим: *“Ах! да, у тебя испорчен зуб!”* — хотя этого совсем не было. Затем, желая еще яснее показать свое участие, он прибавил: *“Ничего, ничего!”* — и поспешно ушел, убежденный, что я понял его. Хотя я и раньше не особенно тревожился насчет моего положения, но теперь я стал надеяться на успех. Между тем врачи, присутствовавшие при допросе, заходили иногда, чтобы расспросить меня о разных подробностях; они, по-видимому, тоже разделяли мои надежды. В одно из посещений этих докторов я заметил, что они, вместо того чтобы войти в камеру, вызвали через надзирателя одного моего товарища по заключению и начали с ним разговаривать в коридоре. Я догадался, что речь идет обо мне: они спрашивали, как я говорю, хорошо или дурно, не путаюсь ли в словах; ответов арестанта мне не было

слышно. Когда он вернулся, вызвали другого, с которым велся такой же разговор, потом позвали меня; мы ходили по коридору и разговаривали минут восемь или десять, после чего врачи ушли, а я возвратился к себе в камеру.

Так как нас осматривали каждый вечер, то *после этого посещения я вздумал притвориться сумасшедшим, скорее по совету других, чем по собственному желанию*, хорошо сознавая, что это делается для уничтожения всяких последствий. Поэтому я решился проделывать глупости во время осмотра после полуночи. При входе надзирателей я вскочил как бы вследствие неожиданности и, посмотрев на дверь, где стоял помощник смотрителя, спросил его: *“Не приходил ли за мною дядя, так как я хочу бежать, и мы условились с ним, что он придет взять меня”*. Не ожидая такого вопроса, караульный отвечал: *“Он придет завтра”*, но я продолжал: *“Нет, мы уговорились, что сегодня”*. Он больше ничего не сказал, а надзиратель, у которого была свеча в руках, близко подошел ко мне, чтобы внимательнее посмотреть на меня; я взглянул на огонь, закатив глаза, как будто я еще не проснулся; потом они ушли, и наутро явились врачи-эксперты, как мне сказали про них. Надзиратель отпер камеру, и они стали ходить по коридору и предлагать мне вопросы, на которые я отвечал всяким вздором, какой только мог придумать*. Походивши несколько времени, мы зашли в комнату, где меня допрашивали, и уселись все трое; тогда врачи велели мне снова дать показания относительно совершенного мною преступления, а потом, после небольшого перерыва, спросили меня, знаю ли я господина Викарио, проф. Скаренцио и проф. Платнера. На этом допросе я с помощью моих покровителей-следователей выбрал себе троих адвокатов и потому стал надеяться на полный успех.

Заметив, что товарищи мои, просыпаясь утром, тотчас же начинали рассказывать друг другу свои сны и радовались иногда, что эти сны предвещают им хороший исход дела, я сказал: *“Это вздор, чтобы сны могли предска-*

* Обратите внимание на это чрезвычайно любопытное подробное описание собственного притворного помешательства.

вать какой-нибудь успех в наших делах". Тогда один из заключенных рассказал мне, что когда он раньше сидел в другой тюрьме, то увидел однажды сон, и что бывший в той же тюрьме старик не только назвал этот сон хорошим, но даже на основании его предсказал заключенному скорый выход из тюрьмы и вместе с тем посоветовал ему быть осторожнее, так как он рискует снова попасть в нее. Все действительно так и случилось: на следующий день заключенный был освобожден даже без судебного разбирательства, а через 24 дня его опять арестовали. После этого я стал обращать внимание и на мои сновидения*. В первую же ночь я, сознавая, что сплю, увидел под моим окном сад; вдруг пошел снег, при виде которого я сказал себе: "Вот зимою не было снега, а теперь, когда уже весна близка, снег идет большими хлопьями". Поутру я рассказал свой сон товарищам, и они истолковали его в том смысле, что теперь суд рассматривает мои бумаги. Но я объяснял себе это иначе.

На следующую ночь мне приснилось то же самое: снег шел такой сильный, что ветром его заносило даже в окно, и я с кем-то разговаривал об этой новости. В другой раз я увидел, что идет дождь, и едва только он перестал, как пошел снег, и его напало много. Проснувшись поутру, я узнал, что действительно ночью был дождь, но я не мог этого слышать из нашей камеры. Еще мне приснилось, что я стою на берегу реки Тичино, в которой вода сильно поднялась, и я очутился на деревянном, плохо устроенном мостике через нее, держа на руках девушку с точно такими же глазами, как у дочери Ж. Она пристально смотрела мне в лицо, а я нес ее с некоторым удовольствием; перейдя мост и повернув налево, я очутился на маленькой площади, потом пошел в улицу Ровелекка, где была лавка Ж.

* Из этого видно, что, кроме сновидений, всегда отличающихся у помешанных крайней живостью, нужен еще особый стимул — подражание, чтобы заставить их, вопреки логике и разуму, придавать значение тому, что прежде казалось им не стоящим внимания. Подобный же случай был с Кардано, который отрицал существование духов, а потом начал верить, что он сам одержим каким-то духом или гением.

Не найдя там никого, я направился к Боргоратто, где увидел мелочную лавку, из которой младшая Ж. вышла навстречу своей сестре. В другой раз мне приснилось, будто я хожу по огороду, совершенно запущенному; когда я спускался с какого-то холма, то увидел два срубленных под самый корень дерева, лежавших на земле; в то же время мне показалось, что я стою рядом с моей двоюродной сестрой и подаю ей двух или трех зябликов, которых она принимает молча; тут же я увидел множество птиц, больших и маленьких, иные из них лежали на земле; меня в особенности поразила одна большая птица, казавшаяся совсем мертвой. Гуляя по этому огороду, я будто бы поднял одну живую птицу, не очень большую, но чрезвычайно тяжелую, и, держа ее в правой руке, левой начал гладить, причем птица стала вырываться от меня; я старался ласками удержать ее и даже положить ей в клюв свой палец, причем она осталась спокойной и кроткой, точно ангел, только все хотела улететь. Потом, обернувшись, я увидел смотревшую на меня хозяйку дома и отдал ей птицу, которую она взяла, с улыбкой взглянув на меня, после чего я ушел.

Кроме того, мне снилось, что я нахожусь в той самой комнате, куда привели меня по выходе из сиротского дома. Я стоял, прислонившись к моей постели, поддерживая голову рукой, точно размышляя о чем-то, и не спускал глаз со входной двери; через несколько времени из комнаты слева вышла женщина, державшая в руках суконный халат, и предложила мне взять его, чтобы нарядиться в костюм сумасшедшего; при этом я хотел закричать, но не мог, а она продолжала настаивать; я же, делая тщетные усилия вскрикнуть, догадался тогда, что сплю, и мне сделалось страшно от мысли — уж не отнялся ли у меня язык. Наконец я проснулся и так громко закричал *нет*, что товарищи подбежали ко мне, спрашивая, *что случилось*, и я окончательно проснулся.

В другой раз мне приснилось, что я иду рядом с каким-то человеком, который несет гроб на плечах, и мы разговариваем довольно мирно. Переходя площадь госпиталя, мы повернули к дверям моей квартиры, где слева было окно в

погреб, но без решетки; тогда спутник мой вдвинул гроб в это окно таким образом, что только один конец его виднелся в отверстие; затем мы расстались: я вернулся по прежней дороге, а он пошел в ту улицу, что была напротив дверей.

Вначале мне жилось не особенно дурно, как вдруг из моей камеры взяли одного заключенного и заменили другим. При взгляде на этого человека мне показалось, что это должен быть мой враг, что и подтвердилось потом. Так как я имел обыкновение обмениваться несколькими словами с нашим смотрителем и его помощником во время их посещений, то вновь прибывший, заметив это, сказал мне: *“Значит, дела идут недурно”*, как бы желая намекнуть, что я буду освобожден. Но я не обратил внимания на такое его преимущество, что ему очень не понравилось, и он стал пугать меня тем, что я нахожусь во власти итальянцев, говоря мне: *“Попался наконец и ты в руки твоих палачей!”* — *“Почему же они палачи?”* — возразил я. — *“Разве у нас нет правосудия?”* — *“Правосудия, — вскричал он, смеясь, — вот если бы пришли к нам австрийцы, тогда бы у нас было правосудие!”* — *“Что же, разве в Австрии преступников не наказывают смотря по степени их виновности?”* — спросил я. *“Хоть и наказывают, да не так скоро, как здесь, где осуждают людей без достаточных улик!”* — отвечал он. При этом я подумал про себя: а вы, верно, мастера скрывать свои мошеннические проделки*. Другой заключенный, родом из Павии, тоже прибавил: *“Да, да, итальянцы — такая сволочь, что осуждают даже без улик”*. Потом принялся рассказывать свое прошлое, сколько раз он был осужден и, присоединившись к моему первому собеседнику, вместе с ним стал хвалить Австрию. Разговор их окончился пожеланием, чтобы австрийцы снова пришли к нам.

В эти дни даже в тюрьме распространился слух о том, что начались военные действия. Потому-то заключенные и волновались так, рассчитывая, что когда австрийцы снова завладеют страной, то сейчас же отворят все двери тюрь-

* Какое странное противоречие! Помешанный оказывается нравственнее здравомыслящих преступников.

мы. Я возразил на это: *“А в случае, если победа останется на стороне итальянской армии, разве вы не надеетесь получить снисхождение?”* — *“Как же, дожидайся снисхождения от итальянцев!”* — отвечали мне товарищи. — *“Теперь, когда ты попался к ним в лапы, ты сам увидишь, что тебе не выбраться отсюда”*. — *“Да, да, это правда!”* — сказал я и таким образом положил конец этому неприятному разговору, не желая нажить себе врагов и в тюрьме.

Между тем, чтобы сократить время своего заключения, я стал делать по ночам еще большие сумасбродства в надежде на прекращение таким способом моих мучений. У меня при этом было только одно желание — увидеть докторов, так как никто больше ко мне не приходил, а я чувствовал потребность поговорить с рассудительными людьми. По временам стал навещать меня профессор Л. и своим доверчивым обращением очень успокаивал меня, но по окончании его визита мучения мои опять возобновлялись.

Около этого же времени я убедился, что и директор тюрьмы, посещавший нас, старался всячески ободрить меня. Войдя в камеру, он обращался ко мне с расспросами насчет моего притворного сумасшествия, делал вид, что верит мне, и уходил, радуясь за меня. Но однажды ночью я до такой степени неистовствовал, что караульный с досады начал даже грозить мне; тогда пришел профессор Л. и, отведя меня в сторону, посоветовал мне не делать сумасбродств и не стараться разбить себе голову, обещая и без того освободить меня.

Впрочем, я уже не сомневался в этом; но мне так надоели товарищи и те заключенные, с которыми приходилось встречаться на дворе во время прогулок, что с целью добиться их молчания я мешал им спать, поднимая ужасный крик после ночного обхода; таким образом я будил их, и они потом долго не могли уснуть снова. Тем не менее дни свои я проводил довольно печально: главным образом, тяжело мне было оттого, что раньше я всегда с ужасом думал о тюрьме и теперь никак не мог избежать подобного бедствия. Эти мысли приводили меня в такое бешенство и до того отуманивали мою голову, что я в

самом деле готов был помешаться*, если бы меня не поддерживало воспоминание о моих покровителях. К тому же я почти каждую ночь видел сны, и мне доставляло удовольствие разбирать их, причем мне всегда казалось, что они предвещают мне скорое освобождение.

Наконец вопрос о моей болезни должен был решиться; профессора-эксперты собрались все трое и стали испытывать мою силу, конечно, с целью найти в этом доказательство моей мнимой болезни. Суд, состоящий из “итальянской сволочи”, как выражались мои товарищи по заключению, распорядился приготовить экипаж, и в самый день Троицы двое каких-то господ, показавшихся мне чиновниками, потребовали меня через надзирателя. Тотчас же была отперта камера, и я последовал за надзирателем. Меня посадили в экипаж и привезли в больницу для умалишенных; тут спутники мои, раскланявшись, уехали, а я остался здесь, где мне лучше, нежели в тюрьме.

(В Павианском доме умалишенных, 22 ноября 1866 г.)

II

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОМЕШАННЫХ

(к VII главе)

Как я уже говорил раньше, в Пезарской больнице для умалишенных по моей инициативе был заведен дневник, род журнала, в котором помещались биографии душевнобольных и статьи, ими самими написанные. Впоследствии такого рода журналы велись и в других домах умалишенных — в Реджио, Палермо, Перуджии, Анконе, Неаполе и пр., так что материал, могущий служить подтверждением моей теории, накопился очень большой, и я теперь затрудняюсь, что именно выбрать из него. Однако попробую это

* Это выражение доказывает, что помешанный может сознавать себя сумасшедшим, и служит опровержением народного предрассудка, разделяемого и психиатрами, будто такого рода сознание является всегда признаком притворства больного.

сделать. Вот два номера “Газеты дома умалишенных” в Реджио за 1875 год. Там, между прочим, помещена биография одного бедняка рабочего, не получившего никакого образования, но под влиянием умопомешательства высказывавшего идеи, как будто заимствованные у Дарвина. Подобный же случай был и в моей практике с продавцом губок, о чем я уже говорил раньше. Привожу эту биографию целиком.

Дж. Р. из Модены находится у нас в больнице с 1850 года, хотя и раньше, должно быть, страдал умственным расстройством лет 16. Природа совсем не одарила его красивой наружностью. Рахитик, несколько сутуловатый, с плоским худым лицом, большими ушами, длинными ресницами, крупным крючковатым носом, как будто стремившимся поцеловать подбородок, и медленными движениями, — он вызывал невольную улыбку при первом же взгляде на него. Но, узнав его поближе, им нельзя было не заинтересоваться, так как вне припадков бреда речь его отличалась рассудительностью и остроумием.

Прошлое его осталось для нас темным. Мы знали только, что он холост, происходит из бедной чиновничьей семьи и как будто кое-чему учился. Помешательство у него было, очевидно, наследственное: мать его, 84-летняя женщина, страдала манией преследования, выразившейся в боязни, что ее изнасилуют или отравят. Сына своего она считала сумасшедшим, жалела его и справлялась о нем. Можно думать, что и у ней помешательство было наследственное, так как тетка ее с материнской стороны умерла в доме умалишенных, а дядя лишил себя жизни.

Сын унаследовал от матери не только самое сумасшествие, но и форму его. В молодости он, должно быть, либеральничал и попал на замечание или подвергся гонениям со стороны правительства герцогства Модены. Вследствие этого у него, вероятно, и явилась мания преследования, сопровождавшаяся слуховыми и зрительными галлюцинациями. Ему почти постоянно слышались какие-то ужасные звуки — грохот *разговорной трубы*, как он выражался, и представлялись ангелы, священники, женщины, кри-

чавшие ему на ухо, через трубы и рупоры, разные оскорбительные слова и угрозы. Большой называл их *шпионами инквизиции* и уверял, что с помощью таинственных гальванических нитей они распоряжаются всеми его действиями, так что он совершенно лишен свободы. Тщетно старался он избавиться от них, переменить место жительства — шпионы, напротив, сделались после этого еще злее и многочисленнее. Однажды бедняк увидел, как целые сотни их спустились из трещины потолка и начали дуть ему в уши с такою силою, что он в испуге убежал.

Впрочем, он говорил об этих видениях, только когда его спрашивали, да и то неохотно, как будто опасаясь даже упоминать о них. Обыкновенно он проводил целые дни, сидя где-нибудь в уголке с опущенной головой, спокойный, неподвижный и равнодушный ко всему окружающему.

Однажды я спросил его, не занимался ли он прежде каким-нибудь ремеслом, и, узнав, что он может точить, предложил ему приняться опять за это занятие. Он охотно согласился, особенно когда я обещал увеличить его порцию табаку и вина. Через несколько времени я поручил ему обучить токарному ремеслу одного глухонемого юношу, и он с успехом выполнил это поручение. Потом я попробовал привлечь его к участию в спектакле; но, хотя данная ему роль состояла лишь из нескольких односложных слов и вполне подходила к его характеру, бедняга не в состоянии был ее выучить — до такой степени ослабела у него память.

И однако же — кто бы мог подумать! — в этом больном, слабом мозгу созрела стройная, логическая философская система. Каким образом подобные идеи могли возникнуть и развиться в нечто цельное у такого субъекта — для меня осталось непонятным. Невозможно допустить, чтобы они явились у него до болезни: при своем ограниченном уме, при полном отсутствии научного образования и скудных познаниях разве мог бедный рабочий получить подобные идеи извне, живя в Модене, и притом 40 лет тому назад? Но еще невозможнее, чтобы они могли явиться и окрепнуть до непоколебимой уверенности уже после бо-

лезни, когда несчастный находился под влиянием галлюцинаций и бреда. Как бы то ни было, он оказался убежденным, последовательным материалистом. Долгое время никто из нас и не подозревал этого. Но однажды, совершенно случайно, когда кто-то употребил слово *душа*, наш больной совершенно спокойно заметил, что душа не существует. “В мире нет ничего, кроме материи и сил, ей свойственных, — сказал он, — мысль является в мозгу и составляет результат силы, подобной электричеству. Мир есть материя, а физическая материя вечна, бесконечна (не имеет ни начала, ни конца); исчезают только формы да индивиды: человек, как личность, после смерти превращается в ничто, а тело его претерпевает неизвестно какие изменения”.

“Чем же вы объясните появление человека на земле?” — спросили мы нашего больного. “Последовательными изменениями, — отвечал он, — сначала это был, может быть, простой червяк, который, после целого ряда изменений, сделался человеком (совершенно дарвиновская теория!). — Религии выдуманы попами, — продолжал он, — в политическом отношении лучшее правительство есть республика, а в гражданском — установление полигамии”. Вообще во всех его убеждениях сказывался строгий, последовательный, непоколебимый радикализм, что составляло странный контраст с его наружностью и болезнью.

Зимой 1882 года с ним сделался плеврит очень опасной формы. Сначала он приписывал все болезненные явления — кашель, боли, лихорадку — действию гальванических токов, посылаемых ему шпионами, но с усилением недуга чувство самосохранения взяло верх и заставило нашего радикала изменить своим убеждениям: он отрекся от материализма и выполнил все обряды римско-католической церкви, желая этим избежать возмездия со стороны конгрегации, наводившей на него невообразимый ужас. Но “шпионы” и “трубы” не давали ему покоя до самой последней минуты. Он умер 60 лет.

Затем в “Дневнике”, который велся в Сиене под руководством доктора Фунайоли, мы находим чрезвычайно любопытную для психиатров статью одного из сумасшедших,

Ф., “*Замогильные записки*”. Он описывает в них свою духовную жизнь после того, как “оставил человеческую оболочку, жил на земле в образе духа, странствовал по городам и деревням, поднимался над облаками и созерцал оттуда красоты природы во всевозможных ее проявлениях”.

Чтобы эта статья была вполне понятна читателю, нам следует предварительно познакомиться с ее автором. По своим убеждениям он крайний спиритуалист и совершенно отчетливо представляет себе, что душа, отделившись от тела, может жить самостоятельной, бессмертной жизнью, между тем как материальная оболочка испытывает различные превращения и разлагается. Он допускает награду и наказание для всех людей за их хорошие или дурные поступки, совершенные в течение кратковременного пребывания на земле. По его мнению, грешники осуждены скитаться по земле в образе духов, тогда как праведникам предоставлено наслаждаться блаженством и вечным спокойствием на одном из бесчисленного множества миров, наполняющих вселенную и называемых звездами. Сам он в качестве грешника, *тело которого совершенно погрязло в грехах*, после обезглавления осужден остаться на земле, но живет на ней без тела; видимая же для людей оболочка его есть только призрак, и он может подниматься на каждое облако, плывущее по небу. Голова его зарыта в Корсике, а тело покоится на кладбище в Пизе, поэтому он часто посещает это кладбище, где беседует с душами умерших или молится и плачет на своей могиле, чтобы отдать последний долг своему праху, который без этого остался бы неоплаканным. Там он остается подолгу, разговаривая с растущими на могиле фиалками, задавая им вопросы, на которые они отвечают то нежно, то презрительно.

Больной в настоящее время поправился настолько, что сознает уже себя состоящим из души и тела. Но, по просьбе доктора Фунайоли, он описал свое психическое состояние во время болезни. Это описание, помещенное в “*Дневнике*”, я и привожу здесь.

“Я умер! Да, ангел смерти спустился ко мне и нежно, точно любящая мать, отделив мою душу от тела, унес ее на

своей бесплотной груди. И вот, без страдания, без ужаса душа моя очутилась в пространстве, чтобы начать блаженное существование, в котором царствует вечный мир. О радость! Наконец-то я навсегда расстался с этим разлагающимся от грехов телом, с этой жизнью, где спокойствие существует только в книгах; подобно рабу, разорвавшему свои цепи и жадно вдыхающему свободный воздух, дотоле недоступный ему, душа моя могла поддаться теперь обаятельным снам и дышать чистым свободным воздухом беспечального и безгрешного существования.

Я много грешил и много страдал в жизни, но, подобно тому как усталый путешественник забывает все трудности пути, вернувшись под тихий родимый кров, я теперь пел от восторга при мысли, что мое странствование, мои тревоги кончены и прежние страдания не повторятся вновь. Однако я не совершенно покинул этот мир, нет, — я разговаривал, ел, пил, трудился, но это лишь так казалось, в действительности же я не ел, не пил и не работал. Смертные говорили о моем теле, как будто оно не было похоронено: они не знали, что это тело, употребляющее пищу и питье, было лишь один призрак, обманывавший их зрение. И какая разница между ними и мною! Тогда как я переносился с места на место, беспечно болтая и ни о чем не думая, преисполненный веселья и восторга, я видел их печальными, озабоченными или погруженными в тяжелые размышления. Тогда у меня являлась какая-то бешеная радость от сознания, что я уже не нахожусь среди них.

Я с величайшим удовольствием посещал кладбища и в особенности одно итальянское, где у меня было много знакомых, подобно мне уже не принадлежавших к этому миру. Я навещал их, и мы вели беседы, усевшись около какого-нибудь мраморного памятника, под тенью высоких кипарисов, или медленно, безмолвно бродили по кладбищу, погрузившись в наши радостные мысли.

Иногда, заведев над вершинами вековых кипарисов маленькое облако, окрашенное в разнообразные цвета последними лучами заходящего солнца и одиноко скользившее по безоблачному небу, мы летели к нему и, поместившись на

этом пушистом ковре, сиявшем всеми цветами радуги, смотрели оттуда на землю, любовались вечными красотами природы, которая совершенно равнодушно, бесстрастно относится к тому, как одни поколения смертных сменяются другими, точно волны на море. Мы смотрели также на голубые горы, поднимающие свои величавые вершины к самому небу или на расстилающиеся у их подошв холмы и долины, золотившиеся под яркими лучами заходящего солнца, как бы с сожалением покидавшего землю на целую ночь и на прощанье придававшего ей тысячи разнообразных прелестных оттенков. Над нашими головами раскидывался лазурный, вечный, спокойный небесный свод во всей его необъятности, тогда как издали до нас доносились чудные голоса ангелов, певших своему Творцу “осанна!” в благодарность за доставленное им счастье и спокойствие, мы присоединяли к их голосам свои собственные и, убаюканные приятными мыслями, засыпали там, наверху, вместе со всей природой, чтобы в грезах наслаждаться новыми удовольствиями.

Я часто ходил на свою могилу, которую сам убрал цветами, — мне приятно было видеть сквозь землю, как гниет мое тело. Я садился на могильный холм, брал в руки какой-нибудь цветок, например фиалку, целовал его и говорил: “О блаженный цветочек, получивший от Бога частицу чудного аромата, которым наполнено его небесное жилище, и сияющий той же чистой лазурью, которою Он одел небесный свод, скажи мне, желал ли бы ты изменить свою форму и, оставив свою рожицу, сделаться человеком?” На это цветок отвечал мне: “Для нас достаточно и той радости, чтобы в продолжение кратковременной жизни людей оживлять и наполнять своим благоуханием их жилища — как дворец короля, так и хижину крестьянина, а после смерти того и другого покрывать их прах своим веселым и ароматическим покровом. У нас нет желаний, но неужели ты, не помнящий себя от радости после того как перестал быть человеком, неужели ты думаешь соблазнить нас, чтобы мы променяли наше мирное, невинное существование на лихорадочную, бурную и греховную жизнь смертных?” Так говорил цветок, а я в это время думал:

подобно этой фиалке, обращающей свою головку к солнцу, я стану обращать свое лицо к Богу и наслаждаться лучами его вечной любви. Я оплакивал свою смерть на своей собственной могиле, полагая, что так как все мои близкие перемерли и не осталось никого, кто мог бы погоревать обо мне, то я обязан сам отдать этот печальный долг своему праху. Смертные часто смеялись надо мной, и я слышал, как они потихоньку называли меня сумасшедшим. Ты сам сумасшедший, о человек, рожденный женщиной, думал я тогда, ты, дрожащий от страха при одном только имени твоей истинной единственной освободительницы — смерти, которую ты изображаешь в ужасном виде, хотя она так прекрасна, хотя она-то и есть настоящая жизнь. Да знаешь ли ты, что твое существование есть не что иное, как постоянная смерть, а моя смерть вечная жизнь?

Я путешествовал, видел Пизу, Ливорно и другие города, побывал также во Флоренции, которую я знал прежде, когда чужеземные солдаты гордо ходили по ее прекрасным улицам и площадям, когда она с распростертыми объятиями принимала своего короля, честного человека (Galantoumo), точно влюбленная невеста, встречающая своего жениха, и, наконец, когда она страдала и горевала о том, что в этой борьбе из-за любви победа осталась на стороне ее надменного соперника — Рима. Пока я путешествовал, смертные укоряли меня в пренебрежении к моим делам, говорили, что я только даром ем хлеб и пр. Но могли ли они понять, что для меня пища, одежда и пр. все это ничего не значило, что душа моя находилась в слишком блаженном состоянии, чтобы заниматься делами, к которым я теперь относился равнодушно”.

В той же “Хронике” есть прекрасная поэма в стихах, написанная одной больной дамой, у которой поэтическое вдохновение появилось именно во время пребывания ее в доме умалишенных. Факт этот настолько любопытен для изучения психиатрии, что я считаю нелишним привести здесь коротенькую биографию этой дамы.

Госпожа X., по характеру очень живая особа, 45 лет, замужем и любит своего мужа. Мать ее была чрезвычайно

нервная женщина, и с девушкой еще до наступления зрелого возраста случались истерические припадки. Воспитание г-жа Х. получила серьезное, разумное, занималась изучением французской и немецкой литературы и всегда отличалась кротким характером. Замуж она вышла 21 года, благополучно родила двоих детей, третьего выкинула, но за все это время истерические симптомы не усилились и физическое здоровье нисколько не пострадало. Довольная собой и своим общественным положением, она жила спокойно, любимая мужем, детьми, вообще как счастливая семьянинка, и жаловалась только на один болезненный признак — слишком большую чувствительность.

Затем у ней вдруг без всякой причины прекратилась менструация, что продолжалось более четырех месяцев, после чего ее чаще обыкновенного стал мучить истерический клубок и вместе с тем в ее характере и привычках произошла значительная перемена: она сделалась раздражительной и начала страдать бессонницей. К этому вскоре присоединились часто повторявшиеся припадки судорог истерического характера; больная жаловалась, что не может, как прежде, заниматься умственным трудом и что не чувствует уже прежней любви к мужу и детям; она часто придиралась к ним, обижала их, без всякой причины впадала в бешенство, отказывалась от пищи, и только после подобного припадка ажитации, продолжавшегося несколько часов, к ней возвращалось прежнее спокойствие, хотя признаки извращения чувств и аффектов оставались по-прежнему.

Когда ее поместили в больницу, она волновалась в продолжение нескольких дней, но потом, по-видимому, успокоилась, так что ненормальное состояние ее можно было заметить только по двум важным болезненным признакам — бессоннице и галлюцинациям. Последние проявлялись у больной крайне своеобразно: всякий раз, когда она лежала в постели с открытыми глазами, как будто погруженная в религиозные размышления, ей вдруг слышались голоса детей, и она начинала звать их, кричать, метаться в постели, затем впадала в страшное бешенство, сопровождавшееся обильным потом. Она не узнавала си-

делки, называла ее именем своей прежней горничной, приказывала ей приносить разные вещи, бывшие у ней в доме, и посылала с разными поручениями к мужу, к детям и пр. По окончании галлюцинаций она как бы просыпалась от сна и не помнила, что с нею было; только иногда продолжала воображать себя дома и удивлялась, видя вокруг себя незнакомые лица. Случалось, впрочем, что галлюцинации бывали непродолжительны и не особенно рельефны, — в таком случае у больной, даже во время припадка, являлось сознание обманчивости своих представлений.

Днем галлюцинации хотя и появлялись, но редко; зато гораздо чаще бывали в это время истерические припадки, в особенности появление клубка, а также конвульсии, головные боли, нервная боль в желудке и пр.

Во время этих припадков, от которых больная вылечилась потом, она и написала поэму “Сиена”, помещенную в *“Хронике Сиенского дома умалишенных”* за 1881 год.

Но особенный интерес представляет *Дневник дома умалишенных в Пезаро*, так как это — первый из подобных журналов в Италии, который ведется исключительно душевнобольными (с 1872 года). Поэтому он может служить неисчерпаемым источником по части, так сказать, френопатической литературы. В ней преобладают автобиографии и биографии, написанные иногда чрезвычайно цветистым языком. Вот, например, как изображает свое душевное состояние один молодой человек, страдающий манией самоубийства и нравственным умопомешательством (*mania morale*), что не мешает ему, однако, быть талантливым живописцем:

Противоволя (*La controvollonta*)

Противоволя — ужасная вещь, и я могу говорить о ней по опыту, слишком даже горькому, потому что она отняла у меня всякую прелесть от окружающего мира и превратила мою спокойную, приятную прошлую жизнь в тяжкое и мучительное бремя. Вот о чем, в сущности, идет речь: чтобы действительно жить в этом мире, для человека недостаточно только есть и спать, ему необходимо также руководить своими способностями, нужно иметь цель в жизни и нахо-

дить удовольствие в своих занятиях. Но с трудом влачить жалкое существование, не принимая никакого участия в радостях жизни, не стоит — в тысячу раз лучше умереть или утратить всякое самосознание. Именно такая история случилась и со мной. Привыкший к тихой и спокойной жизни, я вдруг увидел себя вовлеченным в водоворот жестоких страданий; бедный мозг мой, потрясенный такой нелепостью, отказался работать, как прежде, я не мог уже свободно рассуждать о моих делах и отсюда-то именно родилась противоволя, или стеснение естественной свободы человека, невозможность работать и действовать, точно какая-то материальная сила связывает индивидуальность. У меня нет теперь достаточной власти над собою, чтобы дать моим поступкам желательное для меня направление, вследствие чего являются страх, тоска, отвращение к жизни. Вначале я чувствовал какое-то неопределенное беспокойство, мучительную тяжесть, затем эта сила росла, становилась все могущественнее, настойчивее, так что наконец уничтожила во мне всякое довольство и заставила проводить время в самой томительной скуке. По ночам я не мог спать, засыпая обыкновенно на час или на два, а дни сделались для меня мучительным препровождением времени, так как я решительно не знаю, что делать с собой, куда приклонить голову, какое направление дать моим мыслям, — и все по милости противоволи. Я слышу разговоры о семейном счастье, о душевном спокойствии, об удовлетворении самолюбия, о взаимной привязанности между людьми, но сам я не могу испытывать ничего подобного; медленно измеряю я часы, и вся моя забота состоит в том, чтобы скучать по возможности меньше. Поэтому я попросил бы произвести сильную реакцию в моем мозгу и позволить мне увидеться с семьей. Благодетельное потрясение могло бы принести мне громадную пользу: жестокое душевное волнение погубило меня, другое волнение, только в ином роде, могло бы спасти меня. Я уже столько лет не видел своей семьи, и господин директор понимает, как это неприятно. Если я делал какие-нибудь несообразности, то это зависело от злого рока (*fatalita*), во власти которого я нахожусь, а не от моего характера,

всегда считавшегося превосходным, что также следует принять в соображение.

Л. М. № 110.

Далее, в высшей степени оригинальны сделанные большими описания своих товарищей, как, например, следующий очерк, вышедший из-под пера бывшего судебного пристава, страдающего душевным расстройством и галлюцинациями. Несмотря на это, он не только поэт, но еще и хороший пианист и вообще составляет крупную литературную силу между сотрудниками этого замечательно интересного журнала.

Наблюдения над окружающими

Я провел почти всю зиму среди помешанных и потому имел возможность сделать несколько наблюдений над привычками и поведением некоторых из них. Полагая доставить этим удовольствие нашему начальству, я вздумал в точности описать их, насколько позволяют мои слабые силы, и чтобы пристыдить У., который говорит, что если бы я прочел свою статью вслух, то ее приняли бы за одно из тех объяснений, какие даются проводниками по сералам. Кто наиболее заслуживает внимания, так это один субъект, вечно стоящий неподвижно, прислонясь к стене, — зовут его С. Другой постоянно покрыт грязью с головы до ног и целый день с наслаждением возится в нечистотах. Третий, некто Л., чрезвычайно толстый, только и делает, что трет себе голову одной рукой. С. вечно потирает руки и непрерывно ходит по одному направлению, 10 шагов вперед и 10 шагов назад, причем кричит, призывая всех святых. Другой неподвижно сидит на месте, вертит головой и часто улыбается. Некто С. П. постоянно толкует о своих миллионах, о фабриках и машинах, которые он устроит по выходе из больницы в январе 1875 года, как ему кажется, хотя он, вероятно, очень скоро отправится в страну, где нет ни печали, ни воздыхания, так как разбит параличом. Кривой Б. забавляется целые дни тем, что трет два камешка один о другой и при этом вечно бормочет что-то себе под

нос. Некто М., отставной моряк, говорит громким голосом, воображая себя на корабле, готовом отправиться в дальнее плавание. С. считает себя командиром полка и делается похожим на зверя, когда ему противоречат, в особенности когда кто-нибудь шутя скажет, что на него хотят надеть намордник. Другой, по прозвищу Италия, всегда выпачканный сажей, кричит целый день и быстро ходит, потирая себе голову обеими руками, вертится и произносит слова “стой! стой!”. Некто П. воображает себя важным господином и рассказывает, что у него есть множество обширных поместий; он потихоньку уходит каждую ночь и возвращается утром из дальних странствий. Некто Х., прозванный горбуном, известен за интригана и лжеца и представляет настоящий тип Вискарделло или Риголетто, — он вечно старается обмануть всех и питается одними пирожками. Луна — это старый обжора, который никогда не может насытиться; у него есть склонность к воровству, и он крадет что попадется, но в особенности платки. Он считает себя блаженным Джироламо. Некто Романо, бывший в военной службе, грязен с головы до ног и тоже склонен к воровству. М. прогуливается в одиночестве, уверяет, что он теперь связан, а когда узы эти разрешатся, думает улететь в Елисейские поля, в чистилище, в ад, вообще куда ему захочется. Дон В. держит себя гордо и величественно, воображая, что он — Папа Римский, именующийся Силеном Первым, и горе тому, кто вздумал бы оспаривать его могущество. Он рассказывает, что заключен сюда своими врагами, но что вскоре он отправится в Рим, где его встретят со всею помпою, подобающе римскому первосвященнику. Антонио, несносный болтун и ненасытный обжора, тоже не прочь украсть, что плохо лежит, и хлопочет только о том, как бы поесть, покурить и поиграть. Некто Ф., лет пятидесяти, долгое время остается спокойным, потом с ним делается бред, он в бешенстве ходит по коридорам, говоря, что не желает идти укрощать бури, и в конце концов начинает спокойно играть камешками. В. Р., впавший в совершенно бессмысленное состояние, вечно грозит убить всех, но не убивает даже блохи. Один тос-

канец, весьма склонный к онанизму, кричит во все горло, что его голод неутолим, хочет обидеть всех, но никто на него не обижается, и всех называет могильщиками; он воображает, что ест вдвое против других. Л., бывший прежде живописцем, говорит мало, но если примется рассуждать, то сам черт ничего не разберет. Б. Л. прислонится к стене и стоит по целым дням, не говоря ни слова. Л. представляет из себя министра или депутата, целый день беседует с воображаемыми личностями, а в конце концов перевязывает себя чулком, повторяя это 70 или 80 раз в день. Наконец, М. воображает себя Наполеоном I, каким-то великим талантом, героем и всегда хочет поставить на своем; у него есть дурная привычка — давать волю рукам. Р. каменщик, скуп до крайности, торгует всем и готов задушить кого только можно, лишь бы добыть денег. М., по прозванию Кобылка, до крайности любопытен, живой, надоедливый и болтливый; у него на совести есть кровавое преступление и даже еще противоестественное; он сделался ханжой, работает в кухне, но не забывает и своих четок, не дает людям покоя вечными просьбами. Дон Л., страстный курильщик, целый день ходит по галерее, человек надменный и скупой, считает позором, что такую талантливую личность, как он, держат взаперти, и грозитя, что начальствующие дадут в этом строгий отчет, когда он выйдет. Пинаккиа, по прозванию Контрефорс, бывший прежде папским солдатом (тип шута), бывает вполне доволен, когда ест или курит, всегда вмешивается в разговоры и постоянно переходит от одного аргумента к другому. М. А. отличный работник, всегда готовый услужить, несколько времени остается спокоен, потом болезнь его проявляется громким криком, оглашающим галереи, и с ним тогда опасно заговорить. Н. Д. М., прозванный адвокатом, старается придать себе важный вид, подходящий к этому прозвищу, никогда не молчит и не успокаивается и всегда норовит поставить на своем. Ф., осужденный уже за драку и за кражу мешка, совсем сумасшедший теперь, разговаривает сам с собою и думает только о еде, питье и курении. В., прозванный котом, злой и жестокий человек, был прежде военным, часто прогуливается по двору с озабо-

ченным видом, при малейшем противоречии готов начать ссору и пустить в ход кулаки. С. Ж., бывший столяр, очень красивой наружности, носит длинную бороду, служил прежде в папских драгунах, но теперь лишился рассудка, и потому в разговорах его нет никакого смысла. Р. раздражителен и похож на зверя; озлившись, кусается, точно гиена, и следы его зубов остаются надолго. Доменик Б., прозванный Ратапланом, имеет привычку говорить всем дерзости и с утра до вечера раздает благословения. Кроме того, у нас есть компания игроков, которые играют с утра до вечера; среди них первые места занимают Покуполоино, Пачино, Маркино и Градара.

Если пожелают читатели, можно составить множество биографий и привести еще немало других наблюдений. Что же касается служителей, то я предоставляю поговорить о них при случае тем, кого это ближе задевает.

Б. Ж. № 18.

Вообще, больные не особенно дружелюбно относятся к своим товарищам, когда описывают их в прозе или в стихах. Но вот один очерк того же автора несколько в ином роде.

Семья увеличилась

Новый жилец наш, прибывший сюда месяца два тому назад, — премилый оригинал, лет 40, большой говорун, весельчак, носит волосы спущенными на глаза, одевается в длинное пальто и ходит в туфлях, так что при подобном костюме ему можно бы избавить себя от труда надевать кальсоны. Он курит целый день, ест и пьет, как военный, и беда, если кто не исполнит его приказаний — он сейчас же приходит в бешенство. Бедняга воображает себя великим человеком, обладателем несметных сокровищ и очень могущественным, выражает желание распустить нас всех по домам и всегда бывает очень весел, а когда разговаривает, то кричит до такой степени громко, что его можно слышать на расстоянии сорока шагов.

Интересен был его приезд к нам: едва лишь он вошел во двор, как начал осматриваться кругом и с важным

видом выразил желание побывать везде, чтобы убедиться, не изменилось ли что-нибудь со времени его последнего посещения. Осмотром этим он, по-видимому, остался доволен. Стоило посмотреть тогда, какого дипломата он из себя разыгрывал — точно настоящий синдик, находящийся при исполнении важных обязанностей.

Он обещал всем и каждому должности, так что его можно было принять за министра какого-нибудь государства, и действительно, чтобы вполне походить на важную особу, ему недоставало только кареты, запряженной парой лошадей, лакея-мавра и трубача.

Говоря это, я вовсе не желаю подсмеяться над его бедствием, тогда я сам показался бы смешнее его; но так как он, по-видимому, счастлив, а я нет, то я и позволяю себе подобные размышления.

Очень интересен он бывает, когда рассказывает о своих несчастиях: звук голоса у него меняется, он подмигивает глазами, бьет себя в грудь с видом полного довольства и, наконец, с криком бросается на диван. Однако все это не мешает ему чрезвычайно аккуратно являться к обеду и ужину. Видно, что даже воспоминания о прошлом не оказывают влияния на его желудок. Счастливец!

Б. Ж. № 18.

III

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАТТОИДОВ

(к IX главе)

Я уже говорил, какие разнообразные темы берут маттоиды для своих сочинений. Хотя всего более их интересуют политика, теология и поэзия, но они занимаются также математикой, физикой, даже гистологией и клинической медициной. Приведу несколько примеров.

Вот передо мною сочинение в двух больших томах под заглавием *“Новая патология на античных началах”*, где

с помощью нелепых и запутанных цитат автор пытается свести все болезни к эллипсу.

Даже буквы должны иметь эллиптическую форму, по его мнению, как и все предметы вообще.

“Запахи и вкусы, — говорит изобретатель *“Новой патологии”*, — тоже необходимо разместить на эллиптической шкале, так как у них есть абстрактный фокус — приятное или неприятное ощущение, ими вызываемое. Кому неизвестны эллиптические свойства теплоты? Самые совершенные существа, как человек и ангелы, образуют эллипс. Человек состоит из души и тела, эллиптически связанных между собою. Все ткани состоят из четырех веществ, которые, смотря по тому, преобладают ли в них артериальное или лимфатическое начало, проникают в различные ткани в большей или меньшей степени. Кости тоже лимфатического происхождения, как это замечается при их варке, и состоят из оболочек лимфатической, артериальной, известковой или желудочной (*ventrale*) и фиброзной или венозной” и т.д.

Нечего и прибавлять, что автор верит в духов, в пророческие сны и т.д. Тем не менее это — один из известнейших врачей-практиков в средней Италии.

Другой медик-геометр, некто Ж., писавший *“Руководство для врачей-практиков, выведенное из принципов синтетической физики”*. По его мнению, все болезни происходят от избытка теплоты или света, причем последний производит на организм охлаждающее действие; пьяницы подвержены тифу по той причине, что алкоголь содержит в себе промежуточный свет (*luce interstiziale*); кровопускания уменьшают количество теплоты и дают больному возможность пользоваться избытком света и т.п.

Далее в числе медиков следует упомянуть еще об авторе сочинения, носящего такое лаконичное заглавие: “О тайно-брачных, их физиологическом действии, их типах, их влиянии, — как полезном, так и вредном, — на твердые тела и на жидкие, на растения, животных и на человека. Физико-экспериментальное переисследование с систематическими таблицами, разделенное на две части по причи-

нам фотографическим и медико-аграрным и посвященное двум коллегам, занимающимся такими вопросами, уважаемым господам F. Z. и P. Z.”.

Но вот и сочинение врача-клинициста, который изобрел людей-*центавров*. Он лечит почти все болезни кровопусканиями то из одной руки, то из другой, то из обеих, причем перевязывает оперируемый член красным или зеленым шнурком и, несмотря на то, слывет за хорошего врача-консультанта в одном из больших итальянских городов.

Следует также упомянуть о трех врачах (один из них пользуется громадной известностью), излечивающих холеру какими-то невинными солями, и еще об одном, впрочем, довольно талантливом медике, не лишенном научных познаний, который запруживал наши псевдоученые журналы статьями о болезнях кожи, где изобилуют курьезы вроде *подвижной* теплоты, диагноза прокаженных посредством измерения их ушей и т. п.

В заключение укажу еще на одного врача, пользующегося репутацией превосходного анатома и замечательного практика, который открыл, между прочим, что у некоторых племен сосудистые пятна составляют физиологическую особенность и что проказа (*pellagra*) есть последствие онанизма.

Еще не так давно профессор Z. издал книгу под заглавием: “Словарь *эклектического универсального самоисследования*, или Цвет науки и богатое собрание прекрасных, благородных и полезных сведений по всевозможным отраслям знания — физике, философии и литературе, кратко, точно и ясно изложенных, выбранных из множества книг, трактующих о науке, искусствах и литературе и распределенных по научным отделам в каждой статье. Компильция, составляющая плод 30-летних трудов Z.”. Книгу эту расхвалили журналы того времени, находя, что она заполняет пробел в нашей литературе. Насколько справедлив такой отзыв, можно убедиться из содержания книги. В ней сообщается, между прочим, что вода в естественном состоянии есть твердое тело, что материк Америки появился на поверхности океана в недавнее время, что берлинская лазурь добывается из гусениц, что большая часть

газов образовалась из жидкости, выделяемой камнями, и что “магнит содержит в себе много железа и масла, а так как хлористые соединения составляют основание фосфора, то этим обуславливается способность магнита гореть”.

В Казале и до сих пор еще здравствует один знаменитый человек, сделавший великое открытие в области математики. Он написал трактат под заглавием: *“Истинная, практически полезная геометрия, неизвестная лучшим математикам*, одобренная во всем объеме Королевской Академией Наук в Милане, в заседании 7 февраля 1861 года. Исследования автора предлагаются на суд разумных итальянцев-нематематиков, любящих покровительствовать талантам и не относящихся презрительно к людям, работающим для преуспеяния науки и для доказательства квадратуры круга”.

Произведение это автор посвящает Наполеону III, заявляя при этом, что он уже много лет страдает под гнетом притеснений... Как бы вы думали — с чьей стороны? Со стороны туринской академии, а также со стороны Планá и целой армии математиков, не удостоивших никакого внимания представленные на суд их открытия — результат полумиллиона вычислений (неизданных).

Кроме того, у автора есть еще неизданное сочинение, в котором решаются 135 задач с помощью совершенно новых способов; оказывается, однако, что он считает математиков ломбардского института недостойными обладания подобным сокровищем; но учащаяся молодежь может воспользоваться им, уплатив 30 франков за право чтения, и автор предлагает ей сделать это, чтобы убедиться в неосновательности приемов, употреблявшихся до сих пор в высшей геометрии.

К числу маттоидов-графоманов принадлежит также некто С., человек лет 40, желчного темперамента, страдающий хореей лицевых мускулов. Он сын известного ученого, против воли был отдан в духовную семинарию и, выйдя из нее 16 лет, еще не сложившийся ни умственно, ни нравственно, написал сочинение в 360 страниц, хотя и одобренное иностранными журналами, но на этот раз несправедливо. Кроме того, он составил, по образцу обычных в средние века компендиумов, сокращенное руководство по всем наукам,

входящим в курс светских и духовных учебных заведений, заявив при этом, что оно написано под влиянием вдохновения свыше и должно считаться лучшей книгой в целом мире: “Давно уже чувствовался недостаток в таком образцовом руководстве, которое разрешало бы задачу задач изобретением принципа из принципов”. Уже из этого повторения одних и тех же слов, представляющего оборот речи, употребляемый обыкновенно помешанными, идиотами и первобытными народами, можно сделать известное заключение об умственных способностях автора; но ненормальность их будет еще яснее, когда мы узнаем, что открытый им принцип заключается в том, что природа “является без лиц в трех лицах” (*trinità della natura*).

Положим, для воспитанника семинарии это еще не особенно патологическая идея, так как подобного взгляда придерживались многие в средние века, и в том числе Данте, следовательно, эта идея уже не нова; но курьезны те доводы, какими автор подтверждает ее. “Если бы мне возразили, — говорит он, — что в природе господствуют не 3 лица, а 4 или 5, то я ответил бы им на это стихом Данте: Словам их не давай значенья — и мимо проходи”.

Через несколько времени этот субъект, переменяя тему своих исследований, превращается в ярого поклонника Ламартина, хотя не забывает вместе с ним возвеличивать и себя. Он издал сочинение, где доказывается, что Ламартин — величайший человек своей эпохи, а после него первое место принадлежит автору сочинения, который при помощи изобретенной им формулы — “во всем есть Бог” — содействовал возрождению человечества и процветанию наук, так как этой новой формулы только и недоставало, чтобы дать синтез сотворения мира.

Далее в моей коллекции находятся сочинения по философии, одно нелепее другого. Есть даже трактат о *психографии* — совершенно новой философской системе, на которую я указывал уже раньше, и, кроме того, бесчисленное множество стихотворных произведений, которых я, впрочем, не стану касаться здесь, так как ими уже и без того много занимаются сатирические журналы: “*Fanfulla*” и

“*Pasquino*”. Мимоходом упомяну лишь об одной трагедии: “Жена-убийца”, написанной привратником. Это не что иное, как разбившийся недавно в Тревизо процесс, изложенный псевдо-Альфьеривскими стихами.

Наконец, есть еще много произведений маттоидов-публицистов, предлагающих разные крайние меры относительно государственного благоустройства. В числе их особенно много экономистов, которые выступают с различными проектами в видах улучшения финансов Италии. Между прочим, по этому вопросу мне попалась брошюрка с таким заглавием: “*Об универсальном ростовщичестве как причине нарушения экономического равновесия в наше время, — рассуждения, почтительнейше предложенные одним избирателем на благоустройство его превосходительства, председателя Совета и министра финансов господина Марка Мингетти, с целью доказать необходимость, возможность, удобство и справедливость патриотического займа в четыре миллиарда только за один процент со ста, как единственное средство противодействовать ростовщичеству банков и добиться прочного равновесия в балансе, а через это и уничтожения принудительного курса без увеличения или изменения налогов*”. Таково полное заглавие брошюры. Средство это основано на добровольной подписке или скорее принудительном займе через посредство богатых евреев. Нечто, как две капли воды сходное, предлагается также в брошюре под заглавием: “*Каким образом доставить министерству финансов и торговли миллиард, а вслед за тем и другие миллиарды*”.

IV

ГРАФОМАНЫ-ПРЕСТУПНИКИ

(МАНЖИОНЕ, ДЕТОМАЗИ, БИАНКО, ГИТО, САНДУ)

(к IX главе)

Но едва ли не большую важность представляет изучение тех графоманов, которые из мнимолитературной сферы переходят часто в область политики и законоведения. Я

назову их графоманами, сутягами, политиканами или, вернее, преступниками. Обыкновенно все они обладают даже особым почерком, как я доказал это в "*Архиве психиатрии*". Примеров такого рода накопилось за последнее время даже слишком много.

Начнем с *Манжионе*. Это человек, по-видимому, совершенно здоровый, хотя изредка у него бывает временный паралич нижней половины тела, но лишь на короткое время и притом без потери сознания. Он с любовью отзывается о своих защитниках на суде и об ухаживавшем за ним в больнице кураторе; обыкновенно бывает здоров и чувствует себя дурно лишь в исключительных случаях, перед наступлением грез, отличается хорошей памятью и кротким, ласковым характером. Только в недавнее время, вследствие ли тюремного заключения или волнений по поводу процесса, у *Манжионе* начали появляться настоящие маниакальные приступы, но они исчезли после того, как его отдали на попечение доктора *Фиордиспини*.

Перепробовав различные ремесла, он 15 лет бежал из дома, скитался несколько времени и потом жил на средства своей сестры; после того он вздумал жениться и сделал это без согласия отца. В 1848 году он участвовал в восстании и в 1851 году попал за это в тюрьму. В 1860 году *Манжионе* снова принимал участие в борьбе за освобождение родины и служил *Гарибальди* проводником, но вследствие ссор то с национальной гвардией, то с своими начальниками принужден был удалиться. Тогда он стал переходить от одного занятия к другому — строил мосты, делал кирпич, пахал землю, служил при кладбище и всюду оказывался умным, дельным, честным работником, но в то же время крайне неуживчивым человеком; у него была положительно страсть к ссорам и тяжбам, в которых лишь самый повод бывал иногда справедливым, все же остальное являлось следствием мелочной, чисто безумной пунктуальности. Претензии свои он излагал в пространных записках, а если была возможность, то и в печатных статьях.

Этих последних у меня теперь под руками 23 штуки, и все они по содержанию почти одинаковы. В них автор то

жалуется на некоего Фачоли, который обещал поставлять ему уголь по одной цене, а потом назначил другую; то укоряет супрефекта в том, что тот не принял его сторону в борьбе с коммунальными советниками Вараподио; то, наконец, оправдывается в преступлениях, будто бы взведенных на него врагами, или представляет на суд общественного мнения свои личные споры с разными лицами. Я не стану перечислять здесь всех произведений Манжионе; скажу только, что, судя по их многочисленности, можно смело утверждать, что они составляли главное его занятие и стоили ему больших расходов. Он сам сознавался, что в продолжение 11 лет ежемесячно тратил не менее 175 рублей, чтобы отвечать своим клеветникам, а в процессе против синдика Джуссо показал в числе убытков сумму в 250 рублей, употребленных на составление различных бумаг и копий, хотя у него было четыре бесплатных переписчика. И это вполне понятно, если принять во внимание, что Манжионе сообщал публике всякие мелочи, его касающиеся, например, сколько фунтов хлеба он съедал в день, и печатал все, что попадалось ему под руку — даже счета своего сапожника. Стоило только кому-нибудь косо взглянуть на него в кофейной или, принимая партию кирпичей, ошибиться на одну дюжину, чтобы он тотчас же принялся строчить статьи по этому поводу и ухитрился найти тут связь с своими главными недругами — гражданами Вараподио. Один вполне достоверный свидетель выразил даже такое предположение, что Манжионе покушался убить графа Джуссо лишь за его отказ прочесть написанную им брошюрку *“Блоха и Лев”*.

Характерные особенности произведений Манжионе составляют:

Во-первых, масса мелочных подробностей, заступающих здесь место фанатизма, свойственного другим маттоидам, и постоянное употребление двух или трех эпитетов к каждому слову.

Во-вторых, повторение стереотипных оборотов и фигуральных выражений, например, под *Блохою* он разумеет себя, как сам же поясняет, а *Лев* служит у него эмблемой

могущества различных синдиков, с которыми он боролся.

В-третьих, употребление разнообразных шрифтов и страсть к подчеркиванию слов; так, в прокламации на имя короля, расклеенной им по улицам Рима за несколько часов до покушения, на 27 строках употреблено 7 разных шрифтов. Забавно, что тут же он поместил список своих сочинений, хотя эта прокламация писалась накануне задуманного им преступления.

В-четвертых, с психологической точки зрения эти произведения ненормальны потому, что в них преобладают идеи мегаломаньяка: он дал государственное устройство Италии, он один только честный человек и пр. Когда Никотера заметил Манжионе, что он сам отчасти виноват в своих несчастиях, так как был слишком неуживчив и сварлив, тот возразил на это: “Нет, мои несчастья следует приписать моей твердой и неизменной любви к родине, моему стремлению к гражданскому и моральному прогрессу, неподкупной честности, необыкновенным *сверхъестественным* дарованиям, деликатности, искреннему великодушию и непритворной гуманности, а в особенности моему постоянству в страданиях и надеждах и добродетельному образу действий”. В “*Pulce e Leone*” он называет себя “наиболее гонимым и преследуемым из политических деятелей Италии”.

В-пятых, кроме мегаломании у него всюду проглядывает еще идея преследования, и это понятно: так как никто не признает за ним величия, то ему поневоле приходится быть в разладе со всеми. Вместе с тем он, подобно прежним императорам, считает всякую обиду, нанесенную ему лично, оскорблением государства и придает преувеличенное значение каждой мелочи, его касающейся. Он жалуется не только на притеснения всякого рода — вымогательство, шпионство, но даже на то, что его собирались убить, отравить, сжечь живым в собственном доме.

В-шестых, изобилие мелочных, ненужных подробностей, например: “С 21-го числа и до сегодня, — пишет Манжионе (“*Pulce e Leone*”) я довольствовался только 2,5 фунтами хлеба, данного мне в кредит Броно Раньеро, который

ссужает меня также 15 сольди (20 к.) в день, причем я распределяю их таким образом: 7 сольди на бобы или чечевицу, 3 — на тесто, 3 — на масло и 1 — на уголья”. В другом сочинении, говоря о том, что в продолжение 3 месяцев ему пришлось существовать на 13 сольди в день, он перечисляет — что именно покупал на них ежедневно.

В-седьмых, полнейшее отсутствие логичности, недостаток, всегда заметный в сочинениях душевнобольных, даже наиболее рассудительных. Так, Манжионе относит к числу преследований не только вполне невинные поступки окружающих, но даже самые ходатайства о нем и вообще все, что делалось из желания облегчить его положение. На суде он горячо опровергал чрезвычайно полезное для себя показание свидетелей, что он находился в возбужденном состоянии после того, как совершил преступление, и с негодованием протестовал против высказанного кем-то подозрения в том, что приписываемые ему сочинения написаны не им самим, хотя это не могло повлиять на исход процесса.

Несмотря на то у Манжионе были далеко не дюжинные способности, все, за что только он не брался (а ведь занятия его отличались крайним разнообразием), доказывало его деловитость. Между прочим, исключительно лишь благодаря ему городское общество приобрело лишних 8 тысяч рублей при продаже земли. Сообразительность свою он не раз доказывал и на суде: так, когда его уличили в ложном показании относительно данной ему графом Джуссо пощечины, он возразил — это была моральная пощечина. Кроме того, он, подобно другим преступникам, утверждал, что не имел намерения убить графа, а хотел только его ранить, тем более что и удар был нанесен не кинжалом, а простым ножом. Наконец, нужно заметить, что Манжионе отличался замечательной честностью и бескорыстием. Жизнь он всегда вел самую скромную, отказывал себе во всем и нередко буквально голодал по нескольку дней. Когда правительственный инспектор навестил его, то застал в постели доведенным лишениями до крайней степени истощения и однако же не мог убедить его взять пред-

ложенные ему 25 рублей. Точно так же он не хотел пользоваться пособием от хозяина дома, где жил, и объявил, что примет помощь только от правительства, обязанного, по его мнению, позаботиться о нем.

Детомази, 38 лет, родом из Асти, *графоман с склонностью к плутовству*, хотя и не отличается никакими особенностями в физическом отношении, но подвержен галлюцинациям отдельных чувств.

Вот некоторые черты из его прошлого.

Отец его, в высшей степени честный человек, умер от апоплексии; сын с детства приводил в отчаяние всех домашних своими проказами. В молодости он был болен менингитом, а позднее — сифилисом и, кроме того, в одной схватке с полицией получил сильный удар в голову. Пьянствовал и развратничал Детомази ужаснейшим образом и постоянно менял занятия, так что в 33 года он уже успел побывать лакеем, столяром, хозяином кафе, приказчиком, комиссионером, служителем в банке, содержателем кабачка, шелководом, актером, фокусником и даже испробовал свои силы на литературном поприще в качестве драматического и комического писателя. В продолжение этого времени его не раз арестовывали за присвоение чужого имени и за мошенничество в картах. Когда он узнал, например, что жена ему изменила, он смертельно ранил ее, попал за это под суд, но был оправдан и через полгода женился снова. Занявшись потом разведением шелковичных червей, он накупил грены, за которую не заплатил денег, был привлечен за это к суду и просидел 4 месяца в тюрьме. Затем в 1873 году его отправили в дом сумасшедших, где он сумел, со свойственной ему ловкостью, приобрести расположение служителей: помогая им в работах и благодаря этому пользуясь иногда отпуском, он наконец скрылся.

Через два года Детомази в пьяном виде сломал себе руку и снова попал в больницу для умалишенных; вначале у него не было заметно никаких болезненных признаков, кроме бессонницы и горделивого отношения к окружающим, но потом с ним сделался припадок временного

помешательства, продолжавшийся часа три-четыре, во время которого он кричал и постоянно говорил бесстыдные речи, но, придя в себя, не помнил, что с ним было. После этого у него обнаруживались припадки настоящей эпилепсии, повторявшиеся три раза, несмотря на постоянное употребление бромистого калия и атропина.

По выходе из больницы он снова попадал то в тюрьму, то в дом умалишенных. Тут-то мне и пришлось выслушать его исповедь, причем я убедился, что этот человек совершенно лишен нравственного чувства: как мошеннические проделки, так и любовные похождения свои он считал не только дозволенными, но даже похвальными поступками. Часто повторявшиеся припадки эпилепсии настолько расстроили его умственные силы, что он, упоенный некоторым успехом своей комедии, дававшейся в Миланском цирке, и отзывами мелких газет, вообразил себя призванным к чему-то великому и составил план социальной реформы на основании теории, несколько сходной с дарвиновской теорией полового подбора. Так, он предполагал, между прочим, разделить всех девушек на три категории: самых молодых, сильных и красивых запереть в гарем и дать им в мужья наиболее здоровых, пылких молодых людей; потомки их мужского пола должны поступать в солдаты, а женского — тоже в гарем. Не обладающим физической красотой девушкам предоставляется выходить замуж за кого угодно, а безобразные обязаны сделаться публичными женщинами и отдаваться первому встречному без всякой платы.

Идеи свои Детомази вздумал однажды проповедовать на площади и, перейдя от теории к практике, пытался изнаsilовать одну женщину, но был тотчас же арестован. Чтобы яснее представить всю нелепость взглядов этого маттоида, я приведу здесь отрывки из своего разговора с ним. Когда я спросил его, неужели мошенничество кажется ему хорошим делом, он отвечал мне: “Да ведь это только по вашим глупым законам мои поступки кажутся дурными, а я сам не считаю их такими. Мне деньги нужны для блага других, для того, чтобы пропагандировать мой план возрождения человечества”.

В. Но ведь вы тратите же деньги и для себя лично?

О. Совсем нет, я все отдаю тем женщинам, которых хочу привлечь на свою сторону, и для этой цели я даже продал платье, доставшееся мне после отца.

В. Следовательно, чтобы достать денег, вы не остановитесь ни перед чем, даже перед убийством?

О. Конечно, я не прочь бы убить какого-нибудь богача. Чтобы ввести мою систему, мне необходимо много денег, несколько миллионов, и я уверен, что рано или поздно они будут у меня, — я думаю об этом день и ночь.

В. Кто же даст вам такие деньги?

О. Правительство или государство, в благодарность за изобретенную мною систему.

В. Но разве вам не приходит в голову, что ваша теория должна быть нелепа, если всякий раз, как вы пытаетесь осуществить ее на практике, вас арестовывают?

О. Это случается вначале при всяком нововведении. Чтобы новые идеи проникли в общество, нужно бороться за них, а потом уже дело пойдет без труда. Когда мир убедится в моей правоте, я получу награду, а все, кто преследовали меня, будут наказаны.

Далее, когда я заметил Детомази, что если он не изменит своего поведения и в будущем, то ему придется постоянно переходить из тюрьмы в дом умалишенных, а оттуда обратно в тюрьму, он отвечал: “Все это правда, я и сам знаю, что врежу себе, но как только меня выпустят отсюда, я опять примусь за прежнее. Та же самая штука выходит у меня и с пьянством, — я сознаю, что мне вредно пить, и все-таки пью. Изменить своей природы я не могу и решил-ся или умереть в тюрьме, или привести свой план в исполнение”.

В. Неужели вы не считаете преступлением изнасиловать женщину?

О. Какое же это преступление! Мужчина обязан выполнять свое назначение, а законы ваши должны быть изменены согласно с моими требованиями. Говорю вам, что настанет время, когда на моей стороне будет и правительство, и король. Обольстить женщину, по-моему, даже похвально.

В. Зачем же вы убили свою жену, когда ее обольстил другой?

О. Замужнюю женщину не следует трогать... она должна быть неприкосновенна.

В дополнение этого диалога упомяну еще о сочинениях Детомази, которыми он занимался постоянно в тюрьме и больнице, лишь изредка только уделяя часть времени на выделку прелестных шкатулочек. Между этими сочинениями есть прозаические и стихотворные. В первых сказывается иногда оригинальность — например юмористический список болезней, которыми страдал автор, но вообще они лишены каких бы то ни было литературных достоинств. Между стихотворениями есть очень недурные, как, например, "Цветы".

ЦВЕТЫ

По саду и рощам гуляя,
 Нарвал я цветов для тебя;
 Прими мой букет, дорогая,
 Укрась им, друг милый, себя.
 И роза в нем есть меж цветами —
 Эмблема твоей красоты —
 Вплети ее меж волосами:
 Она хороша, как и ты.
 Есть в нем и фиалка лесная —
 Стыдливый прелестный цветок —
 Украсит он, верь, дорогая,
 Твой скромный душистый веноч.
 Есть лилия также в букете,
 Чиста и невинна, как ты,
 Ах, вспомни о бедном поэте
 При виде ее красоты!
 Как небо, цветы голубые
 Нарвал я еще для тебя —
 Пускай незабудки лесные
 Расскажут тебе про меня.

Характерную же особенность всех произведений этого поэта-эпилептика составляют болезненный эротизм и теолого-коммунистические бредни.

Определить, какой именно формой умопомешательства страдал Детомази, чрезвычайно трудно; но не подлежит никакому сомнению, что это был психически ненормальный человек, доказательством чего служит отсутствие у него осязательной и болевой чувствительности, полная потеря нравственного чувства, обилие бессмысленных и безнравственных сочинений, а также нелепая теория социальной реформы и, наконец, его чудовищный эротизм — это последнее обстоятельство любопытно в том отношении, что организм Детомази был крайне истощен вследствие пьянства и множества болезней, как временных, так и постоянных, например сифилис, гонорея, эпилепсия и алкоголизм. Психическое расстройство выразилось у Детомази в сложной форме: он был в одно и то же время нравственно-помешанным, эпилептиком (хотя эпилепсия наверное обуславливалась злоупотреблением спиртными напитками), маттоидом-графоманом и мономаньяком. Природа, как видите, смеется над нашими классификациями, и если бы мы вздумали строго держаться их, то наверное наделали бы массу ошибок.

Мишель Бианко, 44 лет, геометр, служил сначала в министерстве финансов, а потом, когда его уволили, поселился на родине и в продолжение нескольких лет вел ожесточенную борьбу с капелланом и другими духовными лицами из-за того, что те не позволяли ему загородить вход в церковь забором и сложить возле нее навоз, что он считал себя вправе сделать, так как дом его был рядом с церковью. Он затевал не раз тяжбы по этому поводу и всегда проигрывал их, но это не убедило его в неправильности иска, а только заставило прибегнуть к самоуправству. С тех пор Бианко положительно начал преследовать капеллана и священников, так как, по его мнению, духовные лица утратили всякий *raison d'être* в наше время; он не давал им проходу на улице и одного из них даже оскорбил действием, за что и понес должное наказание. Однако это не заставило его угомониться: он входил в церковь с трубкой, расклеивал у дверей ее возмутительные прокламации и даже пытался поджечь ее, за что попал наконец в тюрьму. По произведен-

ному над ним медицинскому исследованию, он оказался почти совершенно нормальным физически, но очевидно поврежденным умственно: чувствительность (*affettivita*) у него была несколько понижена, кроме того, замечались частые подергивания лицевых мускулов. Он презрительно относился к родине, выказывал полное равнодушие к своей семье и говорил, что любит только Италию вообще. Относительно религиозных вопросов он держался крайне радикальных убеждений, так что самые насилия над священниками казались ему доказательством гражданской доблести на том основании, что в конституционной Италии духовенство не должно быть терпимо.

Тщетно старались убедить его в противном, доказывая, что священники приносят пользу как духовные наставники народа: он упорно стоял на своем, что в настоящее время попы совершенно не нужны, что Турин, где их особенно много, гибнет именно благодаря им и что, будь он главою государства, их скоро не осталось бы ни одного. Религию Бианко считал, однако, необходимой, и только служители ее казались ему чем-то излишним. Так как доводы свои он основывал зачастую на бессмысленной игре слов (как, например *функция и фикция*) или на личном неудовольствии, то глубоких искренних убеждений в нем нечего и предполагать, а настойчивость его в преследовании священников объясняется просто однопредметным помешательством. Впрочем, у него есть и другая мания — обращаться всюду с петициями и просьбами: он подавал их и королевскому прокурору, и в различные министерства, и королю, и, наконец, даже самому Папе.

Уже самый факт подачи такого множества объемистых прошений заставляет предполагать, что Бианко принадлежит к тем несчастным субъектам, которые, вообразив себя преследуемыми, чувствуют неудержимую потребность описывать свои несчастья и тратят на это целые горы бумаги, чего здравомыслящий человек, конечно, не стал бы делать. Кроме того, в сочинениях Бианко всюду ясно обнаруживается пункт его помешательства — ненависть к священникам и жажда мести им. Что же касается изложения, то

оно страдает обычными у графоманов недостатками — непоследовательностью, отсутствием логики, страстью к игре словами и подчеркиванию их. Любопытную черту этого графомана составляет его отвращение к устной речи: всегда готовый написать целые тома показаний, он упорно отказывался давать их на словах, так что даже на вопрос, за что его посадили в тюрьму, отвечал, указывая на груды исписанной бумаги: “Прочтите это и узнаете”. Впрочем, этой особенностью отличаются все маттоиды, о чем мы уже говорили раньше. Бианко был отпущен на свободу и через несколько дней выстрелил два раза из пистолета в бедного сельского священника.

Карл Гито, 41 года, высокого роста, голова микроцефала с приплюснутым лбом и вдавленным черепом на левой половине, вследствие чего заметна асимметрия лица и головы. Некоторые врачи отрицали, впрочем, этот последний признак, другие же считали его несущественным, тем более что подобные неправильности строения черепа бывают даже у людей замечательно умных. С своей стороны я замечу, что важность какой бы то ни было аномалии у помешанных никак нельзя отрицать лишь на том основании, что она встречается иногда у здоровых людей, иначе психически больными пришлось бы считать только субъектов, страдающих настоящим безумием или бешенством.

Гито родился в семье гугенотов-фанатиков. Дед его с отцовской стороны, врач, между прочим, доказал свой религиозный фанатизм тем, что дал своим сыновьям странные имена Лютера и Кальвина. Наследственную склонность к умопомешательству он легко мог получить от своих родных, у теток дети все более или менее страдали душевными болезнями; один из его двоюродных братьев, гениальный музыкант, умер сумасшедшим; двоюродная сестра с 15 лет впала в религиозную мономанию, а дядя в старости лишился рассудка. Отец Карла, Лютер Гито, считался, впрочем, смирным, хорошим человеком, и только относительно религиозных вопросов выказывал безумный фанатизм, — считал себя, например, соединившимся со Христом даже материально. Однако и он умер вследствие

припадков бреда. Из сыновей его у двоих череп был неправильной формы, а третий доказал свою жестокость тем, что на суде с яростью нападал на брата. Что же касается Карла, то его уже давно считали страдающим религиозным помешательством, и ненормальность его умственных способностей была официально констатирована врачами-психиатрами за много лет до убийства президента.

В Нью-Йорке Гито прожил два или три года — на счет своих родственников или знакомых, будто бы для изучения юридических наук; затем, вернувшись в Чикаго, продолжал вести тот же образ жизни паразита. Предположение его издавать религиозную газету “Теократ” не осуществилось, так как в печати было высказано, что одного этого названия достаточно, чтобы издание не пошло. Относительно религии Гито держался того мнения, что для церковной реформы необходимо уничтожить сначала все храмы.

Через несколько времени Гито, однако же, сам сделался приверженцем и миссионером одной из бесчисленных в Америке сект, из членов которой его, впрочем, скоро исключили за неприличное поведение в храме. Вслед за тем и брат выгнал Карла из своего дома за его интриги. Тогда ему пришлось посидеть в тюрьме по обвинению в присвоении чужого имущества и в мошенничестве. Обвинение основывалось, между прочим, на том, что, задумав читать лекции в различных городах, он в объявлениях называл себя великим законоведом из Чикаго и не платил в гостинице за свое содержание.

Прозанимавшись усердно месяцев пять, Гито наконец приготовился в адвокаты и некоторое время зарабатывал по 2000 долларов в год. Он заказал себе тогда визитные карточки, на которых называл себя советником и знаменитым прокурором.

Далее он присвоил себе еще титул почтенного теолога и, когда его укоряли за это, объяснял свой поступок тем, что в тюрьме он встретил законоведа, сделавшего то же самое. Странное оправдание!

Около этого времени Гито женился на некоей Анни и вначале жил с нею мирно, но потом стал дурно относиться

к жене и однажды запер ее в кабинете уединения, так что бедная женщина едва не задохнулась там. После этого между ними состоялся формальный развод. В 1879 году Гито вздумал читать лекции в Нью-Йорке и на первой же из них устроил скандал, объявив, что предметом лекции будет *“существование ада”*, но вместо того начал говорить о пришествии Христа и через четверть часа исчез с кафедры, прежде чем негодующие слушатели успели выразить свой протест по поводу такого обмана. Позднее он напечатал, однако, относительно существования ада брошюру, не представляющую никакого интереса.

Живя в Нью-Йорке без определенных занятий, Гито стал весьма часто появляться в приемной президента и все добивался личного свидания с ним. Никто не обращал на это особенного внимания, хотя просителя считали помешанным, так как он выражал желание получить место то министра в Австрии, то консула в Ливерпуле или Париже, а в своих письменных прошениях развивал мысли, доказывавшие ненормальное состояние его умственных способностей, и к тому же еще никогда не подписывал их. К прошениям обыкновенно прикладывался печатный текст речи, будто бы произнесенной им в Нью-Йорке, хотя этого не было в действительности. Кроме того, нередко присылал президенту письма такого содержания: *“Скорблю о борьбе, которая завязалась между вами и сенатором С. Правда на вашей стороне, будьте стойки, я обещаю вам свою помощь и поддержку патриотов. Уделите мне несколько минут для личных переговоров”*.

Манеры Гито представляли смесь рабского смирения и смешного чванства. Серьезно относиться к нему можно было лишь с первого взгляда; но поговоривши с ним, вы скоро убеждались, что это человек ненормальный, добивающийся известности во что бы то ни стало и думающий только о том, чтобы занять собою прессу. Свидетель Шау показывал на суде, что Гито уже много лет тому назад говорил ему о своем страстном желании прославиться каким бы то ни было способом — если не подвигом, то хотя бы преступлением, причем указал на Буса, убийцу Лин-

кольна. А когда свидетель возразил, что за это полагается смертная казнь, Гито отвечал: “Это уже вопрос второстепенный”.

Служивший у Гито в продолжение года секретарь говорил, что он весьма щедр был только на обещания, но не платил никогда и что в столе у него хранилась куча фальшивых денежных расписок. Бумаги он тратил громадное количество, так как писал постоянно. При разговоре он никогда не смотрел в лицо своему собеседнику, и глаза его вечно бегали по сторонам. Он предполагал, что сделанные им долги будут уплачены самим Богом, в награду за его успешную проповедническую деятельность, хотя в то же время позволял себе чисто мошеннические проделки, например отдавал в заклад бронзовые вещи под видом золотых, удостоверяя свою личность визитной карточкой, которую потом незаметно брал назад, и перед друзьями хвастался своей ловкостью.

Решившись убить президента, Гито предварительно осмотрел тюрьму, в которой ему предстояло сидеть за это преступление, а по совершении его прежде всего стал хлопотать о том, как бы отправить в газеты извещение об этом событии. Зятю своему он рассказывал, что мысль убить Гарфильда явилась у него шесть недель тому назад.

“Я уже лег в постель, — говорил он, — но еще не спал, как вдруг меня осенило вдохновение, говорившее мне, что я должен убить Гарфильда и тем положить конец затруднению, в какое поставлена республиканская партия. Встав поутру, я забыл про это внушение свыше, но затем стал думать о нем каждый день и, чем больше думал, тем сильнее убеждался, что сам Бог повелевает мне убить господина Гарфильда. Ненависти у меня к нему никакой не было: напротив, я уважал его, но мне казалось, что ему необходимо сойти со сцены для блага страны и что этого желает народ”. Когда Гито напоминали, с каким негодованием отнесся народ к его преступлению, он отвечал, что идеи его непонятны толпе. Судебному следователю он сказал: “Я был убежден, что исполняю волю Божию, но, может быть, я ошибся; мне думается

теперь, что Богу не угодно было, чтобы Гарфильд умер; теперь же, будь у меня даже возможность повторить покушение, я не сделал бы этого. Если бы сам Бог назначил президенту умереть, то он не остался бы в живых. Пистолет был хорошо заряжен, и рука у меня не дрогнула, я стрелял почти в упор, так что лишь одно божественное провидение могло спасти президента. Он не умрет, я в этом уверен и сожалею о причиненных ему страданиях. Отныне всякая попытка убить его не будет иметь успеха, потому что если это не удалось мне, то никакая пуля уже не страшна ему. Значит, так предназначено свыше и надо покориться воле неба”.

Другим Гито говорил, что выстрелил в президента с целью спасти республику.

В числе бумаг, найденных у него в момент совершения этого кровавого дела, было следующее заявление:

“В Белый дом.

Трагическая смерть президента составляет для меня печальную необходимость вследствие моего желания соединить республиканскую партию и спасти республику. Жизнь человеческая имеет мало цены. Во время войны тысячи храбрых людей падают мертвыми, не вырвав ни одной слезы. Я предполагаю, что президент хороший христианин, и потому ему лучше будет в раю, чем здесь на земле, и пр. Я — законовед, теолог и политик. Я — демократ из демократов; у меня приготовлено несколько таких заявлений для печати и оставлены у Бече (Весе), где репортеры могут видеть их. Я отправляюсь в тюрьму”.

В продолжение разбирательства на суде он беспрестанно перебивал своих защитников и всячески оскорблял их или же просил, чтобы ему назначили других адвокатов, обещая заплатить им... из общественных сумм.

Когда же ему было предоставлено слово, он заявил: “Я прерывал адвокатов и судей потому, что мне нужно было высказать факты громадной важности, имеющие целью разъяснить, кто из нас — я или сам Бог — нанес первый удар; на этом основании я придаю особенное значение своим запискам. Физически я гадок, нравственно же обла-

даю мужеством, когда мне помогает Бог. Я исполнил то, о чем говорили газеты, но я не сделал бы этого, если бы не получил повеления от Бога: я всегда был служителем Бога. Он руководил моими поступками, как некогда жертвоприношением Авраама; те, кто нападают на меня, будут наказаны смертью. Пускай присяжные решат, — прибавил он потом, — действовал ли я по наитию свыше”.

В другой раз Гито, сравнивая себя с апостолом Павлом, сказал: “Подобно ему, я стараюсь привести мир в содрогание. У меня, как у него, нет ни золота, ни друзей, и, подобно ему, я окружен дикарями”. Далее он заявил, что наитие, подталкивавшее его на убийство Гарфильда, продолжалось две недели, в продолжение которых он не мог ни спать, ни есть, пока не совершил кровавого дела, но после того спал отлично, хотя и находился в тюрьме. На вопрос, что такое наитие, Гито отвечал: “Разум находится тогда во власти высшего божества и не управляет поступками человека. Вначале меня ужаснула самая мысль убить кого-нибудь, — продолжал он, — но после я убедился, что это было истинное вдохновение. Невозможно, чтобы я был сумасшедший: Бог не избирает своих служителей среди сумасшедших. Он охранял меня, и потому я не был ни расстрелян, ни повешен. В конце концов Бог накажет своих заклятых врагов”. Правда, на суде перед присяжными Гито старался выдать себя за помешанного, но ему и не оставалось ничего другого, после того как эксперты отвергли его уверение, что он действовал по наитию свыше, под влиянием болезненного, неудержимого аффекта. Однако из этого еще не следует, что бы он был в здравом уме: все умалишенные, кроме страдающих манией самоубийства, непременно прибегают к различным уловкам для своего оправдания и пускаются на всякие хитрости, лишь бы спасти свою жизнь. А Гито даже и не приходилось прямо лгать — он только преувеличивал как свое безумие, так и свои мрачно-горделивые религиозные представления, натолкнувшие его на преступление. Свойственную же ему сварливость он выказывал на суде даже как будто помимо своего желания, так как нападал и на тех, кто доказывал его психическое рас-

стройство, и на тех, кто опровергал его. Самых горячих сторонников своих он оскорблял непозволительным образом, называя их дураками, невеждами и пр. Адвокату своему (Сковиллю) Гито прямо сказал: “Ты такой же сумасшедший, как и я”. Доставалось также и присяжным, хотя их-то именно и следовало расположить в свою пользу.

Когда обвинитель указал на испорченность Гито в отношении нравственности, тот возразил ему на это: “Я всегда был хорошим христианином; если я нарушил супружескую верность с целью отделаться от женщины, которую не любил, и задолжал несколько сот долларов, то подобные факты нисколько не вредят моему доброму имени”. Эти слова доказывают смутность нравственных понятий подсудимого.

Тут же на суде выяснилось, до какой степени было развито у Гито чисто бешеное тщеславие. Так, он, точно какой-нибудь знатный барин, с важностью объявил присяжным, в какие именно дни у него бывает прием посетителей: кроме того, он не раз высказывал перед публикой такие вещи, которые только усиливали раздражение против него, например, что на Рождество он получил отличный обед и множество цветов и фруктов, присланных ему дамами, что в следующие дни посыльный доставил ему до 800 писем, что некоторые дамы из высшего общества просили у него автограф, называя его великим человеком, но он остался к этому равнодушен, наконец, что ему присланы деньги, около тысячи долларов... Вероятно, кто-нибудь просто подшутил над ним, а он этим хвастался!!!

Когда на суде стали разбирать сочинение Гито “*Книга истины*”, он вскричал: “Это есть результат божественного вдохновения” и пришел в страшную ярость, когда ему указали на позаимствования из статьи одного автора, тоже маттоида. В числе других курьезов любопытно признание Гито, что он нарочно купил пистолет с ручкой из слоновой кости, хотя и стоивший дороже, так как знал, что его станут показывать публике. Немногие врачи, признавшие Гито душевнобольным, указывали в числе других признаков ненормальности и на его почерк, совершенно сходный с теми об-

разцами почерка графоманов, которые были приведены мною в *“Архиве психиатрии”*. Вот как он подписывался:

Многие из врачей психиатров, положительно отрицавших помешательство Гито, сделали это, конечно, на том основании, что у него не замечалось той классической формы безумия, которая выражается резко-определенными признаками, а была лишь промежуточная, свойственная маттоидзм, степень душевного расстройства с примесью религиозной и горделивой мономании, затемненной, однако, склонностью к плутовству, так редко встречающейся у помешанных в полном смысле слова и так часто у маттоидов. Этой склонностью Гито обладал в такой сильной степени, что она ни на минуту не изменила ему как в течение всей его предыдущей жизни авантюриста, так и во время процесса, что, конечно, могло ввести врачей в заблуждение при постановке диагноза.

Действительно, нельзя не изумляться находчивости и сообразительности, обнаруженным Гито на суде. Когда эксперт Диамонд сказал, что для решения вопроса о том, страдает ли известный субъект умопомешательством, необходимо очень долго наблюдать за ним и что сам он слишком недостаточно изучал душевные болезни, чтобы ответить на этот вопрос, не рискуя ошибиться, — обвиняемый тотчас же заметил ему: “Это самое лучшее из всего, что вы здесь говорили”. Когда после указания Гито на божественное заступничество, сохранившее его от повешения и расстреляния, его спросили, рассчитывает ли он и впоследствии избавиться от смертной казни, он отказался отвечать. Умопомешательство свое он сначала отрицал, а потом начал настаивать на нем; но убедившись, что то и другое невыгодно для него, стал избегать прямых ответов и наконец объявил, что предоставляет решение этого вопроса экспер-

там. На замечание, что подсудимый не убил бы Гарфильда, если бы тот назначил его консулом, он возразил: “Нет, убил бы во всяком случае”, хотя раньше говорил противное. Мошеннические и безнравственные проделки свои Гито, как мы уже видели, считал не заслуживающими внимания пустяками, а когда ему указали на сделанные им долги, то он, нимало не смущаясь, воспользовался этим, чтобы подразнить председателя, над которым постоянно издевался, и сказал ему: “Я открыто просил денег у первого встречного, и он давал мне, если мог. Когда вам будут нужны деньги, вы также можете занять у меня”.

Основываясь на том факте, что Гито выказал большую ловкость и корыстолюбие, когда из тюрьмы написал Кameronу письмо с просьбой прислать 100 долларов, причем доказывал, что имеет право на вознаграждение, пожертвовав собою для его партии, эксперт Календер отрицал в подсудимом всякое умственное расстройство. “Это письмо, — сказал он, — служит несомненным доказательством здравомыслия Гито, так как он выказывает в нем не только большую сообразительность при выборе лица, у которого просит денег, но и умение подкрепить свою просьбу вескими аргументами”. Но, по-моему, ни эта расчетливость, ни прежние мошеннические проделки не опровергают умопомешательства Гито. В своем журнале “Архив психиатрии” я уже доказал вместе с Альбертотти и Перотти, как часто психическое расстройство встречается именно у мошенников и проявляется не во время суда только, но и гораздо раньше, пример чего мы, впрочем, уже видели в Детомази. Уловки и хитрости, употребляемые такими субъектами во время судебного разбирательства всего чаще во вред себе, я, напротив, объясню именно тем, что у них склонность к притворству не сдерживается рассудком и что вследствие своей ненормальности они чувствуют и рассуждают обо всем иначе, нежели здоровые люди. К тому же разряду явлений относится замечаемая у истеричных полупаралитиков и алкоголиков склонность ко лжи, притворству и клевете. Наконец, эксперт Мак-Дональд высказал мнение, что помешанные, считающие себя вдохновен-

ными, действуют без заранее обдуманного намерения, не заботясь о последствиях и не стараясь избежать ответственности, а между тем Гито поступал как раз наоборот.

В опровержение этого мнения достаточно припомнить приведенные нами выше эпизоды из биографии Мале, Бозизио, Детомази, Лазаретти и даже самого Савонаролы.

Из всех этих примеров читатели, надеюсь, убедились в существовании особой разновидности помешанных или полупомешанных, людей крайне раздражительных и до такой степени тщеславных, жаждущих известности, что они готовы добиваться ее всеми способами, но чаще всего покушением на жизнь коронованных или важных особ. Впрочем, я не сказал здесь ничего нового. Тем же вопросом занимались и другие врачи, и я, как мне кажется, только обстоятельнее разобрал подобные случаи, к сожалению, слишком многочисленные. Немало приведено их, между прочим, у Тардьё в его *“Судебно-медицинских этюдах помешательства”*. Для большей полноты моего исследования я приведу несколько примеров из этого сочинения.

Перед нами некто Буш-Гильтон; 59 лет, из хорошей семьи. Один из его братьев был помешанный. В молодые годы ему пришлось несколько раз сидеть под арестом за бродяжничество и мошеннические проделки. Во время революции 1831 года он сражался во главе отдельного отряда, причем сам произвел себя в полковники, а по окончании военных действий потребовал, чтобы за ним оставили это звание и дали ему вознаграждение в 75 тысяч рублей.

Не добившись ни того, ни другого и желая привлечь к себе общее внимание, он принялся всячески досаждать правительству и распространял гнусные сатиры на Людовика Филиппа. С толпою таких же недовольных Гильтон ходил по улицам, продавал мазь, сделанную из костей и крови убитых на поле сражения, а затем их трости, зонты и т.п. Арестованный за это два раза, он таким образом добился желанной известности.

Чтобы избавиться от воображаемых врагов, он поставил у окон дома, где жил, куклы в солдатских мундирах, а во дворе стал держать своих любимых коз и колотил каж-

дого, кто осмеливался заявить ему, что так нельзя поступать. Кроме того, он вздумал возвести стену на чужой земле и, конечно, должен был сломать ее после целого ряда тяжб; всем соседям своим он задолжал, но платил им только одними оскорблениями.

Потом Гильтон отправился в Англию и, услышав, что туда должен приехать Людовик Филипп, просил у лондонского лорд-мэра позволения арестовать короля как своего мнимого должника. Когда же приезд короля замедлился, то Гильтон, вообразив, что Людовик Филипп боится встречи с ним, послал во Францию формальную жалобу на короля, адресованную его собственному министру внутренних дел. Главное занятие этого графомана состояло в писании писем, просьб, петиций, пасквилей и пр.; он писал всегда, везде, по всякому поводу и без всякого повода, писал королю, в различные правительственные учреждения, депутатам и даже соседям, причем, конечно, тратил целые горы бумаги, хотя был так бережлив на нее, что не оставлял неисписанным ни одного уголка, а строки располагал и вдоль, и поперек, и наискось. Почерк у него крупный, но четкий, орфографических ошибок много, выражения всегда резкие и грубые.

Наружность у Гильтона отталкивающая, глаза плутовские, говорит он плавно и заканчивает фразы громким смехом, постоянно употребляет клятвы и уверения “честным словом”, обвинения умеет ловко парировать. Так, например, в суде он приводил в свое оправдание такого рода доводы: “У меня было столько процессов, что теперешний может доставить мне только одно удовольствие. Я отзывался непочтительно о короле не из личной ненависти, но чтобы хотя на бумаге излить свой гнев на испытываемые мною несправедливости. В мошенничестве меня обвинили с тою целью, чтобы лишить награды за услуги, оказанные отечеству”, и т.д.

Заметив, что эксперты склонны признать его умалишенным, Гильтон заподозрил в них сообщников заговора, устроенного с этой целью против него королем, и написал ему: “Ваше величество прислали ко мне троих господ, чтобы убедить меня, будто я сошел с ума, из чего я заключил о существовании заговора с намерением выдать меня за по-

мешанного. Если сон вашего величества улучшился с тех пор, как я в тюрьме, то ваше величество будете спать еще лучше, когда меня казнят". А судье он написал: "Я прибыл во Францию для того, чтобы досадить Людовику Филиппу, когда он увидит меня среди сражающихся. Здесь я попался в западню. У вас остается только одно средство избавиться от меня — дать мне яду". И мало-помалу он действительно стал думать, что его хотят отравить.

Талантливый адвокат Санду добился выдающегося положения только благодаря своим заслугам, но потом за какие-то промахи был уволен от службы. Он обратился тогда за помощью к министру Билью, своему бывшему товарищу, и тот несколько раз давал ему пособия, но, заметив в нем расстройство умственных способностей, отказался от него совершенно. После этого Санду начал преследовать министра просьбами, униженными и в то же время угрожающими, причем ссылался именно на прежнюю помощь как на что-то обязательное и в будущем. Его поместили в больницу, где после тщательной экспертизы врачи признали его помешанным. По выходе оттуда он снова стал подавать то рабелепные до крайности, то надменные до безумия прошения: называя себя в них главою несуществующей партии, жаловался, что его хотят убить, вследствие чего грозил, что прежде он сам убьет министра, хотя его же умолял исполнить его последнюю волю и похоронить в назначенном им месте. Нашлись знаменитые адвокаты, в том числе Фавр, сумевшие придать этому делу государственное значение. Когда начались общие выборы, Санду вообразил, что Карно постарается провести его в депутаты от Парижа, затем стал мечтать о какой-то необыкновенно блестящей женьтибе, которая ему предстоит, и собирался писать большое сочинение о демократии, чтобы попасть в члены парижской академии. По временам он жаловался, что крысы обгрызли ему голову, что одна половина тела у него слабее другой, и покушался на самоубийство. Характерную особенность его составляет громадное число написанных им в тюрьме и на свободе сочинений и писем, переполненных постскриптумами, подчеркнутыми словами и всегда буквально одинаково-

вых по содержанию. Несмотря на такие явные признаки ненормальности, многие укоряли Бильо за его равнодушие к судьбе несчастного Санду. Вскрытие обнаружило у него в мозгу весьма серьезные повреждения, происшедшие от менингита, и тогда только большинство убедилось в психическом расстройстве бедного адвоката.

Некто М.А. выдавал себя за профессора Оксфордского университета, одержавшего победу над 300 кандидатами и получающего 20 тысяч рублей жалованья, хотя совсем не владел английским языком и плохо знал латинский; но он изобрел такой способ обучения, с помощью которого даже не знающий английского языка мог преподавать его. Живя в Лондоне, М.А. познакомился с одной княгиней и вообразил, что она влюблена в него, хотя та вскоре даже отказала ему от дома. Он издал тогда объемистый том мемуаров, где обвинял княгиню в похищении у него портфеля; затем писал обличительные статьи против министра и подавал докладные записки то в парламент, то в палату лордов. Один из этих последних обещал даже автору сделать по поводу его записки интерpellацию, но в это самое время М.А. вдруг переехал в Париж, где его принял под свое покровительство капеллан императора.

После падения империи М.А. обратился к лиможскому епископу; однако тот сразу понял, с кем имеет дело, и отправил просителя в больницу для умалишенных. По выходе оттуда М.А. начал процесс против епископа.

Впоследствии он замешался в какую-то полубонапартистскую, полуреспубликанскую шайку и, вообразив, что напал на след обширного заговора, сообщил об этом министру Лефрану, который сначала отнесся к М.А. серьезно и обещал рассмотреть его тяжбы, но потом, убедившись в помешательстве мнимого профессора, поместил его в больницу св. Анны. М.А. ябедничал там директору на всех больных, а выйдя из больницы, стал писать в правление доносы на директоров.

В заключение приведу еще один любопытный пример, взятый мною из брошюры профессора Морселли "Гений дома умалишенных".

Виргилий Антонелли считался у себя на родине, в Мархии, некоторого рода литературной знаменитостью, хотя стихи его не отличаются особыми достоинствами, точно так же как и написанная им автобиография. Жизнь этого маттоида-графомана сложилась крайне печально, отчасти по его собственной вине. Вот как описывает ее Морселли: “Поступив на корабль юнгой в 1861 году, он через 6 лет был подвергнут дисциплинарному взысканию, а потом в 1867 году, уже будучи матросом, просидел 8 месяцев в тюрьме за самовольную отлучку с целью побывать в Ментане. На следующий год он опять дезертировал, но его поймали и приговорили к суровому наказанию, которое, однако, было отменено судом, признавшим Антонелли *экзальтированным*.”

В 1869 году он присужден был к дисциплинарному взысканию за ругательную статью против журнала “Dovere” и за дурное поведение. Тут ему часто усиливали наказание, сажали на цепь, оставляли на хлебе и на воде и, наконец, предали военному суду, который приговорил его еще к двум годам тюремного заключения. По дороге к тюрьме Антонелли повздорил с карабинерами, и по жалобе их Верховный совет адмиралтейства увеличил ему наказание на шесть месяцев.

Наконец, после целого ряда других дисциплинарных наказаний, он в 1873 году был уволен в чистую отставку и, вообразив себя теперь вполне свободным гражданином, стал вести жизнь праздношатающегося, нимало не заботясь о гражданском кодексе законов. Но через несколько месяцев бедняк просидел опять 6 недель под арестом в Реджио Эмилия, как не имеющий определенных занятий. Потом его отправили на родину, откуда он ушел в 1874 году и снова попал в тюрьму Мачерато, где его продержали более полугода. Выпущенный на свободу, Антонелли отправился в Рим, но там его задержали за бродяжничество и после непродолжительного ареста вернули домой. Через несколько времени ему снова пришлось посидеть в тюрьме за оскорбительное письмо, адресованное супрефекту, после чего суд приговорил его к отдаче под надзор полиции на полгода. Вслед за тем он, как бродяга и праздношатающийся, по-

пал уже в последний раз в тюрьму, откуда сам попросил, чтобы его перевели в больницу для умалишенных. Там он скоро ужасно надоел всем своими дерзкими выходками и старанием перессорить больных между собою, так что в мае 1877 года его перевезли в другую больницу”.

Здесь-то и наблюдал его проф. Морселли.

“Больной обыкновенно бывает спокоен, — пишет он, — и только по временам обнаруживает сильную ажитацию, но как в том, так и в другом состоянии у него проявляются одни и те же странные идеи: он считает себя душевно-больным, окончательно потерявшим рассудок, и в то же время непонятым гением, первостатейным, неистощимым писателем. Поэтому у него одновременно существуют как бы два борющихся между собою сознания, из которых каждое заставляет его думать и действовать различным образом. Когда верх берут здравые понятия, М.А. сознает, что он человек ненормальный, что представления его ложны, поведение нелепо, а мрачные мысли составляют результат болезненного возбуждения; когда же победа остается на стороне этого последнего, М.А. впадает в мизантропию, бредит своим величием, начинает в волнении бегать по комнатам и громко бранить всех негодьями, лицемерами, иезуитами... В продолжение обоих этих периодов он постоянно пишет обличения на своих врагов, причисляя к ним всякого, кто занимает в обществе выдающееся положение по своему богатству, титулам или дарованиям. Как социалист и крайний демократ, М.А. ненавидит аристократов и постоянно называет себя несчастным гением, терпящим гонения от всех *сатрапов*, господствующих в стране. Письменные произведения его чрезвычайно многочисленны, так как сочинительство — его главное занятие; в 1882 году он писал, например, три романа зараз, из которых один назывался “Путешествие из Анконы в Рим”, другой — “Завещание священника” и третий — “Убитый граф”. Плодовитость его изумительна: за последние месяцы он написал несколько эпизодов из своей скитальческой жизни, исследование относительно “обучения пролетариев-рабочих” и вместе с тем принимал деятельное уча-

стие в “Журнале дома умалишенных в Мачерато”, для многих номеров которого составлял ежедневную хронику больницы с передовыми статьями, шарадами, юмористическими очерками и пр. Ко всему этому необходимо еще присоединить несметное число записок, обращенных то к директору, то к членам своей семьи, где высказывались самые задушевные мысли автора. Кроме того, он сочинял письма, петиции и прошения от имени других больных и служителей, избравших его своим секретарем. М.А. обещал написать также комедии и трагедии для нашего маленького театра, устроенного в больнице. Составленный им по моей просьбе список всех его произведений вышел до того длинен, что я не решаюсь привести его целиком и укажу лишь на особенно характерные заглавия:

“Тайны чудовищной жестокости в морской службе, или Ретроградный прогресс XIX столетия” — соч. в 5 частях.

“Корабельный юнга” — поэма в рифмованных октавах.

“Романтический сборник” — один том.

“Избранные письма” — один том.

“Пауперизм в Италии и средства к его уничтожению” — поэма.

“Скучающий холостяк” — юмористическая пьеса в 5 действиях.

Переводы с латинского (?).

Сонеты, эпиграммы, акrostихи, шарады, загадки, ребусы и пр.

Статьи, напечатанные в различных журналах, как, например, в “*Il Dovere, Corriere di Marche*” и пр.

Автор очень высокого мнения обо всех этих произведениях; и действительно, хотя в них встречается перефразировка одних и тех же идей, хотя нередко они оставляют много желать со стороны ясности изложения, но в них проявляется иногда увлекательное красноречие и — что еще удивительнее — заметна строгая логичность, свидетельствующая об умении автора достигать главной цели — убедить читателя в своих необыкновенных дарованиях и в роковой силе печальных обстоятельств, омрачивших этот светлый ум. Своими сочинениями М.А. не только думает

прославить себя, но и опозорить своих бесчисленных воображаемых врагов, ухитрившихся столько времени продержать его в тюрьмах. При этом он, однако, не скрывает, что ему недостает знаний по части социологии и что убеждения его шатки; в самом деле, они до того неустойчивы, что М.А. легко доказать, с помощью логических доводов, нелепость его поступков и бессмысленность проводимых им идей, например относительно социализма, интернационализма и пр. Под влиянием таких доводов он нередко сознает неосновательность своего предположения, будто все общества вооружились против него, причем даже сам объясняет свои заблуждения и странные поступки расстройством своих умственных способностей, которое вызвано роковыми случайностями его жизни, исполненной треволнений всякого рода”.

V

АНОМАЛИИ ЧЕРЕПА У ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

(к XI главе)

Я уже говорил раньше о таких аномалиях и теперь прибавлю лишь несколько новейших наблюдений в том же роде, заимствованных у Канестрини, Мантегацца, Фохта и др. Кроме того, я сам подробно исследовал череп Вольты и нашел в нем, при замечательной красоте формы и несомненно большей против обыкновенного емкости* многие из тех особенностей, которые, по мнению антропологов, составляют принадлежность низших рас; как, например, выпуклость шиловидных отростков, малая извилистость

*	Емкость	черепа	Вольты	1865	сантиметров ³
	”	глазниц	”	55	”
	Окружность	черепа	”	570	миллиметров
	Ширина лба	”	”	120	”
	Показатель	черепной		775	”
	”	вертикальный		720	”
	”	черепно-глазничный		33	”
	”	черепно-спинальный		22	”

вечного шва, следы среднего лобного шва, тупость лицевого угла (73°) и в особенности сильные черепные склерозы, доходившие местами до 16 миллиметров, отчего зави-

Емкость	черепа	Бруначчи	1700	сантиметров ³
"	"	Петрарки	1602	"
"	"	Фузиньери	1602	"
"	"	Данте	1493	"
"	"	Фосколо	1426	"
"	"	св. Амвросия	1792	"
"	"	Скарпа	1455	"
"	"	Романьози	1819(?)	"

Из этой таблицы видно, что емкость черепа Вольты — наибольшая: средняя же емкость, по Калори, считается для итальянцев 1551, а по Делоренци — 1554. Средний вес мозга Гадди принимает в 600, но большинство — в 500.

Окружность	черепа	св. Амвросия	533	миллиметра
"	"	Бруначчи	550	"
"	"	Фузиньери	544	"
"	"	Петрарки	540	"
"	"	Фосколо	530	"
"	"	Данте	520	"
"	"	Доницетти	574	"
"	"	Беллини	550	"

У Вагнера приведены следующие данные относительно веса мозга геттингенских ученых:

Дирише	математик	54 лет	1520	граммов
Фукс	медик	52 "	1499	"
Гаусс	математик	78 "	1492	"
Герман	философ	51 "	1358	"
Гаусман	минералог	77 "	1266	"
Бишоф для ученых Мюнхена нашел такие цифры:				
Герман	геометр	60 лет	1590	граммов
Пфейфер	медик	60 "	1488	"
Бишоф	медик	79 "	1452	"
Мельхиор-Мейер	поэт	79 "	1415	"
Губер	философ	47 "	1499	"
Фальмейер	химик	74 "	1349	"
Либих	"	70 "	1352	"
Тидеман	"	79 "	1254	"
Гарлесс	"	40 "	1238	"
Деллингер	"	71 "	1207	"

сел и значительный вес черепа — 753 грамма. Из наблюдений других исследователей мы узнаем, что у Манцони, Петрарки и Фузиньери лоб был покатым, что у Байрона, Фосколо, Хименеса и Доницетти найдено сращение черепных швов; затем мы убеждаемся в субмикроцефалии* Розари, Декарта, Фосколо, Тассо, Гвидо Рени, Гофмана и Шумана; находим склерозы у Доницетти и костный гребень между крыловидным отростком и основной частью затылочной кости у Тидемана.

К таким же ненормальностям следует отнести теменную трещину, найденную у Фузиньери, асимметрию черепа Биша, Романьози, Канта, Шеневи и Данте (причем у последнего было найдено еще и неправильное развитие левого теменного бугра и присутствие двух бугорков на лобной кости), плажиоцефалию** — у Бруначчи и Макиавелли, несозмерно выдающийся лоб (68°) у Фосколо и ультрадолихоцефалию*** у Фузиньери (показатель 74), составляющую разительный контраст с обычной у венецианцев ультрабрахицефалией**** (показатель 82 и 84), ультрадолихоцефалию О'Коннора (73), тогда как показатель в среднем выводе для ирландцев дает 77; присутствие средней затылочной ямы у Скарпа и, наконец, множество особенностей строения черепа Канта, обыкновенно не встречающихся у немцев, как, например, ультрабрахицефалия — 88,5, плоский череп (показатель высоты 71,1) непропорциональность верхней части затылочной кости, вдвое более разви-

Наибольший вес мозга (1925—2222 граммов) найден был у неизвестных личностей. Точно так же измерение мозгового пояса дало наибольшие цифры для личностей с ограниченными способностями.

У клинициста Фукса	поверхность мозга занимала	22,1005 см ²
"	Гауса	"
"	"	21,9588 "
И при том же весе у неизвестной женщины		20,4115 "
У простого рабочего		18,7672 "

(Бишоф. Вес мозга у человека, 1880.)

Емкость черепа Канта была 1740 см³ — на 40 см³ больше против средней емкости у германцев.

- * Малый размер черепа.
- ** Сплюснутый череп.
- *** Крайняя степень удлинения черепа.
- **** Крайне укороченный череп.

той, чем нижняя, и слишком уже малая лобная дуга сравнительно с теменной.

На основании таких данных и ввиду того, что гениальные способности часто развиваются в ущерб каким-нибудь психическим сторонам, мы можем сделать предположение, что гениальность сопровождается аномалиями того самого органа, на котором зиждется слава гения. Чтобы такой вывод не показался слишком смелым, мы, кроме приведенных выше наблюдений, укажем еще на многие другие факты, например водянку желудочков мозга у Руссо, гипертрофию мозга у Кювье, менингит у Гросси, Доницетти и Шумана, отек мозга у Либиха и Тидемана. У этого последнего Бишоф нашел кроме значительного утолщения костей черепа, особенно лобных, еще и уплотнение твердой мозговой оболочки, прилегающей к кости, утолщение и повреждение паутинной оболочки, а в мозгу — явные признаки атрофии. Вагнер нашел у клинициста Фукса перерыв роландовой борозды, происшедший от пересечения ее на поверхности мозга образовавшейся аномальной извилиной, случай до того редкий, что он встречается, по Джакомини, — один раз на 356, а по Гешелю — один раз на 632 вскрытия. Мозг Скарпа весил только 1066 граммов. Вагнер и Бишоф нашли вес мозга знаменитых германских ученых ниже средней цифры, принятой для германцев, хотя это обуславливалось, может быть, преклонным возрастом их и болезненным состоянием в последние годы жизни, как, например, у Либиха (70 лет) — 1352 грамма и Деллинге-ра — 1207 граммов, умерших от чахотки*.

* Во Франции Ле-Бон, исследовавший 26 черепов гениальных французов, как, например, Буало, Декарта, Журдана и др., нашел у наиболее известных из них емкость в 1732 см³, тогда как у древних обывателей Парижа она была только 1559: в настоящее время едва лишь 12 на сто парижан представляют емкость выше 1700 см³. У гениальных же людей 73 на сто обладают емкостью больше этой средней цифры.

**ЖЕНЩИНА ПРЕСТУПНИЦА
И
ПРОСТИТУТКА**

ЛЮБОВЬ

I

ЛЮБОВЬ У ЖИВОТНЫХ

У животных, стоящих на низших ступенях развития, у которых самка физически сильнее своего самца, любви, собственно, не существует. Самка прогоняет самца немедленно после своего оплодотворения, и здесь мы видим половой инстинкт всецело подчиненным материнству. Самки пауки пожирают часто после совокупления своих самцов, если последние не успевают тотчас же убежать от них. Бесполое особи у муравьев и пчел исполняют роль матерей, не зная совершенно половых отправлений, а пчелы-самки ежегодно истребляют своих трутней.

Чувство любви начинает примешиваться у самки к материнскому только тогда, когда самец, будучи физически сильнее ее, подчиняет ее своему господству и начинает требовать от нее удовлетворения своей более пылкой чувственности. Если не считать насекомых (*Ublencus cicatricosus*), то о любви можно в собственном смысле говорить только у птиц, так как они являются в зоологической лестнице первыми, у которых наблюдается более или менее продолжительная жизнь парами. Но и здесь самец является более активным членом таких пар.

“В противоположность другим животным, — говорит Brehm, — большинство самцов-птиц проводит всю свою жизнь с одной самкой; полигамия и многократное парование, как это наблюдается у млекопитающих, у них встречается редко. Два супруга, вступив раз в союз, поддерживают таковой в течение всей своей жизни, — и это исключительный случай, чтобы один из них нарушил его. Но так как у птиц число самцов превышает число самок, то и здесь имеются свои “холостяки” и “вдовцы”, которые стараются овладеть чужими самками. Поэтому в период парования

между самцами происходят часто отчаянные схватки, в которых одни из них защищают неприкосновенность своего супружеского ложа от других, пытающихся его осквернить.

Ревность, и порою самая сильная, также не редкость среди птиц. Часто можно видеть, что самки вместе со своим самцом сообща прогоняют слишком дерзко добывающегося взаимности любовника, но нередко бывает и так, что самка благосклонно относится к последнему, предпочитая его своему, так сказать, законному супругу. Наблюдали самок, которые, спустя полчаса после того как их самец был убит, отдавались другим.

Самцы, очевидно, более страдают, теряя своих самок, что, быть может, зависит от того, что "им труднее найти новых" (Brehm. Жизнь животных, т. III, с. 25).

В общем самец во время парования всегда кажется более страстным и влюбленным в свою самку, последняя же держится довольно пассивно, занятая виением гнезда.

Певучий попугай-самец занят, кажется, исключительно своей самкой, когда она сидит на яйцах, и совершенно игнорирует всех других самок. Когда он не отправляется за кормом, то садится на край гнезда и поет своей подруге свои лучшие песни (Brehm. Op. cit., с. 102).

Самец-клевст всячески ухаживает за своей клестовкой, когда она занята высиживанием яиц, точно он хочет этим вознаградить ее за тот труд, которого не может с ней разделить (Brehm. Op. cit., с. 115).

У коноплянок и зябликов ревность наблюдается только у самцов и никогда у самок (Brehm. Op. cit., с. 103).

Среди хищных птиц благородный сокол-самец и кобчик кормят свою самку, когда она сидит на яйцах, и развлекают ее разнообразными воздушными эволюциями, за которыми она следит взором. Совы-самцы, по-видимому, очень влюблены и привязаны к своим самкам, которые являются страстными матерями (Brehm. Op. cit., с. 38).

Самец-козодой всегда очень нежен со своей самкой (Brehm. Op. cit., с. 216).

Самец королевской птицы, в то время когда самка сидит на яйцах, всегда вертится около нее, перепархивает с

одного места на другое, поет или машет крыльями (Brehm. Op. cit., с. 751, 824, 840).

Об ибисе Brehm говорит следующее: “Супруги, особенно самец, отличаются большою верностью друг другу. Последний никогда не оставляет самку без того, чтобы ее не приласкать перед своим отправлением и не спеть ей несколько песен своих. Он очень ревнив” (Brehm. Op. cit., т. IV, с. 15).

Но в общем, повторяем, любовный инстинкт у самца развит сильнее, чем у самки, которая более, нежели он, располагает выбором (Darwin. Origin. of man, с. 386).

Самка-дятел во время парования перелетает с места на место, окруженная целой стаей поклонников, которые наперебой забавляют ее самыми разнообразными играми в воздухе для того, чтобы понравиться ей. Немало проходит времени, пока она изберет себе из этой стаи одного. Одна дикая утка была приручена и вскормлена дома. В продолжение двух лет подряд она жила с одним и тем же самцом, но немедленно прогнала его от себя, как только в птичник был впущен другой самец (Darwin).

Voitard и Carbie сообщают из жизни голубей следующее: “Когда какой-нибудь голубь антипатичен голубке, то что бы ни делали с ней для того, чтобы расположить ее к нему, ничто не помогает. Ей дают возбуждающий половой инстинкт корм, оставляют ее в одной клетке с этим самцом в продолжение шести месяцев, даже года, но она упорно продолжает отказывать ему в своих ласках. Ни его жесты, ни его заигрывания, ни, наконец, его нежное воркованье не могут ее тронуть и смягчить. Она мрачно и неподвижно сидит все время в одном из углов своей темницы, изредка только оставляя его для еды и питья, а также для того, чтобы с особенной яростью защищаться против любовных поползновений самца” (Darwin. Op. cit., с. 384).

Трудно сказать, что, собственно, руководит самкой при выборе ею самца: в некоторых случаях она, очевидно, предпочитает более сильного, хоть и старого самца, более молодому, как это наблюдается, например, у глухарей.

Точно так же мы находим и у птиц, несмотря на явное господство у них самца над самкой, тот же антагонизм

между половым и материнским инстинктами, который у низших представителей животного царства всецело сводится к преобладанию последнего.

Brehm рассказывает, что один самец из породы *Amadina* был очень требователен по отношению к своей самке, которую он заставлял уже начать вить новое гнездо, в то время как нововыведенные птенцы не имели еще и десяти дней от роду; самка же упорно топырилась и, видимо, не соглашалась (Brehm. Op. cit., с. 226).

Часто приходится наблюдать, что кенарь (самец) разбивает носиком собственные яйца, так как канарейка, всецело поглощенная высиживанием их, совершенно не отвечает на его любовные ласки.

Причина этого заключается в том, что у самцов половое влечение более интенсивно и они сильнее привязаны к своим самкам, нежели последние к ним. У самок же оно сказывается не так резко, так как у них слабее выражен половой инстинкт и материнство, кроме того, является могучим отвлечением для их эротических побуждений.

Полигамия у птиц. У некоторых более или менее редких пород птиц, как, например, у павлина, фазана, глухаря и у многих куриных пород (Darwin. Op. cit., с. 195), существует полигамия, но в таком случае роль обоих полов в выборе уже меняется. Так, павлины-самки, равно как и дикие индюшки, особенно очень старые, делают всегда сами первые шаги к выбору себе самцов. Самцы-глухари стоят совершенно спокойно и стараются обратить на себя внимание прыгающих вокруг них самок тем, что оттопыривают свои перья.

Двух самок из породы *Lophophorus*, которых Bartlett считает полигамами, нельзя поместить в одну клетку с самцом, ибо они начинают тотчас же драться из-за него (Darwin). Исключением являются снегири, у которых существует моногамия, но и у них самка выбирает самца, а не наоборот.

По мере того как самец окружает себя все большим и большим числом самок и как он в состоянии все шире и шире удовлетворять свой половой инстинкт, самки начи-

нают все более и более терять для него свою цену. Между ними начинается тогда непрерывная борьба из-за обладания им, причем каждая из них старается понравиться ему более остальных.

Млекопитающие. Половая жизнь млекопитающих далеко не так разнообразна, как птиц. Союзы их, большей частью полигамического характера, редко продолжают долго. Обыкновенно они длятся до тех пор, пока у самки существует еще течка или пока на свет явится молодое потомство. Трудно сказать, в ком — в самце или самке — более интенсивно эротическое чувство.

Особенно сильно развита половая любовь у тех пород, которые живут более или менее долгое время вместе. Brehm рассказывает про африканских дикобразов, что они очень нежные супруги и днем сидят в своей норе неподвижно, тесно прижавшись один к другому, ночью же выходят из нее, ласкают и лизут друг друга, даже между иглами, которые каждый из них поочередно поднимает так, чтобы другой мог просунуть между ними свой язык. Когда же один из них отказывается от подобных ласк, то другой приходит в ярость. Однажды из-за этого один самец был на смерть укушен в голову своей самкой (Darwin, с. 242).

Морские свинки — самец и самка, — по-видимому, так же очень любят друг друга. Они постоянно лизут и ласкают одна другую лапами. Если одна из них спит, то другая сторожит ее и будит ее языком и лапками, если сон длится чересчур долго (Brehm, II, с. 252).

Кролики живут парами в течение долгого времени, не оставляют обыкновенно ни на одну минуту один другого, и самцы очень заботливо ухаживают за своими самками. В свою очередь и последние также очень нежны с ними, будучи даже поглощены заботами о детенышах, они время от времени оставляют последних на короткое время, чтобы обменяться ласками со своими самцами (Brehm, II).

И у млекопитающих бывают примеры, когда выбор делается самкой. Так, свинья часто отгоняет от себя упорно одного кабана и отдается немедленно же другому. Суки часто грызут всех бегающих за ними кобелей и случаются

только с одним из них. В своем выборе они, по-видимому, руководствуются величиной, цветом шерсти, индивидуальным характером самцов и особенно — что еще важнее — степенью дружбы, в которой они до этого с ним находились. Самка северного оленя отдает всегда предпочтение самому сильному самцу (Darwin).

Vleakiron утверждает, что он никогда не видел кобылу, которая не отдалась бы любому жеребцу; между тем такие случаи имели место в главной конюшне Wright'a. Hunter описывает ту хитрость, какую пришлось употребить, чтобы случить самку зебры с ослом; для этого последнего выкрасили в белые поперечные полосы на манер того, как выглядит зебра. Зебра-самец не так разборчив, и с ним нет надобности принимать таких предосторожностей. Для зебры-самки высшая красота ее самца заключается, очевидно, в полосатости его (Richet. De l'amur).

Однако у млекопитающих выбор иногда принадлежит и самцу. Так, заводские жеребцы часто не хотят случаться с одной какой-нибудь кобылой, без всякой, по-видимому, причины, и охотно это делают с другой (Darwin. О происхождении человека, с. 487).

Но это есть, как и у птиц, следствие полигамии, которая чрезвычайно сильно распространена среди млекопитающих. У некоторых видов она постоянна, как, например, у лошадей, горилл, павианов, у других же, например у льва, дикого кабана, она — явление временное. Полигамия обычно встречается у большинства обезьян, например, у павианов и ревунов, затем почти у всех животных и особенно у азиатских диких кабанов, индийских слонов, многих пород тюленей и у обыкновенных мышей. У всех же плотоядных, кроме льва, имеющего иногда по две, три и до пяти самок зараз, наблюдается обыкновенно моногамия (Darwin. Origin of man, с. 193).

Вместе с полигамией начинается подчиненность самки самцу. Самки некоторых мозолоногих (ламы, гуанако) отличаются большой преданностью своему самцу. Если она видит его раненым, то спешит к нему на помощь, не обращая никакого внимания на выстрелы охотников. Наобо-

рот, если подобная печальная участь постигает одну из самок, то самец преспокойно убегает с прочими самками, совершенно не заботясь о раненой.

Brehm рассказывает об одной полигамической семье горилл, состоявшей из нескольких самок под предводительством одного самца. Самки были, по-видимому, очень привязаны к своему очень ревнивому самцу, потому что всячески старались возбудить к себе его внимание, то ласкаясь к нему, то глядя его по ногам, что доставляет, как известно, обезьянам величайшее удовольствие.

II

ЛЮБОВЬ У ЧЕЛОВЕКА

У женщины мы наблюдаем в общем то же самое, что мы видели в зачаточной форме в царстве животных.

Уже при изучении чувствительности у обоих полов мы убедились, что она во всех своих видах у женщины слабее развита, чем у мужчины. То же самое мы можем, в частности, сказать про половую чувствительность, благодаря чему женщине свойственно и менее интенсивное половое влечение. Подобный взгляд Sergi подтверждается, между прочим, чрезвычайно удачным выражением Tennyson'a, что "страсть мужчины относится к страсти женщины, как солнечный свет к лунному сиянию".

Одно католическое духовное лицо передавало Александру Dumas-сыну, что из ста молодых женщин восемьдесят признавались ему на исповеди, спустя месяц после выхода замуж, что они очень разочарованы браком.

Многие женщины, очень рано вступившие на путь проституции, признавались потом, что они пали не из-за склонности к разврату, а исключительно от нечего делать или из желания понравиться мужчине, которого они предпочитали другим.

Встречаются замужние женщины, оставшиеся тем не менее девственными.

Одна дама, переписывавшаяся с очень многими молодыми девушками, рассказывала Simmel'ю*, что все те из них, которые имели в своей жизни какой-нибудь несчастный любовный роман, второй раз его уже не повторяли. Отсюда видно, что любовное влечение не есть для женщины настолько непреодолимое чувство, которого она не могла бы побороть в себе.

По этому поводу Paul de Kock пишет: “Любовь женщины пропорционально увеличивается с жертвой, которую она приносит своему любовнику: чем более она ему уступает, тем сильнее она к нему привязывается. Что касается мужчины, то его, напротив, страсть утомляет, а частое удовлетворение ее даже надоедает ему; одним словом: неудовлетворенное желание возбуждает его, удовлетворенное охлаждает, а полное пресыщение даже разрушает те узы, которые налагает любовь”.

Факт этот находится, по-видимому, в явном противоречии, с одной стороны, с тем, что у женщины первичные и вторичные половые органы (матка, влагалище, яичники, грудные железы) и многочисленнее и сложнее, чем у мужчины, а с другой — с той распространенной азбучной истиной, будто в жизни женщины любовь играет более главную роль, чем в жизни мужчины. “Любовь, — пишет г-жа de Staël, — для мужчины — один только эпизод, а для женщины — все”. Действительно, каждому известно, что важнейший жизненный вопрос всякой молодой девушки всегда сводится к жениху и выходу замуж. Эти два противоречия примиряются, если мы вспомним, что у женщины потребность в сохранении потомства, в материнстве преобладает над ее индивидуальным желанием. Именно эта потребность и влечет женщину к мужчине. Любовный инстинкт ее всецело подчинен материнству. Мы уже раньше сказали, что женские половые органы более сложны и многочисленны, чем мужские, но они служат не только для половых отправлений, но и целям материнства, именно для питания и выращивания новорожденного.

* Zur Psychologie der Frau in d. Zeitchr. für Völker — Psychologie und Sprachwissenschaft. Berlin, 1890.

Так, например, грудные железы являются органами, возбуждающими половую страсть только у цивилизованного человека, а у дикаря они никогда такого назначения не имеют. Высказанная только что мысль находит свое оправдание уже в том, что те половые органы, которые мы вообще считаем вторичными по самому происхождению своему, суть собственно настоящие органы материнства. Сюда относится кроме грудных желез, задняя подушка у готтентотов, функция которой чисто материнская, хотя она нам кажется вторичным половым органом, так как дикари всегда предпочитают тех женщин, у которых орган этот более развит.

Грудные железы имеют, стало быть, в глазах дикарей так мало значения как орган эротический и, наоборот, так исключительно ограничены своей ролью в деле материнства. При этом не следует упускать из виду продолжительность периода кормления грудью младенцев, которая длится:

у русских и персов	до	2 лет
у австралийцев, тодов, китайцев и японцев	"	2—3 "
у гренландцев, монголов, кабилов	"	3—4 "
у самоедов	"	5—6 "
у новокаледонцев	"	4—5 "
у эскимосов	"	5—6 "
у жителей Каролинских островов	"	9—10 "
у племен, населяющих землю короля Вильгельма	"	14—15 "

Вессаги (Путешествие его, 1880 г.) видел младенцев, которые вынимали изо рта трубку для того, чтобы пососать материнскую грудь.

Итак, нельзя признать эротическое значение за органом, который в течение столь долгого времени служит для вскармливания потомства, совершенно при этом деформируясь.

Но это еще не все. Подобно грудным железам и губы, служащие для выражения самых нежных оттенков нашей любви, были вначале также вторичным органом материнства, позднее изменившимся в эротический.

Поцелуй по своему происхождению не атавистичен и не врожден у ребенка, потому что он научается ему только со временем, он — повторение сосательного акта, как думает Darwin.

Почти у всех диких народов, даже у полуцивилизованных, как японцы, поцелуй как символ любви совершенно неизвестен. То же следует сказать про новозеландцев, сомали, эскимосов и др. Lewin сообщает, что у племен, живущих на высотах Читаганг, не существует выражения “поцелуйте меня”, а вместо этого они говорят “понюхайте меня”.

Очень может быть, что поцелуй постепенно развился из существовавшего в глубокой древности обычая кормить своих детей таким же образом, как это делают птицы. Многие матери в Европе таким образом и теперь еще кормят своих детей. Кроме того, известно, что так обыкновенно поступают женщины из племени фегениев, желая дать напиток своим грудным младенцам.

У этого народа нет никаких сосудов для жидкостей и питья. Взрослые утоляют свою жажду прямо из рек при помощи небольших камышовых трубочек, через которые втягивают в рот воду. Мать поит ребенка, набирая воды сперва себе в рот и затем понемногу вливая ее прямо в рот дитяти (*Revue scientifique*, декабрь 1892).

Очень возможно, что из этого приема, который впервые наблюдался у птиц, а затем перешел к нашим прародителям, и выработался первый поцелуй, бывший вначале, несомненно, больше материнским, чем любовным.

В этом, по-нашему, заключается новое доказательство того, что в природе материнский инстинкт всегда торжествует над половым.

В подтверждение высказанного нами мы можем сослаться также на Гомера и Гесиода, в поэмах которых одно и то же выражение для обозначения губ, женской груди и поцелуя употребляется при описании материнской, но никак не эротической любви.

У греков, в более позднее время, для понятия “поцеловать” встречаются термины, обозначающие выражение любви (страсти) при помощи губ (рта).

У Гомера понятие о страстном отцовском поцелуе включает просьбу и мольбу. Но Гектор в сцене прощания с Андромахой не целует ее, а только ласкает рукой. Точно так же о поцелуе нигде не упоминается при описании сцен между Венерой и Марсом, Одиссеем и Калипсо, Одиссеем и Цирцеей, Парисом и Еленой (“Илиада”, п. III), ни, наконец, при воспевании любовной истории Геры и Зевса в XIV песне Илиады.

Во всей “Илиаде” нет ни одного эпитета при описании губ и груди Елены, Андромахи, Бризеиды, Калипсо или Цирцеи. Упоминается только раз (“Илиада”, VI, 483) напитанная благоуханиями грудь Андромахи, которая берет из рук Гектора своего сына.

Если Гомер ничего не говорит о губах, груди и поцелуях Елены и Бризеиды в “Илиаде” и Пенелопы и Калипсо в “Одиссее”, то это потому, что в то время эти органы не имели никакого отношения к эротической любви, а поцелуй был выражением только родительского чувства. Равным образом в Древнем Египте из пяти иероглифических слов для начертания понятия о ласке четыре (Sexer, Heret, Huhe, Cheron) представляют собою изображения двух рук и только одно (Huhe), да и то сомнительно, — рта и зубов.

В санскритском языке слово kusyâmi, обозначающее “целовать и ласкать”, служит корнем для немецкого слова kuss, относительно целомудренного смысла которого мы уже раньше говорили.

В древних индийских поэмах (“Mahabharatha” — “Ramayana”) никогда не упоминается об эротическом поцелуе, а только о материнском, между тем как в индусских поэмах новейшего происхождения находят описание целых двенадцати видов поцелуев.

Это указывает на то, что в древности в Индии и в Греции поцелуя как выражения эротической ласки не знали, как не знают его еще и теперь дикие племена или дети.

Что касается атавизма в любовной мимике, то о нем мы должны заметить следующее: некоторые дикари, как мы уже говорили, приветствуют друг друга при встречах словами: “Понюхайте меня”, а читальтонги здороваются,

прикладывая нос к щекам друг друга и сильно втягивая в себя воздух (Lewin): “поцеловать”, odorari, означает у них понюхать, т.е. поцеловать носом. (Andree. Antropologische Parallelen.)

Новозеландцы покрывают друг друга при встречах покрывалами, затем трут себя взаимно носами, издавая при этом нечто вроде хрюканья и сильно втягивая в себя воздух (Cook — Путешествия его).

Туземцы на острове Санта-Мария при встречах обнюхивают друг друга; поцеловать у них значит стать носом друг к другу, т.е. потереться взаимно носами.

Папуасы, тасманийцы и жители Фуги, здороваясь, всегда держат около носа или над головой какой-нибудь приятно пахнущий предмет.

На острове Сокотра при приветствиях целуют друг друга в плечо.

На островах Дружбы при встрече с другом берут его руку и сильно трут себя ею по носу и по рту.

На Королевских островах приветствие заключается в том, что здоровающиеся плотно прикладываются друг к другу носами и затем энергично трут их один о другой.

У бирман приветствие называется nomtschi, что, собственно, означает “вдыхание запаха” (nom — запах, tschi — вдыхание). Китайцы дружески здороваются, касаясь носами друг друга, как в Японии, или же проводя ими по щекам один у другого вроде того, как при встрече наши дамы делают вид, будто они целуются.

Если мы примем во внимание фразу дикарей: “Понюхайте меня” с жестом их, не имеющим, собственно, никакого смысла (ибо в щеках нет ничего такого, что могло бы давать ощущение обонятельному органу), то легко поймем, что поцелуй является остатком, рудиментом того обычного обнюхивания, которому подвергают друг друга при всякой встрече ослы и собаки и которое у них связано с таким сильным возбуждением того или другого чувства.

Из всех наблюдений следует, что у первобытной женщины вторичные половые органы никакого эротического значения не имели; целям любви — если так можно на-

звать ее тогдашнее грубое чувство — служили, как и у животных, одни лишь первичные половые органы.

В первобытные, дикие времена человек не имел времени любить; он должен был постоянно бороться за свое существование, и любовь его была чисто животная, заключааясь, как и у животных, в удовлетворении одних грубых половых инстинктов. На языке дикарей ореама нет выражений, соответствующих понятиям “милая”, “дорогая”, “любить”, а у древних ценились, как известно, одни только физические качества женщин (“Дафнис и Хлоя”, “Песнь Песней”).

Цивилизация породила стыд, заставивший прикрывать наготу тела, а забота о чистоте его уничтожила всякий запах его, который в первобытные времена и привлекал мужчину к женщине. Вследствие этого части женского организма, назначенные для целей материнства, которые привлекали зрение и осязание мужчины (губы и грудные железы), должны были превратиться в эротические органы. Женщина начала целыми столетиями позже мужчины сперва татуироваться, а потом и наряжаться; кокетство же ее дополнило остальное. Наконец, на чувство любви мужчины, на его страсть начала влиять исключительно красота женщины, сделавшаяся, таким образом, одним из двигателей человеческого совершенствования.

Когда, наконец, женщина восторжествовала над самкой, любовь ее начинает отодвигать на задний план ее материнский инстинкт, но последний продолжает все-таки сказываться в ней здесь и там, ставя ее чувство выше просто-го удовлетворения половых потребностей.

В общем женщина, как мы это выше заметили относительно птиц и перепончатокрылых насекомых, всегда более мать, нежели жена. Мы видели у многих насекомых и некоторых млекопитающих, что самка способна жертвовать собою скорее для детенышей, чем для своего самца.

В подтверждение высказанного нами взгляда мы можем сослаться на народную мудрость, которая в поговорках часто осмеивает непостоянство вдовьего горя, и на многих писателей, которые вполне согласны с нею в этом

отношении. *Dolor di vedova, dolor di cubito* — гласит одна известная поговорка. Algarotti (Ricard. *L'amour des femmes*, 1877) говорит, что вдова, как бы сражена и убита горем она ни была, не плачет без задней мысли: она сильно рисуется своим несчастьем с целью вызвать чужое сострадание. Ricard замечает при этом, что самая неутешная вдова, если только она молода, всегда находит какого-нибудь утешителя. На это же намекает Данте в своем знаменитом стихе, который мы привели выше: *Si comprende etc...* Боккаччо описывает в одном из своих рассказов в "Декамероне" близкую к отчаянию вдову на могиле своего мужа, которая кончает тем, что принимает ухаживания нечаянно подвернувшегося поклонника и для того, чтобы ему понравиться, доходит даже до того, что заменяет труп одного повешенного преступника трупом своего многооплаканного мужа. Шекспир рисует в "Ричарде III" вдову, выходящую очень скоро замуж за убийцу своего мужа, убийцу, которого она незадолго перед этим ненавидела и проклинала. В "Бессмертном" A. Daudet есть одна сцена, в которой неутешная вдова отдается новому любовнику на могиле своего мужа. La Fontaine был, стало быть, совершенно прав, говоря:

La perte d'un époux ne va point sans soupirs
On fait beaucoup de bruit, — et puis — on se console.
 (Потеря супруга не обходится, конечно, без слез;
 в начале очень много шумят, но потом... утешаются.)

Но зато ни писатели, ни поговорки народные никогда не осмеивали истинности и правдивости материнского горя; жена редко оплакивает своего мужа спустя два или три года после его смерти, но зато как часто мать льет слезы о своем дитяти в течение десяти и даже двадцати лет!

Тацит писал про германскую женщину: "Так как у нее только одно тело и одна душа, то она имеет поэтому только одного мужа. Ее мысли, ее желанья никогда не расходятся с мыслями и желаньями того, с кем она связана; она любит, так сказать, не своего мужа, но супружество, в котором она с ним состоит" (Тацит. *Germania*, с. 19).

В “Princesse de Bagdad” Dumas рисует жену, готовую уже убежать со своим любовником из-под супружеского крова, но ее удерживает ребенок, который хочет поцеловать ее. Нетерпеливый любовник грубо отталкивает его, — и этого достаточно, чтобы в этой женщине моментально проснулось материнское чувство. Она прогоняет того, с кем хотела убежать, со словами: “Ah! j’étais folle!.....j’étais folle!.. Mais quand cet homme a porte la main sur mon enfant!..”*

Это господство материнского чувства над другими в женщине находится в связи с той важной ролью, какую оно играет в ее жизни. Мы уже раньше убедились, что оно обуславливает даже развитие новых органов. Теперь мы видим, что оно же ослабляет и даже совсем заглушает в женщине чисто чувственную сторону любви ее, которая так свойственна мужчине.

Этим объясняется, почему женщина не всегда ищет в своем муже красоту или молодость и отчего ее выходом замуж часто руководит не любовь, а какой-нибудь другой мотив, как, например, страсть к богатству или тщеславие, как об этом свидетельствуют Stendhal, Champfort и г-жа de Rieux.

Брак у цивилизованных народов есть вид эмансипации женщины, которая, выходя замуж, становится более свободной; брак — это, так сказать, общественный диплом ее. Понятно поэтому, что цивилизованная женщина стремится к замужеству, даже не испытывая никакой любви, и что у тех народов, где брак является синонимом рабства, он есть вместе с тем, как, например, в Австралии, источник горя и слез.

Постараемся теперь указать на другую причину антагонизма, которая существует между половым и материнским инстинктами.

Самки некоторых птиц (вьюрков) гонят от себя самцов после вывода птенцов (Brehm). Самки жвачных животных и суки не допускают к себе самцов, если они беременны (Joveau de Courmelle. Les facultés mentales des animaux, Париж, 1891).

* О! Я была безумна!.. я была безумна!. Но когда этот мужчина поднял руку на моего ребенка!.. (фр.).

По словам Icard'a у многих женщин также пропадает всякое половое влечение, как только они забеременеют (Icard. *La femme pendant la periode menstruelle*, Париж, 1883).

С другой стороны, половое возбуждение в период течи делает злыми тех самок, которые обыкновенно отличаются кротостью. Так, например, коровы и кошки отгоняют от себя в это время своих телят и котят, которых незадолго до этого ласкали.

Однако, несмотря на этот антагонизм между половым и материнским инстинктами, последний в основании своем все-таки чувственного характера. Многие женщины во время кормления очень часто испытывают эротическое раздражение. Есть даже такие, которые соглашаются забеременеть только для того, чтобы испытывать удовольствие кормления грудью ребенка (Icard. *Op. cit.*, с. 17).

Подобное раздражение является, вероятно, следствием той связи, которая существует между ветвями симпатического нерва матки и грудных желез.

Это явление, по-видимому, несколько аналогично с тем фактом, который сообщил Cabanis, а именно: "Если у петуха раздражать чем-нибудь заднепроходное отверстие, то, чтобы успокоить свое возбуждение, он садится на яйца и кончает тем, что приучается высидывать их так же хорошо, как и курица".

Можно сказать с положительностью, что любовь женщины к мужчине не имеет в своем основании чувственной подкладки, а является известного рода связью, которая устанавливается обыкновенно между низшим и высшим существами.

Доказательство этому мы находим в письмах Элоизы, этой женщины, привязанность которой к своему возлюбленному доходила до экзальтации, граничившей с безумием. "Видит Бог, — пишет она в одном письме к нему, — что я не искала в тебе ничего, кроме тебя самого, — такова была моя мечта. Я не думала ни о каких выгодах и заботилась — ты это хорошо знаешь — об удовлетворении не своих желаний и страстей, а только твоих. Быть может, имя супруги более священно, но я находила более

нежным имя любовницы и даже (не сердись на меня!) наложницы и содержанки. Чем более я унижала себя для тебя, тем более я надеялась овладеть твоим сердцем. Если бы император предложил мне сделаться его супругой, я бы в тысячу раз скорее предпочла стать твоей любовницей, чем его женой и императрицей!" (Heloisae epistola I).

В другом письме она следующим образом объясняет свой отказ выйти за него замуж: "Это было бы недостойно и гадко, если бы одна женщина завладела тем, кто создан для всех. Какой ум, занятый философскими размышлениями или научными изысканиями, мог бы продолжать свою работу в суматохе, поднимаемой детьми, при болтовне мамок и среди того беспорядка, который производят в доме слуги и служанки?"

Капитан Stodmann был болен тяжелой болезнью, от которой был спасен благодаря заботливому уходу за ним молодой негритянки из Surinam'a. В награду за это он хотел жениться на ней и сделать ее свободной, но она отказалась выйти за него замуж, говоря: "Господин, я создана для рабства, и брак этот только повредит тебе в глазах твоих товарищей; позволь мне лучше последовать за тобой в качестве рабыни и остаться при тебе столько, сколько я заслужу этого своей любовью и привязанностью к тебе"*.

Одна таитянка была влюблена в одного французского флотского офицера. Последний однажды заметил ей, что у нее очень красивая рука. Тогда таитянка сказала: "Она тебе нравится? Отрежь ее и возьми с собой во Францию!"

Wood рассказывает, что одна молодая кафская девушка, увидя однажды одного начальника танцующим, до того влюбилась в него, что, потеряв всякий стыд, отправилась к нему в крааль, желая объяснить ему в своей любви. Чтобы отделаться от нее, вождь этот обратился к ее брату, который увел ее силой. Но немного спустя она вернулась к нему в крааль. Ее жестоко наказали и вторично отправили домой. Но через неделю она опять явилась к любимому

* *Mantegazza. Gli amori degli uorli, 1888.*

ею человеку и добивалась любви его с таким упорством, что брат ее просил его взять ее себе в жены (Mantegazza).

Adamoli знал в Магадоре одну женщину, муж которой убил ее любовника. Даже во время самых мучительных пыток она повторяла, что любовь ее прекратится только с ее жизнью. В другой раз ему пришлось видеть в Затме одну знатную девушку, которая влюбилась в одного генуэзца и оставила родительский дом для того, чтобы убежать с ним. Ее схватили и жестоко наказали. Во время наказания она не переставала повторять, что ни на минуту не перестанет любить христианина (Mantegazza).

Г-жа Carlyle, жена знаменитого английского писателя, отличалась вообще независимым характером. Когда она была молодой девушкой, любимым занятием ее было лезть на стены и драться со своими школьными подругами. Выйдя замуж, она стала самой кроткой и послушной слугой своего странного и жестокого мужа. В это время последний был еще беден и неизвестен, и она отдала ему все свое небольшое состояние для того, чтобы он мог свободно работать, не заботясь о средствах к существованию. Из угождения к нему она поселилась в Kraighnputtock, в местности, климат которой был очень вреден для ее здоровья. В награду за такую жертву муж запретил ей заходить к нему в рабочий кабинет и все время заставлял ее починять ему платье и обувь и готовить его любимые блюда. В продолжение целых месяцев он не говорил с ней ни слова, словно не замечая ее вовсе, даже тогда, когда она была больна. Нередко он нарочно в ее присутствии начинал ухаживать за дамами высшего английского общества. Но никогда эта женщина не выразила своих страданий ни малейшей жалобой. “Прошу вас, — писала она ему, — быть немного добрее и снисходительнее к вашей Gooda (ее насмешливое прозвище), потому что она вас очень любит и всегда готова исполнить ваше малейшее желание; если вы ей прикажете, она ползет и на луну... Но если господин мой не найдет для меня ни одного слова, ни одного взгляда, то что же мне остается, кроме отчаяния? Я замкнусь в себе самой и сделаюсь несносной для всех...”

Сам Carlyle, мучимый угрызениями совести, говорил после смерти ее, что в годы лишений и неизвестности она была для него оплотом против его несчастий: “У нее всегда находилось сказать мне что-нибудь приятное, сообщить какую-нибудь милую историйку на свой оригинальный манер... Никогда я не слышал от нее ни единого слова, которое могло бы опечалить меня или быть мне неприятным даже в самые тяжелые, мрачные дни. Она скрывала от меня все грустное и неприятное, заботливо пряча это для себя одной”^{*}.

В “Путешествии по Австрии” Cadet-Gassicourt’a, которое цитирует Stendhal, мы читаем следующее: “На свете нет более угодливого и кроткого существа, чем австрийская женщина... Одна венка была любовницей некоего французского офицера. Любовник не только обманывал ее, но даже знакомил с подробностями своих грязных пождений; она же, несмотря на это, ухаживала за ним с полной самоотверженностью и удвоила свои заботы, когда он заболел, но он тем не менее не переменил после всего этого своего обращения с ней и любил ее не больше прежнего”.

“Любовь, — пишет Georges Sand, — это добровольное рабство, к которому стремится натура женщины”. Жалуясь на то, что ее покинул Alfred de Musset, она говорит: “Я должна страдать для кого-то, должна исчерпать тот излишек энергии и чувства, который есть во мне. Мне необходимо, наконец, питать эту материнскую заботу, с которой я привыкла бодрствовать у изголовья страдающего и изнеможенного существа”^{**}.

Приведенные строки бросают истинный свет на ту психологическую задачу, изучением которой мы заняты в настоящую минуту. Именно женщина, поставленная у всех народов в условия рабства, вполне зависящая всюду от произвола мужчины, существо слабое и не способное к энергичному сопротивлению, несомненно всегда и везде старалась действовать на лучшие чувства мужчины, чтобы до-

* Arvéde Barine. Portraits de femmes. Париж, 1886.

** Arvéde Barine. Alfred de Musset. С. 72.

биться его расположения кротостью и привязанностью. Поэтому она всегда стремилась окружить его возможно большею нежностью, довольствуясь сама лишь ничтожными частицами ее.

К подобному приему прибегают и животные. Так, например, собака увивается у ног своего господина, прыгая от радости и желая обратить на себя его внимание, чтобы добиться от него какой-нибудь ласки.

Элоиза, во время одного из страстных порывов, освещающих душу человека до ее глубины, подтверждает своими словами только что сказанное. “Чем больше, — пишет она, — я себя унижала, тем более я надеялась овладеть твоим сердцем”. Подобная нравственная черта — унижать себя с целью скорее добиться взаимности любимого человека — до того укрепилась с течением времени в женском характере, что в настоящее время женщина поступает нередко так же бессознательно даже в тех случаях, когда она нисколько не надеется на благополучное осуществление своих желаний, что и есть истинная причина ее самоотверженности.

Итак, любовь женщины выражается главным образом в сильной привязанности к любимому человеку и в преданности ему, т.е. именно теми чертами, которые развиваются сплошь да рядом в слабых или более низкой организации существах, живущих совместно с более сильными и высшими. Так, например, домашняя собака, бывшая некогда, по мнению Grani Allen'a, независимым, диким и хищным животным, в настоящее время, после тысячелетней дрессировки, отличается, живя рядом с человеком, такой верностью и привязанностью к нему, что уже давно вошла в поговорку. Собака часто так предана своему господину, что если последний умирает, то она нередко также издыхает, оправдывая таким образом известную поговорку, цитируемую Darwin'ом: “Собака — единственное существо на земле, которое любит нас больше, чем самое себя”.

Характер любви женщины, хотя и косвенным образом, указывает нам на то, что она стоит ниже мужчины, так как подобные чувства могли развиваться в ней только бла-

годаря ничтожной переменчивости ее личного “я”. Сильные желания и страсти были бы несовместимы с этой склонностью ее сливать свою личность с личностью другого, с этой почти полной утратой ею всякой воли, которая обыкновенно наблюдается только в некоторых болезненных состояниях, равно как и при гипнотизме.

Поэтому женщина действительно испытывает сексуальное наслаждение от любви только в том случае, если она всецело отдается любимому мужчине. При этом она счастлива все-таки не столько вследствие физического удовлетворения своего чувства, сколько благодаря сознанию, что она осчастлиливает свою любовью того, кого любит. Таким образом, становится понятным отвращение, питаемое к браку столькими молодыми женщинами, выходящими замуж по коммерческому расчету за людей, которых они мало или даже совершенно не знают.

Это бросает свет на целую массу вторичных явлений и объясняет нам, почему, например, женщина избирает себе предмет любви, руководствуясь не столько удовлетворением своего полового чувства, сколько сознанием того счастья, какое она доставляет другому. Мужчина при выборе себе жены обращает внимание на многое: на красоту лица, сложение, свежесть, цвет лица и тонкость кожи, приятность голоса, грациозность манер, между тем как женщина придает значение только характеру мужчины; что же касается его наружности, то к ней она относится безразлично, лишь бы она не была слишком отталкивающей. Таким образом, красота имеет различное значение у обоих полов.

“Женщины, — говорит г-жа Scudéry, — больше ценят в мужчине мужество и часто поступают положительно несправедливо, предпочитая храброго мужчину другим, более и богаче его одаренным различными достоинствами”.

Г-жа Соису того мнения, что “женщине более всего нравится военный народ: их наряд, манеры и осанка”.

По мнению Schopenhauer’a, “женщины не придают никакого значения красоте лица и единственное, что их привлекает, — это физическая сила и мужество. Интеллекту-

альные качества мужчины также не производят на них никакого прямого впечатления, глупость в их глазах не есть порок; напротив, гораздо опаснее для желающего иметь у них успех, если он одарен недюжинными или особенно гениальными способностями”.

“Коренной инстинкт женщины, — пишет Max Nordau (Paradoxen, 1886), — влечет ее неудержимо к обыкновенному, среднему мужчине, который не слишком глуп и не слишком умен, сообразуется во всем с требованиями моды, говорит о хорошей и дурной погоде, преклоняется перед идеалами элементарной школы, придерживается взглядов и привычек зажиточного буржуа и доказывает фасоном и цветом своего галстука, что он стоит на высоте своего времени. Таким шедевром природы неудержимо увлекутся 99 женщин из ста и предпочтут его всякому иному, более его одаренному мужчине”.

Действительно, в истории мы находим достаточно примеров несчастной семейной жизни гениальных мужчин, из числа которых не один Сократ нашел уже — по выражению Schopenhauer’a — свою Ксантиппу.

Как мы только что заметили, причина того, что женщина так мало ценит мужскую красоту, кроется в ее притупленной половой чувствительности. Мужчина же, более чувственный, нежели она, наслаждаясь любовью с женщиной, пускает в ход и зрение, и обоняние, и особенно осязание; поэтому степень женской красоты, которая должна удовлетворять всем этим чувствам, должна быть более сложной.

Что касается того предпочтения, какое женщина оказывает физической силе, то оно зависит от того, что она всегда ищет в мужчине защиту и опору.

“Поклонение силе, — пишет Spencer (Введение в социологию, 1886), — имеет своим основанием закон, по которому женщина тем вероятнее производит на свет потомство, чем крепче мужчина, которому она принадлежит. Вот почему женщины постоянно ищут и выбирают себе в мужья сильных и, пожалуй, даже грубых мужчин, предпочитая им слабых, хотя последние обращаются с ними лучше”.

Ввиду того что половая чувствительность женщины, будучи слабой, является ничтожным возбудителем ее, становится понятным, почему так влияют на ее личное расположение такие мотивы, как богатство, тщеславие и пр.

“Если женщина, — говорит Stendhal, — по любовному капризу отдается мужчине, то она в первые минуты больше придает значения тому, что в этом человеке нашли другие женщины, нежели она сама. Этим объясняется тот успех, который имеют у дам высокопоставленные лица и служители Марса”. (О любви.)

“Если вы хотите иметь успех у женщины, — пишет г-жа de Rieux, — то вы непременно должны затронуть ее самолюбие”.

В этом кроется также секрет того успеха у женщин, который выпадает на долю ораторов, певцов, артистов и вообще всех людей, так или иначе достигших известности. Известно, что самые красивые женщины двора Людовика XIV всегда бредили им, даже в то время, когда он был уже довольно стар.

Stendhal сообщает про одного шестидесятилетнего мужчину, влюбившего в себя молодую женщину только благодаря тому, что ему удалось задеть самолюбие одновременно у нее и у другой девушки.

“Что касается любви оперных артистов, — продолжает Stendhal, — то стоит иной раз только устранить соперницу, и страсть их, грозившая окончиться самоубийством, моментально испаряется”.

Г-жа Staël-Delaunay рассказывает, что однажды, когда она прогуливалась со своей подругой, к ним на улице пристал какой-то молодой человек. Им очень захотелось узнать, кто из них причина такого внимания. Каждая из них держала пари, что молодой человек имеет в виду не ее, а подругу, и рассказчица сознается, что была очень огорчена, убедившись, что предмет ухаживаний была не она, а именно... ее подруга (Mémoires. Paris, 1892).

С другой стороны, если молодая женщина выходит замуж за старика, то это не делает такого скандала, как обратный случай. Точно так же объясняется и то обаяние,

которое производят на женщин развратники, что подмечено многими психологами.

“Женщинам часто тем больше нравится какой-нибудь мужчина, чем большим успехом он пользуется в свете” (Rochebrune).

“Позволяя ухаживать за собою какому-нибудь донжуану, честная женщина, — говорит Bourget, — с гордостью думает о той победе, которую она одерживает таким образом над многочисленными соперницами своими, несмотря на то что они при ее неискренности должны ей казаться чудовищами”.

Заключение. Женская любовь есть в сущности только особый вид материнского чувства; многие органы, служащие собственно целям последнего, сделались половыми только впоследствии; наконец, любовное чувство, питаемое женщиной по отношению к мужчине, есть следствие не полового влечения к нему, а той преданности и подчинения ему, которые развились в ней путем постепенного приращения к жизни.

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ

I

СТЫД И ПРОСТИТУЦИЯ У ДИКИХ НАРОДОВ

Точно так же, как и преступление, проституция была нормальным явлением в жизни цивилизованных народов на заре их развития, какою она является и в настоящее время в жизни дикарей.

1. Стыд. Первобытный человек не знал никакой одежды.

У племени уаатуа (Camegon, Экваториальная Африка, 1870) женщины носят, как и мужчины на Ново-Гебридских островах, передники, которые не закрывают их половых органов. Эскимосы в своих юртах укладываются спать совершенно голыми, без различия пола, тесно прижавшись друг к другу (Bove).

В Австралии негры мужчины и женщины ходят совершенно голыми. Когда миссионеры раздали платя туземцам, многие из них прикрыли ими свои плечи (Rudesindo Salvado).

Полуевропеизированные дамы с Сандвичевых островов приплывали к европейским судам голыми, держа на голове свои платья, обувь и зонтики, чтобы потом одеться на корабле.

Женщины на острове Фернандо не носят никакой одежды, кроме шляп на голове.

Женщины племени ивилина (Экваториальная Африка) на просьбу Compiégne'a уступить ему те куски материй, которые они носили вокруг пояса, немедленно тут же беспокорно сняли их, желая поскорее получить обещанные им в обмен зеркальца.

Королева из Балонда явилась к Ливингстону совершенно голая. В общем почти все женщины этой местности носят кое-какие куски тканей, но скорее как украшения, чем с целью прикрыть свою наготу. Мужчины, напротив, более или менее здесь одеты.

Женщины аскиров в Африке одеваются только лишь после выхода замуж, но пояс, который они при этом носят, служит им скорее украшением, чем одеждой. Кисамасы ходят обыкновенно без всякой одежды.

В Новой Бретани ни мужчины, ни женщины никогда не прикрывают своих половых частей. В Новом Ганновере все женщины, совершеннолетние и несовершеннолетние, ходят обыкновенно нагими.

Срук однажды видел на одном из островов Таити взрослого мужчину, имевшего coitus с девочкой 11 лет в присутствии королевы, которая давала ему необходимые для этого наставления. Любимой формой времяпрепровождения обоих полов был, по его сообщению, половой акт (Первое путешествие, т. V).

Акт совокупления не имел в себе, по понятиям многих древних народов, ничего, что могло бы оскорбить чувство общественной благопристойности. Многие народы Кавказа, Африки и индусы совокуплялись в присутствии посторонних, подобно животным (Геродот, I, 305; III, 301). Точно так же поступали иногда этруски во время некоторых своих празднеств (Athenaeus, Deipnosoph, XII, 255). Женщины их во многих случаях являлись пред народом совершенно голыми.

Равным образом известно, как легко были одеты древние греки и как охотно они расставались со своей одеждой при всяком удобном случае (Taine, Philosophie de l'Art). Самое слово "гимнастика" происходит от греческого слова "гимнос" (голый), что указывает на бывший в употреблении обычай раздеваться голыми для того, чтобы упражняться в известных гимнастических приемах, в которых у некоторых народов (Спарта) принимали одинаковое участие и женщины.

2. Гражданская проституция. В глубокой древности брак не существовал и проституция была нормальным явлением.

У каледонцев жены были общими и дети их принадлежали всему племени.

Наеры живут в беспорядочном половом сожитии.

Бушмены, как утверждает Lubbock, не имеют никакого представления о браке.

В языке дикарей, населяющих Калифорнию, нет слова, выражающего собой понятие “брак”; ревность проявляется у них только тогда, когда женщина отдается мужчине другого племени, как в Парагвае.

У массагетов каждый мужчина брал себе жену, которой потом пользовались все. Если кто-нибудь из них желал обладать какой-нибудь женщиной, то он привязывал свой колчан к повозке и тут же удовлетворял свое желание (Геродот. I, 216; IV, 172; III, 191; I, 93).

У назамонов и агатирзов общая принадлежность женщин являлась вполне определенным положением. Они строго придерживались ее, чтобы иметь право называться всем братьями и чтобы среди них не было ни неудовольствия, ни взаимной зависти. С этой же целью тирренцы воспитывали своих детей вместе, причем отец ребенка оставался обыкновенно неизвестным. Озы также сообща владели женщинами. Когда у них ребенок достигал трехмесячного возраста, мужчины осматривали его, и он считался сыном того, на кого он более всего походил (Геродот).

У андаманов (и у некоторых других племен Калифорнии) женщины принадлежали одинаково всем мужчинам и у них считалось тяжким преступлением, если какая-нибудь из них не соглашалась отдаться кому-нибудь из мужчин. У них наблюдаются уже временные союзы между отдельными парами, особенно если женщина забеременела, но эти союзы почти всегда прекращаются, как только женщина разрешится от бремени. Таково происхождение брака, который из проституции и полового насилия развился так же, как право из преступления.

У тех диких народов, у которых существует брак, он, вместо того чтобы препятствовать проституции, напротив, благоприятствует развитию ее. Так, она часто обмениваются во время оргий своими женами, которых они принуждают отдаваться также их родственникам (Hartmann).

Macleay утверждает, что у кафров нет слова для выражения понятия о девственности. Когда девушка у них достигает совершеннолетия, об этом возвещается публич-

ным праздником, и отныне всякий, кто захочет, может ею обладать.

В Дарфуре принято давать каждой девушке, достигшей совершеннолетнего возраста, отдельную хижину, куда всякий мужчина может заходить, чтобы провести с ней ночь.

В Австралии существует обычай, по которому место отсутствующего мужа заступает на супружеском ложе другой мужчина из того же племени (Eyre, *Discoveries in Central-Australia*, II, 320). Девушки, начиная с 10-летнего возраста, могут вступать в связь с мужчинами, к чему возбуждают их нарочно устраиваемые с этой целью известные празднества.

У эскимосов женщина во время отсутствия своего мужа может отдаться кому ей угодно (Parry). “В любви, — сказали они одному русскому миссионеру, — мы поступаем так же, как и морские выдры” (Langsdorff).

Женщины генданов в Африке носили на ногах столько кожаных браслетов, со сколькими мужчинами они вступали в связь (Геродот. IV, с. 176).

Sextus Empiricus рассказывает подобное же о египетских женщинах, которые гордились числом своих любовников (Нур. Pyrrh., I, 14).

В Тибете девушки носят на шее кольца, подарки своих любовников. Значение их далеко не безразлично: чем больше их у девушки, тем с большей торжественностью празднуется ее свадьба.

На островах Дружбы туземные девушки являлись на европейские корабли и отдавались на них матросам. Уходя, они говорили: “Mitzi, bongni mitzi”, т.е. “Мы сегодня любили, завтра повторим это”.

Почти у всех индейских племен, живущих на севере Америки, как, например, у апачей, девушка до выхода замуж и после него одинаково свободна и может отдаваться кому захочет.

У некоторых племен на Панамском перешейке самые знатные женщины считают недостойным для себя поступком отказать в своих любовных ласках кому бы то ни было, кто бы ни просил их об этом.

Подобное половое смешение, как и течка у животных, повторяется здесь периодически, преимущественно в жаркое время года, изобилующее всевозможными плодами (Lombroso. Uomo bianco e uomo di colore, 1870).

В Никарагуа существовал ежегодный праздник, во время которого женщины имели право отдаваться всякому, кто им нравился (Bancroft).

3. Гостеприимная проституция. Все изложенное достаточно объясняет, каким образом могла развиться гостеприимная проституция. Обычай предлагать жен своим гостям распространен на о. Цейлоне, в Гренландии, на Канарских островах, на островах Таити, и отказаться от предлагаемой женщины считается здесь большой обидой для хозяина. “Я не могу допустить, — говорил один туземный начальник одному священнику, — чтобы какая-нибудь религия могла запретить подобное невинное удовольствие, которое есть в то же время услуга для страны, так как увеличивается ее население новым существом” (Radiquet, I).

Когда миссионер Haggis отказался в Нукагиве от подобного почетного предложения, туземные женщины ночью пробрались к нему, желая убедиться, мужчина ли он (Poulding).

Bousquet'у, путешествовавшему по Японии, один отец предлагал свою дочь в присутствии мужа последней.

Marco Polo жил в Тибете у одного туземца, который нарочно уходил из дома, для того чтобы он мог свободнее наслаждаться обществом его жен.

На Марианских и Филиппинских островах туземцы предлагали спутникам Коцебу своих дочерей. Туземки из Манны отдавались солдатам гарнизона, расположенного в Перузии.

У ассанов женщина может в третий день каждой недели отдаваться иностранцу (Hartmann).

У арабского племени гассиниэ женщина также свободна в половом отношении раз в четыре дня.

У негров ассини глава семейства, желая почтить гостя, предлагает ему обыкновенно свою дочь (Op. cit.).

У племени надовесси славилась женщина, если после известного праздника была в состоянии отдаться 40 военачальникам (Carver. Travels in North America, с. 142).

Нередко случается, что муж продает свою жену. Так, в Дарфуре мужья уступают иностранцам своих жен за известное вознаграждение (Letourneau).

В Кохинхине отец может продать за ничтожную плату свою дочь гостю или даже чужеземцу без того, чтобы это дурно повлияло на ее будущность (Letourneau).

Итак, из этих примеров мы видим, что брак, в простейших формах своих, не только не искореняет проституцию, но даже, напротив, поддерживает ее.

Это беспорядочное половое сожитие служит причиной явления, находящегося, по-видимому, в противоречии с тем презрением, на которое всегда и везде осуждена женщина. Мы говорим о матриархате, т.е. о родительской власти, принадлежавшей в первобытные времена матери или брату ее. Следы его мы наблюдаем в Австралии, в Конго, в Луанго, у туарегов, у древних египтян и у этрусков, у наеров и у многих американских племен (Carver. Op. cit., с. 258). Согласно матриархату положение и имущество обыкновенно наследуются от матери, а отец часто смешивается с дядей.

Это же беспорядочное половое сожитие породило странный обычай, распространенный в Америке, в Азии, у басков и пр., который заключается в том, что после рождения женою ребенка муж ее ложится в постель, как бы симулируя роды. Обычай этот имеет, по-видимому, целью навести на мысль о том, что предполагаемый отец имеет свою долю участия в рождении детей, а следовательно, он должен иметь и известную власть над ними (Tylor. Op. cit.).

4. Полиандрия. Человек перешел от смешанного (беспорядочного) полового сожития к моногамии не прямо, а через некоторые формы, рассматриваемые нами в настоящее время как преступления, а именно: полиандрию, кровосмешение, насильствование и насильственное похищение женщин,

У древних номадов, точно так же как и у некоторых арабских племен, женщины принадлежали одинаково всем мужским членам семейства.

В Тибете старший брат избирает себе жену, которой затем пользуются все его братья. Последние все переселяются на жительство в дом к новобрачной. Дети могут наследовать лишь от матери, так как только по отношению к ней родство не может быть оспариваемо (Turner. *Historic des voyages*, XXX, с. 437).

У тодов жена старшего сына становится постепенно женой всех младших братьев мужа по мере того, как они подрастают, а эти, в свою очередь, становятся мужьями ее сестер (Short. *Op. cit.*, с. 240).

У наиров женщина обыкновенно имеет 5—6 мужей. Но число их может доходить до 10, причем она с каждым из своих мужей живет по очереди 10 дней. Что полиандрия есть, в сущности, только переходная ступень от смешанного полового сожития к простейшей форме брака, доказываемая тем, что при ней допускается для женщины одновременное половое сожитие с несколькими мужчинами только в том случае, если все они принадлежат к одному и тому же племени, в некоторых случаях даже к одной и той же касте (Spencer. *Sociology*, 11).

У сингалезов только братья имеют общих жен, так что половое смешение имеет здесь место в пределах одной семьи.

В Полинезии всякий мужчина имеет право пользоваться женой своего интимного друга (Fayo) (Letourneau).

Таким образом, начало половой нравственности кроется в желании делить свое супружеское ложе лучше с членами одной и той же семьи, чем с целым племенем.

5. Религиозная проституция. Даже после упрочения брака остатки смешанного полового сожития еще долго наблюдались в некоторых свадебных обрядах, как, например, у санталов, у которых браку женщины предшествовало беспорядочное обладание ею кем угодно в течение шести дней. Точно так же на Балеарских островах новобрачная отдавалась на первую ночь всем присутствовавшим гостям, как и во время феодализма в средних веках она принадлежала в течение этой ночи своему феодальному властелину.

Гераклидес Понтикус (364 до Р. Х.) рассказывает, что в отдаленные времена тиран острова Кефалонии лишал не-

винности всех девушек, которые готовились выйти замуж.

В Талмуде мы читаем, что девушка до выхода своего замуж должна была провести одну ночь с Тафеаром. Геродот рассказывает, что у адирмахидов все девушки, готовившиеся выйти замуж, приводились к царю, растлевавшему тех из них, которые наиболее отличались красотой.

В Камбодже в XIV столетии ни одна девушка не выходила замуж, не быв предварительно лишена невинности бонзами (жрецами), которые получали определенную плату за свой труд (*thing-thang*) (N. Rémusat, *Mélanges Asiatiques*, с. 118).

Все это остатки древней проституции, по которой женщина, прежде чем сделаться собственностью одного, отдавалась на растление многим или же самому могущественному политическому или духовному члену своего племени.

У китайцев остатком полигамии является обычай покупать несколько "маленьких жен", подчиненных законной "великой жене", которая и считается матерью всех родившихся детей. Что же касается полиандрии, то следы ее являются законоположения в кодексе Ману, на основании которых деверю предоставляется право оплодотворять свою бесплодную невестку вместо мужа.

6. Юридическая проституция. Другая ветвь первобытной проституции есть тот вид ее, который можно было бы назвать юридической проституцией. Сюда принадлежит левират (ужичество), т.е. обязанность младшего брата жениться на вдове старшего брата в случае смерти его. Обычай этот, существующий у евреев, мексиканцев, афганцев и чипперейев, имеет основание во взгляде на женщину как на слабое существо, считающееся собственностью всего семейства.

Другой источник подобной проституции заключается в том уважении, которым пользовались у некоторых народов проститутки. Оставляя свое позорное ремесло, они выходили замуж и становились нередко предметами особенного почитания. Существует предание, что даже сам Будда, прибыв в индийский город Везали, был принят великой начальницей куртизанок (Spier. *Life in Ancient India*, XXVIII). В Абиссинии публичные женщины занимали по-

рою очень высокое положение при дворе и нередко становились правительницами городов и даже целых провинций (Combe et Tamisier. Voyage en Abyssinie, II, 116).

Наконец, остатком этого рода проституции, служащим переходною ступенью к нормальному браку, является у многих народов полная свобода в половом отношении девушек, прекращающаяся вместе с выходом их замуж.

У шинуков в Америке девушки ведут развратный образ жизни, а замужние женщины, напротив, отличаются чистотой своих нравов. Тиапы также придают очень мало значения нравственному поведению девушек до выхода их замуж, хотя и женятся охотно на девушках, уже потерявших свою девственность.

В Кохинкине на супружескую верность мужа смотрят как на его обязанность; между тем родители нередко торгуют своими дочерьми, что, впрочем, не мешает последним выходить замуж.

У киунгта и у некоторых горных племен ассама, равно как на Марианских и Каролинских островах, девушки развратничают самым ужасным образом, но после выхода замуж начинают вести самый примерный образ жизни (Lewin).

Итак, мы видим, что среди диких народов весьма распространено половое сожитие, подобно тому как оно существует в царстве животных.

II

ПРОСТИТУЦИЯ У ИСТОРИЧЕСКИХ НАРОДОВ

(см. Dufour, Historie de la Prostitution)

У цивилизованных народов мы находим в первобытные времена те же самые явления, которые мы в настоящее время наблюдаем у дикарей, т.е. проституцию всех видов, как-то: религиозную, гражданскую, гостеприимную и юридическую; и притом в таком распространении, которое как нельзя более доказывает, что стыд и самый брак суть продукты только более позднего развития.

1. Восток. Религиозная проституция. Геродот повествует, что в Вавилоне все женщины, в нем родившиеся, должны были по крайней мере хоть один раз в своей жизни явиться в храм Мелитты, чтобы там отдаться какому-нибудь чужеземцу. Они должны были оставаться в этом храме до тех пор, пока кто-нибудь из этих чужеземцев не бросал им на колени известную сумму денег и приглашал их к coitus'у. Деньги, полученные таким путем, считались священными (I, 199).

В Армении богиней проституции почитали Анаис, храм которой напоминал собой храм Мелитты в Вавилоне.

Вокруг этого храма находились обширные поля, окруженные высокими стенами, за которыми жили женщины, посвятившие себя этой богине. Вход сюда разрешался одним только чужестранцам. Жрецы и жрицы этого храма избирались из представителей и представительниц самых благородных и знатных фамилий страны, причем продолжительность служения их богине определялась всегда их родными. Уходя оттуда, женщины эти оставляли в пользу храма все, что они заработали, и с успехом выходили замуж, причем женихи их справлялись в храме об их поведении. Девушка, которую посетило наибольшее число иностранцев, считалась самой желанной невестой (Страбон).

У финикийцев также существовала гостеприимная и религиозная проституция. По словам Евсевия, у них был обычай отдавать на растление чужеземцам своих дочерей единственно во славу традиций гостеприимства. Храмы, посвященные богине Астарте и находившиеся в Тире, Сидоне и в главных городах Финикии, были местами, где проституция практиковалась в самых широких размахах. Это продолжалось до IV столетия, именно до царствования Константина Великого, который разрушил храмы Астарты и на их местах построил христианские церкви.

В финикийских колониях религиозная проституция получила торговый характер, который вообще был свойствен этому народу. При въезде в город Карфаген находились так называемые "Benoth Sukkoth" (палатки девушек), т.е. публичные дома, в которых молодые девушки, торгуя своим

телом, отдавались за деньги чужестранцам с целью заработать таким путем приданое, выйти замуж и сделаться очень почтенными, целомудренными женами, пользовавшимися большим уважением своих мужей. Они стекались сюда со всех сторон в таком огромном количестве, что многие из них в силу конкуренции не могли вернуться на родину так скоро, как желали бы, чтобы там выйти замуж.

На острове Кипре было также много храмов, где культ Афродиты сопровождался такими же религиозными обрядами. В Киликии, в Тамазисе, в Афродизиуме и в Италии священная проституция исходила из тех же мотивов и выражалась в тех же формах.

В Сузе, Экбатане и у парфян существовали скалы проститутток.

По словам Геродота, девушки в Лидии зарабатывали себе приданое путем проституции и продолжали заниматься ею вплоть до выхода замуж. Приданое давало им возможность выбирать себе по своему вкусу мужей, которые не всегда имели право отказаться от чести подобного предложения.

Они вместе с купцами и ремесленниками Лидии участвовали в расходах по сооружению памятника на могиле Алиатта, отца Креза. Надписи, сделанные в память этого, указывают, какую именно долю дала для этого каждая из участвующих сторон. Оказывается, что куртизанки понесли гораздо большие расходы, нежели ремесленники и купцы.

Геродот следующим образом описывает нам праздники, совершавшиеся в городе Бубасте в Египте, в честь богини Изис: "Мужчины и женщины путешествуют по реке все вместе, без всякого различия пола. Пока длится это путешествие, некоторые женщины бьют в кастаньеты, мужчины играют на флейтах, прочие же поют и бьют в ладоши. Когда приближаются к какому-нибудь городу, лодки причаливают к берегу; одни женщины продолжают бить в кастаньеты, другие перебраниваются с женщинами, находящимися на берегу, а третьи танцуют, бесстыдно поднимая свои платья кверху". В храме богини Изис собирались одновременно сотни тысяч пилигримов, которые предавались здесь самому дикому разврату.

Непристойности культа богини Изис становились особенно грандиозными, когда церемонии совершались в подземельях при посвящении какого-нибудь новичка в таинства его после целого ряда искусов и очищений. Геродот, посвященный во все тайны этого культа египетскими жрецами, говорит об этом довольно много, несмотря на всю свою сдержанность.

Хеопс воздвиг свою колоссальную пирамиду, постройка которой длилась двадцать лет и поглотила бездну денег, на средства, добытые его дочерью проституцией. Но последняя все еще была недовольна исполнением взятой на себя задачи и просила каждого посетителя дать ей еще на один камень для возведения особого строения по ее плану. “Из этих камней, по словам одного жреца, — говорит Геродот, — и была выстроена между тремя возвышающимися пирамидами четвертая”.

У евреев, до окончательного издания Таблиц Законов, всякий отец имел право продать свою дочь в наложницы на известный срок, означенный в продажном контракте. Деньги, полученные при этой продаже, поступали всецело в его пользу, и девушка при этом ничего не получала, кроме тех случаев, когда господин ее выдавал ее замуж за своего собственного сына, а сам брал себе другую наложницу. Этой торговле дочерьми положил конец только Моисей: “Не продавай своих дочерей для того, чтобы земля не покрылась пятном и нечистью” (Кн. Левит. XIX).

Богу Молоху, который изображался в виде человека с телячьей головой и с протянутыми вперед руками, приносили в жертву плоды, муку, диких голубей, ягнят, баранов, быков и даже детей. Все эти жертвы бросались в одно из семи отверстий, зиявших на животе этого бронзового идола, внутри которого помещалась огромная печь, где они сжигались. Чтобы заглушить крики их, жрецы Молоха во время жертвоприношений поднимали страшный шум игрою на систрах и барабанным боем. Под этот-то шум поклонники его и совершали самые грубые и непристойные обряды.

Приверженность к подобным обрядам так глубоко укоренилась среди еврейского народа, что некоторые секты

пытались ввести их в культ единобожия, чем осквернили свои храмы.

Поклонение Ваал-Феору, или Вельфеору, любимому божеству мидианитян, распространилось среди евреев так сильно, что оно часто заменяло собою служение Богу Авраама.

По Selden'у, Вельфеор изображался в виде огромного истукана с приподнятым и свернутым на голове платьем, как бы для того, чтобы показать свои половые органы. Что касается пола его, то Mignot думает, что он был гермафродит, в то время как Dulaure того мнения, что истукан этот имел мужские половые органы. В храме, посвященном Вельфеору, жило множество женщин, которые продавались, и вырученные таким путем деньги клали на его алтарь. Во время известных религиозных обрядов в честь этого бога, совершавшихся ночью в глубине священных лесов, жрецы и поклонники его наносили друг другу ножами неглубокие раны и, разгоряченные вином и возбужденные музыкой, плясали до тех пор, пока тут же не падали без сознания в лужи собственной крови.

Несмотря на запрещение Торы, проституция эта, указания на которую мы находим даже во времена Маккавеев, продолжала существовать еще долгое время. Сюда относятся также фаллические празднества, которые совершались сообща евреями и моабитскими девушками, устраивавшими у Бет-Эскимота палатки, где они торговали драгоценностями и своим телом (Кн. Моисея IV, гл. XXV).

Можно сказать, что через всю историю еврейского народа проходит непрерывная борьба законодателей и пророков с проституцией и половой разнузданностью народа. Подобно тому как в настоящее время каждый думает о куске насущного хлеба и некоторых удобствах, так точно некогда всякий заботился о свободе своей половой жизни.

Проституция гражданская. Наряду с религиозной проституцией развивалась и гражданская проституция.

Пророк Варух говорит: "Вдоль улиц сидят женщины, опоясанные веревками, и сожигают благовония. Та из них, которая приглашена для совокупления с прохожим, хва-

стает потом перед своей соседкой, не видевшей, как он развязал свой пояс” (Варух, VI).

В истории Тамары описываются уличные блудницы, скрытые под покрывалами, сидящие на краю дорог и следующие за всяким, кто может им заплатить. В Библии они изображаются то неподвижно сидящими на перекрестках дорог, скрытые под покрывалами, то неприлично одетыми, сжигающими благовония и распеваящими песни. Но эти блудницы, по крайней мере, большинство их, не были еврейками. Они называются просто чужеземками, и были родом из Сирии, Египта и Вавилона.

2. Греция. Религиозная проституция. В Греции также была распространена в глубокой древности религиозная проституция.

Солон на доходы учрежденных им в Афинах диктериад (публичных домов) построил храм в честь богини проституции против ее статуи, у подножия которой собирались процессии верных прозелитов этой богини. Афинские гетеры принимали деятельное участие в празднествах в ее честь, которые совершались в четвертый день каждого месяца и во время которых они занимались своим ремеслом в пользу этого храма.

Другие такие же храмы находились в Фивах, в Беотии и в Мегалополисе, в Аркадии.

Культ Афродиты был не что иное, как культ проституции, как это доказывают различные названия, данные этой богине.

Так, она называлась “Pandemos” (всенародной), “Hetaira” или “Porne” (гетера, представительница грубой чувственности), “Peribasia”, по латыни “Divaricatrix” — слово, содержащее намек на похотливый акт. Затем ее называли “Melanis”, то есть черной, или богиней любовной ночи, потому что храм ее был окружен непроницаемым для дневного света лесом, где влюбленные бродили ощупью. Она носила еще названия “Mucheia” (богиня тайных мест), “Castnia” (богиня бесстыдных совокуплений), “Scotia” (богиня мрака), “Darcetos” (богиня праздной лени), “Kallipygos” (богиня с красивыми ягодицами), наконец “Mechanitis” (ме-

ханическая богиня), так как изображения ее из дерева с мраморными ногами и лицом, будучи приведены в движение при помощи скрытых пружин, передавали самые циничные и грязные позы и движения.

Роль жриц этой богини часто исполняли куртизанки и способствовали таким образом увеличению доходов ее храмов. Страбон уверяет, что в храме Афродиты в Коринфе жило более тысячи гетер, посвященных его посетителям.

В Древней Греции был распространен обычай посвящать Афродите для умилоствления ее известное число совсем молодых девушек. Так, мы знаем, что Ксенофонт из Коринфа, отправляясь на Олимпийские игры, обещал посвятить ей пятьдесят гетер, если она дарует ему свободу. “О, владычица Кипра, — восклицает поэт Пиндар в оде, составленной в честь его победы, — Ксенофонт приведет в твой обширный лес целую вереницу в пятьдесят красавиц!.. А вы, молодые красавицы, — обращается он затем к этим последним, — вы, которые даете у себя приют и гостеприимство всем чужеземцам, вы, жрицы богини Пито в богатом Коринфе, возжгите благоухания перед изображением Афродиты и, призывая мать любви, умолите ее не отказать нам в ее небесной милости и дать нам то блаженство, которым мы наслаждаемся, срывая нежный цвет вашей красоты”.

На одной древнегреческой вазе из знаменитой коллекции Durand’a изображен храм Афродиты, в котором куртизанка при посредстве рабыни принимает предложение одного чужестранца, увенчанного миртовым венком и держащего в руке кошелек с деньгами.

Празднества в честь Адониса были не обыкновенные оргии. Гетеры посвящали храмам его значительную долю заработков, полученных путем проституции. Они обыкновенно пользовались празднествами в честь его, на которые отовсюду стекалась масса чужестранцев, для того чтобы предаваться в это время самому широкому разврату якобы во славу и под защитой этого бога.

Проституция гражданская. Прочное распространение религиозной проституции и натолкнуло, вероятно, Солона на признание и регламентацию гражданской проституции. При

нем она впервые является официальной в государстве, которое получает от нее известный доход.

Солон имел в виду доставить государству те доходы от проституции, какие получали от нее до сих пор храмы, и для этого он устроил в Афинах публичный дом, служивший для удовольствий афинской молодежи и для ограждения личности и покоя честных женщин. Дом этот, куда всякий имел доступ, назывался “диктериадой” (dictetion), и в нем жили купленные и содержимые за счет государства рабыни.

“О, Солон, — восклицает поэт Филемон в одной из своих комедий, — ты сделался благодетелем народа: в этом учреждении ты усмотрел его благо и спокойствие! Ты устроил дома, в которых поместил для общественных нужд женщин, купленных тобою и служащих для того, чтобы отдавать свои ласки всякому, кто за это заплатит. Этим ты предусмотрел и предупредил большой вред и неизбежное зло!”

Входная плата в диктериады, одинаковая для всех посетителей, была очень умеренная. По словам Филемона, она во времена Солона не превышала одного обола, что на наши деньги равняется приблизительно 10—12 коп.

Ксенарх в своем “Penthale” и Евбулид в “Parenchis” дают нам описание женщин, живущих в этих притонах разврата. Они носили платья из прозрачных тканей, чрез которые взор мог видеть все. Некоторые из них одевались с еще более тонким цинизмом, прикрывая лица вуалью и грудь тонкими нежными тканями и оставляя прочие части тела неприкрытыми.

Диктериады, к какому бы разряду они ни принадлежали, пользовались привилегией полной неприкосновенности: они считались убежищами, где каждый гражданин находился под защитой общественного гостеприимства, и туда никто не имел права проникнуть с целью совершения какого бы то ни было насилия.

Ни для одного гражданина, каково бы ни было его общественное положение, не считалось позорным посещать эти дома терпимости. Напротив, по мнению одного юмористического римского писателя, осмеивавшего нравы афинян, их даже должен был посещать всякий молодой чело-

век, чтобы там заканчивать свое воспитание: non est flagitium scortari hominem adolescentulum.

Проституция эстетическая. Проституция была различных категорий. В числе их выделяется эстетическая, или просвещенная, проституция, которая впоследствии наблюдалась в 1500 году в Италии и в 1700 году во Франции. Проститутки, принадлежащие к этому классу, славились как искусные певицы, музыкантши и флейтистки. Они вели совершенно свободный образ жизни и занимались своим искусством особенно во время различных религиозных празднеств. Гетеры эти не отдавались за деньги, подобно обыкновенным проституткам диктериад, первому встречному, но следовали в этом отношении своим симпатиям и антипатиям. Они часто по своему уму, образованию и изяществу манер становились достойными подругами самых выдающихся людей Греции.

Их можно разделить на две различные категории, которые обе и составляют аристократию этого рода проституции: на гетер-наперсниц и гетер-философок. Представительницы второй категории, находясь постоянно в обществе мудрецов и поэтов, научились от них искусству трактовать о философии и других науках и бывали посвящены во все современные вопросы, между тем как гетеры-наперсницы, менее образованные, чем эти, отличались умением веселиться, оживленностью и умом, благодаря которому им удавалось подчинить себе выдающихся людей своими утонченными ласками, и репутацией. Так, например, в Египте с Птолемеем Филопатором совершенно разделяла власть его гетера Агатоклея.

Но к какому бы классу проститутки ни принадлежали, положение их в Древней Греции было официально, и находились они всегда в зависимости от народа. Они, например, не имели права самовольно оставлять пределы республики, не испросив на то предварительно разрешения архонтов, которые давали его только в тех случаях, когда были уверены, что уезжавшие вернутся назад на свое место жительства.

Гетеры занимались своим ремеслом совершенно свободно, публично, и это доказывает, насколько нормальным

явлением считалась во все времена проституция. Если молодому афинянину нравилась какая-нибудь гетера, он, по словам Люциана, Алкифрона и Аристофана, писал ее имя на стенах храма, прибавляя к нему несколько лестных или шуточных эпитетов.

Утром каждая куртизанка посылала свою рабыню читать на стенах храма надписи, и если в числе их находилось и ее имя, то она в знак согласия отправлялась в храм и там ожидала своего поклонника у своей надписи.

Эсхил прямо говорит, что “гетеры торгуют собою у ворот храма”.

Люциан выражается более точно, говоря, что “большой рынок гетер находится в конце двора храма, направо, около ворот *Dipyron*”. Нередко любовный торг совершался и у подножия той или другой статуи, воздвигнутой в честь какого-нибудь знаменитого гражданина, павшего в бою.

Значение проституции в жизни греков было так велико, что она породила даже особую, специальную литературу. Так, например, Киллистрат написал “Историю гетер”, а Макон собрал наиболее остроумные изречения всех знаменитых куртизанок.

Аристофан Византийский, Апполодор и Горгий собрали сведения о жизни ста тридцати пяти гетер, которые прославились у афинян и славные подвиги которых были достойны того, чтобы о них узнало потомство. Те из них, клиентами которых были военачальники, правители городов, жрецы и философы, подчинялись одному только ареопагу, между тем как все прочие проститутки зависели обыкновенно от низших судебно-административных учреждений.

3. Рим. Проституция религиозная. Проституция имела также и в Риме свой культ. Одним из самых древних храмов в нем был храм Венеры *Cloacinae*, около которого по вечерам собирались куртизанки в поисках поклонников и часть заработанных ими денег посвящали этой богине.

В Риме и вообще в Италии рядом с проститутками принимали участие в циничных приапических празднествах также и замужние женщины, матроны, которые отличались от куртизанок только тем, что носили покрывала.

Очень часто при таких церемониях золотые венки и гирлянды цветов вешались не только на голову чтимого божества, но и на его половые органы. “Cingemus tibi mentulam coronis”, — говорит один из стихов Приапси.

Точно так же совершались празднества в честь бога Мутинаса, Мутунуса или Тутинуса, который отличался от изображения бога Приапа тем, что изображался сидящим на троне, а не стоящим, как последний. Культ этого божества представляет собой древнейшую форму религиозной проституции в Риме. Выходившая замуж девушка, прежде чем отправиться в дом к своему жениху, приводилась к статуе этого божества и садилась к нему на колени в знак того, что она как бы приносит ему в жертву свою девственность.

“In celebratione nuptiarum, — говорит св. Августин, — supra Priapi scapum nova nupta sedere jubebatur”. Лактанциус делает намеки на то, что девушки нередко не удовлетворялись одним сидением на коленях этого бога. “Et mutinus, — говорит он, — in cuius sinu pudendae nubentes praesident, ut illarum pubicitiam prior deus delibasse videatur”. Стало быть, приношение в жертву девственности бывало иногда реальным актом.

Замужние женщины в случае своего бесплодия обращались также к этому божеству и снова садились на его колени, чтобы сделаться плодовитыми.

По словам св. Августина, в постели новобрачных часто клали изображение богини Пертунды, или Претонды, чтобы помочь супругу в его трудном деле дефлорации. Арнобий на этот счет говорит: “Pertunda in cubiculis praesto est virginialem scrobem effondientibus maritis”.

В этом также видно указание на некогда существовавшую религиозную проституцию.

Культ богини Изис даже в более цивилизованные времена был не более как особый вид проституции. Храм ее и посвященные ей рощи служили местом свидания для пар, расторгнувших свои брачные узы, и влюбленных. Посредницами между последними являлись жрицы, занимавшиеся устройством свиданий, передачей писем и всякими

инными делами, имевшими целью помочь обольстителю увлечь свою жертву.

Проституция гражданская. Обширное распространение в Риме гражданской проституции доказывается богатством синонимов на латинском языке для обозначения разного рода проституток, что заставляет думать, будто они делились на множество каст, чего, однако, на самом деле не было.

Так, “*Alicariae*”, или булочницы, держались вблизи булочников и продавали лепешки, приготовленные из крупитчатой муки без соли и дрожжей, назначенные для приношений Венере, Изис, Приапу и другим богам и богиням. Лепешки эти, называвшиеся “*coliphia*” и “*siligines*”, имели обыкновенно форму мужских и женских половых органов.

“*Bustuariae*” назывались те проститутки, которые по ночам бродили около могил (*busta*) и костров и часто исполняли роль плакальщиц во время погребальных обрядов. Далее “*Casalides*” (или *casoridas*, *casoritae*), жили в отдельных небольших домиках (*casae*), откуда они и получили свое прозвание. “*Copae*”, или “*taverniae*”, жили в трактирах и гостиницах, а “*diobalares*”, или “*diobalae*”, было название старых, изношенных женщин, которые требовали от поклонников за свою любовь только два обола, Плавт говорит в своем *Pennulus*, что к услугам последнего рода проституток обращались исключительно негодные рабы и самые низкие люди (*servulorum sordidulorum scorta diobolaria*). “*Fogariae*”, или “приезжими”, назывались девушки, являющиеся из деревень в город, чтобы в нем заниматься проституцией, а “*Famosae*” — патрицианки, матери семейств и матроны, не стыдившиеся развратничать в публичных домах, чтобы удовлетворить свою ненасытную похотливость и позором заработать деньги, а потом пожертвовать их на храмы и на алтари чтимых богов. “*Junicae*”, или “*vitellae*” обязаны своим названием исключительно своей тучности, а “*noctilucae*”, или “*noctuvigiles*”, — тому, что они бродили по улицам только ночью, как ночные сторожа.

Публичные женщины носили еще и другие названия, именно: “*mulieres*”, или женщины “*pallacae*” — в воспомин-

нание о вакханках, которые носили туники из тигровых шкур, “prosedae” — так как они, сидя, ожидали, чтобы их кто-нибудь пригласил для coitus’a. Кроме того, они особенно часто назывались, как и в Библии, “peregrinae”, или чужестранками, так как в большинстве случаев они являлись из чужих стран в Рим, чтобы здесь торговать своим телом. Наконец, они носили также название “putae” (“puti”, “putilli”), корень которого перешел почти во все романские языки. Затем “Vagae”, или “circulatrices”, назывались бродячие проститутки, “ambulatrices” — те, которые гуляли на наиболее многолюдных улицах, а “scorta” — самые низкие из них, каковое название на простонародном языке можно передать словом “шкуры”. “Scorta devia” назывались те проститутки, которые принимали своих поклонников у себя дома, но для этого постоянно находились у окон своего жилища, чтобы обратить на себя внимание прохожих. Для всех проституток было одинаково оскорбительно, когда их называли “scrantiae”, “scraptae” или “scratiae” — очень бранные слова, приблизительно означающие “ночной горшок” или “стульчак” — выражения, которым соответствует в современном миланском наречии слово “seggiona”. Низший класс проституток назывался в Риме еще “Suburranae”, что, собственно, значит “жительницы предместья”, потому что Suburra — одно из предместий Рима, находившееся около Via Sacra, было заселено исключительно ворами и проститутками. Название “Schaeniculae” носили те женщины, которые продавались солдатам и рабам и носили тростниковые или соломенные пояса как знак своего постыдного ремесла. Наконец, “naniae” назывались карлицы или маленькие девочки, которые начинали протитуировать с шестилетнего возраста.

В Риме проституция процветала всюду: в храмах, на улицах и даже в театрах.

Salvian выражается следующим образом про тогдашние оргии: “Минерве воздают почести в гимназиях, а Венере — в театрах”.

В другом месте он говорит: “В театрах творятся самые непристойные вещи, а в гимнастических залах имеют место

самые безобразные сцены". Исидор из Севильи идет в своих "Etymologiae" еще дальше. Он говорит, что театры были синонимами публичных домов, так как в них куртизанки по окончании представления публично предавались разврату.

В Риме существовал также особый род проституции, которая совершенно не подчинялась надзору эдилов и которую можно было бы назвать эстетической, или изящной, соответственно тому, как в латинском языке она называлась словом "bona". Куртизанки, принадлежавшие к этому классу, назывались "bonae meretrices", что указывало на их более высокое совершенство в их ремесле. В действительности они не имели никакого отношения к обыкновенным несчастным жертвам проституции. У всех у них были свои привилегированные любовники, "amasii" или "amici", и они совершенно напоминали собою греческих гетер. Как и последние, они имели большое влияние на моду, на искусства, литературу и вообще на все патрицианское общество.

Этих куртизанок можно было встретить повсюду: на улицах, в цирках, в театрах, окруженных целой толпой поклонников. Часто они гуляли по городу, развалившись в носилках, несомые неграми, полуодетые, с серебряным зеркалом в руках, покрытые браслетами, драгоценными камнями, с сережками в ушах и с золотыми диадемами на головах. Находившиеся около них рабы освежали воздух громадными веерами из павлиньих перьев. Впереди и позади таких носилок шла обыкновенно толпа евнухов, мальчишек, шутов-карликов и музыкантов, игравших на флейтах. Менее богатые из этих гетер или же менее тщеславные и наглые прогуливались пешком, одетые во всевозможные пестрые ткани. Они появлялись на улицах с зонтиками в руках, с зеркалами и веерами, в сопровождении нескольких рабов или по меньшей мере одной рабыни.

4. Средние века. Религиозная проституция. В средние века религиозная проституция существовала среди некоторых сект, проповедовавших общность жен.

Николаиты проповедовали отсутствие всякого стыда в половых отправлениях и учили, что все страсти, даже самые грубые и низкие, полезны и святы. Они вместе с так

называемыми гностиками слились в несколько союзов, называвшихся фибионитами, стратиотиками, левитами и барборитами, в основу учения которых легли их взгляды.

Св. Епифаний описывает в IV столетии распространенный между ними разврат, не знавший никаких пределов. Секты эти просуществовали тайно до XII столетия, сделав еще одну попытку привиться к жизни.

Карпократ основал секту, которая учила, что стыд должен быть приносим в жертву Богу. Сын его, Епифан, развил учение своего отца, установив общность жен, по которой ни одна из них не должна была отказать в своих ласках кому бы то ни было из мужчин, если он потребует их на основании своего естественного права.

Секта адамитов была основана неким Продонусом, который был сторонником учения карпократов и ввел публичное отправление половых потребностей днем, говоря, что то, что хорошо ночью в темноте, не может считаться дурным при дневном свете.

Пикардистами назывались последователи Пикарда, главы другой эротической секты. Когда кто-нибудь из них желал обзавестись подругой, он являлся с ней к главе секты и говорил: "Мой дух воспламенен ею", на что последний обыкновенно отвечал словами Библии: "Идите, плодитесь и размножайтесь". Пикардисты, во время преследований их, укрылись в Богемии у гуситов, но последние истребили их всех до одного, не пощадив даже их жен, которые были почти все беременные и которые в темнице упорно отказывались от одежд и разрешались от бремени, смеясь и распевая непристойные песни (Beyle. Diction, historique et critique, статья "Picards").

Пикардисты воскресли во Франции в 1373 году под именем "скоморохов" (Turlupins), которые не только не признавали никакой одежды и ходили голыми, но даже, по примеру греческих циников, совокуплялись публично днем, в присутствии посторонних. Вот слова Beyle'a, который цитирует одно место из речи канцлера Gerson'a, направленной против них: "Synicorum philosophorum more omnia verenda publicitatis nudata gestabant et in publice velut jumenta

coibant instar canum in nuditate et exercitio membrorum pudendorum degentes”.

То же самое было в долинах Базиликаты, в Аbruццких горах и в одном капище в Ороне в Пьемонте.

Имя св. Prix'a, у французов Prey'a и Priet'a, очевидно, произошло из древнего Priapus.

Проституция гостеприимная. Обычаем гостеприимства, напоминавшим нравы диких, было так называемое “украшение ложа” рыцаря, являвшегося гостем в каком-нибудь замке. По поводу этого дикого обычая Lacorne de Saint-Palaye цитирует одну очень любопытную новеллу (Manuscript du roi № 7615, лист 210), где говорится об одной хозяйке замка, у которой гостил некий рыцарь и которая не хотела лечь спать до тех пор, пока не послала ему одну из своих дам разделить с ним ложе.

Проституция гражданская. Епископ, аббат, барон и ленный владетель могли содержать у себя нечто вроде гарема на счет своих вассалов.

Подобно тому как в настоящее время в кафе-шантанах, так прежде свидания с проститутками имели место около колодцев во дворах чудес (“Cours de miracles”), где они жили, или на улицах, где выставляли себя напоказ. Около такого колодца, служившего, впрочем, для всеобщего употребления, собиралось по вечерам много женщин с целью потолковать о своих любовных делах.

Можно сосчитать все колодцы, игравшие роль в истории проституции, и в каждом городе можно было найти один колодец, на котором было бы легко доказать, что Putagium средних веков (франц. “puits”, итал. “pozzo”) было неразрывно связано с забытыми в настоящее время общественными колодцами. Не требуется дальнейших доказательств того, что слова “putagium”, “puteum” и “putaria” указывают на места сборищ проституток. Слово “putaria” употребляется в этом смысле в латинском языке итальянцев, на что указывает устав города Asti: “Si uxor alicujus civis Astensis olim aufugit pro putario cum aliquo”. — “Puteum” же более употреблялось в латинской поэзии, смешивавшей его с “putagium”,

Слово “borde” употреблялось для обозначения отдельной хижины или ночного убежища, находившегося где-нибудь при дороге или у реки, вдали от города, в предместье его или даже в чистом поле. В таких “bordes’ax” и ютилась вначале проституция, подальше от надзора городской полиции и в безопасности от шумных скандалов.

Jacques de Vitry следующим образом описывает проституцию в Университетском квартале Парижа около конца XII столетия. “В одном и том же доме, — пишет он, — живут в верхнем этаже профессора школ, а в нижнем — публичные женщины, торгующие своим телом. Ссоры между ними и их любовниками прерываются по временам учеными спорами и аргументами мужей науки”.

Людовик IX был очень добродетельный монарх, но в то же время и очень наивный, потому что он мечтал искоренить в своем государстве проституцию. Закон его, изданный в 1254 году об изгнании всех распутных женщин из пределов Франции, не мог быть приведен в исполнение по той простой причине, что он противоречил природе вещей.

Вскоре стало ясно, что официальная, регламентированная законом проституция была менее вредна, нежели тайная, и явилось убеждение, что искоренить проституцию невозможно, что все репрессивные меры меняют только ее название и форму, служа в то же время для нее новым возбудительным средством.

В течение того недолгого времени, когда проституция принуждена была существовать тайно, все таверны превратились в дома терпимости, и, наоборот, последние сделались трактирами, когда они снова были восстановлены приказом того самого короля, который раньше их запретил. По мнению Delamare’a, именно во время этого, так сказать, междуцарствия признанной законом проституции, публичные женщины стали называться различными позорными именами, указывавшими на их постыдное занятие.

В царствование Филиппа Августа получило распространение в народе слово “ribaud” (от “ribaldo” — “ribaldus”) в смысле “безнравственный”, “развратный”. Этим именем вначале обозначали без различия пола ту толпу, которая вра-

щалась около королевской свиты и жила главным образом развратом, грабежом, игрой и милостыней.

Эта толпа разрослась до чудовищных размеров во время крестовых походов, и нередко число обозных служителей или придворных слуг какого-нибудь отряда далеко превосходило число солдат в нем. Среди них находилась также масса женщин, скрывавших свое постыдное занятие проституцией под видом служения королю и его вассалам.

Филипп Август решил воспользоваться для своих выгод этой толпой бездельников, и, вместо того чтобы стараться избавиться от нее путем угроз и наказаний, он придал ей известную организацию и постоянный порядок. Впоследствии из нее он сделал даже свою лейб-гвардию.

Одним из постановлений общины в Камбре следующим образом определены привилегии этого “roi des ribauds” этой шайки (“le roi des ribauds”): “Вышеназванный “roi des ribauds” король получает от каждой женщины, совокупившейся с мужчиной, по пяти су за каждый раз, безразлично, живет ли она в городе или нет. Равным образом всякая женщина, которая поселится в городе и в первый раз подчиняется настоящим правилам, платит в его пользу два турецких су. Затем каждая женщина, которая перемнит квартиру или вовсе оставит город, обязана уплатить ему двенадцать денье” и т.д.

В каждом публичном доме имелся такой “roi des ribauds”, заботившийся о соблюдении в нем порядка и бывший карикатурой придворного “roi des ribauds”.

5. Новые времена. Придворная проституция. Если верить Brantome’у, Франциск I хотел уничтожить банду развратных и опасных женщин, которые под наблюдением и руководством так называемого “roi des ribauds” всюду сопровождали его предшественников. При нем этот “roi” был заменен одной из придворных дам, и следы этой щекотливой должности мы находим еще в царствование Карла IX.

Вот что рассказывало Brantome’у одно высокопоставленное лицо, которое не скрывало от себя гибельных последствий этой деморализации современной аристократии:

“Если бы разврат существовал только среди придворных дам, зло было бы ограничено; но он распространяется также среди остальных французских женщин, которые заимствуют у придворных куртизанок их моды и образ жизни и, стараясь подражать им также в развратности, говорят: “При дворе одеваются так-то, танцуют и веселятся таким-то образом; мы сделаем то же самое”.

Франциск I превратил свой двор в гарем, в котором его придворные делили с ним ласки дам. Король служил для всех примером необузданности в разврате, не стыдясь открыто поддерживать свои незаконные связи. “В его время, — говорит Sauval, — на придворного, не имевшего любовницы, смотрели при дворе косо, и король постоянно осведомлялся у каждого из окружавших его царедворцев об именах их дам сердца”.

Во дворце Лувра жила масса дам, преимущественно жен всякого рода чиновников, и “король, — повествует дальше Sauval, — имел у себя ключи от всех их комнат, куда он забирался ночью без всякого шума. Если некоторые дамы отказывались от подобных помещений, которые король предлагал им в Лувре, в Турнелле, в Медоне и других местах, то жизни мужей их, в случае если они состояли на государственной службе, грозила серьезная опасность при первом обвинении их в лихоимстве или в каком-нибудь ничтожном преступлении, если только их жены не соглашались искупить их жизнь ценою своего позора”.

Mézeryau рисует в своей “*Historie de France*” поразительные картины этой испорченности нравов. “Началась она, — говорит он, — в царствование Франциска I, получила всеобщее распространение во время Генриха II и достигла, наконец, крайних степеней своего развития при королях Карле IX и Генрихе III”.

Одна высокопоставленная дама из Шотландии, по имени Namier, желавшая иметь незаконнорожденного ребенка от Генриха II, выражалась, как свидетельствует Brantome, следующим образом: “Я сделала все, что могла, и в настоящее время я забеременела от короля: это для меня большая честь и счастье. Когда я думаю о том, что в коро-

левской крови есть нечто особенное, такое, чего нет в крови простых смертных, я чувствую себя очень довольной, помимо даже тех прекрасных подарков, которые я при этом получаю”. Brantome при этом добавляет: “Эта дама, как и другие, с которыми мне приходилось беседовать, придерживается того мнения, что находиться в связи с королем несколько не предосудительно и что непотребными женщинами следует называть только тех, которые отдаются за небольшие деньги людям незнатного происхождения, а не любовниц короля и высокопоставленных царедворцев его”.

Brantome приводит далее мнение одной знатной дамы, которая стремилась одарить всех придворных своими ласками, подобно тому как “солнце озаряет всех одинаково своими лучами”. Такой свободой могли, по ее мнению, пользоваться только знатные особы, “мещанки же должны отличаться стойкостью и неприступностью, и если они не придерживаются строгости нравов, то их следует наказывать и презирать так же, как непотребных женщин домов терпимости”.

После всего этого нечего удивляться тому, что одна придворная дама завидовала свободе венецианских куртизанок. Brantome, сообщаящий этот факт, восклицает: “Вот поистине приятное и милое желание!”

Мемуары Brantome’а содержат богатый материал по описанию тогдашних нравов, испорченность которых достигла своих крайних пределов.

Следовало бы целиком перепечатать его книгу “*Femmes galantes*”.

Sauval, который приводит цитаты из нее, стараясь быть как можно более сдержанным, рассказывает следующее: “Вдовы и замужние женщины занимались исключительно всевозможными любовными похождениями, а молодые девушки во всем им подражали: некоторые из них делали это совершенно открыто, без всякого стеснения, другие же, менее смелые, старались выйти замуж за первого встречного, чтобы потом вволю предаваться подобным любовным развлечениям”.

Но все это было ничто в сравнении с кровосмешением, бывшим в аристократических семействах настолько частым явлением, что дочь, — по словам Sauval'a, — редко выходила замуж, не будучи раньше обещана своим собственным отцом.

“Мне часто, — говорил он, — приходилось слышать спокойные рассказы отцов о связи их с собственными дочерьми, особенно одного очень высокопоставленного лица: господа эти, очевидно, не думали больше о петухе в известной басне Эзопа”.

После всего этого не может показаться даже невинной одна “благородная девица”, которая утешала своего слугу следующими словами: “Обожди, пока я выйду замуж, и ты увидишь, как мы под покровом брака, который скрывает все, будем весело проводить с тобою время”.

“Бесстыдство некоторых девиц, — замечает в другом месте Sauval, — доходило до того, что они удовлетворяли своим развратным наклонностям даже в присутствии своих гувернанток и матерей, которые, однако, ничего не замечали”.

В замке Фонтенбло, по словам его, все комнаты, залы и галереи были переполнены такой массой картин эротического содержания на сумму более ста тысяч экю, что регентша Анна Австрийская приказала (в 1643 г.) сжечь их.

Испорченность и извращенность нравов дошла до того, что многие мужчины вступали в связь с мужчинами, а женщины — с женщинами. Одна известная принцесса, например, будучи гермафродитом, жила с одной из приближенных. В Париже и даже при дворе было много женщин, занимавшихся лесбийской любовью, чем были даже довольны их мужья, не имевшие в таком случае никакого повода ревновать их.

“Некоторые женщины, — читаем мы в “Amours de rois de France” (с. 115, 12 изд., 1739 г.), — никогда не отдавались мужчинам. Они имели у себя подруг, с которыми и делили свою любовь, и не только сами не выходили замуж, но и не позволяли этого своим подругам”.

Маргарита Валуа была в кровосмесительной связи со

своим братом Карлом IX и с другими своими младшими братьями, из которых один, Франциск, герцог Алансонский, поддерживал с нею эту связь в течение всей своей жизни. Это не вызывало в тогдашнем обществе никакого скандала, а послужило разве материалом для нескольких эпиграмм и шуточных песен ("Chansons"). Карл IX слишком хорошо знал свою сестрицу Марго, чтобы судить о ней иначе, чем было сказано в "Divorce satirique": "Для этой женщины нет ничего священного, когда дело идет об удовлетворении ее похоти: она не обращает внимания ни на возраст, ни на положение в свете, ни на происхождение того, кто возбудил ее сладострастное желание; начиная с двенадцатилетнего возраста она еще не отказала в своих ласках ни одному мужчине".

Екатерина Медичи не отличалась большой строгостью нравов. Об этом достаточно можно судить по тому банкету, который она задала королю в 1577 году в саду замка Шенонсеаух, где самые красивые и благородные придворные дамы, полураздетые, с распущенными, как у новобрачных, волосами, должны были прислуживать за столом королю и его приближенным (Journal de L'Estoile).

Поэтому нисколько не удивительно, что самые знатные дамы были в своей интимной жизни в сто раз более циничны и развратны, чем простые женщины.

Проституция политическая. Разврат и распущенность придворных и высших классов населения не замедлили распространиться в народ. Кроме того, придворные куртизанки приобрели большое влияние на политику государства.

"Некогда, — говорит Mezeray в своем "Precis chronologique de l'histoire de France", — мужчины увлекали женщин в разврат словом и примером, но с тех пор как любовные интриги начали играть такую выдающуюся роль в событиях государственной важности, женщины далеко превзошли мужчин".

Екатерина Медичи для достижения своих политических планов пользовалась массой придворных дам и молодых девиц, которые были очень искусны в любовной стратегии. Женщины эти назывались "летучим отрядом королевь".

Отряд этот состоял из 200—300 женщин, которые постоянно жили вместе, связанные друг с другом самым тесным образом.

Далее, во главе шаек Фронды находились также женщины, отличавшиеся ловкостью и красотой. Они достигали своих целей, соблазняя офицеров и даже солдат.

Герцогиня Bouillon действовала в Париже, а принцесса Condé, племянница Richelieu, сделавшись супругой и матерью по приказанию своего дяди, призывала к оружию народ в Бордо.

Далее, г-жа Montbazon рекрутировала солдат среди военных и чиновников, жены парламентских секретарей орудовали среди судейских, лавочницы — среди торговых людей, женщины из простонародья — среди этого последнего. И все они шли к намеченной цели одним и тем же путем разврата: богатые развратничали в своих роскошных салонах, мещанки — в своих скромных домиках, а женщины из простонародья — на перекрестках и в трактирах.

Проституция эстетическая. В XV столетии в Италии была распространена эстетическая проституция, которая, по свидетельству Graf'a*, представляла собою возрождение проституции Древней Греции. Проститутки этого класса, в отличие от обыкновенных, назывались "Meretrices honestae". Они отличались в общем высоким образованием и вращались в высших сферах общества: среди артистов, сановников, принцев и т.п.

У Graf'a мы находим следующее описание некоторых из них: знаменитая Impegia изучила искусство сочинять стихи у Nicolo Compono, прозванного "Lo Strascino", и владела латинским языком. Лукреция, прозванная "Madrema non vuole", могла служить образцом корректного и изящного языка, и Aretin говорит о ней устами известного прожигателя жизни Ludovico в одном из своих Ragionamenti следующее: "Ее можно было бы назвать Цицероном: она знает на память всего Петрарку и Боккаччо и массу стихов из Вергилия, Горация, Овидия и многих других авто-

* Attraverso il Cinquecento, 1888.

ров". Лукрецию Squarcia, родом венецианку, о которой говорится в известной Tariffa, можно было часто видеть на гуляньях с сочинениями Петрарки, Вергилия и Гомера в руках:

Recando spesso il Petrachetto in mano,
Di Virgilio le carte ed or d'Omero.

Она считалась в свое время большим знатоком чистого итальянского языка.

Имена Туллии d'Aragona и Вероники Franco известны в истории литературы, а Камилла Pisana написала книгу, которую редактировал Франциск del Nero. Дошедшие до нас письма ее отличаются немного вычурным слогом, но не лишены изящества; в них встречается множество латинизмов и даже целых латинских выражений.

Говоря о знаменитой Isabella de Luna, испанке, которая объездила полсвета, Bandello замечает, что она считалась самой умной и ловкой женщиной в Риме.

Аристократы и писатели не только не скрывали своих связей с наиболее известными куртизанками, но даже хвастали ими, и каждый стремился добиться у них большего внимания, чем его соперники. Знаменитый полководец Giovanni Medici приказал увести насильно Лукрецию ("Madrema non vuole") от Giovanni del Stufa, который давал в честь ее праздник в Resanati.

В 1531 году шесть рыцарей вызывали во Флоренции на поединок всякого, кто не хотел бы признать Туллию d'Aragona самой почтенной и достойной удивления женщиной в свете. Когда такая Аспазия меняла место своего жительства, то о ней говорили столько же, сколько о приезде и отъезде королевы. Посланники извещали даже об этом свои дворы.

Заключение. Из всего изложенного мы можем сделать следующее заключение. У народов на заре их развития стыд был совершенно неизвестен; в половых сношениях существовала самая полная свобода; даже там, где не было беспорядочного полового сожития, брак являлся не тормозом, а скорее двигателем проституции: особенно в стра-

нах, где муж торговал своей женой, отдавал ее временно другому в пользование и т. д.

За этим периодом существования проституции в качестве нормального явления следует другой, в котором она, претерпев множество перемен, является уже более или менее отжившей, устаревшей. Она выражается тогда различно: то женщина должна принадлежать одинаково всем членам данной общины, то только политическому или духовному главе ее (*Jus primaе noctis* в средних веках и религиозное растление девушек в Камбодже). Дальнейшей формой ее является проституция в храмах, причем женщина принадлежит безразлично всем или во всякое время, или же только в известные периоды, при религиозных празднествах. По временам наблюдается как бы ослабление проституции: замужние женщины, например, должны быть целомудренны, а девушки могут пользоваться полной свободой в своем поведении, или же первые обязаны в известное время нарушать свою обычную супружескую верность и возвращаться к первоначальному беспорядочному половому общению. В некоторых случаях проституция находится в связи с долгом гостеприимства, и брак, принимающий моногамическую форму, допускает, тем не менее, право гостя на жену своего друга. В других случаях первобытное беспорядочное половое сожитие оживает вновь, но уже в виде наказания женщины за нарушение ее долга супружеской верности. Часто проституцию санкционирует и религия, стремящаяся всегда сохранить все прошлое, призывая ее опять в известных случаях к жизни, как и иногда каннибализм, когда он уже давно исчез из народных обычаев.

В третьем периоде проституция опять исчезает из области традиций и представляется явлением болезненности и отсталости лишь известного класса лиц. Но в этом переходе от здорового к болезненному состоянию в виде блестящего исключения является эстетическая проституция, играющая роль оживляющего, плодотворного начала. Так, мы видим, что в Японии и в Индии известный класс гениальных проституток заботливо хранит и культивиру-

ет искусство пения и танцев и образует на основании этого особую привилегированную касту. Точно так же и в Греции некогда цвет гениальных мужей группировался около гетер и нашел в них могучий двигатель духовного и политического развития. Явление это повторилось в Италии в XV столетии и имело огромное влияние на духовный прогресс этой эпохи, который у отдельных индивидов, как и у целых народов, всегда так тесно связан с их половой жизнью.

Graf доказал, что известные условия, благоприятствовавшие появлению на свет эстетической проституции, повторялись в XV столетии в Италии и потому сопровождались и здесь одинаковыми последствиями. “Современники Перикла и Алкивиада, — говорит он, — были окружены всепроникающей атмосферой красоты. Женская красота могла достигнуть своего идеального воплощения, по мнению древних, только в лице гетеры. Поэтому Аспазии, античной красоте которой угрожает беременность, вменяется в обязанность предотвратить эту опасность при помощи предохранительного выкидыша”.

Итальянцы XV столетия также жили, окруженные красотой; век этот оставил нам многочисленные произведения, в которых женская красота описана, анализирована и самым тщательным образом исследована в своих причинах и законах.

В Греции во времена Перикла исчезает уважение к браку; точно так же в Италии в XV столетии он подвергается всеобщему презрению и осмеянию, так что тогдашние писатели почти все разделяют взгляд Aretin’a, по которому “жена — такая тяжесть, для которой нужны плечи Атланта”.

“Если холостая жизнь, — замечает Graf, — вообще поддерживает и даже создает проституцию, то безбрачие образованных людей, писателей и артистов призывает к жизни гетеру и куртизанку”.

ВРОЖДЕННЫЕ ПРОСТИТУТКИ

Мы уже видели при изучении половой чувствительности проституток, что она у них большею частью понижена, что в известном отношении противоречит их обыкновенной преждевременной физической зрелости. Таким образом, мы встречаемся здесь, собственно говоря, с двойным противоречием: с одной стороны, ремеслом, основанным исключительно на чувственности, занимаются женщины, у которых чувственность почти совершенно притуплена, а с другой — женщины эти вступают на путь порока преждевременно созревшими, большею частью в возрасте, который еще не способен к правильной половой жизни.

1. Нравственное помешательство (moral insanity). Семейные чувства. Уже Тарновская указала на аналогию, существующую между нравственно помешанными и проститутками, а более точное исследование многих индивидуальных случаев привело к заключению, что нравственное помешательство настолько частое явление среди последних, что обуславливает даже между ними преобладающий тип. Доказательством этого является, с одной стороны, отсутствие у врожденных проституток самых естественных чувств, как, например, привязанности к родителям и сестрам, а с другой — их преждевременная испорченность, ревность и беспощадная мстительность.

Carlier говорит, что “проститутки обыкновенно не знают и не хотят знать, что случилось с их родителями”. “При расспросах проституток насчет их семейств начинаешь сомневаться, — пишет Maxime du Camp, — имеешь ли дело с человеческими существами”. Вот, например, их обычные ответы на подобные вопросы:

— Ваш отец жив еще?

— Мой отец? Должно быть, жив, хотя наверное я этого не знаю.

— А ваша мать?

— Моя мать, вероятно, умерла, но я опять-таки наверное не могу вам этого сказать.

F., которую цитирует Laurent, происходила из порядочной, даже известной семьи, но отличалась с раннего детства лживостью, испорченностью и непослушностью. На своих двух старших сестер она смотрела как на источники доходов. Убежав из дома, она начала вести самый развратный образ жизни, но потом вернулась, была принята своими и прощена. В благодарность за это она стала еще требовательнее и начала вести себя еще хуже, чем прежде, дойдя, наконец, до того, что зазывала мужчин для разврата даже в почтенный дом своих родителей. Legrain сообщает об одной проститутке, которая в детстве отличалась такой испорченностью, что ее не могла исправить ни одна школа. Будучи ребенком, она находила, между прочим, удовольствие в том, что подбрасывала в суп своим подругам булавки. Lescouq передает следующие слова одной проститутки: "Я принадлежу, как и сестра моя, тому, кто мне платит; отец захотел исправить нас, но ничего не мог поделать с нами и умер с горя". Класс проституток, описанный Тарновской под названием "impudiques", особенно отличается отсутствием всяких нравственных чувств вообще и неуважением к чужой собственности в частности.

Типичный случай нравственного идиотизма из мира проституток описан опять-таки Legrain'ом. Девушка, о которой идет речь, отличалась с раннего детства ленью, забывчивостью, жестокостью в обращении со своими сестрами и тому подобными чертами характера. На 20-м году она вышла замуж и в 23 года имела уже двух детей. Но, начиная с этого времени, она начала небрежно относиться к ним и часто посещать балы. Вскоре она вступила в связь с одним молодым человеком, длившуюся 18 месяцев, и прижила с ним дочь, но затем примирилась с мужем и снова вернулась к нему. Через некоторое время она опять сделалась любовницей одного виноторговца, который обращался с ней очень дурно и часто заставлял ее напиваться пьяной. С этим виноторговцем она также прижила ребенка и после него имела целую серию других любовников, с которыми поддерживала переписку при помощи своих детей. Нуждаясь постоянно, благодаря своей расточи-

тельности и кутежам, в деньгах, она обманывала всяческими способами разные общества вспомоществования бедным, вымогая у них под видом нуждающейся деньги, брала в долг, где только можно, ценные вещи, закладывала их или же продавала за полцены. Отдаляясь все более и более от своей семьи, она падала все ниже и дошла до того, что постоянно пьянствовала в кабаках, в обществе пьяниц и разного рода негодяев, к числу которых принадлежали, например, знаменитые супруги *Fenaugou*. В 36 лет у нее уже было шестеро детей, и жизнь ее стала еще более беспорядочной. Она проводила все ночи вне дома, не заботясь даже о том, чтобы придумывать мужу отговорки подобного поведения своего, постоянно угрожала и бранила его, возбуждая против него детей, и пыталась даже обвинить его в кровосмесительной связи с собственными дочерьми. Несколько лет спустя, прижив от разных любовников еще двух детей, она оставила супружеский дом и с двумя маленькими дочерьми своими отправилась кутить; напившись пьяной, она отдала их на растление своим собутыльникам. У нее была сестра, которая в 16 лет была уже проституткой самого низкого пошиба и грозой своих товарищей, благодаря необыкновенной испорченности и злости.

Другой случай подобного же нравственного идиотизма касается одной великосветской кокетки, которая объездила почти все цивилизованные страны и во время своих путешествий дважды вышла замуж: один раз в Лондоне, другой в Бордо, несмотря на то что первый муж ее был жив. Преступления эти совершила она или с целью удовлетворить своим мимолетным капризам, или — что вероятнее — из желания явиться героиней такого пикантного происшествия, как двумужество. Сделавшись после этого любовницей одного очень богатого магната, она получала от него огромные суммы денег, из которых выплачивала пенсию своим двум мужьям. Когда же ее бордоский супруг сделался очень требовательным, она донесла на него, обвиняя вместе с тем и себя в двумужестве, и начала хлопотать о расторжении этого брака. Она дала себя арестовать в твердой уверенности, что ее оправдают, чем действи-

тельно и окончилось ее дело. Таким образом, мы видим, что в данном случае безнравственность служит не только для удовлетворения низменных инстинктов, но является также предметом очень тонкой спекуляции.

Знаменитую маркизу Pompadour бр. Goncourts называют “un rare exemple de laideur morale”*. По их словам, это была женщина, не знавшая снисхождения и сострадания к другим, непоколебимая в своей ненависти и мести, глухая к стонам узников Бастилии, начальников которой она сама назначала, любовница, которой “caresses et amities n’étaient que des chatteries”. Известно, что, будучи уже старой, она старалась сохранить к себе внимание короля тем, что подыскивала и доставляла ему самых молодых и красивых девушек.

De Tournelle, другая любовница Людовика XV, писала одному своему другу про придворные новости и между прочим сообщала: “Королева опасно больна: говорят, что у нее развивается чахотка; это единственная хорошая новость, которой я могу с вами поделиться”. Благодаря придворным интригам, она временно впала в немилость короля, но потом, вернув себе его расположение потребовала смертной казни всех тех, кто был виновен в ее временном изгнании.

Другое доказательство нравственного помешательства врожденных проституток мы находим в полном отсутствии в их взаимных отношениях всяких альтруистических чувств и какой бы то ни было дружбы. Carlier говорит по этому поводу следующее: “В глубине души они (проститутки) ненавидят одна другую. Ни от одной из них мне никогда не приходилось слышать дружественного воспоминания о ком-нибудь из ее многочисленных товаров, с которыми она сталкивалась на своем печальном поприще. Они постоянно враждуют друг с другом”. Точно так же и Parent-Duchatelet того мнения, что “во многих отношениях проститутки большие дети, чем 12-летние мальчики, так как больше всего боятся прослыть трусами и считают

* Редкий экземпляр морального уродства (фр.).

делом чести никогда не оставлять неотомщенной ни одной обиды со стороны кого-нибудь из своих товарок”.

В подтверждение всего высказанного нами мы можем сослаться также на статистику, которая убеждает нас, что только поразительно малый процент женщин решается на проституцию из-за более или менее благородных побуждений. Так, Parent-Duchatelet из 5144 проституток нашел только 89, которые избрали себе это печальное ремесло с целью поддержать своих старых и больных родителей или же чтобы дать средства к существованию своей многочисленной семье; все же другие вступали на путь разврата благодаря нищете, измене любовников или же, наконец, тому, что были детьми покинуты и брошены своими родителями. Конечно, для многих бедность и отсутствие родительского надзора являются лишь случайными поводами к проституции; истинная же причина ее кроется в отсутствии у них чувства стыдливости и в нравственном идиотизме, благодаря чему девушка сперва падает, а затем постепенно доходит до дома терпимости. Особенно это относится к тем несчастным, которые лишены родительского надзора. Женщина со страстным темпераментом, сделавшая из-за любви неправильный шаг и затем покинутая своим вероломным любовником, скорей наложит на себя руки, чем станет проституткой. Как бы велика ни была нищета, в которой она находится, она не вступит на путь разврата, если у нее не развито от природы слишком слабо чувство стыдливости или если у нее нет особенной склонности к грубым наслаждениям и роскошной жизни. “Можно быть уверенным, — говорит Faucher, — что из 100 английских девушек с нормальной нравственной организацией 99 предпочтут умереть от голода в борьбе за существование, чем согласятся вести жизнь проституток”.

Материнская любовь. Другим признаком нравственного помешательства врожденных проституток, до сих пор еще не получившим своей надлежащей оценки, является полное отсутствие у них материнских чувств, что низводит их на одну линию с врожденными преступниками.

Мы только что привели случай, сообщенный Legrain'ом, где мать, типичная проститутка, оставляла своих детей на произвол судьбы для того, чтобы принимать участие в оргиях и подыскивать себе любовников. Между всеми известными случаями дурного обращения и даже убийства матерями своих собственных детей проститутки занимают всегда первое место. Так, А. Porte убила своего сына и сохраняла у себя в спальне труп его запертым в сундуке в течение многих месяцев. Lacroix и Lague обе убили своих детей: первая из боязни быть покинутой своим любовником, а вторая — чтобы быть свободной в своих любовных похождениях. Stakelburg, Nys, Eschevin и Davoust, судившиеся за истязание своих детей, точно так же были проститутками, хотя и занимали различное общественное положение.

Это говорит о том, что кокотки, в общем, самые дурные матери. Одна из них, которую мы изучили ближе других, обращалась со своей дочерью как с рабой, взваливала на нее самую тяжелую работу, одевала ее в лохмотья, в то время как сама тратила на свои наряды целое состояние, и клала ее спать даже в холодные зимние ночи на голую скамью. “Чувства кротости и взаимной привязанности, — говорит Carlier, — расцветающие на лоне семьи, очень редки у проституток. Большинство из них наделено очень дурными наклонностями, не знает и не хочет знать ничего про своих родителей, живы ли они или нет, и если говорит о них, то в самой неблагопристойной форме. Недоступные для материнской любви, они ни за что не хотят иметь детей и в случае беременности употребляют все средства, чтобы сделать себе выкидыш и избавиться таким образом от угрожающего им, как выражаются они, несчастья; очень часто они прибегают к презервативным средствам, как, например, к губке и другим, чтобы предупредить зачатие”.

По Carlier, проститутки-трибады испытывают настоящий ужас перед беременностью и у них наблюдается полное отсутствие всяких материнских чувств. Лучшим доказательством этого является редкость (34%) детей у них, и те старания, которые употребляют они, особенно кокот-

ки высшего полета, чтобы не сделаться матерями. Конечно, к этому побуждает их несчастное ремесло, так как материнство очень стесняет их, но для всякой женщины стать матерью есть физиологическая потребность; оставаясь неудовлетворенной, она ведет к разного рода расстройствам в области физической и психической сфер. Поэтому если проститутка настолько занята своей красотой, что для сохранения ее жертвует даже своим материнским инстинктом, то это только доказывает, как слабо выражен в ней последний. Такие женщины бросают на произвол судьбы своих детей или дурно обращаются с ними даже в том случае, когда они богаты, когда, следовательно, сохранение красоты для них не имеет уже почти никакого значения.

Тарновская, говоря о проститутках, которых она называет "impudiques" и которые соответствуют нашим врожденным проституткам, замечает: "Материнская любовь часто им совершенно неизвестна. Они, не стесняясь, сознаются, что дети — это бремя и что Бог должен был бы призвать к себе всех этих малюток, которые им в тягость. Во время беременности они делают невозможное, чтобы вытравить плод". Одна из проституток, находящаяся под наблюдением Тарновской, не знала, что случилось с ее маленьким сыном, и относилась к участи его совершенно индифферентно. Очень характерно обстоятельство, что достигшие пожилого возраста проститутки обыкновенно торгуют своими дочерьми и не понимают, что, собственно, дурного в этом. Так, одна кокотка, арестованная на месте преступления в ту минуту, когда она готовилась продать свою дочь, обратилась крайне изумленная к агенту полиции со следующим наивным вопросом: "За что вы меня арестуете? Какое преступление я совершила?"

"Чтобы удовлетворить ненасытным желаниям своих клиентов и клиенток, многие из этих недостойных матерей доходят до того, что обучают своих юных дочерей самым гнусным приемам софизма (Taxil). Такими матерями являются почти исключительно старые проститутки.

Характерно поведение одной любовницы Людовика XV, которая таскала с собою всюду, куда ни являлась, прижи-

того от него ребенка с единственной целью показать всем, что она находилась в любовной связи с королем. Однажды какие-то придворные затеяли между собой ссору в присутствии ее, и она гордо крикнула им: “Прошу не забываться в присутствии королевского сына”.

Однако Parent-Duchatelet иного мнения насчет проституток. По словам этого лучшего знатока их, на каждом шагу приходится наблюдать, что беременная проститутка становится предметом заботливого ухода для ее товарок, внимательное отношение которых еще удваивается, когда она разрешается от своего бремени. Между ними происходят вечные споры то из-за белья для новорожденного, то из-за различных мелочей для родильницы, которой каждая старается наперебой в чем-нибудь услужить. Когда мать держит при себе ребенка, товарки ее постоянно так вмешиваются в заботы ее о нем, что она должна нередко только из-за этого отдавать его в чужие руки. Carlier также свидетельствует о том высоком уважении, каким пользуется у проституток мать. Но большая, конечно, разница поиграть с чужим ребенком час-другой или любить собственное дитя и исполнять с любовью и самоотвержением тяжелые бесчисленные материнские обязанности. Даже самый испорченный человек, даже самая безнравственная женщина могут минутами нежно привязываться к ребенку за его милость и беспомощность, особенно женщина, в которой — как бы она ни была испорчена нравственно — всегда еще тлеет искра материнства; но усматривать в подобных порывах материнскую любовь значило бы низвести ее с пьедестала величайшего альтруистического чувства на степень эгоистической забавы в праздную минуту. Отдавать себя всецело ребенку, заботиться и охранять его — это нечто совсем другое, чем временами забавляться его милостью. Необходимо также принять во внимание, что Parent-Duchatelet наблюдал проституток, не делая между ними никакого различия, и что в числе их было, вероятно, немало и случайно ставших проститутками девушек, которые могут, конечно, быть превосходными матерями. В тех редких примерах, которые мы наблюдали, дело

шло о проститутках, ставших матерями, которые отличались общей и болевой чувствительностью, соответствовавшей норме или даже превосходившей ее. Они ближе подходили к случайным проституткам, и на них оправдывается выведенное относительно последних правило.

3. Преступность. Подобно нравственному помешательству, с проституцией тесно связана и преступность, которая в сущности есть только, так сказать, видоизменение и квинтэссенция *moral insanity*. Чаще всего между проститутками распространено воровство и соучастие в нем. Faucher говорит по этому поводу следующее: “Между домами терпимости самого низшего пошиба в Лондоне, Манчестере, Ливерпуле и Глазго нет ни одного, который не был бы в то же время притоном воров и разбойников. В Лондоне связи проституток с ворами — общее правило за весьма немногими исключениями. Их можно всегда видеть вместе целыми толпами в кабаках и харчевнях. Женщины эти посвящены во все воровские предприятия своих приятелей мужчин и нередко принимают участие в кражах их, имея всегда свою часть в добыче”. В XIV столетии проститутки в Париже имели право селиться только в двух кварталах города, которые переполнялись вследствие этого притонами воров и разбойников. Полицейским приказом от 20 вендемира XIII г. (12 октября 1804 г.) предписывалось чинам полиции иметь особенно тщательный надзор за известным классом проституток “*baccanaleuses*”, которые открыто действовали сообща с ворами. По Lescour’у, проститутки нередко совершают карманные кражи у своих посетителей, а Carlier полагает, что преступления этого рода распространены только среди проституток известной категории, именно тех, которые не имеют собственных квартир, а шляются по самым низким кабачкам и ночлежным домам. По исследованиям Vintras’a*, из 91 157 домов терпимости в 57 больших городах Англии и Валлиса в 3628 жили проститутки и воры, а в графствах из 13 462 таких же домов 6370 оказались убежищами для разного

* On the repressive measures adopted in Paris, compared with the incontrolled prostitution of London and New-York, 1867, с. 34.

рода преступников. По Guerry, 8% лондонских проституток становятся воровками в 30 лет, а 7% — в более пожилом возрасте.

Связь между проститутками и сутенерами чаще всего основывается на совместных преступлениях. О. Z., автор “Берлинских трущоб”, говорит по этому поводу следующее: “Женихи (Brautigam — немецкое название сутенера) видят в проститутках своих достойных помощниц, преданных им душой и телом. Во время приведения в исполнение какого-нибудь преступления женщина стоит обыкновенно на страже, собирает предварительные сведения и высматривает удобный случай, что для нее легко возможно, благодаря ее печальной профессии; наконец, на долю ее еще выпадает прятать у себя украденные вещи или скрывать в своей комнате под кроватью или в шкафу какого-нибудь преступника, которого деятельно разыскивает полиция”.

Очень частым преступлением проституток является, по Лесоур’у, шантаж, к которому прибегают они особенно в пожилом возрасте. Нередко в нем принимают также участие и сутенеры, причем дело обыкновенно происходит так: проститутка завлекает к себе “гостя”, а в самый критический момент на сцену является ее сутенер, разыгрывающий роль мужа или брата, и требует за поруганную честь деньги, которые жертва должна платить, если хочет избежать скандала. По словам Carlier, у парижских кокоток, особенно не первой молодости, шантаж развит в настоящую профессию. Они сохраняют письма, которые получали от богатых посетителей своих, и, узнав, что последние готовятся жениться, предлагают им выкупить за большие деньги эти письма, грозя в противном случае показать их невесте или ее родителям. Нередко шантаж этот повторяется по несколько раз, причем каждый раз отыскиваются для этого все новые и новые письма.

Проститутки, благодаря своей несдержанности в гневе, нередко совершают преступления против телесной неприкосновенности. “Они часто, — пишет Parent-Duchatelet, — приходят в сильную ярость и проявляют в это время удивительную силу и решимость, причем обдают друг друга в

спорах потоками слов, оригинальностью своих выражений далеко превосходящих столь известное красноречие базарных торговок. При этом они нередко нападают и наносят друг другу тяжелые раны. В течение 20 лет в парижских тюрьмах наблюдался 12 раз смертельный исход от подобных ран. При этих драках обыкновенно пускаются в ход кулаки и ноги, нередко и ножи, но особенно часто прибегают к головным гребешкам”.

Тарновская описала особый класс воровок под именем “voleuses-prostituees”, у которых наблюдается полное смещение черт, свойственных проституткам и воровкам, и которые являются характерной патологической переходной формой от одних к другим.

“Существенные черты проституток и воровок, — говорит она, — своеобразным образом совмещаются в этих женщинах, которые составляют особую разновидность воровок-рецидивисток. Проститутки-воровки выказывают, например, больше осторожности в своих поступках, чем обыкновенные проститутки, не так легко поддаются влиянию минуты, умеют хорошо обдумывать свое намерение и сопротивляться моментальному импульсу, какие черты редко наблюдаются у обыкновенных проституток. Но зато они отличаются большею жестокостью и цинизмом, чем эти последние, у которых сказываются порою проблески доброты сердечной, и обнаруживают меньше склонности к употреблению спиртных напитков. Они понимают, что при своем, вдвойне опасном, образе жизни им нужно быть особенно осмотрительными и осторожными, что несовместимо с пьянством”.

В общем, это наиболее частые и в то же время самые маловажные преступления проституток.

4. Алкоголизм. Проституткам свойственна такая же страсть к спиртным напиткам, как и преступникам, и соответственно этому у них наблюдается очень часто ослабление и даже полное отсутствие сухожильных рефлексов как следствие алкоголизма. Из 9 исследованных Marro*

* Marro. I caratteri dei delinquenti, с. 438.

проституток 7 были пьяницами, причем две из них, происходившие от алкоголиков-родителей, привыкли напиваться чуть ли не с колыбели, а одна, не будучи еще совершеннолетней, выпивала уже по 7 литров водки в неделю. Из 60 проституток, находившихся под наблюдением Gurrleri и Fornasari, 12 происходили от родителей-пьяниц, 11 были сами алкоголичками и курили табак. Тарновская из 29 проституток, называемых ею "impudiques", родители которых были алкоголиками в 68%, наблюдала пьяниц в 62%, а из тех, которых она называет "hystériques", оказывалось подверженных алкоголизму 66%, так что невольно является вопрос: не зависят ли наблюдавшиеся у них нервные расстройства скорее от алкоголизма, чем от истерии.

5. Жадность. У проституток наблюдаются, как мы выше видели, только самые легкие формы преступности; некоторые преступные страсти их, коренящиеся в глубине женской природы, почти никогда не служат у них мотивами преступлений только лишь потому, что могут быть легко удовлетворены, и преступление становится поэтому совершенно излишним. Сюда принадлежит, например, ненасытная жадность, наблюдаемая обыкновенно у наиболее интеллигентных врожденных проституток. Parent-Duchâtellet нашел среди 600 проституток, отбывавших тюремное наказание, 12 ростовщиц "высшего" и 20 — "низшего порядка". Они одолжали своим товаркам по заключению деньги и за каждый франк брали в две недели по 1 1/2 франка процентов, а у тех, кто не мог заплатить своего долга, отнимали вещи и платья, оставляя их чуть ли не голыми. Проститутки смотрят всегда на своих гостей как на известные суммы денег, и Масé неоднократно слышал, как они говорили про иных: "вот идет мой талер" или "вот мой луидор". Некая преступница Perino, которую нам пришлось наблюдать, была с детства воровкой, но перестала воровать, как только сделалась проституткой. Жадность древних греческих гетер вошла даже в поговорку. Мы находим у Алкифрона очень характерное письмо одного сельского хозяина, разорившегося на одну из этих гетер, которая потом, когда он обеднел, не хотела больше

знать его. “Разве ты забыла, — сказано в этом письме, — корзины с финиками, свежие сыры и прекрасных куриц, которых я тебе посылал? Разве все добро, которым ты теперь пользуешься, принадлежит не мне? Теперь мне остается только позор и нищета!” Анаксил, которого цитирует Атеней, дает следующее описание куртизанок своего времени: “Да, все эти гетеры суть сфинксы, не говорящие прямо, а выражающие свои желания в форме загадок. Они ласкают вас, шепчут вам, положим, о своей любви и минувших наслаждениях, но на самом деле это значит: мой милый, мне нужна скамеечка для ног, треножник, стол или рабыня”. Кто понимает подобные приемы, спасается подобно Эдипу от таких загадок и может считать себя поистине счастливым, если ему удалось избежать в этом деле крушения; кто же рассчитывает быть вознагражденным за свою уступчивость ласками истинной страсти, тот падает жертвой чудовища. “Взгляните на Плангону, ведь она настоящая Химера, сожигающая иностранцев своим огнем! А Пинопа? Разве она не стоголовая гидра? А чем отличается Наннио от имеющей три пасти Сциллы? Разве не ищет она третьего любовника, после того как двух уже задавила?” Знаменитая гетера Летала писала Ламалиону, своему сентиментальному, но скупому любовнику: “Мне нужны золото, драгоценности, платья и рабыни. Ты мне надоед своим вечным хныканьем, клянусь Венерой! Ты говоришь, что боготворишь меня, не можешь жить без меня и что я должна стать твоею. Хорошо. Но разве у тебя нет золотых кубков? Разве ты не можешь похитить у отца немного золота или у матери части ее сбережений?” Анаксил совершенно прав, сказав в одной комедии своей: “Из всех хищных зверей самый опасный — гетера”.

Известно, какие громадные богатства скопили фаворитки французских королей благодаря подаркам, пенсиям, рентам и привилегиям, которыми последние их дарили. О маркизе Pompadour, например, Goussier сообщает следующее: “Под наружностью великосветской дамы в ней скрывалась алчная кокотка, старавшаяся захватить в свои руки как можно больше поместий и замков. Ни одна из

прежних королевских метресс не владела столькими именьями и домами, как она". Состояние ее простиралось до 25 миллионов франков, каковая сумма и в настоящее время громадна, а в то время, когда финансы Франции находились в таком плачевном состоянии, была прямо чудовищна.

6. Чувство стыдливости. Отсутствие чувства стыдливости является одной из самых характерных черт врожденных проституток. Некоторые авторы, в том числе Parent-Duchatelet, отрицают или по крайней мере уменьшают значение этого факта, указывая на то, что проститутки, принимая у себя гостя, завешивают обыкновенно иконы и никогда не отдаются мужчинам в присутствии посторонних. Но, по нашему мнению, здесь дело сводится к распространенному среди них суеверию или к симуляции. Если принять во внимание, что между ними встречаются матери, которые имеют сношения в присутствии собственных дочерей со своими любовниками или отдают их последним, если вспомнить, что многие из этих женщин показывают себя за деньги в "живых картинах" трибадов и содомистов (Parent-Duchatelet. Op. cit.), то станет ясным, что нежелание отдаваться мужчинам в присутствии посторонних есть не более как симуляция с их стороны. Нам лично пришлось однажды слышать жалобы одной проститутки, некогдававшей и удивлявшейся, что ее арестовали за оскорбление общественной благопристойности, когда она ровно ничего такого не сделала, если не считать, что отдалась в публичном месте 10 солдатам последовательно одному после другого и каждый раз в присутствии всех остальных.

7. Нравственное помешательство (moral insanity) и врожденная склонность к проституции. Врожденная проститутка не способна к материнской любви и привязанности к родным; она думает только об удовлетворении своих низменных инстинктов; это преступница, хотя преступления ее принадлежат обыкновенно к разряду легких, и в ней типично выражены черты так называемого нравственного помешательства (moral insanity). Самым патогномическим признаком его служит отсутствие у нее стыд-

ливости. Вся сила этического развития женщины была всегда направлена, стало быть, к тому, чтобы создать и укрепить в ней это чувство: поэтому крайняя степень нравственного вырождения, "moral insanity", должна выражаться именно потерей стыдливости, подобно тому как у мужчин она сказывается утратой чувства, наиболее культивированного цивилизацией, как, например, уважения к чужой жизни. Следствием и венцом подобного отсутствия стыдливости является та легкость, с какою женщины соглашались взяться за профессию, приносящую им одно только всеобщее презрение и отвращение.

Подобный взгляд на причину проституции примиряет противоречие, очевидно существующее между ремеслом проститутки, с одной стороны, и ее половой нечувствительностью, с другой. Сильная чувственность не делает еще женщину проституткой: благодаря ей она будет слишком надоедать своими ласками мужу, заведет себе любовника, отдастся, наконец, в минуту сильнейшего полового возбуждения почти первому встречному мужчине, но не станет проституткой: в ней живо чувство стыда, хотя от времени до времени грубые инстинкты и берут над ним верх. Там, где женщина, несмотря на свою пониженную чувствительность, все-таки делается проституткой, причина этого, очевидно, кроется не в ее похотливости, а в отсутствии у нее нравственного чувства. Женщины, не стыдящиеся и не сознающие всего позора своего порока, имеющие особенную болезненную склонность ко всему запрещенному, недозволенному, вступают на путь разврата потому, что он дает им возможность беззаботно жить, ничего не делая; их половая нечувствительность является даже при этом преимуществом, приспособлением в том смысле, что легко и сильно возбудимая женщина не могла бы вести долго жизнь проститутки и очень скоро была бы ею надломлена. Для проститутки сношение с мужчиной — совершенно безразличный в психическом и физическом отношении акт, и она торгует собою потому, что профессия эта хорошо оплачивается. Необыкновенно ранняя нравственная испорченность, идущая рука об руку с проституцией, точно так же

доказывает, что корень последней кроется не в чувственности, а в нравственном слабоумии, что она есть лишь особый вид рано сказывающегося тяготения ко всему дурному, какой-то склонности делать все то, что запрещено, — склонности, столь характерной для нравственно помешанных субъектов. “С малых лет, — говорит Schüle, — подобные индивиды обнаруживают особую страсть ко всему дурному и запрещенному, и с течением времени, по мере того как они развиваются, страсть эта растет и крепнет. Никакие старания воспитателей не могут отучить их от лжи и лицемерия, к которым они постоянно дерзко прибегают. Они относятся совершенно равнодушно к радости или горю своих родителей, то и другое возбуждает в них только мимолетные чувства. Если при исправлении их обращаются к энергичным, крутым мерам, то это только больше ожесточает их и они упорно повторяют свои бесстыдные поступки. Необыкновенно раннее пробуждение в них самых дурных инстинктов, склонности к воровству, черствости и даже жестокости в отношении своих товарищей просто поразительны”.

Появляющиеся у проституток уже в детском возрасте дурные склонности тем более обращают на себя внимание, что могут выражаться поступками, которым не препятствует даже самый юный возраст. Так, например, чтобы совершить убийство или воровство, еще недостаточно той нравственной извращенности, которую мы можем найти подчас у ребенка: для этого нужна еще известная физическая и психическая сила; между тем как к попыткам иметь сношение годна даже самая маленькая испорченная девочка.

Дальнейшее доказательство того, что врожденная проституция есть патологическое явление не полового, а нравственного характера, заключается в том, что девушки могут быть очень рано проституированы в нравственном отношении, сохранив при этом абсолютную девственность. Примером могут служить некоторые любовницы французских королей, которые уже в детстве мечтали о том, чтобы достигнуть власти при помощи королевского ложа. Меж-

ду бумагами маркизы Pompadour была найдена записка с указанием на пенсию, которую она ежегодно выплачивала некоему Lebon'у за то, что он предсказал ей, когда ей было 9 лет, что она сделается любовницей короля. Фелиция de Nestle, будучи еще маленькой девочкой и воспитанницей пансиона, замышляла вытеснить свою сестру из должности королевской метрессы и самой занять ее. К этой завидной и в то же время позорной карьере влекла ее аномалия в ее нравственной сфере уже в том нежном возрасте, когда половое влечение по молодости лет не могло еще быть в ней развито.

Итак, происхождение врожденной проституции кроется в нравственном помешательстве, и все прочие вторичные черты нравственного облика проститутки еще более подтверждают эту идентичность ее с нравственно-слабоумной.

8. Добрые порывы. Подобно преступницам, проститутки проявляют порою сердечную доброту, которая так мало гармонирует с их обычным эгоизмом. “Своеобразной чертой проституток, — говорит Parent-Duchatelet, — является то, что в несчастьях они деятельно утешают и помогают друг другу. Если одна из них заболевает, то все ее товарки принимают в ней самое горячее участие: заботятся о ней, перемещают ее в больницу и навещают там. В тюрьме они очень часто собирают между собою деньги, чтобы купить платье или обувь для кого-нибудь из них, кто готовится выйти на волю; при этом они часто жертвуют самым необходимым для них даже в том случае, когда заранее знают, что будут обмануты или отблагодарены черной неблагодарностью”. Lescouг часто наблюдал, что заключенные в тюрьме проститутки делали между собою складчину, чтобы дать возможность кому-нибудь из товаровок уехать на родину на собственный, а не на казенный счет. Carlier говорит, что “обыкновенно проститутки ненавидят друг друга, но тяжелая болезнь или какое-нибудь иное несчастье мигом уничтожают между ними всякую вражду: они в таком случае взаимно поддерживают друг друга, платят врачу за лечение, собирают для больных и навещают их поочередно, а в случае смерти заболевшей принимают на

себя заботы об устройстве более или менее приличных похорон ее”.

Нередко у них можно наблюдать черты того сострадания к слабым и страждущим, которое так характерно для женского пола. Толстой сообщает, что во время переписи населения Москвы он был немало удивлен, натолкнувшись однажды на проститутку, которая совершенно отказалась на время от своей профессии для того, чтобы ухаживать за новорожденным ребенком своей соседки. Parent-Duchatelet знавал многих проституток, которые посылали еженедельно и даже ежедневно по одному хлебу своим больным и бедным соседям.

9. Умственное развитие. Среди проституток встречаются субъекты всякого умственного развития, начиная почти с идиотской тупости и кончая одаренностью, близкой к гениальности. Многие из них остаются на всю жизнь с детским недоразвитием и производят впечатление слабоумных субъектов, ничем не интересующихся, поражающихся обыденными вещами, теряющихся и не могущих ответить на самые обыкновенные вопросы. Их можно было бы назвать “детьми-проститутками”. Maxime du Camp описывает этот тип публичных женщин в следующих выражениях: “Многие девушки, занимающиеся проституцией с 14—15-летнего возраста, буквально не могут ни о чем говорить, но не вследствие какого-нибудь расстройтва речи, а потому, что обладают слишком малым запасом слов для выражения даже простейших мыслей своих. На все предлагаемые им вопросы они отвечают с резким движением испуганного зверя: “Не знаю”... При виде пролетевшей мимо мухи их разбирает внезапный смех; некоторые смотрят широко раскрытыми глазами на горящие в камине дрова, точно они никогда в жизни не видели ничего подобного. Legrain, Laurent и Ottolenhi наблюдали такие же типы среди проституток, подвергнутых ими исследованию. Parent-Duchatelet опубликовал статистические данные о грамотности проституток, подтверждающие вышеизложенные наблюдения. Он нашел именно, что из 4470 проституток, родившихся и выросших в Париже, 2332 совсем не

могли подписать своего имени, 1780 подписывали его, но очень скверно, 110 хорошо, а некоторые даже очень красиво, между тем как 248 не захотели дать никаких сведений на этот счет. Parent совершенно справедливо сомневается, чтобы такой громадный процент (70%) безграмотных обусловливался исключительно отсутствием родительского надзора или нищетою, так как уже в его время народное образование в Париже было всеобщим и бесплатным. Недостаточность подобного объяснения видна еще из того обстоятельства, что среди проституток, являющихся в город из глухой провинции, для которой образование, стало быть, менее доступно, чем для горожанок, наблюдается точно такое же, а не большее число грамотных. Отсюда следует, что эта почти поголовная безграмотность проституток совершенно не зависит от социальных факторов. Недавно при исследовании в этом отношении 39 проституток было найдено, что 25 из них не могли подписать своего имени, а 12 были грамотны, хотя и мало, между тем как из 264 женщин той же профессии, родившихся и выросших в деревнях, 146 были совершенно неграмотны, 74 малограмотны, а 44 отказались от дачи сведений. В действительности многие будущие проститутки оказываются решительно неспособными чему-нибудь научиться в детстве: они невнимательны, непослушны и ленивы; никакое учение не идет им впрок и ни одна школа не может держать их более или менее долго в своих стенах. Мы лично усматриваем в этом новое доказательство в пользу частоты *moral insanity* между проститутками. Равным образом и Schüle пришел к заключению, что известная часть нравственно помешанных больных обладает очень дурными умственными способностями, не удовлетворяющими самым слабым школьным требованиям, так что умственное развитие их так же невозможно, как и нравственное воспитание. Parent-Duchatelet заметил, что большинство из наблюдавшихся им проституток было совершенно неспособно следить за течением самой обыкновенной мысли; они очень скоро уставали и становились рассеянными. De Sanctis при своих исследованиях 28 проституток нашел у трех из них

очень плохие умственные способности, у семи — плохие, у 13 — посредственные и только у четырех — довольно хорошие. Итак, мы видим, что у проституток значительно преобладают способности ниже средних. Fiaux также находил у них постоянно “детскую психологию, невнимательность, неспособность сосредоточиваться, как у молодых дикарей, и пустоту доисторического мозга, сильно напоминающего еще животных”. И без того совершенно ясно, что проститутки не давали бы себя в домах терпимости так глупо эксплуатировать, если бы они не были так ограничены в умственном отношении. Picot и Bridel при своих исследованиях этого вопроса в Женеве пришли к заключению, что “женщины, раз попавшие в дом терпимости, становятся обыкновенно неспособными к какой бы то ни было реакции: одни, без всякой связи с родными, на чужбине, запутанные в долгах, они мало-помалу проникаются сознанием, что тот образ жизни, который ведут они, совершенно нормален, чувствуют себя до известной степени обязанными своим эксплуататорам, так что и не думают возмущаться теми чудовищными контрактами, которыми те их связывают”. Fiaux наблюдал случаи, что девушки, оставлявшие в пылу гнева дома терпимости, добровольно возвращались в них спустя несколько дней, чтобы с прежней индифферентностью продолжать обогащать своих эксплуататоров.

Подобно тому как между нравственно слабоумными рядом с очень ограниченными в умственном отношении индивидами встречаются люди с блестящим, хотя и односторонне развитым умом, точно так же и среди проституток попадаются порою очень умные от природы женщины, ум которых, однако, остался неразвитым. Цитируемая Laurent'ом, например, Andrée была очень интеллигентная девушка и в школе очень скоро нагнала в успехах своих подруг. Она охотно и много читала и, несмотря на вульгарность своих выражений, была очень остроумна в беседе. Parent-Duchatelet сообщает, что одна проститутка придумала очень остроумную систему возможно более удобной и прибыльной практики, связанной с наименьшим риском

для нее заразиться и заболеть. Особа эта составила нечто вроде союза из 40 женатых людей, с которыми она только исключительно и жила. Вступление нового члена в этот союз совершалось не иначе, как с общего согласия остальных членов его и после соответствующего медицинского осмотра; член же, жена которого умирала, *ipso facto*, исключался из состава общества. Таким образом, проститутка эта была гарантирована относительно своего и посетителей ее здоровья и имела отличный доход, совершенно не изнуряя себя. Нельзя отрицать, что создание и приведение в исполнение такого простого плана свидетельствует об известной умственной одаренности этой женщины.

П. Тарновская выделила особую группу, почти в 15%, так называемую “*semi-hystériques*”, — проституток, получивших школьное образование, склонных к лирическому сентиментализму (как мы это наблюдаем у воров) и отличающихся любовью к цветам, птицам и поэзии; проститутки этой группы охотно трактуют о добре и зле и вообще рисуются своим добрым сердцем.

Среди аристократок проституции, гетер, известны крупные умы, сумевшие привлечь к себе даже гениальных мужчин. Не одна женщина, даже самого низменного происхождения, составила себе блестящую карьеру на этом поприще исключительно благодаря своему уму. Такие гетеры, как Аспазия и Леена, отличались, должно быть, далеко не дюжинными умственными способностями, если могли приобрести такое огромное влияние на политическую и эстетическую жизнь своей родины. Известно, что, когда Ксеркс задумал завоевать Грецию, он послал знаменитую гетеру Таргелию из Милета с тонким дипломатическим поручением склонить на его сторону путем своих ласк начальников греческих городов. Она действительно увлекла 14 из них, но не могла склонить их на сторону персидского царя. Впоследствии она перестала быть гетерой, вышла замуж за фессалийского царя в Лариссе и отдалась всецело изучению наук. Аспазия, происходившая также из Милета, до того как сделаться любовницей Перикла, была обыкновенной проституткой в одном доме терпимости в

Мегаре. Прибыв в Афины во главе целой толпы молодых, красивых и образованных женщин, она сделалась преподавательницей риторики, и в короткое время ее слушателями стали самые знатные и образованные граждане. Перикл, сойдясь с ней, ввел в ее дом все, что было более или менее выдающегося в Афинах, и сумел даже побороть предрассудки жены и дочерей, которые точно так же начали бывать у Аспазии. “Они отправлялись в ее дом, — замечает по этому поводу Плутарх, — чтобы слушать ее красноречие”. В короткое время Аспазия сделалась в Афинах законодательницей не только мод, но языка, вопросов дня и обычаев. Многие афинские девушки, увлеченные ее блестящей карьерой, также сделались куртизанками.

Другая гетера, Никарета, происходившая из благородной фамилии и замечательно образованная, отличалась особенной страстью к математике. Она никогда не отказывала в своих ласках мужчине, если только могла чему-нибудь научиться у него. Сделавшись последовательницей философской школы стоиков, она оказала школе этой много существенных услуг, подобно тому как Филена и Леонтия явились ревностными поборницами учения эпикурийцев. Первая из них, ученица и подруга Эпикура, написала большое сочинение по физике и трактат об атомах.

Маркиза Comptour была, несомненно, женщина выдающегося ума: как ни вредны были для Франции ее политические планы, но они отличались смелостью и оригинальностью. Братья Goncourts подробно описывают, с каким тонким умением она боролась против интриг своих врагов при дворе; они рисуют ее покровительницей искусств и наук в эту великую эпоху зарождения духовного могущества Франции, поклонницей всего нового, прогрессивного, а эти качества могут быть свойственны только недюжинному уму.

Замечательная, блестящая карьера многих кокоток, даже вовсе не отличавшихся красотой, свидетельствует о большей или меньшей степени их интеллигентности, об их знании людей, умении общаться с ними и влиять на них. С другой стороны, и тот факт, что содержательницы публич-

ных домов, выходящие обыкновенно из рядов проституток, сплошь да рядом наживают огромные состояния, также служит доказательством того, что особы эти в большинстве случаев далеко не глупы и сплошь да рядом сообразительны и расчетливы.

10. Письмо. Мы раньше говорили о том, что татуировка встречается у одних только проституток. Среди разного рода слов, выражений и фраз, которыми они любят украшать свое тело, попадают некоторые очень остроумные и удачные, хотя большею частью и очень циничные. Напротив, надписи, которые делают обыкновенно преступницы на стенах, мебели и т.п., в большинстве случаев совершенно незначащи по своему содержанию, иногда сентиментальны, иногда религиозны и очень редко эротического характера (см. гл. “Случайные преступницы”).

Гораздо более часты и остроумны подобные произведения проституток-преступниц, хотя в них нет той меткости и ядовитости, которая свойственна обыкновенно проституткам. Иногда попадают между ними образчики истинной поэзии.

В моем Archivio di Psichiatria, т. XII, напечатано огромное стихотворное произведение некоей 16-летней проститутки, которая остроумно и с замечательным юмором описала в нем все, что она видела и пережила во время своего пребывания в Туринской больнице для венерических больных.

Pitré собрал и опубликовал множество народных стихотворений, между которыми есть несколько песенок, сочиненных, по-видимому, проститутками. Они наводят на мысль, что эти несчастные создания отличаются в общем более развитым эстетическим чутьем, нежели преступницы и даже нормальные женщины.

11. Жаргон проституток. Проститутки повсюду имеют свой специальный жаргон. В Париже у них первый встречный “гость” называется “Machinkoff” или “Père Douillard”, “Bobinskoff” — тот, кто содержит любовницу; “Béquinskoff” означает предмет мимолетной страсти; “Bon” — полицейский агент; “Breme” — желтый билет проститутки, иг-

ральные карты, надзор полиции; “Panuche” — мещанка, “Pisteur” — мужчина, который на улице шляется за кокетками. “Miche” — это всякий “гость” вообще, “Cougnotte” — проститутка, занимающаяся трибадией, и т.д.

У итальянских проституток “Civetta” называется всякая некрасивая женщина. “Rail” — высший полицейский чиновник. “Guardie di morti” (стражи мертвецов) — полицейские чины, наблюдающие за публичными домами. Для обозначения *masturbatio labialis* существует у них выражение “Punta di penna”, для *masturbatio manualis* “Zampa di ragno”; заниматься педерастией называется у них “Sfogliar la rosa” (лишать розу листьев), а проститутки-трибады, которые участвуют в публичных сафистических представлениях, носят название “Pulci lavoratrici” (дрессированные блохи) и т.д. и т.п. (Taxil).

12. Религиозность. Проститутки очень религиозны, подобно многим преступницам и большинству дегенератов. Уже гетеры и обыкновенные проститутки Древней Греции отличались особенной ревностью в соблюдении религиозных обрядов и необыкновенным усердием в жертвоприношениях. Они клали на алтари чтимых ими божеств чаще всего золотые, серебряные и перламутровые вещицы, изображавшие мужской половой член, драгоценные камни, серебряные зеркала, пояса, гребни, пинцеты для удаления волос, головные булавки и всевозможные другие золотые и серебряные предметы. Храм Венеры на острове Самосе сильно обогатился приношениями гетер, которые во главе с Аспазией следовали за армией Перикла во время войны с этим островом.

По словам бр. de Concourts, знаменитые французские куртизанки и королевские метрессы XVIII столетия отличались религиозностью, смешанной с суеверием. Среди них крепко держался обычай тайно служить по субботам обедни Пресв. Богородице даже в то время, когда кругом царствовало полнейшее безверие и безграничный скептицизм.

Laurent сообщает, что одна проститутка, сделавшаяся на старости лет сводницей, усердно молилась каждый раз Мадонне о щедрости “купцов”, которым она готовилась

продать ту или иную жертву свою. Кто хоть немного знаком с Неаполем и посещал бедные кварталы его, где живет прстонародье, тот, вероятно, заметил, что там в каждом публичном доме находится икона Богоматери с постоянно теплящейся перед ней лампадой. Когда туда входит "гость", икону тотчас же покрывают платком, чтобы "Мадонна ничего не видела". Parent-Duchatelet говорит по этому поводу следующее: "В обществе мужчин или даже перед своими товарками проститутки бравируют своим издевательством над религией и набожностью, но в тиши, будучи одни, они относятся к ней совершенно иначе. Если наблюдать их улицах и дорогах, когда они думают, что они совершенно одни, можно видеть, как они крестятся при встрече с каждой похоронной процессией. Во время Пасхи вы найдете в комнате каждой из них по масличной ветке. В одном публичном доме, — рассказывает далее этот автор, — тяжело заболела одна проститутка. Бросившиеся за священником три товарки ее принесли ей ответ, что в этом доме священник навестить ее не может. Тогда по настоянию заболевшей ее немедленно перенесли в другое помещение, причем хозяйка дома и прочие девушки сложились, чтобы собрать необходимую сумму денег для уплаты священнику за требу. Одной проститутке было назначено однажды свидание в церкви, но она отклонила его, говоря, что недостойна посещать храм Божий и что она не переступала порога его с тех пор, как стала торговать собой. Не было еще случая, чтобы умирающая проститутка отказалась от напутствия священника, к чему относятся обыкновенно с одобрением все товарки ее. Если принуждают проститутку посещать церковь, то они сопротивляются этому; с другой стороны, они часто без всякого постороннего принуждения бывают в ней, если только там поют на понятном им языке. Одна проститутка ежедневно приходила в церковь и горячо молилась все время, пока длилась болезнь ее сына. Во время прохождения по улицам религиозных процессий проститутки часто делают складчину и на собранные таким путем деньги украшают соответственным образом свои окна".

13. Привязанность к животным. Проститутки, как и нравственно помешанные, отличаются особенной привязанностью к животным, которая так резко противоречит их обычному равнодушию к окружающим людям. Maxime du Camp говорит, что данное содержащимся в St.-Lazar'ской больнице проституткам разрешение держать около себя животных пришлось отменить потому, что они грозили превратить больницу в зверинец. Известно, что маркиза Rompadour имела у себя в доме целую коллекцию собак, обезьян, попугаев и редких птиц и, умирая, завещала в своем духовном завещании одну собаку и попугая Buffon'у. Она платила огромные деньги знаменитым художникам и ваятелям за изображения любимых животных. Привязанность к животным является у подобных женщин вполне эгоистическим чувством, так как животные подчинены всецело воле человека и им не нужно приносить никаких жертв, между тем как любовь к человеку — это эго-альтруистическое чувство, которое требует бесчисленных жертв для любимого существа и полного подчинения своих личных эгоистических интересов его желаниям.

14. Любовь. Любовниками проституток являются обыкновенно их сутенеры, к которым влечет их особенная страсть. Сутенер — это почти всегда субъект со зверским характером, с склонностью к насилиям, становящийся паразитом своей любовницы, которую он в благодарность за ее любовь немилосердно колотит. Сутенеры, особенно проституток низшего пошиба, находятся постоянно в тесных сношениях с ворами и другими негодьями. О сутенерах говорит уже Restif de la Brétonne в своем "Pornographe" (1760) следующее: "Проститутки не могут обходиться без защитников; в своих выборах они обыкновенно останавливаются на самых испорченных, но сильных мужчинах, которых все боятся и в которых они видят опору и защиту против всякого нападения на них. Проститутка, раз выбравшая себе подобного защитника, не может уже развязаться с ним в течение всей своей жизни: она должна доставлять ему средства, дающие ему возможность жить, ничего не делая, проводить все время в кутежах и играх.

Многие из этих мужчин имеют по несколько любовниц одновременно. Если проститутка, не будучи в состоянии долее переносить жестокое обращение своего тирана, хочет избавиться от него, она должна найти себе другого, более сильного и потому еще более деспотического любовника. Когда проститутка появляется на улице, где ей это запрещено полицией, то любовник сторожит ее и предупреждает о приближении полицейских агентов”.

Таково же положение дела и в наши дни. Parent-Duchatelet говорит по этому поводу следующее: “Иго, которое переносят проститутки от своих сутенеров, превращается порою в самую страшную тиранию, какую только можно себе вообразить. Негодяи эти не только живут и одеваются за счет своих рабынь, но постоянно стерегут их, заставляют их посещать с ними кабаки и харчевни, где они должны за все платить, если хотят избавиться от побоев”. “Никогда, — пишет Lesour, — ни один негр не страдал столько под плетью своего надсмотрщика и ни один узник столько от своего тюремщика, сколько проститутки от своих сутенеров, которых они содержат как своих защитников”.

Однако, несмотря на все это, эти падшие создания обыкновенно очень сильно и нежно привязаны к своим мучителям. “Я видел, — пишет Parent, — несчастных девушек, которых доставляли в больницу с выбитыми глазами, с окровавленными лицами, с бесчисленным множеством ран и кровоподтеков на теле и которые, выздоровев, возвращались обратно к своим мучителям. Одна из них издала следовала за своим пьяным сутенером, наблюдая за ним, и когда он падал, она подбегала к нему, помогала ему встать на ноги и затем быстро убегала от него, спасаясь от его побоев. На другой день она разыскала его в одном из полицейских участков, куда он в конце концов попал. Другая, спасаясь от своего рассвирепевшего любовника, громившего с молотком в руках все, что ни попадалось ему под руку, прыгнула во двор с третьего этажа. Вылечившись в больнице от последствий подобного прыжка, она вернулась назад к своему возлюбленному и полгода спус-

тя, опять спасаясь от него, вторично выбросилась из окна, причем сломала себе руку. Но, несмотря на все это, она продолжала и дальше жить с этим субъектом. Но ярче всего выступает привязанность проституток к своим защитникам в письмах их к последним. В письмах этих нельзя найти ничего грязного и циничного; наполнены они большею частью уверениями в любви и упреками в том, что они не получили ответа на свои письма. Любовники часто замещают их другими женщинами, о чем они узнают от вновь арестуемых, и любовь их, несмотря на это, бывает настолько сильна, что они из ревности нападают на своих соперниц и избивают их”.

Масе рассказывает про одного сутенера в Париже, который ежедневно наполнял сосуд известным количеством воды и по убыли ее вечером судил о том, “*si la marmite avait bien travaillé*”*. В зависимости от этого находилось более или менее строгое наказание, которому этот человек подвергал свою жертву. Однажды вечером он нашел сосуд почти полным и так жестоко избил несчастную девушку, что в дело вмешались соседи, и он был присужден к шестимесячному тюремному заключению. Однако, когда его выпустили из тюрьмы, девушка эта опять поселилась с ним.

В этом отношении проститутки, стало быть, сильно отличаются от врожденных преступниц в узком смысле слова, которые не способны к крепким и продолжительным связям. Эта разница кроется в свойственной женщине потребности видеть для себя в мужчине опору. Дело в том, что проститутки — субъекты в большинстве случаев мало интеллигентные и совершенно обезличенные, обыкновенно очень легко попадают под влияние мужчин и очень живо испытывают подобную потребность, между тем как энергичные и страстные преступницы видят всегда в мужчине больше своего раба, нежели господина. Проституток-преступниц, как, например, Gras и Lavoitte, любовники их не только не подстрекают к преступлению, но даже, напротив, они сами наталкивают их на него. Некоторые прости-

* Насколько горшок хорошо сработан (фр.).

тутки, которых нельзя считать преступницами в собственном смысле этого слова и у которых рядом с известной интеллигентностью наблюдается и сильное развитие активной стороны *moral insanity**, не поддаются под иго своих сутенеров. Так, например, знаменитые Legrain и Jeanne, описанные Laurent'ом, расстались обе со своими *amants chéris* после первой же трепки, которую те им задали. Но большинство совершенно неинтеллигентных, безответных, подобно животным, проституток сильно привязано к своим сутенерам и переносят зверства их с такою же покорностью, с какою собака лижет наказывающую ее руку своего господина. Сутенер помогает проститутке завлекать посетителей, обирать их и скрываться от полиции, защищает ее от постороннего насилия и конкуренции; он является, так сказать, единственным законом в ее полной беззаконной жизни и воплощает в себе все идеалы ее. “Куда мы годимся, если не любим”, — говорят обыкновенно эти падшие создания в объяснение своей привязанности к своим любовникам. Наконец, влияние страха и боязнь мести со стороны сутенера, равно как и воспоминания о перенесенных страданиях, еще более укрепляют подобные союзы проституток с их сутенерами.

Замечательной является петиция, поданная в 1830 г. парижскому префекту, в которой сутенеры протестовали против преследования полицией проституток за заманивание у окон прохожих и приставание к ним на улицах. Петиция эта подписана “*cinquante mille voleurs de plus*”**, и в ней между прочим сказано следующее: “Marlou, или альфонс, — это обыкновенно красивый и здоровый мужчина, любезный в обращении с девушками, защищающий их и принуждающий вести себя порядочно. Альфонс умеет танцевать канкан или работать ножом одинаково хорошо, смотря по надобности. Отсюда видно, что мы с нравственной точки зрения полезны для общества. Почему же хотят нас сделать бичами его, стесняя профессию наших женщин? Что нам остается делать? Деньги, которые нам

* Моральные сумасшедшие (англ.).

** Более чем 50 тысячами воров (фр.).

достаются от наших любовниц, мы растрачиваем: Шарль, например, оставляет их в кафе, чтобы иметь возможность читать газеты. Огюст проигрывает их, Александр спускает на танцы... Спрашивается, что же будет делать какой-нибудь Ахилл или Алкид без этих денег, если он все-таки хочет жить в роскоши, к которой он привык? Откуда возьмем мы заплатить своим портным и сапожникам? Мы все неминуемо сделаемся негодьями и мошенниками, и общество обогатится еще 50 000 воров". Документ этот любопытен как верное изображение этики подобных субъектов и их идентичности с преступниками в собственном смысле этого слова; в нем отражается также нравственный мир проституток.

15. Лакомство, обжорство, пьянство. Проститутки отличаются большею частью прожорливостью, и, по словам Parent-Duchatelet, они очень необыкновенные лакомки. "Лакомство и прожорливость их, — говорит он, — удивительны. Некоторые из них едят целый день и в общем съедают такую массу, что этим можно было бы смело накормить трех или четырех женщин одного с ними возраста. К этим излишествам они приучаются в простых харчевнях или хороших ресторанах, в которые ведут их, смотря по их пошибу, их поклонники". Так как у проституток в общем так мало развиты ум и половое чувство, то весьма понятно, что у них с особенной силой дает себя знать голод — самый сильный инстинкт их живой природы. В этом отношении они напоминают детей в том возрасте, когда еще не начиналось их духовное и половое развитие и когда вся жизнь их сводится исключительно к удовлетворению потребностей желудка. Известно, что и у идиотов умственная тупость связана обыкновенно с большею или меньшею прожорливостью.

Среди проституток пьянство распространено в большей или меньшей степени, смотря по индивидуальности. Пьянствовать они начинают в большинстве случаев очень рано и скоро, благодаря алкоголю, доходят до известного состояния умственного отупения, при котором остается тщетной всякая попытка к их исправлению. Мать нравственно

помешанной семьи, описанной Legrain'ом, бывшая проституткой, только о том и думала, как бы лакомиться и пьянствовать; проституированная дочь ее точно так же была пьяницей и напивалась уже чуть ли не с десяти лет. Содержательницы домов терпимости постоянно заявляют, что доходы их были бы гораздо больше, если бы проститутки не были так прожорливы. П. Тарновская также указывает на распространенность пьянства среди проституток. По ее делению их на различные категории, оно наблюдается в 78% “insouciantes”*, 64% — “obtuses”**, 62% — “impudiques”*** и в 60% — “hystériques”****.

Marro при своих исследованиях проституток отметил следующие случаи. Одна девушка из порядочной, достойной семьи, обнаружившая чуть ли не с пеленок страсть к спиртным напиткам, добровольно оставила семью и сделалась проституткой. Другая привыкла пить крепкие напитки чуть ли не с двухлетнего возраста, а третья, покинувшая для разврата свою семью, после того как муж ее попал в тюрьму, будучи еще совсем маленькой девочкой, выпивала еженедельно по 7 литров водки. Одна проститутка сама признавалась, что превратилась в животное благодаря своему беспросыпному пьянству.

16. Страсть к играм. Страсть к играм у проституток в общем не так развита, как у преступников. Тем не менее в публичных домах картежная игра является одним из главных развлечений обитательниц их. Parent-Duchatelet говорит, что среди них также очень распространена игра в лото. В Монте-Карло играет постоянно масса кокоток, которые отличаются, как известно, своею смелостью и упорством.

17. Тщеславие. Характерным является тщеславие проституток, наблюдающееся у них во всех видах и выступающее тем сильнее, чем испорченнее субъекты. Древнегреческие гетеры постоянно мечтали о том, чтобы связать

* Беззаботные (фр.).
** Тупые (фр.).
*** Бесстыдные (фр.).
**** Истеричные (фр.).

свое имя с какой-нибудь комедией. Поэтому среди них особенным вниманием пользовались драматические писатели, которым содержание метресс обходилось далеко не так дорого, как прочим смертным. Так, Гликера писала уехавшему в Египет Менандру: “Только непременно поставь там комедию, в которой я выведена в первом действии; если я не могу сопровождать тебя в твоей поездке в Египет, то пусть я все-таки стану известной при дворе Птолемеев”.

Когда Александр Великий разрушил Фивы, Фрина, урожденная фивянка, выразила желание восстановить их за свой счет с условием, чтобы на городских воротах была повешена доска со следующей надписью: “Город Фивы, разрушенный Александром и восстановленный Фриной”. Таис в одном письме к Евтимеду называет себя по мудрости равной Аристотелю.

Маркиза Pompadour считала себя в политике выше Richelieu, а в стратегии — Louvois. Она мечтала о бессмертии, и ее отступление от традиционной антиавстрийской государственной политики, которым она думала обессмертить свое имя в истории французского королевства, было для него очень губительно. Но не только выдающиеся, а даже самые обыкновенные проститутки заражены сплошь да рядом гордостью и смотрят постоянно свысока на своих ближайших товарок. “В Париже, — говорит Carlier, — бедные проститутки называют своих эlegantных и шикарно одетых соперниц презрительным именем “*panache*”, а эти в свою очередь платят им кличкой “*pierreuse*”. Некоторые кокетки серьезно считают себя благородными дамами на том основании, что они очень ленивы и ненавидят всякий труд. Такими чертами выражается, по их мнению, истинно благородное происхождение. Проститутка, продающая себя за 5 франков, считает для себя кровной обидой, если соперница во время ссоры назовет ее “*femme d'un franc*”.

Maxime du Camp рассказывает следующий случай. В полицию явилась однажды одна молодая красивая девушка ка 20 лет с просьбой выдать ей билет на право заниматься

проституцией. Чиновник, тронутый ее молодостью и красотой, захотел спасти ее от ужасной жизни падшей женщины и предложил ей свое посредничество и ходатайство для поступления в одну скромную женскую общину, которая легко могла найти ей подходящее место. Молодая девушка была возмущена таким предложением. “Место служанки? — дерзко проговорила она, — благодарю вас: в нашем семействе, слава Богу, пока еще никто не служил!” Гр. Л. Н. Толстой предложил однажды одной проститутке место кухарки, но та отказалась под предлогом, что она не умеет готовить. “Но я, — говорит Толстой, — по лицу ее очень хорошо видел, что она просто не хочет взять этого места, так как должность кухарки казалась ей, должно быть, слишком недостойной”. Из этих и подобных примеров достаточно видны тщеславие и гордость проституток, у которых эти качества являются ближайшими последствиями их лени. Но проститутки все-таки обыкновенно уступают в этом отношении преступницам, у которых чванство и самодовольство часто доходят просто до смешных размеров.

18. Бездельничанье. Любимейшим удовольствием проститутки является бездельничанье. Скука ей незнакома, и она проводит целые дни, лежа на постели или кушетке, не двигаясь с места, не шевеля ни одним пальцем и не чувствуя при этом никакой тягости от подобной инертности, которая для всякой нормальной женщины несноснее самого тяжелого труда. Зато все проститутки смертельно ненавидят всякий труд, и это отвращение к нему и является главным мотивом их падения и проституции; сюда присоединяется еще, кроме того, их жадность ко всякого рода развлечениям, кутежам и оргиям, каковая черта у них общая с настоящими преступниками. Точно так же и Parent-Duchatelet полагает, что лень является одной из главных причин проституции: многие молодые девушки, не желая трудиться и стремясь вести жизнь, полную удовольствий и развлечений, не хотят, однако, искать службы или какой-нибудь работы и часто теряют даже, благодаря своей склонности к такого рода жизни, ту службу, которую

они занимали раньше. Ленъ проституток вошла даже в поговорку. Они проводят целые дни в *dolce far niente*, и в те часы, когда они не заняты своим печальным ремеслом, они предаются абсолютному бездельничанью. Проститутки более или менее высокого пошиба встают обыкновенно очень поздно, купаются, поют, едят, танцуют, валяются на постели или диване и, если погода хорошая, идут гулять. Другие сидят в кофейнях или перед дверьми своей квартиры, едят, пьют и болтают в компании окружающих их субъектов. Работой, именно: вышиванием, шитьем или деланием цветов — занимаются только весьма немногие из них, именно те, которые несколько обучены этому; еще меньше среди них встречается таких, которые проводили бы время в чтении или занимались бы музыкой.

По словам *Maxime du Camp*, в полицейских участках Парижа можно более пятисот раз в году слышать следующий разговор:

— Не хотите ли переменить свой образ жизни?

— Нет.

— Быть может, вы желаете вернуться на родину?

— Нет.

— Значит, вы хотите быть записанной в число проституток?

— Нет, я ничего не хочу.

П. Тарновская в следующих словах описывает класс проституток, которых она называет "*obtuses*": крайняя апатия, безразличное отношение к окружающему, лень и полная неохота менять раз принятое положение тела весьма характерны для этих потерянных женщин. Они презирают всякий труд; ничего не делать, ни о чем не думать, прозябать в полном покое, избегая всяких движений, — их нормальное состояние; пить, есть и спать — их единственные радости в жизни. Некая Е. В., девица легкого поведения, на вопрос, не чувствует ли она себя несчастной, что избрала разврат средством к существованию, заявила, что счастлива при мысли, что стала проституткой, так как она может жить, ничего не делая. Тарновская говорит, что почти все проститутки, которых она наблюдала, пробовали

сперва работать, но потом очень скоро теряли всякую охоту к труду, бросали его и кончали развратом. При этом она отмечает у них рядом с полной неспособностью к продолжительной, правильной деятельности какую-то потребность в беспокойной суеде и шумных оргиях. Того же мнения и Parent-Duchatelet. “Почти у всех этих несчастных, — говорит он, — существует нечто вроде потребности постоянно двигаться и бросаться туда и сюда, благодаря чему они решительно неспособны оставаться спокойно на каком-нибудь месте и обходиться без шума и возни. Это можно наблюдать повсюду, куда только они ни являются: в больницах, в тюрьмах, даже в приютах, убежищах для раскаявшихся грешниц; везде их болтливость и шумная неподвижность одинаково трудно поддаются описанию”.

“Большую частью, — замечает Тарновская, — они любят возбуждающие удовольствия, многолюдные собрания, шум и всякое беспокойство; замечательна их падкость на разного рода зрелища и желание пользоваться всяким случаем, чтобы порисоваться публично своими прелестями”.

Потребность в такого рода шумной подвижности называется у подобных натур прежде всего в стремлении посещать различные собрания и балы, которые и являются для многих ближайшей причиной их падения. Из-за желания потанцевать на балу молодые девушки убегают из дома или из мастерских, где они работают, и завязывают знакомства с мужчинами, которым они впоследствии и отдаются. Carlier говорит, что проститутки, попадающие из диких и безобразных загородных притонов разврата в благоустроенные и приличные дома терпимости центральных частей города, испытывают по временам потребность “de se retremper dans la vie de barrière”, т.е. покутить, потанцевать и вообще побезобразничать в дешевеньких ресторанах и кофейнях предместий. Описанная склонность их переходить от полного покоя к необузданной подвижности является существенным признаком вырождения и напоминает дикарей, которые от абсолютного покоя любят вдруг переходить к шумным и диким оргиям, какими являются, например, их танцы.

У кокоток высшего полета страсть к оргиям часто бывает связана с безумными тратами. Одна, например, обливает за ужином себя и своих гостей шампанским, другая закуривает папиросу банковыми ассигнациями, третья просто находит удовольствие в том, чтоб разрушать дорогие подарки своих поклонников. Подобную черту характера описал и Zola у своей Nana. Склонность эта очень напоминает страсть маленьких детей ломать все, что ни попадает им в руки, и объясняется в конце концов удовольствием, какое скрывается в применении, хоть и бестолковом, собственных сил.

19. Ветреность, легкомыслие, нерасчетливость. Подвижность проституток точно так же, как их лень, вошла в поговорку. Parent сообщает, что неоднократные попытки подчинить их контролю, сделанные во Франции в начале нынешнего столетия, оставались без результата, благодаря тому что они постоянно меняют свои жилища и то живут на свободе, то в домах терпимости, так что какой бы то ни был надзор за ними становится в высшей степени затруднительным. Результатом этого явился закон, запрещающий проституткам оставлять публичный дом ранее 25 дней пребывания в нем. Мы знаем, что и в Древних Афинах воспрещалось обитательницам диктериад оставлять свои места жительства без разрешения правительства. Уже в те отдаленные времена был, очевидно, труден надзор за подобными субъектами благодаря их наклонности к постоянным перекочевываниям с места на место, если для этого понадобились такие меры, тем более что тогда заполнение девушками домов терпимости не могло совершаться так легко, как в наши дни. Carlier говорит, что проститутки, зная, что их контракты с держателями публичных домов недействительны на суде, широко пользуются этим и постоянно перекочевывают из одного дома терпимости в другой, так что состав обитательниц их почти ежемесячно меняется.

Проститутки, которых Тарновская причисляет к категории "insouciables", отличаются, по ее словам, "необыкновенной подвижностью, болтливостью и таким живым тем-

пераментом, что при самом ничтожном поводе они переходят от смеха к плачу и наоборот. Главнейшей чертой характера их является полная неспособность сосредоточиваться на чем-нибудь и отсутствие выдержки во всех их начинаниях”. “Трудно представить себе, — замечает Parent, — ветренность и поверхность проституток: почти невозможно заставить их сосредоточиться на чем-нибудь и следить за ходом мыслей; малейший пустяк отвлекает их внимание”. Du Camp справедливо полагает, что “в каждой проститутке прежде всего бросается в глаза ее апатия и равнодушие ко всему окружающему, а затем ее ветренность и непостоянство мыслей”. Совершенно права была, по его мнению, та из них, которая охарактеризовала себя словами: “Je suis papillon”. Легкомысленность и непостоянство этих падших созданий обуславливаются у них слабостью высшей черты психического развития человека, именно внимания, которое бывает нарушено при всех формах вырождения. Такой легкомысленности соответствует и полная нерасчетливость проституток. В жизни очень часто встречаешь кокоток, которым удалось собрать известное состояние благодаря своей ловкости и уму и которые растрачивают его на всевозможные пустяки, совершенно не думая о том, как непродолжителен источник их доходов — красота. Публичные женщины низшего разбора еще менее задумываются о своей тяжелой будущности. Вот почему так редки даже среди наиболее ловких и счастливых из них случаи наживы и обеспечения на старости лет. Лучшим доказательством этого может служить знаменитая куртизанка *Cora Pearl*, через руки которой прошли миллионы и которая должна была писать на старости лет свои мемуары, чтобы иметь чем существовать. В Париже много лет тому назад несколько филантропов задумали устроить дом призрения для проституток, которые должны были с этой целью делать небольшие еженедельные взносы. Дом этот должен был служить проституткам убежищем на старости лет и во время болезни. Но эта благородная затея филантропов не могла быть осуществлена, так как она не встретила сочувствия со стороны самих

проституток, из числа которых только весьма небольшая часть согласилась делать взносы.

Подобно тому как Zola рисует Nana, так точно описывают характер проституток все исследователи проституции, как Parent-Duchatelet, Carlier, Lecour, Тарновская и другие. “Большинство проституток не обладает необходимой энергией для того, чтобы думать о своем будущем” (Carlier). “Будущность не существует для них, или они, по крайней мере, нисколько не заботятся о ней” (Тарновская). Даже те счастливицы, которым удается выйти замуж, нередко возвращаются к своему прежнему образу жизни и кончают свои дни в нищете, в больнице или тюрьме.

20. Лживость. Проститутки, подобно преступникам, обнаруживают неотразимую склонность ко лжи даже в тех случаях, где для этого у них нет ни основания, ни цели. Carlier усматривает в этой черте характера их профессиональный признак и в доказательство своих слов сообщает следующую историю. Некая X. была зарегистрирована в списки проституток под именем своей кузины, документы которой она похитила и предъявила полиции. По прошествии некоторого времени ее разыскивали родные, желавшие отдать причитавшуюся ей часть наследства. Полиция, заподозрив ее настоящее имя, пригласила ее в участок для удостоверения ее личности, но она на допросе отказалась от своего имени и осталась при том, которым назвалась. Тогда родные заявили, что доказательством того, что она не та, за кого выдает себя, может служить известный физический признак, имеющийся у нее на теле. При осмотре ее признак этот действительно был найден, но она продолжала упорствовать в своей лжи, несмотря на все увещевания и обещания полиции не разглашать того, что она занимается проституцией. Пробовали пригрозить ей, что она лишится наследства, если будет продолжать упорствовать. Ничего не помогало. Тогда наконец при помощи многочисленных документов было неоспоримо выяснено ее настоящее имя и она была заключена в тюрьму как проживавшая под чужим именем. Но и здесь она продолжала настаивать на справедливости своих прежних пока-

заний, пока наконец не решились прибегнуть к последнему средству, именно к вызову ее родных и к очной ставке с ними. Только лишь увидев своего брата, она бросилась к нему на шею, заплакала и созналась во всем. Своей упорной лжи она не могла объяснить иначе, как только словами: “Я не хотела сказать этого”.

Д-р de Sanctis на основании наблюдения 28 проституток констатирует у них удивительную аналогию с истероэпилептическими больными в том отношении, что они также систематически лгут, как эти последние, и что ложь вырабатывается у них в прочную, не основанную на необходимости привычку (*mendacium systematicum*). Равным образом и Тарновская нашла у проституток органическое тяготение ко лжи преимущественно у тех, у которых имеются налицо признаки истерии (категория “*hystériques*”), которые, стало быть, — как она объясняет, — бессознательно стремятся выразить свои мысли и чувства только приблизительно, неточно.

С другой стороны, лживость проституток отчасти объясняется их социальным положением, равно как и сознанием ими того взгляда, какой существует на них в обществе. Им приходится постоянно в жизни бояться чего-нибудь: родительской власти, полиции, суда — и таким образом в них постепенно вырабатывается привычка лгать при самых обыденных обстоятельствах.

21. Эквивалент врожденной проституции у высших классов населения. Статистика показывает, что проститутки рекрутируются преимущественно среди беднейших классов населения, и таблица Parent-Duchatelet относительно побудительных причин проституции очень поучительна. Мы помещаем ее ниже с оговоркой, что, по нашему мнению, причины эти в большинстве случаев только мнимые, кажущиеся; истинный же корень проституции кроется, как мы думаем, только в индивидуальном вырождении.

Очевидно, что лица категорий 1 и 6—9 настоящей таблицы принадлежат к беднейшим классам населения и составляют, вместе взятые, большинство — именно 3839 из 6183. Goncourt также отмечает, что все выдающиеся

кококты прошлого столетия происходили из низших слоев общества.

Побудительные причины протитутции	У пари- жанок	У жи- тельниц больших городов	У жи- тельниц малень- ких городов	У жи- тельниц деревень	У ино- странок	Всего
1. Бедность и крайни ницета	570	405	182	222	62	1441
2. Потеря родителей, изгнание из родительского дома, беспризорность	647	201	157	211	39	1255
3. Желание содержать слабых и больных родителей	37	—	—	—	—	37
4. Желание воспитывать своих младших братьев, сестер, племянни- ков и т. д.	29	—	—	—	—	29
5. Желание овдовевших или поки- нутых своими любовниками жен- щин воспитать многочисленную семью, оставшуюся у них на руках	23	—	—	—	—	23
6. Приезд в Париж с целью устро- иться и найти средства к суще- ствованию	—	187	29	64	—	280
7. Приезд в Париж в качестве со- держанок военных, кушцов, студен- тов и других и оставление любов- никами	—	185	75	97	47	404
8. Обольщение служанок их госпо- дами и потеря мест вслед за тем	123	97	29	40	—	289
9. Оставление любовниками по- сле более или менее продолжи- тельной связи с ними	559	314	180	302	70	1425
Итого	1988	1389	652	936	218	5183

Не отрицая значения ницеты и беспризорности как факторов, весьма сильно влияющих на контингент случайных протитутток, мы должны заметить, что врожденная протитутция встречается не только в низших классах населе-

ния, но имеет свой эквивалент и в высших слоях его. Проститутке-пролетариатке, живущей в доме терпимости, соответствует в аристократии неисправимая распутница и нарушительница супружеской верности. Было бы наивно думать, что настоящие блудницы живут только в публичных домах. Вот пример врожденной проституции, происходящей из богатой, знатной фамилии.

Р. происходила из дегенерированной семьи (мать душевнобольная, а отец эксцентрик) и уже в раннем детстве обнаруживала большую нравственную испорченность. В 14 лет она пыталась убежать из родительского дома с одним поклонником своим, а год спустя скрылась с другим, за которого и вышла замуж. Хотя муж достался ей, видно, ценою такого риска и стольких жертв, он далеко не был конечною целью ее желаний, ибо спустя всего несколько месяцев после свадьбы она завела уже целую серию любовников и с несколькими из них находилась даже в связи одновременно. Это очень холодная, нечувственная натура, а любовникам удается расшевелить ее лишь после больших усилий. Она очень охотно проделывает с ними *masturbatio manualis* и *buccalis*, так как — по собственному выражению — “лучше чувствует при этом мужчину”. Эти мерзости доставляют ей особенно большое удовольствие, когда она совершает их в таких местах, где она может легко пойматься, например в ложе театра, в экипаже во время прогулки, в садовой беседке или, наконец, у себя в будуаре во время бала. К детям своим относится неодинаково: то она с ними чересчур нежна, то позволяет себе в их присутствии самые непристойные вещи. В течение нескольких часов или даже минут она от истинного раскаяния в совершенном поступке переходит к еще большим безобразиям. Так, например, однажды она говорила своему любовнику, которого принимала по случаю недавнего выкидыша у себя в спальне, что перенесенная ею болезнь повлияла на нее облагораживающим образом и что отныне она хочет прекратить прежнюю жизнь и исправиться. Говоря это, она пыталась в то же время мастурбировать его и час спустя совершила с другим своим любовником

masturbatio buccalis. Будучи по природе недоброй, она находила особенное удовольствие в том, чтобы натравлять одного своего любовника на другого, если они оба встретятся у нее в доме. Она читает много романов и в них черпает материал для своих сентиментальных и романтических сцен, которым она сообщает грубый, чисто животный характер. Однажды, расставаясь с одним из своих любовников, она крикнула ему на прощание: “Смотри же, приходи ко мне так часто, как захочешь, как к обыкновенной проститутке”. Такие и подобные сцены она охотно устраивает своим любовникам даже на улицах, не обращая ни малейшего внимания на то, насколько это компрометирует ее и их. Страсть ко лжи в этой женщине была развита так сильно, что она лгала на каждом шагу, большею частью совершенно без всякого основания, даже бессознательно и никогда не была в состоянии повторить еще раз то, что она рассказывала раньше. Она выдумывала вещи, не имевшие для нее решительно никакого значения: ни прямого, ни косвенного, и признавалась, что, если бы муж или кто иной застиг ее на месте преступления в нарушении супружеской верности, она все-таки отрицала бы свою вину, “ибо, — рассуждала она, — мое отрицание имело бы в глазах света ровно такое же значение, как и его утверждение”.

Масе приводит в пример жену одного богатого и высокопоставленного лица, происходившую из очень почтенной семьи. Особа эта наняла две меблированные комнаты в другой части города и там принимала тайно друзей своего мужа и даже незнакомых ей мужчин. Со своих любовников она денег не брала, напротив, часто даже сама делала им подарки, для чего неоднократно обкрадывала своего мужа при помощи подобранный к его кассе ключа.

Вот еще один случай. Один богатый господин был женат на бедной девушке, происходившей из очень простой семьи. Но, несмотря на ее прекрасное, даже завидное положение, она испытывала, по-видимому, тоску по той грязи, в которой родилась и в которой жила до выхода замуж. Молодая женщина попросила у мужа позволение съездить

домой и там шлялась во время карнавала в костюме простой служанки по всем балам, вступая, подобно обыкновенной проститутке, в интимные связи с мужчинами. Затем она снялась в очень откровенном, сильно декольтированном костюме и позволила выставить свою карточку в витрине. Ко всем просьбам и увещаниям родных мужа вести себя приличнее и не делать скандалов она оставалась глуха. Почувствовав себя беременной, она пригласила врача и, несмотря на то что совсем не знала его, обещала отдаться ему, если он вызовет у нее аборт. Здесь мы точно так же имеем дело с нравственно помешанной, врожденной проституткой, которая не попала в дом терпимости только благодаря особенно сложившимся обстоятельствам, но которая попадет в него не сегодня завтра. Если до этого дело и не дойдет, она все-таки представляет собой типичную проститутку.

Между старой, истасканной проституткой, живущей развратом своей дочери, и великосветской дамой, которая выдает свою дочь замуж за своего последнего любовника, чтобы таким путем удержать его около себя, существенной разницы нет. Типичный пример подобной матери вывели братья Goncourt'ы в своем романе "Renée Mauperin" — и такие экземпляры далеко не редкость среди развращенной аристократии. Я напомним здесь только о принцессе R., родственной самым знатым дамам Франции и Италии, о распутстве и половых эксцессах которой мы уже говорили выше. Родись она в бедной семье, из нее вышла бы обыкновенная проститутка, между тем как, благодаря своему высокому положению, она легко могла скрыть большую часть своих безнравственных преступлений. А разве не заслуживают названия проститутки те женщины, которые обзаводятся любовниками для того, чтобы они оплачивали все их прихоти и капризы (подобный пример выведен Bourget в его романе "Mensonges") — или же отдаются начальникам своих мужей с целью составить последним карьеру? Все эти женщины при других условиях стали бы проститутками, уличными потаскухами или элегантными кокетками, — смотря по своей ловкости, красоте или уму.

Самое блестящее описание подобных врожденных проституток дал Balsac в лице выведенной им m-me Mameffe. “Г-жа Mameffe, — говорит он, — принадлежала к числу тех тщеславных замужних кокоток, которые предаются при первом удобном случае самому грубому разврату со всеми его последствиями и которые готовы извлечь выгоду из всего, совершенно не задумываясь над средствами, какими должно быть это достигнуто. Эти Macchiavelli в юбках самые опасные и безнравственные из всех испорченных парижанок”.

То же самое следует сказать и о тех великосветских дамах, которые во времена Второй империи связывали политику с любовными интригами и, благодаря своим интимным отношениям с выдающимися государственными деятелями, распоряжались должностями, почестями и нередко и государственными тайнами. Да и сама маркиза Compadour, при менее счастливых обстоятельствах и не будь она так умна, была бы не регентшей Франции, а обыкновенной проституткой!

22. Проституция и преступность. Теперь займемся рассмотрением спорного вопроса о той связи, которая существует между проституцией и преступностью.

Тождество преступника и проститутки в анатомическом и психологическом отношениях настолько полно, насколько это возможно: оба они идентичны с нравственно помешанными, а потому равны между собою. Как у одного, так и у другого мы находим те же самые дефекты нравственного чувства, ту же бессердечность и рано появляющуюся склонность ко злу, то же равнодушие к общественному мнению, благодаря которому один легко мирится с положением преступника, а другая — проститутки; наконец, одинаковую нерасчетливость, легкомысленность и лень, равно как одинаковое же тщеславие и страсть к шумным развлечениям, кутежам и оргиям. Проституция есть, стало быть, не более, как известная форма выражения женской преступности, вместе с которой она представляет два аналогичных, параллельных явления, сливающихся друг с другом. Среди проституток необыкновенно распространены сравнительно

легкие преступления, как воровство, вымогательство и нанесение телесных повреждений. С психологической точки зрения проститутка та же преступница, и если она не совершает преступления, то причина этого — ее физическая слабость и ограниченное умственное развитие, а еще более то обстоятельство, что в разврате она имеет средство для удовлетворения всех своих желаний и потому по закону затраты наименьшей энергии предпочитает именно это средство другим. Итак, проституция есть специфическая форма женской преступности. Настоящие преступницы, совершившие более или менее тяжелые преступления, представляя собою всегда крупные аномалии в том или другом отношении, отличаются необыкновенной нравственной извращенностью, далеко превосходящею мужчин, и с биологической точки зрения обладают чисто мужскими характерами — словом, на них нужно смотреть скорее как на исключения из среды женщины. Таким образом, подтверждается наш взгляд, что истинную женскую преступность нужно видеть именно в проституции. Теперь нам станет понятным, почему среди проституток преобладают именно легкие, незначительные преступления. Будучи по своей природе преступницами, они идут по общему для всех преступников пути, но только до известных, так сказать, пределов: за этими пределами их преступность начинает выражаться уже в особой специфической форме, в проституции. Мы знали многих девушек, которые в детстве были воровками, а выросши, перестали воровать и сделали проститутками.

С другой стороны, высказанному нами только что взгляду на проституцию нисколько не противоречит и тот факт, что проститутки лишь очень редко совершают преступления, опасные с социальной точки зрения. Напротив, функция их в известном смысле даже полезна для общества, так как они служат как бы предохранительным клапаном для чувственности мужчин, а стало быть, и средством предупреждения преступлений. Мы знаем, что и преступник может в известные моменты превращаться в героя или по крайней мере казаться таковым, но он остается тем не менее преступником.

Основываясь на данных самой тонкой психической структуры, совершенно тождественной у преступников и проституток (кроме, конечно, отличий полового характера, который вполне соответствует нормальной разнице между обоими полами), мы еще раз подтверждаем, что преступления и проституция суть выражения мужской и женской преступности, причем мы совершенно не касаемся различного социального значения обоих этих явлений. Имея в виду именно последнее, мы далеки поэтому от мысли требовать искоренения проституции при помощи таких же суровых мер, как и преступления.

СЛУЧАЙНЫЕ ПРОСТИТУТКИ

Не все проститутки — нравственно помешанные субъекты; иначе говоря, не у всех у них разврат является пороком врожденным. Многие из них становятся проститутками только лишь благодаря случайно сложившимся обстоятельствам.

1. Антропологические данные. Мы уже раньше показали, что значительная часть, почти 43% проституток, не имеет никаких или весьма мало дегенеративных признаков и что в 53% их не наблюдается никаких отклонений в менструациях в смысле слишком раннего или позднего появления их. Далее, нами было также выяснено, что 45% проституток не страдает бесплодием, 16% их обладает нормальными рефлексами и 39% — нормальной чувствительностью к болевым раздражениям.

2. Психологические данные. Случайные проститутки значительно более отличаются от нормальных женщин, чем случайные преступницы. Между тем как эти последние, особенно воровки, стоят ближе к нормальным женщинам, чем к врожденным преступницам, случайные проститутки, напротив, более приближаются к врожденным проституткам, чем к типу нормальных женщин. Поэтому у них всегда можно доказать, хотя и не в такой интенсивной степени, наличие различных порочных наклонностей и других ненормальных психологических особенностей.

П. Тарновская сообщает об одной девушке, которая случайно сделалась проституткой, благодаря тому обстоятельству, что она очутилась одна в чужом, незнакомом ей городе. Приехав туда и не найдя на станции тех друзей, которые должны были ее встретить, она была в большом горе, не зная, куда деться. К ней подошла какая-то пожилая дама и, узнав, в чем дело, предложила ей тут же выгодное место горничной в одном очень богатом доме. Молодая девушка с радостью согласилась и пошла за старухой, которая привела ее в дом терпимости. Прожив в нем три месяца, молодая девушка забеременела. За это время она познакомилась с одним господином, который полюбил ее, выкупил из публичного дома и

поместил в деревне, обставив ее и ребенка даже роскошью. Однако она недолго прожила в этой обстановке. В один прекрасный день она возвратилась в дом терпимости и снова сделалась проституткой. Время от времени она наезжала в деревню, чтобы повидать своего горячо любимого ребенка.

Аналогичный случай наблюдала Grandpré. В нем дело идет о девушке, которую родной отец толкнул на путь разврата. Это была не только неиспорченная, но даже благородная натура с возвышенными порывами. При этом характер у нее был странный и в высшей степени капризный: то она бывала весела и до крайности шаловлива, то, напротив, мрачна до отчаяния и из одного настроения переходила в другое внезапно, в одно мгновение. Ей стал противен образ жизни проститутки, который она вела, и, чтобы заглушить свои угрызения совести, она начала кутить и устраивать оргии. “Я не создана, — говорила она, — для подобной жизни; когда я подумаю только, до чего я дошла, меня берет ужас, и я пою, танцую, кучу, лишь бы забыться, иначе я наложу на себя руки”. Один раз она действительно пыталась покончить с собой и сделала это так же внезапно, под влиянием минуты, как это обыкновенно делают женщины, страдающие истерией и эпилепсией. Чуть ли не каждый день она решала бросить прежнюю жизнь и начать новую, но... напрасно: “Я бы очень желала этого, но теперь... это невозможно”. Минуту спустя после этого скорбного признания, сделанного г-же Grandpré со слезами на глазах, она, как ни в чем не бывало, уже бегала и резвилась среди прочих своих товарок по заключению.

У Maxime'a du Camp'a мы находим описание одной проститутки, представлявшей собою редкое сочетание порока и добродетели. Уже в 14 лет она была арестована за приставание на улицах к мужчинам и объяснила в полиции, что ей ничего более не оставалось, как сделаться проституткой, потому что никакой работы она не знает, а родная мать выгнала ее из дому. Впоследствии она имела дочь, которую нежно любила, но ребенок умер у нее на руках в одну холодную ночь почти от голода. Отчаяние ее не знало границ... Вторично арестованная полицией, она обратилась к тюремному

инспектору с трогательным письмом, в котором, между прочим, писала: “Примите во внимание, что мать моя посылала меня в дом подкидышей, а малютка моя умерла вследствие лишения у меня на руках. Я обращаюсь к вашей сострадательности...” Выпущенная на свободу, она познакомилась с честным мастеровым, который вскоре женился на ней, полюбив ее за ее доброе сердце. Но она недолго жила с ним: при первой же нужде, какую пришлось ей испытать, она бросила его и вернулась к прежней жизни, к которой слишком привыкла. Она была опять арестована и сдана на руки мужу, который явился за ней в полицию. Идя с ним домой, она вырвалась от него и скрылась в бесчисленных закоулках обширного полицейского двора. Эта женщина представляет собою пример, где порочность взяла верх над хорошими качествами души; при ее любви к детям из нее вышла бы честная и счастливая мать.

Лесоиг сообщает другой случай такого же противоречивого совмещения в одном и том же лице добрых и дурных качеств души, именно отвращения к собственному образу жизни и неспособности в то же время переменить его. Девушка, о которой здесь идет речь, была подвержена пьянству и нередко бывала за это арестуема. Однажды она написала письмо инспектору, в котором было сказано, между прочим, следующее: “Я так сильно страдаю... горе мое делает меня почти сумасшедшей. Уверяю вас, что я не имею в виду никаких злых намерений против правительства; с меня довольно и того, что я занята мыслью о том, как бы уничтожить самое себя...”

Grandpré наблюдала в больнице при Сен-Лазарской тюрьме девушку, которая, задумав исправиться и бросить постыдное ремесло проститутки, бежала из Парижа в провинцию и прошла пешком около ста миль. Она поступила на должность в одном небольшом городе в гостиницу, но какой-то проезжий узнал ее и рассказал хозяину о ее прошлом. Молодая девушка потеряла место и, очутившись снова на улице, опять бросилась в разврат и стала гораздо худшей проституткой, чем была прежде.

“Одна молодая девушка, — сообщает опять Лесоиг, — которую мать ее отказалась содержать и у которой от фаб-

ричной работы развилась гипертрофия сердца, очутилась в безвыходном положении. Не будучи в состоянии работать благодаря своей болезни, она явилась в полицию с просьбой, чтобы ее зарегистрировали в списки проституток. “Работать, — говорила она, — я по болезни не могу и не нуждаюсь ни в чьем совете, ни в благотворительной помощи; я прошу только одного: записать меня в списки проституток”. В ее гордом отказе от чужой помощи и в твердости принятого ею решения кроется известный недостаток чувства стыдливости и некоторая ненормальность ее, но тяготение ко злу в ней не так сильно выражено, чтобы она решилась на него без особенной надобности”.

Категория публичных женщин, официально называется парижской полицией “*insoumises*”, состоит главным образом из случайных проституток. Grandpré описывает их в следующих словах: “Они образуют свой отдельный мир среди этого рода погибших женщин и из 100 подобных несчастных можно было бы, наверное, спасти 80, если бы только на это были средства. В большинстве случаев они еще очень молоды и не успели еще огрубеть и закоснеть в пороках. Нищета, беспризорность, тщеславие или детское легкомыслие — вот что чаще всего приводит их в Сен-Лазарскую тюрьму. Многие из них возвращаются к своим родным, которые разыскивают их; другие стараются при помощи тамошних сестер милосердия поступить в какое-нибудь благотворительное убежище, но немало и таких, которые возвращаются к проституции и остаются уже на всю жизнь проститутками”.

Тарновская при описании русских проституток выделяет особый класс их, достигающий почти 14% общего числа, под названием “*insouciantes*”. У представительниц этой категории редко наблюдается какая-либо невропатическая наследственность, кроме алкоголизма отца, и сравнительно у них очень мало дегенеративных признаков. По словам ее, они отличаются обыкновенно болтливостью, впечатлительностью и непоследовательностью своих мыслей и поступков: то они плачут, то смеются над каким-нибудь пустяком, и переход от слез к смеху и наоборот у них необыкновенно легок и скор. Они невзыскательны, рассказывают первому встречному са-

мые интимные и компрометирующие подробности из своей жизни и тотчас же обо всем забывают, едва успев окончить свой рассказ. Главная черта их характера — это довольное, вечно веселое расположение духа. Их легко уговорить взяться за какую-нибудь работу, но они очень быстро теряют к ней охоту. Можно сказать, что они живут только для настоящей минуты, — будущее для них как бы совсем не существует. Они каются в своих поступках, искренно сожалеют о них, но при всем том не могут заставить себя поступать иначе. Характерно то, что они не в состоянии пожертвовать ни малейшим удовольствием настоящей минуты для какой-нибудь выгоды в будущем, — словом, они представляют собою смесь специфических особенностей характера женщины и ребенка, но в увеличенном и, так сказать, карикатурном виде.

Итак, почти у всякой случайной проститутки мы находим легкомысленность, ветреность, непостоянство и нерасчетливость врожденной проститутки, то есть такое же вырождение личности, но в меньшей степени. Равным образом и чувство стыдливости у них притуплено сравнительно с нормальными женщинами, хотя оно и никогда не отсутствует совершенно. Случайные проститутки отличаются от врожденных главным образом тем, что они не любят, подобно им, зла для зла и не предаются пороку из одной лишь любви к нему: для того чтобы пасть, им нужна случайность, больший или меньший соблазн, смотря по степени их ненормальной конституции. Нравственное чувство хотя и ослаблено у них, но далеко не в столь значительной степени, как у врожденных проституток. Их образ жизни внушает им отвращение, но их стремления редко настолько энергичны, чтобы им удалось переменить его. Без этих несчастных случаев, являющихся ближайшими причинами их падения, они были бы обыкновенными, легкомысленными, необдуманно женщинами, каких много во всех слоях общества, особенно в высших, — женщинами, которые, несмотря на свою любовь к детям и к окружающим, легко завязывают разного рода интриги, особенно любовные. Правда, потом они искренно раскаиваются в них, но при первом же удобном случае повторяют то же самое. Одним словом, это были бы поверхностные

натуры с притупленным умственным развитием и ослабленным нравственным чувством, но далеко не столь испорченные и вредные для общества, как те нравственно помешанные женщины, у которых есть какое-то особое тяготение и извращенный вкус ко всему дурному и порочному.

Подобный взгляд на случайных проституток подтверждается наблюдениями, которые Grandpré сделала над парижскими незарегистрированными проститутками (*filles insoumises*). “Не все случайные проститутки Парижа, — говорит она, — попадают в St.-Lazare. К числу таковых принадлежат многие женщины, оскверняющие под видом честных жен свой дом прелюбодеянием; девицы, обманывающие бдительность своих матерей, равно как и элегантные дамы, так или иначе продающие за деньги свои ласки”.

3. Материнство и материнская любовь. В то время как врожденные проститутки не становятся матерями ни в психическом, ни в физическом смысле этого слова, среди случайных проституток немало таких, которые очень нежно любят своих детей. Carlier пишет, что среди них материнство пользуется большим почетом. “Нередко, — говорит он, — можно наблюдать у них порывы искренней радости при первых симптомах, указывающих на начало беременности, которой они не ожидали, но в которой убеждаются с восторгом. Они тогда делают все возможное, чтобы ничто не угрожало их беременности, а многие даже оставляют свой прежний образ жизни, несмотря на то что попадают, благодаря этому, в очень тяжелые материальные условия. Разрешившись от бремени, они становятся самыми нежными матерями, и заботливость их доходит до того, что они не позволяют себе в присутствии своих детей ничего непристойного, даже в том случае, когда дети эти находятся еще в пеленках”.

Одна проститутка, близко знакомая со знаменитой M. V., совратительницей в разврат несовершеннолетних, никогда не позволяла ей посещать свою дочь: материнский инстинкт подсказывал ей об опасности для последней подобных посещений. Другая проститутка употребляла часть своих ежемесячных заработков на то, чтобы воспитывать свою дочь в одном из иногородних пансионатов, и говорила, что она ли-

шила бы себя жизни, если бы дочь ее узнала, какого рода жизнь она ведет. Многие из этих несчастных женщин утешают себя надеждой, что дети их, особенно дочери, будут вести честный образ жизни. Кроме материнской любви у них легко подметить и любовь к родным и окружающим, и Carlier наблюдал многочисленные примеры, где женщины становились проститутками с единственной целью иметь средства для содержания своих престарелых родителей или для того, чтобы дать воспитание своим сестрам, братьям и оставшимся без отца детям. Точно так же и Parent-Duchatelet нашел, что из 5183 проституток 37 вступили на путь разврата с целью поддержать своих престарелых родителей, 23 — с целью воспитать многочисленную семью, а 29 — для того, чтобы вывести в люди сестер, братьев или племянников. В общем, стало быть, подобные мотивы проституции наблюдались в 1,7% случаев.

Таким образом, и эти факты подкрепляют сделанное нами раньше замечание о том, что у случайных проституток в их физической организации и в области нравственного чувства наблюдается меньше аномалий, чем у врожденных. Последние, лишённые всякого материнского чувства, становятся обыкновенно матерями против воли своей, и то только тогда, когда они исчерпают все средства прервать свою беременность и вызвать у себя выкидыш.

4. Чувство чести и угрызения совести. Факт, что случайные проститутки не столь уродливы в нравственном отношении и не столь цинично бесстыдны, как врожденные, сам по себе указывает уже на то, что женщины эти начали торговать своим телом только лишь благодаря особому стечению обстоятельств, которым не могла противостоять их более или менее шаткая добродетель. По этому поводу Parent-Duchatelet замечает: “Даже между самыми бесстыдными и отчаянными проститутками находится немало таких, которые стараются скрыть во что бы то ни стало свое позорное ремесло. С этой целью они одеваются по возможности скромно и на улицах держатся в высшей степени прилично. Больше всего они боятся встречи с людьми, которые знали их еще честными женщинами. Я видел однажды од-

ну проститутку, которая серьезно заболела после такой встречи...” Несчастливые эти не могут не понимать унижения и позора, которыми они себя покрывают. Они презирают свое ремесло, постоянно оплакивают свое падение и вечно строят планы и даже делают попытки переменить свой образ жизни, но — увы! — напрасно. Мы встречаемся здесь с угрызениями совести, характерными для случайных преступников, возмущающихся окружающей их грязью, к которой они еще не успели привыкнуть и которую они от всей души ненавидят, в то время как врожденные преступники, напротив, рисуются и хвастают ею. Parent-Duchatelet рассказывает, как сильно были изумлены некоторые проститутки, когда одна кормилица, арестованная и посаженная вместе с ними в тюрьму, обращалась с ними ласково и просто, несмотря на то что сама была честной женой и матерью. “Но она обращается с нами так, как будто бы мы были порядочные женщины”, — удивлялись они. Подобные же наблюдения сделал и Carlier. “В компании своих товаров, — говорит он, — и в обществе своих сутенеров подобные проститутки стараются перещегоолять друг друга в цинизме и бесстыдстве. Но, будучи одни, многие из них держатся робко. Когда они охотятся за мужчинами, то стараются обратить на себя внимание блеском или роскошью своего наряда и относятся совершенно равнодушно к тому, что о них говорят, но если им приходится случайно встретиться с людьми, которые знали их честными и неиспорченными, они краснеют и стараются спрятаться от них. Вблизи своих домов они держатся по возможности приличнее и настолько чувствительны к знакам презрения со стороны своих соседей, что только из-за этого меняют очень часто свои квартиры. Все эти неясные и слабые угрызения совести проститутки стараются заглушить в себе при помощи алкоголя, табака и шумных кутежей. К последним питают пристрастие все они, но мотивы, побуждающие их к этому, различны, смотря по той категории, к которой каждая из них принадлежит”.

Lecourt, Carlier, Parent-Duchatelet и Толстой подметили, что многие случайные проститутки напиваются пьяными исключительно с целью потопить свое горе в вине и забыться. Мы

уже раньше упоминали о цитируемой Grandpré девушке, которая, по ее словам, кутила и пьянствовала с целью заглушить в себе мысли о самоубийстве. У случайных проституток страсть к вину и к оргиям является, как и потеря стыдливости, пороком приобретенным, между тем как у врожденных проституток их бесстыдство и наслаждение пороком суть врожденные черты характера. Случайные проститутки часто даже терпеть не могут крепких напитков, но прибегают к ним для того, чтобы, как сказано, забыться, или же в силу подражания дурным примерам окружающих.

5. Чувство стыдливости никогда не отсутствует совершенно у случайных проституток, но постоянно проявляется у них при всяком случае. Оно у них притупляется благодаря образу жизни, который они ведут, или же привычке, которая вырабатывается, например, у женщин, служащих натурщицами для художников. Один из учеников Inger'a сообщил нам следующий интересный случай. Одна молодая натурщица совершенно спокойно позировала голая перед 50 учениками школы, но, заметив вдруг, что ее с соседней крыши наблюдает через окно какой-то кровельщик, она испуганно вскрикнула и стыдливо начала быстро одеваться.

Carlier рассказывает, что многие проститутки стараются при врачебно-полицейских осмотрах попасть к одному и тому же врачу, для чего являются постоянно в известное время, когда принимает именно этот врач. При внезапных ночных осмотрах публичных домов проститутки, застигнутые в постели с мужчинами, стыдливо закрываются одеялом, между тем как, будучи одни, они нисколько не стесняются своей наготы в присутствии посторонних мужчин. Один сифилитолог рассказывал нам, что его госпитальные пациентки делали инстинктивные движения прикрыться всякий раз, когда он входил к ним при визитации в своем обыкновенном костюме, а не в рабочем сюртуке, в котором они привыкли его постоянно видеть.

6. Случайные причины проституции: а) **потеря невинности.** Многие девушки нравственно падают и становятся проститутками, соблазненные обещанием жениться на них или же лишенные невинности каким-нибудь иным обра-

зом, например путем изнасилования. Пока они еще девственны, их удерживает от рокового шага страх пред неизвестным, но раз они уже лишены невинности, у них является сознание, что все потеряно, что утерянной чести никаким способом вернуть нельзя, и они невольно стараются извлечь как можно больше выгод из своего несчастного положения. Таким образом, решающим моментом является здесь не тяготение к разврату, а простой случай.

Магго отмечает следующие причины падения многих женщин, сделавшихся случайными проститутками. Одна из них была изнасилована своим хозяином, заведшим ее в трактир, другая — одним господином, к которому она обратилась с просьбой дать ей какое-нибудь место. В других случаях первый шаг к падению был сделан самими девушками, давшими увлечь себя своим любовникам и убежавшими с ними из родительского дома. Покинутые затем ими, они не могли найти другого исхода из своего положения, как сделаться проститутками. Одна из подобных жертв рассказывала про себя следующее: “Дома за мной очень строго следили. Однажды вечером к нам зашел мой жених, чтобы отправиться со мной в театр. Но вместо театра он привел меня в совершенно другое место. Пригласительные билеты на мою свадьбу были тогда уже готовы, но в дело вмешались посторонние — и все пошло прахом”. Другая девушка, очень любившая балы, отправилась на один такой бал против воли матери своей, и, когда она вернулась домой, последняя выгнала ее вон на улицу. Тут случайно встретил ее жених, который увел ее с собою, — и в результате явилось ее падение. Третья девушка жила у своего дяди, который неоднократно делал попытки изнасиловать ее. Однажды, спасаясь от него, она убежала к одному знакомому, которому и отдалась. Наконец, в девяти остальных случаях девушки явились жертвами своих женихов, обещавших жениться на них и затем обманувших их.

Мы видим, стало быть, что у женщин этого рода не честь хранит их девственность, а наоборот — последняя охраняет честь их и что, не будь того или другого несчастного стечения обстоятельств, они остались бы, наверное, честными и нравственными. Магго совершенно прав, говоря, что потеря

девственности имеет для женщины огромное психологическое значение. Все ее существование нарушено, раз завеса, скрывавшая от нее неизвестное, так грубо порвана. В таком случае многие девушки с не очень стойким нравственным чувством, видя себя совершенно скомпрометированными в глазах общества, решаются откинуть и последний остаток стыдливости и бросаются в объятия порока.

б) Обман и изнасилование. Многие случайные проститутки являются жертвами торговли живым товаром, существующей, к стыду нашей цивилизации, еще во многих местах. Обыкновенно их увозит какой-нибудь мнимый агент далеко от родины под видом доставления им хороших мест, причем они попадают большею частью в дома терпимости. Там пускаются в ход все средства, чтобы побороть их сопротивление: роскошные туалеты, обещания, угрозы, наконец, опьяняющие и одуряющие напитки. К сожалению, редкие из этих жертв оказываются настолько энергичными, как одна девушка, которая, по словам Grandpré, с ножом в руках требовала, чтобы ее выпустили, и грозила убить всякого, кто осмелится приблизиться к ней; большинство же из них, видя невозможность спастись из своей темницы, в конце концов примиряются со своим новым положением и постепенно привыкают к разврату. Мария L., 14 лет, служила в булочной. Она была завлечена и продана в дом терпимости каким-то субъектом, обещавшим доставить ей очень выгодное место. Хозяин этого заведения в свою очередь продал ее в другой публичный дом, и, таким образом, одна, без знакомых и родных, она была жертвой своих эксплуататоров в течение полутора лет, переходя из одного дома терпимости в другой. Когда она находилась в Женеве, слух о ней достиг одного местного филантропа, который заинтересовался судьбой ее и разыскал ее в одном из тамошних притонов разврата. Молодая девушка бросилась пред ним на колени, умоляя спасти ее и освободить из этого дома. Но это особенно счастливый, исключительный случай: обыкновенно ожидаемый спаситель не является, крепкие напитки, к которым жертва прибегает с целью утешиться и забыться, скоро приглушают ее нравственное чувство — и случайная прости-

тутка постепенно превращается в привычную продажную женщину.

П. Тарновская сообщает несколько случаев невольной, принудительной проституции, где молодых девушек обманом завлекали в притоны разврата, лишали их там невинности и потом насильно заставляли отдаваться мужчинам. Некоторые из этих несчастных женщин заболели и умирали от горя. Подобными случаями и объясняется, вероятно, сравнительно значительная смертность проституток в молодом возрасте — смертность, на которую указывают и другие врачи, как, например, Parent-Duchatelet.

Известная часть женщин становится, стало быть, случайными проститутками, попадая в дома терпимости, куда, как сказано, доставляют их агенты по торговле живым товаром. К сожалению, наши уголовные законы слишком слабы еще, чтобы успешно бороться с подобным злом. Об этом очень убедительно свидетельствуют ужасные документы, которые можно найти у Guillot, Fiaux и отчасти у Taxil'a.

в) Нищета и дурные примеры. К числу случайных причин проституции принадлежат, далее, нищета, влияние дурных примеров со стороны окружающих и, наконец, совращение в разврат родителями своих собственных детей. Taxil доказал, что в Париже масса матерей знакомят своих еще совсем юных дочерей со всеми тонкостями разврата и затем посылают их на улицы продавать себя под видом торговли цветами (*filles de fleurs*). Только этим и возможно объяснить тот факт, что в некоторых больших городах, как, например, в Неаполе, приезжий не может шагу сделать на улице без того, чтобы его со всех сторон не осаждали предложения молодых женщин, несовершеннолетних девочек и даже мальчиков. По словам бр. Goncourt, в XVIII столетии простой народ в Париже был так развращен богатой и испорченной аристократией, что воспитание дочерей сводилось во многих семьях исключительно к подготовке их к проституции. Sighele в своем труде *La coppia criminale* специально рассматривает огромное влияние дурных примеров семьи на развитие проституции. Grandpré сообщает следующий факт: "В тюрьме St.-Lazare находилась в заключении

одна 14-летняя девушка, очень красивая, но и очень испорченная. В раннем детстве, благодаря дурным примерам своих родителей, она познакомилась со всевозможными пороками и осталась, несмотря на свой природный ум, совершенно неразвитой, не получив никакого ни религиозного, ни нравственного воспитания. В тюрьме она понравилась всем своим кротким характером, и тамошние сестры приняли в ней большое участие: они научили ее читать и писать, внушили ей охоту к труду, объяснили ей всю порочность ее прежнего поведения и преподали ей много наставлений для будущей жизни”.

Для женщины со слаборазвитой стыдливостью, находящейся притом в нужде, проституция является слишком удобным средством выхода из затруднительного положения для того, чтобы она не воспользовалась им. Конечно, Faucher совершенно прав, говоря, что честная женщина предпочтет скорей умереть, чем сделаться проституткой, но точно с таким же правом можно сказать, что слабая женщина, впадшая благодаря нищете в разврат, осталась бы честной, если бы обстоятельства ее жизни сложились для нее иначе и она могла бы жить, ни в чем не нуждаясь. Именно к этой категории проституток и принадлежат те женщины, которые, не находя в разврате и кутежах никакой прелести, методически занимаются тем не менее своим позорным ремеслом проституток так же, как другим каким-нибудь занятием, ведя даже подробнейшую запись своих доходов. Очевидно, чувство стыдливости у них ослаблено, ибо без этого они не смотрели бы на проституцию как на обыкновенное занятие. Но так как эта потеря стыдливости не сопровождается у них другими признаками нравственного помешательства, то ее следует рассматривать не как выражение врожденной дегенерации, а как явление приобретенное. Lesour сообщает, что одна проститутка подала прошение в полицию, прося вычеркнуть ее из списков, причем мотивировала свою просьбу следующим объяснением: “Мой муж ремесленник. Перед свадьбой мы решили с ним собрать известную сумму денег для того, чтобы иметь чем устроиться. С этой целью я стала с его согласия проституткой, а он начал

больше работать. Теперь мы поженились и хотим устроиться. Будьте уверены, что я не буду больше себя продавать”. Другая при регистрации рассказала, что жених позволил ей заняться проституцией, и добавила: “Когда мы соберем немного денег, то поженимся”. Carlier описывает особый тип проституток, сильно трудящихся физически, работниц, торгующих притом еще собою, чтобы иметь лишней заработок. “Эти женщины, — говорит он, — ведут во всем остальном примерный образ жизни, так что их соседки и товарки по работам и не подозревают даже, что они живут по желтым билетам. Боясь, чтобы не узнали их тайны, они избегают дома всего, что так или иначе может их скомпрометировать, и соблюдают самым аккуратным образом все полицейские предписания. Вечером, окончив свои работы, они отправляются в отдаленные от их квартиры части города, продают себя там и возвращаются домой к 11 часам ночи, точно с вечерних занятий”. Причиной проституции во всех этих случаях является нищета или жадность, — и подобные женщины, имея они миллионы, не стали бы, конечно, торговать собой, но жили бы все-таки нищими, для того чтобы собрать еще больше денег. Сюда же относятся цитируемые Carlier случаи, в которых педантическая точность проституток, записывающих аккуратнейшим образом каждый заработанный ими разворот рубль, так резко противоречит их обыкновенной беспечности и беспорядочности. Одна подобная продажная женщина, например, для записывания своих доходов завела настоящую конторскую книгу, где, между прочим, имелась следующая графа: “Доход от мужчин за текущий год”.

Итак, во всех перечисленных примерах мы встречаемся не с болезненным влечением асоциальному образу жизни, а со спокойно обдуманном выбором наиболее доходного занятия. У подобных женщин стыдливость во всяком случае притуплена даже тогда, когда они, благодаря счастливо сложившимся для них обстоятельствам, остаются честными матерями и женами.

ПРЕСТУПНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ

I

ПРЕСТУПНОСТЬ САМОК В ЦАРСТВЕ ЖИВОТНЫХ*

1. Преступления по страсти. Припадки бешенства. Самки воительницы муравьев породы *Formica rufibarbis* приходят часто в такую ярость, что набрасываются и кусают других самок, личинок и рабынь, которые стараются их успокоить, крепко держа до тех пор, пока не пройдет их припадок бешенства.

Leuret рассказывает, что одна муравьиная самка убила и сожрала травяную вошь (*Aphidius*), рассерженная ее сопротивлением.

Наблюдали, что в жаркое время года муравьи из породы *fusca*, разгневанные медлительностью своих рабов, на обязанности которых лежит их питание, сжимали головы последних между своими челюстями до тех пор, пока не лишали их жизни. Проступок этот считался, вероятно, у муравьев таким же легким, каким было некогда в глазах римской матроны убийство рабыни, но так как он причиняет некоторый вред всему муравейнику, лишая его известной рабочей силы, и противен обычаям его, то в законодательстве их поступок такой не мог бы не считаться все-таки преступлением.

Cornévin рассказывает про одну кобылу, обыкновенно спокойную, которая во время течки становилась очень дикой и неукротимой. Однажды она в таком состоянии ему чуть не сломала руки.

Huzard-младший также упоминает про одну кобылу, бешенство которой проявлялось время от времени. В про-

* Brehm. *Leben der Thiere*, 1875 // Pierquin, *Traité de la folie des animaux et de ses rapports avec celle de l'homme et des législations actuelles*. Paris, 1839. // Houzeau. *Etudes sur des facultés mentales des animaux comparées à celles de l'homme*. Mons, 1882 // Büchner. *Seelenleben der Thiere*, 1881 // Romanes. *L'intelligence des animaux*. Paris, 1886.

межутках это было очень спокойное и кроткое животное, но всякий раз она становилась неукротимой во время полового возбуждения, длившегося часто один или два дня.

2. Разбой и грабеж. Büchner в своей книге "Seelenleben der Thiere" рассказывает о хищных пчелах, которые, не желая трудиться, нападают массами на хорошо устроенные ульи, богато снабженные запасами, убивают стражу и обитателей их и опустошают эти ульи, унося с собой находимый в них корм. Повторяя часто такие нашествия, оканчивающиеся всегда с большим или меньшим успехом, пчелы эти привыкают жить грабежом и насилием так же, как привыкает к ним человек, и, собираясь все в большие и большие отряды, образуют в конце концов целые разбойничьи колонии. К такого рода жизни обнаруживают особенную склонность пчелы из породы *Sphcodes*, которые, по словам Marschal'я, представляют собою не что иное, как особый вид породы *Halyetes*, снабженные в недостаточной степени органами гнездостроения, привыкшие к паразитическому и хищническому образу жизни и выработавшие у себя соответственно этому специальные органы и особые анатомические данные.

Таким образом, мы встречаемся здесь с настоящей врожденной преступностью некоторых женских индивидов животного царства, сопровождаемой образованием у них специальных анатомических особенностей.

Forel утверждает, что муравьи из породы *Formica exesta* достают себе травяных вшей путем похищения и насилия, убивая при этом их защитников.

3. Каннибализм. Муравьи разрывают на части трупы убитых ими врагов и высасывают из них кровь (Lacassagne. *De la criminalité chez les animaux. Revue scientifique*, 1882).

Каннибализм очень часто идет рука об руку с истреблением потомства.

4. Ненависть, злость. Особый вид женской преступности проистекает из той ненависти, которую питают друг к другу индивиды одного и того же пола, что особенно замечается у высших животных.

Голубка очень завистлива по отношению к своим под-

ругам и часто скрывает от них под своими крыльями пищу, в которой сама не имеет больше надобности.

Коза отличается врожденной привязанностью к человеку, при этом она очень самолюбива и чрезвычайно чувствительна к его ласкам. Если она видит, что хозяин ее любит, то становится, как и собака, ревнивой и постоянно лезет бодаться с теми козами, которых хозяин, по ее мнению, ей предпочитает (Brehm, I). Козы очень трудно уживаются одна с другой — они постоянно дерутся (Lacassagne).

Самки человекообразных обезьян, и особенно орангутанов, относятся друг к другу с инстинктивной враждебностью, дерутся и нередко даже убивают одна другую (Houzeau, II).

Женщина, как известно, становится часто под старость злой и эгоистичной. Подобно ей, и козы, по словам Brehm'a, делаются злыми, когда становятся старыми.

Одна ангорская кошка, бывшая всегда очень нежною матерью, сделалась на старости лет безобразной. Слуги начали небрежно и даже дурно обращаться с ней, и ее характер заметно испортился; она перестала кормить своих котят и одного из них даже сожрала.

5. Извращения полового инстинкта. Некоторые коровы делают попытки заменить в половом отношении быков, где число последних недостаточно.

В больших птичниках, при недостатке в петухах, обыкновенно одна из куриц берет на себя их роль (Scarcey). Особенно часто наблюдаются такие извращения полового инстинкта у гусей, уток, фазанов, у которых стареющие самки принимают и другие половые особенности самцов, как, например, в отношении оперения (Archivio di Psichiat., X, с. 56).

6. Алкоголизм. У муравьев, наркотизированных хлороформом, все тело парализовано, кроме челюстей, которыми они кусают все, что им попадается.

Büchner уверяет, что пчел можно искусственно сделать хищными, если кормить их смесью из меда и водки. Они, подобно человеку, быстро привыкают к этому напитку, который оказывает на них такое же губительное влияние, как и на него: будучи пьяны, они становятся возбужденными и перестают работать. Но так как голод принуждает

их искать пищу, то они, подобно человеку, в таких случаях от одного порока переходят к другому и так же, как он, начинают прибегать к грабежу и насилиям.

Если коров кормить смесью из конопли и опиума, то они легко становятся буйными и опасными для окружающих (Pierquin).

7. Половые преступления. По Brehm'у, нарушение супружеской верности не составляет редкого явления среди птиц, причем со стороны самки оно наблюдается чаще, чем со стороны самца.

Некоторые голубки покидают своих голубей, как только они ранены или больны (Darwin).

Vogt рассказывает следующий случай из жизни аистов. Парочка их гнездовалась в продолжение нескольких лет подряд на одном и том же месте в деревне близ Soletta. Однажды заметили, что, в то время как самец находился на охоте, к самке подлетал другой, более молодой самец и, видимо, начал за ней ухаживать. Самка вначале прогнала его, затем начала благосклонней относиться к нему и, наконец, позволила ему обладать ею. После этого оба любовника полетели на то место, где самец охотился за лягушками, и заклевали его своими клювами (Figuier. Lesoiseaux, 1877).

Самка одного африканского дикобраза, казавшаяся очень привязанной к нему, убила его, укусив в голову, так как он отказался от ее любовных ласк.

8. Преступления против материнства. Многие коровы, кобылы и суки относятся очень равнодушно к потере своих новорожденных, а некоторые из них регулярно покидают даже на произвол судьбы свое потомство (Lacassagne, Id.).

Одна курица, в числе цыплят которой некоторые были болезненны и уродливы, преспокойно покинула их и ушла со здоровыми прочь.

Некоторые суки кормят своих щенят только до известного возраста, а затем внезапно бросают их на произвол судьбы (Id.).

Кобылы, особенно по первому жеребью, часто упорно не подпускают к себе своего новорожденного жеребенка (Archivio d'Antropologia etc... Mantegazza, XI, с. 439).

Истребление новорожденных — почти правило у некоторых животных, особенно у свиней: оно нередко и у кошек. Его наблюдали однажды и у одной голубки, которая из половой ревности заклевала своих птенчиков (Arch. di Psich., XIV, кн. 1).

Довольно часто имеет место истребление детенышей вместе с каннибальством. Одна самка-ястреб жила в плену и вывела в своей клетке уже несколько поколений птенцов. Хотя она получала хороший корм, но хищный инстинкт был в ней так силен, что она однажды пожрала всех своих птенцов (Brehm).

Самки кроликов нередко пожирают своих детенышей, а одна крыса, нора которой была разрушена, истребила в одну ночь всех своих крысят (Lombroso. Uomo delinquente, I).

Часто эти истребительные наклонности связаны у животных с чрезвычайно сильным половым возбуждением и проявляются у них только во время течки.

Одна ангорская кошка, отличавшаяся плодовитостью и блудливостью, была очень нежной матерью, но всякий раз, когда она была беременна, в ней развивалось отвращение к своим котяткам: она била и кусала их, лишь только они подходили к ней.

Burdach и Marc сравнивали частоту беспричинного истребления новорожденных во время пуэрперального периода с разрушительными наклонностями, появляющимися у коров и кобыл, страдающих нимфоманией не только во время течки, но еще долгое время спустя. Суки нередко начинают воровать, когда кормят своих щенят. Интересное извращение материнского чувства наблюдается у самки фазана. К своим собственным птенцам она относится совершенно равнодушно, но охотно возится с птенцами других самок.

Куропатка так любит своих птенцов и так ревнует их, что часто из одной только ревности пожирает чужих птенцов (Lacassagne, Id.).

Некоторые животные похищают чужих детенышей. Например, бесплодные кобылы и мулы похищают чужих жеребят, которые, однако, у них погибают от голода. Известно,

тен факт, что одна сука, энергично сопротивлявшаяся всяким попыткам к половым сношениям, похищала у других сук их щенят с целью удовлетворить своему материнскому инстинкту.

Но, в общем, самка совершает, по мнению Lacassagn'я (op. cit.), менее преступлений, нежели самец.

Очень развита преступность только у самок некоторых насекомых, именно у муравьев и пчел, но у них самки отличаются особенной смышленостью, а в половом отношении представляют собой, так сказать, третий пол.

Итак, в царстве животных только лишь среди ложных самок перепончатокрылых встречаются некоторые породы, живущие грабежом. Особи эти, напоминающие собою врожденных преступниц, жили некогда честной жизнью, но благодаря преступной деятельности развили в себе специфические органы, назначенные служить им для этой деятельности, и лишились, напротив, органов, служащих для труда, например для собирания цветочной пыли.

II

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ У ДИКИХ И ПРИМИТИВНЫХ НАРОДОВ*

1. Табу. У диких народов женщина подлежит множеству странных и очевидно нелепых ограничений, которые основаны отчасти на эгоизме мужчины и нарушение которых женщиной рассматривается как преступление.

* Letourneau, La Sociologie d'après l'éthnologie. Paris, 1874 // Id. L'évolution de la morale. Paris, 1888 // Girand-Telon, Les origines de la famille. — Hovelaque. Les débuts de l'humanité. Paris, 1881 // Bertillon. Les races sauvages. Paris, 1882 // Lubbock. The origin of civilisation and the primitive condition of man, 1875 // Rudesindo Salvado. Memorie storiche sull' Australia. Roma, 1851 // Ploss. Das Weib in der Natur — und Völkerkunde. Leipzig, 1891 // Richet. L'homme et l'intelligence. Paris, 1884 // Icard. La femme pendant la période menstruelle. Paris, 1890 // Durour, Histoire de la prostitution, 1860 // Lombroso. Uomo delinquente, I, IV.

Многие из этих предписаний представляют собою так называемые “табу” океанских народов.

На островах Таити женщина не должна, например, прикасаться к оружию или к рыболовным снарядам мужчины; точно так же она не имеет права появляться в местах общественных сборищ и дотрагиваться до головы мужа или отца и до всех предметов, находившихся в соприкосновении с их головами. Ей запрещено также есть вместе с мужчинами.

На Маркизских островах женщине не позволено входить в лодку, так как считается, что она своим присутствием пугает рыб. Кроме того, ей не разрешены в еду некоторые лучшие блюда, как, например, кокосовые орехи, цыплята и, в особенности, свинина.

На острове Рапа все мужчины считались для женщин священными, и потому последние должны были кормить их, вкладывая им пищу в рот.

В Новой Зеландии женщины не должны дотрагиваться до пищи даже своих мужей, братьев и сыновей (Moreenhout. Путешествие на острова Великого Океана, I, 32).

В Новой Каледонии женщина при встрече с мужчиной обязана уступить ему дорогу и может жить только в изолированном помещении.

На Филиппинских островах женщина не должна приближаться к тем местам, где мужчины занимаются татуировкой, ибо там предполагают, что вследствие этого “глаза ее могут стать маленькими”.

В Китае женщина не имеет права есть вместе с мужчинами, а в Бирме — входить в некоторые храмы и в места судилищ.

У древних иудеев женщине под страхом смертной казни запрещалось надевать мужское платье.

Жены кафров не должны прикасаться к тем быкам, выращиванием которых старательно заняты их мужья, доить коров и входить в *cotta*, то есть то место, где собираются мужские члены семейства.

В Древнем Риме употребление женщиной вина наказывалось смертной казнью; такое же наказание было для

женщин туземцев Парагвая и готтентотов за пьянство и чрезмерное обжорство.

У племени фанти (в Африке) женщине, подслушавшей тайны своего мужа, обрезали уши, а разгласившей их — губы.

Особенно много ограничений налагалось на женщин во время менструации. В Зенд-Авесте считалось всякое месячное очищение, длившееся более девяти дней, делом нечистой силы, для изгнания которой женщину били до крови. Moreau de la Sarthe утверждает, что негры, как и туземцы Америки и жители островов Южного океана, запирают своих жен в отдельное, специально для того назначенное помещение на все время, пока у них длится менструация. У индейцев Иллинойса и у жителей Ориноко женщина, скрывшая свою менструацию, наказывалась смертной казнью. Бразилианки, по словам Gardane'a, подвергаются во время регул стольким стеснениям, что для предупреждения появления их они делают себе на ногах глубокие насечки или прикладывают к ним сильные нарывные пластыри. Коран считает нечистой женщину в течение семи дней до наступления и по окончании менструации и запрещает ей иметь в это время всякое общение с мужчиной.

У иудеев (Книга Левит, 9) женщина во время месячного очищения должна была жить отдельно от мужчин в течение семи дней, и тот, кто прикасался в это время к ее домашней утвари или же к ее кровати, стазовился нечистым до вечера. На восьмой день она относил священнику двух голубей, после него считалась очищенной от греха.

По Талмуду, из ребенка, зачатого матерью в период этой нечистоты, должен был непременно вырасти впоследствии дурной человек. Такой ребенок назывался "mamzer beridah", что у евреев считалось величайшим бранным словом.

Такое отвращение к женщине внушало мужчинам знакомство на опыте с теми дурными последствиями, какие происходили для здоровья от полового сношения с ней во время менструации. Особенно строго соблюдалось такое половое воздержание у некоторых народов, не отличавшихся, впрочем, особенной чистотой и опрятностью, ввиду тех

заразных болезней, которые причиняются нередко гнойными выделениями из женских половых органов. Все приведенные случаи подтверждают гипотезу Marzolo, что происхождение стыда должно искать прежде всего в стремлении скрывать некоторые последствия менструаций (*pudor* от слова *putere*).

2. Нарушение супружеской верности. Другим тяжелым преступлением считается у дикарей нарушение супружеской верности.

Но почти у всех примитивных народов прелюбодеяние замужней женщины рассматривается как нарушение ею не законов целомудрия, но прав мужчины, каким, например, является пользование чужой лошадью без разрешения ее хозяина. Доказательством служит то, что те же мужья, которые одалживают своих жен другим, не задумываясь, убивают их, как только убедятся в их супружеской неверности.

Так, например, тасманийцы и другие племена, живущие в Австралии, одалживают на время, нанимают и даже дарят своих жен, но лишают их жизни, если только они сами, без их разрешения, кому-нибудь отдадутся.

То же самое наблюдается и в Новой Каледонии; только здесь, в Каннале, подобное преступление наказывается не самим мужем, а советом из старейших мужчин.

По законам готтентотов муж имеет право убить свою жену, если она будет уличена в супружеской неверности, последовавшей без его разрешения. В Габуне, где каждый мужчина имеет одну главную жену и несколько второстепенных, наказывается супружеская неверность первой — смертью, а вторых — более легким наказанием (*du Chaillu*).

В Дагомее неверная жена после суда над ней подвергалась смертной казни задушением. У племени ниям-нияма муж в подобных случаях также имел право убить свою жену. Что же касается ашантеев, то у них закон предоставлял мужу право или продать свою неверную жену в рабство, или отрезать ей нос, или, наконец, лишить ее жизни. В Абиссинии же, напротив, хотя муж также может по

закону распоряжаться жизнью своей неверной жены, но распущенность так велика, что он редко пользуется своим правом (Demeunier).

Во всей Полинезии супружеская неверность жены, происшедшая без ведома мужа, наказывается смертной казнью (Letourneau).

Эскимосы вообще, кроме редких исключений, мало обращают внимания на супружескую неверность своих жен. Краснокожие же в таких случаях обыкновенно убивают их, за исключением, конечно, тех случаев, когда обманутый муж войдет в добровольное соглашение с любовником своей жены. У модоков неверной жене распарывают обыкновенно живот, а у караибов и гуарани ее наказывают вместе с ее любовником, как воров, смертной казнью (D'Orbigny).

Такой же казни подвергались некогда неверные жены в древней Мексике и Перу, а в настоящее время — жены племени пипите, живущего в Сальвадоре. В Гватемале, напротив, подобные дела всегда оканчиваются миролюбиво, и там обманутый муж почти всегда прощает свою виновную жену, заслуживая этим даже общее одобрение. В Парагвае прелюбодеяние наказывается только тогда, когда оно совершено с мужчиной другого племени.

3. Выкидыши и детоубийство. Детоубийство и выкидыши чрезвычайно распространены у диких народов в силу потребности регулировать число членов семейства и общества относительно средств пропитания. Обыкновенно инициатором и исполнителем этого рода преступлений является мужчина, сама же женщина берет на себя исполнение их только в особенных случаях и при известных условиях.

Поводом к ним чаще всего служит ревность и культ красоты. У абипонов в Парагвае женщины убивают нередко своих детей, так как, пока длится кормление их, они не могут иметь половых сношений со своими мужьями, которых ревнуют к другим женщинам (Ploss. *Das Weib etc.* Leipzig, 1891).

По аббату Gili, индианки, живущие по берегам Ориноко, делают себе выкидыши, так как частые роды, по их мне-

нию, уничтожают красоту. Другие же, напротив, думают, что благодаря им красота сохраняется, и потому у них одни роды следуют за другими.

Schomburgk полагает, что причиной частых аборт в Британской Гвиане являются чрезвычайно тяжелый труд тамошних женщин и их тщеславие.

Chardin рассказывает, что персианки производят себе выкидыши с целью удержать своих мужей от ухаживания во время их беременности за другими женщинами.

В Новой Каледонии, на островах Таити и в Гаване женщины abortируют для того, чтобы дольше сохранить свою красоту (Ploss), а тасманийки делают себе выкидыши, по свидетельству Bonwick'a, главным образом во время первой беременности (Bonwick. Daily Life of the Tasmanian, 1876).

Римские дамы прибегали некогда к вытравлению плода, боясь лишиться своей красоты (Freidländer), а на Востоке женщины еще и в настоящее время смотрят на аборт как на средство предупредить расторжение брака (Ploss).

В некоторых случаях женщину наталкивает на выкидыш тяжелый труд, который она несет, так как ей иначе угрожает бремя материнства. Поэтому аборты были распространены у туземок обеих Америк во время испанского господства (Ploss).

Многие австралийки, рассказывает Grant, на вопрос, почему они убивают своих детей, благодушно отвечали: "Чтобы не иметь с ними возни, ухаживая за ними" (Balestrini. Aborto, intifacidio ed esposizione d'intante, 1888).

В Дорезене, где женщина вполне рабски подчинена своему мужу и завалена работой, она обыкновенно отказывается иметь больше двух детей и abortирует во все последующие беременности (Ploss).

В некоторых случаях мотивом выкидышей являлся разврат.

На островах Отаити существовал мистическо-развратный союз "Ареой", в котором женщины считались общественной собственностью и где они участвовали в самых развуданных оргиях. Они без стыда сознавались в вытрав-

ливании плода, объясняя это желанием не прерывать своих празднеств (Balestrini).

Наконец, особенно частой причиной детоубийства являются нищета и недостаток средств к пропитанию.

На острове Формозе женщине воспрещается иметь детей ранее 36-летнего возраста.

Для этого там существует особый класс жриц, которые искусно вызывают у женщин аборт ударами по животу (Girand-Telon).

Как сообщает Tuck, у племени маори женщины abortируют по 10—12 раз в своей жизни.

У многих племен Южной Америки существует обычай иметь только по два ребенка, поэтому остальные беременности прерываются здесь искусственно.

Женщины из племен кадоба и максава abortируют при всякой незаконной беременности (Smith и Ploss).

Allan Webb сообщает, что нигде аборт не встречается так часто, как в Индии, где производством их специально занимаются многие женщины.

У кафиров в Центральной Азии жены имеют право вытравлять у себя плод даже тогда, когда мужа их на это не согласны (Ploss, с. 456).

На острове Кутче, к северу от Бомбея, вытравление плода очень распространено. Одна мать хвастала, что abortировала пять раз (Ploss).

На Камчатке сама беременная заботится об избавлении себя от плода (Balestrini).

На всем Востоке, по причине безнаказанности abortов, нет вообще незаконных рождений. В Турции, особенно в Константинополе, в высших классах муж, имеющий уже двух детей, отправляет при каждой новой беременности свою жену к акушерке, чтобы та ей сделала выкидыш. Abortы так распространены здесь, что в одном лишь Константинополе ежегодное число их среди одних только турок доходит, по Ploss'у, до 4000, причем в 95% они успешны. В 1875 году мать-султанша издала приказ делать выкидыш всякой женщине из гарема, раз она забеременеет (Ploss).

4. Колдовство и одержимость нечистой силой. Колдовство и одержимость нечистой силой считались в средних веках самыми тяжкими преступлениями женщин.

Хотя и древние верили в колдовство и ведьм, как об этом свидетельствуют Гораций, Люциан и Апулей, но только лишь в средних веках, под влиянием христианства, начали смотреть на колдовство как на преступление.

В настоящее время никто, конечно, не сомневается в том, что под колдовством следует понимать не что иное, как истероэпилепсию.

Главным доказательством занятий колдовством считались признаки так называемого “дьявольского клейма”, заключающиеся в том, что на известных местах кожи уколы не сопровождались ни болью, ни кровотечением. Теперь мы знаем, что тут дело идет о полосной нечувствительности кожи, столь характерной для истерии. Все авторы согласны в том, что число колдуний превышало число колдунов, так как, говорит Sprenger — автор “*Malleus maleficarum*”, этой классической книги о преследовании колдуний, — “женщина более порочна, нежели мужчина. Из трех главных ее пороков: неверности, честолюбия и развратности, на один указывает самое название ее: *femina*, то есть *fide minor*”.

Другим характерным признаком причастия к колдовству считалось, если обвиняемый начинал говорить на незнакомом языке. Здесь дело сводится к нередкому в истерии автоматическому воспроизведению прежних забытых впечатлений из сферы бессознательного. “Одержимые демоном, — замечает Ambroise Paré, — говорят на незнакомых им языках”.

Монахини из Оксока, среди которых наблюдалась в 1652 году эпидемия истерии, говорили, по словам современников, на разных языках, а монахини из Лудона (1632) говорили, сами не зная этого, по-латыни и слышали на далеких расстояниях слова, произносимые тихим голосом. За это одни и другие были объявлены одержимыми нечистой силой.

В 1534 году в Риме, в одном женском приюте для сирот, у 80 молодых девушек появились одновременно конвуль-

сии и болезненные представления. Во время припадков они говорили на разных языках, в чем современники усмотрели ясное доказательство того, что они одержимы бесом.

Подобные явления напоминают иногда так называемый перенос мыслей, телепатию. Так, например, шалонский епископ мысленно приказал одной одержимой, некой Parisot, прийти к нему для того, чтобы подвергнуться процессу изгнания дьявола. Parisot, несмотря на то что жила очень далеко от епископа, исполнила его приказание. В другой раз этот же епископ велел также мысленно другой монахине, Barthon, пойти в храм и преклонить колени перед распятием, что она в точности и исполнила.

В 1491 году монахини Камбре, одержимые бесом, отгадывали прошедшее и предсказывали будущее. В Нанте в 1549 году были сожжены семь находившихся в экстазе женщин, которые утверждали, что знают все, что случилось в городе во время их припадков.

Jeanne d'Arc (сожженная на костре как колдунья), предсказывала будущее; она говорила, что в битве ею руководит ангел. Заслуживает внимания то обстоятельство, что она никогда не имела менструаций, что на суде было истолковано совсем не в ее пользу.

Столь ужасные преследования колдуний отчасти были обязаны признанием самих же истеричек, которые под влиянием галлюцинаций, большею частью эротического характера, утверждали, что имели сношения с дьяволом, беременели от него и посещали шабаш ведьм.

Взгляд, будто дьявол, овладев девушкой, непременно ее насиловал, был причиной очень распространенного испытания в колдовстве, то есть исследования девственности у обвиняемых.

Jeanne Herviller, сожженная в 1578 году в Рибмонте, утверждала перед смертью, что она находилась в связи с дьяволом, начиная с 12-летнего возраста, и когда он является в монастырь, то выбирает себе жертвы между самыми молодыми девочками.

Настоятельница Madleine из Кордовы, считавшаяся величайшей святой своего времени, благословения которой

добивались сам Папа и король испанский, чуть не была сожжена живую и едва не лишилась всех своих духовных отличий за то, что однажды вдруг объявила себя любовницей одного падшего ангела, с которым она будто находилась в связи в течение 13 лет.

В 1550 году почти все монахини монастыря в Ubertet'e после сорокадневного почти абсолютного поста сделались жертвами дьявола: начали богохульствовать, говорили всякие несообразности и в судорогах падали на землю.

В 1609 году урсулилки в Э (Aix) объявили, что были околдованы и изнасилованы своим настоятелем, который был за это сожжен.

В Лотарингии одна женщина по имени Améге была привлечена к суду за то, что, околдовав одного ребенка, была причиной того, что он выпал из окна. Под пыткой она призналась, что находится в связи с дьяволом, изображение которого она даже указала в одном месте на стене, к великому ужасу судей, ничего, однако, не видевших.

Amoulett Defrasne из Валансьена обвинялась в том, что своим колдовством погубила многих женщин. Сперва она упорно отрицала свою вину, но потом под пыткой созналась, что действительно занималась колдовством и что дьявол явился ей 15 лет тому назад и с того времени сделался ее любовником.

Легенда о шабаше была также обязана своим происхождением эпидемии галлюцинаций, появлению которых благоприятствовали бывшие тогда в ходу среди женщин натирания белладонной и тому подобными сильнодействующими средствами, вызывавшими галлюцинации и известное состояние опьянения. На одной гравюре XVI столетия изображены две женщины, из которых одна натирается подобной волшебной мазью, в то время как другая поднимается верхом на метле из трубы (Regnard. Les Sorcières. Bulletin de l'Association scientifique, 1882).

Если обвиняемая в колдовстве женщина не сознавалась в своем преступлении, то ее бросали в ужасную темницу, подвергали всевозможным пыткам и допросу, производившему на нее давление и действовавшему подобно

внушению. Под влиянием всего этого она сознавалась прежде всего в посещении шабаша ведьм, который и описывала самым подробным образом. Так, Françoise Sacretan, посаженная в тюрьму по подозрению в колдовстве, сперва упорно все отрицала, потом, однако, призналась, что находилась в связи с дьяволом, многократно посещала шабаш, куда отправлялась верхом на белой палке, участвовала в танцах, била по воде палкой, чтобы вызывать град, и отравила многих лиц данным ей дьяволом порошком (Richet).

De Lancres, наиболее компетентный знаток колдовства в XVII столетии, пишет: “Обыкновенно женщины, посещающие шабаш, ведут хороводы; они бегут и скачут с распущенными, как у фурий, волосами, с обнаженными головами, совершенно голые, покрытые иногда мазью. Они ездят верхом на метле, скамье или ребенке”.

Regnard следующим образом описывает галлюцинации насчет шабаша ведьм: “Шабаш происходит обыкновенно в кустарнике, на каком-нибудь кладбище или же в покинутом монастыре. Отправляясь на этот шабаш, колдунья должна была натереться мазью, данной ей дьяволом (белладонной), произнести несколько заколдованных слов и затем сесть верхом на метлу. Прибыв на место, ведьма прежде всего должна была показать, что на ней есть печать дьявола (Stigmata diaboli) в порядке, как это воспроизведено Teniers на одной из его картин. После этого она отправлялась на поклон к дьяволу, чудовищному существу с головой и ногами козла, с огромным хвостом и крыльями летучей мыши. При этом она отрекалась от Бога, Богоматери и святых, после чего уже над ней совершалось дьявольское крещение, представлявшее собой карикатуру католического крещения. После полуночи начинался ужин, состоявший из жаб, из мяса, печени и сердец некрещеных детей; за ним следовали отвратительные танцы, продолжавшиеся до первого пения петуха, при котором все собрание мгновенно разбегалось”.

Обстоятельством, еще более способствовавшим распространению паники, был кантагиозно-заразительный характер подобных истерических эпидемий, что считалось, конечно, де-

лом ведьм. Так, эпидемии наблюдались в Эльзасе в 1511 году, в Кельне — в 1564-м, в Савойе — в 1574-м, в Тулузе — в 1577-м, в Лотарингии — в 1580-м, в Юре и в Бранденбурге — в 1590-м и, наконец, в Берне — в 1605 году.

Хотя колдовство было не что иное, как истерия или истероэпилепсия, но ни одно другое патологическое явление психического мира не поражало так сильно человеческое изображение. Особенно сильное впечатление производило удивительное обострение духовных способностей, столь часто наблюдаемое во время эпилептических припадков. “Нет теолога, — писал *Boguet*, — который мог бы толковать Священное Писание лучше этих колдуний, юриста — более их компетентного в духовных завещаниях, контрактах и всевозможных жалобах; наконец, нет врача, который лучше знал бы, чем они, строение человеческого тела, влияние на него неба, звезд, птиц, рыб и деревьев и пр. и пр. Они могут по произволу производить холод или тепло, останавливать течение рек, делать бесплодной землю, убивать скот и, особенно, околдовывать других людей и продавать их дьяволу”.

Особенно боялись повивальных бабок, занимавшихся колдовством, так как они могли легко передавать во власть дьявола новорожденных. Жестокость мер, которые принимались для искоренения колдовства, лучше всего свидетельствует о том ужасе, какой оно внушало. В Тулузе сенат осудил в 1527 году на сожжение 400 колдуний. Да *Lancie*, президент парламента в Бордо, послал на костер в 1616 году множество женщин и жаловался на то, как это страшно, что в церкви лают по-собачьи более 40 женщин. *Gray* сообщает, что по постановлению парламента в Англии было сожжено одновременно более 3000 лиц, обвинявшихся в занятии колдовством. В 1610 году герцог Вюртембергский приказал магистратам предавать сожжению каждый вторник по 20—25, но отнюдь не меньше 15 колдуний. Во время Иоанна VI, курфюрста Трирского, ожесточение судей и народа против ведьм дошло до того, что в двух селениях остались в живых только две женщины.

Boguet хвастал, что он лично сжег в своей жизни более тысячи колдуний.

В Валери, в Савойе были сожжены в 1570 году 80 ведьм, в Лабурде в 1600 году в течение четырех месяцев — тоже 80, а в Лагноно в 1610 году — пять.

Лишь благодаря научному скептицизму XVIII столетия эти ужасные казни начинают понемногу утихать. Однако полное изгнание из цивилизованного мира веры в одержимость дьяволом произошло в начале нынешнего столетия благодаря незабвенному Pinel'ю.

5. Отравления. Особенно частым преступлением в криминологии женщины является отравление.

Цезарь рассказывает, что у галлов был обычай: когда кто-нибудь из них умирал, сжигали вместе с ним и всех его жен, если только являлось малейшее подозрение о неестественной смерти его. Эта простая процедура была объяснена своим происхождением частым отравлениям.

В Китае существует особый класс колдуний, называемый “ми-фукау”, которые обладают секретом отправлять втихомолку на тот свет людей и имеют обширную клиентуру, главным образом среди замужних женщин (Katscher. Bilder aus dem chinesischen Leben, 1881).

В Аравии приготовлением, равно как и торговлей различными ядами, исключительно занимаются женщины.

В консульстве Клавдия Марцелла и Тита Валерия в Риме был открыт заговор 170 патрицианок, которые отравлениями произвели среди женатых мужчин такое опустошение, что его можно было приписать эпидемии (Тит Ливий, кн. VIII). Вакханки представляли собою женщин, предававшихся разврату и другим порокам и совершавших, как известно, массу преступлений.

Римские писатели, оставившие нам имена Капидии, Локусты и других подобных женщин, ясно указывают на то, что знание ядов считалось специальностью женщин. Ювенал говорит в своих сатирах об отравлении мужей как об обыкновенной вещи среди римской аристократии.

В Египте во времена Птолмеев эпидемически распространялись среди женщин нарушения супружеской верности и отравления (Renan. Les Apôtres).

В Персии официальной женой шаха становится та жен-

щина, от которой родится его первый сын. Поэтому там очень распространено отравление новорожденных завидующими друг другу соперницами (Pfeiffer).

Во Франции в XVIII столетии, особенно в царствование Людовика XIV, отравления приняли эпидемический характер среди дам высшей аристократии. Дело дошло до того, что король должен был создать особый трибунал, *Chambre royale de l'Arsénale* или *Chambre ardente*, обязанностью которого было заниматься исключительно делами об отравлении (*Lettres — Patentes* от 7 апреля 1769 года). Общество было тогда до того объято паникой, что процесс знаменитой отравительницы *Delegrande* тянулся несколько лет потому только, что она делала непрерывные намеки на какой-то заговор против жизни короля.

Имена *Voisin*, *Vigouroux*, *Brinvilliers* сделались знаменитыми в истории преступления. В отравлении одно время подозревалась даже *Olimpia Mancini*, племянница Мазарини и мать принца Евгения.

В 1632 году была казнена в Палермо некая *Teofania*, торговавшая ядами, а год спустя та же участь постигла ее ученицу *Francesca la Sarda*. С тех пор выражение "*Gnura Tufania*" осталось в Сицилии синонимом отравительницы, откуда и происходит название воды "*acqua tofana*", состоящей преимущественно из мышьяка (*S.-Marino. L'acqua tofana*, 1882).

В 1642 году в Неаполе было отравлено много народу какой-то таинственной жидкостью, продававшейся некой женщиной, находившейся в сношении с вышеупомянутой Теофанией.

Около того же времени в Риме четыре женщины, *Maria Spinola*, *Giovanna Grandis*, *Geronima Spana* и *Laura Crispiolti*, торговали так называемой манной св. Николая (*Manna di San Nicola*) — ядом, состоявшим главным образом, по видимому, из мышьяка.

Итак, если исключить детоубийство и выкидыши, женщина у диких, как и у других народов, совершает, в общем, значительно меньше преступлений сравнительно с мужчиной, хотя она по своему характеру более склонна к дурно-

му, чем к хорошему. Многие преступления, за которые она подлежит наказанию, чисто условны, так, например, нарушения табу и занятия колдовством. То, что соответствует преступлению мужчины, есть у дикой женщины, как мы это сейчас увидим.

ВРОЖДЕННЫЕ ПРЕСТУПНИЦЫ

1. Между антропологией и психологией преступницы существует полная аналогия. Подобно тому как от массы преступниц, у которых обыкновенно наблюдаются лишь немногие и незначительные признаки вырождения, отщепляется группа с более резко и богато выраженными, чем у мужчин-преступников, признаками, точно так же из общего числа их выделяется небольшой кружок лиц, отличающихся более интенсивной испорченностью, чем мужчины, и сильно превосходящих в этом прочих преступников, которых до преступления доводит в большинстве случаев постороннее внушение и у которых обыкновенно нравственное чувство более или менее сохранено. Группа эта и есть врожденные преступницы, испорченность которых находится в обратном отношении к их числу.

“Всевозможные наказания не в состоянии воспрепятствовать этим женщинам нагромождать одни преступления на другие, и их испорченный ум гораздо находчивее в изобретении новых преступлений, чем суд в придумывании новых наказаний” (Conrad Celtes); “женская преступность имеет более циничный, жестокий, испорченный и ужасный характер, чем мужская” (Rukére); “женщина, — говорит итальянская поговорка, — сердится редко, но более метко, чем мужчина” (Di rado la donna é cettiva, ma quando lo é lo è più dell’uomo). Конфуций когда-то сказал, что “на свете нет ничего, что более портит других и само подвергается порче, чем женщина”. Известно изречение Эврипида: “Страшна сила волн, пожирающего пламени, ужасна нищета, но страшнее всего женщина”.

Испорченность женщины преимущественно сказывается в двух особенностях ее преступлений: в их множественности и жестокости.

2. **Множественность преступлений.** Многие врожденные преступницы отличаются совершением преступлений не одной, но нескольких категорий, а некоторые из них являются исполнительницами двух родов преступлений,

которые у мужчин взаимно исключают друг друга, именно отравления и убийства.

Маркиза de Brinvilliers обвинялась в одно и то же время в отцеубийстве, отравлении из жадности и мести, клевете, детоубийстве, воровстве, кровосмешении и поджоге. Enjalbert была осуждена за клевету, нарушение супружеской верности, сводничество, кровосмешение и убийство. Она отдала на растление свою дочь собственному сыну для того, чтобы сделать его помощником в убийстве своего мужа. Goglet была проститутка, воровка, мошенница, убийца и поджигательница, а F. занималась проституцией, сводничеством и обвинялась в воровстве, клевете и кровосмешении; G. Vompard была осуждена за проституцию, воровство, мошенничество, клевету и убийство, а Trossarello — за проституцию, воровство, нарушение супружеской верности и убийство. История приписывает Агриппине следующие преступления: нарушение супружеской верности, кровосмешение и побуждение к убийству, а Мессадине — супружескую неверность, проституцию, побуждение к убийству и воровству.

Одна 17-летняя проститутка, которую наблюдал Ottolenghi, была осуждена за воровство, укрывательство, соращение и разврат малолетних, отравление и убийство, а другая — за нарушение супружеской верности, отравление и побуждение к убийству. Последняя занималась в то же время и трибადией.

3. Жестокость. Врожденная преступница превосходит преступника в другом отношении, именно в рафинированной жестокости, с которой она совершает свои преступления. Ей недостаточно, что враг ее умирает; она должна еще насладиться его смертью. В итальянской шайке разбойников "la Taille", возникшей на юге Франции, женщины обнаруживали большую, нежели мужчины, жестокость при истязании пленников и особенно пленниц. Tiburzio убила свою товарку во время ее беременности, бросилась затем на труп ее, рвала зубами ее мясо и бросала откушенные куски своей собаке. Chevalier убила одну свою беременную родственницу, загнав ей в голову через слуховой ход вил-

ку. Р. не удовлетворилась ранами, которые она наносила своим вероломным любовникам, находя это слишком легким наказанием для них: она ослепляла их, засыпая их глаза мелким стеклянным порошком, который она приготавливала, разгрызая собственными зубами стеклянные вещи. Известная Д. облила своего любовника, изменившего ей, серной кислотой. Когда ее на суде спросили, отчего она не прибегла для мести к ножу, она ответила: "Для того, чтобы лучше дать ему почувствовать всю горечь смерти". София Ganthier замучила насмерть медленными истязаниями семь мальчиков, доверенных ей для воспитания. Мы находим в истории всех времен многочисленные примеры жестокости, соединенной со сладострастным темпераментом, у женщин, находившихся на высоте власти. Кроме всем известных Агриппины, Фульвии, Мессалины и Елизаветы мы приведем еще следующие случаи. Аместрис выпросила себе у Ксеркса, обещавшего исполнить ее просьбу, выдачу матери своей соперницы. Когда это было исполнено, она отрезала несчастной женщине грудные железы, уши, губы и язык, бросила отрезанные части на съедение собакам и в таком виде отослала ее домой.

Парисатида, мать Артаксеркса, приказала разрезать на части свою соперницу, а мать и сестру ее зарыть в землю живыми. Кориана, хваставшего, что он убил Кира, она истязала и мучила в продолжение десяти дней.

Возлюбленная китайского императора Кион-Син (1147 г.) приказывала разрезать на части всякую женщину, которая удостоивалась ласк ее развратного любовника, варила их и отсылала к отцу своей жертвы, которого потом постигала такая же участь. Беременных женщин она приказывала разрывать на части живыми.

Но высшую степень жестокости мы находим у женщин-матерей, у которых наиболее глубоко коренящееся в человеческой природе чувство перерождается в ненависть. Ноегели погружала в воду головку своей девочки во время наказания ее, чтобы заглушить ее крики. Однажды она ногой столкнула ее со всех лестниц, вследствие чего у ребенка сделалось искривление позвоночного столба. В дру-

гой раз она ударила ее по плечу с такой силой, что причинила вывих его. Превратив таким образом постепенно свою дочь в уроду, она стала ее звать в насмешку верблюдом. Во время болезни ее, чтобы унять ее плач, она лила ей на голову ледяную воду, клала на лицо тряпки, испачканные испражнениями, и заставляла в течение многих часов вслух повторять: “Дважды два — четыре”.

Kelsch также погружала лицо своего сына в испражнения, заставляла проводить его на балконе холодные зимние ночи в одной сорочке. Екатерина Hajes, убив своего мужа, отрезала голову его перочинным ножом (Griffith North American Review, 1895); Smith отравила восемь детей.

Кокотка Stakenburg начала истязать свою дочь на 42-м году, когда поклонники покинули ее. “Я терпеть не могу девочек”, — говорила она. Она подвешивала ее под руки на одеяле, била молотком по голове, прижигала утюгом и однажды, избив ее палкой досиня, стала насмехаться над ней, говоря: “Теперь ты маленькая негритянка”.

Rulfi заставляла голодать свою маленькую девочку и, чтобы усилить ее мучения, принуждала ее присутствовать за столом во время своих обедов. Она пригласила для нее учителя с единственной целью иметь возможность бранить и бить ее, когда та не знала своих уроков, что при таком содержании ребенка было, конечно, не редкостью. Она связывала ее и заставляла младших братьев колоть ее булавами, чтобы к физической боли присоединить еще чувство унижения.

Каким же образом объяснить себе подобное зверство в характере преступниц?

Мы уже видели, что даже у нормальной женщины болевая чувствительность меньше развита, чем у мужчины, а сочувствие чужому страданию находится, как известно, в прямой зависимости именно от нее, так что оно не имеет места там, где чувствительность эта совершенно отсутствует. Далее мы выяснили, что у женщины много общего с ребенком: она обладает слабо развитым нравственным чувством, ревнива, злопамятна и старается выразить свою месть в рафинированной, жестокой форме — все это недостатки,

которые у нормальной женщины более или менее уравновешиваются и нейтрализуются чувством сострадания, материнством, меньшей страстностью в половом отношении, физической слабостью и более слабой интеллигентностью ее.

Но если болезненное раздражение психических центров возбуждает дурные инстинкты и требует себе какого-нибудь исхода, если способность сочувствовать чужому страданию и материнская любовь отсутствуют, если, наконец, сюда еще присоединяются, с одной стороны, сильные страсти и потребности, являющиеся следствием чрезмерной похотливости, а с другой — развитой ум и физическая сила, дающие возможность приводить в исполнение дурные замыслы, то ясно, что полупреступница — существо, каким является нормальная женщина, — должна легко превратиться во врожденную преступницу, более страшную, нежели любой преступный мужчина. Какими ужасными преступниками были бы дети, если бы им были знакомы сильные страсти, если бы они обладали физической силой и развитым умом и если бы, наконец, их тяготение ко злу усиливалось бы еще вследствие болезненного возбуждения! Женщины — взрослые дети: дурные инстинкты их многочисленнее и разнообразнее, чем склонности ко злу мужчин, но они находятся у них почти в латентном, скрытом состоянии; если же они возбуждаются и просыпаются, то последствия этого, конечно, должны быть самые ужасные.

Врожденная преступница представляет собою, кроме того, исключение в двойном отношении: как преступница и как женщина. Преступник сам по себе является ненормальностью в современном обществе, а преступная женщина есть еще исключение и среди преступников, ибо естественная атавистическая форма преступности у женщины есть не преступление, а проституция, так как примитивная женщина более проститутка, чем преступница. Поэтому преступница, как двойное исключение, должна быть вдвое более чудовищной. Мы уже видели, как многочисленны причины, предохраняющие ее от преступления (материнство, сострадание, физическая слабость и пр. и пр.); если поэтому женщина, несмотря на все это, совершает все-таки преступле-

ния, то ее нравственная испорченность, побеждающая все эти препятствия, должна быть поистине чудовищна.

4. Чувствительность и мужские черты характера. Мы видели, что у преступниц наблюдается усиленная чувственность — черта, также приближающая их к мужчинам. Этим объясняется, почему у всех подобных женщин ко всем их преступлениям обязательно присоединяется проституция. Эротизм является у них центром, вокруг которого группируются обыкновенно прочие особенности их преступной натуры. Так, например, у P. M., Марии Br., Daquignié, Béridot и Aveline'ы чувственность их связана с большой импульсивностью желаний и поступков; у Star, Zeile и Bouhors она комбинируется с такими мужскими чертами характера, как мужество, энергия и пр., а у Марии В. — с мужскими вкусами и склонностью к употреблению спиртных напитков и курению табака. У Gras эротизм уживается рядом с полумистической религиозностью, так как на ее аналое найдены книги духовного содержания вместе с рукописями самого грязного и циничного содержания. Наконец, у Cagnoni, Stakenburg и Hoegeli мы находим вместе с сильной чувственностью отвращение к материнским функциям, что напоминает нам некоторых животных, которые ожесточаются во время течки против своих собственных детенышей: у таких женщин течка длится, так сказать, круглый год.

Очень часто мы встречаем у чувственных натур склонность к праздной жизни, полной приключений, и к самым необузданным удовольствиям. Так, Vompard призналась, что лучше готова была идти на каторгу, чем взяться за какой-нибудь труд. То же самое мы можем сказать относительно Traikin, Star и многих других преступниц. У Lafarge эта страсть выражена в более тонкой форме — именно в виде стремления жить роскошно в большом городе и быть окруженной толпой поклонников. Это желание и породило в ней план убить своего мужа, который взял ее с собой в деревню, в одиночество, и вернуться в Париж богатой вдовой. Достигшая такой силы чувственность многих преступниц, являющаяся ненормальной для

обыкновенной женщины, становится у них источником пороков и преступлений и причиной того, что они превращаются в негодные к общественной жизни существа, стремящиеся только к удовлетворению своих сильных страстей и напоминающие собою необузданных дикарей, половой инстинкт которых еще не дисциплинирован цивилизацией.

5. Аффекты и страсти. Особенно тяжким признаком вырождения является у многих преступниц полное отсутствие у них материнской любви. Знаменитая американская воровка и обманщица Lyons убежала из Америки и оставила на произвол судьбы, несмотря на то что была очень богата, своих детей, которые без общественной благотворительности умерли бы от голода. Bertrand совершенно забросила своего ребенка в раннем возрасте его, нисколько не заботясь о его пропитании и одежде. Enjalbert отдала на растление свою дочь собственному сыну. Fallaix, с целью удержать около себя своего любовника Dubon'a, содержавшего ее и всю семью ее и желавшего порвать это отношение, заставила свою собственную дочь отдаться ему, после того как последняя сопротивлялась этому в течение пяти дней. Когда же Fallaix заметила, что любовнику пришлось очень по вкусу ее дочь, она воспылала к последней ревностью и истязала ее до тех пор, пока та не умерла. Boges, любовник которой изнасиловал ее дочь, спокойно присутствовала при их половых сношениях и принудила последнюю, когда та забеременела, произвести себе выкидыш. Маркиза Brinvilliers пыталась отравить свою 16-летнюю дочь из ревности и зависти к ее красоте. Gaaikema отравила свою дочь с целью воспользоваться ее капиталом в 20 000 франков. F., шпионка, проститутка, воровка и утайщица, обвинявшаяся также в клевете и сводничестве, женила своего любовника на своей предварительно проституированной дочери, но воспретила им всякое половое общение. Когда же супруги ослушались ее и провели вместе одну ночь в гостинице, она устроила так, что они были арестованы полицией, что ей было нетрудно ввиду ее близких отношений к последней. Grossarello призналась, что любила детей своих не более, чем котят.

Другим доказательством отсутствия материнской любви у большинства преступниц служит то обстоятельство, что они очень часто делают соучастниками своих преступлений своих собственных детей. Это тем более поразительно, что проститутки, наоборот, всеми силами стараются обеспечить своим дочерям честное, незапятнанное существование. О Enjalbert мы уже говорили. Leger в сообщничестве со своим сыном убила соседку свою с целью ограбления ее. D'Alessio заставила дочь свою помочь ей в убийстве своего отца, а Meille навела сына на мысль умертвить своего отца. Из этих фактов следует, что для подобных женщин их собственные дети чужды им и что они, вместо того чтобы окружить их любовью и защитой, смотрят на них как на орудия своих страстей, подвергая их тем опасностям, которых сами боятся.

Один из нас знал содержащуюся в тюрьме некую Margengo, воровку с *habitus*'ом кретина, которой передали в камеру ее грудное дитя. Однако, несмотря на то что ей было решительно нечего делать, она не захотела кормить своего ребенка, говоря, что "ей это скучно", и последний чуть не погиб от голода, так что его пришлось отлучить от груди и кормить искусственно.

Это полное отсутствие всякого материнского чувства возможно понять, если припомнить, что врожденные преступницы наполовину мужчины благодаря целому ряду чисто мужских черт в их характере и что влечение их к жизни, полной наслаждений, несовместимо с функцией материнства, состоящей из одних жертв. Женщины эти не чувствуют, как матери, ибо антропологически и психологически они более принадлежат к мужскому, чем к женскому, полу. Они были бы отвратительными матерями из-за своей очень сильной чувственности, которая находится, как мы это только что заметили, в противоречии с материнством. Как могли бы они, вполне одержимые своею страстью удовлетворения своим многочисленным желаниям и низменным, похотливым инстинктам, быть способны на самоотверженность, терпеливость и преданность, которые лежат в основе материнства? В то время как у нормальной

женщины половой инстинкт всецело подчинен материнскому и она, будучи матерью, отказывается от ласк любовника или мужа из боязни повредить своему ребенку, у преступниц, напротив, мы наблюдаем совершенно обратное явление: здесь мать, чтобы удержать при себе любовника, не задумывается принести ему в жертву честь родной дочери.

Органическая аномалия — *moral insanity*, или эпилептоидный невроз, — составляющая основу врожденной преступности, обуславливает собою такое извращение чувств, благодаря которому женщина теряет прежде всего свое материнское чувство, подобно тому как монахиня в таких случаях перестает быть религиозной, а солдат — подчиняться дисциплине, причем у первой это выражается богохульством, а у второго — стремлением оскорбить свое ближайшее начальство (случай *Misdea*).

Материнское чувство встречается в парадоксальной форме слитым с чувственностью вместо того, чтобы подاذить ее, в тех случаях, где мать становится любовницей своего собственного сына и безумно любит его в одно и то же время, как сына и любовника. Так, *Maensdotter* находилась в связи со своим 16-летним сыном и женила его по расчету на одной девушке, но не позволяла им отправлять супружеских обязанностей. Однако, несмотря на это, она убила все-таки из ревности свою невестку и, арестованная вместе с сыном, всячески старалась выгородить его, принимая всю вину на себя. Подобное совмещение материнской и чувственной любви можно объяснить себе тем, что в любви матери к ребенку содержится всегда известный намек на чувственное наслаждение, каким является, например, то нежное удовольствие, которое испытывает она при кормлении его. Если при нормальных условиях это едва уловимое чувство усиливается у женщины очень страстным темпераментом, то из него происходит кровосмесительная материнская любовь, подобная той, какую питала *Maensdotter* к своему сыну и в которой женщина жертвует собой как мать и любовница.

Материнство оказывает благодетельное противопреступное влияние на женщину — и там, где преступница явля-

ется матерью, чувство ее к своему ребенку служит, по крайней мере, в течение более или менее продолжительного времени могучим нравственным противоядием для нее. Так, мы видим, что Thomas, погрязшая с раннего детства в пороках и разврате, преобразилась и жила честной жизнью в течение всего времени, пока жил ее ребенок, но как только последний умер, она опять впала в прежнюю жизнь.

Вот почему у настоящих врожденных преступниц материнская любовь никогда не является мотивом к совершению преступления, ибо это благородное чувство несовместимо с вырождением, и оно отсутствует у них так же, как у психических больных и самоубийц.

6. Мстительность. Главнейшим мотивом преступлений является у врожденных преступниц мстительность, которая свойственна уже нормальной женщине, а у них достигает крайних степеней развития и выражается очень сильной несоответственной реакцией на малейшее раздражение. Jegado отравила своих господ вследствие злобы против них за сделанное ей замечание, а своих товарок по службе — за какую-то ничтожную обиду. Closset точно так же отравила своих господ, когда те за что-то выбрали ее и отказали от места, а Ronsoux, служившая у одного откупщика, подожгла его дом после того, как он не позволил ей полакомиться вишнями из корзины, предварительно пригрозив ему, что он будет сожалеть о своем поступке. Подобное же преступление и при почти аналогичных обстоятельствах совершила в июне месяце 1890 года одна служанка в Backendorf'e. М. пыталась убить свою знакомую за то, что та оклеветала ее, а Trossarello выразилась однажды, угрожая своим товаркам, следующим образом: "Я ношу в своем сердце мысль о мести и советую вам подумать об этом". Pitcherel отравила своего соседа из мести за то, что он не позволил сыну своему жениться на ней. Суд приговорил ее к смертной казни, и, когда ей был прочитан приговор, к ней обратились с увещанием простить окружающим их прегрешения, как это сделал Спаситель. "Господь, — ответила она на это, — поступил, как ему было угодно, а я никогда не прощу". Обыкновенно пре-

ступница удовлетворяет своему чувству мести не так скоро, как преступник, а спустя дни, месяцы, даже годы, ибо страх и физическая слабость являются обстоятельствами, на первых порах тормозящими ее мстительность. У нее месть является не рефлекторным актом, как у мужчин, но своего рода любимым удовольствием, о котором она мечтает в продолжение месяцев и годов и которое насыщает ее, но не удовлетворяет.

Очень часто преступления, совершаемые женщинами из ненависти и мести, имеют очень сложную подкладку. Преступницы, подобно детям, болезненно чувствительны ко всякого рода замечаниям. Они необыкновенно легко поддаются чувству ненависти, и малейшее препятствие или неудача в жизни возбуждают в них ярость, толкающую их на путь преступления. Всякое разочарование озлобляет их против причины, вызвавшей его, и каждое неудовлетворенное желание вселяет им ненависть к окружающим даже в том случае, когда придраться решительно не к чему. Неудача вызывает в душе их страшную злобу против того, кто счастливее их, особенно если неудача эта зависит от их личной неспособности. То же самое, но в более резкой форме наблюдается и у детей, которые часто бьют кулаками предмет, толкнувшись о который они причинили себе боль. В этом видно ничтожное психическое развитие преступниц, остаток свойственной детям и животным способности слепо реагировать на боль, бросаясь на ближайшую причину ее, даже если она является в форме неодушевленного предмета. Так, Morin слепо возненавидела и покушалась даже отравить адвоката, ведшего против нее дело, которое он выиграл, а она проиграла, потеряв при этом громадную сумму денег. Rondest убила свою престарелую мать непосредственно после того, как получила от нее в наследство все состояние ее и когда ей приходилось содержать ее, по всей вероятности, лишь весьма короткое время. Давно лелеянная ею мысль об этом наследстве наполнила ее такою ненавистью к матери, что она, рискуя собственной жизнью, убила ее в то время, когда это было для нее по меньшей мере бесполезно. Levallant возненави-

дела свою свекровь за то, что та не давала ей средств блистать в обществе, и покушалась на жизнь ее, хотя не могла надеяться сделаться ее наследницей. Plancher убила одного родственника только потому, что он был богат и известен, а она с мужем — бедна. Еще сильнее проявляются ненависть и мстительность, если затрагивается одна из специфических женских страстей, к которым примешивается половой элемент, как, например, ревность. Кокотка М. убила одну из своих подруг за то, что та, будучи очень красивой, имела огромный успех у мужчин.

Так называемые любовные драмы, покушения облить серной кислотой или убить вероломного любовника являются часто только последствиями задетого тщеславия или неудавшегося расчета. Героиней такого рода преступлений является обыкновенно какая-нибудь кокотка, вознамерившаяся женить на себе какого-нибудь наивного юнца или выжившего из ума старичка и неожиданно натолкнувшаяся на непреодолимые препятствия. Так, например, Arnaud покушалась облить серной кислотой своего 15-летнего поклонника, с которым она находилась в связи, после того как он вздумал порвать связь эту благодаря настояниям своих родных. Defrise после многолетней распутной жизни вовлекла в любовную связь купца, у которого служила кассиршей, и уговорила его затеять бракоразводный процесс со своей женой. Она пустила в ход все, чтобы добиться расторжения этого брака, но когда купец в последнюю минуту одумался и отказался от своего плана, она покушалась на его жизнь.

Bourget следующим образом описывает женщин, прибегающих к серной кислоте (les vitrioleuses) как к оружию своей мести: “Обыкновенно это лицемерные комедиантки, чрезвычайно тщеславные и необыкновенно гордые, большей частью освищенные актрисы, не нашедшие для себя издателей, или полукокотки, неудачно пытавшиеся выйти замуж; все они стараются утолить свою злость при помощи серной кислоты...”

Сюда же принадлежат и содержанки, хоть и не имеющие видов на замужество, но мстящие своим любовникам,

если те бросают их, после того как убедятся, что они не сохраняют по отношению к ним той относительной доли верности, на которую они имеют право за свои деньги.

Faure, например, покинутая по этой причине своим любовником, облила его серной кислотой, а Mattheron поэтому же хладнокровно застрелила своего обожателя. Злоба и гнев этих женщин являются здесь не вследствие страданий, причиненных им тем, что их покинули, но вследствие сознания, что они лишаются своих доходов, так как обман их обнаружен и проделки раскрыты, т.е. вследствие оскорбленного самолюбия. Вот почему они ненавидят старых любовников, если последние не дают себя далее благодушно обманывать, что, по мнению этих женщин, долг и обязанность их.

Сюда же относится случай Prager, которая направила своего брата с револьвером в руках против своего мужа, когда тот возмутился наконец ее постоянными изменами и потребовал во время бракоразводного процесса, чтобы она оставила его дом. Prager действовала так, как будто муж ее, прощавший ей много раз ее обманы, причинил ей вопиющую несправедливость тем, что вздумал наконец положить конец своей бесполезной снисходительности.

Подобные проституированные женщины обращают обыкновенно свой гнев против самых добрых и великодушных своих любовников, точно доброта последних не обязывает их лучше относиться к ним, а дает им право требовать от них исполнения самых прихотливых желаний своих. Чем добрее и мягче их покровители, тем более они их эксплуатируют и возмущаются, если те, наконец, не позволяют этого проделывать над собой. Женщин, подобных Faure и Mattheron, бесчисленное множество раз бросали их любовники, обращавшиеся с ними не столь мягко, как их жертвы, но это, однако, не вызывало их ярости. Toussaint начала преследовать единственного по-человечески обращавшегося с ней любовника d'Es. после того, как последний поймал ее на месте преступления с одним знакомым и бросил за это. Она пыталась угрозами добыть от него деньги, обвинила его в воровстве и, наконец, когда он женился,

прислала его молодой жене три письма в один день, сообщая ей в самой грубой форме, что ее муж до женитьбы находился с ней в любовной связи. Надлежащим образом третируют этих женщин их сутенеры, которые безжалостно колотят и истязают их.

В каждой оказанной им ласке эти женщины усматривают право требовать исполнения тысячи своих капризов и приходят в неистовство при первой попытке отказать им в этом*.

Им можно импонировать только насилием и жестокостью, мягкость же в обращении с ними делает их капризными и слишком требовательными. Здесь мы видим, стало быть, повторение, но в более сильной степени, чем у дегенерированных, того культа грубой силы, на который мы уже указывали у нормальной женщины.

7. Ненависть. Некоторые преступницы проявляют по отношению к окружающим ненависть, для которой нельзя найти никакой даже отдаленной причины и которая может быть объяснена только разве какой-то врожденной, слепой злостью их. Так, многие нарушительницы супружеской верности и отравительницы совершают свои преступления с непонятной бесцельностью. Женщины эти, будучи по натуре своей властолюбивыми и склонными к насилиям, обыкновенно импонируют своим слабым мужьям, которые из боязни чего-нибудь более худого уступают им во всем. Но это ведет, однако, только к тому, что они начинают тем более ненавидеть своих мужей, чем более последние покладисты и уступчивы по отношению к ним. Муж Fraikin, бывший значительно старше ее годами, смотрел совершенно сквозь пальцы на распутное поведение своей жены, тем более что он был серьезно болен и ему оставалось уже, по-видимому, недолго жить; но даже и этих нескольких месяцев до смерти его жена не могла выждать и

* Точно так же поступают и маленькие дети. Если с ними обращаются с особенной податливостью и мягкостью, то они скоро сами не знают уже, что делать и чего просить себе, и, если не удовлетворять тотчас же их малейших капризов, они чувствуют себя глубоко огорченными.

подговорила любовника убить его. Таков же случай Simon и Moulin. Последняя из них была против воли своей выдана замуж за неотесанного, но очень доброго человека. Она совершенно не хотела признавать его своим мужем, вступила чуть ли не с первого же дня после свадьбы своей в связь с одним человеком, и добрый муж мирился с этим, обращался с ней кротко, как с сестрой, и признал даже своим сыном ребенка, прижитого ею от своего любовника. Но, несмотря на все это, Moulin ненавидела его все более и более с каждым днем, постоянно повторяла, что он должен умереть, и действительно в конце концов убила его.

Муж Enjalbert также молча терпел в течение двадцати лет развратное поведение своей жены. Когда он однажды попробовал выразить против этого слабый протест, жена так возненавидела его, что в скором времени убила его. Jegado часто отравляла людей без всякой, по-видимому, цели. Stakenburg начала преследовать свою маленькую дочь после того, как доходы ее, как кокотки, сильно уменьшились. Свою злость она вымещала на своем несчастном ребенке.

У врожденных преступниц замечается страсть ко злу для зла, которая характеризует эпилептиков и истеричных больных. В них зарождается ненависть автоматически, без видимой внешней причины, просто вследствие болезненного возбуждения психических центров, которое должно получить выход в совершении того или другого преступного деяния. Женщины эти, одержимые таким постоянным возбуждением, нуждаются всегда в жертве, на которой они могли бы вымещать свою ярость, и тот несчастный, с кем они чаще всего приходят в соприкосновение, скоро превращается для них в предмет их ненависти и в жертву их злобы из-за какого-нибудь пустяка, из-за самого ничтожного проступка, нередко из-за простого несогласия в чем-нибудь с их мнением.

8. Любовь. Любовь редко является у подобных женщин мотивом их преступлений, несмотря даже на усиленную их половую чувствительность. Как и ненависть, любовь их является постоянно выражением только их ненасытного эго-

изма: в них нет ни капли альтруизма, самоотверженности; они признают только страсть к наслаждениям и удовлетворение своего самолюбия. Замечательна импульсивность и быстрота их страсти. Если они влюбляются, то чувство их должно быть удовлетворено сейчас же, если б даже для этого нужно было совершить преступление. Одержимые, точно загипнотизированные своим желанием, они ни о чем другом не думают, как только о средствах осуществить его, не замечая совершенно угрожающей им опасности и покупая тут же наслаждение ценою преступления, хотя немного спустя при некотором терпении они могли бы удовлетворить своей страсти без всякой для себя опасности.

Ardilouze, отец которой не соглашался на ее выход замуж за любимого ею человека, оставалось ждать всего несколько месяцев, чтобы сделаться совершеннолетней и иметь право самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Но она не имела терпения выждать даже и это короткое время и убила своего отца. Письма Aveline'ы и Béridot свидетельствуют об отчаянном нетерпении их. Очень часто сила страсти у преступниц зависит от того сопротивления, какое им оказывают в достижении их цели. Так, например, Buscemi влюбилась в хромого, горбатого парикмахера, и чем больше родные противодействовали любви ее, тем сильнее последняя разгоралась. Страсть ее росла по мере увеличения сопротивления и, закончившись преступлением, быстро испарилась. Очевидно, в таких случаях дело идет не столько об истинном чувстве, сколько об уязвленном самолюбии, сильно реагирующем на препятствия.

Вначале кажется, что мир должен будет провалиться, если желания этих женщин будут исполнены хотя бы одним днем позже, но потом, как только цель их достигнута, страсть их угасает необыкновенно быстро. Кого они вчера еще боготворили, к тому они сегодня относятся равнодушно, и прихотливые желания их направлены уже совершенно в другую сторону.

Béridot убегает со своим будущим мужем из дома родителей, не дающих своего согласия на этот брак, а два года спустя она подговаривает своего любовника убить его.

Арестованные врожденные преступницы во время судебного разбирательства дел их думают и мечтают только об одном — как бы спастись от ожидающего их наказания. Мысль об этом настолько поглощает все существо их, и они так полны ужаса в ожидании возмездия за совершенное преступление, что, не задумываясь, выдают даже своего сообщника, т. е. то лицо, для которого в большинстве случаев они незадолго перед тем рисковали и компрометировали себя. Таковы случаи Queyron, Béridot, Buscemi, Sarceni и G. Vompard.

Любовь и ненависть являются у них только двумя формами одного и того же ненасытного самолюбия, и первое чувство немедленно превращается во второе при малейшей неудаче и разочаровании или при первых признаках вновь загоревшейся страсти. Так, Béridot, недавно еще так сильно обожавшая своего мужа, возненавидела его, как только влюбилась в другого, а проститутка Cabit, безумно любившая своего сутенера Leroux и отдававшая ему все заработанные деньги, убила его, убедившись, что он ей неверен и делит свою любовь с другой женщиной. Графиня Challant убила своего любовника, которого она содержала во время его студенчества, когда он женился на другой, и призналась на суде, что она готова его убить еще раз, еще сто раз, но не примириться с мыслью, что он в объятиях другой женщины. Weiss питала страстную любовь к своему мужу и жила с ним почти в полном уединении от света в течение двух лет. Но стоило ей вспылать страстью к другому мужчине, как она возненавидела своего мужа и пыталась даже отравить его. Lévaillant, мечтавшая о замужестве с любимым человеком, начала ненавидеть, издеваться и насмехаться над ним, когда он, благодаря легкомыслию своему, попал в такое положение, при котором невозможно стало блистать в обществе.

Напоминая свойственную детям сильную привязанность, не способную, однако, на жертвы, и благородную решимость, их страсть не лишена той жестокости, которой нет в любви обыкновенной женщины.

Гран., очень ревниво любившая своего любовника и боявшаяся измены с его стороны, разслала чуть ли не всем

дамам города, где она жила, циркулярное письмо, в котором извещала, что господин такой-то принадлежит только ей и что плохо будет всякой, кто осмелится принимать его у себя. Однажды ее любовник принял приглашение к обеду в одном доме, но она явилась тотчас же туда и произвела страшный скандал. Когда она, спустя известное время, обзавелась новым любовником, то опять объявила циркулярно, что с прежним господином они могут поступать отныне как им угодно, потому что она порвала с ним бывшие между ними отношения. Точно речь идет о каком-то неодушевленном предмете или животном, принадлежавшем ей!

9. Жадность и скупость. Другим мотивом преступлений этих женщин является их жадность, выражающаяся у них несколько в иной форме, чем у мужчин. У развратных преступниц, для удовлетворения своих чудовищных инстинктов нуждающихся в огромных средствах и отказывающихся заработать их, алчность выражается, как и у мужчин, в форме стремления добыть большие деньги, чтобы потом быть в состоянии тратить их без всякой меры. Поэтому они сами или с помощью других пускаются в преступные деяния, которые обещают доставить большие суммы денег или ценные вещи. Так, G. Bonnard натолкнула сутенера своего Eugaud на убийство судебного пристава Gouffé в надежде поживиться богатой добычей, а Lavoitte с таким же расчетом побудила своего любовника убить и ограбить одну старую, богатую женщину. Такая же жадность была мотивом преступлений, совершенных Bouhors и Brinvilliers. М. сделалась только благодаря своей алчности проституткой и совратительницей в разврат несовершеннолетних девочек и прокучивала добытые таким образом деньги. Наконец, историческими примерами этой черты у преступниц могут служить Мессалина, которая добилась осуждения на смерть многих знатных римлян с целью завладеть их виллами и богатствами, и Фульвия, совершившая множество убийств отчасти из жадности, отчасти из мести.

Гораздо чаще, чем у мужчин, встречаются у женщин преступления из-за скупости — черты, родственной жад-

ности, которую, однако, не должно с ней смешивать. Gaaikema отравила свою дочь с целью воспользоваться ее капиталом в 20 000 франков, а С. убила своего сына только потому, что он ей стоил слишком много денег. Одна дама, принадлежавшая к высшим слоям общества, жестоко обращалась со своим ребенком, ибо расходы на содержание его казались ей очень обременительными, и совсем замутила бы его, если бы родители ее, боясь скандала, не отняли у нее дитя. Жестокая мать заметила при этом: "Очень нужен мне еще этот щенок!"

Своеобразный вид преступлений из-за скупости можно чаще всего наблюдать в деревнях, согласно Corre и Rijkére, преимущественно между женщинами, именно убийство родителей, которые по болезни или старости становятся не способными к работе и ложатся бременем на домашний бюджет. Из-за таких мотивов Lebon сожгла живую с помощью мужа свою старуху мать, а Lafarge в 1886 году убила своего престарелого, не способного к работе мужа с помощью своей невестки, что особенно характерно. Таковы же преступления, совершенные Faure и Chevalier. Одна русская убила свою старую свекровь за то, что та была болезненна и неспособна к труду. Во всех этих преступлениях дело сводится к сильному развитию свойственной женщинам расчетливости и экономности, которая у преступниц достигает, как и все эгоистические страсти их, необыкновенной степени. Для таких женщин бесполезный расход по дому имеет такое же значение, как потеря большой суммы денег или опасность банкротства для мужчин. Домашнее хозяйство — это сфера безграничного царствования женщины: оно для нее то же, что для мужа его занятие, для профессора — кафедра, для депутата — парламент и для правителя — его царство, и именно в этой сфере и зарождаются лютая ненависть и всевозможные тяжелые преступления.

10. Страсть к нарядам. Мотивом преступлений у женщин является довольно часто их страсть к нарядам и украшениям. Dubosc, когда ее на суде спросили о причине, заставившей ее принять участие в убийстве одной богатой

вдовы, отвечала: “Я хотела иметь красивую шляпу”. Мария Вг. украла 1000 франков и накупила себе всяких нарядов. М. и S., осужденные за воровство в магазине, предпочли держать при себе похищенные наряды, чтобы щеголять в них хоть пару дней, так как иначе, не сделай они этой неосторожности, они были бы оправданы за недостатком улики. Lafarge украла у одной знакомой ее бриллианты, но не с целью продать их, а носить, несмотря на всю опасность, связанную с этим. D. заколола кинжалом одного кредитора мужа своего, когда тот в обеспечение долга требовал ее драгоценное кольцо. Vir. мотивом убийства своего любовника выставила свой гнев на него за то, что он заложил ее вещи; однако впоследствии оказалось, что любовник сделал это с ее согласия, но она не могла уже сдерживать своей ярости. Тарновская отмечает, что многие исследованные ею преступницы совершали воровство не из-за нужды, так как они находились на службе и достаточно зарабатывали денег, но исключительно из желания обзавестись дорогими и роскошными нарядами и украшениями. Точно так же Guillot и Rijkere того мнения, что воровство женщин или участие их в кражах почти всегда имеет подкладкой стремление к роскоши и нарядам.

Мы уже раньше указали на то, какое огромное психологическое значение имеют платье и наряды, во-первых, в глазах нормальной женщины, которая судит об окружающих по их платьям, и, во-вторых, у детей и дикарей, видящих в одежде свою первую действительную собственность. Понятно поэтому, что при таком взгляде женщины на одеяние оно может служить для нее источником многих преступлений: женщина крадет или убивает с целью хорошо одеться, подобно тому как недобросовестный купец делает дутые операции, чтобы поднять свой кредит.

II. Религиозность. У врожденных преступниц религиозность далеко не редкое явление. Рагенсу, в то время как муж ее убивал одного старика, молилась Богу, чтобы все сошло хорошо и гладко. G. подожгла дом своего любовника со словами: “Пусть Бог и Матерь Божия довершат остальное”. Brinvilliers была настолько ревностной като-

личкой, что написала покаянную записку с перечислением всех своих преступлений, каковая записка и послужила против нее главным обвинительным документом на суде. Aveline ставила в церкви свечи “pour la réalisation de nos projets”*, как писала она в одном письме своему любовнику. В другом письме она сообщала ему о болезни мужа в следующих словах: “Il (т.е. ее муж) était malade hier, je pensais, que Dieu commençait son oeuvre”**. Pompilia Zambecari обещала поставить Мадонне свечку, если ей удастся отравить своего мужа.

Mercier принадлежала к семейству, все члены которого (пять сестер и один брат) страдали религиозным помешательством. Она видела в своих видениях духов, а во время слуховых галлюцинаций ей казалось, что она общается с Богом. У нее помешательство было не столь резко выражено, как у ее сестер.

Когда Марии Forlini, задушившей из мести к своим родителям и разорвавшей на части свою девочку, прочитали на суде смертный приговор, она обратилась к своему адвокату и сказала: “Смерть — это ничего; все заключается в спасении души; если душа спасена, все остальное — пустяки”. V. Br., прежде чем убить своего мужа, бросилась на колени и долго молилась Пресвятой Деве о даровании ей сил для приведения в исполнение своего плана. Знаменитые отравительницы в Париже в 1670 году, принадлежавшие к высшим классам населения, старались отправить на тот свет своих мужей и добиться верности своих любовников при помощи “порошка для получения наследства” и посредством разного колдовства. Во время его молитвы и заклинания читались обыкновенно над чревом беременной девушки, после чего закалывали грудное дитя, кровь и пепел которого употреблялись на приготовление любовных напитков. Говорят, что знаменитая Voisin сама погубила таким образом около 250 младенцев. Torssarello видела в Боге помощника

* Ради осуществления наших планов (фр.).

** “Он, как я думала, вчера был болен, и я думала, что Бог начинает свое творение” (фр.).

своего преступления и на суде объяснила убийство Gariglio, своей жертвы, указанием свыше, в силу которого любовник ее должен был быть наказан за свое вероломство. В доказательство такого предопределения она указывала и на смерть его товарища.

12. Противоречия. Нередко можно наблюдать у врожденных преступниц порывы чрезмерной доброты, которая составляет такой резкий контраст с их обыкновенной злостью и черствостью.

Lafarge, например, относилась с редким вниманием к жильцам того дома, где она жила, посещала и утешала больных, так что во всем околотке ее называли не иначе, как “утешение бедных”. Jegado наружно отличалась всегда ласковостью в обращении с товарками своими по службе, но потом отравляла их за малейшую обиду. Dalessio спасала от смерти самоотверженным и заботливым уходом во время тяжелой болезни своего мужа, которого она потом подговорила убить. F., которая в сообществе с любовником убила мужа своего, воспитала и усыновила ребенка, взятого из воспитательного дома. Dumaire, разбогатевшая благодаря проституции, великодушно помогала всем своим бедным родственникам и дала любовнику своему средства для окончания его образования, но убила его потом, когда убедилась в его вероломности. Thomas помогала многим бедным, проливая слезы при виде их нищеты, и покупала на собственные деньги платья и подарки для бедных детей. P. T., одна из самых ужасных виденных нами преступниц, была очень сострадательна к своим товаркам и страстно любила детей. Trossarello проводила целые ночи у изголовья бедных больных.

В действительности мы имеем здесь дело с временным, преходящим альтруизмом. Женщины эти сострадательны к несчастным, так как последние находятся в худшем положении, чем они сами, благодаря чему они имеют возможность вследствие контраста сильнее чувствовать свое собственное относительное благополучие. Но они ненавидят всех, кто им кажется счастливее их. Далее, в их благотворительности большую роль играет то удовольствие, которое они испытывают, видя у ног своих лицо, которому они благодете-

тельствуют. Это стремление видеть других в зависимости от себя получает удовлетворение в добрых делах.

Одним словом, здесь все сводится к низшей форме доброты сердечной, которая, в сущности, есть не что иное, как несколько осложненный эгоизм.

Эта же перемежающаяся доброта их объясняет нам их доступность сентиментальным внушениям и то присутствие духа, которое нередко проявляют в виду эшафота даже самые закоренелые преступницы. Поверхностному наблюдателю подобное присутствие духа кажется героизмом и христианской решимостью и наводит на мысль о чудесном превращении их милостью Божией в существа кроткие и всепрощающие.

Маркиза Brinvilliers умерла, по словам духовника ее Pirot, как истая христианка. Она письменно попросила прощения у всех людей, которым она причинила в своей жизни столько зла, обращалась с трогательным уважением со своими сторожами, оставив им на память все имевшиеся у нее вещицы, и написала своему мужу письмо, завещая ему воспитать детей в честности и страхе Божиим. Tiquet слушала с величайшей набожностью проповедь священника, жаловалась при обезглавлении своего соучастника на слишком строгую постигшую его кару, считая себя главной виновницей совершенного злодеяния, и перед смертью поцеловала палача в знак того, что она прощает его. Jegado после одной беседы со священником сказала, что охотно умерла бы, ибо лучше она уже не может чувствовать себя подготовленной к новой жизни, а Guillaume согласилась, что преступление ее заслуживает быть наказанным смертной казнью. Balaguer также отличалась набожностью. То небольшое, что еще осталось у нее, она отдала на память жене своего защитника и сумела даже в эти последние дни своей жизни так расположить к себе своих товарок по заключению, что все они плакали, когда ее повели на эшафот. Она также простила своего палача, поцеловав его перед смертью.

Во всех этих примерах не видно особенно глубокого чувства, но это также и не комедия. Очень может быть, что это сентиментальное внушение, которое большею частью исхо-

дит от духовного лица и которому легко поддаются преступницы при известных условиях. Именно будучи совершенно одинокими, вдали от всяких злых искушений, лишенные всякого общества, кроме священников, они легко поддаются опять всем тем добрым побуждениям, которые никогда у них совершенно не отсутствуют, и тяготение их к добру сказывается у них с интенсивностью, совершенно не свойственной им при обычных условиях. Все это тем более вероятно, что, в сущности, дело сводится здесь к религиозным внушениям, которым они в высшей степени доступны. Сюда присоединяется также, кроме того, потребность женщины в постороннем сочувствии и чужой, хоть и нравственной, защите, которая для них тем более важна, что весь свет их презирает и они находятся на пороге смерти. Если вспомнить, что они в это время никого, кроме духовенства, не видят, то станет понятным, каким образом благодаря особенной, чисто женской способности удается им усвоить себе идеи и чувства лиц, старающихся обратить их на путь истины, и как они в течение всего лишь нескольких дней укрепляются во всех христианских добродетелях, даже во всепрощении, которое им труднее всего удается.

13. Сентиментальность. У преступниц мы наблюдаем обыкновенно вместо настоящего, крепкого, здорового чувства сладковато-притворную сентиментальность, которая резче всего выступает в их письмах.

Aveline писала своему возлюбленному: "Je suis jalouse de la nature, qui a l'air de nous faire enrager, tant elle est belle. Ne trouves-tu pas, mon cher, que ce beau temps est fait pour les amoareux et qu'il parle d'amour?" В другом месте она выражалась: "Que je voudrais être au bout de l'entreprise (т. е. убийства мужа) qui nous fera libres et heureux! il faut, que j'y arrive, le paradis est au bout. Au détour du chemin il y a des roses"*.

* "Я завидую такой человеческой природе, которая выводит нас из себя, настолько она прекрасна. Не находишь ли ты, мой дорогой, что такая прекрасная погода создана для влюбленных и она сама говорит о любви?.. Как мне хотелось бы, чтобы уже закончилось это дело, которое сделает нас свободными и счастливыми! Я должна в этом преуспеть. В конце пути нас ждет рай. Окольный путь украшен розами" (фр.).

Точно так же писала своему любовнику и Trossarello письма, полные сентиментальных уверений в верности, которые, однако, были теорией, потому что на практике она его обманывала бесконечное число раз. Одна из самых ловких мошенниц, так называемая баронесса Gravaу de Livergnière, писала в своем дневнике следующее об одном 18-летнем молодом человеке, которого она увлекла, несмотря на свои 48 лет, и которого хотела женить на себе: "Черствый, бездушный человек! Он только делает вид, что любит меня, чтобы заручиться протекцией моих друзей! О, воспоминания! Когда я думаю о нем, мне припоминается галантный кавалер, который пел:

Pour avoir de noble dame
Obtenu le doux baiser,
Je veux brûlant d'une flamme
Que rien ne peut apaiser"*.

Именно потому, что преступницы лишены всяких благородных и глубоких чувств, они стараются симулировать их разными софизмами, подобно тому как трус любит обыкновенно хвастать своей химерической храбростью.

14. Ум. Относительно умственных способностей мы находим здесь величайшие колебания: с одной стороны, встречаются очень интеллигентные преступницы, а с другой — такие, способности которых более чем посредственны. В общем, однако, можно сказать, что у преступниц чаще всего наблюдается интеллигентность выше средней, что зависит, быть может, от того, что у них импульсивные преступления довольно редки. Чтобы убить в припадке животной ярости — для этого достаточны умственные способности какого-нибудь готтентота, но чтобы составить и привести в исполнение какой-нибудь более или менее сложный план отравления — для этого требуются известная хитрость и ловкость. У преступниц замечается всегда некоторая обдуманность их поступков.

* Чтобы от знатной дамы получить горячий поцелуй, я бы хотел гореть в пламени, которое ничто не сможет погасить (фр.).

Конечно, нельзя найти особенного ума у импульсивных преступниц, которые мстят за небольшое причиненное им огорчение несоразмерно жестоко, как, например, *Glosset* и *Ronsoux*, но некоторые закоренелые преступницы, совершившие по несколько преступлений, положительно поражают своими замечательными умственными способностями. *Ottolenghi* наблюдал у одной 17-летней девушки очень богатое воображение и быструю сообразительность, несмотря на ее более чем скудное образование. Кроме того, девушка эта обладала настоящей манией писания, и всякую мысль, приходившую ей в голову, она старалась, насколько могла, сама записать или же диктовала ее кому-нибудь из своих товарок. Наконец, ее ловкая спекуляция с собственной проституцией и развратом других также указывает на более чем среднюю одаренность ее в умственном отношении.

Особенной интеллигентностью отличались знаменитые отравительницы, как, например, *Brinvilliers*, *Lafarge* и *Weiss*, прекрасно владевшие пером, равно как и *Jegado*, о которой один свидетель выразился, что “она только с виду глупа, но на самом деле дьявольски умна”. *Tiquet* всегда считалась очень умной особой в том аристократическом кругу, в котором она вращалась. Точно так же и преступницы, совершающие преступления из-за жадности и алчности, отличаются, в общем, хорошими умственными способностями. *Mercier*, например, несмотря на свое религиозное помешательство, обладала отличной коммерческой сметкой: она в короткое время составила себе своими делами значительный капитал, потеряла его, но потом опять вернула.

Еще большим умом отличалась знаменитая американская воровка, *Lyons*, которая, накрыв в Америке целое состояние, отправилась в Европу с единственной целью показать свое искусство и там. Однако в Париже она была поймана в одном воровстве на месте преступления, но сумела так ловко поставить дело и выпутать себя, что благодаря вмешательству английского и североамериканского посланников полиция поспешила отпустить ее на волю со

всевозможными извинениями. Другой образчик подобной же интеллигентности представляла мошенница, выдававшая себя за графа Sandor'a. Особа эта сотрудничала в нескольких газетах и сделалась женихом дочери одного венгерского магната. Она сумела выманить у будущего тестя своего значительные суммы денег и скрыть свой пол до последней минуты, т.е. до тех пор, пока была арестована. Далеко недюжинным умом отличалась и начальница разбойничьей шайки в Техасе, знаменитая Bell-Star, державшая долгое время в страхе население целого округа и наносившая вред своими разбоями даже самому правительству Соединенных Штатов. Затем так называемая Gravay de Livergnière, обманщица, известная под шестью или восемью именами, настоящее имя которой все-таки осталось тайной, сумевшая в свои 48 лет так влюбить в себя одного 18-летнего юношу, что даже осуждение ее не могло его охладить к ней, симулировавшая в этом возрасте роды и долго выдававшая себя за кузину испанской королевы, также была, по-видимому, далеко не глупой женщиной. А знаменитая P. W., осужденная за нанесение ран и виновная, вероятно, в отравлении, редактировала газеты, стояла во главе политического движения и сочиняла романы и поэмы!

Тарновская точно так же при описании Феодосии Вол., известной петербургской ростовщицы и утайщицы ворованных вещей, отмечает, что при такого рода занятиях требуются большая хитрость и сообразительность, а особенно нюх, чтобы с первого раза узнать, с кем имеешь дело: с голышом ли, закладывающим свою последнюю "движимость", с вором ли или же с шпионом полиции.

Доказательством значительной интеллигентности некоторых врожденных преступниц служат оригинальность их преступлений и своеобразная комбинация их. Так, например, упомянутая нами 17-летняя девушка, находившаяся под наблюдением у Ottolenghi, сумела добыть комбинацией сводничества, проституции и вымогательства большие деньги. Lacassagne, убившая своего незаконнорожденного ребенка с помощью одного знакомого, убедилась последнего взять всю вину на себя, обещая ему выйти за него замуж,

после того как он отбудет наказание. Когда же доверчивый поклонник ее, отбыв наказание, вернулся к ней с требованием исполнить обещанное, она в сообщничестве со своим братом убила его. Gras создала для своего преступления чрезвычайно сложный план, который она отчасти и осуществила. Она нуждалась именно в деньгах, чтобы выйти замуж за своего любовника, одного рабочего. С целью добыть их она подговорила его облить серной кислотой одного старого болезненного господина с тем расчетом, что последний будет благодаря этому так обезображен, что за него не согласится выйти замуж ни одна женщина. Она имела в виду женить его в таком случае на себе, разрушить его и без того слабое здоровье различными эксцессами, а затем, оставшись после смерти его богатой вдовой, выйти наконец замуж за своего дружка. Такой более или менее высокий уровень умственных способностей у врожденных преступниц объясняется отчасти тем, что многие из них часто физически совершенно слабые субъекты, решительно не способные силой удовлетворять своим дурным инстинктам. Поэтому они стараются пустить в ход весь свой ум и всю хитрость, на какую только способны. Без этого они сделались бы проститутками.

15. Письмом и рисованием преступницы почти совершенно не занимаются. Я никогда не встречал среди них ни одного рисунка, ни малейшей татуировки с намеком на совершенное преступление, никакой, наконец, вышивальной работы, словом, ничего из того, что можно было бы ожидать найти у них. Один только раз мне привелось видеть кое-что, что напоминало собою символические рисунки преступников, именно у Pг. я нашел фотографию ее любовника с двумя крестами на ней, мертвой головой и числом дня, в который она имела в виду убить его, как она и пыталась в действительности сделать это. Портрет этот она очень заботливо хранила в своей камере как воспоминание о своем покушении.

Точно так же редки среди них и письменные воспоминания об их преступлении. Только у трех преступниц мы нашли заметки, свидетельствовавшие о том, что они зани-

мались составлением своих мемуаров, между тем как среди мужчин этот род эгоистической, так сказать, литературы очень распространен. Две из этих составительниц мемуаров, Lafarge и Bell-Star, отличались, как известно, далеко недюжинными умственными способностями, между тем как среди преступников субъекты даже с более чем посредственной интеллигентностью также пускаются в подобного рода авторство. Очень редки среди преступниц поэтессы, какой была, например, возлюбленная разбойника Cerrato, посвятившая ему свои стихи. Но самым характерным и любопытным документом из всех, когда-либо оставленных после себя преступницами, является замечательная покаянная записка маркизы Brinvilliers, которая потом послужила против нее же уликой к обвинению. По ней можно судить о ее интенсивном религиозном чувстве, заставившем ее излить свое состояние на бумаге, далее, о характерной беспечности преступной натуры ее и о таком извращении ее нравственного чувства, благодаря которому она легкие погрешности против чисто формальных религиозных обрядов ставит рядом с наиболее ужасными преступлениями, как отцеубийство и кровосмешение.

Мы приводим здесь целиком этот любопытный документ, передавая наиболее характерные места его по-латыни:

“Сознаюсь, что я совершила поджог”.

“Я пыталась иметь сношение с родным братом, думая об одном из своих знакомых”.

“Сознаюсь, что дала яд одной женщине для отравления ее мужа”.

“Сознаюсь, что не почитала и не относилась с должным уважением к своему отцу”.

“Сознаюсь, что три раза в неделю совершала грех кровосмешения, в общем, быть может, раз триста, а онанировала четыреста или пятьсот раз”.

“Я писала любовные письма и признаюсь, что причинила ими большой скандал сестре и своей родственнице; я была в то время еще молодой девушкой, а он — молодым юношей”.

“Я находилась долго, в течение 14 лет, в любовной связи с одним женатым господином. Сознаюсь, что я переда-

ла ему много денег и всякого добра, так что это меня разорило”.

“*Bis peccavi immundum peccatum cum isto*”.

“Я сознаюсь, что хотя отец мой, видя скандал этот, велел заключить его в темницу, но я тем не менее продолжала видеться с ним”.

“Из числа детей моих двое — плод этой любви. Вы увидите, как я устрою их”.

“Сознаюсь, что я имела половые сношения раз двести со своим двоюродным братом. Он был холост, и один из моих детей прижит от него”.

“С двоюродным братом мужа моего я имела также около трехсот сношений. Он был женат”.

“Сознаюсь, что один молодой человек *me stupravit*, когда мне было семь лет”.

“Сознаюсь, что *manu peccavisse cum fratre meo* еще до семилетнего возраста”.

“Сознаюсь, что *posuisse virgunculam super me* и прижималась к нему... (*sic*)”.

“Я сознаюсь, что отравила своего отца. Яд преподнес ему один из слуг. Меня терзали угрызения совести, когда слуга этот был схвачен и посажен в тюрьму; я имела в виду поскорей унаследовать от отца его богатства”.

“Я отравила своих двух братьев. Один молодой человек был за это колесован”.

“Я часто желала смерти моему отцу и брату”.

“Я имела желание отравить мою сестру, которая называла ужасным мой образ жизни”.

“Я приняла один раз лекарство, чтобы произвести себе выкидыш”.

“Сознаюсь, что раз пять или шесть давала яд своему мужу. Но мне становилось жаль его, я начинала хорошо ухаживать за ним, и он выздоравливал. С тех пор он постоянно, однако, болеет. Все это я делала, чтобы быть свободной”.

“Сознаюсь, что принимала сама яд и дала его своей дочери, потому что она была красива”.

“Я исповедовалась и приобщалась перед Пасхой в течение семи лет, не имея при этом никакого желания испра-

виться, затем я продолжала вести тот же образ жизни и совершать те же преступления, не исповедуясь уже в них”.

“Я подожгла в одном из наших имений дом с целью отомстить”.

Weiss также оставила нам несколько сентиментальных страниц своих мемуаров, не представляющих, впрочем, никакого интереса.

Итак, мы должны признать и у преступниц недостаточную деятельность графических центров, которую мы наблюдали уже у нормальной женщины.

16. Приведение в исполнение преступлений. Сложные планы. Ум врожденных преступниц виден, между прочим, также и в том, что преступления их часто замечательно сложны. Причина этого — отчасти их физическая слабость, отчасти — возбужденная чтением романов фантазия. Во всяком случае, для приведения в исполнение планов их часто требуются далеко не дюжинные умственные способности. Иногда они употребляют очень сложные приемы для разрешения относительно простых задач, напоминая в этом отношении человека, который делает большой крюк, чтобы достигнуть близлежащего пункта. Мы уже раньше познакомились с чрезвычайно запутанным планом, который составила себе Gras с целью сделаться богатой вдовой и выйти замуж за своего любовника: равным образом мы упоминали и про своеобразный план княгини R., и про то письмо, в котором ее любовница должна была сознаться, что сама лишила себя жизни. Некая Minna, хотевшая во что бы то ни стало поступить прислугой вместо своей знакомой в один дом, пыталась сперва оклеветать ее перед господами, когда это не удалось, уверить свою знакомую, что последние обманывают ее, обсчитывая на жалованье. Но когда и это не помогло, Minna украла у нее ключ от дверей, прокралась вечером в комнату ее и спряталась под ее кроватью. Ночью она напала на подругу свою, когда та спала, ранила ее и убежала, замкнув за собой двери. На следующий день после этого она преспокойно явилась к господам своей жертвы, предлагая заместить свою больную подругу. Когда же барыня не решилась взять ее, она

обещала ей, если она возьмет ее, указать то лицо, которое нанесло рану ее прислуге. Rosa Vent с целью лишить жизни мужа поставила перед кроватью его, когда он спал, котел с кипятком, затем разбудила его, говоря, что его кто-то кличет на улице, и, когда он поднялся с постели, она толкнула его, полусонного, в этот котел.

Очевидно, для создания таких сложных планов нужна более или менее развитая фантазия: такие запутанные комбинации придумываются обыкновенно там, где нельзя пустить в ход физическую силу за отсутствием ее. Поэтому именно преступницы, обладающие большой физической силой, никогда не прибегают к таким сложным приемам, а обыкновенно решают свои задачи просто ударом кинжала или топора. Примером может служить Vouhors, которая находила удовольствие в том, чтобы, переодевшись в мужское платье, вступать в бой с мужчинами, имея постоянным оружием увесистый молоток.

Но нередко эти же сложные, запутанные планы обнаруживают замечательную несостоятельность ума даже у самых интеллигентных преступниц: хитроумные комбинации их оказываются, в сущности, невозможными абсурдами, порою даже чистым безумием. Так, например, Morin задумала следующим образом ограбить и потом убить своего врага. Она хотела завлечь его на виллу в одно из предместий Парижа, которую она специально с этой целью наняла, заманить его там в погреб и привязать к колу. В этом же погребе были приготовлены веревки, пистолеты, ружья, шпаги и кинжалы с целью напугать несчастного и заставить его подписать векселя на изрядную сумму. В то же время два помощника ее, переодетые привидениями, должны были дополнить сцену различными движениями и диким воем, — словом, все было задумано во вкусе какого-нибудь романа г-жи Redcliffe. Очень часто преступницы предусмотрительно заботятся о том, чтобы подготовить себе alibi или иное доказательство своей невиновности, но комбинации их обыкновенно, несмотря на все свое остроумие, бывают неудачны. Так, например, Lafarge, угощавшая своего больного мужа во время болезни его вместо комеди

мышьяком, возилась постоянно при всяком постороннем человеке с камедью. Buisson, получившая при убийстве одного старика несколько царапин на лице, повесила свою кошку и затем рассказала всем знакомым с самым свирепым видом, что животное это прыгнуло ей в лицо. Queугоп вместе со своим любовником заколола кинжалом своего мужа на его постели, после чего, оправив последнюю, подняла плач и созвала соседей, говоря, что муж ее умер внезапно от кровавой рвоты.

17. Подстрекательство. Врожденные преступницы далеко не всегда являются сами исполнительницами своих преступных замыслов. Очень часто, если они не обладают значительной физической силой, или если жертва не женщина, или если, наконец, нельзя действовать из засады, как, например, при отравлении и поджоге, они не отваживаются сами на преступление. Béridot и Aveline горько жалуется в письмах к своим любовникам на свою слабость. Lavoitte сказала своему сообщнику: “Если б я была мужчиной, я бы сама убила эту богатую старуху”. Но в этом уклонении преступниц от личного совершения преступления виден только страх слабого существа; это не есть сопротивление злу, ибо притупленность их нравственного чувства сказывается в подстрекательстве к преступлению сообщника, а преступная натура обнаруживается в том, что инициатива преступления принадлежит именно им самим.

Fraikin, желая отделаться от своего мужа, подыскивала для этого наемного убийцу. Она нашла некоего Devilde’a, который три раза готовился убить ее мужа, но у него каждый раз не хватало на это мужества. После третьей попытки Fraikin с яростью сказала ему: “Чтобы упустить такой удобный случай, нужно быть безмозглой скотиной”. В четвертый раз она напоила Devilde’a пьяным, повела в спальню мужа, спряталась в ногах кровати и в самый решительный момент показала ему 1000-франковый билет. Fraikin была при этом настолько хладнокровна, что не забыла предупредить убийцу, чтобы он не хватал ее мужа за волосы, потому что тот носил парик. Albert, которого

любовница его Lavoitte подстрекнула убить одну старуху, в следующих словах описывал на суде, как она подговаривала его совершить это преступление: “Прежде всего она начала перечислять мне, сколько богатств у старухи и как мало она ими пользуется; я отказался, но на следующий день Филомена опять завела об этом разговор, доказывая мне, что и на войне убивают людей, но что это не считается, однако, преступлением: поэтому можно и старуху эту уколошить. Бог, говорила она, простит нам, ибо Он видит ту нужду, которую мы терпим”. Simon пыталась отделаться от своего больного мужа, пользуясь его слабостью к спиртным напиткам и давая ему выпивать каждый день утром и вечером какую-то жидкость, состоявшую из водки, настоянной на каких-то вредных травах и корнях. Кроме этого, она обещала тому из своих любовников — а их у нее было бесчисленное множество — свою руку и пять франков (это за убийство!), который освободит ее от мужа. Случай свел ее наконец с Quérangal’ем, слабохарактерным и испорченным юношей, которого она настолько подчинила своей воле, что ей нетрудно было уговорить его совершить это преступление.

18. Похотливость. Преступницы, отличаясь большею частью отсутствием стыда и чувственностью, часто прибегают к разврату как к средству, дающему им возможность совершить то или иное преступление. Они избирают подобный путь, во-первых, потому, что отдаться мужчине — это для них пустяк, который им ничего не стоит, а во-вторых, потому, что благодаря их похотливой натуре помыслы их обыкновенно сосредоточены на удовлетворении половых инстинктов. Вот почему, подготавливая только какое-нибудь преступление, они совершенно бессознательно начинают уже подумывать о возможности воспользоваться для осуществления его собственным полом. Так, Grass имела в виду погубить своего богатого любовника при помощи половых эксцессов, совершенных над нею. Р., воспитанная одним богатым филантропом и выданная им замуж за человека, оказавшегося вполне достойным ее по своей нравственности, задумала вместе с мужем своим пу-

тем шантажа сорвать куш со своего воспитателя. Для этого она однажды пригласила его к себе и, будучи с ним наедине, начала говорить ему, что все считают ее любовницей его и она на самом деле хочет сделаться ею. Затем она начала перед ним раздеваться, стараясь вызвать у него возбуждение сладострастными позами. Но в эту минуту в комнату вошел ее муж, который сделал вид, что он вне себя, застав жену в таком положении, и за поруганную честь потребовал от филантропа, чтобы тот подписал несколько векселей и чеков.

Преступница, желая подбить мужчину на преступление, часто обещает ему в награду свою любовь. Brinvilliers поступала таким образом много раз, а D., продававшая себя всякому, кто только был в состоянии заплатить ей, ни за что не хотела отдаться одному наиболее бесхарактерному поклоннику своему. Когда же она довела страсть его до крайних пределов, то обещала принадлежать ему с условием, если он убьет ее мужа. Часто и поцелуй служит западней для неосторожных жертв. Borde и Dépise закололи своих любовников именно в ту минуту, когда те собирались поцеловать их.

19. Упорство в отрицании своей вины. Особенно характерной чертой преступниц, и преимущественно врожденных, является необыкновенное упорство, с которым они отрицают свою вину, несмотря на самые очевидные, подавляющие улики. Мужчина, убедившись, что ложь его ни к чему не ведет, обыкновенно перестает заператься и сознается; женщина же никогда не сознается в совершенном преступлении и продолжает с величайшей энергией оправдываться, несмотря на всю нелепость ее оправданий. Alessio, Rondest, Jumeau, Saraceni, Buscemi, Béridot, Pearcey и Daudet продолжали отрицать свою вину до последней минуты. Lafarge разыгрывала комедию невинности до самой смерти своей и даже после нее оправдывалась еще в своих мемуарах. Jegado, несмотря на всю нелепость ее показаний, продолжала утверждать, что она не знала, что мышьяк так вреден для здоровья и что вина ее в том только и заключается, что она была слишком добра и доверчива к лю-

дам. Ее никак нельзя было заставить сознаться в совершенном преступлении.

Если преступницы не вполне отрицают свою вину, то часто для оправдания выдумывают такие длинные, невероятные и нелепые истории, что даже ребенок и тот не мог бы им поверить. Однако, несмотря на это, они настаивают на правдивости своих показаний с величайшим упрямством. *Dacquignié* утверждала, что убила своего мужа, защищая собственную жизнь, хотя на ней не найдено было ни малейших следов борьбы. Затем она созналась, что нанесла ему только один удар кинжалом, между тем как на трупе убитого было найдено шесть ран. Точно так же оправдывалась на суде и *D. Lafarge*, попавшая на скамью подсудимых за похищение бриллиантов, выдумав для своей защиты целый роман, очень запутанный и нелепый, а *Hoegeli* уверяла, что она только хотела слегка наказать своего ребенка и если он умер, то это просто несчастная случайность. *Déprise*, которая подстерегла своего любовника и из засады нанесла ему рану, утверждала, что любовник ее бил, повалил на землю и натравил даже на нее собаку. *Prager* показала на суде, что спрятала в комнате мужа своего брата, вооруженного револьвером, только для того, чтобы он достал ей несколько очень важных компрометирующих ее в бракоразводном процессе писем. При этом она ни за что не хотела сознаться, что письма эти служили доказательством ее супружеской неверности. Что же касается револьвера, то он был взят, по ее словам, только лишь с целью пригрозить мужу. Очень часто преступницы во время процесса меняют свою систему защиты по нескольку раз, совершенно не думая о том, что такие частые перемены в их показаниях должны в высшей степени поколебать доверие судей к словам их. *Goglet*, поджегшая дом с целью погубить в огне своего старого мужа, показала сперва, что поджог совершил какой-то неизвестный ей мужчина, в которого она даже стреляла, но промахнулась; потом она изменила свое показание и стала утверждать, что она не есть вовсе сама *Goglet*, а только подруга ее, похожая на нее по цвету волос, и что она из дружбы к

этой Goglet согласилась ухаживать за ее больным мужем. Когда же последний настаивал на том, что эта женщина и есть именно его жена, у нее хватило дерзости заявить, что человек этот после операции плохо видит и потому ошибочно принимает ее за свою жену.

“Преступница, — говорит Rукéге, — больше софистична и хитра, нежели преступник. Она всегда находит отговорки и оправдания, поражающие своею неожиданностью и странностью”. “Девушки, — пишет пастор Agroux, — не только больше мальчиков подвержены злу, но они также лгут более ловко и дерзко, чем они, с большей смелостью рассказывают разные выдуманные ими истории и превосходят их в искусстве лицемерить”.

В общем, оправдания преступниц также отличаются сложностью и нелепостью, т.е. той именно запутанностью, которую мы так часто находим в планах их преступлений. Мы опять встречаемся здесь со свойственной даже нормальным женщинам лживостью, но осложненной и доведенной до крайних пределов. Преступницы эти лгут прямо в глаза с таким упорством, несмотря даже на самые очевидные улики, потому что они вообще малочувствительны к истине и не могут вообразить себя на месте судей, убежденных массой доказательств в их виновности. Логичность фактов не имеет в глазах их никакого значения, потому что они, как женщины, не признают силы неоспоримой убедительности и думают, что все рассуждают так же, как и они.

Прибегая ко всевозможным выдумкам с целью оправдать себя в глазах судей, преступницы совершенно не видят всей нелепости их, ибо в них очень слабо развита та логика мышления, которая должна была бы удержать их от противоречий. К этому присоединяется еще действие самовнушения, благодаря которому они в конце концов начинают сами верить в часто повторяемую ими ложь, — самовнушение, влияние которого тем сильнее, чем скорее сглаживается из их памяти воспоминание о совершенном преступлении. С течением времени, когда истинная суть самого злодеяния ими почти совершенно забыта, они пом-

нят только свой собственный вымысел, не заботясь уже о том, насколько он соответствует истине. Поэтому ложь сопряжена у преступниц с ничтожным напряжением их умственных способностей, и так как на характер вымысла они обращают тоже мало внимания, то вся энергия их сводится к упорному повторению его без колебаний и неуверенности, благодаря чему они нередко вселяют доверие к своим словам даже в сердцах судей и присяжных заседателей.

20. Самообличение. Благодаря тому противоречию, которое мы так часто встречаем в характере женщины, у преступниц рядом с упорнейшим отрицанием ими своей вины наблюдается подчас неожиданное добровольное стремление обличить себя. Явление это объясняется различными причинами. В одном случае дело сводится к потребности поболтать и поделиться с другими своей тайной, что — как мы видели — характерно для женщин. Так, например, G. Vompard рассказывает во время морского переезда из Америки во Францию одному пассажиру, некоему Granger, много подробностей про Eugaud. Затем, находясь уже в Париже, где все газеты были полны ею и ее любовником, она не может удержаться, чтобы не сообщить тому же Granger, что она и есть именно эта разыскиваемая Vompard. Faure, облившая серной кислотой своего любовника, приняла такие меры предосторожности, что преступление ее осталось бы нераскрытым, если б она сама не рассказала о нем одной подруге своей. Очевидно, она испытывала потребность поделиться с кем-нибудь радостью по поводу удачной мести, для того чтобы лучше насладиться ею. Конечно, при всем этом играют известную роль легкомыслие и неосторожность преступниц, которые охотно разговаривают о своем преступлении, не думая о связанной с этим опасности (Lombroso. Uomo delinquente. Т. 1).

В другом случае самообличение выражается в иной форме. Так как неосторожность преступницы никогда не заходит так далеко, чтобы сообщить кому-нибудь план задуманного ею преступления до того, как оно приведено в исполнение, то она удовлетворяет своей потребности гово-

речь о преступлении косвенным образом; отравительница, например, обнаруживает преувеличенную заботу о здоровье намеренной жертвы: она старается казаться печальной и то и дело выражает свои опасения, что последняя не проживет долго, хотя в настоящую минуту, по-видимому, и совершенно здорова. Если жертва легла в постель, отравительница еще задолго до того, как у других явится мысль о какой-нибудь серьезной болезни, уже начинает беспокоиться насчет дурного исхода ее. Все это направлено к тому, чтобы так или иначе иметь возможность говорить о замышляемом или совершенном преступлении. Когда Lafarge отослала своему мужу отравленный пирог, она тотчас же сообщила нескольким знакомым, что у нее есть тяжелое предчувствие потерять кого-нибудь из близких ей, и осведомлялась насчет того, какой траур носят вдовы в этой местности. Nagu, отравившая жену своего любовника Rogier, сказала окружающим, когда у последней обнаружили только первые признаки отравления: “Я вам говорю, что она долго не протянет; где это видано, чтобы молодой мужчина мог жить с такой женой, которая его ненавидит”. Точно так же и Jegado, когда одна из ее жертв заболела и все еще думали о легком, пустом заболевании, выразилась следующим образом: “Она умрет от этого, можете мне поверить; от такой болезни не выздоравливают; бегите лучше за священником”.

Женщины находят особенное удовольствие в том, чтобы много говорить о совершенном преступлении, потому что они при этом мысленно переживают его и продолжают испытывать то наслаждение, которое доставляет оно им. Так, Jegado всегда говорила только про мертвых и про похороны, так что один свидетель выразился даже про нее на суде: “Sa conversation était la conversation des morts et des défunts”*. Совершенно понятно, почему женщина говорит гораздо больше и чаще мужчины о своем преступлении: беседа — это единственное доступное средство переживать его, между тем как мужчина может прибегать с

* “Ее речь была речью мертвых и погребенных” (фр.).

этой целью к кисти и письму, которые редко доступны женщинам. Женщина должна болтать о своем преступлении, между тем как мужчина может нарисовать его, опisać или даже просто выцарапать на стенке, сосуде и т.п.*

Своеобразной формой самообличения является часто признание преступниц перед своими любовниками в совершенном преступлении даже в тех случаях, когда любовники ничего подобного от них не требуют и не подозревают никакого преступления. Такой документ часто появляется потом на сцене в виде доказательства их виновности, и в тех случаях, когда любовь их к своим любовникам миновала, они идут на новое преступление, чтобы избавиться от этих опасных для них лиц. Так, *Virg.*, разошедшись со своим любовником *Signorino*, убила его, боясь, что он ее выдаст, имея в руках доказательство совершенного ею преступления. *Menghini* доверила тайну отравления ею мужа своему любовнику *Ottavi*, и, когда последний бросил ее, она подговорила своего нового обожателя убить его, чтобы отделаться от такого опасного человека.

Подобное признание является естественным следствием возникающей между любовниками склонности к безграничной откровенности и указанной нами раньше потребности любящей женщины приносить в жертву любимому человеку не только свое "я" и свое тело, но также свою душу и судьбу. Чем дороже принесенная ею жертва, тем счастливее она, а разве есть у нее что-нибудь, что она должна была бы тщательней скрывать, чем сознание и доказательства своей преступности? Она предпочитает отдаться связанная по ногам и рукам своему любовнику, вполне полагаясь на его усмотрение. Преступная натура ее сказывается в беспечности, мешающей ей задуматься над неизбежным концом ее временной любви, и в отсутствии всякого нравственного чувства, при котором самое тяжелое преступление кажется ей небольшим проступком. Как могла бы женщина, у которой не притуплено еще вполне моральное чувство, осмелиться открыть свою преступ-

* *Lombroso. Uomo delinquente. T. 1. C. 322.*

ную душу честному любовнику, не боясь, что подобное признание оттолкнет его от нее и вселит к ней отвращение, несмотря на то, как бы ни дорожил он на первых порах ее взаимностью.

Преступницы часто выдают своих любовников, соучастников их преступлений, из чувства ревности, покинутые ими, но нередко причиной подобной измены с их стороны является не ревность и желание мстить, а тонкий расчет избавиться от угрожающей им опасности, которая с минуты на минуту увеличивается. Они надеются заслужить себе таким образом снисхождение, особенно если они молоды и недурны собою. Крайнее непостоянство их привязанностей, в силу которого они ко вчерашнему божеству и кумиру относятся сегодня равнодушно или даже с отвращением, играет при этом значительную роль. Известно, что разбойничьи шайки ничего так не боятся, как доноса женщин. *Compard*, не задумываясь, передала в руки правосудия своего несчастного соучастника, который был до известной степени ее жертвой. *Bistor* был арестован по доносу своей любовницы *Perrin* именно в ту минуту, когда направленное против него следствие должно было прекратиться за недостаточностью улик.

Благодаря всем только что перечисленным моментам доносы и разоблачения со стороны преступниц — явление довольно частое. Этим объясняется, почему интеллигентные преступники всегда относятся с величайшим недоверием к женщинам. В шайке *Chevalier* и *Abadie* были только две женщины, именно их любовницы; прочие же члены шайки ни под каким видом не должны были обзаводиться постоянными сожительницами.

21. Заключение. Таков нравственный облик врожденной преступницы, которая обнаруживает большую склонность сливаться с мужским типом. Мы находим и в криминальной ее психологии атавистическое ослабление ее вторичных половых признаков, которое мы уже отметили при антропологическом изучении. Ее усиленная половая чувствительность, слабый материнский инстинкт, склонность к бродячей, рассеянной жизни, интеллигентность, сме-

лость и способность подчинять своей воле путем внушения слабохарактерные существа, наконец, ее тяготение к мужскому образу жизни, мужским порокам и даже к мужской одежде — все это изобличает в ней то одну, то другую особенность чисто мужского характера. Ко всему перечисленному следует прибавить еще отвратительные черты, свойственные исключительно женской натуре, как мстительность, коварство, жестокость, лживость, страсть к нарядам и пр. и пр.

Все эти качества выражены то в большей, то в меньшей степени у отдельных индивидов. Некоторые из них, например *Bouhors*, обладают громадной физической силой, но плохими умственными способностями. Другие, как *P.*, физически слабы, но зато отличаются умом и замечательной изобретательностью. Там же, где все эти черты соединены вместе, мы имеем дело с самыми ужасными, по счастью редкими, типами женской преступности. Такою именно была *Bell-Star*, еще недавняя гроза и ужас жителей Техаса. Уже воспитание ее сильно благоприятствовало развитию ее природных качеств характера. Именно будучи дочерью одного партизанского предводителя партии Юга в войне 1861—1865 годов, она провела свое детство и юность среди ужасов, грабежей и убийств, которыми эта война сопровождалась, и в 10 лет уже отлично владела, к общему удовольствию окружающих, лассо, револьвером, ружьем и *bovre knife*. Сильная и смелая, как мужчина, она охотнее всего объезжала диких лошадей и однажды в Оакланде выиграла в течение одного и того же дня два приза на скачках. Она была очень чувственная натура и никогда не удовлетворялась одним любовником; у нее их было столько, сколько *desperados* и *outlaws* было в Техасе, Канзасе, Небраске и Неваде. В 18 лет она стояла уже во главе шайки диких бандитов, которых вполне подчинила своей воле умом и обаятельной наружностью. С этой бандой она нападала на города и грабила их, давая настоящие сражения отрядам правительственных войск. Иногда она одна, переодевая мужчиной, появлялась в многолюдных местах среди белого дня. Однажды она провела ночь в той самой гости-

нице, где находился судья, разыскивавший ее, и даже ночевала в одной с ним комнате, причем последний, конечно, и не подозревал, что его товарищ по комнате — женщина. Судья этот накануне хвастал за общим столом, что он, наверное, узнал бы Bell-Star и схватил бы ее, если б ему пришлось где-нибудь с ней встретиться. Наутро, после ночи, проведенной вместе, она назвала себя, обругала судью, избила его кнутом, вскочила на лошадь и умчалась. Она оставила мемуары. Самым горячим желанием ее было, как говорила она, умереть в сапогах. Желание ее исполнилось, потому что она была убита во главе своей шайки во время одной стычки с правительственными войсками.

Другим замечательным разбойником в юбке была французенка Zélie. Очень одаренная от природы, прекрасно владевшая тремя языками, привлекательная по своему уму и наружности, она уже с детства отличалась вероломным характером и чувственностью. Попав благодаря одной любовной истории в общество североамериканских бандитов, она сделалась атаманом одной шайки их. Гордая и храбрая, она выступала во главе их навстречу всякой опасности и никогда не теряла своего мужества: на краю пропасти при экспедиции в горы, во время землетрясения, эпидемии и в бою — она была постоянно одинаково спокойна. Умерла она в одной французской больнице для психических больных при явлениях очень тяжелого истерического припадка.

Многokrатно упоминаемая Ottolenghi 17-летняя воровка и проститутка М. Р. начала свою карьеру тем, что на 12-м году обокрала своего отца и растратила со своими подругами украденные деньги на лакомства. В 15 лет она убежала из дому с одним любовником, но скоро оставила его, чтобы отдаться проституции, и организовала в 16 лет настоящую торговлю 12—13-летними девочками, которых продавала за громадные деньги богатым мужчинам, уделяя из своих доходов этим несчастным детям по несколько су. Не довольствуясь этим, она вымогала еще у своих богатых клиентов значительные суммы денег, угрожая им публичными скандалами. Из мести она совершила два тяж-

ких преступления, в которых сказались основные черты ее характера: жестокость и хитрость. Она заманила за город одну из товарок своих, дурно отзывавшуюся о ней, и, пользуясь пустынностью места и наступившими сумерками, напала на нее, повалила на землю и била ключом до тех пор, пока та подавала еще признаки жизни. После этого она преспокойно вернулась в город. Когда кто-то ей заметил, что она могла таким образом убить свою товарку, она отвечала: “Ну так что ж? При этом свидетелей не было!” В другой раз говорили о том, что ключом убить человека нельзя. “Отчего, — возразила она, — если бить сильно в виски, можно убить и ключом”. Другая жертва ее была одна из ею же проданных девочек, красота и успехи которой в качестве кокотки возбудили такую зависть и ненависть ее, что она подсыпала ей в кофейне яд в чашку кофе, и та спустя несколько часов умерла.

Приведенные случаи подтверждают раньше сформулированный нами закон, что настоящие женские преступные типы более ужасны, нежели мужские.

СЛУЧАЙНЫЕ ПРЕСТУПНИЦЫ

Рядом с врожденными преступницами, являющимися типичными представительницами самой полной и абсолютной нравственной извращенности, находится другая, значительно большая группа преступниц, порочность и испорченность которых достигают сравнительно незначительной степени и у которых не отсутствуют душевные достоинства, свойственные специально женщинам, как стыдливость и материнский инстинкт. Мы говорим о случайных преступницах, составляющих большинство среди преступных женщин.

1. Физические признаки. У этого класса преступниц не наблюдаются какие-нибудь особенные дегенеративные признаки, и исследованные нами женщины в 54% совершенно свободны от них. Равным образом у них не встречается аномалии в области чувств: например, в 15% их вкусовое чувство и в 6% — обонятельное оказались очень тонкими и т.д.

2. Нравственные качества. То же самое замечается и в отношении нравственных черт характера этого класса преступниц. Guellot в следующих словах описывает типичных случайных преступниц: обыкновенно они более мужчин доступны чувству раскаяния, скорее возвращаются на путь добра и реже рецидивируют в преступлении, если не считать, конечно, некоторых исключений, которые представляют собою совокупность всякого рода пороков... При знакомстве они легко завязывают друг с другом теплые, сердечные отношения.

Надписи, делаемые мужчинами на стенах в тюрьмах, содержат обыкновенно всевозможные проклятия, угрозы, дурачества или же непристойности; напротив, надписи женщин всегда приличны и говорят преимущественно о любви и раскаянии. Вот некоторые собранные нами образчики их:

“В этой клетке, где томлюсь я, вдали от тебя, мой милый, я страдаю и вздыхаю о тебе”.

“Жан меня более не любит, но я его вечно буду любить”.

“Вы, которым придется сидеть в этой камере, называемой “Sourcière”, если вы не разлучены с любимым существом, горе ваше — наполовину горе”.

“О чем может говорить в этом одиночестве мое сердце, кроме тех страданий и мук, которые переносит оно из-за моего милого”.

“Генриетта любила своего дружка, как только может любить женщина, но теперь она его ненавидит”.

“Клянусь никогда не повторять более этого, потому что довольно с меня этих мужчин; любовь — причина того, что я теперь нахожусь здесь; я убила своего любовника; не верьте мужчинам — они все лгуны”.

“Людской суд — пустяки; божеский — это все”.

“Бог по бесконечному милосердию своему милует и нас, грешных”.

“Пресвятая Дева, Богородица, прибегаю к Тебе и ищу Твоей защиты”.

Чувство стыдливости также очень развито у этой категории преступниц. В Париже многие из них всячески сопротивляются своему заключению вместе с проститутками в тюрьму St.-Lazare. Масе пишет по этому поводу следующее: “Женщины эти всеми силами стараются не попасть в тюрьму St.-Lazare, которая внушает им отвращение. Для них заключение в ней — это стыд и вечный позор. При одной только мысли об этом они приходят в ужас, и ни одна женщина не соглашается следовать туда добровольно”. Точно так же и Guillot наблюдал известный антагонизм между проститутками и преступницами, содержащимися в этой тюрьме. Последние питают очевидное отвращение и презрение к продажным женщинам, которые в свою очередь платят им той же монетой. Напротив, врожденная преступница не будет относиться подобным образом к проститутке: отсутствие у нее стыдливости хорошо согласуется с полным бесстыдством этой последней.

Guillot отмечает у заключенных чувство живой материнской любви, питаемой ими к своим детям. Очевидно, что речь идет здесь только о случайных преступницах, потому что мы уже убедились на многочисленных примерах, что у врожденных преступниц материнский инстинкт совершенно отсутствует. “В тюрьме св. Лазаря, — пишет Guillot, — у заключенных часто доходит дело до ревности

и неприязненных стычек благодаря чувству материнской гордости. Каждая мать хочет, чтобы более всего восхищались и любовались ее ребенком, чтобы все считали его самым здоровым и красивым. Разрешение от бремени в тюрьме приводит в сильнейшее возбуждение все население ее; буйные арестантки, которых нельзя было смирить даже арестом в темном карцере, успокаиваются и делаются послушными, как только им угрожают разлучить с детьми”.

Кроме стыдливости и материнской любви мы находим у случайных преступниц и другие нежные и благородные чувства, свидетельствующие о том, как мало отклоняются они от нормального женского типа. Так, Guillot отмечает их доверие и привязанность к своим адвокатам, в которых они видят нередко истинных защитников своих и к которым привязываются с почти детской доверчивостью, особенно если они молоды и недурны собою. Так, одна надпись гласила следующее: “Меня арестовали за то, что я украла 2000 франков, но это ничего — у меня есть адвокат”. В этом видна характерная потребность женщины в посторонней опоре. У врожденной преступницы эта черта характера совершенно отсутствует: наполовину мужчина по своим привычкам, эгоистичная до крайней степени, она ищет не защиты, но подчиненности и удовлетворения своих страстей. У случайных преступниц эта потребность в опоре вырастает нередко в самоотверженную любовь, между тем как врожденные преступницы знают одну только лишь грубую чувственность. “Они, — говорит Guillot, — отлично понимают разницу между такими женщинами, которые из желания спасти своего любовника компрометируют его, как это было в процессе Pranzini, и другими, которые выдают своих любовников с целью отделаться от них или спасти собственную шкуру, как это имело место в процессах Marchandon’a и Prado. Они сочувствуют первым, на месте которых они поступили бы точно так же, но презирают и ненавидят других, у которых оказалось так мало самоотверженности и великодушия”. Так, Gabrielle Fénaugon, предательски выдавшая своего любовника, во время своего содержания в тюрьме St.-Lazare не смела пока-

заться во дворе, потому что на нее напали бы все прочие арестантки и учинили бы с ней жестокую расправу. Итак, случайная преступница способна к истинной любви, между тем как врожденная — только к грубому удовлетворению своих похотливых инстинктов.

Но чтобы лучше понять характер этих случайных преступниц, мы должны рассмотреть с психологической точки зрения те обстоятельства, которые увлекают их на путь преступления.

3. Внушение. Очень часто женщина совершает преступление даже помимо своего желания, благодаря внушению со стороны любовника или кого-нибудь из окружающих, как, например, отца, брата и т.п. “Эти, — сказала нам одна тюремная надзирательница о случайных преступницах, — не поступают, как мужчины: их доводят до преступления не дурные страсти, но воля их любовников, для которых они воруют и жертвуют собой часто без всякой пользы для себя”.

Характерными чертами преступлений этих женщин являются: продолжительность времени, которое необходимо, пока лукавый — по выражению *Sighele* — не попутает их, затем неуверенность при совершении преступления и, наконец, раскаяние после него*.

Некую *L.* любовник ее уговорил отравить своего мужа, для чего и дал ей пузырек с серной кислотой. Но у нее не хватило духу исполнить задуманное преступление, и она, растерявшись, в решительный момент уронила на пол пузырек с кислотой и призналась во всем мужу.

Guiserrina P., сирота 17 лет, была обольщена одним богатым стариком, который потом женился на ней. Но брак этот был несчастлив, и муж оставил ее, когда она родила дочь, которую он не хотел признать своим ребенком. *Guiserrina* была предоставлена самой себе с ежемесячной пенсией в 30 франков после той роскоши, в которой она жила до этого. Она начала вести беспорядочную жизнь и сделалась любовницей некоего *Guillet*, грубого, развратного крестьянина, совершенно подчинившего ее своей

* *Sighele. La coppia criminale, 1893; Arhiv. di Psych. XIII и XIV.*

воле и задумавшего воспользоваться ею для убийства ее мужа, богатством которого он хотел воспользоваться. Она уступила его требованиям и, арестованная вместе с ним, высказала на суде раскаяние в следующих словах: “Бог простит мне этот грех, потому что я была так несчастлива, без всяких средств, не имея даже куска хлеба. Когда я обращалась к родственникам за помощью, они грубо меня отталкивали. Потом я встретила с Guillet, который меня погубил. Он причина моего несчастья и преступления”.

М. R., женщина без каких-нибудь тяжелых дегенеративных признаков, отличавшаяся постоянно трудолюбием и честностью, покинула родительский дом, чтобы избавиться от пытавшегося изнасиловать ее отца и брата, толкавшего ее на путь проституции, чтобы иметь возможность жить на ее счет, ничего не делая. Она убежала с одним негодяем, которого любила и любовницей которого она, конечно, сделалась. Но, не находя работы, молодые люди скоро впали в большую нужду, и любовник заставил ее принять участие в ограблении одного магазина золотых вещей, на что она согласилась только после долгого сопротивления, и то потому, что он угрожал в противном случае бросить ее. Но при этой краже она вела себя так неловко и неуверенно, что легко была поймана, не делая даже попыток к бегству или сопротивлению. Она во всем созналась и раскаялась. При ближайшем знакомстве с нею мы находим у нее некоторые мужские черты, как, например, большую физическую силу, энергию и отсутствие материнской любви. Перед родами она говорила всем, что ее будущий ребенок интересует ее очень мало.

Особенно часто подвергаются внушению любовницы и соучастницы воров. По этому поводу Guillot говорит: “Для них совершают мужчины большинство своих краж. Часто они действительно не знают, откуда те достают средства на удовлетворение их прихотей, но нередко они умышленно закрывают на это глаза, делая вид, что ни о чем не догадываются, так как у них не хватает сил противостоять злу, или же они поддаются угрозам и ослепляющей их страсти”. К этому классу случайных преступниц, находящихся

под влиянием внушения, принадлежит большинство женщин, осужденных за производство себе выкидышей, между тем как детоубийцы, напротив, ближе подходят к типу преступниц, действующих под влиянием страстей. Инициатива и производство выкидыша редко, как справедливо замечает Sighele, принадлежат женщине: обыкновенно мужчина первый настаивает на аборте, боясь беременности своей возлюбленной и родов. Так было в случае Fourgoux, заставившего абортировать свою любовницу, жену одного морского офицера, бывшего в отлучке, с которым он находился в дружественных отношениях. Giorgina Bogas, изнасилованная и забеременевшая от любовника своей матери, разрешившись от бремени, помогала умертвить свое новорожденное дитя, следуя его требованиям. Влияние его на эту кроткую женщину было так сильно, что она на суде, для спасения его и своей матери, взяла всю вину на себя. Lemaire, изнасилованная своим родным отцом, абортировала по его настоянию два раза, но здесь на девушку действовало уже не столько внушение, сколько страх; она ненавидела и боялась своего отца, который был на все способен, но не смела послушаться его, потому что в противном случае он пускал в ход кулаки и запирал ее в ужасный погреб. Когда однажды она попробовала выйти из дома без его позволения, жестокий отец поставил ее на колени на острую косу и в таком положении заставил ее просить у него прощения.

Иногда внушение есть следствие влияния не столько властного, с сильной волей любовника, сколько заразительного примера. Беременность оказывается для девушки в один прекрасный день неожиданным сюрпризом; она была бы счастлива выйти как можно скорей из такого компрометирующего положения, но решительно не знает, как это сделать. Тогда на сцену обыкновенно является какая-нибудь услужливая подруга, удачно выпутавшаяся из подобного же положения. Она указывает ей на опытную акушерку, к которой следует обратиться, описывает ей всю эту процедуру выкидыша как очень простую и нисколько не опасную для здоровья, уверяет, что об этом никто не узнает, как не узнали и про нее, — словом, уговаривает ее решиться. Весь этот процесс внуше-

ния, начиная первой мыслью об аборте и кончая твердо принятым решением произвести его, как нельзя лучше рисует следующее письмо, найденное в бумагах одной акушерки:

“Милостивая государыня!

Одна подруга моя, г-жа Х., посоветовала мне обратиться без всякого стеснения к вам и вполне положиться на вашу скромность. У меня к вам очень щекотливое дело: я беременна, и эта беременность приводит меня просто в отчаяние. Я хорошо знаю, что любовник мой покинет меня, как только у меня будет ребенок, и этого я больше всего боюсь; пока же он об этом еще не подозревает. Моя подруга уверила меня, что вы можете освободить меня из этого положения без опасности для моего здоровья и без того, чтобы кто-нибудь об этом узнал. Будьте добры назначить, где мы можем увидеться с вами, и примите уверение в моей вечной благодарности”.

В других случаях мотивом выкидыша является очень большое число детей или бедность. Мысль об аборте кажется вполне естественной: к чему увеличивать число бедняков на свете еще одним существом? Так рассуждают даже матери, которые любят своих детей и, вероятно, любили бы и это имеющее родиться дитя, если бы оно своим рождением не ухудшило их материальное положение. В подобном взгляде нет, по мнению их, ничего преступного: здесь убивается не живое существо, а нечто еще не существующее, что живет пока лишь в одних мыслях. Об одном таком процессе, в котором Zola был в числе присяжных заседателей, он потом рассказал редактору Figaro следующее: “На скамье подсудимых сидела женщина, имевшая уже после трех родов четырех детей и в один день заметившая, что она опять беременна. Муж ее был поденный рабочий и зарабатывал очень мало. Бедная женщина жалуется на свое тяжелое положение соседке, и вдруг ей приходит в голову мысль: *si je savais comment faire passer ca!** Соседка ее такого средства не знает, но слышала о женщине, которая знает его. Они вместе отправляются в прачечную искать ее. Дело кончается тем, что она вводит себе

* Надо найти средство, как от этого избавиться! (фр.)

толстую иглу — и выкидыш готов. За это она дает своей спасительнице все, что у нее есть, — 4 франка... И вот все три женщины попадают пред ассизный суд... Скажите, хватило бы у вас духу осудить этих несчастных плачущих женщин, которые имеют вместе девять детей? Что касается меня — то у меня его не хватило!”

Мы находимся здесь перед искусственным созданием преступного импульса на почве внушения, которое совершенно аналогично более сильному по своим результатам гипнотическому внушению. Конечно, и здесь, как при гипнозе, субъект следует, собственно, только тем внушениям, которые наиболее отвечают его характеру, так как извне исходящему импульсу к преступлению соответствует здесь внутренняя скрытая склонность к нему, которая не настолько сильна, однако, чтобы проявиться самостоятельно, как у врожденных преступниц. Очевидно, мы имеем здесь дело с редуцированной формой криминального предрасположения, сохраняющего только известные черты врожденной преступности: у одних наблюдается отсутствие материнского чувства, склонность к беспорядочному образу жизни, непостоянство и быстрая возбудимость в эротическом отношении при легкой решимости на преступления; другие, напротив, ближе стоят к нормальной женщине, трудно поддаются преступным искушениям и, поддавшись им, скоро испытывают искреннее раскаяние в этом.

Таким образом, от нормальной женщины к преступной ведет целая серия более или менее сложных типов случайных преступниц.

Внушение преступления почти всегда исходит от любовника: половое влечение и доверие, питаемое к любимому мужчине, делают ее особенно доступной подобному внушению, тем более что многие из этих преступниц способны, как мы уже видели, на настоящую, самоотверженную любовь. В некоторых случаях они совершенно подчинены воле своих любовников, которые неограниченно распоряжаются их судьбами.

Очень редко внушение исходит и от женщины, как это было, например, в случае Юлии Vila. Vila находилась в

очень дружественных отношениях с некоей Марией Меуер, особой двусмысленного поведения, которая совершенно подчинила ее себе и избрала ее орудием мести своему вероломному любовнику. Vila разделяла негодование своей подруги, выставившей его в самом мрачном свете, и согласилась облить ему лицо серной кислотой. Непосредственно после своего поступка она испытала раскаянье и, арестованная, со слезами на глазах призналась, что не могла устоять против внушения более сильного, нежели ее воля.

Фердинанда К., немка по своему происхождению, организовала в Париже с замечательной ловкостью и энергией целую шайку домашних воровок, которых выдрессировала с чисто военной выправкой. Она завязывала отношения со всеми боннами и горничными, потерявшими свои места из-за какого-нибудь небольшого проступка (например, незначительной кражи) и сильно нуждавшимися, доставляла им хорошие места при помощи фальшивых аттестатов и заставляла красть и приносить к ней ценные вещи, которые она сбывала, уделяя себе при этом, конечно, львиную долю. Замечательно, что никто не осмеливался ослушаться ее приказаний или утаить что-нибудь из украденного для себя. Rondest, закоренелая преступница, убившая свою мать, чтобы избавиться от необходимости содержать ее, имела подругу, которая постепенно начала делить ее ненависть к матери ее и сделалась как бы личным врагом старухи. Она часто была ее, приговаривая, как и Rondest: "Довольно уже с меня того, что я должна тебя кормить еще", — точно это и в самом деле лежало на ее обязанности. Мы имеем здесь случай ненависти "à deux" в том смысле, как психиатры говорят о помешательстве "à deux".

У нормальных женщин подобное явление не наблюдается, потому что между ними дружбы, собственно говоря, нет. Самая дружба есть, как думает Sighele, также не более как особый вид внушения, которое может заходить так далеко, что одна более сильная натура совершенно подчиняет себе другую, более слабую. Поразительно то, что такая дружба встречается только у преступниц: среди нормальных же женщин она — повторяем — невозможна благодаря осо-

бого рода скрытой враждебности, постоянно существующей между ними. Итак, дружба — это особый вид внушения, которое — как и всякое внушение — имеет место тогда, когда один индивид значительно уступает другому в степени своего умственного развития. Но нормальные женщины в большинстве случаев представляют, как известно, в умственном отношении совершенно однородную массу и вполне походят одна на другую: среди них совершенно невозможны ни внушение, ни подобного рода дружба, выражающаяся взаимным подчинением одного субъекта другому. Зато между отдельными преступницами наблюдаются, в силу вырождения, огромные разницы в умственном развитии, нередко доходящие до чудовищных размеров, благодаря которым может иметь место факт внушения: так, нравственно уродливая врожденная преступница, почти мужчина по своим особенностям, может влиять и подчинять себе полупреступную женщину с ее скрытыми дурными инстинктами.

4. Образование. Обстоятельством, которое все чаще и чаще служит причиной преступности многих нормальных в нравственном отношении женщин, является странное противоречие, благодаря которому им позволяется получать высшее образование, но они не могут применять его служением обществу на поприще тех или других свободных профессий. Многие интеллигентные женщины, потратив массу денег и труда на свое образование, в один прекрасный день убеждаются, что они ничего им не достигли. Испытывая нужду и вполне справедливо сознавая, что они заслуживают лучшей участи, они лишены даже надежды выйти замуж, потому что мужчины не любят обыкновенно истинно образованных женщин. Итак, им остается выбор между самоубийством, преступлением и проституцией; честные девушки предпочитают первое, другие — делаются воровками и проститутками. Масé сообщает, что многие девушки в Париже, готовящиеся к педагогической деятельности, заканчивают свою карьеру в тюрьме св. Лазаря, куда они попадают обыкновенно за воровство перчаток, вуалей, зонтиков и тому подобных принадлежностей туалета, на покупку которых у них нет средств. Потребности, связанные с их

профессией, служат для них ближайшими причинами их падения. Масé говорит, что число гувернанток в Париже без мест с элементарным и высшим образованием так велико, что диплом или звание учительницы дает меньше права надеяться на кусок хлеба, чем сделаться воровкой и проституткой или же покончить жизнь самоубийством.

М., дочь одной эксцентричной, непрактичной женщины, получившая высшее литературное образование и достигнувшая даже ученой академической степени, но не подготовленная, однако, ни к какой практической деятельности, очутилась в 23 года круглой сиротой и без всяких средств к жизни. Она искала место гувернантки, но напрасно, и в конце концов должна была сделаться сельской учительницей в одной деревне. Но и это скромное место она скоро потеряла, так как население деревни этой не захотело иметь учительницей протестантку. Она снова очутилась в очень бедственном положении, выход из которого она нашла в том, что брала в долг драгоценности у ювелиров, продолжавших считать ее богатой девушкой, и закладывала их или продавала за полцены. Окончательно запутавшись в подобного рода мошеннических проделках, она была арестована и умерла в тюрьме еще до суда над ней от стыда и перенесенных лишений.

5. Искушение и соблазн. Преступления, особенно против собственности, являются часто последствием искушения, которому не в состоянии противиться женщина, даже почти совсем нормальная. Говоря о нравственности нормальной женщины, мы уже видели, что у нее слабо развито уважение к чужой собственности. Между прочим, подтверждение этого мы находим в обстоятельстве, указанном Richet, что в парижское бюро утерянные вещи доставляются почти исключительно мужчинами. Одна опытная, образованная женщина уверяла нас, что женщине очень трудно не мошенничать во время игры. Понятно, что там, где и без того имеется такое слабое представление о неприкосновенности чужой собственности, не требуется особенно сильного искушения, чтобы нарушить ее, и нельзя еще считать женщин тяжело дегенерированными только за то, что они смотрят на подобный поступок против чужой собст-

венности как неуместный или, вернее, дерзкий проступок, но отнюдь не как на преступление. “Женщины, — справедливо замечает Joly, — имеют какое-то непонятное представление о том, что им все позволительно относительно мужчин, так как они все искупают своей лаской и своим подчинением им”. Воровство в магазинах сделалось специальным видом женской преступности со времени возникновения теперешних чудовищных базаров. Мысль о воровстве является здесь у женщины как бы сама собою при виде бесчисленного множества разбросанных товаров, возбуждающих аппетит и желания, которые, однако, могут быть удовлетворены лишь в весьма незначительной степени. Искушение тем значительнее, что наряды являются, как известно, для женщины необходимостью, средством привлечь к себе другой пол. Особенно велик соблазн украсть что-нибудь в больших магазинах, между тем как в маленьких магазинах подобные скандалы почти никогда не случаются. Один служащий в известном парижском магазине “Au Bon Marche” рассказывал Joly, что из 100 утайщиц из магазинов 25 являются профессиональными воровками, таскающими все, что ни попадаетея им под руки, 25 — крадут из нужды, а 50 — суть воровки, как он выражается. “par monopomanie”, т.е. они, оставляя в стороне специально психиатрический смысл этого слова, суть такие воровки, которые более или менее обеспечены в материальном отношении, но не могут противостоять искушению при виде стольких прекрасных вещей, возбуждающих их жадность; между ними попадаютея, конечно, и субъекты, страдающие настоящей клептоманией. Масе полагает, что в Париже в каждом из 30 больших магазинов случается ежедневно по 5 краж. Он уверяет, что из 100 подобных воровок действительно бедной оказываея, быть может, только одна, между тем как все прочие состоятельны, чтобы не сказать богаты, и воруют потому, что привыкли к роскоши, как к потребности, и чувствуют при виде ее сильный соблазн, которому легко поддаются. Zola очень верно изобразил подобный вид воровства в своем романе “Au bonheur des dames”. Он особенно живо описывает влияние

на женщин всевозможных весенних и осенних модных выставок, которые они посещают так же, как инженер — выставки машин, даже не имея в виду ничего купить.

Однако при виде такого соблазна они устоять не могут и кончают тем, что или делают покупки, которые совершенно подрывают их скромный бюджет, или же решаются на воровство.

Домашние кражи, совершаемые женской прислугой, почти все принадлежат к разряду так называемых случайных преступлений. Деревенские девушки, являясь в город, поступают на службу в богатые или зажиточные дома, где им все кажется, как у миллионеров. У них на руках находятся деньги для покупок или драгоценности, и если к этому соблазну присоединить еще то, что они в большинстве случаев получают очень скромное жалованье, то станет понятным, каким образом они доходят до воровства. Начинается дело обыкновенно тем, что они вступают в маленькие плутовские сделки с разного рода поставщиками товаров. Затем они пробуют украсть какую-нибудь серебряную или иную драгоценную вещь, но совсем не считают это воровством, а просто ловко выкинутой штукой. Тарновская нашла в своем материале около 49% воровок, бывших до того, как они попали на скамью подсудимых, “одной прислугой” в небольших хозяйствах. Подобное место занимали они без всякой предварительной подготовки к нему и потому получали, конечно, мизерное жалованье. Тот факт, что между воровками преобладают в таком количестве служанки, говорит за то, что здесь дело идет о случайных преступницах.

Итак, при таком слабом сопротивлении преступному искушению, особенно в деле присвоения себе чужой собственности, такие кражи превращаются с течением времени в привычку, а случайные воровки — в привычных. Это особенно часто наблюдается в больших городах среди женской прислуги, которая обыкновенно, за редкими исключениями, обкрадывает своих хозяев. Balzac очень ярко изобразил эту общественную язву, какою она представлялась в его время. “Обыкновенно, — говорит он, — повар и кухарка — это домашние воры, дерзкие, которым нужно

еще платить. Прежде служанки эти тащили по 40 су для лото, теперь же они воруют по 50 франков для сберегательной кассы. Они собирают свою дань в часы между базаром и обедом, — и Париж не знает другой такой высокой пошлины с привозных товаров, как та, которую взимают эти женщины, считая свои покупки на базаре не только по двойной цене против их стоимости, но и пользуясь еще скидкой известного процента у поставщиков.

Перед этой новой силой трепещут даже самые крупные купцы, и все они без исключения стараются задобрить ее в свою пользу. При попытке контролировать этих женщин они говорят грубости и мстят сплетнями самого низкого свойства. Мы дошли уже до того, что в настоящее время прислуга осведомляется друг у друга о господах точно так же, как мы делали это прежде относительно ее”.

Зло это, по уверению г-жи Grandpré, с тех пор еще более разрослось в Париже. Таким образом, путем обкрадывания своих хозяев прислуга нередко сколачивает себе изрядный капиталец и становится почтенной особой в том участке, где она живет. Молодые девушки, приезжающие из провинции, обучаются этому искусству у старых и опытных. Г-жа Grandpré слышала в тюрьме St.-Lazare следующий печальный рассказ: “Одна молодая девушка приехала из провинции в Париж, чтобы заработать место в одном богатом доме, где ей приходилось за ничтожное жалованье исполнять самые тяжелые, черные работы. Кроме этого, ее отвратительно кормили и поставили в зависимость от другой прислуги, которая ее тиранила. Однажды вечером, когда она сидела в своей каморке и, плача, предавалась грустным размышлениям насчет своей будущности, ее начала утешать другая горничная, старшая и более опытная, чем она, и, между прочим, указала ей на множество средств улучшить свое тяжелое положение. Молодая девушка не без борьбы уступила ее советам, хотя она и не видела в них собственно ничего дурного. Она начала воровать и обкрадывать своих хозяев и в конце концов попала на скамью подсудимых. Учительница ее продолжала, по словам ее, делать то же самое, но так ловко, что не попадалась, имеет много денег, и хотя она обык-

новенная горничная, но все лавочники их околотка относят к ней с уважением и первые кланяются ей”.

Что воровки в большинстве случаев только случайные преступницы и мало чем отличаются от нормальных женщин, доказывается также наблюдением Тарновской, что в тюрьмах они постоянно оказываются более трудолюбивыми, нежели проститутки, и годятся на всякие работы; они больше задумываются над своим будущим, делают сбережения, более стойки.

Итак, у индивидов этой категории отсутствуют многие основные черты типичных преступниц.

6. Заброшенность в детстве. Несчастные, брошенные в детстве или же выросшие без присмотра со стороны родителей девочки часто становятся случайными преступницами и после первого же наказания превращаются обыкновенно уже в привычных преступниц, во-первых, вследствие того, что они отвыкли от работы, и, во-вторых, потому, что не могут найти ее, как лица с скомпрометированным прошлым. Если ребенку несвойственно уважение к чужой собственности и оно развивается в нем только с течением времени путем подражания и упражнения, то тем более понятным становится в таком случае значение заброшенности детей и вырастание их без родительского надзора, ибо даже лучшее воспитание и самые благоприятные жизненные условия не в состоянии заменить влияния семейной жизни. Значения этого фактора касается и Тарновская, говоря о русских воровках из простонародья, которых она наблюдала. “Кандидатка в преступницы, — замечает она, — вырастает не приученная к какой-нибудь работе или деятельности, часто страдает от холода и голода, не находит дома ни хлеба, ни теплого угла, а только дурное обращение и побои; в один день такое существование надоедает ей, и она отдается за какое-нибудь лакомство или же крадет то, что ей более всего нравится, искупляя, таким образом, тюремным заключением свое происхождение от бедных, нравственно испорченных родителей. Из тюрьмы она выходит с большим опытом и подготовкой, чтобы во второй раз уже не так легко попасться; первая совершенная ею кража легла пропастью между ней и ее семейством, и отныне

для нее открыт только один путь — именно путь преступления и разврата”.

7. Дурное обращение. Далее в числе причин, создающих случайных преступниц, следует отметить дурное обращение и насилие, к которому часто прибегают в обращении друг с другом женщины, особенно известных классов общества. Благодаря постоянной взаимной антипатии между ними отвращение и ненависть друг к другу возникают у них из-за самых ничтожных причин, и дело часто доходит до драк, которые по отношению к современной женщине являются тем же, чем было в варварские времена убийство, т.е. нормальной реакцией на нанесенное ей оскорбление. Об известном классе парижанок Масе́ говорит следующее: “Из-за немного пролитой на общей лестнице воды две соседки начинают ссору, которая часто переходит в драку; дело доходит до суда, и виновная приговаривается обыкновенно к денежному штрафу, который она отказывается платить, и попадает в тюрьму. Такие истории случаются на каждом шагу между соседками, конкурирующими торговками, женами швейцаров и жилищами, между прислугой и женой швейцара, даже между дамами из более высоких слоев общества”.

8. Нищенство. В то время как нищенство является у мужчины почти всегда следствием дегенерации и продуктом врожденной склонности к бродяжничеству и отвращению к труду, оно у женщин сплошь да рядом только случайное преступление. Женщины реже мужчин решаются на самоубийство, так как в крайней нужде они скорее примиряются с нищенством отчасти вследствие менее развитого у них чувства гордости, отчасти вследствие большей любви к своим детям. Мы находим у Масе́ следующий рассказ про одну женщину, имевшую двух детей и едва зарабатывающую в качестве швеи один франк в день. Когда одна из ее дочерей заболела и не могла более работать, она послала свою вторую дочь просить на улицах милостыню, но маленькая нищенка была арестована и не прежде согласилась указать свой адрес, чем ей было обещано, что ее не посадят в тюрьму. Префект полиции разыскал по ее указанию бедную женщину в ужасной каморке, где-то на чердаке, но она

ни за что не хотела отдать больной дочери в больницу, боясь, что та, как и муж ее, умрет в ней. При виде этого ужасного зрелища нищеты префект не только не преследовал мать за то, что она посылает нищенствовать свою дочь, но даже подарил ей 100 франков. Масé отмечает, что у полицейских агентов очень часто не хватает духу преследовать, как показывает закон, уличных нищенок: даже и не особенно дальновидные из них понимают, что в большинстве случаев они имеют дело с случайным и невольным преступлением, и было бы бесчеловечно поступать с виновными в нем так же, как с врожденными бродягами.

9. Местные и национальные особенности преступлений.

То обстоятельство, что женщина является преимущественно случайной преступницей, объясняет собою факт, противоречащий указанной нами монотонности жизни ее в физиологическом и психологическом отношении, именно, что известные характерные преступления наблюдаются у женщин то одних, то других стран и что социальная жизнь обуславливает в разных странах такую разницу ближайших причин, предрасполагающих к преступлению, что даже и между ними имеет место более или менее значительная дифференцировка.

Так, например, сюда относится прежде всего детоубийство, очень распространенное в Швеции, потому что здесь извозчиками являются почти исключительно женщины. Последним, по роду их занятий, приходится часто бывать в отдаленных от городов местах среди грубых, полудиких мужчин; они подвергаются очень часто изнасилованиям и беременеют. Детоубийство должно в таких случаях восстанавливать невольно потерянную честь женщин.

Кража из магазинов считалась в течение известного времени специальностью француженок, пока большие магазины существовали только во Франции. Да и теперь еще зло это, кажется, распространено преимущественно во Франции; по крайней мере, все более или менее выдающиеся сообщения об этом мы находим только у французских авторов. Это объясняется тем, что нигде нет таких колоссальных, с таким вкусом составленных выставок товаров и мод, как именно во Франции.

В Соединенных Северо-Американских Штатах аборт считается специально местным преступлением, не заслуживающим даже по общественному мнению наказания. Там на каждом шагу на стенах домов и в газетах попадаются объявления о заведениях и домах, назначенных для этой цели, и еще недавно один врач рекламировал свой “институт для абортов” объявлениями, раздававшимися дамам на улицах. В этой стране, где женщина начинает все более и более заниматься профессиональным трудом и разного рода делами, к чему принуждает ее непомерное развитие капитализма, материнство является часто общественным злом, а аборт — почти необходимостью; общественное мнение настолько проникнуто там этой идеей, что не считает его совсем противозаконным поступком.

10. Заключение. Случайные преступницы, составляющие большинство среди женщин-преступниц, делятся на две категории: первая — это более или менее смягченные преступные натуры, ближе подходящие к преступным, чем к нормальным женщинам, а вторая — это индивиды, которые стоят очень близко к последним и сами по себе часто вполне нормальны, но обнаруживают благодаря жизненным условиям ту долю нравственной извращенности, которая свойственна каждой женщине и которая находится в ней при обыкновенных условиях в скрытом состоянии. К первой категории принадлежат главным образом преступницы против здоровья и жизни окружающих под влиянием внушения; ко второй — те женщины, которые нарушают права чужой собственности. Эти последние смотрят на свое преступление так же, как дети на совершаемое ими воровство, т.е. как на более или менее смелый поступок, относительно которого они отвечают исключительно перед собственником вещи, а не перед законом; иначе говоря, по их мнению, дело идет здесь о совершенно индивидуальном проступке, а не о нарушении социальных порядков. Взгляд этот соответствует первобытному состоянию человеческой нравственности и в настоящее время еще встречается у многих диких племен и народов.

ПРЕСТУПНИЦЫ ПО СТРАСТИ

Другим опровержением столь распространенных и вместе с тем столь не соответствующих истине взглядов на женскую натуру служат, между прочим, также преступления по страсти. Именно, в противоположность тому, что мы наблюдаем у мужчины, женщина-преступница по страсти приближается то к врожденной, то к случайной преступнице: обдуманность намерения и нравственная испорченность играют в ее преступлениях значительно большую роль, чем у мужчин. Во всяком случае, признаки, свойственные индивидам обоих полов, совершающих преступления по страсти, довольно многочисленны.

1. Возраст. Как и у мужчин, у этого рода преступниц преобладает преимущественно молодой возраст. Преступления обыкновенно совершаются ими в период самого полного расцвета половой жизни. Так, например, Vinci было, когда она запятнала себя преступлением, 26 лет, Conne-mune — 18, Provensal — тоже 18, Jamais — 24, Stakelburg — 27, Daru — 27, Laurent — 22, Hogg — 26 и Noblin — 22. Все политические преступницы были, как известно, большею частью молоды (Sahla было 18 лет, Charlotte Corday — 25, Renault — 20 лет и т.д.).

Но даже и между преступницами из-за любовной страсти попадают субъекты более или менее пожилого возраста, тем более что у них юность и половое влечение как-то особенно быстро проходят. Так, Lodi была далеко не молода, когда она влюбилась в одного сослуживца своего и по его совету украла ценных бумаг на 20 000 франков, причем передала всю эту сумму своему любовнику, не оставив себе ни одного франка. Dumaire убила своего любовника, когда ей было 30 лет, а Perrin, будучи уже 40 лет, покушалась на жизнь своего мужа.

2. Признаки вырождения. У преступниц по страсти отсутствуют обыкновенно дегенеративные признаки и специальные аномалии лица, кроме сильного развития челюстей и мужского склада физиономии.

3. Мужские черты и особенности. У многих преступниц этой категории наблюдаются мужские черты характера. Так, например, некоторые из них питают страсть к оружию. Clovis, Hugües и Dumaire любили стрелять в цель, Raymond в Париже ходила всегда вооруженная кинжалом и револьвером и эту привычку носить с собою оружие вывезла из Гавайи, где все женщины носят постоянно при себе оружие. Souhine отличалась, по мнению свидетелей, гордым, энергичным, решительным характером. Dumaire обнаружила, по наблюдению Batailles, во время своего процесса умение выражаться категорически и точно, соблюдая логическую последовательность своих мыслей. Многие из этих преступниц обнаруживают особенную страсть к политике, что редко наблюдается у женщин, и становятся настоящими мученицами своего патриотизма, а подчас и своих религиозных убеждений. Daru и Noblin были обе дочерьми полудиких народов, у которых женщина обыкновенно отличается мужскими особенностями: обе они при исполнении своих преступлений обнаружили значительную мускульную силу, причем Daru заколола кинжалом своего любовника, а Noblin задушила свою соперницу. Между этими преступницами часто наблюдается также страсть к ношению мужского платья: так, В. в костюме мужчины покушалась на жизнь любовницы своего мужа.

Впрочем, следует заметить, что мужские черты встречаются не только у преступниц, но и у нормальных женщин, одаренных страстными темпераментами. Так, мы находим их у г-жи de Staël, Georges Sand и даже у Carlyle — этой святой женщины, примерной по своему самопожертвованию и кротости душевной, которая, будучи девушкой, охотно лазала по стенам и заборам и дралась на кулачках со своими школьными подругами, обыкновенно побеждая их.

4. Альтруистические чувства и страсти. У преступниц по страсти преобладают добрые аффекты, которые у них даже сильнее проявляются, чем у нормальных женщин, достигая иногда необыкновенной силы выражения. У них никогда не отсутствует любовь к родным, как у врожденных преступниц.

Ellego рассказывает следующее об известной поджигательнице Антони Р: “Все свидетели показали единогласно,

что она была превосходной женой и нежной матерью, восхваляли ее сострадательность ко всем несчастным и нуждающимся — словом, это была, по общему мнению, женщина, у которой доброе сердце преобладало над рассудком. Доброта ее была, так сказать, инстинктивна и потому слепа. Она неоднократно упрасивала мужа своего ручаться за свою сестру, когда той приходилось настолько плохо, что она должна была обращаться к нему с этой просьбой". В., женщина с мужской физиономией и некоторыми другими аномалиями, была очень любящая жена и образцовая мать. Жители околотка, где она жила, так уважали ее, что, когда разнеслась весть об ее аресте, они составили прошение за многими подписями, в котором просили об ее освобождении, ручаясь за ее безупречность. Myers, убившая своего любовника, сделалась потом превосходной матерью.

Ottolenghi нашел у В. R. очень живое нравственное чувство и чрезвычайную стыдливость. Она объяснила, что в муже ее меньше отталкивали его грубость и уродливость, чем сознание, что он был и есть любовник ее матери. Daru обожала своих детей и работала на них не покладая рук, в то время как муж ее все прокучивал и пропивал. Детоубийцы, которые большею частью принадлежат к категории преступниц по страсти, выйдя замуж в колониях, являются — по свидетельству Cége'a — почти единственными хорошими колонистками и добрыми матерями семейств. По словам Joly, в тюрьме St.-Lazare часто встречаются детоубийцы с очень мягким характером, у которых решительно ничто не указывает на заглохшую материнскую любовь. Despine сообщает об одной девушке, которая бросила свое дитя непосредственно после родов в яму. Когда его нашли там и принесли к ней еще живым, в ней проснулось материнское чувство. Она отогрела своего ребенка, начала кормить его и с тех пор стала очень страстной матерью. Souhine была настолько горда, что предпочла умереть со своими детьми, чем пойти собирать милостыню. Du Tilly трогательно заботилась о будущности своих детей и о том, чтобы не давать возможности своему легкомысленному мужу компрометировать свою семью. Jamais осталась честной и чистой даже в самой крайней бедности и

писала своему любовнику: “Я берегу себя для тебя”. Dumaire, разбогатевшая благодаря проституции и сомнительному браку, оставшись вдовой, выказала много щедрости и доброты по отношению к своим родным.

5. Страсти как мотивы преступлений. Самой сильной страстью, чаще всего доводящей женщин до преступления, является любовная страсть. Преступницы по страсти любят сильнее, чем нормальные, в сущности, холодные в эротическом отношении женщины. Со страстностью Элоизы и с наслаждением приносят они себя в жертву любимому мужчине, игнорируя нередко общественное мнение, обычаи и даже законы. Vinci пожертвовала для своего любовника своими длинными волосами, единственным, что в ней было красивого. Jamais, несмотря на то что должна была содержать себя и двух детей, посылала еще деньги и подарки своему возлюбленному. Dumaire содержала своего любовника Picard’a в то время, как он был студентом, и никогда не требовала от него, чтобы он на ней женился, довольствуясь лишь тем, чтобы он ее не покидал и продолжал связь с ней. Spinetti, которая когда-то была богатой, решила для исправления своего нравственно испорченного мужа пойти служить и сделалась служанкой. Noblin была так предана своему любовнику, что не могла расстаться с ним, несмотря даже на то что была, в сущности, честной натурой, а последний преступником; в угоду ему она абортировала три раза и совершила даже преступление, противное ее природной доброте.

Страстная любовь этих женщин объясняет нам, почему почти все они, несмотря на свою душевную чистоту, имеют в своей жизни такие любовные связи, которые с точки зрения общественного мнения считаются незаконными. Девичество и замужество суть общественные установления, которые, как и все обычаи и нравы, рассчитаны на средний тип нормальной женщины, т.е. на ее холодность и сдержанность в эротическом отношении; страстная же любовь нарушает эти установления, как показывает пример Элоизы, не желавшей выйти замуж за Abelard’a, чтобы не повредить ему, и гордившейся тем, что она была его любовницей. Причина очень многих детоубийств кроется в неразумной, неопытной любви,

желающей стать выше известных общественных предрассудков. Таков был случай, например, сообщенный Grandpré, касающийся одной молодой девушки, убившей своего ребенка, прижитого ею от одного иностранца, которого она встретила в каком-то курорте, страстно влюбилась в него и отдалась ему. В этом отношении преступница по страсти сильно отличается от врожденной преступницы, которая отдается мужчинам только вследствие своей лени, страсти к удовольствиям или же грубой чувственности. Но благодаря какой-то фатальной склонности порядочных женщин к дурным мужчинам они обыкновенно влюбляются в легкомысленных, непостоянных и даже испорченных субъектов, которые не только бросают их после непродолжительного наслаждения ими, но усугубляют еще их страдания презрением и клеветой. В подобных случаях преобладающим мотивом преступления у таких женщин является не только горе покинутой любовницы. В случаях Camicia, Raffo, Harry и Ardoano причиной преступления было вероломство и измена со стороны любовников после клятвенных обещаний вечно любить. Любовник Provensal бросил ее, когда она забеременела, написал об этом отцу ее и в письме к ней насмеялся еще над ней, говоря, что он посещает женщин только с целью развлечения, а “aves une femme malade, — писал он, — on ne s’amuse pas”*. Vinci, пожертвовавшая для своего любовника лучшим своим украшением, сделалась потом предметом насмешек для своей соперницы, заступившей ее место в сердце ее вероломного любовника. Точно так же была покинута своим любовником и Jamais, когда она осталась без работы и последний не мог более эксплуатировать ее. Raymond обманывал ее муж с самой интимной подругой ее, но она простила их, узнав об этой измене. Однако связь эта продолжалась, и однажды она нашла письмо своей вероломной подруги к своему мужу с презрительными на ее счет выражениями и даже накрыла любовников en flagrant délit. Т., превосходная мать и жена, была в один прекрасный день покинута своим мужем для одной проститутки.

* С больной женщиной не позабавишься (фр.).

К этим мотивам присоединяется еще несправедливое презрение к покинутой со стороны общества, которое сваливает обыкновенно всю вину этого на нее. Строгость родителей и презрение окружающих еще более усугубляют ее страдания. *Jamais*, например, не была допущена к постели своего умирающего отца. *Provensal* была проклята братом за то, что она опозорила всю семью. Подобное положение дела является самым могущественным мотивом преступления для большинства детоубийц, у которых оно до известной степени связано с потребностью мстить вероломному отцу за его измену смертью ребенка. Одна детоубийца созналась в этом *Grandpré* в следующих словах: “Когда он (ребенок) родился и я подумала о том, что он останется на всю жизнь незаконнорожденным и вырастет, быть может, таким же негодяем, как его отец, мои пальцы невольно сдавили его горло...”

Статистика показывает, что число детоубийств находится в обратном отношении к числу незаконных рождений, т. е., другими словами, там, где последние, будучи более редким явлением, наказываются строже, детоубийства встречаются чаще. Итак, преступление это является следствием чаще всего страха перед позором. В городах подобные преступления скрываются легче, и потому там детоубийства встречаются реже, как это видно из следующих цифр:

		1851—1855 гг.	1875—1880 гг.
Во Франции	в деревнях	32	35
	в городах	21	22
		В деревнях	В городах
В Италии	1885 г.	34	17
	1886 г.	40	19
	1887 г.	32	18
	1888 г.	37	20

Итак, детоубийство порождается общественным мнением, подобно тому как во времена варварства оскорбление влекло за собою кровавую месть, если оскорбленный не хотел остаться обесчещенным на всю жизнь.

В некоторых случаях преступление является реакцией

на очень дурное обращение и унижение, которому подвергается женщина. Так, В. Р. пыталась отравить своего старого грубого мужа, за которого заставила ее выйти замуж мать ее, находившаяся прежде в связи с ним. Она ни за что не хотела отдаться ему, и за это жестокий муж морил ее голодом, бил и заставлял ночевать в лавке, где она была совершенно не защищена от непогоды. Spinetti зарезала своего мужа, которому принесла раньше столько жертв, после того как он жестоко избил ее, несмотря на ее беременность, заставляя обокрасть своего хозяина. С. Н. застрелила в суде человека, оклеветавшего ее самым оскорбительным образом в то время, как он всякими правдами и неправдами добился оправдания в возбужденном против него процессе.

6. Материнская и семейная любовь. Оскорбленная материнская и семейная любовь является сравнительно реже причиной и мотивом преступлений. Du Tilly, видя, что муж ее позорит честь своей семьи и разоряет ее своею незаконной связью с одной женщиной, особенно страдала при мысли, что благодаря болезни ее он сможет скоро жениться на своей любовнице, которая сделается таким образом мачехой ее детей. Это заставило ее решиться облить свою соперницу серной кислотой, чтобы сделать ее уродливой, а стало быть, и безвредной. Т. била и истязала проститутку, для которой муж бросил ее и для которой он разорял свою семью. Антония В., почти доведшая своей расточительностью семью свою до банкротства, подожгла свой дом, чтобы полученной страховой премией поправить немного свои запутанные обстоятельства. Дани убежала из дома со своими детьми от распивавшегося пьяного мужа, хотевшего их всех перерезать. Но затем, когда он заснул, она вернулась в дом и заколола его. Одна дама, портрет которой мы находим у Масе́, решилась на воровство, чтобы иметь чем заплатить за учение своего сына. Это была женщина из очень хорошей семьи, превосходно воспитанная, с прекрасным характером, но глубоко несчастная вследствие нищеты, в которую она впала после прежнего благосостояния. Арестованная за совершенное воровство, она отказалась назвать свое имя, чтобы не опозорить своего ребенка, но случайно была в суде

узнана одним из адвокатов. Несколько дней спустя после этого она умерла, сраженная своим горем.

То обстоятельство, что материнская любовь, несмотря на все выдающееся значение ее в духовной жизни женщины, является так редко мотивом преступлений, должно казаться немного странным. Но она есть своего рода профилактическое средство против пороков и преступлений, ибо боязнь причинить вред своим детям или быть оторванной от них благодаря преступлению часто заставляет мать отказаться от ее преступных замыслов мести и вообще от всяких насильственных попыток реактивного характера. Этим же объясняется, почему мать старается обыкновенно внушить своим детям терпение и снисхождение, удерживая их от мстительных порывов.

Но, с другой стороны, замечателен факт, что материнство часто является причиной психозов. Статистика показывает, что вследствие тяжелых семейных несчастий заболели психическими болезнями (процент от всего количества душевных заболеваний):

		Мужчин	Женщин
В Италии	в 1866—1877 гг.	1,6	8,4
В Саксонии	в 1875—1888 гг.	2,64	3,6
В Вене	в 1851—1859 гг.	5,24	11,2

В Турине наблюдались психические расстройства вследствие смерти детей у женщин втрое чаще, чем у мужчин; бездетность также была причиной душевного заболевания у трех женщин.

Другой фактор, исключая возможность преступлений из-за материнской любви, заключается в следующем. Женщина смотрит на своего ребенка почти как на часть самой себя, заботится о нем, как о самой себе, и принимает к сердцу все огорчения его, как свои собственные, до тех пор, пока он мал и не может обходиться без посторонней помощи. Когда же дитя вырастает, становится взрослым человеком и начинает вести более или менее самостоятельную жизнь, отдельную от матери, последняя тем не менее продолжает, хоть и издали, следить за его жизнью с полным любви участием, не

выступая уже более в роли покровительницы и защитницы его. Несправедливость, причиненная взрослому сыну или дочери, причиняет, конечно, матери страдания, но далеко не такие сильные, как в случае обиды ее беспомощного крошечного ребенка. Это напоминает распространенное в царстве животных покидание самкой на произвол судьбы своих детенышей, как только они научатся бегать или летать. Но так как маленькое дитя не принимает участия в борьбе за существование и не имеет, стало быть, врагов и преследователей, то для матери его не представляется случая к преступному вмешательству в его защиту. Единственный возможный в этом отношении случай наблюдается тогда, когда мать мстит или защищает свое дитя от дурного отца, а это встречается, по счастью, очень редко, ибо преступления против элементарных отцовских обязанностей встречаются, по счастью, в культурной среде чрезвычайно редко.

7. Страсть к нарядам и роскоши. К числу мотивов преступлений по страсти относится также странным образом связанная с чувствами, порождаемыми семейной жизнью, страсть к красивым нарядам, столь характерная для преступных женщин.

Du Tilly созналась, что больше всего возмущало ее то, что муж отдавал ее платья своей любовнице. Reumont была вне себя, узнав, какую массу нарядов и драгоценных вещей дарил своей любовнице ее муж, бывший по отношению к ней очень скупым. Т. говорила на суде, что она разыскала любовницу своего мужа, проститутку, не имея никакого намерения оскорбить ее; но когда она увидела на ней свою собственную, подаренную ей к свадьбе шаль, она не могла сдержать своего гнева и бросилась бить ее.

В других случаях возбуждение женщин вызывается оскорблением дорогих специально для них или даже почти священных в глазах их предметов. Так, например, Laurent пришла в сильнейший гнев, застав *en flagrant délit* своего мужа с горничной на своей собственной кровати.

8. Аналогичные черты у преступных женщин и мужчин. До сих пор мы находили полный параллелизм между преступными мужчинами и женщинами — преступницами

по страсти, причем только некоторые черты характера, существенные для первых, встречаются у вторых сравнительно редко. Так, преступное деяние следует непосредственно за поводом к нему только у некоторых женщин. Guerin, например, узнав, что муж ее находится со своей любовницей в Версале, немедленно отправилась туда и заколола его, а Dam зарезала своего мужа, угрожавшего ей и детям, тотчас же, как только он заснул. Равным образом и Spinetti убила своего любовника непосредственно после того, как он потребовал, чтобы она обворовала своих господ. Точно так же поступили Provensal и Jamais. Искреннее раскаяние мы наблюдаем сравнительно у немногих женщин. Noblin, например, совершив свое преступление, бросилась с криком бежать по улицам и сама отдалась в руки правосудия, а Dam пыталась даже покончить с собою, но у нее не хватило на это мужества, и она была арестована жандармами. На Антонио В., совершившую поджог собственного дома с целью получить страховую премию, при мысли о совершенном ею преступлении находил всякий раз какой-то столбняк, и она обратилась к агенту страхового общества только по настоянию своего брата, причем, получив деньги, добровольно созналась в своем преступлении. Du Tilly желала только, как говорила она, обезобразить свою соперницу, но была страшно огорчена, когда последняя лишилась благодаря ей одного глаза. Она тотчас же в вознаграждение вручила ей крупную сумму денег, постоянно осведомлялась о ее здоровье и была очень счастлива всякий раз, когда врач приносил ей на этот счет хорошие вести. Точно так же у преступниц по страсти редко наблюдается та внезапность решимости, которая характеризуется, между прочим, так, что они хватают для нападения первый попавшийся им в руки предмет или же пускают в ход ногти и зубы, подобно Guerin, Dam и Т., которая ворвалась в дом любовницы мужа своего и набросилась на нее с кулаками.

9. Отклонения от мужского преступного типа. Предшествовавшая преступлению жизнь преступниц по страсти оказывается обыкновенно не всегда безупречною: у них нередко наблюдаются черты жестокости и злости (как, например, у В., у Dav., у Andral) — черты, которые проти-

воречат обычной чрезмерной доброте преступников по страсти и благодаря которым они приближаются то к врожденным преступницам, то к случайным преступникам.

У женщин взрыв страсти часто не так силен, как у мужчин, и сама страсть развивается у них постепенно, часто в течение месяцев и даже целых годов, сменяясь периодами снисходительности и даже дружбы к намеченной жертве. У них обыкновенно замечается более холодная и обдуманная, чем у мужчин, предумышленность преступления, и самое исполнение его отличается большею ловкостью и той характерной сложностью, которая невозможна там, где преступлением руководит одна лишь страсть. Характерно, далее, для женщин и то, что за преступлением у них редко следует искреннее раскаяние и что они, напротив, очень часто находят удовлетворение в совершенной мести; еще реже среди них наблюдаются в таких случаях самоубийства.

Упомянутая нами раньше В., за честность которой, как мы видели, хотели ручаться все ее соседки, подкараулила ночью с дубинкой в руках своего мужа с его возлюбленной и напала на них. После этого происшествия муж ее оставил свою любовницу и сошелся с девушкой, служившей у них горничной. Но с этой последней В. обращалась очень неодинаково: то она прогоняла ее из дома после самых бурных сцен, то, напротив, принимала, особенно в те дни, когда сильно нуждалась, ее деньги и подарки; но в этой постоянной смене гнева и примирения всегда тлела ненависть обманутой женщины к своей сопернице. Дело окончилось тем, что однажды, когда муж ее прокучивал с этой девушкой свои последние деньги в одном веселом доме, она переделалась мужчиной, отправилась туда и, напав на свою соперницу, избила ее самым жестоким образом. Мы видим, что в данном случае решительный удар со стороны В. долго подготовлялся и что последнему предшествовал период продолжительного примирения ее с соперницей, благодаря чему она не является, в строгом смысле слова, преступницей по страсти.

Laurent, поймав своего мужа и служанку *en flagrant délit*, прогнала последнюю, но воспоминание об этом позоре так мучило ее постоянно, что спустя 6 месяцев она разыска-

эту девушку и убила ее. Ни один преступник по страсти не чувствовал бы потребности мстить спустя так много времени после обстоятельства, послужившего поводом к мести. Равным образом и образ действия du Tilly с серной кислотой не вполне отвечает характеру преступления по страсти: ее план мести был слишком утонченно-жестокого характера и для исполнения его нужно было слишком много хладнокровия для того, чтобы можно было предположить у нее в момент совершения ею преступления состояние известной нравственной неумолимости. В. Р., выданная матерью против воли своей замуж за старого и жестокого человека, подсыпала своему мужу в минуту отчаяния в похлебку его медного купороса. Но мужу похлебка эта показалась слишком кислой, и он не стал есть ее. Спустя два-три дня супруги опять поссорились, и тогда муж, найдя остаток этой похлебки и заподозрив что-то неладное по ее странному цвету, потребовал от нее объяснений на этот счет, и молодая женщина во всем призналась. И здесь, стало быть, справедливая ненависть к грубому, жестокому мужу выразилась в заранее обдуманном и предварительно подготовленном преступлении, каким, впрочем, всегда является отравление.

Преступление Reumont свидетельствует от начала до конца о большом хладнокровии и хитром расчете ее. Для доказательства достаточно припомнить необыкновенно тонкий и ловкий прием, к которому прибегла она, чтобы проникнуть в дом, где происходило свидание мужа ее с любовницей. Она именно позвонила и просунула под дверь заранее написанную записочку следующего содержания: "Поль, открой мне; Lassimonpe (муж любовницы) знает все; он сейчас явится; я пришла помочь тебе; не бойся".

Brosset разошлась со своим мужем, с которым она очень дурно жила, но ее постоянно мучила ревность. Однажды она отправилась к нему, захватив с собою нож, и, застав у него девушку, убила его. Преступнице Daru, в которой преступный тип выражен резче всего, гнев и ненависть к мужу не помешали, однако, хладнокровно обсудить, каким образом лучше всего убить его во время сна. Равным образом и Dumaire, принадлежащая по некоторым особен-

ностям своим к преступницам по страсти, имеет очень много сходства с врожденными преступницами. Будучи от природы очень неглупой и предусмотрительной, она собрала путем проституции изрядные деньги, но не была при этом, однако, настолько эгоистичной, чтобы не делиться ими со своими родными. Она познакомилась с Picard'ом, влюбилась в него, оставила распутный образ жизни и, сделавшись его любовницей, была ему верна в течение многих лет, прижив с ним дочь. Она дала своему любовнику средства получить образование и, не желая, чтобы он на ней женился, требовала от него только, чтобы он не бросал ее. Однако Picard, окончив свое образование, задумал жениться на богатой девушке, и тогда она убила его. Искренность ее сильной любви, недостойное поведение любовника ее могли бы заставить думать, что мы имеем здесь дело с преступлением по страсти, но против этого говорят различные обстоятельства, и прежде всего заранее принятое ею намерение убить Picard'a, как только он изменит ей, о чем свидетельствуют ее слова, сказанные ею задолго до преступления родным его: "S'il faut le tuer, je le tuerai"*.

Далее, характеру преступления по страсти противоречат также ее решительный и энергичный образ действия и отсутствие у нее раскаяния. Она вела себя совершенно непринужденно во время судебного разбора дела ее и заявила на суде, что не только не сожалеет о случившемся, но даже повторила бы в случае надобности это убийство еще раз, так как предпочитает видеть своего возлюбленного лучше мертвым, чем принадлежащим другой женщине.

Дав., отдавшаяся честной девушкой своему поклоннику, сержанту, после того как он обещал жениться на ней, облила его серной кислотой, когда он бросил ее беременной. Мы здесь имеем дело не с кокоткой или проституткой, мстящей своему вероломному любовнику за то, что он покинул ее, причем истинным мотивом мести является собственно эгоизм, но с честной девушкой, которой причинена тяжелая несправедливость и в преступлении которой

* "Если его нужно убить, то я его убью" (фр.).

страсть играет главную роль. Но даже и у нее мы находим черты, противоречащие характеру истинного преступления по страсти: так, например, Dav., перед тем как отдаться своему любовнику, угрожала ему смертью, если он обманет ее. Это указывает на то, что она подумывала о преступлении еще задолго до того, как на него натолкнуло ее поведение ее любовника. Далее: чтобы разыскать его, она отправилась в одно подозрительное место в сопровождении какого-то мужчины, что не может не свидетельствовать об известной свободе в ее поведении. Наконец, она прибегла к серной кислоте, чтобы заставить испытать — как она сама призналась — любовника своего горечь мести. Она не обнаружила никакого раскаяния в совершенном преступлении и многократно осведомлялась даже у тюремных врачей о состоянии здоровья своей жертвы.

Часто бывает затруднительно решить, куда именно отнести виновную: к преступницам ли по страсти или же к врожденным преступницам, так как она принадлежит, по видимому, к одной и другой из этих категорий одновременно.

Клотильда Andral, актриса (у которой любовные приключения вроде нижеописанного составляли, вероятно, далеко не редкость), сделалась любовницей одного офицера, от которого родила сына. Однако любовник вскоре покинул ее и материальное положение, в котором она внезапно очутилась, стало до того скверным, что она нуждалась даже в самом необходимом и была решительно не в состоянии содержать своего ребенка. Окружавшая ее нищета, страдания ее дитяти и циничное поведение ее любовника, не считавшего даже нужным отвечать на ее письма, довели ее до отчаяния. Она решилась облить его серной кислотой, но это ей не вполне удалось. И в данном случае характеру преступления по страсти противоречат как далеко не безупречная предшествовавшая жизнь преступницы, так равно и заранее обдуманное намерение, с которым она совершила преступление (она подкарауливала свою жертву трижды с большими промежутками один раз после другого). Но, с другой стороны, мотив ее преступления был очень серьезен и не гнезвился в какой-нибудь низменной страсти.

Итак, в приведенных примерах дело сводится не к тем взрывам страсти, которые омрачают ум даже порядочного человека, превращая его в убийцу, но к упорному, медленно развивающемуся чувству, приводящему в брожение дурные наклонности и дающему достаточно времени для того, чтобы обдумать и подготовить преступление. Нам скажут, быть может, что здесь дело идет о безусловно честных женщинах — и, в сущности, преступницы эти мало или даже вовсе не отличаются от нормальных женщин, — но это кажущееся противоречие исчезает, когда мы примем во внимание то, что уже прежде было нами сказано о нравственном чувстве нормальной женщины. Мы доказали именно раньше, что чувство это почти совершенно не развито у нее и что ей свойственны некоторые преступные наклонности, как мстительность, ревность, зависть и злость, которые, впрочем, при обыкновенных условиях нейтрализуются ее сравнительно малой чувствительностью, равно как и ничтожной интенсивностью ее страстей. Если нормальная во всем остальном женщина возбуждима более обыкновенного и у нее повод к преступлению самый серьезный, то преступные наклонности ее, физиологически дремлющие, пробуждаются: она становится в таком случае преступницей, но не вследствие силы своих страстей, которые у нее обыкновенно посредственно-слабы, но благодаря своей пробудившейся преступности. Таким образом, даже совершенно нормальная женщина может сделаться преступницей, не будучи в то же время преступницей по страсти, так как страсти ее никогда не достигают значительной интенсивности. Но они составляют тем не менее неотъемлемую часть всякого преступления, так как пробуждение в женщине ее скрытой преступности обуславливается только оскорблением самых дорогих для нее чувств.

То же самое можно сказать о преступлениях, в которых второстепенную роль играют страсти, а главную — внушение со стороны мужчины. Lodi, например, совершила кражу по приказанию своего любовника, который грозил в противном случае бросить ее. Особенно характерен случай Noblin. Она была покинута своим любовником после мно-

голетней связи с ним для другой женщины, и так как она знала о совершенном им преступлении, то угрожала ему доносом. Между тем любовник ее успел уже доверить тайну своего преступления своей новой любовнице и решил поэтому избавиться от угрожавшей ему с обеих сторон опасности устранением одной из этих женщин. Выбор его пал на вторую любовницу. Целый месяц затем он мучил Noblin разного рода подстрекательствами к преступлению, о которых она потом рассказывала на суде в следующих словах: “Он изводил меня и мучил по целым неделям, то стараясь возбудить мою ненависть к сопернице рассказами о том, как она любила его, то подзадоривая меня, что я слишком труслива для того, чтобы решиться отомстить... Промучив меня таким образом целый месяц, он однажды сказал мне прямо, что я не люблю его, если до сих пор не убила своей соперницы”. В данном случае одной страсти, как бы сильна она ни была, оказалось недостаточно для того, чтобы имело место преступление, если бы сюда не присоединилось еще внушение; следовательно, преступные наклонности бывают порою скрыты в женщине очень глубоко, если для пробуждения их нужны такие могучие средства, как внушение. Мужчина, преступник по страсти, может сильнее всего противостоять искушению преступлению или уступать ему под влиянием более сильной страсти; там же, где для совершения преступления необходимо еще влияние внушения, где возможно, стало быть, предварительное обдумывание и взвешивание всех последствий замышляемого преступного деяния, — там органическое врожденное сопротивление злу должно быть, очевидно, весьма слабым. Как показывает, между прочим, только что описанный случай, нормальной женщине свойствен известен запас дурных инстинктов, а вместе с тем и предрасположенность к подобной форме преступности по страсти.

10. Преступления по страсти эгоистического характера. Преступления, которые мы называем преступлениями по страсти эгоистического характера, совершаются не благодаря внезапному взрыву страсти, но под влиянием постепенного действия ко злу направленных импульсов. Пре-

ступницы этой категории суть обыкновенные честные, добрые и любящие натуры, и преступления их являются почти исключительно плодом постепенно нарастающего чувства ревности, порождаемой разного рода несчастьями, болезнями и пр. С одной стороны, они не вполне преступницы по страсти, но с другой — у них недостает не только более или менее серьезного мотива к преступлению, но часто даже и повода к нему со стороны жертвы, — и подобное отношение преступного субъекта к своей жертве является весьма характерным для врожденного преступника. Примером может послужить следующий случай, имевший место в Бельгии. Один молодой человек любил и был любим одной бедной девушкой, богатая кузина которой также влюбилась в него. Молодой человек хоть и был честен, но, не чувствуя в себе достаточно мужества к жизненной борьбе за свое существование, поддался искушению богатства и обручился с богатой девушкой, отказавшись от бедной. Однако незадолго до свадьбы невеста его опасно заболела, и ее начала беспрестанно мучить ревность и мысль о том, что смерть ее, которая сделает ее бедную кузину богатой наследницей ее, доставит жениху ее двойное счастье обладания богатством и любимой женщиной. Ревность натолкнула ее на мысль скомпрометировать и погубить его. Для этого она проглотила дорогой бриллиант из своего кольца и обвинила молодого человека в том, что он украл его. Отец поверил словам своей умирающей дочери и, ища после смерти ее кольцо это среди других драгоценностей ее, нашел его, к удивлению своему, без бриллианта. Экс-жених был арестован и, наверное, был бы осужден, если бы, по счастью, молва не обвинила его в том, что он отравил свою невесту с целью сделать наследницей любимую им девушку. Было произведено вскрытие умершей, и бриллиант был найден у нее в желудке.

Другой случай. Некая Dergw., счастливая, очень любящая женщина безупречного поведения, заболела вдруг на высоте своего счастья чахоткой и в течение нескольких месяцев очутилась на краю могилы. Ее любовь к мужу превратилась в бесконечную бурную ревность. Она постоянно требовала клятв его, что по смерти ее он не будет знать никакой

другой женщины, просила его умереть вместе с ней и однажды, после того как несчастный муж в сотый раз клялся ей ни на ком не жениться после смерти ее, она схватила висевшее на стене ружье и застрелила его. Perrin была прикована неизлечимой болезнью к своей кровати в течение пяти лет. В течение всего этого времени она страшно мучила мужа своего ревностью. Ежедневно она упрекала его в недостойном относительно ее поведении, говорила, что он изменяет ей и, наконец, чтобы положить конец всему этому, однажды подозвала его к своей постели и тяжело ранила выстрелом из револьвера, который постоянно держала спрятым под подушками. Потом она сама призналась, что обдумывала свое преступление в течение долгого времени.

Во всех этих случаях мотивом преступления является благородная страсть, любовь, но ближайший, однако, толчок к чему дается, с одной стороны, пробудившимися дурными инстинктами, находящимися у нормальной женщины в скрытом состоянии, и, с другой — ревностью, доходящей до чудовищных размеров, благодаря которой женщины страдают при виде чужого счастья так же, как бы под влиянием собственного несчастья. Мысль о том, что они лишены счастья ожесточает их и возбуждает в них желание, чтобы и другие не могли воспользоваться им. Конечно, здесь поводы к преступлению большею частью серьезного характера, и каждая из этих преступниц при нормальных условиях, если бы судьба не обрушилась так жестоко на нее наверное осталась бы честной женщиной. Подобные преступления очень резко свидетельствуют о той аналогии, которая существует между детьми и женщинами: можно сказать, что это преступления взрослых детей наделенных более сильными страстями и более высокой интеллигентностью.

Итак, мы имеем здесь дело с преступлениями по страсти происхождение которых кроется в чувствах исключительно эгоистического характера, как, например, в ревности, зависти и т.п., но не в его-альтруистических чувствах, как Spenser считает любовь, честь и т.п., которые, напротив, являются главными мотивами преступлений по страсти у мужчин.

САМОУБИЙЦЫ

1. Чтобы дополнить наше исследование о преступлениях по страсти, мы должны коснуться еще самоубийц, ибо аналогия и родство между преступлениями, особенно совершаемыми по страсти, и самоубийством так велики, что их можно рассматривать, как две ветви одного и того же дерева.

Самоубийство — этот феномен, так близко стоящий к преступности по своим вариациям, наблюдается, в общем, у женщин в четыре и даже пять раз реже, чем у мужчин.

2. Самоубийства вследствие физических страданий. Соответственно незначительному числу самоубийств, совершаемых по страсти, число их вследствие физических страданий также невелико. В этом отношении женщины относительно превосходят мужчин в Пруссии, Саксонии, Италии, Вене и Париже и уступают им в Германии, Бельгии, Франции и Мадриде. Но превосходство их только относительное, так как абсолютное число самоубийств вообще, а стало быть, и тех, причиной которых являются физические страдания, среди мужчин всегда значительно больше, чем среди женщин.

Обстоятельство это является новым доказательством меньшей чувствительности женщины: она не так живо ощущает физические страдания, и потому последние ее не доводят так часто до самоубийства, несмотря на то что женщина переносит больше физических мук, нераздельно связанных с жизненными функциями и особенностями ее пола. Но так как страдание принадлежит в отдаленном смысле слова к аффектам, а физическая чувствительность есть основа страстей и нравственного чувства, то этим мы можем объяснить себе редкость среди женщин самоубийства, обусловленных страстями.

3. Нищета. Нищета является для женщины несущественным мотивом самоубийства. Число лиц, лишаящих себя жизни вследствие нищеты, сравнительно невелико как среди мужчин, так и женщин. Шансы для обоих полов

впасть в нищету почти одни и те же, так как материальным потерям подвергаются одинаково как муж, так и жена, как отец, так и дочери и т. д. Но женщина гораздо легче мужчины выходит из подобного положения. Представляя собою, как сказано нами раньше, средний тип человеческого рода, она в силу этого легче приспособляется к разного рода переменам жизненных условий. Разница между герцогиней и прачкой более поверхностна и далеко не так глубока, как различие между членами в пределах другого пола: герцогиня может сравнительно легко примениться к какому-нибудь новому положению и стать, положим, прачкой. Кто знаком с жизнью, тому приходилось, вероятно, встречать высокопоставленных женщин, которые, впад в бедность, легко примирялись с местом какой-нибудь компаньонки или даже горничной; мужчина же при таких же условиях не так легко мирится со своим несчастьем и очень часто погибает под ударами судьбы. Женщина благодаря именно своей пониженной чувствительности, а также тому обстоятельству, что потребности ее меньше, приспособляется легче и лучше мужчины не только к нравственным страданиям, но и к физическим лишениям, связанным с бедностью (плохое питание, отсутствие каких бы то ни было удобств и пр.). Заметим далее, что за материальное разорение семьи женщина несет обыкновенно только косвенную ответственность, благодаря чему избавлена, по крайней мере, от тех угрызений совести и нравственных страданий, которые выпадают так часто на долю мужчины. С другой стороны, и материнство оказывает на нее в таких случаях свое благотворное влияние, ибо мать, впад в нищету, под влиянием горя чувствует сильнее потребность заботиться и не покидать детей своих, между тем как мужчина при подобном же несчастии в состоянии совершенно забыть о них. Далее, женщина обыкновенно не настолько горда, чтобы в случае крайней нужды не решиться просить милостыню, в то время как мужчина часто предпочитает нищенству смерть. Наконец, она, в силу своего слабо развитого нравственного чувства, прибегает еще к проституции как к крайнему средству выйти из своего тяжелого положения.

Итак, для того чтобы женщина решилась на самоубийство, нужна совокупность более многочисленных причин, чем для мужчины. Только лишь в том случае, когда бедность ее достигает такой степени, что она лишена решительно всего, что нужно для жизни, когда ей закрыты все пути к спасению, а стыд или возраст не позволяют ей заняться проституцией — только лишь при таких условиях женщина способна поднять на себя руку. “Я испытала тысячу средств, — пишет одна самоубийца, — чтобы достать работу, но всюду наталкивалась на черствых, бездушных людей, оскорблявших меня своими грязными предложениями”. Другая молодая, красивая девушка сообщает в своем предсмертном письме, что она заложила все, что можно было заложить, и осталась без всего. “Я могла бы, — добавляет она, — иметь хорошо устроенный магазин, но я предпочитаю умереть честной девушкой, чем вести жизнь распутной женщины”.

4. Любовь. В качестве мотива самоубийств, равно как и преступлений, любовь играет довольно видную роль. Относительные цифры статистики здесь так велики для женщин, что последние сравниваются и даже превосходят в этом отношении мужчин. Для страстной женщины самоубийство является самым частым средством избежать мук несчастной любви. Обстоятельство это в силу антагонизма, существующего между самоубийством и преступлением, не может не влиять на преступления по страсти, значительно уменьшая число их.

Преобладание самоубийств над убийствами, совершаемыми под влиянием страсти, вполне соответствует указанным нами при изучении нормальной женщины характерным чертам женской любви. Для женщины любовь является чем-то вроде рабства, которому она отдается с энтузиазмом, бескорыстным самопожертвованием для любимого человека. Если при всем том у обыкновенной женщины и находят еще место эгоистические чувства, которые порою берут даже перевес, то у страстных натур зато эта самоотверженность под влиянием дурного обращения и жестокости любовника не только не уменьшается, а да-

же, наоборот, увеличивается. В подобных случаях даже самая сильная страсть не может, очевидно, привести к преступлению, и было бы абсурдом предполагать, что Элоиза, Carlyle или Lespinasse, например, могли бы убить своих любовников, если бы последние изменили им или начали дурно обращаться с ними. Напротив, любовь их благодаря этому сделалась бы еще сильнее, а преданность — еще более безграничной. Мы редко видим, что обыкновенные, совершенно неизвестные женщины оканчивают самоубийством страдания своей неудачной любви и, умирая, обращаются в своих последних, предсмертных письмах со словами любви и прощения к тем, кто не должен был бы, казалось, возбуждать в них ничего, кроме ненависти и желания мстить. Так, одна молодая девушка перед самоубийством писала своему любовнику: “Ты обманул меня; два года ты клялся, что женишься на мне, а теперь бросаешь меня; я прощаю тебя, но не могу пережить потери твоей любви...” В письме другой мы читаем: “Я делала невозможные нравственные усилия, чтобы жить без этой любви, которая составляла всю мою жизнь, но это оказалось выше моих сил. Да, преступление мое тяжко, и имя мое будет проклято даже моим собственным ребенком, и тем не менее я не могу жить без другой половины моего “я”, без того, кого я потеряла. Я была уже готова броситься к ногам его, но он оттолкнул бы меня. Ах, пусть он простит мне несправедливости, которые я ему когда-либо причиняла, пусть помнит только о счастливых минутах, проведенных со мною!” Одна покинутая своим любовником девушка писала своей подруге: “Уверь его (т.е. любовника), что я молюсь о счастье его и умираю, любя его”, а другая в следующих словах прощалась со своим любовником в предсмертной записке: “Прощай! смерть скоро разлучит нас; я надеюсь сделать тебя счастливым...” “Чем я заслужила, — восклицает третья несчастная, обращаясь к своему вероломному любовнику, — твою немилость? Неужели тем, что любила тебя больше своей жизни?”*

* *Sighele*. L'evoluzione dall' omicidio ai suicidio nei drammi d'amore. Archiv. di Psich, 1891. Brierre de Boismont. Du suicide, 1862.

В общем, измена любовника редко возбуждает в женщине жажду мести. Она смотрит на измену эту, как на своего рода смерть его, которая причиняет ей жестокие страдания и после которой ей ничего не остается, как тоже умереть, если только она до этого не лишится рассудка.

Что преступницы по страсти способны на преступления против своих любовников, возможно, быть может, объяснить тем, что они любят, как мужчины, и что у них — как мы заметили раньше — наблюдаются очень часто соматические признаки, свойственные мужскому полу. Между преступницами из эротических мотивов встречается чрезвычайно редко настоящий, совершенный тип преступниц по страсти; гораздо чаще, чем любовью, преступления их обуславливаются чувствами эгоистического характера, порождаемыми разочарованиями в любви. Чистая и сильная страсть сама по себе доводит любящую женщину до самоубийства или психического расстройства чаще, чем до преступления; последнее же всегда свидетельствует о том, что страсть пробудила дремавшие дотолле дурные инстинкты или что имеется дело с вполне мужским складом характера. Итак, единственным преступлением по страсти, если только возможно назвать его преступлением, является у женщин самоубийство; другие же преступления, совершаемые из этого же мотива, суть деяния собственно не преступниц по страсти.

Брак также является у женщин реже, чем у мужчин, источником мотивов к самоубийству: на 50 мужчин, лишающих себя жизни вследствие измены их жен, и на 41, налагающих на себя руки вследствие смерти их, приходится по 14 самоубийц-женщин. Объясняется это отчасти тем, что у женщин материнская любовь сильнее супружеской и чувства их больше всего сосредоточены на детях, а отчасти тем обстоятельством, что они в таких случаях гораздо чаще мужчин подвергаются психическим заболеваниям.

Замечательна также частота незаконных любовных связей у преступниц по страсти. Брак, как и все социальные установления, рассчитан, собственно говоря, на нормальных женщин; обыкновенная замужняя женщина никогда

не любит так сильно, чтоб думать о самоубийстве, когда она овдовевает. Зато женщина с сильной и страстной натурой находит часто в препятствиях, которые общество полагает ее любовным стремлениям, камень, о который разбивается ее жизнь. Весьма естественно поэтому, что страстные женщины дают из среды своей наибольшее число самоубийц и душевных больных.

5. Двойные и множественные самоубийства. Выдающуюся роль играет обыкновенно женщина в двойных самоубийствах. Там, где два любящих сердца, не имея возможности соединиться брачными узами, вкушают тем не менее от запретного плода любви и платят затем собственною жизнью за увлечение, которому не могли противостоять, — там женщина проявляет обыкновенно большую решительность. В двойном самоубийстве Bancal-Trousset первая мысль о нем явилась девушке, Trousset, под влиянием чтения романа Indiana. Но Bancal не соглашался умереть, и тогда она начала осыпать его упреками, между прочим, говоря: “Неужели ты не любишь меня настолько, чтобы принести мне эту жертву?” Юноша наконец уступил ей, но в назначенный вечер долго не решался нанести ей первый удар ножом. Она начала убеждать его, и под влиянием ее слов он наконец решился. Однако при виде хлынувшей крови он растерялся и хотел перевязать рану, но она не дала ему этого сделать. Ее решимость умереть была так велика, что она приняла еще яд, и, когда он долго не действовал, приказала еще раз своему любовнику заколоть ее. “Нужно, наконец, покончить с этим, — кричала она, — заколи меня скорей!” Точно так же и в самоубийстве Cesira Merz и Pietro Lev., план умереть вместе создала Merz, и когда у Pietro в решительную минуту не хватило духу застрелить себя и он начал плакать, она сказала ему: “Милый, ты малодушен; в таком случае я сперва убью тебя, а потом умру сама... Теперь все кончено... некогда ломать комедии”. Brierre de Boismont цитирует случай, где одна молодая девушка спокойного характера, но начитавшаяся романов, узнав, что родители жениха ее не соглашались на его брак с нею, решила умереть вместе с ним и

сумела убедить и его решиться на это. “Я готова, — говорила она ему, — скорей умереть, чем потерять тебя; дай мне и ты доказательство такой же любви ко мне”. Молодые люди Берта Delmas и Эмиль Gasson были обручены. Но вот им необходимо было расстаться, так как жених должен был уехать отбывать воинскую повинность. Расставаясь, влюбленные утешали себя тем, что на новый год они увидятся опять. Но наступил новый год, а Gasson не приехал, потому что не получил отпуска. Тогда Delmas заложила за 9 франков свои серьги и послала ему эти деньги с просьбой непременно приехать, так как она не может более без него жить. Молодой солдат дезертировал из полка и провел со своей невестой в полном счастье целую неделю, хотя и ждал с минуты на минуту жандармов, которые должны были прийти арестовать его. При таком положении дела Берте пришла в голову мысль умереть вместе со своим женихом. Был назначен день и час, когда они должны были лишиться себя жизни, но Gasson под разными предлогами откладывал исполнение этого плана. Тогда молодая женщина заставила его стрелять в нее и в себя. Оба они остались живы, и на суде выступила потом очень ясно разница в их характерах. Одного взгляда на робкого, нерешительного и заикающегося Gasson’а было достаточно, чтобы убедиться, что в данном деле он действовал под влиянием своей невесты; последняя же своим твердым, решительным, как у мужчины, характером не допускала сомнений, что весь этот план был задуман и подготовлен исключительно ею одной.

Происхождение этого часто наблюдаемого вида самоубийств становится понятным, если рассматривать любовь как особую форму сродства, усиливающегося путем более или менее продолжительной совместной жизни настолько, что разлука становится в конце концов непосильной.

Мысль о смерти всегда приходит первой женщине, и она же делает почти всегда первый шаг к осуществлению задуманного плана самоубийства. Bourget изобразил в своем “Disciple”, с одной стороны, мужчину, у которого в решительную минуту не хватает духу лишиться себя жизни, и

с другой — женщину, твердо настаивающую на приведении в исполнение принятого решения покончить с собой. Явление это весьма естественно. Любовь даже при обыкновенных условиях есть нечто в высшей степени важное для женщины; для страстной же натуры она — все, и лишить ее того, кого она любит, значит лишить ее жизни. Для мужчины же, даже если он и очень сильно влюблен, жизнь имеет всегда столько привлекательного и обольстительного, что он лишь редко решается расстаться с нею вследствие потери любимой женщины. Правда, бывают минуты, когда и он может под влиянием отчаяния и непреодолимых препятствий искать выхода из своего положения в самоубийстве, но раз страсть его будет удовлетворена, у него — как вполне верно замечает Bourget — всегда возвращается интерес к жизни и ко всему тому, что ему и помимо любимой им женщины нравилось в ней. Вот почему многие мужчины медлят покончить с собой, особенно если та, кого они любили, отдалась им вполне, между тем как женщина в таких случаях выказывает, наоборот, еще большую решимость.

Особый вид самоубийства женщин — это смерть матери одновременно с ее детьми под влиянием нищеты или какого-нибудь тяжелого несчастья. Aresteiles лишила себя жизни вместе со своим сыном, страдавшим эпилепсией и идиотизмом, из боязни, что с последним после смерти ее станут дурно обращаться. Некто Verbeson убила свою горячо любимую дочь, которая должна была поступить в заведение для душевнобольных, и затем сама покончила с собой, так как не могла примириться с мыслью о разлуке с ней. Monard пыталась лишить себя и своих двух детей жизни, не будучи более в состоянии переносить дурного обращения своего мужа. Soubin, честная и трудолюбивая женщина, убила своих маленьких детей и затем покушалась на собственную жизнь, попав в страшную нужду благодаря отсутствию работы и тюремному заключению своего мужа. Впрочем, перед тем как привести в исполнение свой ужасный план, она продала последнюю мебель, купила детям новые платья и роскошный ужин, затем, когда

они спали, задушила их и пыталась покончить с собою.

Подобного рода самоубийцы суть обыкновенно очень честные женщины, а деяния их, которые кажутся на первый взгляд детоубийством с последовательным самоубийством, являются на самом деле, так сказать, осложненными самоубийствами. Эти матери, решившиеся умереть, не могут оставить жить своих детей, составляющих часть их собственного “я”, и не в состоянии считать свои муки оконченными, если они знают, что те будут страдать и мучиться и после их смерти. Подобный взгляд подтверждается тем, что во всех таких случаях убитые дети находятся постоянно в очень юном возрасте или в беспомощном состоянии (вследствие идиотизма и т.п.). Пока ребенок слаб и несамостоятелен, он кажется матери частью ее собственного существа; поэтому она в заботах о нем решается на все средства, которые только возможны для нее, — даже на такие, которые совершенно ненормальны. С дитятею, сделавшимся большим и самостоятельным, мать также связана очень сильной любовью, но уже не чувствует себя идентичной с ним. Souhin на вопрос, почему она, перед тем как покушаться на собственную жизнь, убила своих детей, ответила: “Я хотела отравиться вместе с ними”. Если ребенок слишком юн, чтобы быть совершенно независимым от матери, но в то же время настолько зрел, что может подчиниться влиянию внушения, то мать никогда не убивает его сама, но старается подговорить его умереть добровольно вместе с нею. Garnier сообщил два случая, в которых матери двух мальчиков 10- и 13-летнего возраста убедили их покончить с собою вместе с ними.

В некоторых случаях мать решается на убийство и самоубийство в силу известных эгоистических мотивов, и тогда дело идет уже об особой эгоистически-страстной форме самоубийства. Сюда принадлежит, например, случай E. Это была очень нервная женщина меланхолического темперамента, страдавшая постоянными головными болями, головокружением, бессонницей и т.п. и происходившая из хорошей, некогда состоятельной фамилии. Выйдя замуж за доброго, но очень бедного человека, стоявшего значительно

ниже ее по своему образованию, она почувствовала отвращение к своему мрачному существованию, которое должна была влачить, страшно нуждаясь, в одной комнатке, служившей ей в одно время гостиной, спальней и кухней. Она постоянно упрекала, хотя и неосновательно, своего мужа в том, что он дурно обращается с нею, и однажды, будучи более обыкновенного рассержена и возбуждена, она решила умереть вместе со своим сыном, которого обожала. Если бы это была дурная женщина и плохая мать, то она под влиянием подобных условий жизни убила бы, как Stakelberg, свое дитя или отравила бы своего мужа. Но это была честная натура, решившаяся вместе со своим ребенком расстаться с жизнью, хотя мотивом этого решения служило чисто эгоистическое, а не эго-альтруистическое чувство, каким является материнская любовь.

Очень редки двойные или множественные самоубийства одних женщин. Нам известен, да и то не подробно, только один подобный случай, касающийся неких Ольги Протасовой и Веры Жеребцовой, двух интимных подруг, живших в большой нужде. Последняя из них взяла слово от первой, что та убьет ее, если судьба ее в течение двух месяцев не изменится к лучшему. По прошествии этого времени Протасова сдержала свое обещание, данное подруге, и затем сама лишила себя жизни. Редкость подобных случаев объясняется слабостью дружественных уз, соединяющих женщин, что служит также причиной редкости среди них самоубийств из мотивов дружбы.

Наконец, еще реже наблюдаются одновременные самоубийства супругов. Здесь нам приходится еще раз повторить, что брак рассчитан собственно на нормальных женщин, не отличающихся страстным темпераментом и потому мало предрасположенных к самоубийству, между тем как субъекты со страстными натурами находят в браке достаточно поводов лишить себя жизни. Единственный известный нам в этом отношении случай имел место в Болонье. У супругов Раг. умер от дифтерита на 20-м году жизни их единственный сын, которого они безумно любили. Это был необыкновенно талантливый, даже гениальный молодой

человек, который, несмотря на свой юный возраст, успел уже зарекомендовать себя блестящими доказательствами своего поэтического таланта. Родители его, сраженные этой утратой, месяц спустя после смерти его, отравились окисью углерода. Необыкновенное решение умереть вместе объясняется здесь внезапным прекращением жизни существа, связывавшего двух престарелых супругов одинаковыми воспоминаниями о счастливой юности и надеждами на блестящее будущее.

6. Самоубийство вследствие душевных заболеваний. Редкость у женщин самоубийств из-за страстных мотивов объясняется тем обстоятельством, что среди них очень высок процент самоубийств, обусловливаемых душевными заболеваниями.

Разница эта объясняется только отчасти тем, что известные формы душевных расстройств маниакального характера, наблюдаемые преимущественно или даже исключительно у женщин, как, например: pellagra, или пуэрперальные психозы, обусловливают самоубийства в размерах, превосходящих значение алкоголизма среди мужчин. Нужно скорее согласиться с тем, что сильные страсти заканчиваются у женщин потерей душевного равновесия чаще, чем преступлениями. Только лишь под влиянием страданий, доводящих женщину до галлюцинаций и бреда, у нее наблюдаются самоубийства в большей пропорции, нежели у мужчин. Подобное соотношение самоубийства у обоих полов вполне соответствует соотношению, существующему между их преступностью. Самоубийство может обуславливаться бесконечным числом самых разнообразных свойств характера, начиная слегка повышенной чувствительностью и возбудимостью и кончая раздражительностью, доходящей до состояния помешательства. Но женщине, в общем, свойственна, как мы уже знаем, меньшая чувствительность, чем мужчине, и потому она совершает меньше самоубийств в силу страстных мотивов, чем последний, у которого самоубийства обуславливаются более многочисленными колебаниями индивидуальности или аномалиями психической сферы. Женщина более нормальна мужчины, так как

она менее переменчива, нежели он, но если зато у нее наблюдаются отклонения от нормы, то они всегда более тяжелого характера. Таким образом, женщина значительно чаще мужчины занимает тот или другой из двух крайних полюсов, какими являются, с одной стороны, абсолютная нормальность, а с другой — крайняя ненормальность, при которой самоубийство тесно сливается с душевными расстройствами.

ЛЮБОВЬ У ПОМЕШАННЫХ

В психиатрических статистиках мы всегда можем найти порядочную круглую цифру сумасшествий от любви. *Esquirol* нашел между 1375 умалишенными 37 человек, потерявших рассудок от любви, 18 от ревности и 146 вследствие развратной жизни. *Virgilio* отметил между 1288 случаями умопомешательства 41 от любви и 17 от ревности; в другие годы он между 863 случаями нашел всего 18 от любви и 4 от распутства. У *Descurel* приходилось 114 таких случаев на 8275 умалишенных. *Zani* нашел, что у женщин любовь оказывает влияние на умопомешательство в отношении 11:100, а у мужчин всего 4:100; но зато в неудачных супружествах отношение меняется: 17:100 у мужчин и 4:100 у женщин. В Венеции *Figna* между 615 умалишенными насчитал всего 1 случай от любви и 7 от развратного образа жизни (*Rendiconto Statistico Venezia, 1877*); *Adriani* — между 466 всего 7 от любви и 11 от половых излишеств.

Я, однако, думаю, что число действительных сумасшествий от любви значительно меньше того, которое указывают статистики. И действительно, за всю свою долголетнюю практику, в течение которой мне пришлось наблюдать много тысяч умалишенных, я едва могу насчитать дюжину таких случаев. Многие больные попадали ко мне с указаниями родных или близких, будто они — загадочные жертвы любви, но когда я, опытный в такого рода делах, исследовал вопрос несколько глубже, то почти всегда убеждался, что дело шло не о страсти, а о похотливости, обманутом самолюбии или о физических и наследственных причинах, которые заставляли усомниться в тщательных этиологических разработках и измышлениях старых психиатрических школ.

Я знаю один только вполне ясный случай сумасшествия от любви. Дело касалось одного честного, храброго итальянца, брата полуидиота, в жену которого он в короткое время страстно влюбился, и не без взаимности. Но однажды он нашел свое место занятым человеком, которого Италия считает между лучшими своими гражданами. Он не сказал ни

слова и, не совершив никакой безумной выходки, с этого дня, как бы дав себе зарок, перестал говорить и весь ушел в себя; знаками указывал он на то, что ему было нужно, знаками давал понять, как больно ему всякое сообщение с людьми; вынужденный к тому, он произносил краткое словцо и снова хранил молчание. Таким образом он прожил 18 лет и умер, но даже в последние дни его жизни я напрасно силился вырвать у него хоть одну фразу, которая бы мне указала на источник угнетавшего его недуга. Это была форма меланхолии, которую я назвал бы молчаливой, а случай можно отнести к редким жертвам любви. В настоящее время (1881 г.) у *Salemi Pace* также находится в пользовании “бедная девушка, которой жених объявил, что не может жениться на ней; в тот же момент она поникла головой и наложила на себя печать молчания, которое длится и поднесь, а прошло с тех пор уже 15 лет. Она покидает свое место лишь для того, чтобы идти спать или подышать свежим воздухом на балконе; молча она принимает пищу и молча отвергает ее; молча она совершает прогулку и свой туалет, доказательство того, что не потухла, а лишь застыла, я сказал бы даже “окаменела”, эта благородная душа”.

Между случаями сумасшествий от любви следует отметить случай филолога *Александра Крудена**, который, получив 19-ти лет степень доктора теологии, влюбился в дочь одного своего соотечественника и с такой страстью выказывал ей свое чувство, что отец отказал ему от дома. Горе молодого человека было так велико, что он лишился рассудка. Спустя несколько лет он, по-видимому, выздоровел и предпринял гигантское сочинение о согласии в Библии, напечатание которого доставило ему великий почет; но он не мог получить обещанной королевой поддержки вследствие ее смерти, и его болезненное состояние возобновилось. Поправившись, он напечатал странную книжонку, но затем стал корректором и проявлял лишь молчаливую печаль.

Однажды один приятель, желая развлечь *Крудена*, вздумал представить его одному негоцианту, не зная, что сестра послед-

* *Le Pierre. Litér, des Fous. P. 171.*

него была именно той женщиной, к которой он питал такую фатальную любовь, и, к довершению беды, случилось так, что она первая встретила его при входе в дом. Увидя ее, он с криком: “*Это она*” бросился назад, тесно сжав руку друга; с тех пор он более не успокоился. Преследуемый мыслью, что его должны вознаградить за умопомешательство, он серьезно предлагал сестре и друзьям, вызвавшим его, заплатить ему вознаграждение и пойти на время в одну из тюрем Англии, которую сами выберут. Затем он вообразил, что получил от Бога миссию исправителя народных нравов и стал впоследствии печатать книги, которые раздавал на улицах; кроме того, он губкой стирал со стен безнравственные афиши и терзал министров, которые, если только они не страдали подагрой, при виде его быстро убежали. А между тем он сам не был свободен от эротических стремлений, и, когда одна *мисс*, которую он беспрестанно преследовал, удалилась из Лондона, чтобы избегнуть этих преследований, он отпечатал и распространил между путешественниками молитвы, чтобы она благополучно совершила свой путь.

Гораздо реже случаи сумасшествия от счастливой любви. Я знаю лишь один такой случай, сообщенный мне профессором *Адрияни*. “Один только раз мне суждено было, — пишет он мне, — наблюдать восемнадцатилетнюю милую, кроткую, нравственную девушку, которая, влюбившись в молодого человека ее возраста, дошла до такой экзальтации, что всюду видела лишь жениха, шепчущего ей на ухо слова любви; она желала уйти от него и злилась, почему он ее удерживает; затем она оставила все занятия, отвергала пищу и не спала. При виде этой прекрасной девушки, одетой в белое, сдержанной и скромной, выпрямленной и неподвижной, как статуя пред балконом, с тихо поникшей красивой головой, сплетенными руками и ясным, спокойным взглядом, который меланхолически нежно терялся в небесной лазури, так и хотелось передать на полотно чистоту и прелесть ее страданья. А между тем я не стану уверять, что даже в этот момент чувственность не волновала это нежное существо”.

Повторяю: случаи сумасшествия от любви крайне редки не потому, чтобы любовь действовала слабее всякой другой страсти, но именно потому, что сотрясение, вызы-

ваемое ею, так велико и внезапно, что, если оно не кончается самоубийством*, принимает ту форму острого расстройства, которое, вследствие своего быстрого течения, дает возможность избегнуть дома умалишенных.

Вот пример. Одна девица безумно влюблена в кузена, которому она была обещана; обыкновенные жизненные условия расстраивают свадьбу; девушка перестает говорить, не движется, не ест и лежит в постели, как бы сраженная молнией. На пятый день ей доставляют обратно возлюбленного, но слишком поздно: на шестой день она мертва.

Другая, едва убедившись в индифферентности к ней возлюбленного, заболела воспалением мозга и быстро умерла.

Следует упомянуть и о противоположных случаях сумасшествия, в которых первая супружеская ночь вызывала неожиданную меланхолию, или манию самоубиения, или полуэпилептические припадки с острым слабоумием. О таких случаях упоминают *Верга***, *Эскироль*, *Тозелли****.

* См. мою работу "О любви в самоубийстве и преступлении" ("Dell'amore nel suicidio e nel delitto", 1880).

** *Verga* ("Arch. it. per le malattie mentali", 1870) описывает 17 случаев (9 женщин).

*** Вот два случая, доставленные мне *Тозелли*: "Здоровая 20-летняя крестьянка, родители которой вполне здоровы, вышла замуж за молодого человека. Брак состоялся весьма поспешно, и ее вследствие этого охватили грустные предчувствия. На свадьбе она была весела, но на следующий день супруг был поражен ее молчаливостью и необщительностью; в ближайшую ночь она отвергла ласки мужа и утром покинула его дом. Она говорила сама с собою о проклятии, имела страшные галлюцинации, не принимала пищи, не спала, пыталась убить племянника. Отправленная в больницу, она оставалась в постели неподвижной, как статуя, заставляя прислугу опасаться, не умерла ли она; но случалось иногда, что в течение целых 24 часов она раздражающим голосом звала свою мать.

Более поучителен другой случай, где сумасшествие не заставило себя ждать до другого дня после свадьбы. Мысль выйти замуж за молодого, богатого, избранного ею человека и оставить дом, где с нею дурно обращались, всецело наполнила радостью сердце красивой 19-летней девушки, которая была всегда здорова, но у которой мать страдала эпилепсией. В дни, предшествовавшие свадьбе, она ужасно много работала, чтобы оставить дом в должном порядке, и, что еще хуже, приостановила начавшуюся менструацию холодными промываниями; в день свадьбы, находясь в поезде железной дороги, ее охватили галлюцинации, затем неистовая мания, которая ухудшилась вследствие кровоупускания.

И в таких случаях необходимо предрасположение с какой-нибудь стороны, которое заставляет проявиться скрытое безумие. *Шюле* находит такой предрасполагающий момент в маточных рефлексах; но важной причиной также служит грубость некоторых мужей, а еще более — неудачные браки (*Верга*) и те общественные предрассудки, привитые латинской расе, которые делают для новобрачной переход из одного состояния в другое таким внезапным и новым. *Тозелли* указывает на гораздо более простую причину: холодные промывания для приостановления регул (см. примечание).

Но нас не столько интересует исследование, какое влияние оказывает любовь, как причина, на умопомешательство, сколько вопрос, как эта страсть проявляется у душевнобольных. И в этом отношении многие смотрят на вопрос неправильно. Публика, повторяя пословицу: “Влюблен, как сумасшедший”, полагает вместе с тем, что последние легко и часто влюбляются, в то время как можно сказать совершенно противное. Рассуждая так, можно предположить, что влюбленные одержимы хронической болезнью, в то время как любовь, по моему мнению, есть высшее проявление силы и здоровья как в человеческой жизни, так и в жизни растений и животных.

Но, помимо того, известно, что первый нравственный элемент, которого касается безумие, — именно привязанности. Вы сталкиваетесь с эгоизмом, доведенным до такой степени, которую наша фантазия едва могла бы вообразить себе. В то время как обыкновенный человек имеет потребность говорить, сообщаться с другими, делить их радости и страдания и ощущать их близость, душевнобольные избегают общества других и живут в молчании и изолированности, даже когда они группами заключены в одной и той же комнате, так что несколько больничных служителей могут сдерживать тысячи сильных больных. Эта потеря привязанности, в противоположность здоровому состоянию, проявляется у них в прямом отношении к близости кровных и родственных уз, так что они могут прояв-

Я наблюдал двух помешанных сестер, которые заболели эротическим умопомешательством в ночь после свадьбы, но у них причина была наследственная, а свадьба только удобным случаем.

лять временную радость при входе нового лица или живо чувствовать еще любовь к родине или к дальнему родственнику, но они питают злобу и даже отвращение к сыну или жене, которые до болезни были единственным предметом забот в их жизни; чем сильнее была любовь до болезни, тем сильнее проявляется ненависть теперь, и проявляется в таких жестоких поступках и клеветах, которых не придумал бы самый ловкий и непримиримый враг. Это обстоятельство более, чем умственное расстройство (которое иногда отсутствует или является незаметно), отличает душевнобольного от здорового, так что я, чтобы убедиться, вполне ли выздоровел какой-нибудь больной, имею обыкновение по прошествии нескольких месяцев сблизать его с прежними любимцами, и если я вместо сильной радости, которую в таких случаях проявляет здоровый человек, наблюдаю холодность, которая заставляет избегать, а не искать поцелуя, то я считаю этого пациента еще больным.

Немногие, напротив, выказывают преувеличенную привязанность; они покорны в обращении с домашними и боятся оскорбить их каким-нибудь пустяком; каждый раз они бросаются на колени, прося прощения за несовершенные проступки.

Скверно положение тех странных влюбленных помешанных, которых романисты никогда не могли изобразить, ни даже великий английский поэт, с таким совершенством рисовавший на сцене характеры умалишенных, и которых я назову *немыми влюбленными*. Это мономаньяки, большей частью целомудренные, которые, не объяснившись с воображаемым возлюбленным существом, претендуют на взаимность. Вот один такой случай.

Фар. происходящий от длинного ряда эпилептиков и маньяков, но тем не менее хороший патриот и работник, проявлял такое скудное развитие чувства общественности, что простоял в одной лавке с двумя мальчиками целый год, не проронив ни слова, так что родители этих мальчиков отняли их оттуда из боязни, чтобы они не онемели. Целомудренный и подверженный продолжительным галлюцинациям, он однажды вообразил, что одна девица, у которой

он покупал мыло и масло, влюблена в него. В свою очередь он также влюбился в нее, но так как в нем сочеталась трусость людей целомудренных с трусостью мономаньяков, то он был далек от мысли проявить в словах или жестах свою любовь, а хранил ее в душе и все время опасался, что малейшим движением обнаруживает ее, подобно тому как принимал за взаимность фразы и поступки, не имевшие с любовью ничего общего, например, если она говорила ему: *это очень хорошее мыло. Возьмите это масло; я вам ручаюсь за доброкачественность.* Эти проявления ее страсти он считал такими серьезными, что они, по его мнению, способны были скомпрометировать его честь и честь девушки, и вот по прошествии целого года *таких опасных ошибок*, как он это называл, он решил завершить свое ухаживание браком и для этой цели попросил руки своей “возлюбленной” в письме столь же загадочном, как и прежнее его ухаживание. Когда бедные женщины открыли наконец глаза и ответили ему, что он фантазирует, он среди бела дня представился матери своей “невесты” с вопросом, *желает ли она покончить*, и когда та ответила, что ей неизвестно, чтобы у них было что-нибудь общее, он убил ее ножом, прорезав ей печень, и затем спокойный и невозмутимый покинул ее дом и возвратился в Милан. Наша бодрствующая полиция никогда бы и не вздумала ловить его, да никто и не заподозрил бы его в таком преступлении, если бы он сам не явился, чтобы предать себя в руки правосудия; даже после того некоторое время сомневались в его виновности — так безусловно было его прошлое и так неясно проявление его любви. Дело выяснилось лишь после того, как обратились к моей экспертизе, благодаря которой этот психопат, смерти которого публика громко требовала, был переведен из тюрьмы в дом умалишенных, где он написал свою курьезную автобиографию и где, между прочим сказать, он, который был мне обязан жизнью, покушался с куском железа в руках на мою. Я упоминаю об этой частности, которая, по-видимому, должна гораздо более интересоваться меня, чем моих читателей, чтобы еще раз показать, что, если здесь непосредственной причиной кажется любовь, она все-таки была

лишь толчком, случаем или предлогом для проявления, конечно, в слишком жестокой форме болезни, которая скрывалась в нем уже долгие годы, быть может, со дня рождения.

Это был первый представившийся мне случай *немой* влюбленности сумасшедшего. Другой подобный случай описал *Морзелли* с приложением автобиографии и стихов своего больного. Последний, увидев однажды издали из своей комнаты девушку, влюбился в нее, но ничем не проявлял своего чувства даже тогда, когда иногда в праздничные дни имел возможность приблизиться к ней; но вот однажды он вдруг открыл ей и публике свою скрытую страсть торжественной пощечиной в бальной зале, продолжая после того сыпать по ее адресу то кровавые обвинения, то любовные извержения, на которые ждал полнейшей взаимности.

Третий пример представился недавно мне и *Перотти* в лице 50-летнего крестьянина. Заболев в молодости пеллагрой, он эмигрировал в Соединенные Штаты и в течение пяти лет трудом успел накопить себе порядочный капитал, с которым он вернулся на родину, но вернулся не исцеленным от своей болезни. Эта старая болезнь и целомудрие, сохраненное им до пожилого возраста, превратились впоследствии в эротическое умопомешательство с бредом преследования. Впервые болезнь выразилась в том, что он сделал предложение одной богатой вдове, на взаимность которой рассчитывал, несмотря на то, что она никогда до того не видела его. Предложение, конечно, не было принято, до того оно показалось нелепым. Он же вообразил и постоянно настаивал на том, что ее отец и дяди употребляют все усилия, чтобы он, отверженный, женился на ней, и затем, чтобы отомстить ему за его воображаемый отказ, публично оскорбили его, заставив одного скульптора снять с него бюст, в котором он выглядел бы на 30 лет старше; так оно длилось до тех пор, пока, встретившись однажды с этими лицами на улице, он три раза выстрелил в них из револьвера. Арестованный, он спокойно и невозмутимо заявил, что сделал это, чтобы избавить себя от нападок, которыми они мучили его с целью заставить жениться на той женщине, и тем восстановить ее честь.

Но есть еще более печальная форма такого сумасшествия, где чрезмерная любовь сменяется чрезмерной ненавистью, как, например, у *Калигулы* и *Нерона*.

У некоторых эта *противоречивая* форма психического расстройства проявляется периодически. Многие жены душевнобольных сознавались мне, что их мужья в известные дни месяца переходили от излишней нежности к крайней жестокости, прося после припадка прощения и сознаваясь, что они одержимы болезнью, заставляющей их ненавидеть того, кого они раньше обожали. Таковы были любовь и дружба *Тассо*, и таковы все его герои, которые быстро любят и перестают любить. Но это был гениальный маттоид.

С этой формой умопомешательства тесно соприкасается другая чрезвычайно трагическая и грязная, где любовь смешана с жестокостью и развращенностью и где нельзя сказать, что преобладает: любовь или ненависть, такие нечеловеческо-жестокое вещи она проявляет. И здесь самый редкий пример дает нам та фатальная семья Цезарей, которая как бы предназначена историей для того, чтобы показать, до чего может идти и как может быть терпима человеческая жестокость.

Я наблюдал случаи, которые, если только это возможно, превосходили жестокости Цезарей. Один граф, который впоследствии оставил все свое состояние одному достойному ломбардскому городу, выдумывал для своей жены, которую очень любил, такие необыкновенные мучения, что они казались бы невероятными, если бы не были официально подтверждены. Он держал ее целые дни обнаженной и замкнутой в шкафу, передавая ей через отверстие самую скромную пищу, или приглашал трубочистов, чтобы они грубо надругались над нею, в то время как он для усиления бесчестия и издевательства бегал вокруг них, играя на скрипке.

Отсюда один шаг к той половой психопатии, которая жаждет крови (*sanguinaires*).

Гофман рассказывает об одном субъекте, которого проститутки называли палачом, потому что он имел обыкновение пред совокуплением мучить и убивать кур, голубей и гусей, и о другом, который в течение нескольких месяцев тяжело ранил 15 девиц в половой орган, удовлетворяя та-

ким способом, как он сам сознался, свой половой инстинкт, который почти периодически пробуждался в нем и уже несколько раз доводил его до онанизма и до безнравственных поступков с мальчиками и мужчинами (*Lehrbuch der Gerichtl. Medicin.*, 1871. P. 852).

Майнард описывает следующий случай, где дело, однако, идет о полуидиоте. Некий *Грасси* воспылил однажды ночью страстью к своей кузине, но когда та воспротивилась его желаниям, он нанес ей ножом несколько ран в живот и тем же ножом убил отца ее и дядю, пытавшихся остановить его; прикрыв затем трупы, он пошел искать удовлетворения в объятиях жены одного сельского рабочего, которая была его любовницей; но не утолив своей жажды крови, он зарезал своего собственного отца и нескольких быков, стоявших в хлеву.

Другой психопат, *Филипп*, находил удовольствие в том, что душил проституток. “Я люблю женщин, — объяснил он однажды, — но мне доставляет удовольствие душить их после того, как я их употребил”.

Жиль де Ретц, французский маршал, убил для удовлетворения своей гнусной похотливости более 800 юношей, ассоциировав сладострастие с какой-то странной религиозной чертой.

Маркиз *де Сад* находил наслаждение в том, что, обнажив проституток, бил их до крови и потом лечил их раны; это сладострастие, смешанное с жестокостью, было для него как бы идеалом наслаждения, для которого он составил целую теорию.

Бриер де Буамон рассказывает об одном капитане, который заставлял свою возлюбленную ставить себе пиявки к половым частям перед каждым соитием; это длилось до тех пор, пока у несчастной образовалась глубокая анемия и она отправлена была в больницу. Он же упоминает и о маркизе С., который, заставив своих лакеев связать проститутку, нанес ей несколько ран, после чего попытался изнасиловать ее.

Граф *Застров* (*Casper-Limann. Handbuch.* 190 и 495), 50 лет от роду, обладал довольно живым умом, так что составлял даже великолепные поэмы, но был тщеславен и склонен к экзальтации, сентиментальности, эксцентричности; так, например, однажды попытался вылечить раненого брата игрой на рояли и утешить тем же способом вдову, в то время как

труп ее мужа лежал еще в постели. Мать его была *lipomaniaca*, отец его был эксцентриком, а брат его покончил самоубийством. Он сам занимался онанизмом с шестилетнего возраста и находил это занятие чем-то прекрасным и благородным; несколько раз уже он был арестован за то, что неожиданно нападал на мужчин различного возраста (от 14 до 70 лет) и, после нескольких любезных фраз, пытался обнажить их, чтобы мастурбировать с ними, оправдывая себя в стихах или в прозе следующим образом: “У меня сердце Евы и тело Адама, я не боюсь закона государства, любовь — закон всех законов, и самый великий и святой из поэтов сказал: любите друг друга”. В последний раз он напал на пятилетнего мальчика и, тяжело укусив его в лицо и член, пытался задушить его.

Он был признан виновным.

От этих случаев мы переходим к той форме половой психопатии, которую в настоящее время наука отделяет от преступления и в которой любовь находит удовлетворение лишь в объятиях трупа, доходя даже до самого жестокого людоедства. Это — *некрофиломания*.

Georget рассказывает об одном полуидиоте, который, изнасиловав девушку, отгрыз ей часть груди и половых органов; известен также случай сержанта Бертрана, внука умалишенных прародителей, который восьми лет от роду возбуждал себя для мастурбации вырыванием внутренностей у животных; каждые 15 дней он страдал периодической головной болью, во время которой вид открытого трупа возбуждал в нем неукротимый аппетит истого антропофага. Много раз он ночью проникал на кладбище, выкапывал женские трупы, вырывал у них внутренности, наносил раны в шею и грудь, прорезывал суставы и, страшно вымолвить, находил величайшее наслаждение в прикосновении к наиболее разложившимся трупам.

Verzeni, происходящий от больной пеллагрой и кретинической семьи, с асимметрическим черепом, атрофированным с правой стороны, с чрезмерно развитой челюстью и правосторонней потерей фосфенов, задушил двух женщин и еще нескольких чуть не лишил жизни тем же способом из сладострастного удовольствия, которое он испытывал при обхватывании шеи своей жертвы, как он еще в детстве

привык это делать с курами. Когда жертва была задушена, он рассекал ее труп, грыз ее члены и сосал ее кровь*.

После изучения всех этих случаев я не могу вполне признать справедливость приговора суда во Франции, признавшего полную виновность прошумевшего в свое время *Menesclou*, который 19-летним юношей разрезал на 44 куска и изжарил 4-летнюю девочку. Во время поисков и после ареста он выказал полнейшее безразличие, покоясь на кровавых фрагментах своей жертвы и храня некоторые из них в своем кармане. Его дяди страдали алкоголизмом, а мать умопомешательством с галлюцинациями; сам он на 9-м месяце от роду заболел воспалением мозга и впоследствии страдал беспокойным сном и раздражительностью; с ранних лет оналируя, он поздно развился и был глухим, что ясно говорит о продолжительном влиянии мозговой болезни, которой он обязан тем, что, невзирая на заботы родителей, остался лентяем и несообщительным со своими, которых много раз колотил и обкрадывал, так что был даже посажен в тюрьму; неспособный к какому бы то ни было постоянному труду и учению, домашний вор, преданный онанизму и извращенным поступкам даже с собаками, он мог служить примером той противоречивости, которую часто проявляют сумасшедшие: любя одиночество, он тем не менее искал общества самых порочных мальчиков моложе себя годами.

Еще до совершения преступления он дал знать своим сверстникам, что открыл способ задушить человека, лишив его возможности сопротивляться; он намекнул также о самом будущем преступлении, по поводу которого написал страшные стихи.

Эти стихи, написанные человеком, относившимся с таким отвращением ко всякому учению и труду, точно так же как несколько рисунков женщин, набросанных в темнице, факсимиле которых находится у меня**, отнюдь не способны дока-

* *Lombroso, Verzeni e Agnoletti. Roma, 1875.*

** В тюрьмах он набросал три рисунка, из которых один изображает льва, убивающего змею. Кроме того, он сочинил много стихотворений. — *Bonjour printemps — Le temps des cerises.* — Здесь кстати вспомнить о стихотворной деятельности графа Застрова.

затя здорового ума того, кто их составил, а лишь говорят о той эстетической склонности, которую проявляют слабоумные, и о том странном удовольствии, которое испытывают умалишенные и преступники в неразумных повествованиях о своем собственном преступлении, рискуя даже выдать себя этим. Если он, сознавая только в убийстве девочки, отрицал изнасилование — что, конечно, делало преступление менее тяжелым — и утверждал, что, схватив ее за горло и встретив сопротивление и крики, он, не зная сам, что делает, задушил ее, то я полагаю, что он говорил правду, потому что он, вероятно, одним убийством удовлетворил свой половой инстинкт, который ведь анатомически невозможно было всецело удовлетворить на пятилетней девочке. Мы, несомненно, имеем здесь дело с импульсом той кровавой любви помешанных, которую так часто наблюдаем у едва развившихся юношей, онанистов, носящих в себе следы мозговых заболеваний с раннего детства. Очевидно, здесь речь идет о нравственной, а может быть, и интеллектуальной слабости, которая значительно должна была смягчить ответственность.

Но оставим эту грязь, которая издает зловоние. Нам предстоит еще познакомиться с одной более забавной формой влюбленного умопомешательства — *сэротоманией*, которая, по-видимому, возникла только для того, чтобы доказать действительность той платонической любви, которую *Ленау*, великий сумасшедший, назвал *глупой любовью*.

Будучи противными старичками или бедняками или тем и другим вместе, эти лица избирают предметом своей привязанности личность, выдающуюся красотой, могуществом, богатством во всей стране; они воображают, что извещают о своей любви посредством взглядов, вздохов и частых писем, которые, однако, редко отправляются по назначению, но длинные извлечения из которых сообщаются друзьям. И чем выше положение любимой особы, чем труднее доступ к ней, чем решительнее отказ, тем более они верят во взаимность; самые незначительные обстоятельства имеют для них значение самых веских доказательств, заставляющих их считать себя триумфаторами. Чтобы добиться успеха, они забывают про свои обязанности и про самые

основные потребности: бледные и лишенные сна, когда любимая женщина удаляется от них, они дрожат от радости при ее возвращении. Неистощимые в своей болтливости, которая, впрочем, всегда касается одной и той же темы, они днем и ночью бредят о ней, принимают бред за действительность, и, переходя от страха к надежде, от ревности к ужасу, они покидают родных, друзей, пренебрегают общественными обычаями и способны на самые необыкновенные, самые странные, самые мучительные поступки для выполнения действительных или воображаемых приказаний своего идола (*Эскироль*). И все-таки они не лишены здравого смысла. Я знал одного господина, который истратил все свое состояние на подарки принцессам и королевам, которым писал образцовые по изяществу и любезности письма и дошел однажды до того, что для выполнения приказаний своей принцессы, против воли антрепренера, невозможным голосом пропел на сцене романс в честь ее; отправленный, после покушения на самоубийство, в больницу, он остановил свой выбор на прусской королеве, рассуждал сам с собою о брачных условиях, раздавал почести, но в то же самое время не забывал своего положения и в остальном рассуждал довольно здраво.

История свидетельствует, что эта эротомания приобретает иногда эпидемический характер, охватывает целые страны. В XIV столетии в Пуату существовала под именем *Gallois* и *Galloise* кучка энтузиастов или, попросту говоря, сумасшедших, которые добивались славы мучеников любви. Летом они носили овечьи шкуры, а зимою ходили голыми по снежным горам, так что часто некоторых из них находили умершими от холода и голода. Один из хроникеров (см. *Lacurre. Mémoires ser l'ancienne chevalerie*) пишет об этом следующее: "И все это длилось известное время, пока большинство из них не умерли от холода; многие умирали от холода и истощения возле своих подруг, а также последние вместе с ними, при издевательствах и насмешках над теми, которые были хорошо одеты и сыты. У многих из них ножом было открывать рот, других приходилось отогревать, так они все были измождены и так поledenели их замерзшие члены,

и я ничуть не сомневаюсь, что погибшие *Gallois* и *Galloise* действительно были мучениками любви”.

О том же явлении в Испании мы узнаем из книги *Сервантеса*, в которой изображен один из таких эротоманов, кишевших в то время тысячами вокруг него и искоренению которых его карикатура гораздо более способствовала, чем все королевские указы и торжественные проклятия.

Недавно *Бартоли* сообщил, что в 1735 году во Флоренции толпа самоистязателей бегала в святую пятницу по улицам, заставляя бить себя до крови по обнаженным спинам 6666 ударами и нанося себе уколы в ноги и грудь в честь и подражание Христу, а также в честь своих красавиц, под окнами которых заставляли сильнее бить себя, издавая громкие вопли. И здесь мы имеем дело с эпидемической эротоманией под религиозным предлогом.

Впрочем, случается, что предметом любви бывает сам Бог, к которому обращаются далеко не платонические выражения любви. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать священные книги некоторых наших аскетов, например, следующее письмо истерической женщины, упоминаемой *Моро*: “Благодаря моему доброму повелителю (Богу) я узнала тайны своего сердца и нашла им объяснение; мне нужны сильные, могучие объятия, чтобы чувствовать, как мое сердце сливается с сердцем того, к кому меня влечет... Безграничное преобладание Бога в моей душе, его величие, которым измерялось мое ничтожество, понятие, которое я всегда имела о его божественных красотах, с малых лет заставляли меня любить его, уничивать и забывать себя и видеть везде и всюду лишь его одного. Пылкая страсть его любви часто побуждала меня широко раскрывать объятия, чтобы со всею доступной мне силой прижать его к своей груди; материально я не испытывала никакого сближения с ним, но мой повелитель, соединяясь со мною, доставлял мне невыразимое блаженство. Но мало-помалу и тело (*sic*) стало принимать участие в восторгах души”*.

Агнеса Бланбекер считалась святою в Вене во времена

* *Moreau*. Des aberrations du sens génésique, 1880.

Рудольфа Габсбургского, и ее откровения прилежно собраны были ее исповедником. Вот некоторые из них.

Однажды ей явился Иисус Христос, весь покрытый ранами, и блаженство, которое она испытывала при созерцании этой божественной крови, было так велико, что она готова была лишиться всякого другого удовольствия, только бы сохранить это; при этом раны на руках означали для нее дарование, а на ногах — прощение; в другой раз Иисус Христос приготовил ей на кухне рагу из молока и миндаля, что означало страдание и сожаление. Однажды ей явился совершенно голый монах, и это означало позолочение церкви (!!)

Это — новый пример того странного сочетания эротических и религиозных стремлений, которое дало начало стольким обрядам в древности.

Я знал *эротоманьяков* еще более странных, которые влюблялись в существ вовсе не существующих и которые по двое (*folie à deux*) выказывали чувство, называемое нами *идеологической любовью*.

В апреле 1870 года в мою клинику привезены были две сестры, одержимые обе одним и тем же эротически-тщеславным умопомешательством; обе они жестикулировали и кричали в унисон, что, удерживая их в доме умалишенных, оскорбляется их благородство и что скоро придет офицер, чтобы освободить их и отомстить за них.

Одна из них, Коринна, 25 лет, с нежным лицом, каштановыми волосами, несколько продолговатым черепом, но почти нормального объема, с несколько расширенными зрачками и немного уменьшенной чувствительностью к страданию, была одержима галлюцинациями; так, например, она чувствовала запах серы и пороху и слышала голос офицера, который говорил ей то комплименты, то непристойности и к которому она обращалась со словами: “Приди и возьми меня”, повторяя эти слова с невыносимым упорством, как будто бы действительно имела дело с живой личностью. Она не питает никакой привязанности к семье, но зато чрезвычайную к сестре, которой беспрерывно пожимает руки, сообщая ей надежду на свое близкое замужество с воображаемым офицером. На просьбы поведать нам, о ком она говорит, она не может

ничего ответить, так как никто с нею никаких сношений не имел; от времени до времени она произносит отдельные фразы, характерные для систематического безумия, например: “У него *судебные должности* на ногах”. Нарядно одетая, она отвергала всякое платье, которое не было из шелка, и презирала нашу пищу, она, которая в ожидании счастливого замужества, питалась одними сладостями.

Другая сестра, Лаура, 27 лет, с еще более нежным лицом, одета так же изящно и имеет светлые, тонкие и густые волосы. Продольный диаметр черепа 170, поперечный 145, окружность 520; в средней части *suturae coronariae* наблюдается возвышение; зрачок неравный; чувствительность притуплена на правой стороне. Она очень интеллигентна, вежлива, сильно любит сестру, не страдает галлюцинациями, но со спокойной настойчивостью повторяет, что здесь ей не место, что она должна выйти замуж за офицера; спрошенная же, кто этот последний и как она с ним познакомилась, она ограничивается одним ответом: “Это офицер”. — “Но как его имя?” — “Не знаю; я его видела только один раз на ярмарке”. Часто она старается успокоить бушующую сестру, смеясь вначале над ее галлюцинациями, но затем она увлекается ее примером и кончает тем, что начинает кричать, биться головой о стену, рвать на себе волосы, подобно той.

Я старался добиться причины этого двойного умопомешательства и узнал следующее: отец их, тщеславный человек, питал страсть к алкоголю и промотал все свое состояние с друзьями; мать их была чрезвычайно пустым, горделивым существом и умерла, когда дочери были еще детьми; бабушка со стороны матери страдала горделивым бредом и внушила своим внучкам идею, что, выросши, они непременно выйдут замуж за принцев и графов; дедушка со стороны матери был помешанный; одна сестра умерла от чахотки, один брат — пьяница, другой — буян, третий перенес уже маниакальный приступ, четвертый, наконец, пьяница и честолюбец, убежал в Америку, похитив отцовские вещи; а все они чрезмерно преданы республиканским и социалистическим идеям.

Лаура, относясь прилежно к своим домашним обязанностям, по временам все-таки любезничала с офицерами и

унтер-офицерами; но из тщеславия отвергала их предложения, считая их ниже своего положения, которое, однако, отнюдь нельзя было назвать знатным.

Коринна, подверженная с детства головным и желудочным болям, избегала труда, также мечтая о несбыточном браке; десять лет тому назад она отклонила предложение одного чиновника, потому что однажды видела, как он ел каштановый соус; другому она отказала за то, что он был содержателем кофейни; странная, всегда полупомешанная, она в 1866 году совсем помешалась и стала вопить, что должна выйти замуж за красавца офицера, что она графиня, богата и т.п. Сестра ее вначале относилась недоверчиво к этим галлюцинациям и только из желания успокоить ее поддерживала их, но впоследствии, благодаря постоянному пребыванию вместе с нею, сама дала убедить себя в их действительности и стала подражать ей, а затем, сошедшись на одном и том же бреде, обе стали одинаково объяснять свои ощущения. Если кто-нибудь пел на улице, то это непременно был голос их друга; если никто не являлся, то это объяснялось их недостаточно богатым туалетом. Поэтому они то и дело заказывали полные свадебные гардеробы и расхаживали по комнатам в нарядных костюмах, днем и ночью, с шелковыми зонтиками в руках, все в ожидании его прихода; но так как он не являлся, то они заказывали новые платья, тратя на это все свое состояние, и, чтобы показаться своему фантастическому поклоннику более богатыми, оставили обыкновенную пищу и стали питаться одними сладостями, считая их более подходящими для своего будущего положения. И все время кричали: *“Что? Офицер? Отчего же он не приходит? ведь мы уже одеты!”* Так длилось дело до тех пор, пока в один прекрасный день им действительно представился какой-то офицер, который готов был жениться на одной из них, но они поспешили с презрением оттолкнуть его, не встретив в действительной личности того ангельского типа, который они мысленно создали себе; они никогда не выходили из дому и даже не высовывали головы в окно, чтобы при столкновении с практической жизнью их идеал не потерял своего престижа.

В моей клинике Лаура, разлученная с сестрой, вскоре успо-

коилась и снова взялась за труд, и только по изысканности поз и костюма да по некоторым недозрелым фразам можно было судить о ее болезни. Но зато другая продолжала пребывать в состоянии острой мании; она осыпала нас проклятиями, с отвращением отвергала всякую работу, рвала все платья, которые не были из шелковой материи, и находила недостойными себя белые и чистые больничные покрывала.

Изолированная и подвергнутая лечению водою с целью вызвать у нее обещание работать и не бредить более *офицером*, она в течение получаса сопротивлялась водяной пытке, но в конце концов сдалась до того, что дала надеть на себя грубое больничное платье, как я это приказал сделать, чтобы вызвать более глубокий переворот; с тех пор она неустанно работала, не проявляя так резко своего безумия, которое, однако, длится и поднесь, но только в более легкой форме.

Нет ничего поразительного в том, что эти две сестры, предрасположенные столькими наследственными причинами и воспитанием, впали в сумасшествие; труднее, однако, понять, каким образом и почему обе заболели одной и той же формой безумия, которое можно назвать платонической любовью в самом крайнем ее проявлении.

Чтобы объяснить это, должно прежде всего распознать сущность идеи. Идея — это миниатюрное изображение, акустическое или оптическое, получаемое мозгом от перцепируемых предметов; когда мы здоровы и бодрствуем, впечатление каждой отдельной идеи, каждого отдельного представления до того ослабляется серией других быстро сменяющихся идей, а еще более впечатлением действительных и живых ощущений, что она, идея, не имеет возможности вполне проявлять своего преобладающего влияния; но если, как во сне, чувствительность молчит или если вследствие чрезмерного фанатизма или мании какая-нибудь идея до того преобладает в мозге человека, что все остальные бледнеют перед нею и настоящие действительные ощущения не воспринимаются более, то она выдвигается на первый план.

Мысль о возлюбленном приходит в голову всем нашим девицам, но чтобы эта идея воплотилась в воображаемом возлюбленном, которого ласкаешь, слышишь, ви-

дишь, в то время как он вовсе не существует, — для этого нужно болезненное предрасположение со стороны наследственности и воспитания, так чтобы одна известная идея заняла первенствующее место и абсолютно властвовала над всеми остальными действительными ощущениями.

Если этих причин (наследственности и воспитания) достаточно для объяснения происхождения умопомешательства в одной из сестер, то нетрудно понять, как оно передалось другой, которая, также предрасположенная наследственностью и организацией, нашла новый импульс к болезни в сочувствии к сестре и, что еще важнее, в сожительстве с нею, что развило в ней тот инстинкт подражания, который так превалирует в интеллектуально слабых индивидуумах. Известно, что многие инквизиторы, недолго после осуждения колдуний, воображали себя самих одержимыми бесом; а на острове Яве и у самоедов эпидемически господствует у женщин род умопомешательства, которое заключается в подражании движениям других.

Морель видел молодую сестру милосердия, которая, находясь в продолжение 15 дней при маниакальной больной, заболела формой умопомешательства, вполне аналогичной эротическому; как у одной, так и у другой болезнь прошла одни и те же стадии и окончилась в одно и то же время.

В "*Annales Medico-Psychologiques*" за 1863 год рассказывается о двух братьях, которых 15 января обокрали; 24 января они оба во сне или в бреде закричали: "Вор пойман" и набросились на племянника, чуть не убив его. Один из них, продолжая пребывать в бреде преследования, вышел из дому и направился к реке, чтобы утопиться; ему помешали в этом два жандарма, которые, после жестокой борьбы, отправили его в больницу, где он вскоре после того умер от кровоизлияния в мозговые оболочки. Другой брат, ушедший из дому после первого, отправился к той же реке и утопился. *Финкельбург* описал (*Zeitschr. f. Psychiatrie*, 1861) двенадцать случаев умопомешательства из подражания.

Эти единичные случаи, наблюдающиеся большею частью у индивидуумов одной и той же семьи, объясняют те странные формы эпидемического помешательства из подражания, которые известны были в средние века.

Гораздо хуже *фантастической* любви, несомненно, та любовь, которую я назову *лживой*, или *симулированной*. Она наблюдается в особенности у истерических женщин, обвиняющих неповинных людей в том, что они изнасиловали, оплодотворили и истязали их. Одна из таких женщин, чтобы лучше доказать измышленную клевету против двух братьев, вогнала себе *in vaginam* тринадцать кусков железа, один гвоздь и целую связку стальных прутьев (*Алл. d'Нуг.*, 1864). Другая не только утверждала, что была изнасилована, но даже что родила ребенка, убила и похоронила его; а между тем она оказалась девственницей.

Зоологическая любовь. История упоминает о тех странных умалишенных, которые питали далеко не платоническую любовь к статуям великих скульпторов Греции. Несколько лет тому назад в Милане в суровую зиму застали голого сумасшедшего, расточавшего самые пылкие ласки статуе на Piazza Fontana. Но более общеизвестен тот вид любви, которую я назвал *зоологической*, хотя вернее ее назвать *животной*.

В Пезаро я видел слабоумных и эпилептиков, имевших любовные сношения с кошками, курами и козами. Всем нам знакомы те помешанные, или маттоиды, которые оказывают ласки и благодеяния животным — главной цели их жизни. В Женеве или в Милане, если я не ошибаюсь, жила одна дама, которая с королевской щедростью содержала двадцать собак, о свадьбах и родах которых она извещала своих друзей в подобающих письмах*.

Всем известна любовь Калигулы к своему коню, ставшему под его покровительством сенатором и затем даже консулом римским, но немногим, вероятно, известно, что граф *ди Мирандола* оставил в 1821 году все свое наследство рыбе, а *Borscey* завещал 25 фунтов стерлингов четверем своим собакам.

* Один высокопоставленный богатый военный относился с такой любовью к своей собаке, что извещал об ее амурах и родах своих знакомых в настоящих циркулярах; она же, быть может вследствие чрезмерных забот, умерла во время родов; он устроил для нее великолепную гробницу, куда поставил ее труп вместе со своей фотографией, но в течение многих лет после этого не мог успокоиться. "Когда в семье, — говорил он, — возникают неприятности, меня ничто более не утешает".

Но более всех выделяется в этом отношении *Gata Machado*, который в одном из своих 61 завещания оставил 30 тысяч франков дохода своей компаньонке за заботы о его любимых птицах и 20 тысяч в награду человеку, который, стоя на одном из сенских мостов с громадным объявлением, не давал извозчикам мучить лошадей и мулов*.

Недавно ко мне обратилась за советом знатная иностранка, рано оставшаяся вдовой, маленькая, бледная, с живым взглядом и продолговатым черепом. Страдая с девичьего возраста истерическими судорогами, большою нетерпимостью к холоду и головокружениями, она не имела никакого полового влечения к своему мужу, к которому питала живую платоническую привязанность. Овдовев, она мало-помалу влюбилась в своего голубя. “Когда я его вижу, я бледнею и затем краснею, сердце бьется в моей груди, а затем, как бы охваченная стыдом и боязнью показаться смешной или сумасшедшей, я бросаю его в сторону, но лишь затем, чтобы после еще любовнее приласкать его”.

Я отнюдь не имею в виду смешивать с этими помешанными заслуженных членов общества покровительства животных; но я не могу не сознаться, что у меня возникло сомнение относительно умственной вменяемости тех людей, например, которые не побоялись публично высказать намерение взорвать динамитом всех нас, профессоров Института S. Francesco da Paola, со всеми нашими лабораториями, за то, что мы позволяем себе жертвовать для науки жизнью собак, и которые тратили массу денег на то, чтобы отвлечь собак от наших опытов и затем убивать их по-своему, в то время как эти деньги нашли бы гораздо лучшее употребление, если бы ими оказали помощь тому *ближнему*, который, не умея более работать вследствие старости или болезни, вынужден просить кусок хлеба и получать его слишком горьким и соленым из рук богача или священника.

Парадоксальная любовь. Есть еще другая серия безумных поступков, где половой инстинкт играет не последнюю роль; как, например, в случае с юношей, который постоянно воровал принадлежности дамского костюма, рубашки, кальсоны,

* *Legrand du Saulle. La folie devant les tribunaux, 1864. P. 218.*

чулки, из которых не делал никакого употребления, довольствуясь одним созерцанием их*. В случае, описанном Гофманом**, молодой человек, имевший многих помешанных родственников и страдавший долгое время головными болями, имел странность похищать у девушек башмаки и убегать с ними. Я не говорю уже о тех эксгибиционистах, одержимых большею частью старческим слабоумием и начинающимся общим параличом, которые находят удовольствие в обнажении своего тела перед прохожими, или, что еще более оригинально, в акте мочеиспускания в присутствии других, как это наблюдал Арндт у одного молодого человека, с детства предававшегося мастурбации, страдавшего меланхолией и каталепсией и имевшего брата-эпилептика и родителей-невротиков.

Извращенная любовь. В высшей степени странна та форма половой психопатии, которую Вестфаль*** назвал *превратным половым ощущением (conträre Sexualempfindung)*, описав любопытные примеры ее. Между прочим, он описал одну девушку, которая с 8-летнего возраста, совершенно избегая общества мужчин, чувствовала сильное влечение к женщинам, с которыми предавалась онанизму; не получив взаимности в одной новой своей страсти, она заболела неистовой манией, перешедшей затем в циркулярное сумасшествие. Она страдала головокружениями и одышкой и проявляла волчью обжорливость; лицо у нее было асимметрическое, голова маленькая; отец ее покончил самоубийством, а мать была испугана во время беременности. Второй случай касается старого вора и мошенника, который был арестован на станции железной дороги в дамском костюме. Он был сложен и развит, как мужчина, но голос его, походка и волосы были женскими. Он сознался, что с детства испытывал особенное влечение надевать на себя дамские платья и украшения и жить с женщинами, питая в то же время полное отвращение к мужчинам; когда же он пытался подавить в себе этот инстинкт, то им овладело какое-то состояние ужаса и страха. На 16-м году он, после испуга, заболел

* Vierteljahrschr. F. Gerichte. Midizin, 1878. P. 61.

** Op. cit. P. 355.

*** Arch. F. Psych., Berlin, II. P. 73.

эпилептическими припадками. Находясь в услужении в одной семье, он похитил несколько платьев своей госпожи; однако платья, которые он носил, “чтобы испытать, к лицу ли они ему”, были куплены на свои деньги.

Я знал одного 48-летнего психопата, который истратил все свои деньги на подарки юношам, за которыми ухаживал, желая играть роль женщины; он нападал и колотил тех из них, которые не называли его Луизой; реденькие волосы его были расчесаны и заплетены, а костюм был наполовину мужской, наполовину женский; словом, по внешности это был тип истинного педераста.

Другой чрезвычайно интересный случай опубликовал недавно *Tamassia**. Крестьянин Р. С., мать которого страдает истерией, один дядя идиот, а другой причудлив, посещал школу без особенной пользы; с 12 лет он стал проявлять боязнь в обществе мужчин, а в обществе женщин выказывал какую-то стыдливую гордость, когда кто-нибудь позволял себе двусмысленное слово. Между 15-м и 17-м годом он отрастил волосы, заказал платье, которое бы лучше обрисовывало контуры его тела, и иногда говорил, что он не мужчина; в беседе с женщинами говорил “мы” и исковеркал на женский лад свое имя. Находясь в услужении у одного чиновника, он однажды услышал от него совет надеть на себя женское платье; шутка эта, однако, вполне соответствовала его влечению, и он осуществил ее: стал по-женски причесываться, надел дамский туалет, чем возбуждал всегда смех толпы, воображал себя любовницей многих мужчин и даже вообразил, что благодаря своему хозяину забеременел и родил сына!.. Шесть месяцев спустя он снова надел мужское платье, оправдываясь тем, что его побудила к тому необходимость добывать себе пропитание, так как в женском костюме никто не желал принимать его в услужение. Невзирая, однако, на это, он долгое время хранил еще у себя некоторые принадлежности дамского туалета, в которых иногда показывался на улице, но которые преимущественно носил в своей комнате, завивая себе длинные волосы, обнажая шею и высоко приподнимая юбку, чтобы видны были икры. В

* *Riv. sperim. di freniatria*, IV, 1878. Reggio.

течение нескольких лет он исполнял обязанности слуги, предпочитая женские занятия и избегая мужских. Ему доставляло большое удовольствие, если мужчины его хвалили, признавали его красоту или подозревали в нем женщину. Из одного дома его прогнали за кражу косметических средств, а способ, употребленный им для совершения кражи, достаточно доказывает его умственное убожество: отрицая кражу, он спрятал похищенные вещи в узелок своих вещей, так что без труда был уличен. Из другого дома его прогнали за кражу кольца у хозяйки, которая, заметив это, подняла тревогу. Он же между тем надел уже кольцо на палец и, публично показывая его, как будто вещь, полученную в подарок, с фатовской ужимкой спросил, “не идет ли оно ему и не придает ли красоты”. В тюрьме он допустил телесный осмотр, которому противился на свободе. Он был среднего роста и крепкого телосложения; кожа нежная, скудно покрытая волосами, извивающимися до самых плеч; лоб низкий, выдающийся в верхней части; лицо маленькое, покрытое роскошной бородой, с выдающимися скулами; нос тупой, глаза круглые, темные, брови густые; полные губы открыты и слегка улыбаются. Половые органы нормальны, голос слабый, с фальцетным тембром. Для выпуклости бюста он носил подушечки, которые должны были заменять груди, а панталоны были подбиты ватой, чтобы икры казались более круглыми.

*Гок** описывает подобные случаи у действительных помешанных. Так, например, один еврейский юноша 22 лет, тупоумный, брат помешанного, с женским лицом, страдавший галлюцинациями и занимавшийся онанизмом, обнаружил склонность прикасаться к половым органам мужчин. Он был отпущен, но вскоре обратно доставлен за свои противоестественные наклонности.

Крафт-Эбинг рассказывает об одной девушке (мать и сестра которой были невропатками), чрезвычайно раздражительной сомнамбуле: вследствие душевного угнетения она 22 лет от роду заболела периодической манией с непреодолимым стремлением к индивидуумам своего пола и величайшим отвращением к мужчинам, которое исчезло на 28-м

* Arch. F. Psych., V, 564.

году. Другая девушка, происходящая от экзальтированной матери и имеющая сумасшедших сестер, в детстве страдала конвульсиями, впоследствии стала раздражительной, эксцентричной и проявляла бред преследования; на 24-м году ее охватила мания с таким влечением к особам ее пола, что невозможно было разлучать ее с ними; через два месяца этот отвратительный инстинкт совершенно исчез.

В Павии я лечил одного 13-летнего мальчика, страдавшего эпилепсией вследствие травматического ранения правой части головы; у него была чрезвычайно нежная физиономия, хорошее сложение, красивая форма черепа; при этом он был интеллигентен и честен. После первых же эпилептических припадков он стал ленивым, не способным к учению, воришкой и, что еще более странно, пассивным педерастом, так что даже шлялся по казармам. Принятый в клинику, он стал для нее настоящим бичом вследствие своей нравственной испорченности; в течение пяти лет, пробытых им в клинике, я мог наблюдать полнейшее приостановление роста и полового развития, так что мы имеем здесь дело с истинной маниакальной педерастией, вызванной приостановкой мозгового развития вследствие поранения.

Я обращаю при этом внимание на то, что почти во всех подобных случаях мы находим аномалии, указывающие на задержание развития: мало волос в бороде, недалекий ум, атрофию яичек (*Шюле*) и часто эпилепсию.

Эта форма “превратного полового ощущения” — переходный пункт к тому виду педерастов, описанных впервые *Каспером*, которые от рождения чувствуют влечение к пороку — единственной идеальной цели в их жизни. Вспомним здесь пространное самооправдание *Застрова* и про замечания *Ульрихса*, который в своих книжках *Vindicta*, *Atra spes*, *Inclusa*, *Gladins fovens*, основываясь на том факте, что в первые месяцы внутриматочной жизни оба пола недостаточно ясно отделены, утверждал, что нельзя исключить возможности, чтобы душа женщины заключалась в мужском теле [*anima mulieris in corpore virili inclusa*], и настаивал, чтобы церковь санкционировала законность брака между мужчинами!

Доля истины имеется в бреде жертв этой странной болезни. Дело в том, что гермафродиты и псевдогермафродиты чувствуют потребность проявлять любовь в направлении, противоположном кажущемуся полу.

Но еще более печальная и отталкивающая форма любви у помешанных — это *satyriasis* и *nimfomanis*, которые наблюдаются при общем параличе, старческом слабоумии, эпилепсии, спинальном склерозе, чахотке, гидрофобии или же вследствие чрезмерной жары, глистов, ношения слишком тесных платьев, чтения грязных книг, во время и после чрезмерных менструаций, главным же образом вследствие мастурбации, которая, как отлично выразился Эмингаус*, возбужденная вначале фантазией, потом со своей стороны возбуждает и раздражает последнюю и снова возбуждается ею.

Я лечил однажды мальчика-онаниста, который восьми лет от роду покушался на изнасилование своей матери. Галль наблюдал одного 3-летнего и одного 5-летнего сатириаков. Субъекты эти большею частью находятся в состоянии полной гиперестезии к свету, к звуку, половым ощущениям; они бросаются на женщину, не обращая внимания на ее возраст; а если им мешают, приходят в ярость и становятся вампирами (*Моро*).

Нимфомания превращает самую робкую девушку в вакханку, которую по нескромности нельзя даже сравнить с проституткой. Каждый встречный мужчина становится предметом ее страстных желаний; она зовет его, просит, старается возбудить хитростью, ласками и самым утонченным кокетством, но если этим не достигает цели, то пускает в ход насилие и угрозы. Часто она страдает от чрезмерной жажды. Запекшиеся губы, зловоние изо рта, слюнотечение, высунутый язык, подергиванье ног, холодный пот и стремление убивать всякого встречного — вот симптомы, дополняющие картину болезни, похожей на гидрофобию, тем более что, как и при последней, здесь наблюдается боязнь жидкостей и чувство удушья. Позднее наблюдается опухание клитора и лимф, протрация сил и наконец смерть.

Более часта слабая форма нимфомании, которая прояв-

* *Emminghaus. Allgemeine Psychopathologie, 1878.*

ляется в наклонности обнажать свое тело, рвать на себе одежду, презирать свой пол, говорить о брачной ночи и пр. [Emminghaus].

Я видел случай, в котором эта ужасная любовь или, лучше сказать, болезнь проявилась у одной весьма благородной женщины после дифтерита, и я упоминаю о нем здесь, потому что и до сих пор этот случай остался единственным, по крайней мере в психиатрии.

Это была 38-летняя женщина, мать и сестры которой страдали чахоткой. Муж ее был сварливым человеком, что, однако, не мешало ей любить его и быть ему верной; вообще она вела такой скромный образ жизни, что в городе почти не знали про ее существование. Тридцати пяти лет она заболела бронхитом; тридцати восьми лет она внезапно помешалась на том, что ее околдовали, стала онанировать, настоятельно требовала супружеских сношений. Исследование показало следующее: обложенный язык, ненасытная жажда, рвота; в груди плевритическое трение с левой стороны и свистящие хрипы в верхушке; с правой стороны везикулярное дыхание почти уничтожено, при тщательном исследовании с помощью выстукивания и выслушивания получают все симптомы существования каверн в верхней доле легкого; живот чувствителен к давлению, vulva изъязвлена, с обильным лейкокорным истечением; большая насильно и бурно вводит туда руку и посторонние тела, раздражая этим слизистую оболочку; каждый раз она проявляет желание укусить кого-нибудь и совершенно отвергает пищу. Моча 1015, Фогель 2, мало кислот; через несколько дней 1020, с белком. Через 12 дней наступил паралич мочевого пузыря, при этом сильная боль в гортани, температура 40°. На некоторое время она при этом успокоилась, но затем еще сильнее стала онанировать и впала в спячку. 24 часа спустя реакция мочи стала щелочною, 1025; впервые выступили дифтеритные пленки, которые, как оказалось при вскрытии, перешли и на пищевод, осложнив собою гнойный бронхит; матка очень маленькая с инъецированным, гранулезным зевом, левая почка нормальна, правая срослась с капсулой, кора, чашечки и мочевые каналы представляют гнойно-серозную инфильтрацию.

В более легких случаях женщина старается владеть собою и выказывает лишь сильное беспокойство, перемену в характере, изощренное кокетничанье или упорную грустную молчаливость; при виде мужчины ее дыхание учащается, пульс становится быстрее, выражение лица оживленнее; но вначале сдержанная, она затем забывает о скромности и начинает думать и говорить лишь о распутстве. Женщин она избегает и дурно относится к ним. Я знал одну, которая хвастала тем, что имела 44 любовников; когда она встречалась со студентами, то самым бесстыжим образом приглашала их к совокуплению. Однажды она самым серьезным образом рассказала мне, что имела coitus с каменщиком, работавшим недалеко от больницы, и описание было такое точное, что я почти поверил ей, а между тем это была галлюцинация, точно так же как и рассказ об обезглавлении ее сыновей; однако эти галлюцинации не были так упорны и постоянны, как это обыкновенно наблюдается у мономаньяков.

Женщины, страдающие половой психопатией, значительно превосходят в этом отношении мужчин, и после долголетнего опыта я убедился, что *Hergt* не преувеличивал, утверждая, что две трети помешанных женщин страдают болезнью половых органов: гипертрофией шейки, язвами зева, маточно-влагалищными сращениями, катарами, оваритами, будь это в виде осложнения расстройств абдоминального кровообращения (*Флеминг*) или вследствие анемии и слабости, вызываемой обильными потерями крови, или вследствие гиперестезии и раздражения спинного мозга, которые, возбуждая более живые маточные рефлексy и ослабляя психическую деятельность, вызывают конвульсии, благоприятствуют возникновению ненормальных ощущений и превращают их в иллюзии, галлюцинации, импульсивные безнравственные поступки или в более странные виды безумия, которые *Крафт-Эбинг*, например, наблюдал у девятнадцати женщин, возобновлявшиеся вместе с регулами.

Многие, подобно детям после сказки, нуждаются в том, чтобы им сказали, к какому заключению приводят факты, о которых шла речь, и это обстоятельство трудно обойти. Недостаточно сказать им, что в позитивных науках факты сами за себя

говорят. К счастью, в данном случае вывод ясно бросается в глаза; вывод этот тот, что и сумасшествие тесно связано с физиологическим состоянием и что в любви помешанных в преувеличенном виде представлены наклонности здорового человека. И в самом деле: молчаливая меланхолия, возникающая из несчастной любви, — преувеличение того состояния, в котором, как утверждал Данте, скрываются великие страдания.

Точно так же и та форма сумасшедшей любви, которую я назвал *немою*, может быть в зародыше наблюдаема у более робких влюбленных, которые приписывают влюбленным особам идеи и поступки, на которые они вовсе не способны и которые им никогда в голову не приходили; при этом они воображают, что в каждом их движении и в каждой мысли скрываются эффекты и тайные цели, которых, кроме них, никто не угадывает, а менее всего — их милая.

Эротомания — это платоническая любовь в карикатуре, точно так же как нимфомания — карикатура грубоживотной любви. Эротически-кровавая форма, некрофиломания, напоминает любовь (и происходит от нее) наших отдаленных предков, которые не довольствовались, как это принято теперь, вздохами и золотом, а доходили до жестокой борьбы, в которой те или другие падали мертвыми, будь это для уничтожения сопротивления женщины, для которой брак был новой формой рабства, или для удаления соперников. След этого обычая сохранился в браках дикарей, например, в Австралии, где принято, чтобы муж поджидал жену за забором, сразил ее ударом в затылок и, лишенную чувств, отнес на брачное ложе. От этих обычаев ведут начало некоторые брачные обряды многих наших народов, симулирующих борьбу или похищение; не подлежит сомнению, что след их сохранился в ужасном празднестве *Jagraat'a* в Индии и в римских вакханалиях, где каждый сопротивляющийся совокуплению, даже мужчина, разрезывался на мелкие кусочки (Тит Ливий, XXXIX, сар. VIII).

Эта жестокость наблюдается вообще у животных во время течки, когда более сильный соперник убивает или ранит более слабого и остается победителем; но она наблюдается также и у современного человека.

Лукреций, великий мыслитель, наблюдал, что мужчина, которому женщина оказывает сопротивление при совокуплении, становится диким и жестоким и способен поранить и побить эту женщину*.

Мантегацца признался один его приятель, что им овладела сильная страсть душить кур, когда после первого убийства одной курицы он испытал наслаждение в ощупывании ее теплых внутренностей, каковое ощупывание доставило ему чрезвычайное удовлетворение его сладострастия. Один тонкий наблюдатель указал мне на то, что во Флоренции некоторые богатые развратники имеют обыкновение для возбуждения своей похотливости покупать кошек, которых выпускают на свободу из закрытых мешков, натравляя на них свирепых собак. История, впрочем, показывает нам, что всегда в случаях буйств и грабежей жестокость сочетается с самой необузданной похотливостью.

Извращенная или превратная любовь напоминает и объясняет нам лесбийские ужасы; возможно, что она ведет начало от того гермафродитизма, который *Дарвин* предполагает у наших отдаленных предков и который наблюдается в первые месяцы зародышевой жизни, а также, как верно указывает *Гофман*, от той аналогии обоих полов, которую я открыл у преступников.

Наконец, самые странные больные, одержимые *тео-эротоманией* напоминают тех несчастных, которые всем сердцем отдаются церкви, когда им больше нечего ждать от мужчины.

Что касается преобладания половых и эротических отклонений у женщины, то это обстоятельство снова подтверждает большее влияние, оказываемое на нее любовью и половым аппаратом, в сравнении с мужчиной который, быть может, вследствие этого уже за много веков называл ее на языке семитов, а в Индостане *Kala-tra, semen serbans*. Если, с одной стороны, и печально, что половая сфера у женщины служит для нее таким фатальным источником нервозности

* Цель вожделий своих сжимают в объятых и, телу
Боль причиняя порой, впиваются в губы зубами
Так, что немеют уста...

Лукреций. О природе вещей. М., 1958. С. 156.

и психопатии, то, с другой стороны, даже психиатрической, это обстоятельство вознаграждается надеждой на ту терапию, которая впервые введена у нас *Де-Кристофорисом* и *Францолини* и которая излечивает некоторые психозы и наиболее упорные рефлекторные невроты посредством удаления яичника*.

ПРИБАВЛЕНИЕ

1. Серия новых форм любви у помешанных не была, как я это полагал, исчерпана описанными выше.

Недавно мне представился некто Карл Бор. 20 лет, из Турина; он был маленького роста (1,44), противен лицом, с черными волосами и беспокойным взглядом. Он жаловался на частые боли в межреберьях и позвоночнике, в местах, соответствующих поясничным позвонкам.

Но причина, вследствие которой он явился ко мне за советом, состояла в том, что он был подвержен постоянным эрекциям и чрезмерной возбудимости, которая доводила его до изнасилований, когда он видел пред собою какой-нибудь белый предмет, будь это даже стена; в особенности он приходил в возбужденное состояние при виде развешанного и развевающегося белья. Первое проявление этого странного ощущения он относит к самой ранней эпохе своего детства, когда, видя своих сверстников в белых передничках, испытывал возбуждение и живое удовольствие в прикосновении к ним; впоследствии шуршание белья доставляло ему наслаждение, равносильное сношению с женщиной.

Девяти-десяти лет он стал заниматься онанизмом, но извержение семени происходило лишь при виде накрахмаленного белья.

Это состояние было причиной нескольких изнасилований и постоянной потребности совокупления, для удовле-

* 23 летняя Бортолацци родители которой болеют пеллагрой, а бабушка болела нимфоманией, с 18-летнего возраста страдала конвульсиями, переходившими в неистовую манию после каждого регул; по удалении профессором *Францолини* яичников, находившихся уже в состоянии коллоидного перерождения, наступило внезапное улучшение (*Archiv. ital. per le malattie nervose*. Milano, 1880. fasc. 6).

творения которой он стал воровать. Но, как я понял из его истории, склад его души был аналогичен складу души у рожденных преступников.

Не по летам развитой, он вначале любил учение, но на 9-м году стал удаляться от школы; родители били его; он украл у них 22 лиры и отправился в Геную, затем в Неаполь, откуда власти отослали его обратно в Турин. Вернувшись сюда, он некоторое время оставался дома, но затем отправился в Беллинцону, а оттуда, 12 лет от роду, пошел пешком во Францию, где стал каменщиком.

Четырнадцать лет он стал иметь сношения с женщинами.

В Турине он в 16 лет был арестован за нанесение ран острым орудием, а в 18 лет обвинялся в убийстве из-за женщин и был осужден на год тюремного заключения.

Следует еще упомянуть, что Бор. еще мальчиком получил тяжелое поранение головы, от которого долгое время страдал.

Как это обыкновенно в таких случаях бывает, он происходит от невропатов.

Отец Б. здоров, но мать страдает мигренью, сестра истерией; дедушка умер от душевного расстройства, наступившего после финансовых потерь, бабушка случайно умерла от отравы; один кузен — полудиот, один брат — заика.

Я вначале отнесся недоверчиво к его признаниям, потому что, если он и был невропатом, что доказывалось различными невротами, притупленной чувствительностью, правосторонними парезами и наследственным предрасположением, то дело шло также о преступнике, который мог иметь свой интерес в симуляции, но когда я наткнулся на два случая *Маньяна* и *Шарко*, имеющих столько аналогии с моим случаем, то последний стал для меня вполне вероятным.

Вот история случая *Шарко*.

С., крестьянин 37 лет, отец которого алкоголик, дядя сумасшедший, мать и сестры нервные и меланхоличны, а брат помешан, сам кривоголовый. Пятнадцати лет он увидел сушившийся на солнце белый передник, взял его, обвязал вокруг тела и прикосновением к нему стал онанировать за забором. С того дня он не мог видеть передников, чтобы не завладевать ими для мастурбации, после которой бросал их

прочь. Когда он видит кого-нибудь в переднике, то, невзирая на пол, чувствует потребность следовать за ним.

В 1861 году родители отдали его в морскую службу, чтобы положить конец этому состоянию, и действительно, не видя перед собою передников, он успокоился, но в 1864 году, вернувшись в отпуск, он снова проявил свою странную склонность и стал красть передники. И днем и ночью он только о них и думал, и его толкало красть только передники, а не что-нибудь другое. Если бы пред ним лежали тысячи франков и передники, он бы к деньгам даже не прикоснулся, а взял бы одни передники.

Два раза он был судим за такую кражу и приговорен к небольшим наказаниям.

В 1870 году он однажды увидел пред лавкой выставку из ряда очень чистых передников. Он простоял пред ними на страже целый день. Ночью он перелез через стену во двор, откуда можно было проникнуть в лавку и завладеть передниками. Он был арестован и осужден. Отбыв наказание, он, для избежания передников, определился на 2 года на трансатлантический пароход, затем поступил в монастырь, истязал себя и на некоторое время успокоился, но вскоре его страсть снова возникла, и уже в качестве служителя при гостиницах он стал красть или приобретать все новые передники. Он спал с ними. В 1880 году он ночью покушался на кражу передников, которые днем заметил в одном магазине. Он был арестован. При обыске у него нашли массу передников, запятнанных мужским семенем. На сей раз сумасшествие было распознано, и он был отправлен в дом умалишенных.

Еще оригинальнее другой случай. М. Х., у которого, между прочим, наблюдаются фимоз, удлиненная на несколько сантиметров крайняя плоть и припухший у основания penis, происходит от в высшей степени нервных, почти помешанных родителей; рано развившись, он трех лет от роду умел уже читать, но, физически очень слабый, он шести или семи лет стал проявлять странную склонность — смотреть на ноги женщин, чтобы удостовериться, имеются ли гвозди в их ботинках, и вид этих гвоздей наполнял его существо каким-то необыкновенным удовольствием. Он овладел ботинками

двух своих кузин, чтобы сосчитать количество штифтов в них, а ночью в постели только и думал о сапожнике, который их вбивал, о мучениях девушки, если эти гвозди ей врезаются в ноги, как у лошадей, или если ей совсем отрезают ноги, и в то же время онанировал, более для пополнения фантастичности истории (уверял он), чем для материального удовольствия, которое он при этом испытывал.

Отданный в школу, он, не видя перед собой женщин, казался менее возбужденным. Понимая, что дело, быть может, идет о печальной привычке, он старался пересилить себя. С горячей головой и тесно сжатыми кулаками, он употреблял все средства, чтобы успокоиться, но вместо успокоения получался лишь полнейший упадок сил. Очень часто, при мысли о ботинках, возбуждавших его эротические идеи, вращавшиеся вокруг одного и того же предмета, он выбрасывал семя, без всякого прикосновения к чему-нибудь и хотя это было ему противно, ибо прерывало нить его эротических представлений. Ухудшалось это состояние во время каникул, когда он находился вблизи своих кузин; одна из них, более сметливая, обыкновенно клала свою ногу на ногу двоюродного брата, хотя последний никогда с нею на этот счет не условливался, в особенности она любила это делать, когда бывала в новых ботинках, и тогда одного прикосновения к гвоздям бывало достаточно, чтобы он выбрасывал семя.

На 18-м году он стал испытывать сладострастную дрожь при звуке женских шагов на улице (а он в этом отношении приобрел необыкновенную тонкость), если по этому звуку мог догадаться, что ботинки были с гвоздями; то же самое он испытывал, когда проходил мимо сапожников и видел у них дамские ботинки. Некоторое успокоение доставила ему настоящая любовь к одной девушке и женитьба на ней, но вслед за этим дело пошло еще хуже прежнего. В 1868 году вид гвоздей не вызывал более эрекции, а странное чувство давления в мозге, переходившее на затылок и члены; при этом глотка стягивалась, лицо оживлялось и он испытывал сладострастное ощущение, которое не сопровождалось эрекцией.

Припадок этот бывал слаб, если, например, какой-нибудь сапожник говорил с ним вообще о дамской обуви; сильнее,

если эта обувь принадлежала знакомой ему женщине; еще сильнее, если он видел эту обувь на самой женщине и если при этом гвозди были большие; сильнее всего — если женщина, носившая обувь, была молода и красива.

Если он прикасается к этим гвоздям или слышит их звук, в особенности же если прикасается к ним *repis'om*, то происходит эякуляция.

Эти мысли внезапно возникают в нем, когда он сильно о чем-нибудь думает. Борьба с ними кончается тем, что он начинает страдать галлюцинациями: ему кажется, что какой-то голос внутри его кричит ему, что всякое сопротивление напрасно. После каждого приступа он засыпает глубоким сном. Вообще же он плохо спит, испытывает тягостное ощущение в затылке и чувствует себя хуже всего летом.

В общем, это был весьма образованный молодой человек и хороший управляющий. Однажды его застали онанирующим пред магазином обуви и арестовали.

M. L., 37 лет, отец которого оригинал, обжора и часто страдает галлюцинациями, а брат проявляет странные и дурные привычки, был прилежен, но ему все трудно давалось, так что он вынужден был переменить несколько занятий. Когда ему было 5 лет, он, лежа со своим 30-летним родственником в постели, испытал эрекцию, когда тот надел свой ночной колпак; точно то же он испытывал, когда его горничная надевала чепчик. Он не онанировал с товарищами. Женившись впоследствии, он не мог иметь эрекций, если не думал о ночном чепце.

2. *Преждевременное развитие любви.* Мы видели, что все эти только что описанные случаи ненормальной любви возникали и зарождались в раннем детстве; в моем случае уже в трехлетнем возрасте.

Заметим, что вообще извращение полового чувства почти всегда развивается преждевременно, как это видно, кроме описанных случаев *Шарко*, еще из следующих.

R., упоминаемый *Шарко*, впервые стал испытывать удовольствие при виде обнаженных мужчин, когда ему было 6 лет, и с этого же времени стал пытаться надевать на себя женское платье.

Я лечу в настоящее время девушку, о матери которой

можно сказать лишь одно хорошее, но бабушка которой — развратница, дедушка — пьяница и двоюродный брат — преступник; с 3-летнего возраста она стала заниматься онанизмом, не в состоянии будучи уступить ни упрекам, ни угрозам, ни врачебному лечению; она доходила до того, что онанировала тем самым инструментом, который употреблялся для впрыскивания ей лекарств.

Другая пациентка, происходящая от невропатической семьи, маленького роста, *dolichocephala*, интеллигентная, восьми лет стала онанировать, наученная тому одной подругой, и продолжала делать это и после замужества, в особенности когда бывала беременна. У нее было 12 детей; из них 5 преждевременно умерли, 4 имели дурное строение черепа и выказывали порочные наклонности. Один из них, интеллигентный, с 7-летнего возраста стал заниматься онанизмом, выказывая в этом необычайное упорство; точно так же и другой брат, умственно отставший, стал онанировать с 4-летнего возраста, находя в каждом движении предлог к мастурбации.

Третья пациентка, 4-летняя девочка, идиотка, с огромными ушами, почти не умеющая говорить и страдающая конвульсиями, также проявляет уже эту похотливую наклонность.

*Zambaco** только что описал двух сестер, одержимых странной и преждевременно развившейся страстью к онанизму.

N. R., десяти лет, проявляет преждевременное развитие в выражении лица и в поведении; она тщеславна, горделива и предпочитает общество маленьких мальчиков, насильственные действия над которыми она заставляет прощать себе ласками и любезностями. С нею бывали припадки бешенства, во время которых она металась по земле. С 5-летнего возраста она стала проявлять наклонность к краже даже таких вещей, которые могла бы получить даром.

Обладая пылким воображением, она любила прекрасное, но осмеивала Бога. С 1879 года она стала страдать белями (у нее нашли *oxinris*), вследствие чего похудела. Семи лет она украдала какие-то туалетные вещи и лакомства; застигнутая врасплох, она упорно отрицала это. С тех пор стали замечать, что она старалась уединиться с маль-

* Encephale n. 1—2, 1882.

чиками в одну хатку, будто бы для игры в орехи. Но вместо этого она предавалась с ними мастурбации.

В 1881 году она уличена была в новых кражах; в то же время у нее заметили припухлость *vulvae* вследствие постоянных раздражений. Обыкновенно она старалась так усаживаться на стуле, чтобы можно было вызывать эротическое возбуждение.

Кнут не помог; он только притупил ее, сделал коварной и злой; точно так же не помогли смирительная рубашка и холодная вода, которою она вначале старалась успокоить себя.

Верхняя часть тела очень исхудала, но зато тем лучше развилась нижняя. “Почему я стану лишать себя такого невинного удовольствия? — говорила она и затем прибавляла: — Я знаю, что это дурно, но я не могу поступать иначе”.

Она припоминала, что, будучи еще совсем маленькою, она видела, как одна ее наставница делала то же самое в ее присутствии. Позднее другая наставница, запретив ей прикасаться к *genitalia*, возбудила ее любопытство. Вначале она стала трогать свои *genitalia* из одного любопытства, не испытывая при этом никакого удовольствия, но впоследствии желания стали являться в определенные часы.

Она испортила 4-летнюю сестру, которая также стала испытывать удовольствие от мастурбации на восьмом году; позднее она предавалась порочным поступкам с мальчиками.

“Для меня нет ничего ужаснее, — говорила она, — как желать сделать *это* и не быть в состоянии: можно с ума сойти. В такие моменты я чувствую головокружение. Я ничего не вижу, ничего не боюсь, лишь бы я могла это сделать.

Когда я бывала огорчена, я это делала чаще и больше, точно так же когда меня уличали в краже. Я пользовалась круглыми телами. Иногда головными шпильками, вид которых внезапно пробуждал во мне желания, затем молитвенником.

Если мне препятствовали в этом удовольствии, я страшно злилась. Я призывала дьявола, который однажды ночью неожиданно явился. У него было страшное лицо. Я испугалась и на другой день исповедовалась, но затем опять стала призывать его и уговаривать убить моих родителей”.

Содержание

ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕШАТЕЛЬСТВО. Параллель между великими людьми и помешанными	3
I. Введение в исторический обзор	7
II. Сходство гениальных людей с помешанными в физиологическом отношении	10
III. Влияние атмосферных явлений на гениальных людей и на помешанных	29
IV. Влияние метеорологических явлений на рождение гениальных людей	46
V. Влияние расы и наследственности на гениальность и помешательство	51
VI. Гениальные люди, страдавшие умопомешательством: Гаррингтон, Болиан, Кодацци, Ампер, Кент, Шуман, Тассо, Кардано, Свифт, Ньютон, Руссо, Ленау, Шехени (Szécheni), Шопенгауэр	63
VII. Примеры гениев, поэтов, юмористов и других между сумасшедшими	94
VIII. Сумасшедшие артисты и художники	108
IX. Маттоиды-графоманы, или психопаты	135
X. “Пророки” и революционеры. Савонарола. Лазаретти ..	161
XI. Специальные особенности гениальных людей, страдавших в то же время и помешательством	208
XII. Исключительные особенности гениальных людей. Заключение	226
Приложения	233
ЖЕНЩИНА ПРЕСТУПНИЦА И ПРОСТИТУТКА	303
Любовь	305
I. Любовь у животных	305
II. Любовь у человека	311
История проституции	329
I. Стыд и проституция у диких народов	329
II. Проституция у исторических народов	337
Врожденные проститутки	363
Случайные проститутки	409
Преступность женщины	423
I. Преступность самок в царстве животных	423
II. Женская преступность у диких и примитивных народов	428
Врожденные преступницы	443
Случайные преступницы	487
Преступницы по страсти	505
Самоубийцы	523
ЛЮБОВЬ У ПОМЕШАННЫХ	535
Прибавление	568

**ПО ВОПРОСУ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ
ОБРАЩАТЬСЯ:**

г. Минск, тел. (017) 222-57-26,
e-mail: popuri@belsonet.net;
г. Москва, ООО «Робелс»,
тел. (095) 489-10-26, (095) 253-53-24;
г. Киев, пр. Красных Казаков, 6,
«Книжный дом “Орфей”», тел. (044) 418-84-73

Научное издание

ЛОМБРОЗО Чезаре

**ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕШАТЕЛЬСТВО
(Параллель между великими людьми и помешанными).
ЖЕНЩИНА ПРЕСТУПНИЦА И ПРОСТИТУТКА.
ЛЮБОВЬ У ПОМЕШАННЫХ**

Перевод с итальянского

Художник обложки М. В. Драко

Подписано в печать 25.10.99. Формат 84×108/32. Бумага газетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 23,81.

Доп. тираж 11 000 экз. Зак. 2615

ООО «Попурри». Лицензия ЛВ № 117 от 17.12.97.

Республика Беларусь, 220033, г. Минск, ул. П. Глебки, 12.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Я. Коласа, 35, к. 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Не подлежит
никакому сомнению,
что между помешанным
во время припадка
и гениальным человеком,
обдумывающим и создающим
свое произведение,
существует полнейшее
сходство.

Ч. Ломброзо

ISBN 985-438-163-3

9 789854 381633 >